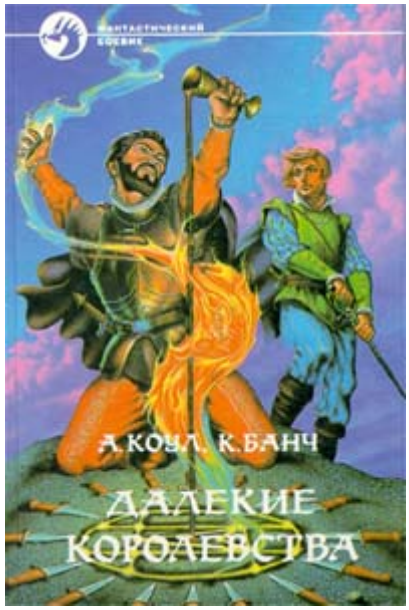
Кристофер Банч Аллан Коул
Далекие королевства

Далекие королевства – 1



Аннотация

Популярные американские писатели А. Коул и К. Банч, авторы эпопеи о приключениях Стэна, воина-разведчика Космической Империи, а также множества фантастических романов и киносценариев. Роман «Далекие Королевства» — красочная фантазия для взрослых, которые не утратили веры в чудеса. В нем есть все, о чем мечтает человек: романтическая любовь, крепкая мужская дружба, поиски страны вечного счастья. В городах Орисса и Ликантия обитают добрые и злые волшебники, а жизнь обыкновенных людей насквозь пропитанамагией. Главные герои, Амальрик и Янош, в поисках Далеких Королевств сталкиваются с опасностями, предательством, враждой соперничающих торговых кланов Антеро и Симеонов. Но достижению целей героев ни трудности, ни расстояния помешать не могут.

Аллан Коул
Кристофер Банч
Далекие Королевства

Джейсону Коулу и Элизабет Раис Банч посвящается

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРВОЕ

Глава первая
КУРТИЗАНКА

«Властелин Огня.
Властелин Воды.

Царица Вдохновения.

Я, Амальрик Эмили Антеро, приступаю к этим строкам во второй сумеречный день месяца Изобилия, в десятый год Эры Ящера. Клянусь памятью потомков писать только правду. Молю Вас, мои Властелины и моя Царица, отнестись с благосклонностью к моему дневнику. Огонь, освети в памяти забытое. Вода, напои плоды раздумий. Муза, отнесись снисходительно к моему нехитрому умению и дай мне слова, достойные этого повествования. Повествования о путешествиях моих к Далеким Королевствам.

И о том, что нашел я там».

Перечитывая эти строки, я представил себе, как бы рассмеялся Янош. А его раскатистый заразительный смех мог и ночью согреть и обратить глупые слова в перлы мудрости. Я слышал этот смех так ясно, словно Янош находился рядом со мной и не разделяли нас сорок с лишним лет. Но в веселье его слышалась насмешка. Не над тем, что я взялся за перо. Он обожал всякие истории и поучительные книги, считая их более священными, чем целая роща священных кедров, и полагая, что на их страницах человек может порой узреть больше, чем в волшебном зеркале иного провидца. И это повествование он только бы приветствовал, пусть местами на его страницах он и выглядел в невыгодном свете. Этого не миновать. Так должно быть. Разве не поклялся я поведать истину?

А ведь Янош был самым ярым ревнителем истины. Даже когда врал… Особенно когда врал.

Насмешка, я уверен, предназначалась традиционному заклинанию повествовательного зачина, которое я вывел в первых строках, обращаясь к Огню, Воде и Музе за помощью в моих трудах.

— Глупая традиция, — сказал бы он. — Более того, еще и бессмысленная трата времени и духа. Например, выводить бородавки можно путем перетягивания их ниточкой и трижды благословенной жабьей кожей, да это и дешевле гораздо, чем с бесами возиться.

Затем он хлопнул бы меня по спине и наполнил наши стаканы до краев.

— Ты, Амальрик, главное, начни эту книгу. А я не подведу.

Что ж, хорошо, коли так…

Началось это с женщины.

Звали ее Мелина. И была она самой красивой куртизанкой во всей Ориссе. Даже сейчас, по прошествии всех этих лет, при одном воспоминании о ней я прихожу в волнение. Любой мужчина терял голову, и надолго, едва увидев ее большие черные глаза или окунувшись, если посчастливится, в благоуханные волны ее длинных темных волос. В божественном теле с золотистой кожей, пурпурных губах, груди с розовыми сосками и шелковых бедрах таилась желанная гавань для любого странника, алчущего совершенства плоти. Короче говоря, я, двадцатилетний, жаждал ее со всей влюбленностью и безрассудством, присущими горячей крови юности. Если бы она удовлетворила мою страсть, я бы и не приступил к этому повествованию. Она же, суля мне лишь надежды, обратила меня, и весьма искусно, в своего раба.

В тот день, когда меня опутали ее сети, я выполнял отцовские поручения, что случалось не часто. Судно, прибывшее с запада, только что выгрузило товары в один из складов отца. В мои же обязанности входило пронаблюдать за расчетами. Это не значит, что я вмешивался в дела доблестных клерков, работающих на нас. Просто я здесь находился как «представитель власти», по выражению отца. И я должен был следить, чтобы взятки, предназначенные чиновникам порта, поборы городских налоговых чиновников, сборщиков десятины в пользу храма Воскрешения находились в разумных пределах. У меня был кошель с золотом и серебром для алчных рук. Но помнил я и наставление: если раздам все содержимое кошелька, то прибыль от рейса этого судна окажется скудной. Тем более что плавание выдалось длительным, со множеством всяких неприятностей, включая и шторм, налетевший и потрепавший корабль прямо в устье реки, на которой стоит наш город. В общем, торговое дело было весьма мудреным, и я поражался, как отец доверил денежные

расчеты мне. А отец просто пытался приободрить меня доверием в дни моей смятенной юности. Он разглядел во мне те качества, которые сам я видеть еще был не в состоянии.

Портовый чиновник был еще новичком, но чрезмерной бдительностью компенсировал отсутствие опыта. По мере того как мы переходили от клети к узлу, от бочки к какому-нибудь кувшину, оценивая стоимость товаров, я видел, как разгорались его глаза в предвкушении взятки размером с годовое жалованье. Аппетит его возрастал, а я лихорадочно искал выход из этой ситуации. Мой взгляд упал на поврежденный тюк ткани. Я застонал, изображая горе, разорвал упаковку и размотал рулон дорогой ткани по грязному полу склада. Я завопил, подзывая капитана и не обращая внимания на испуганное лицо портового чиновника. Должно быть, он подумал, что я сошел с ума. Но испуг его сменился изумлением, когда прибыл капитан и я стал тыкать ему в лицо измызганную ткань, понося ее скверное качество.

— Ты или дурак, которого здорово надули, — бранился я, — или мошенник. — Я утверждал, что ткань прескверная и только тупица не понял бы, что она сгниет за неделю пребывания во влажном климате Ориссы. А если это так, то что стоит остальной товар? Черт побери, капитан, смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю!

Капитан оказался стреляным воробьем и быстро все сообразил. Он преисполнился раскаянием и стал клясться, что ведать ничего не ведает. Я отослал его прочь подумать, каким будет гнев отца, а сам повернулся к обескураженному чиновнику. Он слабо улыбнулся в ответ на мои извинения, но улыбка совсем увяла, когда в качестве взятки я сунул ему одну монету за хранение как бы обесцененного груза. Он и не думал возмущаться, лишь крепко зажал монету в руке, пробормотал, что и этого, дескать, много, и исчез, не дожидаясь, пока я приду в себя.

С городским сборщиком налогов проблем вообще не было. Он и так был щедро ублажен отцом и с радостью удовольствовался какой-то западной безделушкой в подарок для своей жены, слишком юной для него.

Уверовав в открывшиеся во мне коммерческие таланты, я ожидал представителя приходского совета храма Воскрешения. Этот барьер меня страшил. В те дни между отцом и воскресителями существовала неприкрытая вражда. Я раздумывал, как бы провести их, когда объявили о прибытии чародея. И этот маг быстренько развеял мои иллюзии. Превотант был известен как один из самых богатых и алчных воскресителей в Ориссе. Два не самых благих дарования сделали его знаменитостью: способность к колдовству и потрясающее умение обчищать купцов до последнего гроша. Едва увидев меня, он не удержался от злорадного хихиканья. Еще бы, ведь возможности нагреть руки препятствовал лишь какой-то юный несмышленыш. Его смеху эхом вторил писк сидящего у него на плече фаворита.

В те времена уже немногие, в основном лишь старые, воскресители еще пользовались помощью фаворитов для сотворения заклинаний. Частью животные, частью духи, эти похожие на ящериц создания могли изменять свои размеры, становясь то вдвое больше человека, то превращаясь в существа даже меньше того чешуйчатого гада, что сидел сейчас на плече Превотанта. Щебет существа становился все громче, возбужденнее и был уже похож на клокотание кипящего бульона в кастрюле. Большинство фаворитов были нервными и плохо слушались хозяина, этот же был истеричен, как собака, которую частенько колотят. А Превотант, вместо того чтобы успокоить его ласковыми словами и погладить, лишь выругался и резко стукнул беднягу. Фаворит завопил от боли и злости, но угомонился. Хотя, судя по изменению цвета кожи от черного до пульсирующе красного, внутри у него все кипело. Ежеминутно он злобно скалил маленькие острые зубы.

— Наверное, он голоден, — сказал я, рассчитывая подольститься. — Я мог бы принести для него чего-нибудь вкусненького.

Фаворит защебетал, но Превотант так помотал головой, что даже щеки затряслись.

— Не обращай на него внимания. Давай-ка лучше займемся делом. — Он надулся и свирепо посмотрел на меня. — Волшебные силы поведали мне, что на твоем корабле скрыт контрабандный груз.

И я запаниковал. А ведь это была старая, излюбленная портовая уловка, и особенно ее обожали сборщики десятины храма Воскрешения. Мой отец такие обвинения обычно отвергал со смехом. Я тоже был осведомлен об этих хитростях. Отец, просвещая меня, советовал не обращать внимания на такого рода придирки. Но между знанием и умением ох какая большая разница! Мое лицо, этот вечный предатель всех рыжих, запылало.

— Но… но… этого не может быть, — залепетал я. — Мы честные торговцы. Честные!

Превотант скривился и извлек из складок своих запачканных одеяний какие-то записи. Прикрыв их от меня ладонью, он стал изучать нацарапанные пером каракули. Мрачно покачал головой и убрал бумаги обратно. Сунувшийся было в его карман фаворит получил очередную оплеуху.

— Мерзкое животное, — прошипел воскреситель, но тут же переключился на меня: — Тем не менее, — сказал он, — имеющиеся обвинения серьезны. Весьма серьезны. — Он любовно оглядел товары отца. — У меня нет выбора, я обязан… но, правда…

Я в оцепенении ждал его решения. Он нетерпеливо дернул головой и устремил на меня суровый взгляд:

— Но чтобы…

До меня наконец-то дошло.

— Ах… да! — Я схватился за пояс и сильно встряхнул кошель. Услышав звон, хапуга пошире раскрыл глаза, а лицо его осветилось ожиданием очередной мзды. Фаворит оживленно запищал, подчеркивая напряженность происходящей сцены. Колдун в наказание походя ущипнул его. Что же касается меня, то я, едва взявшись за кошелек, тут же почувствовал свою ошибку. Теперь Превотант знал, чем я располагаю, и был уверен, что все это уже практически принадлежит ему. Я находился на распутье — с одной стороны, унижение, с другой — разорение. Я взял себя в руки, и торговля началась.

— Само собой разумеется, — наконец сказал он, — кое-что я обязан был бы предпринять. Как говорится, существует закон. И мне с помощниками, десятком или чуть более моих коллег…

Я вновь тряхнул пояс, злясь, что выбора нет и остается лишь запустить руку в кошель.

— Но вы, — жалобно сказал я, чувствуя, что упустил инициативу, — понимаете…

— Ладно, нет уж такой строгой необходимости соблюдать все формальности, — ответил он. — И вообще, я человек добродушный. — Он не спускал с кошелька глаз, я же не выпускал деньги из рук. — Я мог бы решить все и сам, — сказал он, нетерпеливо предвкушая взятку. — Если уж так нужно… — Он вновь оглядел товар. — Но мои начальники не позволят мне облагать такой товар десятиной менее чем… в три медяка на каждую десятую меру веса.

Я вздохнул.

— Тогда я буду вынужден отправиться к отцу и объявить ему о том, что мы разорены. — Я хлопнул по кошельку. — Десятина, которую вы запрашиваете, съест все это, да еще и мало будет.

Превотант мучительно боролся с собой. У него даже щеки обвисли. Я же никак не мог оторвать взгляд от блестящих глаз фаворита, который, целя язычком в мою сторону, пытался запугать меня. Но я совладал с нервами и не пошел на попятную. Воскреситель не выдержал первым.

— Хорошо, я понимаю, — сказал он. — Придется уступить. Но чтобы никому не в убыток, десятиной будет обложен весь склад. И составит она один медяк на каждую сотую меру веса. — Он поднял руку: — Однако… при условии, что фаворит и я совершим обряд заклинания. А это дело серьезное, требующее большой подготовки…

Я отстегнул кошелек от пояса и протянул ему. Фаворит алчно зашипел, когда хозяин стремительно спрятал кошелек.

— Правда, придется все это делать в неподходящее время, — быстро сказал он. — Совсем неподходящее.

Я послал раба принести все необходимое из паланкина мага, и через несколько минут в

складе был поставлен треножник, на котором болтался медный чан с раскаленными углями. Превотант стал сыпать в чан щепотку за щепоткой какие-то порошки — пахучую колдовскую дрянь. Поднялась отвратительная вонь, хотя и без дыма. Фаворит соскочил на пол, распустил крылья, подпрыгивая и пронзительно вопя в знак протеста против предстоящего действа. Я не сомневался, что он бы и совсем улетел, если бы не был прикован тонкой цепочкой к запястью Превотанта.

Воскреситель разместил треножник в узком проходе между клетями с деревянными безделушками. Он пояснил, что именно в этом месте лучше всего подействуют силы заклинания. Таща за собой фаворита, он заковылял по проходу. Существо упиралось всю дорогу, визжа, как ребенок, и натягивая цепь.

— Прекрати, — зашипел Превотант. — Ты только все портишь.

Он тяжело опустился на колено и мелом начертил на полу круг, заключив его затем в квадрат. Потянув за цепочку, подтащил к себе фаворита. Тот отчаянно вцепился маленькими зубами в пальцы мага, но маг, ухватив за шею, швырнул его в круг. Существо на несколько мгновений застыло, ошеломленное падением. Превотант кивнул:

— Вот так-то. А если еще вздумаешь упираться, то сдеру шкуру на башмаки.

Отдуваясь, воскреситель поднялся и зашагал к треножнику. Он подозвал к себе и меня. Я подошел.

— Необходимо присутствие владельца, — пояснил он. — Иначе заклинание не сработает.

Он извлек еще один узелок из своего мешка.

— Я хочу, чтобы заклинание было надежным и прочным, — сказал он. — Когда клиент доволен, и мне в радость.

По складу бродил различный люд: клерки, грузчики и потенциальные покупатели, прибывшие глянуть на товар пораньше.

— Может быть, освободить помещение? — спросил я.

— Ни к чему. Опасности никакой.

Он бросил в чан пригоршню каких-то коричневых стружек. Упав на угли, они зашипели, словно сырые. Я смотрел внимательно, но и на этот раз дыма не заметил.

Превотант живо приступил к делу.

— О демоны, обитающие во мраке, — нараспев заговорил он. — Берегитесь! Бе-ре-ги-тесь!

Вновь на углях зашипела очередная порция коричневой дряни. Угли потускнели, теряя жар.

— Огонь на стужу. Стужа на огонь. Я посылаю на ваши поиски пламя. Берегитесь, демоны! Бе-ре-ги-тесь!

Он высыпал в чан остатки содержимого узелка. Ярко вспыхнул огонь, и кучка углей в центре съежилась, став серой и холодной. Пресмыкающееся, плененное меловым кругом, издало придушенный вопль. Круг ожил, выбрасывая языки пламени в разные стороны. Огороженный огнем фаворит запрыгал и закружился, что-то лепеча от испуга и боли. Хотя в пределы круга пламя все-таки не проникало, но наверняка внутри было жарковато. Фаворит издал мучительный крик и вдруг начал сжиматься, пока не оказался размером с лягушку, продолжая, однако, кричать еще громче. Когда он вдруг вырос размером с собаку, я отскочил в сторону, а он продолжал раздуваться, вздымаясь над сдерживающим его кругом. Его зубы, ставшие громадными, сверкали и клацали. Но и это чудовище не могло вырваться за пределы круга, а языки пламени вдруг поднялись блистающей стеной, из-за которой раздавались пронзительные вопли. Превотант закричал:

— Убирайтесь!

Наступила тишина. Пламя сделалось прозрачнее, и сквозь него стал виден пленник, застывший с раскрытой пастью. Но вскоре я услыхал какое-то постукивание. И тут прямо с потолка посыпались насекомые. И из стен хлынула волна мелких тварей — крылатых и ползающих. Я принялся яростно отмахиваться от них. Послышался другой звук —

скребущий топот маленьких лап, и пол покрылся ковром мечущихся крыс и ящериц. Испуганные люди вопили от отвращения, старались забраться по клетям и тюкам повыше.

— Ничего страшного, — спокойно сказал воскреситель. — Заклинание, возможно, оказалось несколько сильнее, но зато вы заодно избавились и от разных вредителей. — И не дожидаясь моего ответа, он взмахнул руками и прокричал: — Кончено! — И тут же — ф-фу — пламя исчезло. А вот угли в треножнике, как я заметил, вновь раскалились.

Воскреситель потянул за цепочку, вытаскивая фаворита из мелового круга. Тот уже приобрел свои нормальные размеры, но никак не мог успокоиться после такого с собой обращения.

— Ну вот, хорошо поработали, — сказал маг, безжалостно дергая за цепь. — Теперь мне только необходимо…

Все вздрогнули, потому что вдруг фаворит рыкнул и в мгновение ока вымахал в половину человеческого роста. Он дернул за цепь, и Превотант завопил, когда она, выскальзывая из его ладони, стала впиваться в мягкую плоть запястья.

— Это еще что такое?! — закричал он. — Прекрати сейчас же!

Воскреситель двинулся вперед, угрожающе поднимая кулак. Фаворит вновь зарычал и лязгнул зубами. По мере приближения Превотанта существо горбилось, при этом не уменьшаясь в размерах, а шкура его расцвечивалась яркими пятнами. Воскреситель яростно пнул его, зверь взвизгнул и сиганул через хозяина. Цепь оборвалась. Воскреситель развернулся, выругался и заорал, чтобы тот вернулся. Но фаворит, выгнув спину, помчался кругами по складу, как пес, которому под хвост сыпанули перцу. Какая-то богато разодетая дама, взвизгнув, отпрыгнула назад, врезавшись в своего слугу. Фаворит, среагировав на ее вопль, резко сменил курс и пулей промчался мимо нее, разогнав слуг и оставив на руке дамы кровоточащий укус.

Злость Превотанта сменилась паникой.

— Вернись же к папочке! — завопил он жалобным дискантом. — У папочки есть что-то вкусненькое… Ну прошу тебя, вернись!

Но фаворит, совсем взбесившись, вгрызался зубами в узлы с товарами, разрывал когтями упаковки. Мои люди попытались загнать его в угол, но он, увеличившись в размерах и бросившись в атаку, обратил их в бегство. И вновь принялся громить. Должно быть, разразившаяся суматоха обострила мои умственные способности, поскольку я тут же сообразил, что, во-первых, ущерб еще минимален, а во-вторых, тут-то и кроется моя счастливая возможность избавиться от воскресителя.

— Ага! — закричал Превотант, когда фаворит повернулся и рванул к нам. — Наконец-то ты послушался голоса разума.

Но зверь взвизгнул и ловким маневром проскочил между нами. Я понял, что надо делать, и как бы случайно опрокинул треножник. Раскаленные угли покатились к клетям с деревянными безделушками. И на этот раз перепугался воскреситель. Он бросился вперед и начал топтать маленькие огоньки.

— Помогите мне, — заорал он, — иначе все пропадет!

Должно быть, ему привиделось, как склад, а затем и вся пристань охватываются пожаром. Я спокойно подошел, вежливо отстранил его и затоптал пламя.

Я оставил его, бормочущего невнятные извинения, а сам обошел склад, разыскал рыбацкую сеть, несколько длинных палок и собрал рабов поздоровее. Вскоре мы изловили усталого и перепуганного фаворита, запеленали в сеть и отнесли хозяину. Превотант смотрел на меня с благодарностью. Не обращая внимания на его взгляд, я холодно осмотрел весь этот разгром.

— Позвольте, я все приведу в порядок, — сказал он.

Я протянул руку.

— Прежде всего верните-ка все деньги моего отца за причиненный ущерб, — потребовал я.

Он оцепенел.

— Так много? — прошептал он. Но почти тут же вернул кошелек.

— И это только начало, — продолжил я. — Как только я подсчитаю все убытки… — Я покачал головой. — Сомневаюсь, чтобы у вас хватило средств возместить их. И потому посоветую отцу обратиться с иском в суд или прямо в ваш приходский совет.

Вообще-то я собирался лишь припугнуть его. Вряд ли из этой ситуации можно было выжать больше. Я представлял себе, какую сумму насчитают честные бухгалтеры моего отца. И даже такую сумму придется выпрашивать у жадных воскресителей годами. И я уже собирался затеять собственную игру со всевозможными «но» и «с другой стороны», когда он поднял палец, умоляя ничего не говорить. Он огляделся по сторонам, не видит ли нас кто.

— Возможно, мне удастся кое-чем успокоить юного господина, — сказал он, просто лучась обаянием. Сунув руку в карман халата, он что-то извлек. Бросив на меня косой взгляд, сказал: — Вот увидите, это нечто особенное.

Он протянул мне какую-то карточку. Белую с темно-красными полями. В центре красовалась печать гильдии гетер; вульгарный обнаженный образ Буталы — богини плодородия, с преувеличенно огромными грудями и тазом. Ниже, в орнаменте из золотых лепестков, шла надпись: «Вечером Мелина танцует для ближайших друзей и благотворителей».

Как и любой мужчина в Ориссе, я слышал о ней. Мелина принадлежала к первому десятку красивейших дам, торгующих наслаждениями по высшему разряду. Хорошие гетеры владели изысканными приемами обольстительных речей и танцев и всеми тонкостями цивилизованного обхождения. Их благосклонности, наслаждения общения с ними, обладания их телом искали первые люди страны, богачи, красавцы и герои. И в сладострастном финале этим богиням чувственности в их искусстве не было равных. Чтобы добиться любви Мелины, мужчинам приходилось идти на многое. Особенно молодым, которым нечего было предложить ей, кроме своей юности.

Я застыл в изумлении.

— К вам-то это как попало?

И помыслить было невозможно, чтобы человек, подобный Превотанту, хоть он и воскреситель, мог быть допущен в столь благородное общество.

Превотант в ответ на это оскорбительное удивление метнул в меня еще один косой взгляд:

— А тебе-то что за дело?

Я вновь посмотрел на карточку. На ней Бутала уже была не одна. Теперь она правила искусно разыгранной оргией. По мере того как я вглядывался, обнаженные фигуры начинали двигаться, совокупляясь такими способами, которых я, и представить не мог.

— Я собирался продать карточку, — шепнул мне на ухо воскреситель. — И не сомневайся, цену бы дали фантастическую.

Я еще раз, с возросшим возбуждением, глянул на карточку. И тут буквы стали увеличиваться до тех пор, пока я уже ничего не видел, кроме них.

— Мелина будет принадлежать одному тебе, — донесся хриплый шепот воскресителя.

— Что ж, наверное, это интересно. — Я сунул карточку в карман куртки небрежным жестом.

— Так, значит, договорились? — спросил Превотант.

Я молчал и тут же вдруг ощутил, как карточка жжет мне грудь. Я уже попал под колдовские чары Мелины. Я должен своими глазами увидеть эту женщину. И я кивнул. Превотант счел этот кивок за знак согласия, пожал мне руку и, что-то бормоча, покинул склад вместе со своим маленьким приятелем, сидящим у него на плече. Но мне запомнился его косой взгляд, и я чувствовал, что сглупил, приняв эту карточку.

И вот, вместо того чтобы с деньгами и триумфом направиться прямиком домой, я оказался в таверне, где допоздна пил и развлекался с друзьями. Юность, подогретая бренди, отбросила первоначальные колебания. Неужели я позволю какому-то ничтожеству вроде Превотанта диктовать мне, что делать? Кроме того, ведь он же воскреситель, не так ли? А

разве не воскресители отравляют жизнь семейству Антеро? Что ж, коли я возьмусь за дело, так сумею обвести их вокруг пальца во имя чести моей семьи. Кто-нибудь сомневается?

Я оставил моих товарищей и вышел в ночь в поисках свободного паланкина. Нанятые рабы понесли меня по узким улицам. Когда они наконец доставили меня на место, луна уже была высоко в небе. Здание, возле которого я оказался, ничем особым не выделялось, разве что убогостью. Да и вся эта улица с многоквартирными домами, лавками и тавернами была обиталищем свободных граждан самых низких классов. В кучах мусора рылись ящерицы и свиньи. Я вошел в дом, готовый к самому худшему. Внутри стояла душная темнота. Я достал из кармана огненные четки и прошептал заклинание — они тускло засветились. В этом скудном освещении местечко показалось мне еще более отталкивающим. Тут и там прятались какие-то фигуры, у меня под ногами мелькали чьи-то маленькие тени. Но я продолжал идти, подниматься по шатким лестницам, осторожно перешагивая через сломанные ступени и храпящие тела.

Мерзость этого места начала отрезвлять меня. Я вытащил шпагу из ножен. В таких домах обитают лишь воры да самые дешевые шлюхи. Я подивился: куда делся мой здравый смысл? И тут послышались отдаленные звуки музыки и смех. На верхнюю площадку выходила огромная дверь. Из-за нее повеяло благоуханием цветов, и я забыл о вони нищеты этого здания и несчастном прозябании его обитателей. Я потянул за цепочку звонка. Забренчали колокольчики. Послышались шаги, дверь широко распахнулась, скрипнув петлями. На лестничную площадку хлынул поток света, и мне пришлось прикрыть глаза рукой.

— Чем могу быть полезен благородному господину? — донесся до меня густой низкий голос. Мой модный наряд сам говорил о моем богатстве и положении в обществе.

— У меня приглашение, — сказал я. — Сюда… в этот дом.

Я торопливо выхватил из куртки карточку.

Глаза привыкли к свету. И тут же сердце мое чуть не выскочило из груди от испуга. Перед моим лицом подрагивал огромный черный паук. У него было отвратительно раздувшееся тело с дергающимися лапками и огромными красными глазами, в упор смотрящими на меня. Паук сказал:

— Добро пожаловать, благородный господин.

Меня было охватила паника, но тут я разобрал, что это всего лишь искусно сделанная татуировка на груди открывшего мне высокого, худого мужчины с длинным узким лицом и бледной кожей, редко видевшей солнце. Поверх дорогих парчовых шаровар он носил красный пояс — знак сводника, управляющего делами гильдии гетер.

— Час поздний, — сказал мужчина. — Но вам повезло. Мелина еще будет танцевать. — Он поднял руку: — Прошу сюда.

Я вошел в просторное, хорошо освещенное фойе, покрытое пушистыми разноцветными коврами из западных земель. Музыка и смех слышались громче. Мужчина посмотрел на меня через плечо.

— Меня зовут Лиго, молодой господин. Если вам понадобится моя помощь, кликните раба и назовите мое имя.

Я наконец обрел дар речи.

— Ты очень любезен, Лиго, — сказал я. — Пусть Бутала всегда улыбается тебе.

Лиго кивнул, распахивая две большие дверные створки.

— Поприветствуем нашего нового гостя! — провозгласил он.

В ответ послышались женский визг и смех. Меня окружила дюжина совершенно обнаженных женщин, таких красивых, что ничего подобного я раньше не видел, хотя и не был неопытным юнцом. Со многими нашими молодыми служанками я уже поиграл в игру «животик-о-животик» и вдоволь набарахтался в сене с кузинами на фермах моего отца. А в последние годы мои забавы с девками из таверн и дешевыми гетерами даже заставили отца встревожиться, как бы я раньше времени не истощил свои силы. Но еще ни разу не доводилось мне видеть столь роскошной плоти. И при этом каждая из женщин казалась

желаннее другой. У одной, высокой, с короткой стрижкой, были такие длинные ноги и руки, что она могла бы обхватить самого полного мужчину. Другая, с вьющимися светлыми волосами, была гибка настолько, что ее можно было представить в любой позе. Одни были пухленькими, другие стройными. Все они хихикали и прижимались ко мне, увлекая плотным горячим кольцом дальше в зал.

Кто-то спросил у меня имя.

— Амальрик, — выдавил я из себя, — из семейства Антеро.

Я слышал, как мое имя передавали всем присутствующим в зале. Вскоре я уже лежал среди пышных, благоухающих подушек, с бокалом густого напитка в руке, а какая-то обнаженная женщина потчевала меня сладостями с серебряного подноса. Боясь, что в любой момент кто-нибудь вдруг воскликнет, что все это шутка, и меня погонят из этого рая, я огляделся вокруг.

Но никто из гостей не обращал на меня ни малейшего внимания. В помещении находилось еще десятка два мужчин. Богатых, важных, в основном пожилых. Все они смеялись и беседовали друг с другом. Как и я, они лежали на пышных парчовых подушках, и их обслуживали обнаженные служанки Мелины. Большой зал со сводчатым потолком был хорошо освещен. Звучала мягкая музыка. У арочного выхода в переднюю, прикрытою шелковыми занавесями, стояла большая золотая статуя Буталы. Но здесь ее формы были изящнее и привлекательнее, чем на живой картинке. Пол был покрыт западными коврами. Мне еще не приходилось видеть такой искусной ткацкой работы. Между орнаментами я разглядел на коврах картины с эротическими сценками. На стенах висели гобелены и картины, изображавшие настоящие оргии, происходящие где угодно: от лесистых долин до небесных кущ. На медной жаровне курился фимиам. Его густой красный дым использовался богатыми гетерами для возбуждения воображения мужчин. Что касается меня, то я в этом не нуждался. Мое воображение и так раскалилось добела. Женщина, которая за мной ухаживала, поднесла к моим губам дольку медового персика. Я послушно открыл рот.

И тут я увидел Мелину. И захлопнул рот. Я слышал о ее красоте, обаянии, уме и талантах. Но все слова бессильны описать то, что я увидел впервые. Она лежала на низкой позолоченной кушетке в дальнем конце зала. Кушетка была поднята на постамент. В отличие от своих рабынь хозяйка была полностью одета, что еще больше возбуждало чувства. На ней были полупрозрачные розовые шаровары, того же оттенка блузка и куртка в обтяжку. Пуговицы были сделаны из редких драгоценных камней. На босых маленьких ножках с браслетами ногти были покрыты красным лаком. Как и на длинных пальцах изящных рук. И на каждом пальце сверкало золотое кольцо. На запястьях позвякивали дорогие браслеты. Длинные черные волосы волнами ниспадали до пояса. Она поигрывала локонами, слушая маленького пухлого мужчину, сидящего на полу рядом с кушеткой. Тому было лет сорок, и, судя по одежде, он был богатым купцом. Еще с полдюжины мужчин удостоились чести сидеть недалеко от Мелины.

Все мужчины в этом зале сразу стали мне ненавистны. Я видел, как они каждый по-своему старались привлечь к себе внимание хозяйки в этой общей беседе. Смех их звучал фальшиво, болтовня отдавала бравадой. И взгляды их, алчущие, жадные, метались по ее телу. Обнаженная плоть привлекательных рабынь ничего для этих мужчин не значила. Впрочем, и для меня тоже. Я не мог оторвать глаз от золотистой кожи ног, просвечивающих сквозь прозрачную материю одеяния Мелины, от просматривающихся розовых сосков и от рыжеватого, крашенного хной кустика волос внизу живота. Обнаженность остальных женщин лишь усиливала желание хотя бы мельком увидеть нагой Мелину.

И тут сердце мое замерло. Я забыл обо всем, на свете. Медина лениво подняла веки и взглянула прямо в мои глаза. Меня словно обухом хватили. Я еще никогда так не волновался. Ее глаза поначалу оглядели меня со скукой, но затем — клянусь! — в них мелькнул интерес. Полные красноватые губы раздвинулись. По ним пробежал розовый язычок. Она осмотрела меня снизу доверху. Подошел Лиго, чтобы наполнить ее бокал, и тут я увидел, что она шепчет ему что-то. И указывает на меня!

От такого счастья мое сердце чуть не разорвалось. Но меня охватила и тревога. Не превратился ли я в урода? Не обезобразили ли мои черты заклятья какой-нибудь колдуньи на той грязной лестнице? Или мне на волосы нагадила летучая мышь? Я машинально коснулся головы и понял, что привлекло ее интерес. Мои волосы. В те дни я был молод и мои рыжие волосы пылали, как пламя факела какого-нибудь воскресителя. В Ориссе же редко можно было встретить рыжего мужчину или женщину. До этого момента моя шевелюра была лишь предметом для шуток моих приятелей, как и бледная, легко краснеющая от гнева или стыда кожа. Лиго тоже что-то прошептал. Вероятно, сообщил мое имя. Она засмеялась. Я почувствовал, как моя физиономия приобрела цвет свеклы. Я помертвел, не сомневаясь, что и на этот раз стал объектом острот.

Чтобы скрыть смущение, я обратился к рабыне и высказал восхищение вкусом персиков. Хотя во рту у меня было так сухо, что я с трудом жевал, а уж проглотить ничего и вовсе бы не смог. Внезапно музыка смолкла, как и болтовня мужчин. Я услыхал мелодичный перезвон струн, обернулся и увидел, что Мелина уже сидит. На коленях она держала лютню. Ее изящные пальцы касались струн, извлекая божественные звуки. Но еще более прекрасным оказался ее голос.

Мелина пела старинную балладу. В ней говорилось о юной девушке, проданной в куртизанки разорившимся семейством. Девушка влюбилась в одного красивого капитана, уходящего на войну. Он пообещал ее сделать своей женой, когда вернется. Но погиб в морском сражении. Юная гетера превратилась в красавицу, чье искусство было широко признано всеми. И множество мужчин обивали порог ее дома с богатыми дарами и соблазнительными обещаниями. Она отдавалась им, таков был ее долг, и принимала дары. Но никого не любила. Только красавцу капитану удалось тронуть ее сердце, а больше в него она никого не допускала.

Когда песня стихла, я едва был в состоянии сообразить, что остальные аплодируют. Я почувствовал, как по щекам моим катятся слезы. Так переживал я за Мелину и за перенесенные ею страдания, потому что сразу же вообразил Мелину героиней этой баллады. И я сгорал от желания успокоить ее, заняв место капитана. Впрочем, как и любой мужчина в этом зале.

Ее обаятельная улыбка, казалось, предназначалась каждому из нас. Она склонилась вперед, словно собираясь заговорить, и в зале наступила тишина. Вместо этого она подняла руку и грациозно указала на Буталу. Из-за занавесок, скрывавших переднюю, вышла старуха в роскошном красном халате, обвязанном золотым кушаком с кистями. Она была жрицей гильдии гетер.

— Приветствую вас всех, — сказала она странно юным голосом. — Вознесем молитву Бутале.

— Вознесем молитву Бутале, — хором отозвались мы и повторили вслед за жрицей: — Да будут наши чресла выносливы, а лона наших женщин благодатны и глубоки.

Я глянул через плечо и с разочарованием увидел, что Мелина исчезла. До меня донеслись слова жрицы:

— Вам, господа, должно быть, приятно будет узнать: я раскинула кости, и выпало предзнаменование — этот вечер будет особым. Буталу умилостивило благородство собравшихся. И она дала мне знать, что позволяет Мелине исполнить священный танец, видеть который доводилось лишь избранным.

— Вознесем молитву Бутале, — подхватили мы хором. И голоса всех мужчин, включая и мой, слились в общий гул.

Старуха хлопнула в ладоши. Статуя Буталы зашевелилась, грациозно изогнув торс, широко раскинув руки и откинув голову назад. Густая, меняющая цвет жидкость брызнула из сосцов статуи. Две рабыни выступили вперед, покачивая блестящими, словно отполированными бедрами. Под струи они подставили большую золотую чашу. Она наполнилась в несколько секунд, и поток иссяк. Рабыни двинулись между гостями, предлагая отпить каждому мужчине. Когда настала моя очередь, я послушно склонился и

ощутил сильный и приятный мускусный запах. Я отпил. Сладкая жидкость, легко пройдя внутрь, теплом разлилась в желудке. Тепло распространилось дальше, кровь заиграла, мои чувства обострились, и прояснилась голова.

Жрица еще раз хлопнула в ладоши, и из курильницы фимиама поднялось густое облако красного дыма. Распространился запах роз и фиалок, по телу пробежали приятные мурашки. Раздвинулись колышущиеся шелковые занавески. В темноте за ними не было никого, только лежали струнные инструменты да свирели, оставленные исчезнувшими музыкантами.

Жрица опять хлопнула.

— О прекрасная Бутала, — нараспев заговорила она, — одари нас музыкой столь же сладостной, как и чрево твое.

Она указала пальцем на инструменты и скомандовала:

— Играйте.

На наших изумленных глазах инструменты сами поднялись с пола. В воздухе повисли свирели, арфы и цимбалы. По бокам от них возникли два маленьких позолоченных барабана. Невидимые пальцы тронули струны. Два молоточка извлекли божественные звуки из цимбал. Нежно запели флейты. Барабаны выбивали сдержанный ритм.

Из полумрака призрачно, словно спускаясь с горных обителей богов, появилась Мелина. По обе стороны от нее, несомые невидимыми руками, горели факелы. Ее обнаженное тело отливало чистейшим золотом. Но это видение пугающе совершенного тела было столь мимолетным, что можно было принять его за игру воображения, разгоряченного напитком. Внезапно Мелина с ног до головы покрылась переливающимися разноцветными пятнами различной формы. Она застыла так на какое-то мгновение. Но все успели разглядеть в этих пятнах фигуры совокупляющихся мужчин и женщин, обнимающих друг друга лесбиянок, мальчиков — самые удивительные переплетения тел. Мелина совершила плавный пируэт, и на теле ее ожили новые эротические сцены.

Музыка продолжалась, и Мелина начала танец. Сначала медленно покачивая и вращая бедрами, поднимая и опуская руки, грациозно переступая длинными ногами. Темп танца, музыки и игры сцен на ее теле нарастал. Она встряхивала грудями и вращала бедрами, а я уже чуть не сходил с ума от вожделения. Я чувствовал, что и остальные мужчины входят в раж. От нашего желания, казалось, загустел воздух в зале. И когда мы уже не могли более выносить это, Мелина остановилась. Она застыла в такой позе, что скульптор бы зарыдал от восторга. Картинки с ее кожи исчезли, и мы наблюдали красавицу во всем блеске. Я со страстью умирающего от голода смотрел на ее губы, груди и треугольничек волос, окрашенных хной. И тут же ее скрыл мрак. Мы, с пересохшими ртами, глазами, вылезающими из орбит и… каменно затвердевшими членами, переглянулись.

— Итак, благородные господа, — раздался дивный голос, — доставила ли я вам удовольствие?

Наши головы кивнули в едином порыве. Мелина вновь возлежала на кушетке, одетая, как и прежде, в шаровары и куртку. Только разметавшиеся волосы и возбужденное лицо указывали на то, что она несколько секунд назад исполняла этот невероятный танец.

— Вознесем мольбу Бутале! — разом вскричали мы. Грянули оглушительные аплодисменты. Мужчины принялись наперебой возносить ее искусство. К ее ногам со звоном полетели монеты и драгоценности. Среди мужчин засновал Лиго, похлопывая их по спинам, призывая не скупиться, улыбка не сходила с его лица. Я не мог удержаться. Вскочив на ноги, я сорвал с пояса единственное, что мог преподнести ей в дар, — кошель с золотом моего отца. Расталкивая толпу с ощущением, что я стал в два раза сильнее, я пробился к ее пьедесталу. Она подняла на меня взор, и я застыл перед ней. Я вдруг понял, что она рада меня видеть. Ее чувственные губы раздвинулись в улыбке. Я бросил кошель поверх груды других даров. Он упал с тяжелым звоном.

— А это мой красавец юноша с пылающими волосами, — сказала она. Сказано было тепло и приветливо. Но исходящий от нее аромат лишил меня слов. Я только и смог, что кивнуть.

— Амальрик Антеро, не так ли?

И не было для меня музыки прекраснее, чем имя мое, произнесенное ее устами. Я склонился:

— К вашим услугам, моя госпожа.

От такого официального обращения она рассмеялась, показав белые безупречные зубы. Но вовсе не потому, что ей это показалось неприятным. Тем не менее я вспыхнул.

— О, прошу тебя, зови меня Мелина. Так обращаются ко мне все друзья. Мои самые близкие друзья. — Она тронула меня за руку пальцами, и я затрепетал от этого прикосновения. — И я, как мне подсказывает Бутала, предвижу, что нам суждено быть близкими друзьями.

Я даже сам не понял, что пробормотал в ответ. Она же рассмеялась так, словно я был самым остроумным мужчиной в Ориссе.

— Скажи мне, — спросила она, — твои волосы настоящие? Или это та самая косметика, которая сейчас в Ориссе так модна среди молодежи?

— Самые настоящие, уверяю тебя, моя, гм… Мелина. Клянусь честью.

— Ну, ну, не клянись пока, — поддразнила она. — В конце концов есть интересные способы проверить, насколько ты правдив, юный Амальрик. Заодно можно было бы проверить и верно ли то, что говорят знающие женщины о рыжих мужчинах, и их пылкости.

Если до этого я едва отыскивал необходимые слова, то теперь мой язык готов был сорваться с привязи. Я хотел воззвать криком к богам, чтобы они позволили мне ей это доказать. Сейчас же! Уж я бы показал ей настоящий пыл. Не то бессильное и грубое трепыхание, на которое лишь и были способны эти свиньи. Но не успел я раскрыть рта, как вперед протиснулся Лиго. Вместе с ним был мужчина средних лет с характерной запоминающейся внешностью. В нем я узнал одного из богатейших конкурентов моего отца.

— Если ты не возражаешь, Мелина, — сказал Лиго, — я бы хотел представить тебе одного из самых горячих твоих поклонников.

Мужчина шагнул вперед, глаза его горели желанием. Я не стал слушать их разговор, а бросился прочь. Я понял, что именно этот мужчина выбран Мелиною на ночь. Видимо, его подношение оказалось самым большим. И если бы я не заставил себя сбежать сразу, то думаю, убил бы его на месте.

Меня остановил голос Мелины:

— Минутку, Амальрик.

Я обернулся, боясь поднять взгляд, я знал, что глаза выдадут мои чувства. Но все же не удержался. Я должен был увидеть ее еще раз. И только теперь я разглядел, какого цвета ее глаза. Они были зелены, как драгоценные камни, что добывают в страшных северных лесах.

— Что, Мелина? — прохрипел я.

— Ты бы хотел еще разок прийти сюда, не так ли? Ну так обещай, что придешь.

Я, не сдерживаясь, откровенно выпалил:

— Я бы принес в подарок тебе мою жизнь, чтобы только заслужить от тебя приглашение.

Она не ответила. Если бы она приказала мне, я бы тут же, не колеблясь, перерезал себе горло. Вместо ответа она поцеловала один из своих совершенных пальчиков и приложила его к моей руке.

— Я буду ждать, Амальрик, — прошептала она. — Мой рыжеволосый красавец.

Не помню, как я добрался до дома. Видимо, по воздуху, так окрылили меня ее слова.

После той ночи я стал приходить к Мелине при первой возможности. А это значило, что я должен был любыми способами добывать деньги для подношений. Лиго совершенно ясно дал мне понять, что с пустыми руками приходить не стоит. И в этом я винил только его, но никак не мою прекрасную Мелину. Я был уверен, что и сам по себе, без этого проклятого золота, интересен ей. Что этот Лиго мог понимать в тех чувствах, что бушевали у каждого из приходивших мужчин в груди? Ведь он был всего-навсего сводником, заинтересованным лишь в доходах гильдии гетер. И уж лично он наверняка был особенно заинтересован в этом

прибыльном деле.

Я мучился и наслаждался от стремительных перемен в настроении Мелины. То мне казалось, что сейчас ее интересую только я. А в следующий момент я был лишь пылью у ее ног. Но я упивался даже унижением, в которое она меня погружала, презрением, с которым она относилась к богатым дарам, холодными взглядами, нарочитым обращением внимания на других мужчин. С этими другими я возлагал свои дары к ее ногам. И терпел презрение. Терпел насмешки. Терпел все более развязную манеру обращения с собою со стороны Лиго.

Я потратил все, что у меня было. Я распродал все свое имущество. Выпрашивая деньги, я лгал и лгал отцу. Когда же наконец он стал мне отказывать, я столько назанимал у друзей без надежды отдать, что они разом отвернулись от меня. Но как только я погружался в отчаяние, Мелина относилась ко мне теплее и ласкала меня, пока вновь не разгорался огонь желания. Она громко расхваливала меня с перед другими мужчинами или вдруг, ссылаясь на усталость и боли от своей работы (я и представить страшился, откуда эти боли), просила помассировать ее. И тогда я становился просто рабом, банным мальчиком. Она стонала под моими руками, словно проникаясь страстью. Слегка поворачиваясь, она позволяла моим, рукам оказываться в самых потаенных ее местах. А затем отсылала меня прочь с горящими от желания глазами, поэтому я всегда возвращался с богатыми дарами, еще сильнее жаждущий ее. Уж на этот-то раз, думал я вновь и вновь, она наконец-то окажется в моих объятиях и, как в той песне о храбром капитане, попросит унести ее далеко-далеко. Но этот момент все не наступал. Уже уверенный, что она вот-вот сдастся, я вдруг при следующей встрече натыкался на сердце черствое, как у торговца рабами.

Так проходили друг за другом месяцы унижения. В этой лихорадке любви я побледнел и похудел. Когда я ложился спать, сон был столь беспокойным, что не приносил никакого отдыха. Именно тогда начало навещать меня странное сновидение. И чем дольше я служил своей навязчивой идее, тем чаще повторялся этот кошмар. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, вызывая к жизни воспоминание о сновидении, меня охватывает дрожь.

Но я поклялся рассказывать все как было. Рассказывать, несмотря на вновь ожившую муку…

Я не был закован, но поднялся, когда он подозвал меня кивком головы, словно на мне были кандалы, а он держал в руках конец цепочки. Я неуклюже перебрался через деревянные сиденья в лодке и затем выпрыгнул на покрытый слизью причал, высеченный в скале. Ноги мои дрожали, а рассудок пронзительно вопил: придумай же что-нибудь! Только не поднимайся по этим ступеням. Ты не должен.

Вода вокруг лодки была густой, темной, тягучей. Мне казалось, что я даже слышу, как шипит эта вода под днищем, когда лодочник вел судно по темному руслу. Другой звук — леденящий душу вой — доносился сверху, от руин разрушенного города над рекой. Это выли не волки и не шакалы. Далеко, где-то в городе, в крытом амфитеатре, терпеливым кольцом сидели эти создания. Там, в этой безлунной ночи, завывали страшные существа, отчасти похожие на собак. А может быть, это были люди, заколдованные по своей или чужой воле.

Лодочник взял один из факелов, торчащих по обе стороны арки лестничного прохода, и опять поманил меня кивком головы. В отблесках огня я отчетливо разглядел его руку с надувшимися мускулами: руку изогнутую, как кряжистое темное дерево, пробивающееся к солнечному свету среди камней пустыни. Но в этом мире, где жил лодочник, солнечного света не было. Я знал, что тело его искорежено дыбой и раскаленными прутьями. Он обернулся и кивнул, удовлетворенный, что я иду за ним по этим истертым каменным ступеням, по которым, спотыкаясь, поднимались многие, громко стеная от боли. Но обратно никто не спускался. Никто, кроме владык. А также этого человека и его товарищей. Я знал это. Не знаю откуда, но знал. На нем были только черные короткие штаны до колен. На спине проступали отметины от ударов, старых и свежих. Я знал, что он гордится этими рубцами. Раны мучительно пульсировали и на моей спине. Я ощущал боль, стыд, муку, и в то же время гордость твердила мне: не рыдай.

Меня тоже подвергали пыткам. Где-то там, наверху, кто-то ждал. Загремел гигантский барабан, и его звуки заглушили вой в руинах полночного города.

Ступени кончились.

Мы вошли в громадный зал, его каменные своды уходили в темноту. Здесь никого не было, только я и этот человек. Он вновь кивком головы позвал меня. Я услышал треск рвущейся человеческой кожи, когда приблизился к нему. Но может быть, это звучало только у меня в мозгу. Лицо его было изрезано тысячью пороков, следами мазохистских наслаждений. Нос был сломан, но еще до того, как сросся, был сломан вновь. Губы вырезаны, уши отсечены. Лицо рассекала улыбка, обнажающая кривые черные зубы. Один глаз возбужденно блестел. Вместо другого зияла пустая глазница. Но в этой глазнице что-то шевелилось. Крошечный красный огонек. Огонек, которому довелось повидать больше, чем уцелевшему глазу, всматривающемуся в меня.

— Да, Амальрик. Вот моя жертва, мой враг, мой друг, моя награда, давно обещанная цель моих стремлений, — зазвучал его голос. — Мы почти пришли. Это то, что ты хотел. Вот то, к чему ты стремился. То, что не пожелал бы и врагу. Пойдем… Пойдем… Он так давно ждет.

Мой провожатый засмеялся, и смеху этому вторил оглушительный рев откуда-то из темноты. Так реветь мог только тот, кто получал наслаждение лишь от боли. Звук рос, ему вторил этот жуткий вой из проклятого города, превращаясь в кошмарную какофонию. Я улыбнулся и шагнул вперед, раскинув руки, словно обнимая ожидающую меня и влекущую тьму.

Я просыпался, дрожа и задыхаясь, еще более измученный, чем перед сном. Поначалу я страшился, что этот сон является дурным предзнаменованием или проклятием в отместку за мое необоримое стремление к Мелине. Но если бы я признал это, тогда бы пришлось и восстать против себя, считая глупым безрассудством собственное поведение. И поэтому каждый раз, когда сон проходил, я отмахивался от него, вновь и вновь раздумывая, где же взять денег на подарки Мелине.

Наконец настал день расплаты. Отвергнутый друзьями, осмеянный врагами, рискуя быть лишенным отцом наследства, я сидел в своей комнате, осматривая убогую, еще не проданную мебель. Вечером, мне предстояло пойти к Мелине. Один из ее рабов принес мне на дом приглашение. На обороте карточки она собственной, любимой мною рукой написала: «Приходи пораньше, любовь моя. И мы проведем несколько драгоценных мгновений наедине». В груди моей и чреслах разгорелся огонь надежды и тут же погас. Мне нечего было продать, чтобы преподнести достойный ее дар. Я решился броситься в реку и отдаться на волю демонам течения.

А что, если забраться в сокровищницу и выкрасть золото? И тут я ужаснулся самой этой мысли. Обокрасть отца? Какой дьявол соблазняет тебя, Амальрик? Как ты допустил, что страсть зашла так далеко? Остановись. Одумайся. И кроме того, вдруг она опять отвергнет меня, и это после того, как я обворую человека, который даровал мне жизнь, который был так щедр и, несмотря ни на что, относился с пониманием к такому непутевому сыну? Этого я бы не перенес.

Но она должна стать моей, размышлял я. Я должен заставить ее стать моей. Да… но как? И у меня зародился дьявольский план. Мне становилось мерзко даже от одной мысли о нем, я отбрасывал этот замысел прочь и, бросившись на кровать, с головой прятался под одеяло от дневного света, льющегося в комнату.

На улице вскрикнула птица. Я мог бы поклясться, она звала: «Мелина… Мелина… Мелина». Ужасный замысел зашевелился вновь в моем мозгу. Если бы у меня было достаточно денег, я бы нашел те известные в Ориссе темные местечки, где, не задавая лишних вопросов и не требуя разрешения от воскресителя, вам могли продать любовное заклинание. С его помощью я бы заполучил ее душу.

Я понимал, что этот путь не только очень греховен, но он еще и незаконен. Я прекрасно знал, что строжайше запрещено давать любовный напиток гетерам. Все положение гильдии

гетер могло рухнуть, а священная Бутала превратилась бы в предмет для насмешек. Наказания, предписанные Советом воскресителей, начинались с лишения гражданства, а могли быть и гораздо серьезнее. И ты становишься позором своей семьи, подумал я. А ведь твоя семья и до этого подвергалась жестоким гонениям со стороны воскресителей. И представь себе то ужасное разочарование, которое постигнет твоего отца.

Я пытался удержаться изо всех сил. Но видел перед собой лишь так долго отвергавшие меня губы, груди и бедра Мелины. Эти образы усиливались и тем обетом, который я дал после нашей первой с ней встречи. И с тех пор у меня не было ни одной женщины.

Похоть одолела. Рискуя жизнью и честью семьи, я ринулся осуществлять свой план.

Глава вторая
ЯНОШ СЕРЫЙ ПЛАЩ

В сумерках я уже расхаживал туда-сюда у дверей Мелины. В моем кармане лежала бутылочка волшебного любовного напитка. Все мои помыслы были устремлены к гарантированному эффекту магии. Теперь оставалось только дождаться темноты… и мужества. Серпик луны уже повис над зданием, когда оттуда вышел Лиго и, насвистывая веселую мелодию, отправился вниз по улице. Я знал, что в своей любимой таверне он застрянет на несколько часов. Мгновение спустя я взлетел по лестнице, позвонил в дверной колокольчик, а слуга провел меня в спальню Мелины.

— Это я, твой рыжеволосый раб, о моя прекрасная Мелина, — выговорил я отчетливо, несмотря на яростно колотившееся от волнения сердце.

— О мой любимый, любимый Амальрик, — сказала она, окидывая меня таким влекущим взглядом, что я подумал, не свалял ли я дурака, прибегая к помощи любовного напитка. — Я так устала, — сказала она, раскидываясь на постели столь обширной, что на ней могла бы разбить бивак целая когорта. — Мне так надоели эти пузатые старики с тощими ногами.

Я плюхнулся на ложе. На Мелине был лишь небрежно наброшенный халат. Она только что приняла ванну. Она приподнялась, положив голову на согнутую руку, и халат распахнулся. Я увидел нежную грудь с розовым соском, а когда она стала лениво запахиваться, я разглядел и мягкую складку на лобке, узрел тот долгожданный рай, ради которого готов был пожертвовать всем.

— Так позволь мне избавить тебя от всего этого, Мелина, любовь моя, — сказал я с наигранным весельем.

— Ты хотел бы взять меня в жены? — сказала она. В голосе слышалась легкая насмешка.

Но мне было не до шуток.

— Если бы я мог! — горячо сказал я.

— Не думаю, чтобы в качестве матери твоих детей тебя устроила бы гетера, — засмеялась она.

— Ты просто не знаешь меня, Мелина, — ответил я. — Ведь я люблю тебя так, как ни один мужчина не может любить. Я даже боюсь, что боги воспылали бы ревностью, если бы узнали, насколько велико мое чувство к тебе.

Мелина вздохнула.

— Ты такой милый и такой добрый, — сказала она. — Но когда-нибудь эти чувства тебе пригодятся, и ты встретишь достойную женщину твоего круга.

— Никогда, — сказал я с такой убежденной искренностью, на которую способна только юность.

— Кроме того, — сказала Мелина, — ты слишком юн для меня. Ну, ну, не дуйся. Ты же знаешь, это правда, — она похлопала меня по руке. — И не будем попусту тратить часы, отведенные лишь нам двоим. Моя спина так устала и так ждет, чтобы сильные юные руки погладили ее. — Мелина шаловливо подмигнула. — И потом… может быть, наступило

время… Кто знает? Возможно, именно в эту ночь я узнаю, действительно ли ты рыжеволосый?

Сердце мое ухнуло вниз. Несмотря на это поддразнивание, а может быть, именно благодаря ему я впервые по-настоящему понял, что эта ночь никогда не наступит. Я понял, что со своими экзотическими рыжими волосами интересен ей лишь как средство к возбуждению полового чувства. Но не более. Ну и еще приятно иметь под рукой послушного юного раба, готового исполнить малейшую прихоть. И в конце концов, отобрав у меня все, чем я владею, включая и честь, она попросту отшвырнет меня в сторону.

Я изобразил веселье.

— Но для начала, — сказал я, — у меня есть маленький подарок.

Мелина взвизгнула.

— Ой как приятно! Надеюсь, это что-то необычное. Пожалуйста, ну, пожалуйста, покажи.

Я вытащил бутылочку. Мелина поскучнела.

— Что это?

— О, ничего особенного. Просто старое вино из подвалов моего отца. Я решил, что мы сначала попробуем этот напиток… а потом я уже покажу тебе и подарок. Очень редкая вещь… поверь мне.

Мелина выглядела любопытной, как маленькая девочка. Она села на постели, так небрежно закинув ногу на ногу, что у меня уже нервы не выдерживали. Я взял с подноса два бокала и наполнил их. Мелина взяла из моих бокал. Понюхала, изящно подрагивая ноздрями.

— М-м. Восхитительно! — сказала она.

И выпила содержимое одним глотком. Затем откинулась на подушки, как бы случайно широко раскинув ноги.

— Ну а теперь показывай подарок, — сказала она.

— А вина больше не хочешь? — спросил я.

— Нет. Хватит. Нет более отвратительного зрелища чем гетера-алкоголичка.

— А как ты себя чувствуешь? — встревоженно спросил я.

— Прекрасно. А что? — раздраженно спросила она.

— Так… Ничего.

В чем же дело? Неужели та ведьма с черной улицы обманула меня? И тут я вспомнил, что не проговорил заклинание, подсказанное колдуньей. Но, к моему ужасу, я начисто забыл слова.

— Ну? Где же обещанный тобою презент? — настойчиво расспрашивала Мелина.

И тут я вспомнил.

— Мое сердце — к твоему сердцу, — нараспев, тихо заговорил я, подражая монотонно бубнящему воскресителю. — Мой образ застыл в твоих глазах. Во тьме ночи я — свеча, освещающая твое лоно.

Мелина нахмурилась:

— Что это ты лепечешь? Какие-то глупые любовные вирши?

И не успел я придумать в ответ какую-нибудь ложь, как Мелина вдруг громко, со всхлипом вздохнула. Зеленые глаза смотрели на меня. Зрачки возбужденно расширились. Она облизнула губы.

— Бутала, во имя твое, — простонала Мелина. — Амальрик, ты так красив и юн, что сердце мое стучит все сильнее. Я верю, что ты можешь доставить наслаждение женщине, как великий мастер. Войди в меня… На всю ночь.

— Да… да… угу, — только и мог ответить я косноязычно.

— О, ради всех святых… возьми же меня! Возьми! — Она скинула халат и бросилась в мои объятия, срывая с меня одежду, вцепляясь в материю острыми ногтями. — Я все сделаю, чтобы тебе было хорошо, — стонала она. — Возьми меня. Как только пожелаешь. Любимый мой. Мой рыжеволосый красавец Амальрик.

Меня охватила такая страсть, словно и я хлебнул любовного напитка. Я сорвал одежду

и швырнул все свой тряпки на пол. Какой-то робкий голосок внутри взывал к моей рассудительности и совести, но я отмахнулся от него, как от назойливой мошки. Мелина упала на спину, похотливо выгнув грудь, закинув назад голову и алчно раскинув ноги, между которыми жаждал принять меня внутрь предмет моих вожделений.

— О, быстрее… прошу тебя, быстрее же, — стонала она, сжимая и разжимая бедра в безумном желании.

Я обрушился на нее, как солдат-победитель, обхватив руками мягкую белую плоть ягодиц и врываясь в то жаркое и шелковистое пространство, о котором мечтал так давно. Представив себя тем самым мастером, о котором она говорила, я приподнялся, чтобы ворваться еще раз. Сзади послышался разгневанный крик:

— А ну слезь с нее, сукин ты сын!

Мое горло обхватили чьи-то руки, потянули на себя, и я, вырванный из врат рая, полетел кубарем через комнату. Даже в этой прерванной страсти мое тренированное гимнастикой тело успело среагировать. Ударившись о пол, я перевернулся и пружиной вскочил на ноги. Я стоял, тяжело дыша, в этой позорной наготе, демонстрируя Мелине свои рыжие волосы между ног, но, увы, не тем способом, которым бы я хотел.

— Не трогай его, Лиго, — взмолилась Мелина.

Да, в комнате находился сводник, держа в руке кинжал. Паук на его груди жутко скалился.

— Я его так люблю, — продолжала она. — Пусть он останется. Я должна быть с ним. Всегда. Только с ним.

Лиго в ответ что-то выкрикнул. Я услышал топот многих ног, бегущих сюда. А сам он двинулся ко мне. Я не боялся его. Я бы без труда загнал этот кинжал ему в глотку. Но я ощущал себя вором, пролезшим в спальню к женщине, прав на которую не имел. И когда человек оказывается в такой ситуации, выход у него один. Одним ловким движением я подхватил с пола одежду и шпагу в ножнах и бросился к распахнутому окну.

Отталкиваясь от подоконника, я услыхал, как за спиной рявкнул Лиго:

— Ты заплатишь за это, Амальрик Антеро! Ты заплатишь!

Я вздрагиваю от страха, когда вспоминаю этот отчаянный прыжок через окно. До плотной, утрамбованной земли внизу было добрых шестьдесят футов. Вытянув руки, я успел ухватиться за канализационную трубу. По инерции меня развернуло по дуге, и я врезался в стену здания. Инстинкт сохранения приличия не позволял мне бросить одежду. Какое-то мгновение я пытался удержаться на одной руке. Сердце бешено стучало. Мне с трудом удалось не сорваться. Тогда я закинул одежду и перевязь шпагой на плечо, ухватился надежно двумя руками и скользнул вниз. В последний момент я не забыл оттолкнуться и отпрыгнуть в сторону, чтобы не угодить в яму, в которую уходила канализационная труба. Я слышал, как внутри дома вниз по ступеням грохотали башмаки. Из темноты вынырнул здоровенный ящер. Я пнул его, а он зашипел, должно быть приняв меня, обнаженного, за какую-нибудь свинью, бродящую на двух ногах. Я помчался в ночь. И вскоре голоса и звуки преследования стихли.

Нацепив шпагу на перевязи поверх измятого своего наряда, я босиком зашел в таверну. Я испытывал чувство вины и растерянности. Прежде чем проскользнуть, как трусливый воришка, домой, мне надо было набраться мужества. Я даже не обратил внимания на нескольких типов опасного вида, внимательно оглядевших меня. Расположились здесь и солдаты в новеньких мундирах, небрежно развалившись на стульях. Хозяин таверны, маленький, похожий на крысу человечек, подозрительно посмотрел на меня.

— Вина, дружище, — прохрипел я. — И без воды. Впрочем, не надо вина. Лучше бренди.

— Покажи-ка сначала денежки, молодой господин, — проворчал хозяин. — Даром я тут никого не угощаю.

Я нетерпеливо полез в карман и тут обнаружил, что мой кошелек пропал. Хозяин таверны кивнул, уверяясь в своей правоте. Его рука потянулась за дубинкой, спрятанной за

стойкой. Я оторвал застежку с куртки. Она была сделана из кости тонкой резьбы, привезена из далекой страны и стоила столько, что на нее можно было купить часть этой таверны.

— Возьми взамен, — сказал я.

Кто-то подошел ко мне. Я повернулся и увидел одного из солдат, сержанта, судя по знакам различия. Это был уже немолодой человек с открытым честным лицом. Он казался встревоженным.

— Позволите присоединиться к вам и выпить, добрый господин? — спросил он. — В таком месте, как это, без хорошей компании нельзя. — Он кивнул в сторону, обращая мое внимание на сидящий в зале различный сброд.

— Спасибо за вашу любезность, — ответил я. — Но вообще-то я предпочел бы посидеть в одиночестве. Мне нужно… кое-что обдумать.

Он проницательно оглядел мой потрепанный наряд, сочувственно покачал головой.

— Надеюсь, никто не пострадал? — спросил он.

— Только моя гордость, сержант, — заверил я его. Подозвав хозяина, я сказал: — Выпивку этому достойному человеку. За мой счет. — Тут я как бы впервые почувствовал босыми ногами грубые доски пола. — И еще купи-ка мне обувь.

Хозяину это не понравилось. Он-то надеялся удержать у себя как можно больше от стоимости застежки.

— Тащи ему обувь! — рявкнул сержант. — И если я узнаю, что у юного господина тут были неприятности, ты лишишься лицензии.

Хозяин таверны выругался, но отправился в обувную лавку.

— Вы уверены, благородный господин, — сказал сержант, — что вам не будет лучше в нашей компании?

— Еще раз спасибо, — ответил я. — Но нет. Единственное, что меня утешит, это бренди и мои размышления.

Сержант ушел за столик к своим товарищам. Я схватил бокал с бренди, принесенный хозяином, и осушил его до дна. Жестом заказав еще один, я натянул какие-то кожаные обноски, что он притащил мне. Затем, самый несчастный, как все двадцатилетние неудовлетворенные влюбленные, я вернулся к выпивке, таращась в глубину выщербленного глиняного бокала и размышляя о моих грехах. Грехов насчитывалось легион, начиная с любовного напитка. Я обманул Мелину, ничего подобного не подозревавшую. В моем воображении всплыла ее нагая плоть. Но картина эта была уже не возбуждающей, а постыдной. Наступил момент, который хоть раз, но бывает в жизни каждого человека. У меня не было будущего. Я кончился. Я был жалким и обобранным, как какой-нибудь бедолага, обманутый базарными зазывалами, и довела меня до этого собственная страсть, так что я даже не имел права называться жертвой. Я, Амальрик Эмили Антеро, с энтузиазмом позволил Мелине и Лиго понукать собою. И ведь никто меня не околдовывал любовным напитком, как я это проделал с Мелиной. Я сам возжаждал ее и был готов заплатить любую цену — пожертвовать уважением друзей и любовью семьи. И в результате оказался в полных дураках.

Под порывом ветра хлопнули ставни таверны, и я представил себя дома, стоящим перед алтарем и молящимся за моего давно умершего брата. Мне даже показалось, что в этот тускло освещенный вертеп вошел его призрак. Халаб был любимцем семьи, и его гибель от рук воскресителей наложил глубокий отпечаток на всех Антеро. Хотя я видел его последний раз, когда мне было три года, и воспоминания о взрослом брате были весьма смутны, сейчас мне казалось, что именно его лицо я отчетливо вижу в дверях таверны. Халаб улыбался. Подняв большой палец, он призывал меня не унывать. Видение исчезло, но я ощутил, как мне стало легче. Не намного, но я уже мог держаться. Я стал набираться решимости спасти мою репутацию.

Я изменю мою жизнь, для начала уйдя в длительную торговую поездку. «Обрести свою удачу» — так это исстари называлось. Отец с неистощимой настойчивостью твердил мне об этом уже давно. Я же лишь испытывал терпение моего старика.

Дверь с грохотом распахнулась, и вошли трое рослых крепких мужчин. Они мрачно оглядели таверну так, что сидящие здесь жулики явно занервничали. Один из троицы заметил меня, затем что-то шепнул своим приятелям. Они взяли выпивку и уселись в углу. Я вернулся к своим раздумьям.

Я был самым младшим ребенком в единственном браке отца. Моим братьям и сестрам уже давно перевалило за тридцать, а то и за сорок. Вот отсюда и своенравие, говорили мои недоброжелатели. Даже мой гувернер Инз говорил, что я был в детстве просто рыжим упрямцем, хотя и отмечал мою сообразительность.

Студентом я был смышленым, но ленивым. К тому же в учителя мне попался моралист, пользующийся славой самого плохого наставника. Он был не только невыносимо скучен, но по большей части совершенно невежествен. Скуки ради я издевался над ним как мог. На уроках анатомии он, например, утверждал, что тело мужчины бесконечно совершеннее женского. Я осмеял это предположение. Моя сестра Рали по силе не уступала большинству мужчин Ориссы.

— Ну это совсем другое дело, молодой господин, — сказал он.

— Почему же другое? — усмехнулся я. — Рали — женщина. И многие говорят, что красивая женщина. Но она еще и великий воин. Она одним взмахом сабли может снести твою башку с плеч.

Я рассек воздух воображаемым лезвием.

— Исключение лишь подтверждает правило, молодой господин, — не сдавался наставник. Его злили мои насмешки.

— Моя сестра — не единственное исключение, — подлил я масла в огонь. — Она всего лишь одна из женского Полка героинь, гордости Ориссы. Как же это объяснить?

Наставник что-то забормотал, затем уткнулся в анатомический атлас.

— Факты остаются фактами! — закричал он. — Прекрасно известно, что женское тело хуже. Достаточно посмотреть хоть на их зубы.

— А что же такое с их зубами?

— У них зубов меньше, чем у мужчин. — Он открыл и показал мне страницу, где говорилось об этом. — Видите… У мужчин тридцать два зуба, у женщин же не более двадцати восьми.

Тут я увидел нашу молоденькую служанку.

— А вот сейчас посмотрим, — сказал я, подзывая ее.

Уговорами и посулами заплатить за причиненное беспокойство я ее заставил открыть рот. Я насчитал тридцать два зуба. То есть как у мужчин. Наставник взбесился, не желая признавать собственную неправоту. Остаток дня я провел в гимнастическом зале, который частенько навещал и в последующие годы, где вместе с друзьями совершенствовался не только в физических упражнениях, но и в искусстве глумления над этим «педагогом» и его преемниками.

И пока я таращился в бокал с бренди, до меня вдруг дошло, что, несмотря ни на что, отцу удалось-таки дать мне образование. Он не наказывал меня, когда учителя жаловались. А вместо этого он поощрял меня докапываться до сути вещей самому, не прислушиваясь ни к каким общепринятым утверждениям. И это позволяло мне иметь собственное мнение.

Слезы стыда потекли из глаз моих. Я смахнул их и глотнул бренди. Вот и настала пора, думал я, отбросить в сторону детские забавы и стать человеком, которым бы гордился отец. Он так нуждался во мне, чтобы передать опыт и переложить на мои плечи бремя торговли. Каждый раз, когда обстоятельства вынуждали его самого совершать поездку, возвращался он ужасно усталый. И с каждым годом ему все труднее было восстанавливать потраченные на такие поездки силы. От старших моих братьев помощи ему не было. Они были недалекими, хоть и старательными людьми, годными лишь на то, чтобы управляться на фермах или с бухгалтерскими книгами. И у них не было тех черт характера, которые так необходимы торговцу. Они недолюбливали иностранцев и путешествия и уж терпеть не могли рисковать.

Они были моей полной противоположностью. Я же всегда с восторгом погружался в

таинственные запахи причалов Ориссы, вслушивался в непонятные речи иностранных купцов, разглядывал товары и корабли. И потому среди главных предметов изучения, которыми я увлекался, находилась и география. Меня очаровывали старые карты и истории об отважных открывателях новых земель, пока я не достиг того возраста, когда все можно было бы увидеть и своими глазами. Я даже согласился с картиной мира, нарисованной моим наставником, хоть уже и упоминал, что с недоверием относился к общепринятым знаниям. Земля, говорил он, имеет форму громадного яйца. Дающее свет и тепло Солнце запущено в движение богами ради нашего блага. И только избранные земли и моря облагодетельствованы этим светом. Все же остальные погружены во тьму, которой правят колдуны, жаждущие и остальной мир погрузить в холодный мрак и отдать в рабство злым богам. Учитель говорил, что некогда свет был повсюду и предки наши обладали великими познаниями в волшебстве. Но потом вырастали ленивые и испорченные поколения, теряющие уважение к семье, властям и воскресителям. И они оказались не готовы к приходу темных колдунов. Но боги наши сжалились и оставили нам этот уголок света и надежды посреди всеобщего варварства. И с течением времени нам удалось восстановить часть утраченных знаний. И наши суда вновь вышли в море, постепенно разгоняя тьму с каждым успешным открытием. Так чуть было не закончилась наша история.

Среди прочего существовала и одна легенда, вымышленная, очевидно, но которая особенно интересовала меня. Легенда о Далеких Королевствах. В тех краях, гласила молва, жили потомки наших старейшин, и этот уголок освещен солнцем, а вокруг тьма, которой заправляют злые волшебники. Легенда уверяла, что правители и воскресители в Далеких Королевствах удивительно добры и мудры. В тех местах никогда не переводились веселые песни и доброе вино. И у любого там кошель набит золотом, а сердце всегда открыто. И если бы нам удалось воссоединиться с ними, говорилось в легенде, то мы бы избавились от наших врагов, а мир вновь был бы осиян вечным светом. В свое время я был очарован этой легендой. Но став старше и научившись владеть шпагой, я счел себя взрослым и отставил сказки прочь, как детские игрушки.

Вот тебе и взрослый, невесело рассмеялся я над собой. И еще раз дал клятву стать другим. И допил бренди, словно скрепляя печатью данный обет. Я повернулся, чтобы заказать последний бокал, и с легкой тревогой заметил, что обстановка в таверне изменилась. Ушли солдаты, исчезли и завсегдатаи. Остались только те здоровяки, что появились после меня. Они откровенно разглядывали меня, пересмеивались и подталкивали друг друга локтями. И тут я увидел, что и хозяин таверны скрылся. По телу пробежали неприятные мурашки. Если я тут еще задержусь, положась на судьбу, что-нибудь обязательно случится. Я поднялся, стараясь выглядеть беззаботным и не смотреть в сторону этой троицы, и направился к двери. Если они бросятся за мной, подумал я, по крайней мере, на улице будет больше пространства для схватки.

К сожалению, моего старика не радовало, что я хорошо фехтую. Хоть я и не был первым клинком Ориссы, но владел достаточным мастерством. Я дрался на двух дуэлях, каждый раз доведя их до первой крови. К тому же я не пренебрегал бегом, частенько удирая от своих учителей на спортивные поля. Так что при необходимости мог скрыться от преследователей со скоростью демона ветра.

Как я и ожидал, позади меня заскрипели стулья, и троица последовала за мной на улицу. Не успел я прибавить ходу, как впереди, в темном переулке, замаячили еще две фигуры. Схватившись за рукоять шпаги, я разглядел на груди одной из них вытатуированного паука. Лиго! Позади мышеловку закрывали три бандита, выходящих из таверны. Выхватив клинок, я приготовился продемонстрировать им один или пару трюков, чтобы внушить хоть какое-нибудь уважение. И тут я вновь оказался в дураках. На острие моей богато изукрашенной шпаги находилась предохранительная шишечка для тренировочных боев. Оружие мое с лязгом полетело на землю, и я застыл, ухмыляясь, как обезьяна, напрягая готовые к бою руки, сжатые кулаки. Мое горло обхватила сзади чья-то рука, я ударил противника локтем и услышал вопль от боли. Но радоваться было рано. Еще

одни сильные руки обхватили меня, не давая вырваться, а Лиго бросился вперед и кулаком врезал мне в живот. Тренированные мышцы пресса отразили удар, что весьма удивило Лиго.

Но и тут мне не пришлось порадоваться, потому что Лиго приставил нож к моему горлу.

— Не будь дураком, Лиго, — сказал я, совладав с нервами. — Если этой ночью ты убьешь меня, то на следующем празднике Целования камней ты будешь первым кандидатом.

Я напоминал ему о весеннем традиционном ритуале, когда воскресители приносили священную жертву, сплющивая ее между двух огромных камней. В первую очередь для такого жертвоприношения выбирались уголовные преступники.

Лиго рассмеялся мне в лицо.

— В этом местечке тебе неоткуда ждать защиты, юный Антеро, — проскрежетал он. — И свидетелей не будет, как я лишил тебя твоей ничтожной жизни.

Он надавил на нож, я ощутил ожог боли и почувствовал, как потекла кровь.

— С другой стороны, — продолжал он, — твоя репутация даже защитит меня от подозрений. Всем известно, что ты частенько болтался в сомнительных районах города. Известен и твой необузданный нрав, твои чрезмерные траты и бесчисленные долги. Так что, если я перережу тебе горло, люди решат, что это дело рук каких-нибудь ночных разбойников или обманутых ростовщиков. Нет, мой друг, твое происхождение здесь ничего не значит. Так что придется твоим кишкам встречать рассвет.

Он вновь рассмеялся и отвесил мне пощечину. А затем еще одну и еще. Меня эти увесистые удары не волновали — это он просто сам заводил себя, чтобы исполнить угрозу. За его спиной, в начале переулка на углу дома, стоял, справляя малую нужду, какой-то рослый человек. Один из приятелей Лиго, решил я.

— Единственная причина, по которой я тебя еще не убил, юный господин, — продолжал он, — в том, что я не решил, что для меня дороже: месть или выгода. То, что ты сделал с Мелиной, будет стоить мне немало толстеньких кошельков. Ведь мне придется пока отстранить ее от дела. Да и вылечить ее от твоего любовного напитка стоит целое состояние.

— Уж про деньги-то ты бы мне не заливал, Лиго, — сказал я. — За последние месяцы ты поимел с меня больше чем достаточно. Я же взамен не получил ничего.

Лиго вновь отвесил мне пощечину.

— А так и бывает с малышами, которые лезут во взрослые игры, — прорычал он. — Самому надо было подумать, какие у тебя шансы, — сказал он. — А у тебя их и не было. Счастье на моей стороне. Впрочем, если я остановлю свой выбор не на мести, а на выгоде, то тебе придется выложить столько денег, сколько я потребую. А иначе что подумает Совет воскресителей, если я изложу им всю твою историю? Напоить гетеру любовным напитком — тяжкое уголовное преступление. Я даже представляю себе, как обрадуются воскресители, заполучив в свои руки представителя семейства Антеро.

— У меня нет денег, Лиго, — сказал я устало. — Вы с Мелиной забрали все.

— А пусть папаша позаботится, юный господин, — рассмеялся Лиго. — Я не думаю, что ему захочется отдать своего драгоценного малыша в лапы воскресителей.

— Тогда лучше убей меня, — ответил я. — Потому что я не собираюсь просить у отца и самой малости. И если даже он захочет дать мне денег, я их не приму.

— О, я не думаю, что тебе это поможет, — сказал Лиго. — Я знаю людей. Особенно богатых людей. Впрочем… выгода меня не так уж и привлекает. Потому что я презираю тебя и таких, как ты, Амальрик Антеро. Тебя и тебе подобных неженок. Вы же думаете, что вы лучше других людей только потому, что родились на тонких простынях. — Лезвие полоснуло по моей груди, разрезав куртку, рубашку и обнажив тело. — Убийство должно доставлять удовольствие, — сказал он, надрезая мою кожу. Я почувствовал, как потекла кровь. — Прекрасная, медленная смерть. А затем я изрежу тебе лицо и отрежу эти рыжие волосы. А заодно член и яйца. Никто даже не узнает, что это ты.

Этого я не выдержал. Я плюнул ему в лицо. Он отдернул голову назад. Сгусток слюны стекал по пауку. И тут Лиго завопил и, нацелив нож мне в грудь, бросился вперед. Но

ударить не успел. Та самая темная фигура, вынырнув из темноты, мощным ударом отбросила Лиго в сторону.

— А ну прочь, шакалы! — загремел этот человек, и я услыхал, как зашелестела сталь выхваченной из ножен его сабли.

Державший меня бандит ослабил хватку. Я резко нагнулся вперед и перебросил его через себя. Другой бандит отпрыгнул в сторону и выхватил шпагу. Мой спаситель с легкостью парировал нанесенный удар и тут же всадил лезвие противнику в живот. Я подхватил с земли упавшую шпагу и вскочил в тот самый момент, когда третий бандит сделал выпад в мою сторону. Я нырнул под его шпагу и нанес ему удар в горло. Затем вновь выпрямился, встав плечом к плечу с моим спасителем. Наши враги перестроились и устремились в атаку. Дрались беззвучно, слышен был только звон стали и тяжелое дыхание. Подскочил Лиго, вдохновляя своих бандитов. На какое-то мгновение нас чуть не смяли. Но тут мой новый товарищ достал длинный кинжал в дополнение к своей сабле и перешел в контратаку. Кто-то заскочил к нему сзади, но этого я пронзил в спину. Послышался свист воздуха, покидающего легкие. Внезапно Лиго и последний бандит рванули прочь. Я бросился за ними, но мой спаситель подставил ногу, и я со всего разбегу полетел лицом в грязь.

Когда я встал, то лежал уже Лиго, и над ним, придавив его горло тяжелым башмаком, стоял этот человек. Я вытащил из кармана светящиеся четки, поднял их повыше и проговорил заклинание.

— Поднеси-ка, парень, свет поближе, — сказал этот человек. — Хочу получше посмотреть на свою работу.

Только теперь мне удалось разглядеть его. Он был солдатом, даже офицером. Высокий, с крепкими мышцами, красивый суровой красотой воина. Его лицо с правильными чертами пересекал глубокий шрам, который не скрывала и борода. Зубы его блестели так же ярко, как и сталь сабли.

— Прошу вас, господин, — взмолился Лиго. — Произошло лишь небольшое недоразумение. Я сейчас все объясню.

Лиго пискнул, когда мой приятель сильнее надавил ему башмаком на горло.

— Как его имя? — спросил солдат.

— Лиго, — ответил я. — Он — сводник.

Мужчина все понял и склонился над моим мстителем.

— Посмотри на меня внимательно, Лиго, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты запомнил мое лицо. — Лиго что-то булькнул горлом и кивнул. — Так вот, ты, сын шлюхи, меня зовут Янош Серый Плащ, — продолжил мужчина. — А если уж говорить точнее — капитан Серый Плащ. Я оказался свидетелем вашего разговора с этим господином, и я слышал твои угрозы.

— Но я на самом деле не собирался повредить ему, — прохрипел Лиго. — Разговор был чисто деловой, уважаемый капитан.

— Что же, если в деловом разговоре имеет место нож у горла, — сказал Янош, — то позволь предупредить тебя: в любом суде я засвидетельствую, что именно так и было, ты угрожал ему. А если же ты действительно намеревался убить его, то и здесь я внесу ясность. Если с ним что-либо случится, я найду тебя, Лиго, и смерть тебе покажется милосердием.

— Я пальцем его не трону, добрый господин, — пискнул Лиго. — Клянусь всем святым.

— Не божись, сын шлюхи, — сказал капитан Серый Плащ. Он снял ногу, позволяя Лиго встать. Но как только Лиго приподнялся на локтях, он передумал, и башмак вновь опустился на сводника. Капитан крепкими пальцами ухватил Лиго за ухо. Тот взвыл.

— Чтобы окончательно закрепить нашу сделку, — сказал капитан, — я кое-что возьму у тебя.

Он взмахнул кинжалом, и Лиго взвизгнул. Капитан держал в руке ухо, и кровь капала на вытатуированного паука. Серый Плащ встряхнул ухо, и капли брызнули гуще.

— Если в будущем ты потревожишь этого молодого человека, — сказал он, — я

передам твой огрызок моей знакомой старой колдунье. Она специализируется на особо гнусных проклятиях. Ты понял, что я имею в виду?

— Да, мой господин, — всхлипнул Лиго.

— Ну а теперь скройся с наших глаз, — сказал капитан. Лиго побежал по улице даже не оглядываясь. Когда он скрылся, капитан глянул на кусок плоти в своей руке. Рассмеявшись, отбросил ухо прочь и вытер пальцы о штаны.

— Если бы у меня еще были деньги на колдуний, — сказал он.

— Капитан Серый Плащ, — сказал я, — за то, что вы спасли меня, я ваш вечный должник.

— Рад слышать это, — сказал он, — поскольку именно сейчас меня охватила чудовищная жажда. — Он хлопнул меня по спине, приглашая вернуться в таверну. — И вы окажете мне великую честь, благородный господин, если будете обращаться ко мне как друг. А мои друзья, которых, боюсь, не так уж много, зовут меня Янош.

— Итак, значит, Янош, — искренне радостно сказал я. — А вы можете звать меня Амальрик. И более того, оставшихся на мне пуговиц хватит, чтобы купить реку бренди и благословить нашу дружбу. — И я безмятежно направился в трактир, чтобы обогатить крысоподобного хозяина.

Вскоре мы уже выпили по бокалу бренди и успешно перешли ко второму. Слегка опьянев, я задумался над тем, что вот совсем недавно убил одного человека, а второй, с проткнутым легким, вряд ли переживет эту ночь, но тем не менее в этом случае меня не мучили ни вина, ни сомнения, как о том твердили сентиментальные баллады. Размышляя над этой схваткой дальше, я честно признался вслух, что никакого спасения от Яноша не заслуживал.

— А все дело в том, — сказал я, — что за мной числится позорный поступок. И я не заслужил того, чтобы ты вмешивался.

— Ты не спеши заниматься самобичеванием, мой друг, — ответствовал Янош. — Я немного разбираюсь в таких людях, как Лиго. И сильно сомневаюсь, чтобы ты мог его в чем-то обмануть.

— Я был дураком, — сказал я, сильно желая, чтобы эти слова прозвучали громко.

Янош кивнул.

— Вот это вполне возможно, — сказал он. — Это частенько случается, когда человек думает не головой, а другим концом. — Он рассмеялся. — Однако одна вещь, которую упоминал тот мошенник, меня заинтриговала. Что-то там насчет любовного напитка, которым напоили какую-то шикарную шлюху.

Его глаза сверкнули, и я решил, что ему просто забавно выслушать веселую историю. Но позже я узнал, что интерес его к таким вещам был далеко не случайным.

Я вспыхнул.

— То, что ты слышал, увы, правда. Это ужасный грех, сознаю и глубоко о нем сожалею.

— Ну не будь ханжой. Есть о чем сожалеть! Эта бабенка и Лиго, я уверен, поимели с тебя денег более чем достаточно.

Запинаясь и конфузясь, я все выложил ему, начиная с первой нашей встречи с Мелиной и кончая моим полетом из окна ее спальни. Янош оказался замечательным слушателем. Он умел сочувствовать, не льстя. Если он и прерывал меня, то чтобы уточнить какую-нибудь деталь, и деталь эта, как выяснялось, работала на меня, на мою правоту и уверенность в себе. Иногда Янош просто жестом подбадривал меня. Я словно разговаривал со стариком, хотя и видел, что он старше меня лет на пять, не больше. Когда я закончил рассказ, он разлил остатки бренди и перевернул бутылку вверх дном, показывая, что на сегодня все.

— По моему ничтожному разумению, Амальрик, — сказал он, — это та самая история, которая начинается за упокой, а кончается за здравие. И прекрасно, что ты получил тот опыт, который большинство приобретают слишком поздно, если вообще приобретают. Забудь эту женщину и прекрати казнить себя. Я уверен, что на старости лет ты даже с улыбкой

поведаешь эту историю своим сыновьям. Во всяком случае, сегодня ночью ты рассказал ее неплохо. И покончим на этом.

Я поблагодарил его, хотя и сомневаясь, что мои грехи с такой легкостью мне простятся. Янош поднял бокал:

— За нового Амальрика Антеро. И пусть его будущие приключения будут хоть вполовину так же нехлопотны.

Мы чокнулись и выпили. Когда мы поставили бокалы, я увидел, как Янош задумчиво смотрит на меня.

— Мне кажется, — сказал он искренне, — что этой ночью и мое будущее изменилось. Разве не встретился мне на пути рыжий? И разве это не одно из тех счастливых предзнаменований, которые пророки видят в своих магических кристаллах?

— Хорошо бы, — сказал я. — Надеюсь. Боюсь только, владельцу этих волос они счастья не принесут.

Янош рассмеялся тем замечательным смехом, о котором я уже упоминал в самом начале.

— Ну и пусть это останется великой загадкой для величайшего из воскресителей, — сказал он. — Это вам не то что вычислить, сколько демонов может уместиться на кончике иглы. Если некий знак предвещает что-то хорошее, может ли он предвещать и конец хорошему?

Даже теперь, сидя за этими строками, по прошествии стольких лет и событий со времени нашей первой встречи, я по-прежнему не знаю ответа на эту загадку. И сомневаюсь, что узнаю, пока однажды ночью не придет Черный искатель и не заберет мою душу.

Я задумался над его загадкой. Давно уже у меня не было умного друга. Но, не разрешив задачу, покачал головой.

— Даже если бы сейчас и не была поздняя ночь, — сказал я, — сомневаюсь, чтобы я разгадал ее. А может быть, разгадать эту загадку так же невозможно, как… — Я помолчал, подыскивая сравнение, и одно отыскалось: — Как достичь Далеких Королевств.

Я засмеялся, но почему-то Янош меня не поддержал. Он уставился на меня, и взгляд его был взволнован.

— В чем дело? — спросил я.

— Что ты сказал? — спросил он. Я смутился:

— Ты имеешь в виду… насчет Далеких Королевств?

— Да, — настойчиво сказал он.

— Ну… даже не могу объяснить. Просто я почему-то размышлял о них перед тем, как появились эти бандиты Лиго.

Янош не сводил с меня глаз, а я, ощущал себя неловко.

— Так, вспоминаются иногда всякие глупости, — сказал я запальчиво. — Не обращай внимания.

— Если хочешь знать, — сказал Янош, — когда дело доходит до болтовни о всяких глупостях, то нет более искусного мастера, чем Янош Серый Плащ. — Я засмеялся, и мы направились к выходу. — Давай-ка, дружище, пошевелимся, — сказал он, — или мы захотим еще бренди и поболтать.

Мы вышли в ночь. В конце улицы горел факел. Я еще раз вспомнил о Далеких Королевствах. Но тут же эта мысль куда-то ушла, и осталась только ночь.

Глава третья
ОТКРЫТИЕ

На следующее утро я проснулся словно в тумане. Мой мозг дохлой мухой плавал в осадке ночного вина. Но я вдохнул свежего и резкого весеннего ветра, с шелестом влетевшего в окно моей спальни, и туман рассеялся. И тут я с удивлением понял, что впервые за много дней не посетило меня кошмарное сновидение с одноглазым человеком. Я

вышел из спальни, умылся, затем преклонил колени и прошептал традиционную молитву, обращаясь к любимому богу. Глянув в зеркальце, я увидел, что сегодня бриться нет необходимости, и стал натягивать на себя аккуратно разложенную одежду. И тут до меня что-то дошло.

— Инз!

Он бесшумно вошел в спальню с вежливым и слегка озабоченным выражением лица. Позднее я узнал, что рабы быстро учатся этому выражению на лице, чтобы выжить.

Я указал на разложенную им одежду: простую рубашку, мрачного цвета бриджи, куртку неважного качества и головной убор, разваливающийся от старости.

— Это что значит?

Мелькнула улыбка Инза и тут же исчезла.

— Ничего страшного, мой господин. Просто ночью, когда вы вернулись, то сказали мне, что мое присутствие не потребуется; вернулись вы перед рассветом, в сопровождении двух солдат; на вашей одежде были пятна вина, крови и грязь. А утром я обнаружил, что ваша одежда так была разбросана, словно раньше времени наступил месяц Ветров и разметал ее по комнате…

— Достаточно!

— Как скажете, господин.

— Я немножко подрался, потом немножко выпил…

— Если вы это, господин Амальрик, называете «немножко»…

Я счел за лучшее не обращать внимания на его болтовню. Мои учителя неоднократно предостерегали меня, чтоб я не был излишне фамильярен с рабами и выходцами из нижних классов. А заодно и корили меня за то, что я недостаточно оказываю уважения старшим и начальникам. Но не мог же я разыгрывать из себя грозного и безжалостного хозяина перед лысеньким, маленьким рабом, который начинал свою службу в нашей семье с того, что взял меня младенцем из рук моего отца и поднес к воскресителю для совершения ритуала присвоения имени.

— И я подумал, — продолжал Инз, — что, может быть, в этот день вы захотите одеться так, чтобы… все эти кровавые пятна не оскорбляли ничей взгляд, особенно вашего родителя, который, между прочим, слышал, как вы явились, шатаясь и грохоча.

Да, с отцом мне сегодня необходимо было увидеться. Подошло время уплаты срочного долга. А благодаря Мелине и моей собственной глупости у меня не было ни гроша. Я прошел в гардеробную и тщательно выбрал костюм: зеленые бриджи, в тон им плоская шляпа, искусно вышитая золотой нитью; расшитая цветами приталенная рубашка; высокие башмаки, поскольку погода была пасмурной, и короткий плащ. Вспомнив ошибку прошлой ночи, я выбрал простую шпагу, без всяких украшений, и повесил ее на портупею с нашей фамильной печатью. Я посмотрел в зеркало. Именно этого образа я и добивался — здравомыслящий юный наследник, не имеющий никаких дел ни со шлюхами, ни со сводниками.

— Понятно, — сказал Инз. — Она опять оставила вас без денег. И вы размышляете, как бы выкрутиться. И я так понимаю, в моем присутствии нет необходимости.

— Может быть, я и не очень внимательно слушал моих наставников, но кое-что запомнил. Правда, не помню, кто именно мне рассказал эту историю — то ли тот парень, что однажды свалился в порту в воду, или тот, чья одежда вдруг таинственным образом сгорела… Но это была история об одном ученом, который очень гордился своими предсказаниями и однажды, хвастаясь перед учениками своим талантом, расхаживал по краю пропасти. И свалился вниз, на радость и облегчение своим замученным ученикам. Но на самом деле я всегда буду рад твоей компании, до самой старости. Вскоре нам предстоит путешествие.

— Да, благородный Амальрик, мой никак не оцененный хозяин. Я готов. Хотя, должен добавить, вы правы, заметив, что недостаточно внимательно слушали учителей. Подсмотрим хотя бы на эту историю, чью мораль вы несколько исказили. На самом деле после

трагической смерти того несчастного мудреца несколько его учеников покончили с собой в отчаянии, что без его наставлений жизнь их бессмысленна. Но, помня, что самоубийство — вещь греховная, вам все же стоит иногда задумываться над тем, что я, всю ночь переживавший о том, как вы, пьяненький, бродите по грязным закоулкам среди всяких там бандюг, жалел, что не буду рядом с вами вечно.

Как обычно, последнее слово осталось за Инзом.

В саду нашей виллы били фонтаны, а на распускающихся деревьях сидели разноцветные, как радуги, домашние птицы. Отец сидел за длинным столом. Перед ним стоял завтрак — блюдо с фруктами и бокал сильно разведенного вина. Кроме того, на столе лежали грудой свитки документов. Отца окружала небольшая толпа служащих и лакеев. Он беседовал с доверенным слугой Тегри. Я сел у дальнего конца стола и стал ждать. Отец заметил меня, но несколько минут не обращал на меня внимания. Он скреплял печаткой документы, и их уносили посыльные. Отец поднимал руку, и к нему приближался следующий.

— Ты уже поел? — спросил он меня наконец.

— Нет еще.

— Очевидно, аппетита нет?

— Нет, отец. То есть, я хочу сказать, да.

— Хм. А я уж было подумал, судя по твоему позднему и нетрезвому возвращению домой, что твой желудок ничего не принимает, кроме бренди и молока. — Он не стал дожидаться моего ответа. — Догадываюсь, что тебе что-то нужно. И даже догадываюсь, что именно, несмотря на то, что прорицатель из меня слабый.

Я уткнулся взглядом в стол, затем кивнул.

— Это уже третий раз… — начал было Тегри.

— Я полагаю, что я еще сам в состоянии подсчитать количество таких просьб сына ко мне. Впрочем, я думаю, нам тут всем нет смысла тратить время на выслушивание очередной мольбы по поводу денег. — Отец замолчал. Я понял, что, несмотря на злость, он все же не хочет позорить меня перед слугами. — Амальрик, мне хочется верить, что, перед тем как ты решился на просьбу, ты подумал о будущем.

Я поднял глаза.

— Эти деньги… не для нее. А заплатить долг.

Тегри посмотрел на меня:

— Какому-нибудь ростовщику, господин Антеро?

Уши мои вспыхнули.

— Это долг чести, Тегри! Возможно, тебе знакомо это слово! — воскликнул я.

Отец бросил на Тегри сердитый взгляд, но лицо того было уже непроницаемым.

— Долг чести, — медленно произнес отец. — Отлично. Что ж, я не могу допустить, чтобы ты был опозорен. Тегри! Проследи.

— Спасибо, отец.

— Сиди, сиди. Ты еще не поел. Будь немножко мудрей. Помни — не поел, значит, обокрал свое тело. А оно тебе еще послужит. — Отец поднял руку, и ко мне поспешил слуга. — Ну а теперь, Тегри, — продолжил отец, словно я перестал существовать, — обдумаем, что нам делать со слоновьей костью из Лаузии, и решим, кто дураки — мы или семейство Й'хана. В любом случае курьер должен отправиться с моими инструкциями не позднее полудня…

Тегри протянул мне кошелек. И словно не было тех недружелюбных слов, сказанных в саду, настолько безмятежным было выражение лица слуги. Мне не раз говорили, что умение так вести себя — большое достоинство. Но я так и не научился понимать этих людей, у которых вместо крови чернила, а вместо мозгов — счеты для вычисления доходов. В прохладном полумраке передней меня внезапно как-то передернуло. Я остановился у алтаря и почти машинально положил щепоть песка перед портретом Халаба, как мы делали всегда, выходя из дома. Затем я пристально посмотрел на портрет: изображение было не просто

точным, его краски, казалось, передавали все самые ценные душевные качества Халаба; художник клялся, что при работе над портретом совершил все требуемые молитвы, чтобы портрет полностью соответствовал образу Халаба. Рассыпая песок, я задумался: а действительно ли все соответствует? Ведь когда закончилась казнь, не осталось ни трупа, ни осколка кости. И принесет ли этот песок Халабу призрачное успокоение? Или его душа так и бродит по миру, не находя нигде пристанища? Меня вновь передернуло: я надеялся, что, когда я погибну — а это произойдет через вечность, — я не останусь неисповеданным, непохороненным и неотмщенным.

Инз ждал меня у внутренней калитки. Он увидел мое лицо и сразу все понял: Халаб, смерть, все связанное с этой историей постоянной тяжестью висело над нами. Тем приятнее было ощущать солнце весеннего дня.

— Похоже, вы собираетесь поступить добровольцем на военную службу, господин Амальрик, — встревоженно заговорил Инз. — Я понимаю, это дело обычное для молодых людей, потерпевших неудачу на сердечном фронте, отправляться на фронт военный. Но я бы вам этого не посоветовал. Во-первых, мое здоровье уже не позволяет мне вести лагерную жизнь. Даже в условиях тех несерьезных стычек, которые в последнее время ведет наша армия. А значит, оружие ваше не будет вычищено должным образом, и питаться вам придется всухомятку. Во-вторых, я знавал двух мужчин, которые действительно пошли в армию из-за женщин, так они говорили, что после первого же боя и выпивки даже и имен этих девиц не могли вспомнить. В-третьих, они клялись, что оказались дураками. Да и любой согласится, что надо быть дураком, чтобы таскать на голове тяжелый шлем и питаться раз в день только из-за долгов или обиды. В-четвертых…

— В-четвертых, — сказал я, — если ты не замолчишь, то на войну пойду не я, а ты. А здесь мы по делу.

Двое часовых, увидев, что к ним приближается человек благородного происхождения, отсалютовали, стукнув о булыжники толстыми концами копий.

— Я ищу капитана Яноша Серый Плащ из охраны магистрата, — сказал я.

Один из часовых задумался, потом вспомнил.

— А. Это же ликантианин. Он со второй когортой, господин. — Солдат глянул на солнце. — Скорее всего, они еще на учебном плацу. Он своих людей гоняет будь здоров.

Солдат объяснил мне, как туда добраться. Пока мы плутали среди казарм, я задумался над тем, что сказал солдат. Ликантианин? На службе в Ориссе? Да еще в элитном подразделении, отвечающем за безопасность магистрата? И только тут я вспомнил, что еще ночью обратил внимание на слабый акцент Яноша, хотя он был практически незаметен, этот акцент, по сравнению с чудовищным выговором ликантийских торговцев, с которыми мне приходилось иметь дело.

Я разглядел в конце большого поля клубы пыли и размахивающие руки. В землю были вкопаны толстые бревна, представляя из себя не то мишени, не то воображаемых врагов. У нас за виллой было два таких участка, где нанятые отцом учителя обучали меня обращению с оружием.

Последовала команда «Стой!». Пыль улеглась, и показались примерно пятьдесят солдат, разделенных на пары. На них были кожаные куртки с высокими воротниками, кожаные наголенники и кожаные шлемы. В руках они держали небольшие круглые щиты. В боевых условиях эти кожаные доспехи заменялись стальными латами, прикрывающими уязвимые места, или кольчугами. В каждой паре один солдат держал в одной руке короткое копье, а в другой — саблю. На наконечниках копий были защитные шишечки, а сабли были в ножнах. Сбоку стоял Янош Серый Плащ. В отличие от солдат он был одет в боевой шлем с носовой планкой, необычного вида кожаную куртку с длинным левым рукавом, покрытым стальными пластинами, и со стальными же пластинами, прикрывающими с левого бока частично грудь и плечо. В правой руке он держал длинную острую саблю, которую я уже видел в деле, а в левой — щит, как у солдат. Признал я и другого человека, который командовал солдатами, — это был тот самый пожилой сержант, дававший мне советы в

таверне прошлой ночью.

Увидев нас, Янош кивнул, но не поспешил навстречу. Он двинулся в центр плаца.

— Неплохо, — сказал он, но особого довольства в его голосе не было. — Для парада годится. Сержант Мэйн!

— Я!

— Не будешь ли ты так любезен ударить меня копьем?

Здоровяк сержант только было начал делать выпад, как Янош приказал застыть ему в этой позе.

— Парадный плац — это парадный плац, — сказал он. — Война же дело другое. И я научу вас кое-каким приемам помимо тех, которыми вы овладели, еще будучи сопливыми новобранцами. То, что вы уже усвоили, наверное, кое-чего стоит, поскольку в стычках вы смогли выжить, но против такого удара копьем… Вот что я вам покажу… — Рассказывая, он одновременно показывал движения в замедленном действии, словно под водой. — Приняв удар в щит, отводите щит, в сторону и наносите свой удар саблей в противника. Или наносите удар по самому копью, сюда. Тогда, возможно, вам удастся сломать его. Еще один совет. Если ваш противник потерял при этом равновесие — спасибо, сержант, именно так, — то делаете шаг в сторону и наносите удар сверху или снизу доспехов. Но, производя подобный маневр, не забывайте, что враг не один, рядом может оказаться еще кто-то, и если вы слишком увлечетесь своей целью, то смерть заберет вас с собой. Неплохой прием — его почему-то не преподают молодым господам — перед началом схватки прихватить горсть песка, чтобы бросить в лицо врагу, когда он начнет атаку. Тогда, если вы достаточно проворны, попробуйте пригнуться и ударить врага по ногам в сухожилия. Правда, затея эта весьма рискованна. Еще один рискованный прием для того, кто силен, — отбить копье саблей, а удар нанести щитом. Мне доводилось видеть, как людей ослепляли шишечкой в центре щита, а потом свободно добивали. Но самое важное во время сражения — смотреть не за щитом, не за саблей врага, а за ним самим. Движение тела выдает любое намерение.

Янош сделал шаг назад.

— Ну а теперь сержант Мэйн отработает с вами перестроения. Но на этот раз без всяких там «раз, два, три» и без атак и нападений. Сержант!

Приказ исторг из сержанта очередную порцию рычания, и вновь заклубилась пыль. Я решил не рассказывать Яношу о тех двух дуэлях, в которых принял участие, не сомневаясь, что к такому опыту капитан Серый Плащ вряд ли отнесется с большим уважением, сочтя его забавой, потасовкой молодых петушков на скотном дворе в деревне. Подрезание сухожилий… швыряние песка… ослепление… нет, это уже суровые жестокости войны. Хотя я с полной серьезностью относился к проведенным мною двум схваткам, в которых даже проливалась кровь, но все же это были ненастоящие сражения.

Янош наблюдал за муштрой без комментариев и без всякого выражения на лице, затем подошел к нам.

— Доброе утро, друг мой, — сказал он. — Видишь, я уже с утра занимаюсь тем, что делаю из этих манекенов подготовленных солдат. А как твоя голова?

— Почему-то все меня первым делом утром спрашивают об этом, — сказал я. — Не думаю, чтобы я был так уж пьян.

— И никто не думает, — сказал Янош. — Чем могу быть полезен?

Я забрал у Инза кошелек и протянул ему.

— Прошу тебя, прими это как компенсацию за мои целые кости и спасенную репутацию.

Янош взвесил кошелек, но вернул его обратно.

— Спасибо, но разве надо благодарить того, кто пинком отогнал шакала от спящего человека?

— Я… я бы хотел, чтобы ты принял это, — запинаясь, сказал я. — Тем более что это почти ничто по сравнению с тем, что я тебе должен.

Янош задумчиво кивнул и взял кошелек; затем повернулся к солдатам, изображавшим

учебный бой.

— Стой!

Его зычный крик по сравнению с командами сержанта прозвучал рыканьем льва.

— Этот господин, — сказал он неожиданно, — по некоторым неизвестным причинам решил побаловать вас. — Янош бросил кошелек Мэйну. — На ужин сегодня когорте будет свежее мясо, — объявил он. — И один бурдюк вина на двоих.

По рядам пронесся одобрительный гул, но тишина упала мгновенно, как занавес, когда лицо Яноша посуровело.

— По-моему, — сказал он спокойно, — я никому не разрешал разговаривать. И поскольку вы так опозорились, я должен был бы вернуть деньги вашему благодетелю. Но я не сделаю этого. Вместо этого, я думаю, в наказание вам надо будет хорошенько проветриться. Сержант, веди их к горе Эфин. Бегом. Сам останешься у подножия. И погоняй их вверх-вниз, пока, на твой взгляд, они не устанут.

Гора Эфин находилась отсюда в трех лигах, поднималась чуть не на лигу в высоту, и склоны ее, изрезанные расселинами и покрытые россыпью камней, поросли редким колючим кустарником.

— Поскольку вечером их ждет обильная жратва, полуденная пробежка им не помешает. Вперед.

И несколько мгновений спустя ряды когорты затопали прочь, подгоняемые командами Мэйна.

— Ни за что нельзя позволять солдату думать, — сказал Янош, вновь подходя к нам, — что ты покупаешь его расположение. — Он помолчал и улыбнулся. — Прошу прощения. Все утро даю уроки, а плащ мешает.

Он сунул саблю в ножны. Я не без интереса отметил, что сабля у него была длиннее и уже обычной армейской и была обоюдоострой. Еще более любопытным было волнистое лезвие, очевидно сделанное из прекрасно закаленной стали; гарда эфеса была простой и ровной. А ведь очевидно было, что капитан, пусть и недавно служащий в Ориссе, мог уже заработать достаточно серебра и золота, чтобы экипироваться более достойно своего звания. Он закинул ножны на ремне за спину, так что рукоять сабли торчала под углом над правым плечом. Такое весьма необычное размещение оружия я уже видел однажды у одного варвара, жившего на границе с Ликантией. Когда я поинтересовался у того парня, почему он так носит саблю, он пояснил, что так не только легко ее доставать и в пешем строю, и на коне, но к тому же она еще не болтается между ног, особенно когда он пьян. Как и тот варвар, Янош на ремне, перекрещивающем грудь, носил под левой рукой кинжал: удобное оружие с лезвием не длинней локтя в отличие от громоздких, широких ножей, которые носят уличные бандиты. Как и у сабли, головка эфеса, рукоять и гарда кинжала были лишены узоров. В общем, Серый Плащ был вооружен так, как вассалы семейства Антеро. И уж коли я собирался довести свой замысел до конца, то приходилось признать, что об оружии я знал меньше, чем полагал.

— Позволь, я смою пыль с лица и переоденусь в прогулочное платье, — сказал Янош. — И я знаю одну забегаловку, где и на солдатское жалованье можно получить приличную выпивку. Если ты, конечно, не откажешься присоединиться ко мне.

Разумеется, я не отказался.

Этот трактир я знал. Его любили посещать торговцы. Он не только стоял близко к рынку, но и находился на берегу реки. Так что любой купец мог не только приглядывать отсюда за разгрузкой и погрузкой товара, но при этом и обсуждать за столиком очередной контракт. Я бросил Инзу четвертак, чтобы ему было на что посидеть вместе с другими ожидающими хозяев слугами в расположенном рядышком павильончике. Мы отыскали свободный столик, и лакей принес нам вина, воды, оливок, маринованных щупальцев осьминога и сыра. Мы оба обильно разбавили вино водой. Лично я не хотел выглядеть в глазах капитана законченным пьяницей.

— Этим утром в офицерской столовой, — как бы между прочим начал Янош, — я

упомянул о нашей с тобой ночной встрече, правда, без описания деталей. Один из офицеров сказал, что ты планировал какую-то поездку. Он назвал ее «отыскание торговой удачи». Здесь, оказывается, есть такой обычай? А я и не знал.

Сохраняя спокойствие на лице, я сначала мысленно пообещал принести жертву любимому богу и тому богу, который правит случаем, приводящим к дружбе, рожденной в боевой схватке. Разговор наш напоминал экзамен — Янош, сидящий напротив, задавал мне вопросы, а я отвечал. Я объяснил, что «отыскание торговой удачи» — не закон или ритуал Ориссы, а лишь обычай, именно так, как Янош и представлял себе. Когда купеческий сын достигает совершеннолетия, он имеет право отправиться в торговую экспедицию. В экспедицию входит он сам, несколько необходимых ему помощников или друзей, воскреситель, разумеется, и небольшой военный эскорт для безопасности. Предполагается, что юноша должен найти новые земли, новых покупателей, новые товары, как до этого делали его отец и дед. Этот обычай значил для Ориссы то, что она останется королевой торговли здесь, в известном мире, и для других поколений, всегда, пока каждый состоятельный купец будет отправлять сына на поиски торговой удачи.

Янош слушал так внимательно, словно ничего в мире, кроме меня, его не интересовало. Должно быть, я рассказывал спотыкаясь: ведь объяснять общеизвестное всегда трудно, мне же хотелось быть кратким и ясным, тем более что я преследовал определенную цель, открываясь этому капитану, — я хотел понять, догадывается ли он, что я подыскиваю командира моей собственной охране. Среди известных мне офицеров были люди, больше годные для просиживания в трактирах и парадных маршей, нежели для настоящего боя. Вполне естественно, что орисские военные были непременными участниками географических открытий и всех далеких торговых экспедиций. Дело было хоть и опасным, но выгодным, потому что купец брал их на свое содержание, и к тому же любой солдат, офицер и просто свободный участник экспедиции получал премию в зависимости от успеха этого предприятия.

После того как я все это, аккуратно выбирая выражения, изложил, Янош с минуту подумал, а затем спросил:

— И как давно это у вас заведено?

Я не знал, но, судя по тому, что отец мне рассказывал об открытиях, сделанных отцом отца отца его отца, это длилось уже целую вечность.

— Загадочно, — сказал Янош. — Каждый год одна, а то и несколько экспедиций отправляются на поиски новых стран. Тем не менее на картах, которые я видел в Ориссе, до сих пор полно мест, обозначенных как неизведанные земли. Или эти открытия остаются в секрете, известном лишь открывшим их фамилиям и вашим правителям?

Я объяснил, что у каждого купца есть свои торговые секреты и каждое действительно скрывается до тех пор, пока приносит прибыль, но дело не в этом. Просто большинство путешествий совершается не в поисках совершенно неизведанных земель, а в основном на запад, к городам и областям, уже знакомым ориссианам. Вероятно, какой-нибудь отважный молодой человек и может отправиться на юг или в сторону королевства Варварских Льдов. Одно из таких открытий совершил мой отец. Но купцы его поколения, беседуя за выпивкой, обычно считают его поступок безумием. Для большинства же молодых людей такие поездки означают лишь поиски новых изысканных вин и красивых молодых девушек в других городах. И все-таки редкие поездки в неизведанные земли являются самой хорошей проверкой купца: человек, вернувшийся со своим открытием, полностью доказывал способность продолжить дело своего отца; способность открывать новые рынки и товары; способность избегать пиратских нападений; закалку, чтобы выдержать трудности любого путешествия. И такого человека в глаза щедро восхваляли. Из таких путешествий не всегда возвращались. Но если бы это была просто увеселительная прогулка с вином, женщинами, застольями, мне бы не нужен был военный опыт Яноша. Но я больше напирал не на опасности, а на романтическую сторону дела, как и положено сыну одного из самых сладкоречивых купцов Ориссы.

— Вот теперь понял. — Янош повертел в пальцах бокал. — Итак, в каком же направлении ты собираешься плыть, чтобы совершить свое открытие?

Я похлопал глазами. Неужели я так неясно объяснил?

— На запад, разумеется.

Последовала пауза. Янош посмотрел на меня, улыбнулся.

— Да. Или, как ты говоришь, разумеется. — Он осушил бокал. — А может, нам стоит поискать что-нибудь более существенное, чем эта сладкая водичка? Она действует на ноги, но не на голову. А мне, как чужеземцу, пьяным лучше на улицах до захода солнца не болтаться, иначе выше капитана не выслужусь. Пойдем, я угощаю.

Он хлопнул меня по спине, бросил деньги на стол, и мы вышли. Он ничего не сказал. Еще меньше можно было понять по его лицу. Но у меня было такое ощущение, что я провалил экзамен.

Мы шли по продуваемым ветром узким улочкам, и в этом ярком весеннем дне Орисса представала передо мной такой красивой. Кстати, Инз не демонстрировал свою мудрость и тащился сзади, шагах в пяти. Орисса всегда была такой: небольшой уютный город, где фермы начинались уже за окраинными кузнечными мастерскими, а в другом районе лачуги вольных крестьян располагались рядышком с обширной усадьбой, как у моего отца. Население было невелико, и земли хватало всем. В нашем прекрасном городе и окрестностях насчитывалось тысяч тридцать свободных и столько же рабов. Как справедливо было недавно замечено, планировал застройку города Ориссы не дурак, и она никак не походила на прямолинейный кошмар Ликантии. Округлые застроенные холмы, постепенно поднимающиеся к цитадели, представляли из себя приятное глазу зрелище — каждая лавка или жилой дом были раскрашены в тот цвет, который нравился хозяину. Многочисленные красные, голубые, золотые и даже лиловые оттенки превращали Ориссу в настоящую палитру великого художника. Один приезжий с запада однажды сказал, что Орисса в своем хаосе разноцветья напоминает гнездо сороки. Мой отец с едва заметным презрением посмотрел на него и сказал, что если бы Орисса не считалась королевой городов, то была бы неотличима от Ликантии с ее мрачными серыми улицами и домами, стоящими в естественном бесстыдстве голого камня и дерева. Но ведь так же строят и гигантские волосатые обезьяночеловеки в северных тропиках, чтобы их деревянные хибарки не были заметны в джунглях. Или полярные варвары, которые свои грандиозные и незамысловатые каменные башни считают образцом добродетельной простоты в строительстве, а на самом деле проявляют отсутствие воображения, тем более что поклоняются злобным богам.

Так, прогуливаясь, мы оказались на улице Богов. Посередине улицы, намеренно никого не замечая, шествовал господин воскреситель по имени Дженидер. Перед ним с жезлами шли полуобнаженные слуги, позади — свита из учеников, помощников и секретарей. Я отвернулся, делая вид, что увлечён рассматриванием какого-то убогого алтаря, воздвигнутого в честь божка, покровителя садоводов. Краем глаза я заметил, что Янош сделал почтительный жест, оказывая знак внимания воскресителю. Затем едва слышно рассмеялся.

— Даже здесь, в Ориссе, — пробормотал он, — считается дурным предзнаменованием, если воскреситель перешел тебе дорогу. А в некоторых домах мне даже говорили, что надо после такой встречи вернуться домой и немедленно лечь в постель во избежание худшего.

Я кивнул, невольно соглашаясь. Ведь даже самые рациональные из нас немного суеверны. Но я не стал объяснять ему настоящую причину моего поведения. Дело было не в суевериях. Мною руководила холодная ненависть: воскресители и их магия убили моего брата.

Глава четвертая
ТАНЕЦ ДАЛЕКИХ КОРОЛЕВСТВ

Наступило время праздного ничегонеделанья в украшенном скульптурами саду моей

виллы. Я вновь вернулся к занимавшей меня теме. До этого мы уже поговорили обо всем и ни о чем, оценивая взгляды друг друга. И теперь я настолько уверенно чувствовал себя в присутствии моего нового друга, что решил заговорить о предмете, привлекавшем мои интересы последнее время.

— Я так понял, ты не одобряешь, что за моим открытием я собираюсь на запад, — сказал я.

Янош остановился, хмыкнул и погладил бороду. Этот жест лишний раз убедил меня в необходимости устроить алтарь божеству, покровительствующему растительности на нашем лице. В самом деле, борода очень удобна для человека себе на уме, который обдумывает слова, прежде чем их вымолвить.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я полагал, что ты просто хороший, обыкновенный человек. А у тебя, оказывается, талант ясновидца.

— Тут нет никакого волшебства, мы оба об этом думаем, — сказал я. — Знаешь, мне надоело, что меня все время принимают за богатенького придурка. С этим я и вырос. Ты бы посмотрел на прихлебателей, которые вьются вокруг моего отца. Они постоянно мне твердят одно и то же: какой ты умный, какой ты красивый, какой ты талантливый, да ты во все игры играешь лучше всех, да ты просто обязан быть капитаном команды, а заодно не одолжишь ли на несколько дней немного денег, друг мой Амальрик?

Янош кивнул:

— Конечно, лучше всего жить честно здесь, и, кстати, особенно не утруждаясь. Я бы очень хотел верить, что так жить возможно. Все, что нам надо, — это оказаться в таком мире, где каждый добродетелен, как и ты сам. Я признаю, что не одобряю твое намерение отправиться на поиск торговой удачи на запад. Потому что я сужу тебя по себе.

— И что бы ты сделал на моем месте, друг мой Янош? Если бы вдруг чудесным образом превратился в Амальрика Антеро?

— Во-первых, я бы обеспечил постоянным доходом некоего Яноша Серый Плащ в знак снисхождения к его безумным мечтам. А затем я бы отправился на поиски торговой удачи. Но на восток. И если бы я остался в живых, то мое открытие не только бы сделало меня богатым и дало мне знания и могущество, превосходящие магию воскресителей, но и вселило бы в меня уверенность, что имя мое будут помнить отныне и до скончания веков.

— Ага, — сказал я, усмехнувшись. — Ты бы отправился на поиски Далеких Королевств.

— Вот именно.

Я рассмеялся, полагая, что именно этого он добивается своей шуткой. Но тут я увидел, что лицо его совершенно серьезно.

— Ты в самом деле полагаешь, что это место существует?

— Я не полагаю. Я знаю.

— О!

Мне стало неприятно. Такое же ощущение появлялось у меня, когда какой-нибудь ученый-наставник туманно говорил о знаниях, недоступных человеку, или когда мудрец начинал изощряться в красноречии перед пустоголовой проституткой.

В детстве я увлеченно слушал истории о таинственных Далеких Королевствах, расположенных далеко на востоке, за пределами изведанного. Большинство историй сходилось в том, что Королевства лежат за проливами Узкого моря, за мрачным Перечным побережьем, в землях, еще не нанесенных на карты. И если человек останется в живых, преодолев этот опасный и изматывающий путь, — в чем все сильно сомневались, поскольку мы были пигмеями по сравнению с героями древности, — то попадет он в страну сказочного богатства и чудес. Но я всегда считал Далекие Королевства, даже в детстве, вымыслом философов, мечтой простолюдинов, романтической балладой, сочиненной бардами. В прошлом, услыхав заявление, подобное тому, что высказал Янош, я бы просто вежливо улыбнулся, поболтал бы на эту тему немного, извинился и удалился восвояси — искать другого офицера к себе в компанию для открытия. Но теперь, решив жить честно, я стал

откровеннее.

— Я, как и мой отец, да и как большинство образованных людей, всегда полагал, что Далекие Королевства — миф. Примерно такой же, как верование крестьян, в то, что раньше был золотой век, когда все мужчины были сказочными богатырями, женщины — девственницами, рожавшими детей, все были счастливы и тому подобное.

И тут Янош спросил:

— А что бы тебя могло убедить в том, что этот миф — реальность?

Эта его реплика внезапно пробудила во мне то, что я так старался забыть, — видение одноглазого человека у реки, ночной кошмар, терзавший меня с тех пор, как я встретил Мелину. Было такое ощущение, словно в этот прекрасный весенний день ударил мороз. Я с усилием отмахнулся от всего этого и задумался над вопросом Яноша.

— Даже и не знаю. Не собираюсь, подобно какому-нибудь схоласту, рассуждать на тему, кто кого себе представляет: человек ли бабочку, бабочка ли человека. Но я не верю больше в сказки. Они были и будут. А я хочу быть ближе к жизни.

— Я представлю три аргумента, но не в той последовательности, как учит нас логика, — отозвался Янош. — И начну с самого сногсшибательного. Вот. — Он снял с шеи тонкую цепочку и протянул ее мне. На цепочке висела маленькая сломанная фигурка танцующей девушки, с руками, вскинутыми над головой; возможно, в одной руке ее некогда развевался платок или шарф. Статуэтка была обломана у бедер. Должно быть, сделана она была из серебра или какого-нибудь полудрагоценного металла и сейчас здорово потускнела. Но сама работа мастера была отменной: лицо девушки дышало счастьем, и если бы у меня было с собой увеличительное стекло, мне кажется, я рассмотрел бы каждую черту лица или рук.

— Прекрасно, — наконец сказал я. — Но такую работу я могу найти в любой лавке наших ювелиров.

— А ты потрогай.

Я коснулся ее пальцем. И статуэтка ожила, сделавшись вдруг целой. Цепочка словно исчезла, и девушка пустилась в танец на невидимой воздушной сцене перед моими глазами. Исчезло тусклое серебро, показалась кожа цвета слоновой кости, с легким розовым оттенком; волосы ее оказались черными, полотняное платье — фиолетовым. Я отдернул палец, и вновь передо мной застыла грязноватая, потертая фигурка.

— Такого я еще не видел, да и не слышал о таком, — признал я.

— И никто в этих местах не видел подобного, — сказал Янош. — Я спрашивал у разных жрецов и воскресителей. И никто из них не знал заклинания, необходимого для этой безделушки. Один глупец даже заявил мне, что существование такой фигурки оскорбляет законы волшебства и, значит, это произведение черной магии. Он даже приказал отдать ее ему, чтобы он «очистил» фигурку. Я забрал ее и сказал, что если он кому-нибудь расскажет об этом, то будет иметь неприятности.

— А где ты ее взял?

— Отец подарил мне ее на мой первый день рождения. Тогда она еще не была сломана. Когда мне исполнилось шесть лет, он рассказал, откуда она взялась. Мать говорила, что статуэтка обошлась ему в трех военных коней, жеребцов, чьи родословные восходили к самому Лошадиному Богу.

— И твой отец сказал, что она — из Далеких Королевств? — догадался я.

— Да.

Я замолчал, вновь размышляя обо всех этих простонародных историях о таинственных восточных землях. О том, какие великие маги правят там и насколько сильны их заклинания. Об улицах, украшенных большими золотыми статуями. И вот пожалуйста, самое настоящее доказательство работы кудесника! Да какой-нибудь самый знаменитый воскреситель счел бы создание этой безделушки достижением всей своей жизни, какому нет равных.

— А позволь спросить, как же она сломалась?

— Сейчас не время для этой истории, — тихо сказал Янош.

Я не стал настаивать.

— Что ж, твое первое доказательство оказалось весомым, — сказал я, возвращая Яношу статуэтку. — Но чисто из упрямства я мог бы сказать: мало ли кудесников в мире. Не всех же мы знаем, особенно в не открытых нами землях. Да и в открытых наверняка есть еще могучие отшельники, живущие в лесах и на горах.

— Это так. Но я все же возражаю — нет кудесников такой мощи. Мои второй и третий аргументы не столь впечатляющи, и я не могу дать их тебе потрогать руками. Просто расскажу. Ты слышал, как меня называют ликантианином. Но я совсем не оттуда, хоть и прослужил там несколько лет. На самом же деле я происхожу из другой страны, из Валарои, что за Узким морем. Это страна высоких гор и узких долин. Мое родное местечко называется Кострома.

— Никогда не слышал, — признался я.

— Да и откуда тебе было услышать. — Он, мне показалось, собрался рассказать о родине более подробно, но передумал. — Недалеко от нашей семейной крепости проходил торговый путь. Купцы платили отцу пошлины, и наши солдаты охраняли их от разбойников. Заплатив пошлину, купцы устраивали базар. Это случалось раза два или три в год, и эти события были для нас столь же знаменательны, как день Сева. Иногда отец приглашал кого-нибудь из купцов в дом. От души угощал и привечал гостя. Но даже не столько из радушия, а потому, что в наших глухих местах только таким путем и можно было узнать, что происходит, в мире. Среди разных историй рассказывали и о Далеких Королевствах.

— Тут я тебя прерву, — сказал я. — Неужели ты так доверяешь россказням проезжих купцов? Да они, чтобы продать на два медяка дороже штуку ткани, будут клясться, что ее ткали сами боги.

— Тем не менее, — сказал Янош, — слушать их истории было в детстве самое интересное занятие. Правда никто из них не утверждал, что лично побывал в Далеких Королевствах или хотя бы добрался до их пограничных постов. Но все, кто побывал далеко на востоке, видели их товары. Предметы роскоши, которые, переходя из рук в руки, становились лишь красивее. Иногда они кое-что тайком показывали нам, и это кое-что стоило гораздо дороже, чем мог бы позволить себе отец с его скромными доходами: лютни, прикоснувшись к которым даже мальчик с конюшни становился настоящим трубадуром; платье, а то и просто шарф, который превращал простую деревенскую девку в ослепительную соблазнительницу. Были и другие штуки — наподобие моей статуэтки, но еще более удивительные. Такие чудеса, о каких мы и понятия не имели; и по сей день я нигде, ни в каких своих путешествиях не видел ничего похожего.

Я ничего не сказал. Пусть Янош думает, что это действительно аргумент. Но не для меня, сына известного торговца. Нам тоже доводилось видеть всякие штучки, поражающие до глубины души, пусть и не такие, как танцовщица Яноша. Но если кто-нибудь осмелился бы утверждать, что они произведены в Далеких Королевствах, то его бы грубо осмеяли. Поскольку было известно, что в уединенных местах обитают колдуны, владеющие очень сильной магией, то изготовление таких диковинок обычно приписывалось кому-нибудь из них. Хотя, вдруг подумал я, почему, собственно, надо ссылаться на каких-то отшельников, живущих в джунглях или в горах, не объясняя происхождение таких побрякушек из особой страны?

Я задал Яношу этот же самый вопрос.

— На это ответить просто, — сказал он. — Ведь если кто-то будет думать, что существует страна, более благодатная и более цивилизованная, то возникнет естественный вывод: а почему бы тогда не отправиться туда?

Я кивнул:

— Да. Отец не раз говорил мне, что как только я увижу другие страны, то перестану так уж безудержно восхищаться Ориссой. Правда, когда хвастаешься тем, что видел другие страны, это вызывает у недалеких простаков лишь негодование, пусть они и делают вид, что слушают тебя с благоговением. Что ж, капитан Серый Плащ, твой аргумент зазвучал теперь

весомее, чем мне показалось поначалу. Каков же третий?

— Прежде чем я тебе его изложу, нам, наверное, следует пойти в трактир. Со смазкой в брюхо все легче проскакивает. А эта история как раз из тех, которую надо рассказывать, когда все немного выпили, а за окном бушует полночная вьюга.

— История с привидениями? Я их люблю, — сказал я.

— С привидениями? Не знаю. Назови их как хочешь. Но эта история приключилась со мной лично.

Мы отыскали уютный винный погребок с приветливой, улыбающейся хозяйкой, подающей прекрасное вино. Янош начал рассказывать:

— Это случилось тогда, когда наш предсказатель по внутренностям убитых животных наконец решил, что наступил долгожданный момент для принесения в жертву животного, выбранного из стада моего отца. Как правило, по этим кишкам ничего понять невозможно. Но иногда наш предсказатель предрекал ужасные вещи. И на этот раз он увидел, что надобно ввести, как говорится, комендантский час. То есть от сумерек до рассвета все женщины, мужчины и дети нашей долины должны находиться в домах. Стада должны быть оставлены без присмотра, и даже на наблюдательных вышках не должно быть часовых. И это на четыре ночи. Людям было приказано сидеть у очагов, плотно затворив ставни и задернув занавески. В эти часы иногда снаружи доносился какой-то грохот. Примерно такой, какой производит проезжающий по улице конный патруль. Кое-кто клялся, что даже слышал, как поскрипывала упряжь. Но на рассвете никто не мог отыскать следов подков. Вообще никаких следов.

— Мало ли что ночью не происходит на улице? — высказался я. — И что там гремит? Я и сам частенько в детстве лежал, не в состоянии заснуть, прислушиваясь, как по улице бродят демоны и кто-то топочет по крыше над моим балконом, только и поджидая, как бы наброситься на меня. Но я считал, что я не такой дурак, чтобы выходить наружу и смотреть, что там такое.

— А вот я это сделал. — Янош слегка улыбнулся. — Я сбежал из спальни по веревке, которую еще днем украл из караульного помещения, и сбежал как раз в тот момент, когда предсказатель прокричал последнее предупреждение.

— И разумеется, именно в этот раз никаких всадников не оказалось, — высказал я предположение.

— Дело не в этом. Внимательно прислушиваясь ко всем слухам, я нарисовал небольшую карту местности вокруг нашей крепости. На ней я отметил места, где, судя по рассказам, наиболее часто появлялись эти наездники. Одним из таких мест был узкий проулок за большим коровником моего отца. Шириной не более восьми стрел — мы в Костроме пользовались такой мерой длины. А все наше местечко тянулось по долине где-то на треть лиги. И вот в этом проулочке я и спрятался на оливковом дереве. Луна была ровно в половинной фазе. Я стал ждать. Не знаю, долго ли ждал. Было часов восемь или девять, потому что я, несмотря на все свое возбуждение, умудрился заснуть. Меня разбудили звуки. Как и говорили, я услыхал грохот подкованных копыт.

— Но ничего не увидел.

— Ничего не увидел в проулке, — сказал Янош, вглядываясь в бокал, как в волшебное зеркало, показывающее прошлое. — Но я увидел двоих, едущих по холму над проулком, двух всадников. Я подумал, что это люди. Они были вооружены. По крайней мере, мне казалось, я вижу отсветы луны на их доспехах и наконечниках пик. И на шлемах с высокими плюмажами. Даже лошади были в доспехах. Во всяком случае, я увидел, как отразился лунный свет на голове одного из коней. Они занимали именно такую позицию, которую сейчас приказал бы занять патрулю и я — в случае нахождения на неприятельской территории. Они осматривали проулок, чтобы основные силы не попали в засаду. Грохот копыт стал громче, а затем проследовал дальше по нашему местечку. После этого два всадника умчались прочь, чтобы, вероятно, присоединиться к остальным. Звуки затихли вдали. Всадники направлялись на восток, туда, где, согласно легендам, лежат Далекие

Королевства. Я побежал домой и юркнул в постель, словно за мной гнались.

— А на следующее утро, когда ты вернулся на то место?

— Там ничего не было. Никаких следов подков на мягкой почве вершины холма, ничего в проулке. Никаких следов того, что прошел разведывательный отряд.

— Приснилось, — сказал я, разочарованный тем, что в истории Яноша не оказалось ни окровавленных отрубленных голов, ни пропавших бесследно крестьян, ни коров, в панике бросившихся со скалы.

— Несомненно, — с улыбкой согласился Янош. Он глянул в сторону умирающего за окном заката. — А еще мне приснилось, что сегодня в ночь я назначен дежурным офицером. И времени у меня осталось только на то, чтобы добраться до казарм и успеть нацепить все те побрякушки, которыми я громыхаю, обходя пост. Этот день доставил мне удовольствие, друг мой, — сказал он, доставая серебряную монету, несмотря на мои протесты. — И ты убедил меня, что такая штука, как Далекие Королевства, не существует. Может быть, и завтра проведем день вместе и я помогу тебе составить план путешествия за твоим открытием, поскольку мне уже приходилось совершать небольшие путешествия на запад.

И он удалился.

Я остался и заказал себе еще вина. Отчасти из желания понять, кому же из нас двоих улыбалась хозяйка заведения, а отчасти для того, чтобы поразмышлять над тем, что он мне поведал. И, несмотря на то, что Янош предупредил меня об отсутствии логики во всем этом, у меня все же было ощущение, что там, далеко на востоке, где сейчас вставала темнота и загорались золотом звезды, находились легендарные Далекие Королевства.

За последующие недели я виделся с Яношем несколько раз, когда он был свободен от дежурств. Избавившись от гипноза Мелины, я готовился к моему открытию, беседуя со старыми купцами и выслушивая истории путешественников и моряков на причалах, словно я опять стал ребенком. Но теперь-то я знал, что искать. Отец с одобрением отнесся к моему новому горячему увлечению, и с его стороны иронических высказываний по моему поводу становилось все меньше и меньше. Невольное внимание я обращал и на легенды о Далеких Королевствах, пытаясь отыскать в них смысл. Отыскать же его было невозможно: в одних повествованиях говорилось, что маги Далеких Королевств заставляют лошадей летать, а в других утверждалось, что маги настолько могущественны, что вообще нет нужды в тягловых животных, предметы там летают по воздуху по приказу любого человека.

Некоторые из этих историй я пересказывал Яношу. Он выслушивал вежливо, но скептически. Словно его это вообще не интересовало. На самом же деле он вел себя так, как и я в нынешние дни, когда предлагаю какому-нибудь скупому портному партию парчи по цене выше, чем он готов заплатить. «Я согласен, любезный, что, возможно, эта материя, даже если не обращать внимания на то, что она редкая и тонкая, стоит дороговато. Я и сам две недели торговался за нее». Или: «Разумеется, с этой материей надо аккуратно работать, а стало быть, и покупать одежду из нее будут люди избранные». И так далее, и тому подобное, пока бедолага уже всерьез не задумывается об убийстве в случае, если я не уступлю в цене.

Однажды вечером Янош пригласил меня поужинать в офицерской столовой вместе с его друзьями. Я был польщен. Личная охрана магистрата относилась к элите Ориссы, и такое приглашение считалось большой честью. Кроме того, мне надо было знать мнение Яноша кое о чем. Оставалось только подготовиться. Янош проводил меня на виллу отца, где я вымылся и переоделся в черные бархатные бриджи и просторную красную шелковую рубашку с широким шнурованным воротом, ботфорты и длинный плащ. Я сказал Инзу, что сопровождать меня нет необходимости — слуг там будет предостаточно.

Когда мы сумеречными улицами шли к казармам, я попытался разузнать у Яноша, почему он, с его страстью к острым ощущениям, служит здесь, в охране магистрата. Конечно, это была почетная служба, но проходила она большей частью в охране цитадели, храма Воскрешения и других больших общественных зданий Ориссы, где никаких, разумеется, приключений ожидать не приходилось. Янош согласился: здесь было скучно. Но выбора у него не было. Как только он появился в казармах, желая добровольно поступить на

службу, и там услыхали имя его матери, он был обречен.

— Я рвался на границу, в разведывательный отряд, где действительно пахло кровью и можно было вдоволь помахать саблей. Они же сочли, что представитель семейства Кетер не может там служить. И вот я капитан охраны магистрата. Вроде бы культурное общество. Но как тяжко! Ты знаешь, что в офицерской столовой считается верхом неприличия обсуждать войны, политику, религию или женщин? Темы одни и те же: лошади, собаки, охота, опять, опять и опять. Если я услышу еще хоть одну историю о собачьей выставке, я буду вынужден поведать о том, как целый месяц жил, как собака, на южной границе Ликантии. Хотя на самом деле было неплохо — я питался беконом и мясом, — сказал он задумчиво. — Ну хорошо. Не было еще такого солдата, который не плакался бы на судьбу при первой возможности. Это его право, завоеванное саблей и отполированными пуговицами.

Обстановка в офицерской столовой охраны магистрата была роскошной: серебряные тарелки, хрустальные бокалы, каждый столик накрыт скатертью из тонкой материи. В центре, окруженные столами, располагались военные трофеи. С высоких потолочных балок свисали и стояли прислоненные к стенам военные знамена. Янош извинился и отошел. Вернулся в полной парадной форме — в коротких мягких кожаных сапожках, парчовых панталонах и мундире. Поверх него Янош надел куртку-безрукавку, сшитую так, словно это были доспехи. Вместо обычной его сабли, висящей на плече, он надел портупею. На ней висели стандартная короткая сабля и кинжал. Над ярко начищенным, открывающим лицо шлемом покачивался высокий плюмаж. Похоже были одеты и другие офицеры.

Среди толпы сновали слуги с подносами, уставленными бокалами с вином. Один из них остановился перед Яношем. Он поколебался, затем покачал головой:

— Нет, за ужином я обойдусь водой.

Я услыхал чей-то низкий, сочувствующий смех. Я был озадачен… Уж непьющим Яноша никак нельзя было назвать. И тут я припомнил кое-что из того, что рассказал мне отец, когда в глубоком отчаянии я однажды поклялся, что вообще буду обходиться без денег, поступив в армию. Он тогда весело рассмеялся и спросил, в какую часть я собираюсь вступить? Может быть, в охрану магистрата? Я сердито пробормотал, что может быть. Тут-то он и поведал мне, во что обходится пребывание в этом полку: жалованья младшего офицера едва хватает на оплату счетов этой самой офицерской столовой. Служба в охране магистрата была по карману лишь богатым. Для того чтобы выглядеть более-менее прилично, требовалось порядка десяти тысяч серебром в год. Ведь приходилось шить дюжину, если не больше, различных форм, содержать несколько боевых коней, личную прислугу и так далее. Я припомнил, что Янош чуть ли не по два раза на дню жаловался на нищету.

Я понимал его положение, хоть и принадлежал к избранной группе сыновей самых богатых людей Ориссы. Нам-то не приходилось задумываться о деньгах. Правда, я знал одного из офицеров этого полка, юношу на год моложе меня, чей отец сделал несколько невыгодных вложений капитала, после чего молодой человек не мог себе сшить новый плащ для парада, не мог отдать в починку единственную рапиру. Его это ужасно смущало, хотя я не помню, чтобы я или кто-то из его коллег намекал ему на это. Хоть и служака из него был отменный, все же однажды ему пришлось перевестись отсюда.

Итак, Янош не мог себе позволить вина. Хорошо. Я подозвал лакея, будучи уверенным, что не оскорблю здешние привычки. Через несколько минут он объявил, что сегодня вечером вином угощает Амальрик Антеро в честь пребывания среди таких достойных воинов. Наполнили бокалы, и я провозгласил тост. Я на мгновение поймал на себе косой взгляд Яноша.

После второго тоста мы сели за столы, и я увидел, что офицеры питаются гораздо лучше, чем я полагал. Я подумал о сержанте и копейщиках, проживающих в казармах, и вспомнил, что и их обеспечил однажды продуктами. В тот раз Янош сказал, что у них на ужин будет мясо, значит, как правило, едят они похуже. А это, по-моему, было неверно. Да и отец говорил мне: или питайся тем же, что и твои служащие, или ешь отдельно, дома.

Никому не понравится хвастовство богача, если он не делится с остальными.

Закончив трапезу, высшие офицеры откланялись. Теперь вечер принадлежал средним офицерским чинам. Вино и бренди полились обильнее. В таком обществе по пьянке всякое могло случиться. Но я уныло думал лишь о том, что наутро мне головная боль обеспечена. Я старался держаться, чтобы не опозориться и первому не рухнуть лицом в тарелки. Остальные же, однако, ни в чем себя не стесняли. Голоса становились все громче, жесты резче, а смех все безудержней. И тут в промежутке тишины я вдруг услыхал отчетливо прозвучавшее заявление:

— Разумеется, инородцы не совсем уж бесполезны. Их женщины бывают эффектны. Да и солдаты они бравые, хотя, подозреваю, они побегут, как только грянет бой.

Воцарилась могильная тишина. Все посмотрели на Яноша. Тот побледнел, лицо превратилось в посмертную маску, ярко выделялась лишь навощенная, завитая борода. На заявившем это офицере были знаки отличия капитана. Кто-то попытался прервать тишину, но сказал три слова и замолк.

Янош подозвал к себе слугу. Взяв из его рук серебряный поднос, он вытащил свой кинжал. И положил оружие на поднос так, что за край выступал эфес. Затем Янош подозвал к себе какого-то младшего офицера:

— Передайте это капитану Геррону. И скажите ему, что у этого кинжала есть брат, который принадлежит капитану Яношу Кетеру Серый Плащ. Эти братья должны встретиться. Через час, на учебном плацу.

Я понимал, что такой вызов не ограничится дуэлью до первой крови, как это было в моей практике. Сегодня вечером кто-то из них станет трупом. Юный офицер, бледный, как и Янош, подошел к другому капитану, протянул ему поднос с кинжалом и повторил слова Яноша. Геррон не принял кинжал. Вместо этого он покраснел, потупился и пробормотал:

— Это была всего лишь шутка.

— Передайте достопочтенному капитану, что я не увидел в ней никакого юмора. Возможно, наша встреча вне этих стен и просветит меня. Или, может быть, капитану будет угодно извиниться? — сказал Янош, слегка отклоняясь от правил кодекса чести, поскольку, говоря так, он хоть и не впрямую, но все же оскорблял капитана.

Вновь воцарилась тишина. Наконец Геррон пробормотал:

— Я хотел бы извиниться, если мое замечание невольно оскорбило капитана Кетера.

Янош три раза глубоко вздохнул.

— Извинения принимаются, — сказал он. — И случай этот забыт. Вызов отменяется, Геррон.

И пока кинжал плыл через зал на подносе и затем возвращался в ножны, я понял, как и другие здесь находящиеся, что Янош намеренно не обратился к Геррону по званию и не назвал его собратом по оружию или как-то еще, что действительно бы означало забвение инцидента. И, стало быть, трусость Геррона запомнится надолго. Именно так я оценивал его поведение тогда, когда моя кровь была еще горяча, а волосы рыжи. Нынче же я знаю, за что стоит сражаться и что только дурак может безрассудно играть со смертью.

Янош взялся за очередной бокал с вином и тут поймал мой взгляд.

— Послушай, — сказал он негромко, — может быть, пройдемся? Что-то воздуху здесь мало.

И, не дожидаясь ответа, он направился к выходу. Я двинулся следом. Выйдя из зала столовой, он натянул на плечи плащ и глянул на освещенные окна казарм.

— Вот видишь каково, — сказал он, обращаясь равно как к себе, так и ко мне. — Если продолжать оставаться в этой клетке, огрызаясь и испытывая прочность клинков, то рано или поздно дело закончится смертью. Может быть, такого вот грубияна, как Геррон, а может быть, и моей собственной. Этот город и эта парадная показуха больше меня не удержат. Пойдем! — Он стал спускаться с холма, а я за ним.

— Куда мы идем?

— Не знаю, — сказал Янош. — Мне нужна компания мужчин, а не хлыщей. Мужчин…

и женщин. Пройдемся до реки.

Я пожал плечами. Почему бы и нет? Мне тоже наскучила обстановка офицерской вечеринки, как и банкеты гильдии, в которую входил мой отец.

Наш путь пролегал через одни из городских ворот. Как обычно, во времена, когда городу не угрожала опасность, внутренние ворота из прочного дерева были открыты, закрыты были лишь внешние, искусно выкованные железные. За ними, далеко в поле, виднелись огни, а на их фоне — шатры палаток. Оттуда доносились крики, смех, звуки флейт и дробь барабанов.

— Часовой, — подозвал Янош одного из стражников. — Кто там расположился?

— Племя айфора, капитан. По вечерам им нет доступа в город, потому что…

— Я знаю о причинах, солдат. Открой ворота. Этим вечером мне подойдет их компания.

Я, как и Янош, знал, почему этому племени не разрешалось входить в город. Это была одна из тех многочисленных опасностей, с которыми приходилось считаться купцу в странствиях, а мой отец досконально разбирался в нраве этих варваров. Айфора были кочевниками, приходящими из южных пустынь. Они славились ловким воровским искусством, пробираясь мимо любой охраны проходящего по их территории каравана и умыкая то, что хотели. А если их набиралось достаточное количество, а хозяин каравана оказывался недостаточно смел, следовала беспощадная резня и угон женщин в плен. Враги знали их как храбрых и безжалостных противников, изобретательных по части пыток. Нечасто заходили они на север, в цивилизованные районы, в основном чтобы продать свои красивые ковры, тонкие шерстяные одежды и экзотические ювелирные украшения. В городах на торги их пускали очень ограниченно. Айфора считали своей священной обязанностью освобождать людей от любой собственности, путем ли хитрости, путем ли угрозы саблей. И их совершенно не заботило, что они могли быть за это арестованы и даже подвергнуты пыткам.

Я раздумывал, что же такое сказать Яношу: уж коли он избежал опасности для жизни на дуэли, то стоит ли подвергать себя очередному риску — риску оказаться с перерезанным горлом? Но хоть я боялся и был весьма не уверен в себе, я ничего не сказал. Кроме того, наслушавшись историй о грудах черепов, найденных в пустынях, и о воплях женщин, доносящихся из песков, я страшно желал узнать, как же на самом деле выглядят эти страшные айфора. Я нащупал свою шпагу, сожалея, что не имею кинжала, а под рубашкой у меня не надета кольчуга. Еще мне хотелось напомнить Яношу, что, направляясь туда, он несет с собой только обычную короткую саблю вместо излюбленной длинной и обоюдоострой.

Когда мы подошли к табору, из тьмы выплыла огромная фигура какого-то человека.

— Ориссиане… нет. Не ходить. Не приглашать. Повредить. Быть убит.

Янош о чем-то с ним бегло заговорил. Эта громадина что-то проворчала и ответила Яношу, похоже, на том же языке. Проявилось еще одно достоинство Яноша — он оказался другом айфора. Мне следовало бы догадаться. Вряд ли бы он направился ночью в их логово, если бы был абсолютным чужаком. А эти двое болтали о том и о сем. Чудовище смеялось, как развеселившийся медведь. Янош обернулся, показывая на меня. Последовали еще какие-то слова. Чудовище фыркнуло. Янош нахмурился и заговорил вновь. Последовал взрыв грубого смеха.

— Достань клинок, — сказал Янош. — Прижми ко лбу, а затем отдай ему.

Я застыл в нерешительности, затем подчинился. Человек принял оружие, повернулся и что-то зычно крикнул в сторону табора. Минуту спустя к нам подошел высокий, представительный мужчина в роскошной мантии. Кожа его, черная как ночь, блестела в свете костров. По бокам шли два нагих охранника с саблями наголо. Кстати, остановивший нас сторож тоже был голым.

— Это, — тихо сказал Янош, — должно быть, их нам'и. Вожди айфора верят, что чем темнее кожа человека, тем больше покровительствуют ему боги. А поскольку все они в

основном светлокожие, то черный среди них автоматически становится благородным человеком. Как только такой мужчина или женщина появляются, то такому человеку суждено быть правителем племени. Это поверие живет у них давно, с тех времен, когда, как они сами говорят, айфора еще были варварами. Они тогда победили все соперничающие племена и стали хозяевами пустыни. Оттуда и пошло их величие.

Я удивился, на мгновение забыв об опасности. Ничего подобного не рассказывал мне ни отец, ни другие купцы в их полувымышленных историях о стычках с кочевниками.

Черный человек поприветствовал Яноша, который поклонился. Я понял намек и сделал то же самое. Янош вытащил саблю, прижал ее ко лбу и отдал нам'и. Черный человек повторил жест и вернул оружие. Янош что-то сказал, указав на меня. Нам'и взял мою шпагу у охранника, сделал с ней то же, что и с саблей Яноша, и вернул мне. Мы еще раз раскланялись, и нам'и, отступив в сторону, кивком пригласил нас проследовать в лагерь.

— Теперь мы почетные гости айфора. И с этой минуты и до рассвета третьего дня мы их кровные братья. В течение этого времени нам будут предлагать самое лучшее, что у них есть, а если на нас нападет какой-нибудь враг, то они будут мстить ему так же, словно он напал на одного из них.

— А что случится, если мы задержимся здесь дольше чем на три дня?

— Эх-хе-хе, — сказал Янош, разведя руками в знак того, что случиться может все что угодно. — Тогда предстоят другие переговоры. Во всяком случае, они разрешат нам бежать, прежде чем начать преследование.

Нас провели в центр лагеря, туда, где горели костры. Земля была покрыта коврами, а сидеть и лежать можно было на грудах подушек. Кругом возвышались круглые шатры, сделанные из рыжих шкур какого-то животного. Вокруг самого большого костра разлеглись пятьдесят или шестьдесят мужчин и женщин. Я был представлен какому-то человеку, который поклонился мне как лучшему другу и приготовил мне сиденье. Он взмахнул рукой, и из мрака выступила девушка моложе меня на несколько лет. Человек что-то сказал ей, она захихикала и поклонилась мне. Затем девушка исчезла в одном из шатров и вернулась с широкогорлым кувшином. Я взял кувшин и посмотрел на Яноша в ожидании наставлений. Тот уже расположился среди подушек в обществе двух молодых женщин.

— Пей.

— А что это?

— Ты пей. А я тебе потом скажу. И пей основательно, иначе обидишь.

Я подчинился, и тут же в затылке у меня словно что-то взорвалось. Мир вокруг меня закружился. Желудок подпрыгнул, протестуя. Но каким-то образом жидкость удержалась внутри, и по внутренностям расплылось тепло, тепло перешло в жар, жар превратился в переливающуюся раскаленную радугу, и я подумал, что, если мне удастся усидеть, это будет чудом. Действие напитка оказалось мгновенным. Я свалился на подушки, и девушка забрала у меня кувшин.

— Глубинный напиток, — сказал Янош. — Перебродившее молоко их кобыл и перебродившая кровь коров. Затем все это смешано с цветками особого кустарника, выбранного знающим нам'и. Судя по крепости, им знакома перегонка. Так бы ты решил. На самом деле напиток свои качества приобретает всего лишь под воздействием заклинаний нам'и. Но мне так и не удалось заставить ни одного из них обучить меня этим заклинаниям, — сказал он. — Если бы я мог узнать это искусство, то в моих путешествиях, которые я хотел бы совершить, мне не понадобились бы ни деньги, ни солдаты, ни оружие.

Одна из двух женщин, обслуживающих Яноша, принесла ему такой же кувшин. Янош осушил его и бросил через плечо.

— Одно из величайших достоинств племени айфора — это его дочери. Несмотря на презрение к слабакам «болотистых земель», считалось большой удачей, если молодые девушки племени ненадолго становились куртизанками в городах. Они возвращались в племя нагруженные серебром, на которое покупалось богатое приданое из коз и лошадей, и они с большим почетом выходили замуж. И процветание их семейной жизни во многом

зависело от успеха в выбранной ненадолго профессии. Такова судьба их женщин, если только в возрасте одного года предзнаменование не указывало стать ей главой племени или членом совета; в иных случаях женщин ждала обыкновенная судьба рожать детей и прислуживать в таборе мужчинам. Кстати, девушка, что рядом с тобой, — дочь человека, которого нам'и почтил честью принимать тебя в качестве гостя. И зовут ее Тепон.

Большинство ориссиан сочли бы женщин айфора глубоко безнравственными. Я же, то ли в силу глубинного напитка, то ли в силу того, что за стенами Ориссы можно было ожидать чего угодно, повернулся к девушке и улыбнулся ей. Она, осмелев, придвинулась ближе и чуть пошире распахнула халатик. Пахнуло розами и мускусом.

Тепон улыбнулась. Накрашенные губы, сладкое дыхание и остренькие зубки придавали ее облику нечто экзотическое. Я еще хлебнул глубинного напитка. Девушка заговорила со мной. Голос звучал мягко и мелодично. Я покачал головой. Я ничего не понимал.

— Она в восторге от цвета твоих волос. Он напоминает ей рассвет в пустыне, — перевел Янош.

Я пробормотал в ответ что-то несвязное. И тут только до меня дошел смысл всего происходящего.

— Янош, друг мой, а ведь айфора — тоже люди, не так ли?

— Разумеется.

— Тогда наше пребывание здесь в качестве гостей должно иметь свою цену. Вряд ли мы отделаемся цветом моих волос и твоим знанием их языка.

— Цена действительно есть, — начал было Янош, но тут поднялся какой-то мужчина и позвонил в искусно разукрашенный колокол. Зазвучала флейта, за ней другая, зазвенели цимбалы. Ритмично загрохотал огромный барабан. — А, — сказал Янош. — Теперь понял. Цена будет невысока.

Он поднялся, вытаскивая саблю из ножен. Одна из девушек при этом раздевала его, заинтересовавшись, что же у него под плащом. Он подбросил саблю в воздух и поймал за рукоять.

— Нет, — сказал он. — Мне нужна настоящая сабля, — и бросил этот клинок на землю. Он что-то громко выкрикнул на языке айфора и тут же поймал вылетевший из темноты громадный кривой ятаган. Янош начал его подбрасывать, на стали отражалось пламя костров, у меня в глазах зарябило. Поднялся нам'и и нараспев что-то забормотал. Не знаю, благодаря ли напитку, воображению ли, но я совершенно ясно понял историю, которую изображал своими движениями Янош, танцуя сначала медленно, а затем все быстрее. На нем теперь оставались только форменные панталоны. Это было сказание о великом воине, который, побежденный злыми духами и колдунами, был вынужден бежать в глубь пустыни, где нельзя было найти даже костей ишака. Там он бродил какое-то время. Там его пытались убить злые духи сухих солончаков — тут Янош изобразил несколько причудливых движений клинком, — но герой выиграл схватку с ними. Но, оставаясь в одиночестве, измученный, он был близок к смерти, и тут бог пустыни сжалился над ним. Рядом с Яношем задвигались две привечавшие его девушки, кожа которых, освещенная огнем, сияла, как шелк. Они игриво касались тела Яноша, извиваясь своими телами. Получив такую поддержку, он продолжил танец. Дух ветра накормил героя и понес его через пустынные пески к лагерю врагов. Внезапно Янош остался в танце один, сверкала сабля, словно сражаясь с невидимым недругом. И наконец воин восторжествовал, а враг мертвым пал у его ног. И все богатства соперника принадлежали теперь ему. Но воин отверг их. Он решил вернуться в пустыню. В объятия пустынного ветра.

Янош остановился, и стихло напевное бормотанье нам'и. И наступила тишина, в которой потрескивали лишь горящие ветви. Затем звякнули цимбалы, раз и другой. На лагерь налетел внезапный порыв ветра. Янош поклонился. Кому? Айфора? Ветру? Танцу? Я не понимал. К нему подошли две его женщины и взяли его за руки. И повели в шатер.

Моих губ опять коснулся кувшин. Я щедро отпил. И откинулся назад, привалившись к телу Тепон, и ее пальцы начали нежно ласкать меня. Мне показалось, наступил решающий

момент для меня.

— Яношь! — негромко окликнул я.

— Я слышу.

— Ты пойдешь со мной? К Далеким Королевствам?

Откуда-то послышался раскатистый смех.

— Ну конечно! Еще бы! А я уж думал, ты никогда и не спросишь.

А потом не осталось ничего, кроме Тепон, тишины, как по волшебству окружившей нас, нашего с нею одиночества, ее тела, отблесков костра неподалеку.

Проснулся я на рассвете. На мне из одежды был лишь плащ, обернутый вокруг пояса. Надо мной, склонившись в любопытстве, стоял козел. Я лежал на каменистой почве, солнце уже обжигало мою кожу. Голова Тепон покоилась на моем животе. Барабаны ночи колотились теперь в моей голове.

И я был полон решимости отправиться в Далекие Королевства.

Глава пятая
ВОСКРЕСИТЕЛИ

Моя сестра с грохотом ворвалась в тренировочный зал, расшнуровала кирасу и сбросила ее на пол.

— Если ты любишь меня, мой дорогой брат, — взмолилась Рали, — дай мне напиться, пока я не погибла от жажды.

Я поспешил к камину, где кипел приправленный специями пунш, снял щипцами кувшин и налил дымящегося ароматного напитка в бокал. Это был любимый напиток сестры. Она усмехнулась, когда я протягивал ей бокал.

— Какой заботливый брат, — сказала она. — И какой бескорыстный. Готов исполнить любой приказ сестры, не ожидая награды. — Она припала к напитку.

— Не дразни меня, Рали, — попросил я. — Я и так плохо сплю после нашего разговора на прошлой неделе.

— О, насчет того, как ты спишь, можешь мне не жаловаться, — со смехом сказала она. — Ты наверняка подливаешь своей подружке очередную порцию любовного напитка, и она всю ночь не дает тебе спать. — Сестра прошлась по залу, сбросила со своих длинных ног сандалии и устроилась на кушетке. — Разотри-ка мне ноги, — скомандовала она, — и три, пока не скажу — хватит.

Я бросился выполнять команду. Мне не терпелось узнать, на чьей же стороне сестра. Если она не за меня, то у меня мало шансов уговорить отца согласиться с предложенным Яношем планом отправиться на поиски Далеких Королевств. Если же она «за» и берет на себя задачу уговорить отца, то появляется надежда на то, что он благословит и финансирует мою первую самостоятельную экспедицию.

Рали вздохнула, пока я терпеливо массировал ее уставшие ноги, и выпила еще.

— Эта жизнь убьет меня, — сказала она. — Каждый день одно и то же. Каждое утро надо вскакивать и гонять на занятия моих женщин. До сумерек вожусь с бумагами, и только перед сном немного вина и жареного мяса в компании с Отарой. Сил едва хватает на то, чтобы ночью лишь немного поласкаться с Отарой. Она уже начинает оплакивать меня, как покойницу.

Отара не первый год была ее любовницей. Маленькая, заботливая женщина хрупкой красоты, она до безумия была влюблена в мою сестру, и если бы потребовалось, то отдала бы за нее и жизнь. Но не потому, что Рали была такой уж беззащитной. Сестра была высокой, мускулистой женщиной с узкими бедрами. Она была старше меня на десять лет и в боевом искусстве всегда меня превосходила. Стремительная в нападении, как волк, и гораздо более его опасная. Она с одинаковым мастерством владела саблей, дротиком и мощным роговым луком.

Но еще никто, даже по ошибке, не принимал ее за мужчину, а уж сама она и подавно не

копировала мужское поведение. Обладая приятными формами и изящными движениями, она лишь в разговоре позволяла себе солдатскую простоту. Когда я был еще малышом и мне позволялось находиться в ее ванной, я помню, как был изумлен, увидев молочно-белую кожу там, куда не допускалось солнце. Там, где у меня потом выросли рыжие волосы, у нее они были бледно-желтыми. А глаза голубели цветом чистого моря.

— Как бы я хотела схватиться с кем-нибудь, чтобы разогнать кровь, — продолжала Рали, пока я растирал ее натруженные ноги. — Или совершить настоящий, а не тренировочный поход. Чтобы устрашить врага. Или осадить какой-нибудь город. — Она поднесла к полным губам бокал и еще отпила. — Но что-то мне не верится, что такое может случиться в недалеком будущем, — сказала она. — Магистрат боится отпускать нас далеко от Ориссы. Боится, что в наше отсутствие налетят орды варваров.

Рали была капитаном гвардии маранонок. В те времена это войско состояло из пятисот женщин-воинов, давших клятву любимому женскому божеству войны — Маранонии. Они отрекались от замужества, от материнства и остальных нормальных функций женщины, принятых в нашей культуре. Эти женщины-охранницы были отлично вымуштрованы и занимались охраной Ориссы. Хотя среди них лишь немногие всерьез ненавидели мужчин, но зато все в качестве сексуальных партнеров предпочитали женщин.

— Еще бокал пунша? — спросил я. — Или, может быть, хочешь поесть? А хочешь, отнесу тебя в ванную. И вообще, твой брат-подхалим готов выполнить любое желание своей сестры. Сестры столь же прекрасной, как и мудрой. Такой же мужественной, как и нежной. Такой же…

— Заткнись, пока меня не вырвало, — засмеялась сестра. — Ну хорошо, Амальрик. Твоя взяла.

Я уже не массировал ее ноги, а ласково их поглаживал.

— О, поведай мне, пророчица, — запричитал я. — Поведай, что на сердце у меня.

Рали хихикнула, но не над моей остротой, а оттого, что ей стало щекотно. Это местечко я отыскал у нее на ноге, еще когда был ребенком, а она была зеленым новобранцем.

Моя сестра была одним из немногих людей, с которыми я чувствовал себя совершенно непринужденно. Не было такого секрета, который бы я ей не доверил, не было такого проступка, который бы она мне не простила. Но она никогда не злоупотребляла этим доверием и не становилась назойливо любопытной. И всегда и во всем я доверял ее советам. Может быть, именно потому, что ее не было со мной последние месяцы, я ввязался в эту историю с Мелиной и слишком уж увлекся, чтобы прислушиваться к голосу разума. Когда же я наконец обратился к Рали, она сказала примерно то же самое, что и Янош. Она сказала, что происшедшее лишь сделает меня опытнее в житейских делах.

— Я не собираюсь уговаривать тебя не поступать так впредь и больше не грешить, — сказал она. — Но я бы хотела надеяться, что в следующий раз твои грехи не обойдутся тебе так дорого и… с такой оглаской. — Затем она впилась в меня своими голубыми глазами и спросила, что я намерен предпринять дальше.

— Пора сделать собственное открытие, — отвечал я. — И помочь отцу в его деле.

— Отличные слова, дорогой брат, — оказала она. — Но я сомневаюсь, что это действительно то, что ты хочешь. Уже некоторое время я замечаю в твоем поведении нечто, имеющее причины более глубокие, нежели просто юношеское безрассудство. И видимо, тебя не прельщает скучная жизнь торговца.

Только тут я понял, насколько проницательна моя сестра-воин. Наверное, я действительно сопротивлялся унылому будущему в обществе людей, озабоченных лишь наживой.

— Как ты угадала! — вскричал я. — Если бы я и хотел быть купцом, подобно отцу, то все же желал бы совершить нечто большее, чем просто продолжать семейное дело. Я хочу найти собственный путь, а не быть только сыном богатого человека, всем обязанным деяниям старших.

— И что же ты собираешься предпринять? Ты уже что-то придумал? — спросила она.

Я рассказал ей о Далеких Королевствах и о моем желании сделать их целью моего открытия. И еще я рассказал ей о Яноше. Она слушала внимательно и не высказывала своего мнения, пока я не закончил рассказ. Затем она сказала:

— Я не скажу ни нет, ни да. Во всяком случае, пока. Однако… Для начала я хотела побольше бы узнать о твоем новом друге, Яноше Серый Плащ. Только после этого я выскажусь окончательно.

Я понял, что наступило время серьезных решений. Несмотря на веселое настроение сестры, в глубине души я с мучительным нетерпением ожидал, что она скажет что-то очень важное. Сестра подтянула ноги на кушетку и села прямо.

— Принеси-ка мне, пожалуйста, еще выпить, — сказала она, — а я расскажу тебе, что узнала.

Я мгновенно выполнил ее просьбу и сел рядом, едва дыша.

— Ты уж прости меня, дорогой Амальрик, — сказала она, — что я к твоей затее отнеслась с подозрением. Прежде чем оценить твой замысел, я принялась разнюхивать, уж не относится ли твой друг к числу негодяев. — Поднятая рука прервала мой протест. — Ты должен признать, что компании, которые ты водил в последнее время, состояли из весьма подозрительных молодых людей и девиц. А все, что я знала о нем, это только то, что Янош — новый, хоть и самый лучший друг.

Я кивнул, признавая ее правоту.

— Для начала, — сказала она, — я перемолвилась с моими знакомыми из охраны магистрата. И пришла к заключению, что Янош не только блестящий солдат, но и умелый командир, настоящий лидер. — Я с облегчением перевел дыхание. — Но не торопись, — предостерегла меня Рали. — Все не так просто. Похоже, за то короткое время, что прослужил здесь капитан Серый Плащ, у него появилось немало врагов. Я, правда, думаю, что ему просто многие завидуют. К тому же его самоуверенное поведение злит многих из этих богатых сукиных сынов, которые руководят своими солдатами, не выходя из любимых таверн.

Я вмешался:

— Не забудь о его происхождении и о том сроке, что он отслужил у ликантиан.

— Это я все знаю, — ответила сестра. — Но странным образом эти факты не сильно свидетельствуют в его пользу. Мать Яноша, ориссианка, происходила из семейства Кетер. У нее была репутация упрямой, вспыльчивой и романтичной девицы. Отец Яноша был принцем из Костромы, изредка приезжавшим с торговыми миссиями в Ориссу, где и познакомился с юной дочерью семейства Кетер. Они влюбились друг в друга. В то время это было равносильно скандалу. Разноплеменные браки не поощрялись. Особенно после того, как мать Яноша, не считаясь с желанием семьи, сбежала с юным принцем. Похоже, они оба погибли. Хотя никто и не знает, при каких обстоятельствах.

Вот этим, наверное, и объяснялось нежелание Яноша рассказывать о родителях.

— Как он оказался на службе у ликантиан, — продолжала сестра, — я на самом деле не знаю. Хотя подозреваю, что после смерти своих родителей он просто остался без средств к существованию.

— Он очень беден, — сказал я. — Я уже понял, что он экономит на всем, лишь бы как-то содержать себя, служа в гвардии.

— Это точно, — сказала сестра. — И очевидно, свою службу он рассматривает как важное дело. Чтобы в дальнейшем, вращаясь в высших кругах, иметь возможность встретить людей, способствующих его карьере.

— И именно я стал таким человеком? — встревоженно спросил я.

Сестра похлопала меня по руке.

— Не торопись, пока я не договорила, — сказала она. — Может быть, он и беден, но не думаю, чтобы именно деньги были его целью.

— Да он и сам об этом говорил, — сказал я, уже сожалея, что мгновение назад усомнился в своем друге.

— И похоже, что с того самого времени, как он объявился в Ориссе, семейство Кетер, а вернее, то, что от семейства осталось, заволновалось. Они боятся, что он нанесет им визит и потребует какой-нибудь помощи. В которой, разумеется, ему будет отказано. Считается, что у него нет никаких прав, поскольку не осталось прямых родственников по материнской линии. Отец его матери умер, не выдержав позора, когда его дочь сбежала с принцем варваров.

— Но ведь он же не обращался к Кетерам, не так ли? — спросил я.

— Не обращался. Правда, он обратился к своему дяде. Но, к величайшему облегчению для того, очень вежливо дал понять, что в родственных узах не ищет материальных интересов.

— Это похоже на Яноша, — сказал я.

— Да. Его намерения честны. К сожалению, денег от намерений в его кошельке не прибавилось. — Рали допила и поставила бокал на стол. — Чтобы укрепиться в своем впечатлении, — продолжила она, — я нанесла визит ему самому.

Я вздрогнул и застыл в напряжении.

— И что же? — не выдержал я. Сестра рассмеялась:

— Я думаю, что твой друг сумасшедший и знать его — опасно.

Я нахмурился, озадаченный такими определениями и этим смехом.

— Особенно женщинам, — сказала она. — Он знает, как обращаться с женщиной и как угодить ее уму, а не внешности. Он не отводит глаз и каждое слово взвешивает, словно оно — драгоценность. Мы прекрасно поболтали. И в конце разговора он дал мне понять — весьма изысканным и вежливым путем, — что ничего бы так не желал, как оказаться со мною в постели!

— Что? — чуть не заорал я, рассердившись на Яноша, который осмелился оскорбить мою сестру.

Рали еще сильнее рассмеялась.

— Ох, ты бы посмотрел на выражение своего лица. Да еще с этими твоими волосами ты мог бы освещать площадь в безлунную ночь. Но к чему столько страсти? Особенно когда никакой необходимости в твоем покровительстве нет. Я же сказала, что все было очень благородно, лишь намек был сделан. Очень легкий намек. И должна тебя уверить, что, если бы я решилась лечь в постель с мужчиной — о чем и думать-то противно, — у твоего друга было бы немало шансов. Он невероятно привлекателен. Если бы еще не этот шрам, он был бы просто красавец.

Я обрадовался:

— Итак, Янош тебе понравился?

— Еще бы, конечно. Он хороший воин. Грамотный. И я не сомневаюсь, что он сделает все, лишь бы вы в целости и невредимости вернулись после ваших открытий.

— А что ты скажешь о самом плане? — спросил я. — Ведь мы же собираемся отыскать Далекие Королевства.

— Я полагаю это безумием, — заявила сестра, вновь обретая серьезность. — Но в то же время я думаю, что если ты не отправишься туда, то потом будешь сожалеть всю оставшуюся жизнь.

Она наклонилась ко мне, словно собираясь сказать нечто важное:

— А вообще, Амальрик, я завидую тебе. Я завидую и потому зла на всех мужчин. Ведь еще девочкой я мечтала о таких вот приключениях. Но быстро поняла, что еще с рождения я раба своего пола. И обречена рожать детей от какой-нибудь свиньи в мужском обличье, который будет командовать мною всю жизнь. Я могла бы стать и любовницей, с желаниями которой считаются, да только и это один черт. Поскольку даже это не по мне. Ведь я дочь благородного семейства. Слава богам, я родилась со склонностью всех Антеро в крови к занятиям атлетикой и у меня были понимающие отец с матерью, которые не возражали против моего поступления на службу в гвардию маранонок. И поверь, я предпочитаю эту мою скуку любой другой, которые предлагает моим сестрам этот город.

— Так ты поможешь протолкнуть этот план? — спросил я.

— Помогу. Но по причине более глубокой, чем потакание страсти юности к приключениям. Ведь в случае твоего успеха расцветет все семейство Антеро. И тогда мы сможем покончить со всеми слухами, выходящими по нашему адресу из Совета воскресителей. Конечно, Халаба не вернешь. Но, по крайней мере, он упокоится в мире.

— Мне показалось, что однажды вечером я видел его призрак в таверне, — сказал я. — Тем вечером, когда я познакомился с Яношем. И Халаб улыбался мне. И, ободряя, поднял вверх большой палец.

— Какое предзнаменование! — сказала сестра. — Должно быть, призрак Халаба предвидит, что должно произойти.

Наступила долгая тишина. Так случалось всегда, когда упоминали имя Халаба. Ему не повезло, что пути нашего семейства и воскресителей пересеклись. Ему не повезло, что он родился сам с талантом воскресителя. Еще ребенком он предсказывал нежелательные беременности нашим горничным, и это оказывалось правдой. Он заранее знал о смерти нашей матушки, и за шесть месяцев до того, как это произошло, он просто перестал с кем-либо разговаривать.

Я запомнил лишь несколько фокусов, которые он демонстрировал, чтобы развлечь или успокоить меня. У меня был любимый хорек, которого я повсюду таскал с собой. Он жил и кормился у меня в кармане, а ночью спал рядом со мной на подушке. Однажды мой любимец заболел и умер. Это случилось вскоре после смерти моей матери, и второй такой удар был просто ужасен для ребенка моих лет. Я погрузился в такую тоску, что чуть не умер от лихорадки. Халаб же выкопал хорька из могилы в саду, где я его похоронил. Я помню, как он бормотал воскрешающие заклинания, сидя у моей постели, и при этом крошечное тельце животного свешивалось в его руках над голубым дымом, струящимся из медной чаши. Я запомнил и отвратительный запах горящей плоти. Халаб бросил в огонь какой-то порошок, и внезапно отвратительная вонь сменилась удивительным ароматом. Затем он дунул на животное и покрутил его за хвост.

Он положил хорька мне на грудь и поместил мою ладонь сверху, на холодное тельце.

— Подуй на него, Амальрик, — сказал он так ласково, что этот голос я слышу и сейчас. Я подул. И ощутил, как холод сменяется теплом. Затем тельце шевельнулось. Пискнуло. И носик зверька стал тыкаться в мои пальцы. Увидев, как засверкали ожившие глазки-бусинки и ко мне приблизилась его усатая мордочка, я заорал от радости. Через час от моей хвори и следа не осталось. А через неделю я скакал так же весело, как и раньше, и в кармане сидел мой хорек.

И сейчас, когда я вспоминаю те дни, я и радуюсь и горюю одновременно. Мы все любили моего брата и с благоговением относились к его дару. Теперь я понимаю, что для отца этот его дар был источником тревоги. Мой брат собирался стать воскресителем. Халаб всей душой стремился к тем знаниям, которые могли дать ему они. Но его желание овладеть их могуществом шло вразрез с политическим положением того времени. Мой брат, будучи идеалистом и романтиком, полагал, что его дар принесет пользу жителям Ориссы. Он мечтал об исцелении больных и об облегчении участи обездоленных и порабощенных.

Совет же воскресителей был озабочен лишь усилением собственного влияния в Ориссе. Ни магистрат, ни одно семейство, независимо от его положения и древности рода, не должны были ничего предпринимать без благословения Совета. Ни один купец, ремесленник или владелец лавки, ни одна проститутка не могли заниматься своей деятельностью, не выплатив положенную десятину. Мой брат в своих стремлениях был честен и открыт. С великой неохотой воскресители принимали его в свое сообщество. И испытывали его, как рассказывала сестра, с большей тщательностью, чем любого другого. Они вели себя с ним так, словно он был сомнительного происхождения или вообще незаконнорожденный.

И воскресители отвергли его, заявив, что он не выдержал экзамена. Но Халаба это не обескуражило. Он потребовал проведения дополнительного испытания: судом божьим. Мне рассказывали, как гудел весь город, когда настал день испытания. Мой брат отверг приговор

Совета и обратился за суждением напрямую к богам. Подробности испытания были неизвестны, но все знали, что в случае провала испытуемого ждала смерть. В тот день он вошел в храм — и не вернулся. Воскресители распустили слух, что он умер. Но не выдали тела, чтобы оно было захоронено по религиозному обряду. Не свершалось никаких служб, дабы облегчить ему переход в мир иной. Поэтому призрак Халаба был обречен на вечное скитание между жизнью и тем, что следует за нею.

Такой высокой ценой мы заплатили за мечты Халаба. Братья мои частенько сожалели об этом в семейном кругу. Но, будучи людьми кроткими, они старались на людях не портить отношений с воскресителями. Да и отец никогда ни с кем не обсуждал эту тему. Не из-за себя, а из-за чести семьи и будущих поколений. Но я наверняка знал, что он ненавидит воскресителей. И эту ненависть вместе с ним разделяли моя сестра и я.

Рали заерзала на кушетке. Она улыбнулась мне, но я понимал, что ее мысли сейчас бродят теми же мрачными лесами, что и мои.

— Дай мне неделю срока, — сказала она. — Ты знаешь, как отец любит меня. Но даже мне необходимо подготовить отца, чтобы он отнесся с вниманием к просьбе дочери.

— И не забудь захватить с собой Отару, когда отправишься к нему разговаривать, — посоветовал я. — Он всегда рад ее компании.

— Обязательно захвачу. Но ты, дорогой братец, должен мне обещать одну вещь, — сказала она.

— Все, что хочешь. Назови гору, и я вскарабкаюсь на нее. Или пустыню, которую я бы пересек. Сокровище, которое я украду.

— Пообещай, что не будешь вмешиваться.

— Вот это уже труднее, — сказал я. — Но я постараюсь… Обещаю.

— Я не склонен одобрить подобную экспедицию, — сказал отец.

Его слова застали меня врасплох. Рали проделала надлежащую подготовительную работу, и я был уверен в его одобрении.

— Но прошу тебя, отец, — взмолился я. — Наверняка уже в моей жизни мне никогда не представится такая возможность. Прошу тебя, благослови меня. Ты должен.

— Нет ничего такого, что я должен был бы делать, — ответил отец. — Разве что выплачивать десятину Совету воскресителей, налог магистрату и милостыню нуждающемуся, чтобы мой переход в мир иной оказался легким и безболезненным. Только это я должен. Благословлять же дурацкое путешествие сумасбродного юноши, к счастью, совершенно не входит в мои обязанности.

— Прости меня за такие слова, отец, — сказал я, потупившись. — Но прошу тебя, ради всех богов, скажи, как мне убедить тебя? Или ты считаешь саму цель путешествия ничтожной? Или сомневаешься в существовании Далеких Королевств?

Отец лишь посмотрел на меня. Не сердито, не строго, а всего лишь устало. Да и ни к чему ему были слова. Я понимал, что в то время отец был уже стар, хотя сейчас я уже намного старше, чем был он в тот день. Волосы его уже поседели, и они были прилизаны на голове, подражая форме шлема, как было модно во времена его молодости. Небольшая бородка тоже поседела. Лицо покрылось морщинами. Все многочисленные путешествия, бури и лишения наложили на него свой отпечаток. Его крупные руки покрыли старческие пятна. Теперь-то я понимаю, что только с точки зрения моего собственного юного возраста он мне казался таким старым, легендарный Пафос Карима Антеро — патриарх нашей семьи. И потому отец казался мне таким же мудрым. Наверное, я взирал на него немного как на бога. Когда он так молча посмотрел на меня, сердце мое упало вниз, и я ощутил себя маленьким и жалким. Потому что я понял, что не внушаю ему доверия. И что я сам — причина неодобрения путешествия к Далеким Королевствам.

В комнате наступила тишина, прерываемая лишь треском горящих поленьев в камине позади письменного стола отца, не по погоде мерзнувшего, как все старики. И тут я понял, что мне надо сказать.

— Я понимаю, что мое поведение вызывало твое сильное неодобрение, отец, — сказал

я наконец. — Мое поведение было непростительным. И если я скажу, что глубоко и искренне раскаиваюсь, это будет слабым искуплением за мои грехи. Нет прощения, как бы унизительно я ни выпрашивал его, чтобы перевесить чашу в мою пользу.

Отец продолжал смотреть неотрывно и испытующе.

— Разумеется, нынешняя моя просьба похожа на внезапный юношеский порыв. И с точки зрения совершенных проступков я бы и сам воспротивился моему плану, если был бы отцом такого сына. Но я прошу тебя, мой господин, заглянуть в мое сердце и увидеть лежащую там правду. У меня нет иных желаний, кроме желания доставить тебе радость. И отбросить в сторону все сомнения по поводу моего будущего. И быть достойным имени Антеро, чтобы отец мог с гордостью говорить обо мне.

Я замолчал, сам не понимая, как это из меня вырвалось.

— И это все, что ты хотел сказать? — резко спросил отец.

— Нет. Я хочу, чтобы ты знал: независимо от того, что ты решишь, я приму к исполнению любое твое пожелание относительно предстоящего открытия, которого я, с твоей точки зрения, достоин. Однако перед тем, как сказать окончательное слово, прошу тебя, мой господин, подумать вот еще над чем. Для большинства мужчин моего возраста открытие — это всего лишь возможность попутешествовать без хлопот и развлечься за счет богатств своих отцов. Без открытия новых земель. И наши знания об окружающем мире не расширяются. А наши торговые пути по-прежнему натыкаются на те же препятствия, что всегда не позволяли Ориссе добиться своих высоких целей. Ваше поколение последним, отец, сделало попытку раздвинуть эти границы. Ты сам много лет назад своим открытием отважился внести поправки в географические карты. И большая часть знаний об отдаленных западных землях появилась благодаря твоим торговым экспедициям. Но ты должен признать, что традиции открытия, традиции поиска торговой удачи в наши дни превратились просто в насмешку. Этим пользуются сынки богачей, желающие потратить деньги отцов на западные предметы роскоши, женщин и вино вне глаз ориссианских пуритан. Возвращаются же они лишь с последними новостями о лучших заморских тавернах и спортивных залах.

— А ты собираешься быть непохожим на них? — сухо спросил отец.

— Да, собираюсь, отец. И по этой причине я прошу не более десятой части той суммы, которая обычно отпускается на такое путешествие. Это должно быть настоящее открытие. Мне нет нужды в приобретении модного гардероба, чтобы производить впечатление на заграничных куртизанок. Не нужны мне расходы и на большую компанию сопровождающих друзей, что уже вошло в глупую традицию. Не желаю я с собой тащить и предметы роскоши: палатки из тонкой ткани, ковры и подушки для удобства путешествия; вина и безделушки для умиротворения варваров; многочисленных рабов, а также женщин, услаждающих нас, если местные прелестницы нам откажут. Для этой экспедиции я должен быть по-настоящему подготовлен и экипирован. А с такими малыми затратами есть шанс получить и приличную прибыль, даже если мы не достигнем нашей цели. К тому же мне посчастливилось подружиться с капитаном Серый Плащ, чье присутствие в составе экспедиции удваивает возможность успеха.

— Ну, а если я одобрю твое желание совершить настоящее открытие, а цель путешествия окажется иной? — спросил отец.

— Я поступлю как обещал при любых обстоятельствах, отец, — ответил я. — Разве что не смогу с этим справиться так хорошо, как хотелось бы, если капитан Серый Плащ покинет меня. И тогда я буду сильно разочарован. Но это разочарование для меня ничто по сравнению с желанием убедить тебя, отец, в моей состоятельности!

Тут я замолчал. Больше аргументов не было. Я собрался с силами выслушать отказ. И я вознес мольбу призраку Халаба помочь достойно принять отказ.

В дверь постучали. В щель просунулась голова слуги отца, Тегри. Я увидел, как он удовлетворенно усмехнулся. Улыбка стала еще шире, когда он заметил, что я явно не в своей тарелке. Не сомневаюсь, что Тегри радовался про себя, видя, что наконец-то я несу заслуженное наказание за мое поведение.

— Что такое? — раздраженно спросил отец. Ухмылка исчезла с лица Тегри. Голос у отца был угрожающим.

— Вы просили доложить, хозяин, когда прибудет капитан Серый Плащ.

Меня охватило смятение. Стало ясно, что отец попросил присутствовать Яноша при моем окончательном унижении. Я старался сдержаться, ведь по отношению к Яношу это тоже было бесцеремонным поступком.

— Пусть пройдет сюда, — сказал отец. — И принеси нам вина. Да только не той кислятины, что продают на рынке. Достань-ка добрую бутылочку из моих погребов.

Внутри у меня все перевернулось, когда Тегри, метнув в мою сторону убийственный взгляд, исчез выполнять указание.

Отец вел себя весьма загадочно. А то, что он сказал затем, звучало еще загадочнее:

— На этот раз твоя компания не вызывает у меня сомнения. И в этом я полагаюсь не только на оценку капитана Серый Плащ твоей сестрой. Капитан, на мой взгляд, может с блеском взять на себя командование военной частью этой экспедиции… если она будет одобрена. Он произвел на меня такое впечатление, что я решил пригласить его сюда лично, чтобы сообщить, что в его характере я не нашел ни одного изъяна. Если бы я этого не сделал, то счел бы себя невоспитанным человеком.

В приемной послышались звуки шагов Яноша, и мне вдруг захотелось улизнуть, как нечистокровной лошади, затесавшейся в ряды породистых скакунов.

— Заходите, мой добрый капитан, — громко позвал отец, когда Тегри объявил о прибытии Яноша. — Благодарю вас, что так живо отозвались на мое приглашение.

Одетый со всем тщанием, Янош произвел сильное впечатление низким поклоном при входе.

— Я был так рад вашему любезному приглашению, господин Антеро, что просто не мог медлить, — ответил Янош.

— Ну да мы здесь собрались не ради церемоний, — сказал отец. — Мы должны поговорить как равные, поскольку вы возглавите экспедицию моего сына к Далеким Королевствам. И зовите меня просто Пафос, если пожелаете.

У меня челюсть отвисла до пола. В голове все перемешалось, и тут же меня охватила радость. От громадного облегчения на глаза навернулись слезы, а в горле застрял комок. Мне захотелось припасть к ногам отца, бормоча слова благодарности.

Отец улыбнулся и подмигнул мне.

— Налей-ка нам вина, которое принес Тегри, Амальрик, — сказал он. — Я хочу услышать мнение Яноша об этом напитке.

Я разлил вино и раздал бокалы. Янош кинул на меня странный взгляд, но я быстро отвернулся, чтобы не чувствовать себя полным ослом. Я едва понимал, о чем говорилось в следующий час беседы. После обмена любезностями и небольшой паузы отец предался воспоминаниям о своем самом волнующем приключении.

Я не переставал бояться — может быть, я чего-то не понял? Ведь мгновение назад мое открытие было отклонено. И вот оно уже получает полнейшее одобрение и благословение моего отца под тосты с его лучшим вином. Я не мог догадаться, что мне помогло. Что я такого сказал, что изменило намерения печально известного своим упрямством Пафоса Карима Антеро? И тут я понял, по крайней мере отчасти. Его первоначальный отказ был испытанием меня. Дело было не в моих словах, а в той искренней страсти, с которой я отстаивал свое желание. И с тех пор я не раз пользовался этой уловкой. И она служила мне верно.

— Есть одно обстоятельство, с которым мы должны разобраться прежде всего, — услыхал я, как отец говорит Яношу, и вновь прислушался к беседе.

— Какое же? — спросил Янош.

— Насколько я знаю по собственному опыту, по большей части экспедиции такого рода терпят неудачи из-за нечеткого распределения должностей и ответственности.

— Вам опыта не занимать, — сказал Янош. — Так что в этом пункте я с вами спорить

не буду. Тем более что даже мой крошечный опыт подсказывает, что вы абсолютно правы.

— Вот и хорошо, — сказал отец. — Стало быть, вы не будете оспаривать и мое первое и единственное правило, на котором я буду настаивать. А именно: во всем, что касается безопасности экспедиции, руководить будете вы, Янош. И мой сын ни в коем случае не станет вмешиваться в ваше командование солдатами. Однако во всех делах, касающихся денег или торговли, слово моего сына должно быть законом. Это его открытие. Его экспедиция. И только он в ответе за успех или неудачу. Согласны?

— Без малейших колебаний, господин Антеро, — ответил Янош.

Отец обратился ко мне:

— Амальрик… Если есть возражения, то сейчас самое время. Ведь не дожидаться же того момента, когда ты окажешься посреди пустыни в окружении орды разбойников, налетевших из-за дюн. Итак… Ты с этим согласен?

Весь в плену эмоций, я смог лишь энергично кивнуть да что-то промямлить в знак согласия. И тут вмешался Янош.

— Не сочтите за дерзость, — сказал он, — но у меня есть небольшая оговорка.

Его слова потрясли меня. Да что же он делает? Ведь отец уже все благословил. Ну зачем дальше-то напирать? Я был уверен, что отец тут же отменит свое решение.

— И что же это такое, капитан? — услыхал я голос отца, удивляясь его благожелательному тону.

— Я только хотел бы услышать ваше собственное мнение о цели нашего путешествия, господин Антеро. Просто я должен предупредить вас, что ради ее достижения я рискую всем. Но если вы полагаете, что мы ищем нечто мифическое… Тогда нам самое время расстаться.

Вот и все, подумал я. Мой отец не относился к числу людей, верящих в сказки. И если он отпускал меня, то лишь в надежде на хороший барыш. Сама цель для него значения не имела, если была возможность по дороге заниматься торговлей. И сейчас все его добрые намерения с треском разлетятся об ультиматум Яноша. Тем не менее мне все же было любопытно, как он отреагирует. Я вспомнил об одном вопросе, который задал и не получил ответа. Я ожидал увидеть недовольство или скепсис на лице отца. Вместо этого он отвечал мягко, почти задумчиво:

— Что же, это справедливо. На вашем месте я хотел бы знать то же самое. — Он наполнил свой бокал и отпил. — У нас общая мечта, капитан, — сказал он наконец. — Я с детства жил под колдовскими чарами Далеких Королевств.

Должно быть, он услыхал, как я чуть не поперхнулся вином, потому что повернулся ко мне и странно улыбнулся.

— Я еще никому не рассказывал об этом, — сказал он. — Но в свое время я сидел вот на этом же самом месте, сынок, где и ты сейчас. И умолял отца послать меня в такую же экспедицию на восток. Он отказал. И с тех пор я сожалею каждый день о несбывшемся.

Я не мог отыскать слов. Всего лишь минуту назад я считал отца купцом, думающим только о прибыли, купцом с душой слишком маленькой, чтобы туда могли вместиться мечты и сказки.

— Но… Но почему же он не отпустил? — спросил я. — Все знают, что ты великий путешественник. Да ведь большинства наших торговых путей просто бы не существовало, если бы не ты.

Отец отмахнулся от похвалы.

— На это любой способен. И дело тут не в скромности, видят боги, я человек не робкий. Суть в том, что далеко не многие молодые люди осмеливались на действительно важные открытия в мое время. Немудрено было стать выдающимся в столь малочисленной компании. И я видел, как мир, известный Ориссе, совсем не расширяется. А уж после нашей победы над Ликантией дело совсем застопорилось. Теперь, чтобы стать богатым человеком, и усилий-то особых прикладывать не надо. Достаточно удерживать прекрасные безопасные порты, открытые в прошлом. Вот почему с дней моей юности произошло так мало важных

открытий. И вот почему я даю свое благословение. Если Орисса перестанет искать, то вскоре прекратит и свое существование.

— Так ты действительно веришь в Далекие Королевства? — спросил я.

Отец ответил не сразу.

— Скажем так… Я предпочитаю верить. Для ищущего всегда должна существовать цель поиска. Мы все рождены со знаком проклятия — с юношеским сердцем. И если результат — лишь выхватить у своих собратьев горбушку потолще, то какой тогда вообще смысл во всем этом? И потому я даю тебе мое благословение, сын. И вам, доблестный капитан. Ищите Далекие Королевства. И найдите, если сможете. И ей-богу, если Далекие Королевства действительно существуют, то я сойду в могилу счастливым человеком, зная, что представитель семейства Антеро дышал их воздухом. — Он поднес к губам бокал и осушил его до дна. — Есть еще вопросы, капитан?

— Нет, ответ оказался более исчерпывающим, чем предполагал мой вопрос, — ответил Янош с таким уважением, какого я еще никогда не слышал от него. — Я благодарю вас.

— Благодарность не требуется, — сказал отец и обратился ко мне: — Итак, договорились. Единственное препятствие — разрешение от Совета воскресителей.

Сердце мое снова ухнуло вниз. Я совсем забыл о воскресителях. Ни одна торговая поездка не разрешалась без одобрения воскресителей, а таковое одобрение подкреплялось только деньгами да обещанием еще больших денег. Но даже и это не гарантировало, что предзнаменования будут добрыми. Особенно для такого рискованного путешествия, как это, путешествия, которое я так расхвалил перед отцом, обещая, что никто из моих ровесников в открытии не сравнится со мной. А тут воскресители, с костями, которые лягут неизвестно как. Особенно для Антеро.

Отец понял выражение моего лица и наполнил нам бокалы.

— Давайте подумаем, чем я могу вам помочь, — сказал он. — Есть у меня несколько должников, которым давно бы пора расплатиться. Так что… — он поднял бокал. — За Далекие Королевства!

— За Далекие Королевства, — эхом откликнулись мы. Когда мы пили, я поверх бокала глянул на Яноша. Он улыбался глазами, но как-то неопределенно. По крайней мере, не я один переживал из-за Совета воскресителей.

В те времена финансирование экспедиции совершалось, как говорили купцы, по Тройному правилу. Часть суммы шла на экипировку и запасы, вторая часть — на людей и третья предназначалась богам. Прибыль в случае успеха экспедиции делилась по Четверному правилу: две части шли купцу и тем, кто ссужал ему деньги; одна часть — членам экспедиции или их наследникам, а последняя часть — богам. Деньги богам собирали воскресители, и в те времена даже существовала такая шутка, что, дескать, старший воскреситель забрасывает деньги в небо. Что оставалось вверху, доставалось богам. А то, что падало на землю, забирали воскресители.

К несчастью для бухгалтерского дела, ни одно правило до конца не выполнялось. На самом деле, чтобы получить одобрение Совета, надобно было направить маленькую речушку серебра клеркам и помощникам воскресителей. И действовать надо было крайне осторожно. Ходили слухи, что многие, пытаясь подкупить одного из членов Совета напрямую, попадались и им запрещали заниматься торговлей.

И только потом начинался длительный и дорогостоящий обряд очищающих молитв. Затем один из воскресителей совершал бросание костей. Добрый знак мог ничего и не решить, даже если уже и деньги были переданы. А иногда выпадал такой могущественный дурной знак, что не обращать на него внимания было нельзя. Но надо заметить, дурной знак выпадал гарантированно, если купец скупился на дары. Мудрый же торговец, словно во исполнение Четверного правила, дополнял долю воскресителей щедрыми пригоршнями серебра. Тем самым он мог обойти другой закон Ориссы, гласивший, что каждый предмет, привезенный возвратившейся экспедицией, должен быть проверен на религиозную чистоту. Кроме того, этот закон еще и утверждал — и это стоило купцам тоже немалого количества

даров, — что любой предмет, в коем подозревалось колдовское происхождение, автоматически переходил в руки воскресителей. И потому любая книга, талисман, пудра или напиток могли быть отнесены под это определение и немедленно изъяты Советом. Нарушивших этот закон ждала смерть.

Поскольку моя экспедиция явно должна была продвигаться через неизведанные территории и таинственные преграды в силу узости нашего мира в то время, то на этот закон надо было обратить самое серьезное внимание. Совет воскресителей мог даже строго очертить границы маршрута и цель нашей экспедиции.

Но мой отец имел опыт и талант разбираться в таких ситуациях. В ловкости обхаживания воскресителей Пафос Карима Антеро практически не имел себе равных. Несмотря на свою непопулярность в Совете, он настолько умело вел кулуарные переговоры в административном лабиринте аппарата воскресителей, что практически всегда добивался своей цели, да притом еще и с меньшими потерями, чем большинство. А один росчерк пера этих жрецов или отсутствие такового могли иногда иметь самые непредсказуемые последствия. И пока я, страшась за свое будущее, размышлял над теми преградами, которые могут встать у меня на пути где-то далеко, отец продолжал активно работать здесь — бросая слово здесь, кошелек там, намекая старым должникам.

И вот настал день. Это было в начале лета, когда по утрам туманно, а в полдень солнечно и тепло. В воздухе стоит аромат апельсинов и распускающихся розмаринов. Солнце кажется необычайно ярким.

Мы ожидали в саду позади дворца воскресителей. Мы были одеты в бедные белые одеяния просителей и помазаны очищающими благовониями. В наших пустых желудках урчало от трехдневного поста, необходимого для свершения молитв. Мое напряжение усилилось после напутственных слов отца, когда мы выходили из дома.

— Держи ушки на макушке, — предупредил он. — И делай в точности то, что тебе скажут… и ничего сверх того. Цель, которую ты выбрал для своего открытия, вызвала интерес у наших недругов. И они будут внимательно прислушиваться и приглядываться.

Янош был непривычно молчалив. Я глянул поверх головы чиновника, на попечении которого мы находились, и увидел, как Янош нервно теребит пальцами бороду. Он заметил мой взгляд, и озабоченность на его лице сменилась ухмылкой.

— Не переживай, — сказал он. — Худшее, что они могут нам сказать — «нет».

Я вспомнил о Халабе и ничего не ответил. По ступеням сбежал раб.

— Вас готовы принять, господа, — сказал он. Чиновник дернул меня за рукав.

— Повяжите это на глаза, господин, — сказал он, протягивая мне полоску красной материи. — Повяжите туго и не снимайте, пока не получите разрешения.

Когда он вторую повязку на глаза протянул Яношу, я выдохнул молитву богу наших сердец и честно намотал повязку на глаза так, чтобы свет не проникал. Чиновник повел нас, спотыкающихся, по широким каменным ступеням наверх, во дворец.

О том, что было внутри здания, мы могли судить по запахам и звукам: пахло духами и серой, резко позванивали колокольчики и глухо стучали какие-то деревяшки о камень. Видимо, мы переходили из помещения в помещение, поскольку воздух становился то холодным, то теплым, то вдруг опять холодным. Постоянно слышался какой-то шепот, за каждым поворотом кто-то шипел. Затем пахнуло сухим воздухом, как будто бесшумно открылась большая дверь, и мы вошли в помещение, где пахло сброшенной кожей ящера. Меня перестали тянуть за рукав.

— Можете снять повязки, благородные господа, — произнес резкий голос, принадлежащий уже не нашему спутнику. Я развязал повязку и очутился в мире серых камней и тусклого желтого света. Перед нами стояла фигура в мантии. Это был тот самый воскреситель, которого я и Янош недавно видели на улице.

— Добро пожаловать, благородные господа, — сказал он. — Меня зовут Дженидер. Я буду вашим путеводителем в этот судный день.

Я застыл в безмолвии, но тут же ощутил, как локоть Яноша врезался в мои ребра.

— Молю богов, чтобы вы были нашим светом, — нараспев произнес я и, быстро вытащив кошель из одеяния, сунул его в алчные пальцы Джениндера. Деньги исчезли так же стремительно, как морской ящер скрывается под водой с добычей.

Джениндер склонился к нам и прошептал:

— Я вас оставлю на минутку. А пока меня не будет, освежитесь вот этим. — И он передал нам небольшой узелок из промасленной ткани. — Мне приятно сообщить вам, что один из самых многообещающих наших молодых воскресителей покровительствует вашей предполагаемой экспедиции, — громко сказал он. — Он будет присутствовать при бросании. Может быть, вы его знаете. Его зовут Кассини.

Я подавил стон.

— Удача продолжает улыбаться нам, — удалось мне вымолвить в ответ.

Мы с Джениндером обменялись поклонами, и он ушел готовиться к церемонии. Я торопливо развернул, узелок и обнаружил несколько больших ломтей черного хлеба, вымоченных в вине.

— А как же наш пост? — прошептал я Яношу. — Я полагал, вся пища запрещена?

Янош засмеялся и схватил ломоть.

— Мне удалось выяснить, мой дорогой Амальрик, что в слове «пост» столько оттенков, сколько монет в хранилище богача. — Он с волчьим аппетитом набросился на хлеб. — Ешь. Я думаю, что наш новый друг более озабочен нашими умственными способностями после голодовки, нежели мелким прегрешением.

Я с жадностью набросился на еду. Тут же мое настроение улучшилось, и я начал видеть вещи в менее мрачном свете.

— Кто такой этот Кассини? — спросил Янош. — Я-то думал, что мы имеем право выбирать воскресителя для нашей экспедиции.

— Иногда имеем, — сказал я. — Иногда нет.

Янош посмотрел на меня:

— Судя по выражению твоего лица, которое ты пытаешься скрыть, у меня сложилось впечатление, что ты знаешь этого Кассини.

— Ну и ну, — сказал чей-то голос. — Всего-то полдень, а я только и слышу, как кругом склоняется мое имя.

Мы оба повернулись к говорящему. Перед нами стоял высокий мужчина приблизительно моего возраста, худощавый, с мягкой линией рта. Его мантия воскресителя была щедро расшита, что указывало на богатство семьи.

— А, это вы, Кассини, — отозвался я. — А я только что собирался описать ваш милейший характер моему компаньону… капитану Серый Плащ.

Представленные, они поклонились друг другу.

— Кассини и я некогда вместе занимались атлетикой и хаживали в таверны, — пояснил я Яношу. — Многие скорбели в тот день, когда он услыхал зов богов и покинул нас с нашими детскими забавами. — Я так помахал пальцем, чтобы Янош мог сообразить — я к скорбящим не относился. — Впрочем, мы мало знали друг друга, о чем я сожалею.

Кассини сделал шаг вперед, изобразив улыбку на полных губах.

— Так, значит, вы не разочарованы, что именно меня выбрали сопровождать вас в вашем открытии? Пожалуйста, друг мой, будьте откровенны.

— Да что вы, — солгал я. — Будь проклято мое путешествие, если я хоть на минуту подумал об этом.

Я обратился к Яношу:

— Наше путешествие благословенно с самого начала, потому что в лице Кассини ты найдешь наиученейшего и благочестивейшего из воскресителей и к тому же прекрасного товарища.

— Ну не столь благочестивого, чтобы осуждать эти лакомства в ваших руках, — сказал Кассини, изображая смех и указывая на остатки хлеба.

У нас хватило ума смутиться и быстро избавиться от позорящих нас кусков.

— Добро пожаловать в наши ряды, уважаемый господин Кассини, — сказал Янош. — Я чувствую себя так, словно уже свершилось бросание и мы уже в пути с добрыми предзнаменованиями. Позвольте поинтересоваться, что побудило вас поддержать наши усилия?

— Разумеется, ваша цель, — сказал Кассини.

— Следовательно, вы принадлежите к тем, кто не сомневается в существовании Далеких Королевств?

— Ну, так бы я не стал утверждать, — ответил Кассини. — Слишком мало для этого доказательств. Однако сами по себе усилия, направленные на их отыскание, заслуживают всяческого уважения. И неважно, как дело обернется, но для меня будет большой честью вернуться с новостями к направившим меня старшим моим собратьям.

Янош понимающе кивнул. Но, судя по блеску его глаз, я сообразил, что он видит Кассини намного глубже, чем тот думает. Кассини был еще слишком молод, и хоть имел высокое происхождение, но особыми способностями не отличался. Я серьезно сомневался, была ли у него хоть десятая часть таланта моего брата. Богатство и семейные связи привели его в число воскресителей. Но теперь его карьера застыла на месте, возможно, навсегда. Чтобы выбраться из этого состояния оцепенения, ему нужен был грандиозный успех. Свой шанс он усмотрел в Далеких Королевствах. Янош понял, что Кассини движет отчаяние, и, несмотря на деланное спокойствие, воскресителя выдавали нервные жесты.

— Вы правы, полагая, что эта экспедиция должна принести многое, — сказал Янош. — Но я оказал бы вам плохую услугу, если бы не указал и на крайнюю опасность подобного путешествия. Еще никто не добирался туда, куда мы собираемся… и не возвращался.

— Что ж, моя судьба в руках богов, как судьба судна, паруса которого они вольны наполнить ветром, а вольны и утопить, — сказал Кассини. — И познание их желаний — само по себе награда.

Неловкая тишина, воцарившаяся после этой тирады, исполненной фальшивой скромности, была нарушена возвращением Дженидера.

Он с улыбкой приветствовал Кассини.

— Вот и третий путешественник присоединился к нам. — Он приглашающе вытянул руку. — Пойдемте. Совет ждет.

Сквозь тяжелые портьеры мы вошли в длинный коридор, освещенный шариками, свисающими со скульптурных изображений божеств и зверей, им посвященных. На стенах вырисовывались жуткие тени: рога, длинные острые клыки и когти. Коридор перешел в огромное темное помещение зала. Дженидер провел нас на каменную платформу, возвышающуюся над полом на несколько футов. Ее окружали дымившие и искрившие горящие факелы. Мы долго простояли так, привыкая к полумраку и пытаясь успокоиться. Я не мог заговорить с Яношем, и в сердце моем царил трепет. И потому зазвучавший громкий голос испугал меня.

— Кто эти смертные, стоящие перед нами?

— Искатели пути из Ориссы, повелители, — отвечал Дженидер.

— А кто поручается за них?

— Я, повелители. Я, Дженидер, привел их сюда.

— Кто говорит от их лица?

Наступила тишина. И тут я почувствовал, как Янош каблуком наступил мне на ногу. Ко мне вернулось самообладание.

— Я говорю от их лица, повелители, — отвечал я. — Я, Амальрик, сын Эмили, сын Пафоса Карима Антеро.

Теперь я уже кое-что начинал видеть. Прямо перед платформой расстилался голый каменный пол. Он был покрыт магическими квадратами, треугольниками, таинственными цифрами и символами. Дальше шла во всю ширину храма огромная круглая золотая площадка. Совет воскресителей, одетых в черные мантии с золотыми поясами, во всей своей славе восседал у другого края круга. Их было десятеро, и сидели они на каменных резных

тронах, украшенных изумрудами. Над ними на стене кружились и переплетались цветные пятна, дымки и тени. Говорящий сидел на центральном троне. Его морщинистое ястребиное лицо напоминало сушеное яблоко. Волосы и борода, отливавшие сединой, ниспадали вниз, не стриженные годами. Тускло-желтые глаза, казалось, пронзали меня до дна души. Это был Гэмелен, старейший из воскресителей.

— И что же ты просишь, Амальрик, сын Эмили, сын Пафоса Карима Антеро? — спросил Гэмелен.

— Я прошу вашего благословения на поиск, мой повелитель. Для процветания Ориссы и ради вящей славы богов.

Последовала пауза, во время которой воскресители шептались между собой. Я не знал, может быть, у них так было принято, но, увидев встревоженное лицо Кассини, понял, что нет. Наконец Гэмелен сказал:

— Среди вас есть чужеземец, хотя он и рожден дочерью Ориссы.

— Это, я, мои повелители, — ответил Янош. — Янош, сын ориссианки из рода Кетер; сын принца по имени Серый Плащ из Костромы.

— Мы слышали, ты интересуешься искусством воскресителей?

Страх охватил мое сердце. К чему этот вопрос? И кто разнес эти слухи о моем друге? Казалось, что невозможно ответить на этот вопрос достойно. Ведь пророки все знают, и если Янош ответит отрицательно, тем самым он усомнится в их могуществе. Если же признается, то его может ожидать участь Халаба.

— Это правда, — быстро ответил Янош. — У меня более чем скромный дар, и, разумеется, он не имеет никакого отношения к чародейству и колдовству, уверяю вас. Будучи солдатом среди варваров-ликантиан, я был вынужден полагаться на мой благословенный Ориссой разум. И мне удавалось успешно лечить моих солдат от фурункулов и других кожных заболеваний. А однажды мне даже удалось исцелить моего сержанта, получившего ранение в задницу.

Мне показалось, что я услыхал приглушенный смех среди воскресителей. Но, должно быть, это разыгравшееся воображение сыграло со мной шутку, потому что какой же может исходить смех от этих столь возвышенных людей?

— Но как только мне посчастливилось поцеловать ворота Ориссы, я тут же отбросил все свои жалкие познания, — продолжал Янош. — Я понял, что даже исцеление фурункулов может привести к негодным результатам, если не быть профессионалом в данной области. Ну а когда несколько минут назад я узнал, что с нами отправляется в путешествие один из самых искусных молодых воскресителей, я тут же пообещал жирного барашка тому богу, кто своей улыбкой так одарил нас.

Я чуть ли не ощущал, как сейчас прет из Кассини самодовольство и как он, подобно петуху в брачном танце распускает перья. Судя по одобрительным кивкам воскресителей, ответ Яноша оказался удачным.

— Ну хорошо, — сказал Гэмелен, когда стих шепот. — Пора бросить кости. Готов ли ты, Амальрик Эмили Антеро?

— Готов, повелители мои, — ответил я.

Ко мне подошел Дженидер и открыл инкрустированный ларец. Внутри было два отделения. В одном лежали два осколка бедренной, судя по всему, кости какого-то животного. А в другом — обломки человеческого черепа. С чего начать? Руки мои замерли в нерешительности, но тут словно какая-то сила повела их влево. Я достал из ларца осколки бедренной кости. Сжав их в правом кулаке, левым я пять раз ударил себя в грудь, декламируя:

— О великий владыка Тедейт — бог и покровитель всех путников, призываю тебя указать, праведны ли наши поиски Далеких Королевств? — Я бросил кости на золотой круг. Затем, вытащил осколки черепа, трижды ударил себя в грудь и завершил заклинание: — Благослови нас, великий владыка Тедейт, мудростью своей. И в этих костях предскажи наши судьбы.

Кости сухо застучали по полу, когда я их бросил к остальным.

И воцарилась тишина неслыханная. Все вокруг залила холодная тьма, оставляя видимым лишь золотой круг. Но голова моя горела огнем. Во рту пересохло, глаза жгло. Осколки бедренной кости зашевелились. Приподнимаясь над полом, они царапали по камням с неестественно громким звуком. Зависнув на мгновение, они стали сближаться, пока не сомкнулись. При этом вверх рванул красный дым, запахло серой. Меня охватил беспричинный страх, захотелось сбежать, но какая-то великая сила удержала меня. Облако дыма закружилось, постепенно обретая форму. Из облака показалось громадное животное, которое рычало и скребло когтями. Возвышаясь над нами на двух массивных задних лапах, оно мотало заостренным хвостом. У этого рогатого зверя красные глаза горели яростью, а с острых зубов длиною с мой локоть капала кровь. У чешуи был зеленый цвет кожи утопленника. Чудовище оглядывалось по сторонам, выискивая врага. И отыскало меня. Заглянув в его глаза, я понял, что еще никогда не видел такой злобы.

Оно взвизгнуло и бросилось в мою сторону. Я услышал, как в зале несколько раз эхом отразился звон, когда чудовище ударилось о невидимые стены над золотым кругом. Мне еще сильнее захотелось удрать, но я остался стоять, словно жертва, связанная для ритуального убийства. Чудовище разинуло пасть, и меня окатило горячее дыхание, в котором была вонь всей мертвечины и мерзости этого мира и других. Зверь явно целился ухватить меня зубами. И тут где-то тяжело ударил барабан. Это «бумм!» разнеслось по всему залу воскресителей. Чудовище застыло. Я был все еще рядом со своей смертью. Еще раз грянуло: «бумм!», больно отдаваясь в моих ушах.

Зверь обернулся, пригнув голову с рогом к золотому полу. Голова его дернулась, словно оно что-то заметило. Вместе с пронзительным визгом из его пасти вырвался горячий белый пар. Оно прыгнуло вперед, изготовив когти к схватке, и тут я разглядел врага чудовища. На том месте, куда я бросил осколки черепа, стоял нагой безоружный мужчина. Но человек этот был очень странный. Невысокий, но плотный, могучего телосложения, с массивными, как колонны, ногами и толстыми руками. С груди и затылка у него была содрана кожа, лицо обрамляла курчавая борода. Челюсть выступала вперед, а из-под нависших надбровных дуг свирепо сверкали темные глаза. Мужчина закричал на демона и топнул ногой о каменный пол: «бумм!» Зал содрогнулся. Он топнул другой ногой. Снова и снова звучал этот вызов. И мы, все трое, поняли, что наши надежды связаны именно с этим обнаженным и безоружным человеком.

Он прыгнул навстречу чудовищу и нанес ему такой удар кулаком, что даже каменные стены покачнулись. Чудовище, пошатнувшись, отступило, а человек обнажил желтые зубы и подпрыгнул, пытаясь вцепиться в горло врагу. Стон вырвался из моих губ, когда я увидел, как чудовище изрыгнуло из пасти огонь и дым, ослепляя нашего защитника. Человека остановило это пламя, а чудовище бросилось на него, впиваясь зубами в плоть. Держа истекающее кровью тело в пасти, зверь замотал головой, а затем швырнул его на камни. Подняв рогатую голову демон протрубил победу. И одновременно со звоном в ушах, от этого дьявольского торжества ко мне пришло ясное понимание, что нашим мечтам о Далеких Королевствах не суждено сбыться.

Сердце мое застучало у меня где-то в горле, когда я вдруг увидел, что тело нашего защитника оживает. Голый человек перевернулся и вскочил на ноги. На теле его не было и следа ранений. Он вновь топнул ногой, и от этого мы вновь покачнулись. Демон вздрогнул, от удивления разинув пасть. Но тут же пришел в себя и хлестнул по сторонам своим острым хвостом. Но наш защитник отбил этот удар и стукнул чудовище в грудь. Послышался громкий треск, и зверь завопил от боли. Человек подпрыгнул и уцепился за шею зверя. Обхватив врага толстенными руками, он сделал резкое вращательное движение. Послышались вскрик и всхлип. Человек отпрыгнул в сторону, а демон рухнул на пол. Наш защитник повернулся к нам. Подняв победно руки, он издал оглушительный рев. Все погрузилось в белый благоухающий туман… и человек исчез.

Дым рассеялся, и показалось магическое окно, из которого открывался вид на какое-то

неведомое место. У меня перехватило дыхание. Я увидел зеленый лес, серебряные ручьи и раскинувшуюся равнину, покрытую цветущей горчицей. Далее, уходя за горизонт, тянулись горные цепи. Ближайшая напоминала огромную руку, сжатую в кулак. В цепи было четыре выступающих скалы, а пятая была изогнута, как прижатый большой палец. Черный вулканический камень вершин был покрыт снегом. Снежные метели слетали с каждого перста кулака. Между большим и указательным пальцами шла постепенно поднимающаяся вверх дорога — там был перевал, на этой черной горной гряде.

Перевал, ведущий к… Янош шепотом завершил мою мысль:

— … Далеким Королевствам.

Дух мой взбодрился. Я ощущал в себе легкость бумажного змея, рвущегося нетерпеливо в полет, чтобы своими глазами увидеть эти отдаленные земли. Земли, до которых не доходил еще ни один из живущих в нашем мире. Пронзительный крик разорвал это видение, и оно исчезло. Я задохнулся, увидев, что демон поднимается, невредный и могучий, как и до схватки. Перед ним вновь встал обнаженный человек. Он топнул, вызывая соперника на бой, чудовище взревело, и они закружили, следя друг за другом, однако, не успев схватиться, исчезли. Золотой круг опустел.

Тут же рассеялась окружающая все тьма. Я заморгал и повернулся к Яношу. В его лице не было ни кровиночки, но глаза горели внутренним огнем. Он посмотрел на меня, желая что-то сказать, но только покачал головой. Рядом шевельнулся Кассини. Я повернулся к нему, и наши взгляды встретились. И у него глаза возбужденно сверкали. Но только алчностью и тщеславием. Впрочем, я не уверен, что понял тогда именно это. Возможно, это память моя так теперь расцвечивает события. Но я помню, как меня охватили радость и… смущение.

— Хвала тебе, Тедейт, — провозгласил на весь зал Гэмелен, — защитник усталого путника.

— Хвала тебе, Тедейт, — отозвались мы хором.

— Предзнаменование ясно, — сказал Гэмелен. — У вашей экспедиции равные шансы на успех и неудачу.

— Но, по крайней мере, мы знаем, что цель стоит того, она священна, — сказал Кассини. Как наш воскреситель он имел право возражать. — Предзнаменование подсказывает, что Далекие Королевства лежат за черными горами, похожими на сжатый кулак.

— Не позволяйте своим желаниям править вашим умом, юный брат, — предостерег Гэмелен. — Видны были только горы, а не то, что за ними.

Кассини смутился, а я испугался, что в затянувшейся паузе мы теряем последний шанс. Предзнаменование не сказало ни «да» ни «нет». И окончательное решение по-прежнему оставалось за Советом воскресителей.

— Позвольте мне сказать, повелители? — спросил Янош.

Гэмелен кивнул, разрешая.

— Вы говорите, что впереди ждет опасность, а исход экспедиции внушает сомнения?

— Так говорит предзнаменование, — сказал Гэмелен.

— Но разве опасность грозит Ориссе? Кому-нибудь что-либо будет грозить или кто-то пострадает, если мы потерпим неудачу?

— Только ваши семьи, — сказал Гэмелен. — Поскольку неудача означает смерть. Тут предзнаменование толкуется совершенно ясно.

— Но каждый из нас, стоящих здесь, желает рискнуть, повелители мои, — вмешался я. — Мы сердцем чувствуем, что это может принести славу великую. Славу нашей дорогой Ориссе — цветку цивилизованного мира.

Воскресители надолго задумались, затем пошептались. Наконец Гэмелен обратился к нам.

— Разрешение дано, — сказал он. — Восхвалим Тедейта.

— Восхвалим Тедейта! — вскричали мы. Перед моим мысленным взором встали

сжатые в кулак горы и черный перевал на них. На мгновение мне показалось, что это видение поблескивает. Словно золотая вспышка мелькнула там, где смыкались «большой» и «указательный пальцы». Там, где ждали нас Далекие Королевства.

Глава шестая
ЛИКАНТИЯ

Должно быть, боги позаботились о декорациях этого дня: солнечного, с голубым безоблачным небом и легким бризом, пахнущим расстилающимся рядом морем. И вдруг все испортила показавшаяся на горизонте Ликантия, город, который так не соответствовал великолепию дня. Для этого города подошла бы мрачная погода, со штормовыми тучами, несущимися по небу. Ледяной ветер должен был бы завывать, как неупокоенные души, а море — дыбиться серыми волнами в шапках пены. Таких вот кошмарных декораций заслуживала Ликантия.

Впрочем, с тех пор она здорово изменилась, так что надобно описать ее подробно. Ликантия обосновалась на мысу, похожем на согнутый палец. В этом изгибе находится глубокая бухта. Я слышал легенду, в которой говорилось, что некогда на этом месте возвышался вулкан, и давным-давно, задолго до человека, произошло извержение, и пламя, вырываясь из Обители богов, устремилось на землю, чтобы остаться там, но, как всегда, победу одержала вода. На месте кратера вулкана образовалась бухта. Многие ориссиане не возражали бы, если бы вулкан вновь пробудился. Слишком много горя Ориссе принесла Ликантия. Кратер окружают отвесные скалы, и пробраться с материка к заливу можно только единственным удобным перевалом, образованным застывшей лавой. С течением времени перевал постепенно расширялся человеком, превратившись в нормальную дорогу. Над заливом близ этого перевала народ, известный как ликантиане, основал свой город.

На мысу места для расширения города было немного. И в то время, как Орисса расползалась при строительстве по холмам, ликантиане строились вверх, устремляя высокие дома к небу — дома, словно высеченные из единого камня каким-то мрачным гигантом. Лишь на несколько минут в день солнце освещает узкие улицы между этими зданиями. Янош рассказывал мне, что эти здания представляют из себя настоящие муравейники, напичканные и жилыми помещениями, и рабочими. И чем выше этаж, тем дороже проживание. Но с первого взгляда глаз почти не замечает эти каменные башни, по цвету сливающиеся со скалами. Прежде всего привлекает нависший над морем на оконечности мыса замок. Именно оттуда правят Ликантией два жреца-владыки, два архонта, вместе с советом колдунов. В этом замке хранятся не только их сокровища, но и глубоко внизу находятся тюремные подземелья и пыточные камеры.

Замок выглядит неприступным. Но однажды он был взят в сражении, которое началось ночным вероломством, а закончилось большим пожаром. За двадцать лет до моего рождения Орисса выиграла решающее сражение второй войны городов, когда наконец-то мы избавились от оккупантов, чей тяжелый сапог давил нам на горло в течение пяти поколений. Однако, когда победа была достигнута, вместо того чтобы стереть Ликантию и ликантиан с лица земли, мы заключили с ними почетный мир. Наш магистрат решил, что если не будет Ликантии, то на ее месте возникнет город другого могущественного племени, и вряд ли новые соседи будут расположены дружески. И более того, если никакое племя и не поселится здесь, то на неуправляемых землях буйно расцветет анархия. Не нужна нам была Ликантия и в качестве колонии — накладно держать гарнизон в неприятельской земле. Вот почему на мысу над морем продолжал маячить этот замок. Уж коли городу было позволено остаться, то перед людьми и богами он должен был сам защищать себя от пиратов, которыми кишмя кишело Узкое море. И все, что мы требовали от Ликантии, — выплаты репараций за ущерб, нанесенный Ориссе, жертвоприношений духам убитых в этих двух войнах и компенсации родственникам погибших. Было и еще одно требование, которое постоянно должно было им напоминать, что Орисса — это не город разжиревших купцов и

обессилевших богов. Мы приказали им разрушить громадную стену, которой они перегородили перешеек мыса. Мы вынудили их колдунов раскрыть секрет защитных чар стены, и наши самые могущественные воскресители создали мощное заклинание распада. Более года шел ритуал очищения, а само зачтение заклинаний заняло более месяца. При этих магических действиях умерли три воскресителя, но даже после окончания этого грандиозного акта чародейства потребовался целый легион военнопленных ликантиан, чтобы разобрать завалы и сохранившиеся участки стены.

Мы приближались к Ликантии. Инз вместе с сержантом Мэйном и десятком воинов, вызвавшихся добровольно сопровождать нас в походе, ехали в огромном шарабане вместе с багажом и сундуками, в которых хранилось наше золото и серебро. Шарабан тащили волы. Яношь, Кассини и я ехали верхом на лошадях.

— Интересно, — сказал Инз, указывая на пустующий по-прежнему перешеек, где некогда стояла стена, — почему ликантиане там не строятся? Или боятся мощных колдовских чар?

— Хороший вопрос, друг мой, — сказал Яношь. — Но тому есть простое объяснение. Ликантия считает позором снос их стены, и я даже слышал, как жители ворчали, что придет время и на этом месте встанет другая стена. И так уж сложилось, что ни один ликантианин не будет здесь селиться, иначе получится, что они смирились с поражением.

— Ох, надо было бы продать их мужчин в рабство айфора, — сказал Кассини, — женщин забрать себе для наслаждений, от города не оставить камня на камне, а саму почву здесь засыпать солью. Я, конечно, не столь могучий прорицатель, но нутром чувствую, доставят нам эти ликантиане еще немало хлопот.

— Сурово сказано, — сказал Яношь. — Я не согласен с тем, что Ликантию надо разрушить до основания. Потому что там, за Узким морем, война как раз привела к такому результату. И я видел, что это такое. Но вы правы в том смысле, что ликантиане не отказываются от мысли возродить былое могущество. Когда я был у них на службе, то слышал такие разговоры постоянно. И если им удастся задуманное, Орисса вновь окажется под угрозой нападения. У ликантиан долгая память на то, что, по их мнению, несправедливо. И потому я предпочитаю держать язык за зубами — что и всем вам сейчас рекомендую. Все мы тут ориссиане или на службе у ориссиан, и если мы будем это подчеркивать, то вряд ли приобретем новых друзей. Ни здесь, в Ликантии, ни дальше, за Узким морем, в Валарои. Я не знаю, насколько далеко Ликантия распространила свое влияние в этих землях, хотя и служил во многих гарнизонах, сторожевые вышки которых мы видим в течение последних двух дней. Мы путешествуем просто как торговцы без родины. Так безопаснее.

Он замолчал и усмехнулся немного смущенно.

— Мои извинения, господин Амальрик, — сказал он почти официально. — За то, что я рекомендую вам соблюдать нейтральность… Но решение, разумеется, остается за вами.

Я рассмеялся, нисколько не обижаясь. Кассини может не одобрять, но я бы не хотел, чтобы в путешествии к моему открытию у нас царил порядок вымуштрованной казармы.

— Любой из нас, кто знает более удобный путь, должен сказать об этом, иначе наши шансы достичь Далеких Королевств сильно уменьшатся. Будем путешествовать без труб, флагов и барабанов, — сказал я.

Яношь кивнул, несколько смущенный.

Инз рассмеялся и тихонько, так что услышал только я, сказал:

— А мне доводилось слыхать, что лев неохотно питается падалью.

Нам приходилось продвигаться быстро, но с предосторожностями. Предосторожности диктовались тем количеством денег, которые я вынужден был тащить с собой. Если бы я совершал обычное торговое путешествие, то наличных понадобилось бы совсем немного, а суммы, необходимые на затраты, можно было бы получать в местных банках по кредитному письму отца. Но поскольку наше путешествие начиналось с Ликантии, такой возможности у нас не было. Этот город был не только нашим военным противником, но и серьезнейшим торговым конкурентом. Самые ненавистные враги моего отца, клан Симеонов,

возглавляемый ныне младшим из них и злейшим недругом отца, Нису, были ликантианами. Они не только обманывали нас в частных трехдолевых торговых соглашениях, но и — отец был уверен в этом, — зная наши торговые пути, не раз нанимали местных грабителей нападать на наши караваны. И потому отец рекомендовал быть мне очень осторожным в Ликантии.

Путешествие наше проходило пока спокойно, без происшествий, если не считать встречи с ведьмой. Узкая и разбитая дорога шла под огромными деревьями с кривыми сучьями. Нервы у нас были на взводе, поскольку место было идеальным для разбойничьей засады. И вдруг посреди дороги, не пуская нас дальше, появилась какая-то женщина. Она была обнажена, но ни один мужчина не почувствовал бы к ней влечения, опои его любовным напитком хоть в десять раз сильнее того, что давал я Мелине. Может быть, она была и молода, но точно сказать было невозможно, потому что в последний раз вода касалась ее кожи, видимо, еще в утробе матери. Пока наши погонщики натягивали вожжи, она подняла руку ладонью к нам, и быки застыли, словно получив между глаз удар обухом топора. Я услыхал, как зашептались солдаты, но тут же смолкли, как только сержант Мэйн что-то пробормотал. Она подняла другую руку — между пальцами у нее свисал кусок веревки.

— Дань… любовный подарок, — запричитала она.

— Мы никому не платим, мамаша, — сказал погонщик. Она взмахнула веревкой:

— Дань… или эта веревка… эта удавка… эта ниточка… заболтают ножками, задергают ручками… храбрые солдатики… задергают ручками, засучат ножками, и ни один из вас не приласкает свою женушку… задергаются ножки… задергаются ручки…

Солдаты заерзали, негодуя, сержант что-то рявкнул.

Кассини соскользнул с лошади и двинулся вперед. Он глянул вверх, туда, где сквозь ветви сияло солнце, затем, ласково улыбнувшись, глянул на ведьму.

— Ах, женщина, женщина, ты же видишь это дерево, ты видишь эту тень… тень дерева… само дерево… а корни этого дерева так глубоко в земле… — заговорил он нараспев. — Ты застынешь, как это дерево, застынешь, должна застыть… и ни один путник не увидит тебя… и следующий, кто пройдет, будет топором, топором тебе…

Женщина застыла статуей. Я видел, как она пыталась шевельнуть губами.

Кассини грубо расхохотался и сказал:

— Говори, говори, благословляю тебя, о дерево.

— Прости, прости, — последовал ответ колдуньи. — Я не знала, что среди вас тот, кто может. Прости меня.

— Не у меня проси прощения, — сказал Кассини. — Проси прощения у тех людей, которых назвала ты храбрыми солдатиками.

— Железные мужчины, железные мужчины, в любви вы как из железа, веревка исчезла, петля исчезла, нитка исчезла, ничто над вами не висит… вы из железа, вы из стали.

— Благодарим тебя, женщина, — сказал Кассини. Он подошел к лошади и сел верхом. — Амальрик, — спросил он, — не будем лишать ее судьбы?

Из уст ее вырвался скорбный вопль.

— Ты дерево, о дерево! — рявкнул Кассини. Воцарилась тишина. Я смотрел на окаменевшую женщину.

— Нет. Не надо.

Я достал из кошелька три золотые монеты и бросил их на дорогу.

— Да будет она свободна, — сказал я.

— Ты слышало, о дерево? — неохотно сказал Кассини. — Ты будешь свободна, но застынь, застынь, должна стоять недвижно, пока тень от этого дерева не упадет на тебя.

Я кивнул погонщикам, и они хлестнули вожжами по спинам волов. Шарабан объехал ведьму, и мы продолжили свой путь. Когда мы поворачивали, я в последний раз оглянулся на эту женщину, застывшую посреди дороги, словно статуя на улице Богов.

Янош подъехал к Кассини.

— Интересное заклинание.

— Да, — согласился тот. — Хорошее заклинание и замечательно помогает, если только направлено против того, у кого ум бесхитростен.

Я был озадачен — то, что говорил Кассини, противоречило общепринятым понятиям. Заклинания действуют на всех одинаково, от магистра до крестьянина, от раба до господина. Или все-таки нет? Но тут колеса шарабана застучали по камням, а подковы лошадей зазвенели, и мои мысли вернулись к реальности.

Кончилась грязь грунтовой дороги, мы ехали по мостовой. Чуть дальше путь преграждал шлагбаум, рядом с которым располагалось низенькое строение. Из него выбежали пятеро солдат. Они выстроились вдоль дороги по стойке смирно. Одеты они были опрятно и даже щеголевато, а с оружием обращались умело. Один из них, то ли офицер, то ли сержант, крикнул, чтобы мы остановились. Таможня.

— Кто едет? — спросил он.

— Господин Амальрик Антеро. Торговец из Ориссы. И его свита.

Лицо таможенника нахмурилось.

— Проезжайте… Впрочем, постойте-ка. — Он подошел к Яношу и пытливо оглядел его. Собрался что-то сказать, но лишь молча отступил в сторону. — Проезжайте. Добро пожаловать в Ликантию, — сказал он голосом примерно таким же приветливым, который бывает у сборщика налогов.

Шарабан покатил, а я, пришпорив лошадь, подскакал к Яношу.

— Что все это значит?

— Этот приятель узнал меня, — сказал он. — Он собирался спросить меня, что делает ликантианский офицер в свите ориссианского слизняка. Потом пошевелил мозгами и решил, что, очевидно, я шпион, возвращающийся с задания.

— Так, значит, он не слышал, что ты уже покинул армию Ликантии?

— Иногда ликантиане специально обставляют дело так, что солдата с позором изгоняют из армии, чтобы потом он мог получить секретное назначение.

Я смутился собственной наивности, но, что делать, в тот день мне то и дело приходилось изумляться и обо всем расспрашивать.

— Неужели ликантиане способны на такое?

Янош лишь коротко кивнул головой, не вдаваясь в подробности.

По сторонам дороги уже вставали дома. Мы были в Ликантии.

Отыскав гостиницу, мы принялись за подготовку к основной части похода. Впереди лежали земли, уже не зависимые от Ориссы. Солдатам ничего не сообщалось ни о наших планах, ни о конечной заветной цели — Далеких Королевствах. В их обязанности входила лишь охрана наших жизней, нашего золота да физическая помощь. Инз был нашим мажордомом, а Кассини должен был позаботиться о том, чтобы нам верно служили магические заклинания, например, действующие на духов ветра. Я занимался судном, которое должно было перевезти нас через Узкое море к самому отдаленному из портов, который только был известен Яношу, Валеруане. Изучая карту, я в очередной раз изумился тому, насколько же мало был изучен тот район: наш промежуточный пункт остановки, порт Редонд, находился по карте на расстоянии двух сомкнутых пальцев восточнее Ликантии, на другом берегу моря. К востоку от этого порта начиналось Перечное побережье, о котором ходили дурные слухи. Многие берега, реки, горы, долины, в одной из которых за Перечным побережьем находилась Кострома, родина Яноша, были нанесены лишь приблизительно. Некоторые даже не имели названий.

— Рассказывали мне в Ликантии, — поведал как-то мне Янош, — что якобы архонты посылали исследователей на восток, за Редонд, и даже за Перечное побережье. Но мне не доводилось встречать ни одного человека, который лично бы принял участие в такой экспедиции, так что не больно я доверяю этим россказням.

Сержанта Мэйна, отвечавшего за наше вооружение, Янош проинструктировал, чтобы никто и виду не подавал, что мы известные своей надменностью ориссиане.

Требуемое в дальнейшей, заморской части экспедиции снаряжение и средства

передвижения: лошадей, провизию, палатки и тому подобное, мы собирались приобрести в Редонде.

Янош по секрету сообщил мне, что он кое-что предпримет, используя личные связи, чтобы обеспечить успех нашей экспедиции, только пусть никто не влезает в его дела. И чтобы сам я не тревожился по поводу его нерегулярных исчезновений и появлений или по поводу тех людей, с которыми, может быть, ему придется иметь дело. Хорошо, что он предупредил меня. Иначе, впервые увидев того человека, который забрел во двор гостиницы, я бы непременно кликнул сержанта Мэйна или ликантианского часового. По своему недолгому жизненному опыту я уже знал, что у лукавого человека может быть вид святого, в то время как у святого — облик монстра. У этого была внешность злодея. Первым его заметил Инз. Он слегка присвистнул и сказал, чтобы обратили внимание на парня внизу.

— Наверняка, — сказал Инз, — он богат. Мамаши должны бы щедро платить ему за то, что пугают им детишек, чтобы они хорошо себя вели.

Мужчина был ненамного выше меня, но в два раза толще. У него было крепко сбитое тело, как часто бывает у торговцев пивом, первых его любителей. Но вряд ли он занимался торговлей по причинам очевидным: уши у него были отрезаны — знак, как здесь, так и в Ориссе, трижды осужденного за воровство. Руки он имел ненормально изогнутые. Поначалу я подумал, что это врожденное уродство, но затем, когда он закатал рукава своего богатого шелкового одеяния, я увидел на руках застарелые рубцы ожогов — следы пыток на дыбе.

Я окликнул его, спросив, что ему надо. Он сказал, что разыскивает капитана Яноша Серый Плащ, человека, который некогда служил в Ликантии. У него был сочный бас, которым иной жрец призывает к молитве. Инз спросил, как его зовут.

— Гриф.

— А чем вы занимаетесь?

— Да так… частное дело у меня к капитану.

Янош вышел из комнаты на балкон:

— Я Серый Плащ. Кто прислал тебя?

Человек не ответил. По крайней мере, словами. Вместо этого он рукой показал три быстрых непонятных жеста.

— Поднимайся сюда, приятель, — сказал Янош. — Инз, бы вина.

Этот злодей, хоть и прошел пыточные камеры, не стал инвалидом. По лестнице он поднялся с легкостью тех обезьян, сидящих в клетках, что показывают в садах Ориссы.

На мгновение его плащ распахнулся, и я увидел под ним кинжал в ножнах. Янош позвал его в отдельную комнату, где они провели два часа. Затем Янош вышел и попросил у меня двойную меру золотых монет. Я не решался на это, имея мало желания связываться с таким типом, как Гриф, но понял, что Яношу деньги нужны для дела. Да и то сказать, в последующие дни нам пришлось иметь дело с такими негодяями, по сравнению с которыми Гриф был непорочной девой.

Пришлось мне попотеть и с моими проблемами, потому что такая простая, казалось бы, вещь, как наем судна, превратилась в сложнейшие переговоры. Мне приглянулся один длинный красивый корабль, снабженный, как мне сказал один бездельник на причале, треугольным парусом, закрученным сейчас вокруг реи, опущенной к палубе. Широкий руль был поднят на борт. Нос судна был сделан в виде клюва чайки, что для меня было добрым предзнаменованием, предвещая гладкое плавание по морю. Надстройки были и на носу, и на корме, но оказались тесноватыми. Выглядел корабль как новенький, чувствовалось, что он находился в заботливых руках. Больше всего меня, страшащегося кораблекрушения в этом первом моем путешествии по морю, привлекла шлюпка на левом борту, подвешенная на двух балках с изящной резьбой. От причала, с палубы на палубу, я прошел три стоящих борт о борт судна. Меня поджидал человек, выглядевший именно так, как, по моему мнению, и должен выглядеть моряк, — босой, с бритой головой, в камзоле и бриджах до колен. Он оглядел мою одежду и уважительно кивнул.

— Господин желает переправиться?

Он представился как Л'юр, капитан и владелец «Киттивэйк». Даже не выслушав, какую цену я ему предлагаю, он настоял на том, чтобы сначала показать мне судно. Тогда я слабо разбирался в кораблях; это сейчас я частенько, в силу необходимости, имею дело с этими проклятыми изобретениями, имея их в собственности столько, что человек и за день не сосчитает. Я всерьез полагал, что лодка — это тоже корабль, что нос можно обозвать передом, а корму — задом, и спокойно обходился без всех этих ломающих язык терминов, которыми пользуются моряки. Наконец мы вернулись на корму корабля, на то место, что капитан обозвал квартердеком, и он выставил кое-то мерзкое вино. Я щедро разбавил его водой. Он явил, что сочтет за честь перевезти нас в Редонд. Деньги он потребовал золотом и вперед. Меня чуть не стошнило от такой суммы, и я сказал, что всего лишь нанимаю его игрушку, а вовсе не собираюсь покупать ее насовсем. Он улыбнулся, словно я шутил, и скорбно заговорил об опасностях Перечного побережья.

Я спросил, что же такого особенного в этих опасностях? Мрачное перечисление производило впечатление: он упомянул о рифах, меняющих свое положение, о гигантских водоворотах, о морских чудовищах, о пиратах, о ложных бухтах, где ветер свирепствует сильней, чем в открытом море; о штормах, налетающих среди ясного неба и без сомнения, насылаемых великим и злым магом, обитающим где-то на Перечном побережье; о блуждающих звездах, по которым ни один штурман не может определить местонахождение судна. Нагромоздив эту кучу ужасов, он сказал:

— У меня быстрое судно. И я могу нанять самый искусный экипаж, людей, которые могут обращаться как с парусами, так и с пращей и с катапультой. А со своей стороны надеюсь, что в вашей свите найдутся люди, которые знают, с какого конца стрела вставляется в алебарду.

Каждый день я приезжал в порт, и мы так и эдак обговаривали нашу сделку, бессовестно хвастаясь друг перед другом, разбирая все «за» и «против». Когда мы наконец ударили по рукам — а мы договорились, что половину я заплачу в день отплытия, а вторую — в день прибытия в Редонд, — я уже был готов погрузить себе на спину всю мою команду из четырнадцати человек плюс сундуки с деньгами и пуститься вплавь к этим проклятым богами берегам Валарои. Впрочем, должен прибавить, и по сей день моряки не изменились.

За день до того, как я и Л'юр пришли к соглашению, случились весьма странные происшествия. В гостинице сидел, явно кого-то поджидая, Гриф. У него при себе была тщательно перевязанная упаковка, в которой, по его словам, содержалось нечто «драгоценное» для Яноша. Я предложил ему отдать узел мне, но он отказался, сообщив, что ему должен заплатить только капитан Серый Плащ и отвечает Гриф тоже только перед ним. Я уже собирался прикрикнуть на него, что Янош, мол, мой подчиненный и что от меня у Яноша не может быть секретов, но вдруг понял, что ужасно устал от этих бесконечных переговоров с Л'юром. Только из вежливости я предложил Грифу вина.

Он согласился выпить, и мы отыскали укромный уголок в общем зале гостиницы.

— Как странно, — сказал он. — Я, выросший в приюте для подкидышей, пью с принцем торговли. Не могу поверить. — Он засмеялся, показывая черные зубы. — Даже вино становится слаще, когда я понимаю, что оказываю услугу Антеро.

— Откуда ты знаешь мою фамилию?

— Один из ваших солдат говорил своему приятелю. Мои уши хоть и укоротили, зато направили в нужную сторону, и слышат они все прекрасно. Да вы не волнуйтесь. Гриф умеет хранить секреты своих друзей. Уж чему-чему, а молчанию меня научили.

Он почти с нежностью погладил рубцы на своей руке А я не мог дождаться, когда же придет Янош. От присутствия Грифа мне было как-то не по себе, даже кожа зачесалась, словно я завшивел.

— И ты слыхал о нашем семействе? — спросил я. Гриф кивнул, затем повернулся на стуле и опустил с плеч тунику. У меня в желудке все сжалось. Мне доводилось видеть рубцы от плети на спинах людей, белые и прямые, но таких глубоких я еще не видел. Должно быть, кнут рассекал до костей.

— Однажды, — сказал Гриф, поворачиваясь обратно и вновь натягивая тунику, — мне не повезло, и я согласился сделать одну работенку для Нису, главы семейства Симеонов. Да, — да, я вижу, вы вздрогнули, Симеонов. Даже такой уличный тип, как я, знает о вашей наследственной вражде. Но случилось так, что расплачиваться пришлось не ему, а мне перед ним. Он лично сек плетью. Во владениях Симеонов есть собственная подземная тюрьма. Я не знаю, орал я или нет. Наверное, да. Завопишь, когда в кожаную плеть вплетены металлические нити. — Он улыбнулся и облизнул губы, словно вспоминая об объятиях любовницы. — А затем он швырнул меня в этот залив. Я уж и не думал, что выживу. Но выжил. И поклялся отомстить, когда придет другое время. И другие возможности. Вот разболтался, нельзя мне пить. Но только, может быть, поэтому вам и помогаю, чтоб хоть как-то насолить Симеонам. Хоть немного. Немного тут, немного там… Я видел, как таким вот путем мышка целую буханку слопала.

Он допил вино, и я жестом заказал еще. Гриф пошел в уборную. Я оглядел зал. Немногочисленные посетители с большим интересом наблюдали, как, спотыкаясь, двигался Гриф, нежели за мной. Я наклонился и ощупал узел, предназначенный для Яноша, как ребенок, который нашел спрятанный до дня рождения подарок и пытается по обертке определить, что внутри. Какие-то бутылки, котика нечто хрустящее, вроде сухих растений, еще что-то. И тут я отдернул руку, увидев, как прорвав упаковку, блеснуло лезвие. Я быстро надорвал еще немного. Лезвие было изогнутым. Это был крошечный серп, миниатюрная копия инструмента, которым крестьяне жнут пшеницу. Но сделан он был из золота — и даже не глядя, я знал, что на самом лезвии должны быть тайные письмена. И предназначен этот серп был для срезания особых трав, и больше ни для чего другого. А растения эти используются для сотворения заклинаний.

Интересно, зачем это Яношу Серый Плащ понадобились эти загадочные орудия колдовства? Интересно, что еще за предметы в этом узелке? Хотя можно было бы и догадаться. Я вспомнил, как в Ориссе старейший из воскресителей, Гэмелен, расспрашивал Яноша и как тот перевел все в шутку, так и не ответив. Но я ничего не сказал Яношу, когда он вернулся почти одновременно с возвращением Грифа. Такие вопросы надо задавать с глазу на глаз, поскольку незаконное занятие воскресительством, как и использование магических предметов, карается наказанием от тюремного заключения до смертной казни.

Этой ночью, впервые за несколько месяцев, ко мне вернулся мой ночной кошмар. Я не помнил, на кого походил раньше мой лодочник, ведущий меня к гибели, но теперь у него был облик Грифа. У него не было одного глаза, а в пустой глазнице не то извивался червь, не то мерцал огонек.

А следующим вечером меня, да и всех моих спутников, посетил другой кошмар, но на этот раз наяву. Направляясь наверх, в свою комнату, я заметил, что сегодня полнолуние. Я уже готовился лечь, как поднялся собачий лай. Схватив рапиру, я выбежал на балкон. В свете двух горящих по бокам ворот факелов я разглядел во дворе какое-то существо. Такое не могло явиться иначе как силой заклинаний воскресителя. Гиена, бесшерстная гиена, исхудавшая до смерти и с лицом человека.

Существо заговорило слабым голосом человека, которого только что выпустили из подземной тюрьмы архонтов.

— Вас призывают, — зловеще прохрипело существо. — призывают в замок. Всех неликантиан, мужчин и жен — Вас призывают. В час ночи. Оракул назвал это время, приказано явиться. Всем. Это приказ архонтов. Вы должны подчиниться. Вас призывают. Тот, кто не подчинится найдет смерть, смерть от огня, смерть от воды, смерть от удавки, смерть в бездне. Это голос архонтов. В час.

Существо вышло со двора на улицу и потрусило к следующей гостинице. Я обернулся и увидел окаменевшее лицо Яноша.

— Это очень серьезно, — сказал он. — Архонты что-то затеяли. Прикажи всем одеваться. Пусть никто не берет оружия, даже столового ножа. Мы должны отправляться на площадь замка… Или все умрем.

На улицах Ликантии было жутковато: повсюду ярко пылали факелы, освещая лица взволнованных чужестранцев; безмолвные патрули ликантианских солдат, проталкиваясь сквозь толпы, отказывались отвечать на вопросы, повторяя лишь приказ архонтов. Темными стояли высокие дома, но то тут, то там я замечал, как мельком появлялось в окне белое пятно лица, чтобы быстро спрятаться за занавеской.

Янош торопливо ушел в свою комнату, я же отдавал приказания. Я услыхал шум, будто что-то разбилось. Затем наступила тишина. Я окликнул Яноша три раза, прежде чем он вышел. Когда мы пошли по улице, я услыхал, как он остановил Мэйна и что-то ему сказал. Затем подошел к Инзу и спросил того шепотом, умеет ли он читать. Инз, хоть и перепуганный, совладал с собой и сказал, что, разумеется, умеет в отличие от этих ликантийских варваров.

Затем Янош подошел ко мне.

— Вот, — прошептал он, протягивая мне кусочек металла. — Выучи. По моему сигналу произнесешь это вслух. Я дам знать когда. Это же выучили Мэйн и Инз.

— А Кассини? — прошептал я. Наш воскреситель вышагивал в нескольких ярдах впереди.

— Ему не о чем беспокоиться, — сказал Янош. — Наш магический покров прикроет и его. — Он протянул мне шапку, которую обычно слуги надевают при пыльной работе. — Надень.

Впереди вставал замок. Над главным входом с открытыми воротами и поднятой защитной решеткой ревел неизвестно откуда берущийся огонь. Я услыхал обрывки шепота, которым обменивались наши солдаты:

— Похоже на колдовство…

— Ради богов, — прошипел Янош. — Ничего не говорите и даже не думайте ничего плохого о том, что происходит.

Света теперь было достаточно, чтобы я мог разглядеть, что меня в руках. Это был обломок отлично отполированной бронзы. Теперь я понял, что за звон я слышал — этот кусок бронзы был частью отражателя одной из ламп в нашем жилище. На обломке ножом было нацарапано несколько слов:

Я зеркало
Я невидим
Я думаю так же, как ты
Мой разум — стена
Ничего не ощущает
Ни о чем не думает
И то, что ты видишь — это ты
И то, что ты видишь — это мы
Я зеркало.

Несмотря на испуг, я не мог не удивиться: сначала этот узелок с магическими предметами, а теперь вот и заклинание. Неужели Янош Серый Плащ воображает себя воскресителем? Но на дальнейшие раздумья времени не было. Как только мы, миновав ворота, оказались в огромном открытом дворе, нас окружили солдаты.

В дальнем конце двора возвышался огромный подиум. На нем стояли два человека; над их головами мерцал нимб, и они казались выше, чем любой другой человек. На каждом из них была диадема архонта. Я содрогнулся… Знак был зловещим. Обычному смертному, не говоря уж о чужестранцах, просто немыслимо было попасться на глаза архонтам Ликантии, этим местным властителям-воскресителям. Я слышал, как кто-то из наших солдат зашептал молитву, и тут раздался глухой удар, которым наградил его Мэйн. Ликантийские солдаты выстроили всех прибывших в шеренгу. На площади иноземцев было три или четыре сотни. Все были одеты наспех, но по платью все равно легко отличались от ликантиан. Мужчины и женщины, благородные и рабы, дети и старики. Некоторые плакали, некоторые пытались держаться бодро, некоторые были вообще пьяны.

И тут меж двух архонтов появился кто-то третий. Я услыхал голос, доносящийся, казалось бы, ниоткуда и отовсюду:

Бродит зло, бродит зло, бродит зло в ночи

Зло для меня, зло для Ликантии, зло, с которым должно быть покончено

Видение отчетливо, видение отчетливо

Настал час

Настал час

Ищи, наш гонец, наш изыскатель, наш преданный.

Третье существо — и тут я разглядел, что это тот самый страшный гонец, что созывал нас, существо, созданное чернейшими из заклинаний, — соскочило на площадь, покрытую песком. Оно стало бегать вдоль шеренг, и я сразу понял, что сейчас оно в новой роли, роли ищейки. Я слышал по мере его приближения, как оно принюхивается. И тут же понял, что пора, и зашептал:

— Я зеркало, я невидим…

Существо медленно продвигалось вдоль шеренги. Когда оно приблизилось ко мне, один из наших солдат упал в обморок. Я слышал глухой звук от падения тела на песок.

— … ничего не ощущает, ни о чем не думает…

Чудовище стало передо мной. Я не отваживался поднять на него взгляд. Его морда ткнулась мне в ногу, и я еле сдержался, чтобы не отскочить.

— И то, что ты видишь, это ты…

Я выдержал. Ищейка удалилась. Я услыхал какое-то хныканье, удалявшееся от меня, но даже глазом не повел. Зверь скулил, как собака, которая чует добычу, но не может понять, где же она прячется. Послышался стук когтей, снова приближающийся ко мне.

— И то, что ты видишь — это мы…

И вновь зверь прошел мимо. Он выскочил из наших рядов на открытое пространство между нами и архонтами. Сев на задние лапы, существо завыло на луну. Один раз. Второй. Третий раз. Кто-то из иностранцев вышел из ряда на ее вой и приблизился к ищейке.

Это была молодая женщина. Даже сейчас я помню, как хороша она была. Она была очень молода — возможно, еще девственница. На ней было только ночное белье. В других обстоятельствах кто-нибудь и ощутил бы при виде ее желание. Но только не теперь. Не здесь. Ликантия выбрала свою жертву. Она шла к зверю. Складывалось такое впечатление, что ноги сами несли девушку, вопреки ее воле. Магия не отпускала. Миловидное лицо исказилось от ужаса. Воздух перед ней замерцал, как над головами архонтов. Мерцание сгустилось и превратилось в кинжал — небольшой, слегка искривленный. Таким ножом она и сама, наверное, не раз пользовалась на кухне, а если она была благородного происхождения, то раб таким ножом по утрам разрезал для нее фрукты.

Очень медленно женщина взяла клинок, развернула его острием к себе. И вдруг нанесла себе первую рану. Несмотря на заклинание, девушка вскрикнула. Никто из шеренги не мог двинуться с места и не мог даже глаз отвести. Она еще раз ударила себя. И еще. По сей день ее крик звенит в моих ушах. Только через час эта мука кончилась, она перестала кричать, и ей позволено было умереть. Чудовище исчезло, пуст стал и подиум.

Мы повернулись и побрели со двора. На этой площади, освещенной догорающими факелами, осталось только тело, бывшее некогда столь прекрасным.

— Таков обычай в Ликантии, — позже, когда я обрел дар речи, объяснил мне Янош. — Когда архонты или их предсказатели предвидят роковое зло, от которого может пострадать весь город, они приносят жертву.

— Не сомневаюсь, что всегда в роли жертвы выступает чужестранец.

— Не всегда, — сказал он. — Мне доводилось видеть, как в жертву вызывались принести себя местные жители, а однажды — и юный воскреситель. Как правило, это должен быть красивый человек. Иногда это тот, что имел несчастье сказать что-то против порядков в Ликантии. Иногда представитель семейства, давно враждующего с архонтами. Или просто жертва, случайно выбранная ищейкой по ей одной понятным признакам. Вот

почему я велел тебе надеть шапку. Может быть, именно поэтому это создание, имени которому нет, и выбрало жертву неподалеку от нас. Возможно, оно искало тебя. Не исключено, что эта женщина таила в себе какой-то более таинственный секрет, чем любой из нас. И это… это была не самая худшая смерть, которую обрел выбранный.

Я колебался, не решаясь спросить у него, откуда он знает это заклинание, что нас спасло. И не решился. Не тот это был вопрос, который стоило вслух обсуждать в Ликантии.

Пора было отправляться в дальнейший путь. Корабль и экипаж были готовы. Мы отплывали дня через два или три, когда наступит прилив. Янош, очевидно, отыскал в городе все, что ему требовалось, поскольку Гриф больше не появлялся.

Янош, Кассини и я зашли в одну из оружейных лавок подобрать соответствующий арсенал для путешествия. Я приглядел изящную рапиру: гарда, эфес и рукоять были изукрашены золотом и шитьем. Там же нашел подходящий кинжал. Оружейник вполголоса сообщил, что один могучий воскреситель наложил на оба клинка заклятие непобедимости. Я подержал оружие. Казалось, и рапира и кинжал были созданы именно для моей руки. Но на всякий случай решил посоветоваться с Яношем. У него же оставалось свое оружие.

— Выбирай, что хочешь, — сказал он. — Перед сражением ни один человек не должен позволять, чтобы ему советовали, какое у него должно быть оружие, разве что у командира есть на то особые причины. Правда, лично я эти красивые штучки не выбрал бы. Во-первых, в таком маленьком отряде, как наш, по этому оружию легко распознать офицера. Исходя из этого же, не следует носить золотые гербовые украшения на доспехах и золотые украшения на клинках. Ничто так не действует на мужество солдата, как вид сраженного командира. К тому же мне приходилось видеть, как в порту однажды убили человека только потому, что кому-то понравилась его сабля. Что же касается этих заклинаний… Можешь себе представить хоть одного человека, направляющегося на сражение, будь то простой крестьянин, вооруженный дубиной, или благородный человек, и чтобы их хоть кто-нибудь да не благословил? Воскреситель, ведьма, местный чародей или архонт? И представь себе поле битвы, над которым клубятся, как облака пыли, заклинания и противозаклинания, направленные друг против друга… Впрочем, это лишь мое мнение. В конце концов, рапира действительно неплоха, но обрати внимание на этот меч.

Он указал, а оружейник тут же протянул ему другой клинок. Это был легкий меч с рукоятью, предназначенной только для одной ладони.

— Прочный. Обоюдоострый. Прекрасная конструкция. А то, что я сейчас покажу, служит проверкой для настоящего оружия. Можешь как-нибудь попробовать, только на более тонком лезвии.

Он взял конец клинка одной рукой, рукоять — другой и, напрягая мышцы, изогнул лезвие дугой. Я думал, что сталь может лопнуть, но вместо этого лезвие изогнулось почти в полукруг. Янош отпустил лезвие и кивнул оружейнику:

— Вот видите, мастер Канадис, никакой магии, просто хорошая кузнечная работа.

— Что ж, должен признаться, вы правы, — усмехнулся оружейник. — Я разделяю ваш скептицизм по поводу пользы магии на поле битвы, хотя лично я бы не стал отказываться от благословения воскресителя перед боем. Впрочем, я просил одного воскресителя, чтобы он заколдовал это оружие от ржавчины, так что его можно брать на борт судна, например, не переживая, что придется проводить все время за протиркой лезвия промасленной тряпкой.

— Надежный клинок, — продолжал Янош. — И более подходящее в путешествии оружие, чем рапира. Ведь его можно использовать в различных ситуациях: при прокладывании пути в зарослях и при рубке ветвей для колышков, хотя я бы не советовал так обращаться с оружием. К тому же это простое прямое лезвие прекрасно отразит вражеский удар, не ломаясь ни при каких обстоятельствах… и не падая из рук.

Я слегка покраснел. Я думал, что Янош уже забыл, как в той схватке в Ориссе я проявил себя далеко не мастером в фехтовании.

— А вот и подходящий кинжал, — сказал Янош, протягивая мне скромный клинок — заостренное с одного края холодное оружие с достаточно длинным и широким лезвием с

желобками с обеих сторон. — Вот твой охранник, твой слуга и защита от воров, который ты всегда должен носить с собой. Саблю таскать неудобно, всегда хочется скинуть ее, оказавшись у лагерного костра, или привязать к седлу, как правило, как раз тогда, когда она вдруг неожиданно может понадобиться. А этот кинжал может спасти тебя. Тебе осталось приобрести только маленький ножичек для нарезания мяса. Вы согласны, мастер Канадис?

— Согласен.

— Что ж, высказались два человека, которые в этом деле разбираются лучше меня, — сказал я. — Правда, временами я ощущаю себя не столько руководителем экспедиции, сколько всего лишь инициатором и даже помесью выжившего из ума старика с недотепой-деревенщиной.

— Зато шлюхи из всех нас предпочтут тебя, — со смехом сказал Янош. — И еще одно. Отметим предмет нашей, хм, гордости. Твои волосы. Я знавал великих военачальников, которые гордились своими локонами, а враги стремились отрезать им эти волосы. Я восхищался этими великими людьми. Издали. Особенно в дыму сражения. Нам же предстоит путешествовать по тем местам, где люди полагают, что боги только благословят охоту на огненно-рыжего человека, которого стоит сбросить с ближайшей скалы, чтобы урожай был обильный или просто чтобы погода была получше на следующий день.

Я понял. Янош улыбнулся. А я припомнил двор замка и колдовское существо-ищейку.

— Когда мы вернемся в гостиницу, я прикажу Инзу остричь меня, как молодого барашка, — пообещал я и достал кошелек, чтобы расплатиться с оружейником.

Кассини, который лишь прислушивался к нашему разговору, но молчал, купил себе рапиру и такой же, как у меня, кинжал.

— Не показывай мне зеркало, — взмолился я. — Просто скажи, на что я теперь похож.

Я погладил руками гладкую поверхность, где некогда опускаясь до плеч мои кудри.

— Пожалуй, на каторжника, осужденного к работам на галерах, — задумчиво сказал Инз.

— Или на вора, приговоренного к Каменному поцелую, — добавил из своего угла Янош.

— На уголовника, — застонал я. — На нечестивца.

— Ну, господин мой, вы чересчур категоричны. Вы можете сойти и за человека, который дал обет безбрачия.

— Точно, — сказал Янош. — Может быть, даже на кастрата.

— Полагаю, — сказал я, — мне надо пройти в соседнюю комнату, к Кассини, и попросить его изготовить небольшое заклинание для моей лысины.

— А вот мне уже ничего не поможет, — сказал Инз похлопав себя по сияющей, лишенной растительности макушке. — Только берегитесь, как бы заклинание не оказалось слишком сильным и у вас там не появилась бы взамен волос целая меховая шапка.

— А я начинаю склоняться к мысли, — сказал я, — что лучше уж быть сброшенным со скалы, чем слушать вас двоих. Янош, ведь это твоя идея. Ты должен угостить меня бренди.

Я поднялся и прихватил свой новый меч или скорее все-таки саблю. Я все приспосабливался к ее весу, она была чуть тяжелее рапиры или коротких сабель, которые я носил в Ориссе. Инз аккуратно собрал тряпки, которые он разложил вокруг моего стула, прежде чем начать бритье. И вытряхнул их в кожаную сумку.

— Ты считаешь, что ни один локон не должен упасть на ковер? — серьезно спросил Янош.

— Да, капитан. С тех самых пор, как я был приставлен к нему гувернером, а он еще был орущим младенцем. Я всегда был осторожен, постригая его, обрезая ему ногти или пушок, который он называл бородой, осторожен даже с его блевотиной. Хотя бывали времена, когда мне хотелось передать какую-нибудь частичку моего хозяина колдунье, будучи уверенным, что в заклятии, которая она наложит на эту частичку, будет польза для господина Антеро.

— Правильно, — по-прежнему серьезно сказал Янош. — Только не выбрасывай волосы

в туалет. Отнеси их в какую-нибудь большую сточную канаву, где вода течет постоянно.

Инз перестал улыбаться и стал столь же серьезен, как и Янош.

— Сделаю, как скажете, — сказал он. — Но даже без ваших советов я понимаю и чувствую, что в этом каменном городе нас за каждым углом поджидает опасность.

Мы все переглянулись. Инз тяжело вздохнул.

— Здесь так плохо, — сказал он, — что я жду не дождусь, когда мы окажемся в море, где мне, наверное, придется придерживать голову господина Амальрика над бортом, когда ему станет плохо, и предупреждать его, чтобы он не блевал против ветра — это дурной знак. Хорошо еще, что у меня луженый желудок. — Он поднял сумку и удалился.

— Насколько я знаю, — сказал я, — этот болтун Инз никогда в жизни не ступал на борт судна, разве что в пруду плавал на лодке.

Янош улыбнулся:

— Он мне напоминает мою няньку. Та тоже постоянно ворчала, хныкала, жаловалась, но всегда…

На улице раздался вопль. Янош и я выскочили в коридор. Янош уже сжимал в руке саблю, я вытащил свою. Мы с грохотом сбежали по лестнице во двор. Двое часовых у ворот, с оружием наготове, вглядывались в темноту. Остальные наши солдаты выскакивали из своих комнат, застегивая ремни.

— Инз! — воскликнул один из солдат, указывая на улицу. — Он только что прошел…

Остальное я не дослушал, и мы бросились вдогонку. Янош успел на бегу выхватить из держателя один из факелов. В конце улицы я разглядел трех дерущихся мужчин. Мы закричали и устремились к ним. Один из троих отскочил и метнулся в темноту. Другой задержался, и я успел увидеть, как он ударил третьего в грудь и тот стал оседать. На мостовой осталось только скрюченное тело.

Это был Инз. Мы перевернули его. Ему нанесли два удара — один в руку, разрезав ее до кости, а другой глубоко пронзил грудь. Но он еще был жив.

— Кассини сюда, — приказал я. Янош громко крикнул, чтобы сюда скорее шел воскреситель с его целебными травами. Кто-то побежал за ним.

Инз открыл глаза, узнал меня.

— Я… я не отдал им. Они не смогли… — выдохнул он. — Они хотели…

— Молчи, — рядом со мной на колени опустился Янош. Он поднял маленькую кожаную сумку с моими состриженными волосами. У меня внутри все сжалось. Вот в чем дело. Негодяи решили, что этот маленький, хорошо одетый человек несет в сумке деньги.

— Они сказали… они хотели что-нибудь принадлежащее вам… хозяин… и что они… заплатят за это. А если нет… — Инз глотнул воздуха, воздуха, который не мог уже удержаться в его продырявленных легких.

— Держись, — сказал я. — Кассини поможет. У него есть лекарства и заклинания. С тобой все будет хорошо.

Инз покачал головой.

— Нет, — прошептал он. — Одна просьба, хозяин. Одна последняя просьба. — Я понял, что он умирает. — Дайте мне волю, — смог он выговорить. — Дайте мне умереть свободным человеком.

Дело было не в этой просьбе. Дело было в том, что по моей вине он умирал здесь, на этой грязной мостовой в этом проклятом городе. И все, что я мог для него сделать, — это лишь выполнить его просьбу. Я пытался отыскать нужные слова, но до этого мне еще ни разу не приходилось освобождать раба. И тут заговорил Янош.

— Повторяй за мной, — приказал он. Я стал повторять.

— Я, господин Амальрик Антеро из Ориссы, сим объявляю раба Инза, Инза из… из…

— Из Мангифера, — донесся шепот.

— Из Мангифера свободным человеком. Не принадлежит он теперь к числу рабов и тем самым получает свои права и обязанности. Он имеет право на собственность, на жену, на детей, которые тоже отныне свободны. Имеет право жить своей жизнью и умереть своей

смертью. Я, господин Амальрик Антеро, объявляю добровольно и открыто здесь, пред ликом всех богов, что отныне и навеки не предъявлю прав на этого человека, его детей, его семью, его душу.

Я повторил за ним слово в слово.

Губы Инза раздвинулись. То ли он хотел поблагодарить, то ли улыбнуться. И тут что-то изменилось в его взгляде, смотрящем теперь сквозь меня, за меня, в ничто. И тело его внезапно потяжелело.

За накатившими слезами я уже не мог разглядеть его лица. Кто-то поднял тело. Янош помог мне встать. И тут я вспомнил — набрав пригоршню пыли с мостовой, посыпал ею тело Инза. Вот теперь его призрак не будет бродить по земле. А я поклялся, что все сделаю, чтобы отыскать его убийцу, и тогда благословит Инза Темный искатель. Но сейчас я даже злости не чувствовал. А лишь великую печаль да великий стыд за то, что за столько лет я так и не удосужился спросить у верного слуги и преданного друга, откуда же он родом.

Янош обнял меня за плечи.

— Скорбеть будем позже, — решительно сказал он. — А сегодня мы отплываем.

Собирались мы торопливо. Я никак не мог привыкнуть к тому, что впервые за столько лет мне никто не подсказывает, где лежит щетка, какой плащ как надеть и так далее. И я еще раз выбранил себя за эгоизм. Ведь только что умер человек, а я думаю о том, как правильно упаковать мои кремы да в какую коробку их положить. Сержант Мэйн выделил мне солдата в помощь, но толку него было не много. А прикрикнуть на него мне воспитание не позволяло.

Я разыскал хозяина гостиницы и расплатился. Тот поклялся, что знает толк в ориссианских церемониях и потому после соответствующего ритуала предаст огню тело Инза, дабы, как требовала наша вера, его останки не мог поднять из земли и использовать в своих целях какой-нибудь злобный маг. Янош сказал, что доверяет ликантианину, так что я не стал намекать, что у семейства Антеро хорошая память и что хозяину гостиницы не поздоровится, если он не сдержит обещания. Но он и сам, поглядев в мои глаза, все понял.

Когда мы собрались во дворе, Янош раздал каждому по маленькому, покрытому золотом зубу на цепочке. Он сказал, что это зубы хорька и они должны уберечь нас от гибели. Я вспомнил моего хорька и как Халаб оживлял его, и решил, что это добрый знак. Кассини нахмурился — ведь все чары должны были бы идти только от него, — но ничего не сказал и наравне с остальными так же проворно нацепил цепочку с зубом на шею.

Янош застыл посреди двора, уставясь на один оставшийся зуб. Может быть, он думал о том, что, вручи он его Инзу двумя часами ранее, тот остался бы жив.

Из залива Ликантии «Киттивэйк» вышла поздним утром. Ушло время на то, чтобы разбудить Л'юра, затем чтобы он разыскал нанятых им моряков, разыскал портовую колдунью, которая погадала, что ждет путешественников. Густой летний туман все еще висел над водой, когда наконец отдали концы и четыре моряка взялись за длинные весла, чтобы уйти подальше в море, где легкий бриз со стороны суши наполнит наши паруса. Нос судна устремился в открытое море. За бортом оставался чудовищный замок архонтов, нависший над узким устьем залива, который, казалось, не хотел нас выпускать из своих каменных объятий.

Я обернулся бросить прощальный взгляд на Ликантию, исчезающую в дымке. Туман уже поднялся, и я смог разглядеть причал, от которого мы отошли. Там кто-то стоял — столь неподвижный, что поначалу я принял эту фигуру за камень. И тут я понял, кто это стоит, хотя расстояние было слишком велико, чтобы я мог разобрать черты лица. Но я просто знал, кто это. Знал.

Нас провожал Гриф.

Глава седьмая
АРХОНТЫ И ШТОРМ

В последующие дни меня все не покидала мысль отомстить за Инза. Ярко светило солнце, задувал бодрящий ветерок, катились высокие волны. «Киттивэйк» скользила по этим волнам, как птица. Огромный парус позволял развивать большую скорость.

По крайней мере, не сбылось одно из пророчеств Инза: в море я чувствовал себя так же прекрасно, как и на земле. Даже когда качка усилилась и волны окатывали корабль, так что мы промокали до нитки, я не переставал думать об Инзе. Солдаты постоянно нависали над бортами извергая содержимое желудков, чем вызывали насмешки капитана Л'юра и остальных моряков. Среди страждущих на радость Яношу, находился и Кассини. Похоже, морская болезнь, со смехом шептал мне на ухо Янош, действует на внутренности и магов. Я тоже веселился — никогда еще я не чувствовал себя так бодро. С каждой лигой, приближающей нас к Редонду, силы мои прибывали. В крови играл огонь приключений, и я совсем забыл о мрачной фигуре Грифа. Что же касается Инза, то я пообещал себе, что извлеку урок из его смерти, хотя толком еще не знал, какой именно. Про себя я посвятил эту экспедицию ему, обещая принести в случае благополучного возвращения в жертву жирную овечку и поминать Инза наравне с Халабом и моей матерью.

Так уж получается, что каждый путешественник, направляющийся к новым землям, мало обращает в начале путешествия внимания на своих товарищей. Все так ново и незнакомо, что заботы и дела компаньонов уходят в тень. И я не мог точно сказать, чем занимались члены нашего отряда в эти дни. Я помню только, что Кассини постоянно блевал. Помню, что постоянно чем-то недовольны были моряки. Помню, что сержант Мэйн отделил солдат от моряков и постоянно следил за тем, чтобы его люди были чем-то заняты, а то и просто муштровал их. Помню, что Янош в основном тоже пребывал в одиночестве, склоняясь над картами и какими-то таинственными бумагами с непонятными каракулями.

Вначале попадались и другие корабли — все в отдалении, поскольку Л'юр был очень осторожным капитаном, и ему повезло, что он еще ни разу не попадался пиратам на пути. Мне же, как и всякому новичку, было очень интересно узнать, откуда идут эти суда и куда по дороге заходили. И тут до меня дошло, что ведь эти суда наверняка не ищут новые и чудесные страны, подобно мне, и смеялся над их жалкими устремлениями. И по мере продвижения дальше в открытое море судов становилось все меньше, а вскоре и вообще ни одного, мало кто отваживался здесь путешествовать, а те, кто осмеливался, были столь же осторожны, как и мы.

В море встречались различные живые существа. Попадались рыбы, взлетающие над водой, и черепахи, такие громадные, что на своем панцире могли бы увезти несколько человек; насекомые с туловищами размером с голову человека и длинными тонкими ногами, на которых они словно по льду скользили по воде, охотясь в плавучих водорослях. Я видел чудовище, в два раза длиннее нашего судна, которое пускало фонтаны из отверстия в голове. При нашем приближении оно скрылось. А позже я заметил двух огромных птиц или существ, похожих на птиц, с огромными кожистыми крыльями и длинными острыми клювами. Они пикировали на какую-то темную тушу в море, раздирая ее плоть и торжествующе вскрикивая. Когда мы подошли ближе, я увидел, что это дрейфовал труп одного из тех фонтанирующих существ, которых мы уже видели. В боку у него торчало несколько гарпунов.

На другой день среди волн резвился морской ящер. Он был старым, и вслед за ним по воде тянулись водоросли. Поначалу моряки сказали, что он несет нам удачу. Но по мере того как ящер продолжал плыть за нами, все начали посматривать назад с растущим беспокойством. Долго он преследовал нас, и, пока не исчез, его уже откровенно осыпали проклятиями.

Когда мы вошли в район великих глубин, цвет и сам вид моря изменился. Моряки перешептывались о том, что здесь вообще нет дна и что местом этим правит страшное божество, и если хоть краем уха услышит человек его имя, то смертному не жить. Капитан посмеивался над этими разговорами, уверяя, что настоящему моряку не к лицу верить в такую чепуху. Но я уловил нотки испуга в его насмешках, а потом и увидел, что пальцем он

то и дело дотрагивается до амулета. Вскоре он перестал обрывать эти перешептывания.

Несмотря на страхи моряков, ничего особенного не произошло за время, пока мы находились над этими глубинами. Но я понимал их нервозность. За все время плавания в этих водах мы не видели ни единого живого существа — ни рыбы, ни морского ящера, ни даже какой-нибудь заблудившейся медузы. Мы словно находились в вымершем море. И когда на следующий день один из моряков заметил чей-то парус и закричал, мы все проворно бросились к фальшбортам. Л'юр решил, что корабль из Редонда и нам надо узнать у него новости, поэтому повернул в сторону незнакомца, подняв над мачтой флаг с изображением двух рук в дружеском рукопожатии. У этого судна было три паруса, тоже косые. По мере нашего приближения оно и не думало менять курс, или сбавлять скорость, или, наоборот, пытаться улизнуть. Мы кричали что мы друзья. Никто не отвечал. Когда до чужого судна оставалось расстояние не далее как на бросок копья, мы разглядели, что палубы пусты и отвечать нам некому. Паруса судна то надувались под ветром, то с хлопком опадали, и в тишине разносились лишь эти жутковатые звуки. Мы потрясение смотрели, как движется рулевое весло. Но кто же правил и как?

— Колдовство, — шептали моряки.

Л'юр выкрикнул команду отваливать в сторону, но все же мы успели пройти достаточно близко от борта судна. Палуба его оказалась покрытой зловещими пятнами засохшей крови, и еще больше крови было пролито у основания грот-мачты. Но не видно было трупов, не слышно было стона раненых. Нас охватил ужас. Л'юр завопил во всю глотку, и моряки так поспешно бросились исполнять его приказания, словно это сам Темный искатель пустил в погоню за нами свору гончих. «Киттивэйк» рванулась почти прыжком вперед, подальше от корабля-призрака, и, когда мы отошли на приличное расстояние, Л'юр созвал совещание.

Кое-кто тут же заявил, что это проделки какого-нибудь злого колдуна. Другие считали, что виною всему пираты-демоны. Ходили слухи, что эти чудовища нападают на корабли, грабят их, а потом едят моряков. Янош уговорил Кассини на время отвлечься от проблем своего желудка и произнести небольшую проповедь о добрых богах и милосердных людях. Но в этой речи не хватало страсти, поскольку сказывалась не только морская болезнь Кассини, но и его собственный страх. Он пытался подбодрить нас рассуждениями на тему, что, дескать, в таких экспедициях, как наша, столкновения с различными неожиданными явлениями — дело обычное. Но сам увидел, что слова его не доходят до цели, и потому призвал принести жертву богам этого места. Завязался спор. Большинство выразило мнение, что мы уже приносили жертву нашим собственным богам, и потому они могут рассердиться, поэтому если и приносить жертву, то только местным богам, или они отвернутся от нас. Для этого обряда у нас была только маленькая свинья — корабельный талисман. Кассини настоял на своем требовании, справедливо полагая, что местные боги здесь сильнее. Свинья завопила, когда ей разрезали горло, а Кассини набрал ее крови в медную чашу, разрисованную таинственными символами.

— От этого толку не будет, — сказал один.

— Нужен дар получше, — сказал другой.

— Это же всего лишь наша свинка, — сказал кто-то тихо.

— Вот эту нашу удачу он сейчас и убивает, — раздался ропот.

И тут я услыхал, как кто-то сказал:

— Этот рыжий во всем виноват. Все знают, что рыжий на корабле — к несчастью.

Янош схватил меня за локоть, и я сделал вид, что ничего не слышал. А когда он повел меня прочь, я услыхал и последнюю реплику:

— Это его бы надо было прикончить. Вот тогда бы нас ждала удача.

— Мои рыжие волосы, — вздохнул я, — всегда были для меня проклятием.

— Глупо сожалеть о том, с чем рожден, — успокоил меня Янош. — Я не удивлюсь, если есть страны, где живут только рыжие, и там проклятым считается какой-нибудь бедолага брюнет.

— Но мне-то что делать? — спросил я.

— Не волноваться. До Редонда осталось несколько дней пути. Зачем заставлять кипеть горшок на сильном огне, когда можно и на медленном? Кроме того, с нами наши верные солдаты-ориссиане, против которых моряки не отважатся выступить. — Но выглядел он, несмотря на свои слова, мрачно. — Но держи свое оружие наготове. На тот случай, если кто-нибудь навестит тебя ночью.

Кассини, завершая обряд жертвоприношения, вылил смесь из крови и колдовских снадобий в море и воззвал к богам громким голосом, заверяя, что мы мирные люди и вскоре оставим в покое их царство. Мы поплыли дальше, и, казалось, люди немного успокоились. Ворчание прекратилось, хотя по-прежнему в мою сторону посматривали враждебно. Когда же мы вошли в район, известный устойчивыми ветрами, экипаж и совсем повеселел. Л'юр направил судно прямо на Редонд, и «Киттивэйк» помчалась по волнам, как крылатая рыба. А в полдень наступил штиль.

Л'юр сказал своим людям, чтобы они не волновались, что это временное затишье; ведь известно, что ветры здесь всегда дуют надежно. Но и ночью царствовало затишье. Утром мы пробудились в ожидании свежего ветерка. Но наши надежды были тщетны. И в полдень не налетел ветер. И ночной бриз не благословил нас своим дуновением. На следующее утро солнце палило немилосердно. И день этот, кроме головной боли от жары, ничего нам не принес. Даже мозолистые пятки моряков обжигались при соприкосновении с раскаленной палубой. На горизонте не было ни облачка, и раскаленное небо не сулило никакого ветерка.

Ближе к вечеру ко мне подошел Л'юр.

— Пора бы вашему воскресителю обратиться к духам ветров, — сказал он. — В этих местах раньше их призывать не нужно было. И пусть попросит их только, чтобы они не вздумали дуть от Редонда. — Он оглядел безоблачные небеса и покачал головой: — И надо бы нам с этим поторопиться.

Я позвал Яноша и Кассини. Добрый мешок духов ветра стоил дорого. Занимались этим ремеслом старые колдуньи, живущие главным образом в портах. Они ловили заблудившихся духов в заколдованные мешки и продавали их морякам, чтобы те использовали их во время штиля. Но цена такого мешка была такова, что использовали его только в случае крайней необходимости. Мы все пришли к заключению, что такой случай наступил.

Кассини совершил церемонию, нарисовав мелом пентаграмму на палубе сразу за клювообразным носом судна. Совершив очищающий обряд в площади пентаграммы, рассыпал золу из редких растений и сожженных частей столь же редких животных. Он надел самую лучшую свою мантию и вынес мешок с духами ветра. Мы все собрались вокруг него, он поднял руки и громко воззвал к Тедейту. В течение получаса он взывал к богу путников, а затем еще более часа провозглашал имя Тедейта, призывая его внять нашим мольбам. Жара стояла невыносимая, но никто не стонал, боясь своим шумом сорвать все дело. Мы терпеливо наблюдали его длительную экзальтацию, поддерживая тех, кому уж совсем становилось невмоготу. Мне хорошо запомнилось это безоблачное небо и полные мольбы слова Кассини. Но ни малейшая тучка не снизошла к нам.

Наконец настал решающий момент. Кассини положил мешок на палубу, взялся за завязку и сильно дернул, быстро отскочив в сторону, чтобы дать выйти духам ветра. Ходили слухи о том, что люди, не успевшие увернуться от их яростного дуновения, погибали. Но в этот день не было никакого яростного дуновения. Вместо поднимающегося к небесам воя ветра из мешка донеслось слабое шипение. Мешок обмяк и остался лежать на палубе, совершенно бесполезным для нас. Кассини обескураженно застыл, раскрыв рот, как дурачок в мантии воскресителя. Моряки удивленно зароптали.

Один из них дерзко прыгнул в пентаграмму и схватил мешок. Я не знал его имени, но уши у него были обкромсанные — расплата за воровство. Он осмотрел печать, свисавшую с завязки, и зло завопил.

— Мне знакома эта печать, — орал Рваное Ухо, — а ее владелица известна как мошенница! Зато она продает свои заклинания очень дешево. Но от них появится ветер не

сильнее, чем дунет ребенок — Он повернулся в мою сторону и угрожающе встряхнул мешок. — Ребята, этот рыжий поскупился, — заорал он. — Ему лучше видеть наших жен вдовами, чем раскошелиться на добротный товар.

Толпа взволнованно загудела, не обращая внимания на призывы Л'юра к спокойствию. Некоторые схватились за ножи, требуя принести в жертву богам мой рыжий скальп.

Янош рявкнул команду, и тут же рядом с нами возникли сержант Мэйн и солдаты. Из ножен вылетели сабли, и экипаж смолк. Янош вскочил на бочонок.

— Слушайте меня внимательно, моряки «Киттивэйк», — прокричал он. — Если хоть один из вас протянет к нему руку, я прикажу нашим солдатам умертвить вас всех. Мы уже достаточно близко к Редонду, чтобы обойтись без вашего мореходного искусства — ежели таковое вообще имеется. И можете мне поверить, мы управимся.

Мэйн в знак подтверждения этих слов ударил саблей о щит. Солдаты повторили его жест. Звон боевого металла о боевой металл напугал моряков. Они по-прежнему молчали и не двигались с места.

— Ветер появится тогда, когда появится, — сказал Янош. — У нас достаточно еды и питья. Донимает только жара. Скоро Тедейт благословит нас. Наверняка он сейчас занят хлопотами о тех, кто оказался в настоящей опасности. Вскоре он обратит внимание и на нас. Разве не призывал его ориссианский воскреситель? А Тедейт никогда не игнорировал мольбы благословенного жреца. А теперь занимайтесь своими делами.

— Вы слышали, дети шлюх? — вскричал Л'юр. — Работы полно, чтобы убить время. А если кто не знает, чем себя занять, так я подыщу ему работенку.

Моряки разошлись, некоторых из них Л'юр заставил ведрами набирать морскую воду и окатывать, охлаждая, палубу. Я поискал взглядом человека с отрезанным ухом, который обвинял меня, но не увидел. Янош спрыгнул с бочонка, и мы вместе подошли к Кассини. Лицо у воскресителя было белым, а глаза настороженно забегали, когда мы приблизились.

— Что же ты делаешь, приятель? — сердито спросил Янош, отбрасывая в сторону привычное уважение к воскресителю. — Я ведь выдал тебе весьма приличную сумму, даже сказал, где можно купить самых хороших духов ветра. Почему же ты не послушался меня?

Кассини пожал плечами. Ответить ему было нечего.

— А я скажу, что ты сделал, — заявил Янош. — Ты решил купить то, что подешевле, а остальное прикарманить. Ты решил, что настолько способный, что и с этой дешевкой сможешь получить хороший ветер. Я прав?

Кассини по-прежнему молчал. Но, судя по выражению его лица, можно было не сомневаться, что Янош попал точно в цель. И теперь внутри Кассини злоба боролась с чувством вины. Это нам было ни к чему. Обманщик или нет, дурак или нет, но Кассини нам был нужен. В нашей компании он оказался согласно закону Ориссы и могуществу Совета воскресителей и должен в ней оставаться, пока мы не вернемся домой.

— Я уверен, это всего лишь ошибка, Янош, — сказал я. — Может быть, он просто ошибся адресом, когда искал лавку.

Кассини ухватился за эту мысль.

— Да, да, — сказал он. — Я был уверен, что попал туда, куда мне сказали. И заплатил полную стоимость. Я виноват в том, что ошибся.

— Ладно, не надо переживать, — сказал я. — Мы все еще наделаем ошибок в этом путешествии. И, пожалуйста, простите капитана Серый Плащ за то, что он сорвался. Нас всех вымотала погода.

Янош понял, куда я клоню, и быстренько переменил тему разговора:

— Пожалуйста, простите мне мою грубость… и эти дурацкие обвинения. Должно быть, я перегрелся.

— Ну что вы, — сказал Кассини. — Все забыто.

Мы улыбнулись друг другу и пошли вниз перекусить. Но по вымученной улыбке Кассини я понял, что слова Яноша не забыты.

Обещанный Яношем ветер не объявился, и дни нашего несчастья продолжали тянуться.

«Киттивэйк» дрейфовала с обвисшим парусом, а мы, где только могли, отыскивали тенек и ложились там, дыша как собаки с высунутыми языками. Однажды, сидя под тентом за кувшином вина с Яношем, я вспомнил тот вечер, когда Лито и его бандиты устроили мне засаду у таверны и мы познакомились с капитаном.

— Ты только подумай, Янош, — сказал я. — А ведь мои волосы приносят удачу. Хотя из-за них я и попал в когти Мелины, неудачей это можно считать лишь на первый взгляд. Пути судьбы непредсказуемы, и из-за этой якобы неудачи я познакомился с тобой и теперь вот отправился это путешествие. Да само наше знакомство является жуткой удачей. Если бы ты не шатался по переулкам в поисках, где бы отлить, Лиго наверняка убил бы меня.

Так я пытался развеселить его, но Яношу явно было не до веселья. Напротив, он нахмурился, думая о чем-то, и то, что он наконец сказал, поразило меня:

— Должен со стыдом сказать, что та наша встреча не была случайной. И думаю, настало время во всем признаться — Он сделал большой глоток вина. — После того как ты в таверне отказался от безопасной компании сержанта Мэйна, он пришел ко мне. И сказал, что, похоже, у молодого человека благородного происхождения какие-то неприятности. Правду сказать, я в ответ лишь рассмеялся. Что мне за дело до сынков богачей?

Он внимательно посмотрел на меня. Но я молчал, сбитый с толку этим запоздалым признанием.

— Но затем я подумал, что это, может быть, та самая возможность, которую я ждал, — продолжал он. — Видишь ли, с того самого дня, как я прибыл в Ориссу, я постоянно искал тех, кто помог бы мне с экспедицией в Далекие Королевства. Я не был уверен, тот ли ты человек, который мне нужен, но решил рискнуть.

— Так, стало быть, ты меня просто поджидал на улице у таверны? — спросил я.

Янош кивнул:

— Я должен был бы после первых же слов Мэйна вступиться по долгу службы или из благородных побуждений, но со стыдом признаюсь, что руководили мною лишь эгоистические цели.

Это признание меня растрогало. Янош раскрылся передо мной с еще более человечной стороны. Я ни секунды не сомневался, что с этого момента наша дружба обретет настоящую, честную опору. А иначе, зачем ему было признаваться? Ведь, признаваясь в не совсем благовидных поступках, он не мог добиться для себя никакой выгоды. С той поры, когда мой жизненный опыт еще никак не мог мне ничем помочь, я узнал, что мужчины и женщины в своих поступках руководствуются многими мотивами. В тот момент я поверил, что теперь-то уж Янош действительно мой друг, он ведь мог и просто скрыть все это от меня. Ведь он был одержим навязчивой идеей.

Я налил еще вина, а новая интересная тема заставила забыть о жаре.

— Спасибо тебе за это, — сказал я. — Только сильный человек может признаваться в своих ошибках.

Янош облегченно рассмеялся.

— Ошибок у меня больше, чем силы, — сказал он. — Но я благодарен тебе за эти слова.

— Ты исключительный человек, — сказал я. — Моя сестра назвала тебя сумасшедшим и опасным. А моя сестра редко ошибается. Расскажи мне о себе, если можешь. Ведь все, что я знаю, это просто слухи или несколько намеков которые ты обронил. И вообще, что ты ощущаешь тут, сидя рядом со мной и ожидая ветра от ленивого бога?

Янош помрачнел. Я подумал, что оскорбил его своим богохульством. Но его слова вновь потрясли меня.

— Будь прокляты все боги, — резко сказал он. — Они никогда не появляются в нужный момент. И приходят тогда, когда все кончилось, и самым катастрофическим образом. Не надо зависеть от богов, Амальрик. Поскольку они так же коварны и небескорыстны, как и демоны.

Такого богохульства я еще не слышал. А Янош продолжал:

— Позволь рассказать тебе о тех, кто доверялся богам, вместо того чтобы полагаться на себя. Как ты знаешь, моя мать была дочерью благородного ориссианина, а отец, когда они встретились, принцем из Костромы. Когда он вернулся со своей невестой домой, его отец умер, и население готовилось объявить его королем. Это была тяжкая ноша, быть королем, а у него имелись и братья, готовые нести эту ношу, но народ хотел его… И с огромной неохотой он согласился.

— Как это, неужели с неохотой? — подивился я.

— Причин много, и, если бы ты был постарше, ты бы его понял. А быть королем в Костроме дело особенно трудное. Поскольку король отвечает за удачу этого города. Согласно закону, когда грядет бедствие и уже не остается никаких надежд, король жизнью своей отвечает за неудачу, принося себя в качестве священной жертвы, последней и решающей. Так что семья моей матери была в чем-то права, рассматривая Кострому как землю дикарей, варваров. Но, разумеется, моя семья была гораздо более цивилизованной, чем представлялось, и за те несколько лет, что мне посчастливилось прожить с родителями, у меня были самые разнообразные и искусные наставники, чтобы я мог себя не чувствовать ущербным в настоящем цивилизованном обществе.

— Извини, если касаюсь больного, — сказал я, — но я слышал, что твои родители умерли. Эта история имеет к тому печальному событию какое-нибудь отношение?

— Она именно об этом, — сказал Янош. — У Костромы было много врагов, но у отца хватало ума, чтобы не давать им объединиться, и военного искусства, чтобы держать их подальше от наших полей. Но вот однажды донеслась весть, что какая-то великая орда движется к нашим землям, я не знал, кто это такие были, поскольку я еще был слишком мал, но понимал, что это весьма опасные и злобные враги. Отец выслал разведчиков, и те вернулись с сообщением, что врагов столько, что надежды нет никакой. Кострома была обречена.

Тогда отец надел мантию жреца и поднял знамя нашего божества-покровителя. Он пошел один в поле, где расположилось вражеское войско, установил там знамя и воззвал к нашему богу, чтобы он принял отца в качестве священной жертвы и спас город. Такова была наша сделка с этим богом. Я не назову имя бога, чтобы не добавлять ему сил, настолько я его ненавижу.

Враги двинулись на приступ. Между ними и городом находился только отец. Он стоял и все взывал о помощи к божеству, просил, чтобы спасли его город. Подъехал, смеясь, какой-то всадник и снес ему голову одним ударом. Тело упало, а голову всадник насадил на конец сабли. Армия двинулась к городским воротам. Они убили всех, кто оказал сопротивление, и забрали в плен тех, кто выбрал долю раба. Мать оказалась среди убитых. В каком-то смысле ей повезло, поскольку для общего унижения Костромы всех принцесс напавшие замучили.

То, что произошло в самом городе, я увидел позднее, так как был в тот день с отцом. Хотя я доходил ему тогда лишь до пояса, но как принц обязан был находиться во время жертвоприношения рядом с ним. Когда он упал, я продолжал держать знамя. Я помню, каким тяжелым оно оказалось. И как я был напуган. Но я знал: если я буду держать знамя и призывать бога, он быстрее придет и все сделает как надо. Ко мне кто-то подъехал, закричал и взмахнул саблей. Я ударил его знаменем, но он отбил удар, подхватил меня с земли и бросил на седло.

В глазах Яноша стояла мука.

— После битвы я очутился в загоне для рабов.

— Но тебе удалось сбежать? — вскричал я. — Ты наверняка это сделал, иначе не сидел бы тут и не рассказывал эту историю.

— Нет, — отрезал Янош. — Меня вместе с остальными гнали пешком много лиг, так что я чуть не умер от усталости и жажды. Наконец мы пришли в Редонд, на рынок рабов, где покупатель от ликантийской армии приобрел меня как какого-нибудь барана.

Я вытаращил глаза и изумился себе самому за то, что не испытываю презрения к тому, кто признался, что относился к нижайшему и презреннейшему классу. Я еще раз осмотрел

этого темнобородого человека со шрамом на щеке, но увидел в нем только моего друга.

— Как же ты выжил? Ты должен был бежать и вернуться домой. Да, наверняка так и должно было случиться.

Янош вновь покачал головой:

— Нет. Я остался. Что же касается Костромы, то ее больше не существовало. Враги камня на камне не оставили от города. И только звери бродили там.

Он вытащил из-за пазухи статуэтку танцующей девушки.

— На память об отце у меня осталось только это. Только это. Как и о матери. К тому времени фигурка уже была сломана и потерта, так что никто не увидел в ней ценности и не отобрал у меня.

Он допил свою чашу и жестом попросил еще. Я торопливо налил, с нетерпением ожидая продолжения странной истории.

— Я был рабом у солдат чуть ли не год, — сказал он. — Я трудился на кухне или чистил отхожие места. Я был настоящим дьяволенком, злобным и с ножом наготове, если бы вдруг кому-то вздумалось изнасиловать меня. И тут открылась моя способность к языкам. Армия ликантиан выступила в поход в область Костромы, а я знал местные диалекты, и поэтому меня взяли с собой. И с тех пор я повсюду путешествовал с армией. Из меня безжалостно готовили тренированного убийцу. Но у меня хватало мужества продолжать совершенствовать языковое мастерство, и со временем я познакомился со многими народами и их культурами.

— Но как же ты все-таки получил свободу? — спросил я.

— Ликантиане — негодяи, и я их всех ненавидел, — ответил Янош. — Но у них есть один обычай, и в этом они выше ориссиан. Ликантиане позволяют рабам выкупаться на свободу. В этом преимущество их общественного строя. Что я и сделал. Я копил деньги, все, что зарабатывал… или воровал. В конце концов набралась необходимая для приобретения свободы сумма. Я всегда собирался вернуться в отечество моей матери. Но гордость не позволяла мне это сделать раньше. Гордость и кое-что еще.

Он погладил пальцами фигурку танцовщицы.

— Вот что удерживало меня от сумасшествия все эти годы, — сказал он. — Бесконечными ночами я мечтал о Далеких Королевствах, представляя, как я попаду в то дивное место, где окончатся мои страдания. Мне виделось это место жилищем богов. Местом, где никто никому не служит и все добры друг к другу, И где бы я ни находился, что бы я ни делал, во всем я руководствовался только моим желанием отыскать Далекие Королевства. Это были мальчишеские мечты. Но постепенно они превращались в нечто большее. Я поклялся жизнью, что найду их. Так я остался у ликантиан и дослужился у них до капитана. И вновь я копил деньги, чтобы в конце концов покинуть этот город.

— Меня бы мечты не уберегли от сумасшествия, — сказал я, и сказал с большой уверенностью, поскольку даже представить себе не мог, как это я был бы у кого-то рабом.

— Ты бы удивился, друг мой, — сказал Янош, — на что способен человек ради сохранения жизни. Что же касается безумия, то, может быть, я и тронулся. Но, как я уже сказал, то, что у меня считается рассудком, сохранилось только благодаря мечте. Я изучал языки. Я изучал людей, разглядывая их со всех сторон, так что научился видеть их чуть ли не насквозь. И видимо, ты не удивишься, узнав, что я, хоть это и неподобающее занятие для воина, преуспел в искусстве воскресителей. Я ведь видел, как ты посматривал на меня, когда я практиковался в тихом уголке на этом судне. В свое время я беседовал с шаманами в глухих деревнях, изучал ритуалы варварских жрецов. Я надеюсь, ты по-прежнему будешь считать меня своим другом, несмотря на то, что я немного разбираюсь в колдовстве и понимаю древние письмена.

— Я догадался, когда ты дал мне зуб хорька, — сказал я. — И хотя мне известно, что воскресители считают грехом занятие простого человека их искусством, но, с моей точки зрения, эти сукины дети настолько мерзкая шайка, что твой грех для меня ничто.

Высказав эту дерзкую мысль, я не без трепета вспомнил о том, как Янош солгал

воскресителям. Мне оставалось молиться, чтобы ложь его не была открыта.

Скрыв неловкость смехом, я вновь наполнил наши бокалы. Я провозгласил тост:

— За новых друзей и старых врагов.

Мы чокнулись.

— А что же насчет ветра? — спросил я, начиная разговор по новому кругу. — Как ты думаешь, когда он появится?

Янош пожал плечами.

— Когда мы меньше всего будем к этому готовы, — сказал он, отвернулся и уснул.

Проснувшись на следующее утро, мы обнаружили, что судно застряло в огромном море водорослей. Они тянулись во все стороны, насколько хватало глаз. Увидев, как мы влипли, кое-кто потерял всякую надежду на спасение. Запах гниющих растений был непереносим. Но не настолько непереносим, чтобы не ощущать, что за нами наблюдают. И это ощущение превратилось в уверенность, когда какой-то моряк закричал, указывая на два огромных глаза выступающих из водорослей. Эти глаза находились на расстоянии не больше длины корабля, слева по борту. У нас было достаточно времени, чтобы хорошенько рассмотреть их. Они были желтыми и в красных жилках вен. Глаза рассматривали нас, и одновременно из-под воды доносилось какое-то бульканье и чавканье, словно чудовище питалось.

Капитан приказал одному из моряков вскарабкаться на мачту и получше разглядеть это создание. Пока моряк лез наверх, глаза явно следили за ним. И не успел он добраться до верхушки, как из воды стремительно вылетело какое-то лиловое тело. Моряк завопил, когда этот язык, а это был огромный язык, покрытый маленькими зазубринами, — подцепил его и сорвал, вопящего от ужаса, с мачты. Человек извивался и отбивался, пока язык утаскивал его под воду в пасть так и не показавшегося полностью существа. Несчастный моряк скрылся, последовала короткая возня, и по воде расплылась кровь. Глаза вновь вынырнули и продолжали наблюдать за нами.

Стремительно наступила ночь, да такая черная, какой мне еще не доводилось видеть. Мы не могли видеть глаз чудовища, даже друг друга-то не могли рассмотреть, но мы чувствовали, что за нами по-прежнему наблюдают. Я слышал, как люди плакали, испуганно перешептывались. Потом кто-то закричал:

— Этот дьявол охотится за рыжим!

Янош приказал сержанту Мэйну собрать солдат. Но, судя по их голосам, солдаты были перепуганы не меньше моряков. Мэйн успокаивал их, призывая выстоять в эту ночь. Но мы даже не знали, с какой стороны ждать опасности — то ли от этого морского чудовища, то ли от людей.

Я погрузился в беспокойный сон. Мне слышались странные голоса, громоздились непонятные образы. Слышался непрекращающийся шепот, непонятно откуда и от кого, но я знал, что речь идет о моей судьбе. И все это в каком-то призрачном освещении. Свет преобразился в голубые языки пламени, которые становились все выше и выше, словно по воле колдуна. Я хотел бежать, но ноги мои застыли, как каменные колонны. Послышался крик, от которого содрогнулась душа, и из пламени выскочили два архонта из Ликантии.

— Поднимайтесь, ветры! — выкрикнул один громовым голосом.

— С севера и с юга! — закричал второй. — С востока и с запада! Собирайтесь, ветры!

Загремел гром, засверкали молнии.

— Отыщите рыжеволосого, — приказал первый, с громовым голосом. — И того, кто зовется Серым Плащом. Найдите их в морях, где ветры не дуют.

— Задуйте бурей яростной, — сказал второй. — И пусть буря будет все сильнее. Дуйте, ветры. Дуйте!

На месте пламени взорвалась черная туча, и архонты исчезли. Темные силы гнали эту тучу, причудливо клубящуюся. И тут на туче я увидел архонтов. И они указывали на меня!

— Дуйте, ветры, дуйте! — донесся оглушительный крик.

Туча с завыванием устремилась ко мне.

Я подскочил, просыпаясь, весь в поту. Наступило утро. Я огляделся, все еще

потрясенный сновидением, и увидел, что все проснулись и стоят на палубе. Все улыбались. Легкий бриз коснулся моей щеки, и я понял причину их радости. Янош хлопнул меня по спине.

— Вот и вернулась к нам удача! — воскликнул он. — И с нею ветры.

Моряки бросились выполнять приказ капитана Л'юра. Вскоре треугольный парус затрепетал в набирающем силу ветре. Я подбежал к борту и увидел, что чудовище исчезло, а ветер разогнал плавающую массу водорослей. Парус со звонким хлопком надулся, и «Киттивэйк» рванулась вперед. Я услыхал, как радостно закричали люди, но сам никакой радости не чувствовал. На горизонте маячила огромная черная туча из моего сна, если только это действительно был мой сон, а не воплощенная явь. Ответ пришел сам собой, когда туча, все больше чернея, заполнила все небо. Янош закричал, но его слова унес ветер, который из легкого бриза стремительно перерос в штормовой, поднимая волны и обрушивая их на корабль. Крики радости сменились воплями ужаса. С треском лопнул какой-то трос и как хлыстом щелкнул по палубе. Я бросился на пол, чтобы меня не смыло и не сдуло ветром. Чье-то тело пронеслось мимо, я ухватился за него и повалил человека вниз, в то время как волна пыталась вырвать его из моих рук. Когда человек наконец надежно зацепился, я разглядел, что это был Янош.

Невидимая громадная рука словно схватила корабль и швырнула его вперед. «Киттивэйк» зарылась в воду, а нас всех накрыло волной. Судно с трудом выкарабкалось наверх и вдруг легко взлетело, потеряв опору. Мы ухватились за все, что оставалось надежным, а шторм длился час за часом, не прекращаясь. Много раз мы так надолго оказывались под водой, что я молил богов даровать мне рыбьи жабры. Вопреки всем происках колдунов нам удавалось держаться, «Киттивэйк» и не думала сдаваться ветрам архонтов. Капитан Л'юр выкрикнул мне в ухо, что мы сейчас, наверное, уже далеко от Редонда, в совершенно неизвестных водах. И впереди, должно быть, лежит проклятый Перечный берег! Никто не отваживался убрать парус, и, может быть, именно это спасло нас. А может быть кровь зарезанной Кассини свиньи умилостивила местных богов, но треугольный парус держался крепко, словно сотканный из магической ткани, и мы продолжали лететь по волнам.

В плечо меня толкнул чей-то кулак. Я обернулся и увидел, как Янош на что-то указывает. Послышался характерный звук, и я понял, что мачта треснула у самого основания. Если она рухнет, все потеряно. Янош подполз ко мне, выкрикивая слова, которых я не мог разобрать. Но я понял его намерение — сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти мачту. Мы поползли к середине судна. И тут я поверил, что Янош действительно сумасшедший, потому что он схватил толстый длинный канат и начал наматывать его на мачту. Я подумал, что это бесполезная затея, с помощью которой мачту можно удержать на секунду, на две.

На этот раз я услыхал его крик:

— Помоги мне, Амальрик!

Смирившись с тем, что это, видимо, последние мгновения моей жизни, я начал выполнять его указания, наматывая трос вокруг все дальше растущей трещины. Подобрав где-то железную скобу, Янош просунул ее сквозь витки каната. Затем полез в карман и вытащил какой-то предмет, который повесил на железяку. И тут я разглядел, что это зуб хорька, тот самый зуб, который предназначался Инзу. Янош намотал шнурок на скобу, закрыл глаза и громко заговорил, поглаживая зуб. Мачта еще раз заскрипела, а парус зловеще хлопнул. Но в тот же момент я почувствовал, как канат под моими руками твердеет, становясь таким же прочным, как железо. Мачта застыла недвижимо.

Мы рухнули на палубу, измотанные от такого напряжения. Тянулись бесконечные часы, но ветер начал слабеть. Янош и я, спотыкаясь, двинулись к корме. Там в одиночестве с бурей сражался Л'юр, пытаясь удержать руль. Мы двигались к нему, налетая на болтающиеся тросы и разлетевшийся груз. Впереди послышался какой-то звук, и я посмотрел туда, ожидая увидеть землю.

Среди белопенных штормовых волн вставали острые зубы рифов. А за ними, в серых сумерках, я различил берег, и огромные волны несли нас на эти рифы. Мы приготовить к кораблекрушению. «Киттивэйк», словно живая, дрогнула от удара. Нас накрыло волнами, и казалось, они вечность будут перекатываться через нас. Но когда мне уже не хватало дыхания, волны схлынули.

Судно крепко село на самый высокий риф. Шторм уже слабел, накатила очередная волна и безвредно разбилась о наш киль. Я торопливо поднялся. Удивительно, но крепеж мачты, придуманный Яношем, держался очень хорошо. Мэйн и все наши солдаты были живы-здоровы, да и число моряков, кажется, не уменьшилось.

— Эй, вы куда? — закричал Янош, указывая на берег.

Трое моряков, должно быть, при ударе судна о рифы вылетели за борт. И теперь по пояс в пенном прибое брели к каменистому берегу. Одним из них был Рваное Ухо. Он казался крепче других и теперь быстро продвигался вперед. Один из его товарищей, истекающий кровью и слабеющий, ухватился за него, прося помощи, но Рваное Ухо оттолкнул его и пошел дальше.

Янош внезапно застонал:

— Ах бедолаги!

И я понял причину его слов. С берега по направлению к бредущим морякам рванулись сотни темных фигур. Существа ростом доходили человеку до пояса и состояли, казалось, из твердого панциря и острых шипов. И в этот момент сквозь штормовые тучи прорвалось солнце. И оказалось, что это не животные, а люди, низкорослые дикари, вооруженные трезубцами и щитами, роль доспехов у них играли панцири каких-то животных. Два десятка туземцев кинулись в прибой к морякам. Рваное Ухо встревоженно заорал и попытался убежать от них. Но в считанные секунды они толпой навалились на него. Вскоре Рваное Ухо и остальные моряки уже лежали распластанными на берегу. Один из этих маленьких воинов наклонился и отрезал длинную полоску мяса от тела извивающегося и вопящего Рваного Уха.

Дикарь поднял вверх полоску кровоточащей плоти. Он выкрикнул что-то в сторону судна, затем запрокинул голову и проглотил отрезанный кусок целиком, как баклан глотает рыбу. Он резко повернулся и вновь склонился над Рваным Ухом. Поделать мы ничего не могли. И нам оставалось только стоять и смотреть, как наших товарищей пожирают заживо.

Глава восьмая
ВОИН В ЯНТАРЕ

Янош крикнул:

— За мной!

И я увидел, как он схватил рыболовную сеть. Сеть была рваная, да и какой такой рыбной ловлей решил заняться мой друг, когда нас самих собирался сожрать этот свирепый народец на берегу? Но Янош вновь закричал, оторвал меня, смертной хваткой вцепившегося в леер, и я, спотыкаясь, последовал за ним. Янош закинул сеть на плечо и прыгнул за борт.

— Шевелись! — крикнул он.

Я брел за ним, сначала по грудь в воде, через рифы и дальше, к мелководью, и понимал, что он сумасшедший, а я — еще более сумасшедший.

Янош что-то выкрикивал, обращаясь к туземцам. Поначалу я не мог разобрать слов, но потом сообразил, что он говорит на языке торговцев.

— Берегитесь привидений! — кричал он. — Берегитесь! Это плохие люди. Берегитесь привидений! Берегитесь!

И тут мы оказались среди врагов. Те, должно быть, тоже решили, что мы сошли с ума, потому что вместо того, чтобы напасть на нас, как и подобает маленьким злобным дикарям, они подались назад, вытаращив глаза и выставив перед собою щиты и острия трезубцев.

— Злые люди… Берегитесь призраков! — продолжал выкрикивать Янош, и они,

расступившись, позволили нам пройти сквозь толпу. На их лицах запечатлелся испуг. С каждым нашим шагом и выкриком Яноша они, похоже, все больше убеждались, что стоят перед ужасной опасностью, причем источником этой опасности были не мы. Когда мы побежали к нашим убитым матросам, Янош скинул сеть с плеча.

— Назад! — крикнул он. — Всем назад. Берегитесь привидений!

Коротышки испуганно отскочили назад, и Янош подбросил сеть в воздух. Распластавшись как птица, сеть взлетела и стала снижаться. Дикари затаили дыхание, наблюдая за ее падением, и я понимал, что сейчас они взывают к своим богам, чтобы те помогли сети обрести свою цель. И когда она накрыла трупы, послышался вздох облегчения. Туземцы были спасены от призраков.

Янош быстро огляделся и, увидев одного воина, одетого побогаче других, обратился к нему, решив, что это вожак.

— Слава богам, что вы прикончили этих людей, — сказал Янош взволнованно. — Прошу вас, скажите мне, какие божества благословляют эту землю, чтобы мы немедленно могли принести священную жертву? Ведь мы из Ориссы, известной всему миру своей благочестивостью.

Я услыхал, как слово «Орисса» эхом разнеслось по толпе. Послышались отдельные восклицания, в которых в основном ощущалось изумление коротышек. Казалось, что эти воины слышали о нашей стране, но до нас здесь ориссиан явно еще не было.

Воин-вожак вытаращил глаза на Яноша. Его костяной панцирь издал сухой треск, когда он шагнул к нам.

— А эти ликантиане, они были вашими врагами? — спросил он. Послышался еще более громкий треск панцирей, когда остальные подошли поближе.

— Быть ликантианином — значит быть врагом всех цивилизованных людей, — заявил Янош. Послышались возгласы одобрения. — Но эти люди, которых вы убили, были еще хуже, — горячо заверил Янош. — Они или были демонами в человечьем обличье, или одержимы демонами. Это из-за них мы потерпели кораблекрушение у ваших берегов и вынуждены просить вашего гостеприимства.

Он полуобернулся ко мне, продолжая говорить на языке торговцев, чтобы было понятно всем:

— Нам необыкновенно повезло, мой господин, что мы оказались среди этих людей. И если бы не они, боюсь, твой престарелый отец вскоре вынужден был бы оплакивать своего юного сына. Так порадуемся же, глядя на гибель этой, этой… — Янош плюнул в сторону распростертых тел, — ликантийской мерзости.

Я посмотрел на сеть и увидел под ней смертельный оскал Рваного Уха. Мне даже стало его жалко, и Янош догадался о моих чувствах. Большинство из воинов казались сбитыми с толку, готовыми поверить во все. Но были и сомневающиеся. Я заметил, как некоторые разглядывали нас оценивающе — стоит ли доверять этим пришельцам, среди которых есть демоны?

— Здесь всем известные ликантийские преступники, — сказал я, но тут же придал лицу скорбное выражение. — Но не все из них. Разве ты не видишь, капитан Серый Плащ, кто лежит среди наших врагов? — И я указал на тело Рваного Уха.

Янош понял мою уловку. Он внимательно вгляделся и издал печальный стон.

— Это же наш брат Священное Рваное Ухо! — Он сделал вид, что сдерживает рыдания. — Бедняга Рваное Ухо. Он был так добр к бездомным детям и голодающим вдовам.

— Так этот человек не был злодеем? — встревоженно спросил вожак. — Но… он же ликантианин. Это же ясно видно по его одежде.

— Да, конечно, он ликантианин, — сказал я. — Но он один из тех, кого боги благословили осознать всю пагубность поведения его народа. И он много лет назад уехал в Ориссу и за это время столько сделал, оказывая помощь нуждающимся, что наши великие воскресители очистили его. И с тех пор он считается у нас героем и образцом поведения для

наших детей.

Однако вожак все еще никак не мог поверить в это до конца. Он указал на давние шрамы, покрывавшие голову и тело Рваного Уха.

— Почему же на нем эти отметины?

— Это он сам нанес себе, — сказал я. — Священное Рваное Ухо хотел, чтобы боги позволили ему отвечать за грехи других.

В толпе воинов послышались сочувственные возгласы. Вожак же совершенно расстроился из-за своей оплошности, так что Янош решился подойти к нему, но не вплотную, чтобы не подчеркивать свою с ним разницу в росте.

— Не скорби, мой друг. Ты же не мог знать. — Он вытянул руку в направлении потерпевшего крушение судна на рифах. — Эти ликантиане захватили нас в море. И уверяю тебя, с помощью колдовства захватили, а не с помощью оружия, так что наши солдаты не могли противостоять этим пиратам. Они замышляли превратить нас в рабов, вообще распространить свое пагубное влияние повсюду. И так уж получилось, что именно ваш берег первым столкнулся с их черным замыслом.

Ропот в рядах стал громче, и мы поняли: Янош правильно угадал, что ликантийские и прочие пираты не раз делали набеги на Перечное побережье.

— Но наш собственный воскреситель, болевший в то время, иначе они бы не одолели такого могущественного мага, совместно со Священным Рваным Ухом помешали их замыслам. Он единственный из нас слышал о добром народе, проживающем на Перечном побережье, и о том, как вы натерпелись от рук ликантиан. Когда мы попали в шторм, мы даже решили, что в этом наше спасение. Пусть бы мы погибли, все равно и эти бы демоны не выжили. Но мы потерпели кораблекрушение у ваших берегов, и эти люди, — он презрительно ткнул большим пальцем в сторону распростертых тел, — пытались скрыться в ваших землях, чтобы принести туда великие бедствия. Священное Рваное Ухо пытался остановить их. Но, увы… — Он покачал головой. — Так что ошибиться было легко, мой друг. Но я уверен, что он простил бы тебя.

Вожак снял шлем и вытер слезу. Было слышно, как некоторые солдаты шмыгали носами. Мой инстинкт торговца подтолкнул меня. Пора было закругляться с этой сделкой.

— Конечно, простил бы, — сказал я. — И в этом я вижу добрый знак. Потому что наконец-то ориссиане и народ этого Побережья смогли встретиться. И наверняка все наши боги благословляют эту встречу. Для обоих наших народов эта встреча сулит обоюдную выгоду. Дружба и торговля расцветут на этих мирных берегах.

Я поднял руку в приветствии.

— Я — Амальрик Эмили Антеро. Сын Пафоса Карима Антеро, самого знаменитого купца Ориссы. И от его имени я предлагаю вам дружбу нашего благородного дома.

Вожак-воин тоже поднял руку.

— Я — Черная Акула, шаман и вождь прибрежного народа. Добро пожаловать, люди Ориссы. Добро пожаловать. — Опустив руку, он кивнул в сторону тел. — И мы выражаем вам благодарность за то, что вы поймали их духов. Мы не знали, что это демоны, когда принялись поедать их.

— Благодарить не за что, Черная Акула, — сказал Янош. — Теперь же, если это не составит большого труда… — Он указал на застрявшую в рифах «Киттивэйк» и на наших товарищей, взирающих оттуда со скорбными лицами. — Может быть, мы организуем спасательный отряд для доставки наших людей на берег?

Черная Акула улыбнулся. Это означало, что в обмен на благородство он рассчитывал и кое-чем поживиться.

— Не забудьте груз, — сказал я.

— Правильно, — сказал Янош. — Нельзя ли и груз перенести?

— Это надо успеть сделать до начала прилива, — сказал Черная Акула. Он принялся выкрикивать команды на родном языке, и, пока я поздравлял себя с тем, что остался в живых, каннибалы Перечного побережья бросились на помощь нашим людям, побросав свое

оружие.

Сдержав слово, Черная Акула проследил, чтобы до начала прилива все люди и груз были спасены. До наступления ночи нам помогли возвести жилище в их деревне, прятавшейся в горной ложбине недалеко от речного устья. Янош, Кассини, капитан Л'юр и я устроились у костра и высасывали мясо из поджаренных крабовых клешней.

У людей на душе было легко: если не считать Рваного уха и его бедолаг приятелей, погиб еще только один человек, тоже моряк. Нам без труда удалось убедить Черную Акулу и его людей, что остальные ликантиане — включая и капитана Л'юра — тоже относятся к этой новой и дивной разновидности «исправившихся ликантиан», ярким представителем которых был Рваное Ухо. Сержант Мэйн и его солдаты при кораблекрушении отделались синяками.

Мы сидели у костра и оценивали наши перспективы. Я, однако, не сильно радовался удаче и мрачно смотрел в огонь. После сытной трапезы мое настроение не улучшилось.

— Можно построить другой корабль? — спросил я капитана.

— Да, — сказал он. — Сделать это можно. Разумеется, ничего подобного «Киттивэйк» уже не получится. Но приличное суденышко можно соорудить. Вокруг целый лес перечных деревьев, а это отменная древесина для кораблей. Правда, у нас нет времени на то, чтобы выдерживать это дерево в соответствующих растворах, но оно и так достаточно прочное для наших нужд.

— Я сожалею о «Киттивэйк», — сказал я. — Но когда мы вернемся, я расплачусь за эту потерю. — Л'юр облегченно улыбнулся. А именно этого я и добивался, поскольку мне нужна была его полная поддержка. — А сколько времени уйдет на строительство нового корабля?

— Два, может быть, три месяца, — сказал Л'юр. — Воды здесь опасные, сами видели. Так что с постройкой торопиться нельзя. Если мы хотим добраться до Редонда, то нужен такой корабль, чтобы не только просто держался на воде.

— Ну, такой срок — пустяк, — сказал Кассини. В новых обстоятельствах он казался необычайно оживленным. — Скоро вернемся домой, и вся Орисса будет превозносить нас.

— О чем ты говоришь? — вскричал я. — Ведь мы потерпели кораблекрушение до того, как я начал мое открытие.

— О, я думаю, оракул был прав, когда описал грозящие нам трудности, — сказал Кассини. — Но он намекал и на успех. И вот мы на Перечном побережье, где не доводилось еще бывать ни одному ориссианину. Согласись, что торговые возможности для тебя тут открываются просто сказочные. Капитан только что рассказал о хорошей древесине. Здесь должны быть драгоценные металлы, редкостные животные и птицы, которыми будут восхищаться у нас дома. Ты уже открыл свою золотую жилу, друг мой Амальрик. Какой смысл в дальнейших поисках?

— Но… Далекие Королевства, они ждут нас. И я не уверен, что отец согласится финансировать еще одну экспедицию. А твое начальство с трудом одобрило и эту.

— Да, — сказал Кассини, — это так. Идти дальше, скажут они, значит не доверять оракулу. Но неужели ты сам не понимаешь? Ну зачем нам эти Далекие Королевства?

Я не ответил. Да, на этих берегах можно торговать с большой прибылью. Вся прибыль и слава будут принадлежать Антеро. И хотя наше путешествие только началось, это уже первое открытие, сделанное ориссианином за многие последние годы. И все же это ничего для меня не значило. Я мог думать только о том чудном блеске, манившем меня за черный скалистый кулак. Манившем к Далеким Королевствам.

— Ты можешь забрать всю прибыль отсюда себе, Кассини, — отрезал Янош. — И можешь оставить себе все те крики ликования, которые издаст добрый народ Ориссы. Что же касается меня, я намерен двигаться дальше.

Хоть я и понимал, что Янош ведет себя вызывающе, но все же сердце мое от его речей запрыгало.

— А решать не вам, капитан Серый Плащ, — сказал Кассини. — Экспедиция не может продолжаться без моего благословения, даже если бы и была такая возможность. А ее просто нет.

Янош так разозлился, что мне показалось, он сейчас выхватит кинжал. Поэтому я быстренько вмешался:

— Постой, Янош. И вы, Кассини, прошу вас. Ни к чему ссориться. Тем более что нет необходимости именно в данную минуту принимать скоропалительное решение. Почему бы не обдумать все за несколько дней, пока не прояснятся наши перспективы?

— А мне и сейчас все ясно, — не сдавался Кассини.

— Ах вот как? — язвительно спросил Янош. — Тогда позвольте задать один вопрос. Как вы собираетесь решить проблему с нашим питанием в течение трех месяцев?

Кассини начал было:

— Народ Побережья…

— Хорошая мысль, благодарю, — прервал его Янош. — Тем более что им практически нечем делиться с нами. — Он указал на остатки поджаренного краба. — С одной рыбалки особенно сыт не будешь. Туземцы, похоже, сеют немного зерна и собирают немного фруктов и орехов, если вообще этим занимаются. Им самим этого не хватает, а что уж говорить о нас. Да еще рассчитывая на три месяца.

— У нас есть собственные запасы, — возразил Кассини. Янош фыркнул:

— Сухой паек. Да немного лакомств. Этого надолго не хватит. А жить как-то надо. Теперь, когда к местному населению прибавились еще и мы, на этих благодатных берегах скоро наступит голод. И ты вскоре заметишь, что фрукты и орехи здесь не растут в садах, а попадаются в диком виде в лесах — придется с этим смириться. Охота здесь бывает удачной не чаще чем раз в месяц. И народ Побережья скоро поймет, что приютил гостей, которые объедают их. Впрочем, моряки еще что-то смыслят в рыбалке. А мы трое? А солдаты? Уверяю вас, мы не такие уж искусные охотники, чтобы добыть дичи впрок. Попомните мои слова, что перед лицом угрозы голода дикари нас просто поубивают.

— Да откуда вам все это может быть известно? — взорвался Кассини. — Мы здесь всего-то находимся несколько часов. За это время невозможно все оценить.

Я встал, не давая ссоре разгореться.

— Я прошу вас обоих подождать несколько дней, — сказал я решительно. — В конце концов, это мое путешествие. И финансирует его мой отец. И я настаиваю на том, что надо подождать, чтобы во всем разобраться.

— А я бы… — начал было Кассини, но я прервал его, нетерпеливо взмахнув рукой.

— Я верю, что за это время вы постараетесь трезво оценить ситуацию, — сказал я. — И давайте на этом закончим.

Оба они после этого затихли. Кассини отправился в хижину, а Янош отошел в сторону, видимо, затем, чтобы посчитать звезды. Или посоветоваться с Мэйном. Я остался у костра с Л'юром, понимая, что сейчас мой друг не нуждается в моем обществе. Л'юр, после того как спор закончился, быстро уснул, и на лице его осталась довольная улыбка. Во сне он что-то бормотал о бортах и мачте. Счастливый моряк, которого впереди ждет любимая работа. По крайней мере, у него была определенная цель: построить судно за три месяца. И этой ночью Л'юр был единственным счастливым человеком.

Но спустя некоторое время я понял, что поговорить с Яношем необходимо. Его я нашел сидящим сгорбившись на камне. Он слушал, как на берег накатывали редкие волны прибоя. Я ничего не сказал, просто сел рядом, погруженный в собственные раздумья.

— Спасибо тебе… за то, что отложил принятие решения, — наконец выдавил из себя Янош.

Я ничего не ответил. Когда придет время принимать решение, выбор у нас будет небогатым. И тут он спросил:

— Интересно, что сказал бы твой отец, оказавшись здесь.

— Я думаю, отправился бы назад. Отец всегда был рациональным человеком.

— Не всегда, — сказал Янош. — Он ведь до сих пор сожалеет, что в свое время послушался своего отца и не отправился на поиски Далеких Королевств.

— У него не было выбора, он обязан был подчиниться. — ответил я.

Янош вздохнул.

— Твой отец — прекрасный человек, я даже не ожидал, что он такой. И он сказал, что был бы счастлив, уходя в могилу и зная, что его сын дошел туда, куда он не смог. — Серый Плащ усмехнулся. — Твой отец был бы моим врагом, если бы добрался туда первым.

— А что ты будешь делать, — спросил я, — если… наши худшие опасения подтвердятся? Если препятствия будут непреодолимы?

Янош помолчал, затем ответил:

— Именно сейчас я бы не хотел думать об этом. Но должен предупредить тебя: я так легко не сдамся. Если бы даже мне предоставилась половина шанса на удачу, я бы продолжил путь хоть ползком.

— А с Кассини ты поосторожнее, — предупредил я его. — Он может нам здорово навредить.

Янош похлопал по своему кинжалу.

— Не больше, чем я ему, — сказал он.

От его слов у меня по коже мороз прошел. Это была не пустая угроза, Янош был решительным человеком.

— Ты знаешь, что Антеро не в лучших отношениях с воскресителями, — сказал я. — Но сейчас у Кассини и у нас одна дорога до тех пор, пока цели не станут разными. Ему позарез самому нужна победа. Торжество. Он уже упражняется в хвастливых речах, которые произнесет в Ориссе. Не забывай, что на карту поставлена его карьера.

— Будь прокляты все карьеры и наживы, — проворчал Янош. Помолчав, он спросил: — А как же ты, Амальрик? Как же твоя карьера?

— У меня такие же чувства, как и у тебя, — сказал я. — Да, здесь, на Перечном берегу, я могу хорошо заработать. И я мог бы уже скоро хвастать своим успехом в Ориссе. Но…

Я замолчал.

Янош внезапно расхохотался:

— Итак, ты тоже заразился, мой друг? Болезнью Далеких Королевств? Ничего, ты еще пожалеешь, что мы с тобой встретились.

Из-за тучи выглянула луна, облив Яноша жутковатым светом.

— И от этого заболевания исцелиться невозможно, — добавил он. — Есть только одно средство.

Он указал пальцем. Я мог и не смотреть — куда. На восток, в сторону Далеких Королевств.

На следующий день к нам явился вождь Черная Акула. На этот раз вместо доспехов на нем была простая коричневая туника из дубленой кожи. Единственным знаком его отличия был шаманский глаз, намалеванный на лбу. Вед он себя как-то нервно, почти заискивающе, если вообще такой свирепый человек может выглядеть заискивающим.

Начал он без вступлений.

— Я пришел просить о великом благодеянии для нашего народа. Хотя мы и не имеем права просить, поскольку сами виноваты… Непростительный грех, совершенный давным-давно.

Трудно было себе представить, что называют грехом каннибалы, но я горячо заверил его, что в отплату за ту великую услугу, что они нам оказали, мы сделаем все, что в наших силах. Черная Акула обратился к Яношу.

— Ты продемонстрировал нам искусство укрощения духов, — сказал он. Услышав это, Кассини поперхнулся, но Черная Акула не обратил на него внимания. — И мы подумали, что твое искусство может спасти нас.

— Прошу тебя, продолжай, — сказал Янош. — Хотя я хотел бы заметить, что ту сеть заговорил вот он. — И Янош указал на Кассини. — Итак, что вас тревожит?

Черной Акуле приятно было внимание Яноша. Вождь крикнул что-то, и женщины тут же принесли мягкие циновки из морской травы и раковины с каким-то крепким напитком. Мы расселись, приготовившись выслушать его историю.

— Это случилось еще при моей бабке, — начал Черная Акула. — Она была еще юной девушкой, не разродившейся и первым ребенком. Тогда мы были счастливым народом, море благословляло нас своей милостью, а леса в изобилии одаривали фруктами, так что у народа Побережья вдоволь было еды и питья. Мир был тогда обителью доброты, а враги наши были немногочисленны. И вот однажды наш шаман, мой дед, на этом самом месте, — Черная Акула обвел рукой деревню, — стал гадать по кипящей воде в большом котле. Вдруг пошел отвратительный запах, дед пошуровал в котле палкой, и на поверхность всплыл двухголовый тюлененок. Это был очень дурной признак. Как туда попал тюлененок, никто не мог сказать. Но никто из своих, конечно, не мог бросить это чудовище в котел, потому что кто же может желать беды собственному народу? Люди испугались и стали кричать, чтобы шаман сказал им, как уберечься от напасти. Он не мог ничего сказать, поскольку злые чары, исходящие от этого котла, лишили его дара предвидеть. Люди гадали, какой же беды ожидать. Одни говорили, что грядет ураган, который смоет нас. Другие считали, что пора взяться за оружие, ожидая нападения наших единственных врагов — племени далри, живущего в нескольких лигах от нас.

Черная Акула сделал паузу и внимательно посмотрел на нас.

— Вам сильно повезло, что вы пристали именно к нашему берегу, — сказал он. — Далри такие злодеи, что для них жизнь чужестранца ничего не значит. Они свирепы и относятся без всякого почтения к иноземцам, которых убивают и съедают.

Кассини вновь закашлялся. А может быть, он так скрывал смех. Я подлил в раковину Черной Акуле, дабы он не заметил этой бесцеремонной выходки.

— Но опасаться нам следовало не далри, хотя все необходимые предосторожности, как рассказывала бабушка, были предприняты. Прилив уходил и приходил, и так было много раз; вскоре даже сам шаман забыл об этом дурном предзнаменовании. Но однажды утром, как раз перед тем как солнце подняло с берега духов тумана, послышался удар грома. В деревне подумали, что приближается ураган. И все, как приказал шаман, стали вопить, плакать и молиться, обращаясь к урагану, как бы уже пришедшему. Таким образом, сказал шаман, этот ураган подумает, что на нас уже напал один из его братьев, и пойдет искать себе другую жертву. Например, далри.

Краем глаза я увидел, как Кассини кивнул в знак одобрения. Редко можно было увидеть, чтобы воскреситель из Ориссы в чем-то с кем-то соглашался.

— Но даже тучки не было видно на горизонте, и мой народ вскоре понял, что это гремит не приближающийся ураган. Да и звук этот доносился не со стороны моря, а с суши, из-за гор.

Черная Акула вытянул руку, и мы посмотрели на отвесные утесы, встающие за лесом.

— На востоке, — сказал он, — сразу за этими горами, находится каньон. Бездонная пропасть. А за каньоном — скала, да такая крутая, что и дьяволу по ней не вскарабкаться. Вот оттуда-то и доносился этот звук. Шаман приказал воинам приготовиться, а отряд самых храбрых мужчин послал разведать, что же это за угроза. Когда они добрались до пропасти, то ничего особенного там не увидели, да и грохот прекратился. Они собрались в обратный путь. Но тут вдруг вновь что-то загрохотало. Сначала они не могли понять, что это, но потом один из них вдруг закричал и показал на скалу. И все увидели, как на вершине скалы что-то сверкает. Это был блеск металлических доспехов. Как я уже сказал, ни один человек не мог бы туда забраться. Но в то же время все видели — там находились люди. Да, там находились люди и лошади в доспехах.

Янош подался вперед, весь обратившись во внимание, а я вдруг вспомнил его историю, как в детстве он встретился с призрачными всадниками. Неужели Черная Акула рассказывал о таких же?

— Ты что-то знаешь об этих людях? — спросил шаман, заметив волнение Яноша.

— Не уверен, — сказал Янош. — Они были вооружены?

— Да, они были вооружены. И люди, и лошади, на которых они ехали верхом, были закованы в латы. Как утверждали свидетели, шлемы у них имели странную форму. Вот

такую…

Черная Акула жестом изобразил в воздухе шлем с высоким гребнем. Именно такой шлем описывал и Янош.

— И что же произошло? — спросил я.

— Сначала ничего, — сказал Черная Акула. — Всадники, казалось, просто наблюдали — так рассказывали наши разведчики. Большинство из наших сообразили, что имеют дело с чародеями, и потому смиренно пали ниц на землю. А затем и вовсе сбежали, чтобы не рассердить своим присутствием этих могущественных всадников. Но, увы, одному из наших не хватило мудрости. Бабка рассказывала, что им оказался один из старейших воинов, который завидовал удачам более молодых. Вместо того чтобы униженно поклониться и исчезнуть — как следовало бы поступить — он закричал, вызывая их на поединок. Стал выкрикивать оскорбления и размахивать копьем.

Черная Акула даже застонал и сокрушенно покачал головой.

— Конечно, скала была слишком высока, чтобы всерьез относиться к угрозе этого глупца, — сказал он, — но копье было брошено, и боги, ненавидевшие народ Побережья, привели оружие к цели. Лошадь одного всадника испугалась и встала на дыбы. Чародей полетел в пропасть, слишком глубокую, чтобы товарищи его могли достать тело. И они уехали, не имея возможности даже похоронить его как положено. И кости его лежат там и по сей день, являясь проклятием для нашего народа.

Тронутый собственной историей, Черная Акула шмыгнул носом и осушил раковину с вином.

— И с того дня удача отвернулась от нас, — продолжил он. — Торговля прекратилась, и к берегам нашим теперь приставали только пираты да ликантийские разбойники. И к тому же, — он склонился и понизил голос, собираясь сделать тайное признание, — о нас пошли ужасные слухи. А из-за этих слухов, которые распускают демоны, нас многие боятся.

— Да что ты говоришь? — без тени насмешки спросил Янош. — Боятся таких мягких людей, как вы?

Черная Акула, с глазами, покрасневшими от выпивки, печально кивнул. Он так расстроился, что не мог говорить, но этот полный раскаяния кивок говорил сам за себя.

— И вот… мы надеялись… — сдавленно проговорил он. Янош посмотрел на меня и на Кассини.

— Что скажете, друзья мои? Разве мы можем отказать этим добрым людям?

Той ночью, когда нас повели в лес, луна скрыла свой лик. Было неестественно тихо. Не зудела мошкара, не взвизгивала охотящаяся дикая кошка. Словно все лесные твари, прослышав о нашем походе, затаились. Черная Акула и его люди довели нас до утесов. Затем он попросил у нас прощения и достал из мешочка плеточку из морской травы. Этой плеточкой он легонько постегал нас, чтобы вина за любой наш проступок пала на нас, а не на прибрежный народ. А затем они скрылись. Кассини проследил за их исчезновением со странным блеском в глазах.

— Это бичевание не поможет, — сказал он приглушенным голосом, — если эти колдуны так могущественны, как он сказал.

Сняв с плеч мешок, он достал то, что мы готовили весь день.

— Так, стало быть, ты поверил в историю о проклятии этого народа? — спросил я.

— Надо быть дураком, чтобы не поверить, — только и ответил он.

Янош усмехнулся. Я знал, что уж он-то поверил. Ведь описание всадников почти полностью соответствовало тому, что он видел в детстве. Мы разделись донага и вымазались в угольной пыли, чтобы нас не заметил ни один дурной глаз. Кассини прошептал заклятие, чтобы обмануть привидения. Со связками травяных веревок мы стали карабкаться по крутому склону утеса. Этой ночью я гордился своими товарищами. Впереди, бесшумный, как пантера, прокладывал путь Янош. За ним двигался мужественный, как никогда, Кассини, держа наготове золотой диск, чтобы отразить любые чары, возникающие у нас на пути. Просто я за его коварными замыслами и затянувшейся схваткой с морской болезнью совсем

забыл, что в свое время в гимнастическом зале Кассини пользовался заслуженной репутацией сильного человека. Что же касается меня, то я бы не стал утверждать, что был таким уж храбрецом; скорее всего, я был молод и глуп и потому не ведал страха. За краем обрыва обнаружилась плоская каменистая равнина. Но, как ни странно, здесь не было ни трещин, ни россыпи острых камней, могущих поранить нам ноги. Равнина оказалась плоской и гладкой, как зеркало колдуна. Идти стало легче, и мы пошли быстрей. Хотя темнота стояла такая, что невозможно было разглядеть и собственную руку, мы все же чувствовали, что пропасть и скала, описанные Черной Акулой, находятся где-то недалеко. Должно быть, боги улыбнулись, поскольку внезапно из-за тучи выглянула луна и осветила пропасть в каких-нибудь нескольких футах перед нами.

— Должно быть, мы с ума сошли, — прошептал я, — коли предприняли эту попытку ночью.

— Во тьму надо входить из тьмы, — прошептал в ответ Кассини. — Такое правило.

— Во всяком случае, — сказал Янош удивительно спокойным голосом, — хотя бы убедимся, правда ли, что привидения видят ночью.

— Ш-ш, — прошипел Кассини. — Они могут услышать.

— Пусть лучше слышат, — сказал Янош. — А то, если мы будем подкрадываться, они решат, что мы враги, — сказал он на этот раз тем не менее тоже шепотом.

Кассини дотронулся до мешка, который я тащил на себе. Я высыпал из него на землю горку сухих водорослей. Потом Кассини откупорил фляжку, висевшую на веревке у него на поясе, и вылил на водоросли какую-то отвратительно пахнущую жидкость. Он прошептал заклинание, и вскоре в глубине груды водорослей возникло какое-то мерцание. Блеснул язычок пламени, и, когда вдруг с ревом вырвался вверх огонь, Кассини пинком отбросил всю горящую массу в пропасть.

Наблюдая за падением, мы ожидали, что вскоре огонь скроется из виду, но вместо этого пламя все расширялось, освещая ущелье от края до края. Затем горящая масса обо что-то ударилась, взорвалась черным дымящимся облаком, и пламя стихло. Очевидно, пропасть вовсе не была такой уж глубокой. Я посмотрел вниз, и голова моя слегка закружилась. Может быть, пропасть и не была бездонной, но глубина все равно впечатляла. Янош размотал свою веревку.

— Я пойду первым, — сказал он к моему облегчению.

— А вдруг это не то место? — спросил я.

Янош в ответ просто показал пальцем. В затихающих отблесках огня я увидел, как, блеснул какой-то металл. Должно быть, это и был тот воин.

Спускаться вторым тоже была не большая радость. Даже связав три наших веревки вместе, мы не доставали до дна, по крайней мере, на три человеческих роста. Но я ничего не успел сказать, а Янош уже обвязал веревку вокруг большого камня и сбросил конец вниз. Он быстро спустился и, когда веревка кончилась, прыгнул. Внизу, в темноте, замерцали его светящиеся четки. Я полез следом, слегка скользя. Спускаться было несложно. Как я уже упоминал, тренирован я был хорошо, но не успел преодолеть и треть пути, как устал и меня охватила паника. Я глянул вниз, и мне вдруг показалось, что дно пропасти стало еще дальше. Тот промежуток в три человеческих роста вдруг увеличился в двадцать, а затем и в сто раз. Веревку словно покрыли слизью, и я с громадной скоростью заскользил вниз. Я пытался, упираясь ногами в стену, замедлить спуск, но из-под подошв вылетали только камни.

Янош закричал, и его крик придал моим рукам силы, я изо всех сил вцепился в скользкую веревку и рывком остановился. Ладони горели от стремительного скольжения, а к ногам, казалось, был привязан чудовищный груз. Тут я понял, что глаза у меня закрыты, и открыл их. И первое, что я увидел, — склонившееся сверху лицо Кассини, бледное в лунном свете, с широко раскрытыми глазами. Странно, но он был совсем рядом со мной. Я глянул вниз. Я находился на том же расстоянии от дна пропасти, как и перед падением.

— Тебе все просто показалось, — встревоженно крикнул Янош. — Сработало заклинание, оставленное друзьями воина.

Я хотел знать: что же мне делать? Ведь я не колдун. Кассини, свесив с края мешочек, встряхнул его. Ко мне, поблескивая в воздухе, поплыли заколдованные пылинки. Вскоре я буду в безопасности, подумал я, понимая и то, что эти пылинки могут и не успеть ко мне опуститься. Вновь меня охватило состояние беспомощности, и я почувствовал, как заскользили ладони. И тут я над самым ухом услыхал шепот:

— Амальрик. Не бойся.

— Халаб? — вскричал я, полагая, что это мой брат.

— Легкий, как воздух, — сказал этот голос. — Быстрый, как сокол на охоте.

Беспомощность улетучилась, руки окрепли, и тут же на мои плечи начали оседать пылинки. Я выскочил из объятий заклинания, как тонущий вырывается на поверхность воды. Я заскользил вниз по веревке с легкостью обезьяны. Достигнув конца, я спрыгнул и спокойно приземлился на ноги. На плечо мне легла рука Яноша.

— Все в порядке, Амальрик? — спросил он. И на мгновение я подумал, что именно этот голос шепотом успокаивал меня. — Осторожнее, — сказал Янош. — Кассини спускается.

Я так и не понял, чей же шепот я слышал. Я отступил в сторону, и рядом с нами приземлился Кассини. Теперь заклинание пропасти уже не действовало, а мы втроем находились в целости и сохранности на ее дне. Но отдыхать времени не было. Окружающую тишину нарушал звук каких-то падающих капель. Он был неравномерен и доносился оттуда, где лежал воин. В воздухе разносился удивительный аромат, благоухание слаще цветочного, приятнее, чем духи куртизанки. Мы пошли на звук и запах.

Тело разбившегося воина лежало на большом плоском камне. Труп ясно был виден в свете очистительного огня Кассини. Янош что-то пробормотал, и хотя я не разобрал всех его слов, но я понял, что он высказывается по поводу доспехов и шлема воина. Все в точности соответствовало его детским воспоминаниям. Воин был крупным человеком, выше даже Яноша, с широкими плечами и мощной грудью. У него было заостренное, как у хищной птицы, лицо с глубоко посаженными, так и не закрывшимися глазами, которые словно продолжали всматриваться в какую-то отдаленную точку. К поясу у него был подвешен меч, а рядом валялось сломанное копье. Тело светилось странным темно-коричневым светом.

Кассини указал повыше, и мы увидели нависший камень, на котором постепенно росла тяжелая капля и падала, разбиваясь о тело воина. Разлетаясь, капля испускала волны того самого благоухания, и мы, как зачарованные, наблюдали, как капля растекается по телу воина, словно густое масло. Янош махнул рукой, чтобы мы подошли поближе и убедились, что падавшая в течение многих лет жидкость покрыла и сохранила тело воина от разложения и распада. На лице его застыла та гримаса боли, с которой он умер.

— Я видел так же сохранившихся насекомых, — сказал Янош, — но только в лесах на моей родине. Еще в древности эти насекомые вязли в смоле деревьев, а затем, когда смола окаменевала, из нее получались талисманы, которые люди пускали в продажу. Насколько я помню, этот камень назывался янтарь. — Янош осторожно дотронулся до сохранившегося тела. — Воин в янтаре, — задумчиво произнес он.

— Но я не вижу никаких деревьев, — сказал я. — Только камни.

— Очевидно, это наколдовали его друзья, — сказал Кассини. — С помощью смолы тело их товарища сохранено от разложения. Поскольку они не могли похоронить его соответствующим образом, то хотя бы прикрыли, чтобы попытаться успокоить дух его.

Из тыквенной бутыли с очистительным огнем Кассини высыпал на тело угли. Рассыпались искры, поднялся дым, а Кассини стал обходить тело вокруг, произнося слова, успокаивающие дух воина. Он обещал ему красивую усыпальницу, богатые дары от прибрежного народа. В тишине послышался глубокий вздох. На мгновение показалось, что глаза воина блеснули, но тут же снова погасли. Мы расценили это как знак одобрения и втроем подняли тело со смертного камня. Оно оказалось настолько легким, что я чуть не упал от неожиданности. Воин оказался легче ребенка, тело его лишилось жидкости, придающей основную тяжесть человеку. Когда мы понесли воина по дну ущелья, упал

кошелек покойного, раскрылся, рассыпав содержимое. Несколько старых монет, оселок для точки меча и свиток, испещренный линиями и надписями. Моя рука машинально потянулась к нему.

— Не трогай! — воскликнул Янош. Но один мой палец уже коснулся свитка, прежде чем я успел отдернуть руку. Уголок рассыпался в прах.

— Какая жалость, — сказал я.

— Похоже на карту, — сказал Кассини. Глаза Яноша загорелись, и он спросил:

— А нельзя ее восстановить?

Мы положили труп на землю. Кассини был явно тоже взволнован. Он выудил из своего мешка флакон с черной жидкостью и небольшой нож. Он вытряхнул несколько капель на лезвие и побрызгал ими рассыпавшуюся в прах ткань свитка. Я не слышал слов заклинания. Он так их быстро проговорил, что было ясно, в этом деле он не раз практиковался. Известно, что юных воскресителей подолгу заставляли работать в библиотеке, переписывая множество текстов заклинаний.

Пока он трудился, я осмотрел кошель, из которого вывалилась карта, удивляясь, как сохранилась кожа, залитая янтарем. И тут я разглядел на поверхности какие-то пятна и решил сначала, что они случайные, но потом понял, что это не так. Я наклонился пониже, не трогая кошель, помня полученный урок. На коже была вытеснена эмблема: змея обвивается вокруг звезды. Сохранились и кусочки краски на эмблеме: голубой на змее и желтой на звезде, которая, скорее всего, символизировала солнце. Я показал Яношу, и он осмотрел картинку так же осторожно и внимательно, как и я.

— Семейный герб? — рискнул предположить я. Он покачал головой:

— Вряд ли такое могло быть у солдата. Скорее всего, это знак наблюдателей. Возможно, он был наблюдателем у какого-нибудь принца, мага или короля. А может, это и герб самих Далеких Королевств.

Я уже собирался подвергнуть сомнению его слова, когда Кассини объявил, что заклинание начинает действовать. Он еще побрызгал магическим клеем. Капли клея начали сближаться, образуя сплошную оболочку, и вместе с ними лепились друг к другу кусочки рассыпавшегося праха. В минуту оторванный кусок свитка стал целым. Кассини быстро окропил весь свиток. Что-то треснуло и зашипело, словно разгоралось пламя, и полотняный рулончик задрожал. В мгновение ока исчезли все следы тления, и свиток развернулся перед нами новый и белый, как в день написания. Еле различимые, нанесенные пером каракули превратились в четкие буквы и линии, выведенные черной тушью, поблескивающие, словно только что из чернильницы.

Кассини приподнял светящиеся четки, и мы втроем нагнулись, чтобы рассмотреть написанное. Это была карта, как он правильно предположил. Но карта совершенно необычная, потому что там, где нормальный картограф пометил бы опасные участки, такие, как болота, ущелья или непроходимые джунгли, на полотне была пустота. Тщательно отмечены же были вершины, где наблюдатель мог бы занять удобную позицию, и реки для ориентира.

— Карта, — пробормотал я, — предназначенная для птиц.

— Или, — сказал Янош, — для людей, которые летают или, по крайней мере, могут посредством магии переносить себя по воздуху.

Перечное побережье было с левого края карты, и далее его суша уже не изображалась. На самой восточной оконечности карты был очерчен огромный горный кряж в форме кулака.

Мы услыхали вздох, обернулись и увидели, что глаза воина вновь ожили. Казалось, он смотрит на меня. Наверняка и остальные чувствовали то же самое, но в этот момент я был уверен, что он пытается сказать что-то именно мне. Затем из горла его послышалось ужасное хрипение, словно он все эти годы цеплялся за жизнь и вот только теперь получил освобождение от нее. В глазах вновь показалась пустота, а посмертная маска уже больше напоминала улыбку. Янош резко сказал:

— Ну, Кассини, разве это не предзнаменование? Чего же еще тебе нужно?

Кассини молчал, но я-то видел, какое громадное волнение овладело им, так что даже щека задергалась.

— Ну же? — настаивал Янош. — Воскреситель по-прежнему настроен вернуться домой? Или двинемся дальше?

Четыре дня спустя наш отряд двинулся на восток. Мы оставили Л'юра и его моряков в компании Черной Акулы и его народа, клявшегося в вечной благодарности за избавление от довлеющего проклятья. Вождь даже продал нам несколько осликов, чтобы везти нашу кладь, и выделил людей в качестве проводников и слуг, которых мы могли вести с собой «хоть до края света». Более того, после того как была сооружена обещанная усыпальница для Янтарного воина, Черная Акула пообещал помочь Л'юру в строительстве нового корабля, чтобы судно могло нас отвезти домой, когда мы вернемся.

Л'юр же отныне становился преданным другом семейства Антеро. И если нас постигнет неудача и мы не вернемся через шесть месяцев, Л'юр должен был отправить послание к моему отцу с просьбой оплатить все время ожидания и компенсировать стоимость «Киттивэйк». Я не сомневался, что Л'юр будет нас ждать, и не потому, что об этом малом одолжении я просил его. Просто им, как и всеми остальными, овладело нетерпеливое возбуждение, когда они увидели карту Далеких Королевств.

— Впервые в моей жизни, — сказал старый моряк, — я сожалею, что боги не позволили мне родиться сухопутным человеком.

Глава девятая
НА КРАЮ СВЕТА

Река вела в глубь холмистой местности, на которой так хорошо смотрелись бы фермы и деревни и славно жилось бы людям, но вот только человек здесь почти не встречался. Нам попадались на пути маленькие селения, и их бедные обитатели провожали нас безучастными взглядами, без улыбок, без приветственных взмахов рукой. Даже нашим солдатам надоело грубо подшучивать над встречавшимися женщинами, поскольку те вели себя так, словно и не понимали этих намеков.

— Все эти люди, — заметил Янош, — как две капли воды похожи на бедняков в краях, где я вырос. Всех мужчин с саблей, даже пусть она и в ножнах, они рассматривают как врагов. Ты, может быть, помнишь, — сказал он, повышая голос, чтобы его услыхал и идущий недалеко от нас Кассини, — как я рассказывал, что делает война с людьми на этой стороне Узкого моря? Так вот, взгляда на этих людей достаточно, чтобы, даже не зная об их жизни, понять, каково им.

Кассини пожал плечами:

— Сильный всегда побивает слабого, и так будет. Боги так велят, а человек лишь подчиняется.

Дальше нам все чаще попадались необитаемые деревни. Пару раз Янош указывал на поросшие травой развалины того, что некогда было усадьбой. Климат здесь был немного теплее, чем в Ориссе, да и дожди, наверное, шли чаще. Но в это время года каждый дождик был не обильнее росы, принося небольшое облегчение от жары. Мы продвигались на восток, ориентируясь и по компасу, и по карте, восстановленной Кассини. Хотя на ней обозначались лишь приметные горные вершины и водоемы, все же она была достоверной и хорошо помогала прокладывать курс.

Мне все было интересно, и не только потому, что я первый из цивилизованных ориссиан увидел эти земли, но и потому, что по-настоящему начал видеть вещи глазами моего народа. Конечно, я, как сын торговца, не переставал прикидывать, сколько золота можно добыть в этом путешествии или в будущем для подземных хранилищ семейства Антеро. Здесь встречалась рыба, белое мясо которой, будучи прокопченным, становилось деликатесом. Попадались зеленовато-лиловые фрукты, чей вкус просто взрывался наслаждением в вашем рту. Небольшое заклинание, предохраняющее от гнили и порчи, и эти

продукты стали бы самыми популярными в Ориссе. А семена, столь жгучие, что с ними не сравнится никакой перец?

Через пять дней мы столкнулись с нелепой напастью — сразу же, как наступали сумерки, на нас нападал неодолимый чих. И это была самая досадная неприятность, особенно потому, что до этого мы продвигались словно по парку, где гуляют ради собственного удовольствия. Через неделю, впрочем, чих прошел.

Я шел рядом с Кассини и лениво размышлял о том, что уж больно легко нам шагается между этими невысокими холмами, по покрытому галькой берегу реки. И тут воскреситель остановился, да так резко, что сержант Мэйн чуть не налетел на него. Кассини не обратил на это никакого внимания. Он застыл, тупо таращась, вглядываясь пустоту… Я отвел Кассини в сторонку и махнул рукой, подзывая Яноша. Тот быстро подошел. Я испугался, что нашего воскресителя вдруг околдовали каким-то неведомым заклятием. Но дело оказалось не в этом, и Кассини быстро пришел в себя; он огляделся и понял, что весь отряд остановился и ждет его объяснений.

— Именно об этой земле, — сказал он, — и говорил шаман прибрежного народа. Я ощущаю присутствие душ тысяч людей, живших некогда на этих холмах, тех, кто путешествовал этой дорогой, по которой мы идем.

Я невольно кивнул в знак согласия, сообразив, почему нам так легко шагалось. Ну разумеется, ведь это же заброшенный торговый путь.

— А в долине, раскинувшейся впереди, — сказал Кассини, — которую вы не видите отсюда, находился знаменитый постоялый двор на перекрестке. И многие останавливались там.

— И что же произошло? — спросил Янош.

— Смерть, — сказал Кассини. — Смерть и кровь. Так много крови и так долго она проливалась, что оставшиеся в живых убежали или попрятались.

— Но кто же принес сюда смерть? Откуда она появилась? И зачем? Смерть от оружия… или от колдовства?

— Я думаю, и от того, и от другого, — медленно проговорил Кассини. — Просто колдовство я чувствую сильнее, оно эхом отдается среди холмов. Кто принес его сюда? Не знаю. Откуда? И этого я не понимаю.

И тут он полностью овладел собой.

— Ну довольно, — сказал он. — Я ведь не колдунья какая-нибудь, которая на празднике Сева вызывает благоговение толпы своими видениями. Послушай, солдат. Принеси-ка мне немного вина. А потом проверь завязки на моей обуви, боюсь, я натер волдырь.

Даже для воскресителя Кассини был хладнокровным человеком.

Час спустя один из осликов стал кричать и брыкаться, сваливая кладь с себя на землю. Кладь на нем была небольшая, но тяжелая — парусиновая сумка с половиной нашего запаса золота. Упав на землю, сумка развязалась, монеты покатились в траву. Мэйн рявкнул на проводника животного, но тот лишь покачал головой — он никак не мог понуканиями управиться с ослом, и в момент, когда животное взбрыкнуло, он находился рядом, никуда не отлучаясь. Другие прибрежники подтвердили, что он говорит правду.

— Ну, так, значит, вдвойне виноват, — сердился Мэйн. — Поскольку утром плохо приторочил кладь или веревка была гнилая. Так что ты вдвое глупее осла, и это он должен погонять тебя, а не ты его.

Прибрежник забормотал, что да, наверное, веревка старая, но Мэйн не должен так разговаривать с ним.

Я подошел к упавшей клади и поднял веревку. Она была совсем новой, с корабля «Киттивэйк». Но зато она была просто обрезана, словно какой-то сильный человек один раз резко полоснул длинным острым ножом. Я отнес веревку Яношу, а тот показал ее и Кассини. Янош сказал сержанту Мэйну, чтобы тот оставил погонщика в покое. Кладь заново упаковали и продолжили путь. Никто из нас ничего не сказал, но было ясно, о чем все

думают, я вспомнил о маленьком золотом серпе, тайком приобретенном Яношем в Ликантии. Я понимал, что это орудие можно использовать не только для срезания трав и приготовления магических отваров, но и для наведения заклинания на расстоянии. И наверняка в природе существуют другие золотые серпики и колдуны, размахивающие ими. И вновь я вспомнил о страшном выборе жертвы в Ликантии и о том, как близко тогда то существо подобралось ко мне. Затем мне вспомнилась буря после странного штиля. После этого я стал оглядываться через плечо. И хотя никакой очевидной опасности нам пока не угрожало, я чувствовал, что она близко.

Вскоре мелкие неприятности участились: нас атаковали клещи, чьи укусы обжигали, как огонь. А в сумерках на нас нападал таинственный припадок чиханья.

Настоящие проблемы начались однажды вечером, когда мы обнаружили примечательные развалины. Пологий берег позволял без труда продвигаться вдоль реки. Внезапно река обмелела, и эта отмель тянулась на протяжении двух бросков копья. Это выглядело неестественно, поскольку дальше, насколько я мог видеть, продолжалось нормальное течение. Как человек, выросший на реке, я полагал, что все знаю о повадках потоков, и потому задумался. Видимо, дело в том, что очень давно здесь был канал. Я крикнул, чтобы отряд остановился, а сам сквозь кусты добрался до реки, ища доказательств моему предположению. И без особого труда их отыскал: речные берега были аккуратно выложены камнем, и расстояние между каменными стенами составляло около тридцати футов. Рядом возник Янош, удивленно разглядывающий V-образное ложе канала.

— Построено человеком, — сказал он. — Но с какой целью.

— Система шлюзов, — пояснил я. — В каждом конце располагались деревянные ворота, позволяющие судну заходить внутрь и подниматься вместе с подъемом воды или опускаться, чтобы переместиться для последующего плавания на другой уровень канала. Вон там, — указал я, — сохранились столбы от шлюзовых ворот. Когда систему забросили, река, вырвавшись из берегов, отыскала другое русло.

Мы с Яношем молча представили себе, как в этих шлюзах ожидая своего уровня воды, стояли суда, груженные товарами. Ширина канала свидетельствовала о том, что некогда здесь был процветающий край, о чем говорило и видение Кассини.

Янош приказал Мэйну выслать разведчиков, и те вскоре вернулись, сообщив, что найдены и другие признаки цивилизации. Дальше по реке один из солдат обнаружил механизм поворотного круга. Я догадался, что, должно быть, это был буксирный механизм, чтобы тянуть тяжело груженные суда вверх по реке не руками на бечеве, не на парусах и не с помощью забирающих много энергии заклинаний. В нескольких футах в стороне, увитое виноградными лозами, пряталось строение с толстыми каменными стенами, с узкими окнами-бойницами. Здоровенная балка, некогда поддерживавшая уже несуществующую крышу, осталась на месте, хотя и почернела от времени. Неподалеку располагался небольшой круглый домик.

Теперь Янош высказал свои предположения.

— Это здание, видимо, бывшая таможня, а то маленькое — сторожевой пост. Можем тут передохнуть. Через балку натянем парус, вот и крыша будет.

Он приказал сделать привал на ночь. До сумерек оставалось еще добрых два часа, поэтому Янош отрядил двух прибрежников, утверждавших, что они непревзойденные рыболовы, добыть свежих продуктов на ужин и завтрак.

Я стоял и думал, теряясь в догадках. Конечно, жители этих мест были вправе когда им заблагорассудится бросить свой дом и дела; но тем не менее в этих руинах меня не покидало какое-то печальное и пугающее ощущение. Вот жили тут люди и вдруг исчезли. По своей воле или их вынудили? Кто знает?

И тут еще одна довольно интересная мысль поразила меня. Я поделился ею с Яношем:

— Как ты полагаешь, какое направление охраняли служившие здесь воины? Где были их враги? На востоке, впереди? Или большая угроза была на западе?

Янош, не дав себе труда задуматься над этим, просто пожал плечами.

И вдруг мы услыхали крики, какую-то ругань, звон сабель. Мы побежали туда и увидели разбросанный костер перевернутый котел и двух солдат с саблями наголо. Янош закричал на них, но те, не обращая на нас никакого внимания, продолжали сражаться друг с другом. Серый Плащ выхватил свой клинок и ловкими неуловимыми движениями, которые я уже наблюдал у таверны в Ориссе, выбил сабли у обоих из рук. Солдаты пришли в себя и в свое оправдание забормотали что-то невнятное. Один, мол, ублюдок пнул котел, другой, мол, смеялся и кривлялся, как обезьяна.

— Ну хватит! — рявкнул Янош. — Поднять руку на брата! Да как вы посмели? Вы же знаете, какое за это грозит наказание. Изгнание, если дело обошлось без кровопролития, и смерть, если имело место ранение! Следовательно…

Его прервал спокойный голос Кассини:

— Это магия, капитан.

Мы обернулись.

— На нас всех действуют чьи-то злые чары, — уверенно заявил воскреситель. — Эти пока еще несильные чары преследовали нас последние дни. Этот чих, эти клещи… да и вообще все мы что-то стали слишком быстро раздражаться без всякого повода.

— Кто же заколдовал нас? — вскрикнул один из дравшихся солдат. — Эти чертовы прибрежные люди?

И на наших маленьких спутников обратились злые взгляды ориссиан.

— Думаю, нет, — сказал Кассини. — Заклинания могут достигать нас даже из Ликантии. Они несильные, так что какой-нибудь маг без труда может их посылать и поддерживать, не тратя особенно сил.

— Но они могут убить, — тихо сказал Янош. — Если бы мне не удалось выбить сабли, то Лион или Черфас могли погибнуть.

Тогда высказался я, довольный тем, что конфликт закончился, не успев разгореться.

— Верно, воскреситель. Еще раз мы убедились в том, что нам повезло, когда ты отправился вместе с нами, служа нам прикрытием от зла. — Разумеется, мой комплимент был не до конца искренним. Но я понимал, что люди должны максимально доверять Кассини, чтобы легче переносить тяготы путешествия. — Отправьте человека… нет, двух людей к реке, чтобы они привели обратно наших рыболовов. Никто не должен находиться вне лагеря этой ночью. Должным образом расставьте часовых. Кассини, прочти, пожалуйста, контрзаклинание над нашей пищей.

Мои слова воодушевили Кассини, и он отдал необходимые распоряжения. А час спустя, когда уже пала ночь, он совершил несложную церемонию. Кассини приказал двум солдатам принести с берега реки на плаще горку сырой глины. Нас всех он выстроил в шеренгу и приказал каждому, взяв пригоршню глины, вылепить какую-нибудь статуэтку человека, пока он на незнакомом языке произносит молитву. Затем он сказал, чтобы каждый взял что-нибудь от себя, например, отрезал лоскут одежды и спрятал это внутрь глиняной фигурки. Но строжайше предупредил, чтобы это не была слюна, или ноготь, или что-нибудь действительно принадлежащее телу. Затем он отвел всех в сторону, в кусты, где им уже был разведен костерок из сухих веток. Он начертил ножом по земле линию вокруг огня и приказал побросать наших кукол в этот круг поближе к костру. Мы встали в кольцо вдоль линии. Кассини приказал всем сосредоточиться только на одной мысли: моя кукла — это я сам. В другое время солдаты, может быть, и отпустили бы пару шуток насчет мастерства, с которым изображены фигурки, но сейчас все были напуганы и преследовавшими нас заклятиями, и происходившим сейчас магическим ритуалом. Мне казалось, что я чувствую, как какие-то непознаваемые силы кружатся вокруг нас в ночи, когда Кассини монотонно заговорил над поднимающимся дымом:

Дым поднимется
Дым восстанет
Попадая в глаза
Туманя ум…

Он тихо предупредил нас не отвлекаться, пока он не хлопнет в ладоши три раза и не прикажет повернуться спиной к куклам и костру. Мы все исполнили, как он приказал, и, не оглядываясь, пошли к лагерю. Слышно было, как позади продолжал читать Кассини:

Теперь мы слепы
Теперь мы неподвижны
А ты теперь ищи
А ты теперь найди.
Круг удержит
Круг не выпустит
Круг позаботится
Круг удержит…

Через час он пришел и сказал, что можно поесть и ложиться спать. Можно также без опаски сходить в кусты по нужде, но держаться подальше от догорающего костра, откуда еще поднимался дым. Кассини уверил всех, что больше не о чем беспокоиться. Противозаклинание брошено, и все чары, направленные на нас, теперь придут к этим фигуркам.

Солдаты и прибрежные люди, похоже, почувствовали облегчение и, полностью доверяя Кассини и его магии решили, что все трудности позади. Я отвел Кассини в сторону, за нами последовал и Янош. Я пообещал воскресителю, когда мы вернемся в Ориссу, выплатить премию за это ночное действо. И спросил, действительно ли после этой ночи все чары и проклятия падут только на кукол. Он заявил, что уверен в этом, поскольку действовавшие против нас чары были несильны и не требовалось большого искусства, чтобы противостоять им. И еще он чувствовал, что лучше не полностью ликвидировать насылаемые на нас заклинания, а просто отводить их в сторону.

— Таким образом, я надеюсь, наши враги будут убеждены, что их заклятия продолжают действовать и им нет нужды применять нечто более серьезное.

— Наши враги? — спросил Янош. — Откуда?

Кассини несколько смущенно поглядел на него:

— Ну, прежде всего я полагаю, эти чары насылаются из Ликантии, где, как мы знаем, у нас есть враги. Скорее всего, насылаются они из клана Симеонов… Да, в самом деле, я действительно ощущаю излучение с той стороны. Но я ощущаю и еще кое-что… Поскольку вы не воскресители, я не могу вам точно объяснить… Что-то вроде огромной волны, накатывающейся с востока.

Мы с Яношем вздрогнули.

— Но мы здесь впервые, никто нас здесь знать не может, — сказал я. — Разве что кого-нибудь из этих прибрежных людей….

— Да, непонятно… — согласился Кассини. — Но что еще более загадочно, так это то, что в этой волне я не ощущаю ничего враждебного, никакой особой угрозы никому из нас она не несет. Такое ощущение, — он замолк, подыскивая слова, — что над нами нависли какие-то огромные невидимые силы, силы… которые… ах, я не могу найти слов, — замялся он. — Представьте себе громадную хищную рыбину в озере. А вокруг нее плавает крошечный пескарик. Громадина не голодна в настоящий момент, но поглядывает на эту крошку. И возможно, через час или через неделю, когда она действительно проголодается, то более внимательно отнесется к пескарику. — Кассини покачал головой. — Вот лучшее сравнение, которое я могу придумать.

Мы пришли к соглашению, что этой ночью часовые должны проявить больше бдительности по отношению не к возможному нападению, а к тому, чтобы никто не ускользнул из лагеря и не отправился из любопытства в то место, где сотворил противозаклинание Кассини. Дежурить взялись Янош, Кассини, сержант Мэйн и я. Кассини заступил в первую смену, которая начиналась тотчас. Позже Янош признался, что предложил поставить Кассини первым потому, что в это время еще все бодрствовали и ему особенно не приходилось переживать из-за способностей Кассини как часового. Далее

должен был стоять Мэйн, затем я, а Янош выбрал себе последнюю смену, которая всегда чревата опасностями в тихие предрассветные часы.

Я крепко спал, когда Мэйн разбудил меня на смену. Я взял оружие и сел за дверью здания, чтобы наблюдать за поляной, залитой звездным светом, самому оставаясь в тени. Периодически я выходил наружу и обходил здание, убеждаясь, что никто не подкрадывается. Было так безмятежно и тихо. Успокаивающе журчала река. После сна я чувствовал себя бодро, да и искусство Кассини сняло тяжесть с плеч. Я понял, что, как и остальные, был измотан преследующими нас небольшими заклятиями.

Я взглянул на тропу вдоль берега, до которой было около одной шестой лиги. Потом мой взгляд привлекли два крупных камня на вершине холма. И вдруг эти камни задвигались и оказались двумя воинами на лошадях.

Конечно, до них было далеко, но мои глаза не могли мне лгать. Я мог бы поклясться, что различаю на обоих совершенно необычные доспехи и шлемы с высокими гребнями. В моей памяти всплыла картина, описанная Яношем тем солнечным полуднем в винном погребке: «Даже их лошади защищены доспехами, я видел, как в лунном свете сверкнула сталь на голове одного из коней. И позицию они занимали именно такую, какую избрал бы и я, руководя патрулем, чтобы сверху осматривать каждый проулок…»

Я приготовился поднять тревогу, но остановил себя. Прошедший день закончился магией, у всех нервы были не в порядке. Я не раз слышал от старых солдат, друзей моего отца, истории о часовых-новобранцах, которые поднимали тревогу, увидя врага, который при приближении разбуженного командира оказывался кустом. И тут я увидел, что на вершине холма уже никого нет, всадники исчезли; наверняка это все мне померещилось. Тем не менее, когда я разбудил Яноша на последнюю смену, то подождал, пока он полностью проснется, и рассказал ему об увиденном мною мираже.

Янош задумчиво почесал свой подбородок.

— Итак, — наконец сказал он, — большая рыба Кассини дает о себе знать. Мы можем с рассветом отправиться на гребень холма. Хорошо, коли мы отыщем там отпечатки копыт, чтобы убедиться — за нами здесь наблюдают обычные люди. Если же мы ничего не обнаружим… что ж тогда или тебе пригрезилось, или… — Янош фыркнул, — я думаю, не стоит кому-либо еще это рассказывать, друг мой. Если на вершине холма были наблюдатели, то надо полагать, владыки Далеких Королевств уже знают о нашем присутствии. Могут ли они быть нашими врагами? Никто тогда в Костроме не заявлял, что эти призрачные всадники нанесли кому-либо физический ущерб. Но кто может знать, что у них на уме, у их великого мага? Может, они и намерены принести нам зло? Хотя мы, надо отметить, к счастью, похоронили как положено их воина. А солдаты любого народа, если они, конечно, рождены из чрева человеческой женщины, такую честь всегда ценили высоко. Пусть мы даже кое-что у него и забрали.

Услышав этот аргумент, я улыбнулся.

— Дружище Янош, ты начал рассуждать как дурачок, играющий в чет и нечет с другим дурачком. Если последний раз у него в кулаке был один камень, будет ли столько же и в следующий раз? А на какой раз будет два или вообще ни одного? Ты ищешь систему там, где ее не может быть. Что зря гадать?

Я замолчал, и Янош засмеялся.

— Спасибо тебе. Я сам себя заморочил, как сорок мудрецов, размышляющих на тему: зеркало — это отражение или реальность. Добрые намерения у наблюдателей или злые, или они примерно так же озабочены нашим существованием, как и та громадная сытая рыбина, — не нам знать.

— Может, стоит посоветоваться с Кассини?

— Я думаю, не стоит. Давай посмотрим, как будут развиваться события.

Все же мне показалось, что Янош более обеспокоен этой новостью, чем хотел показать; опять же, он был тем, кому доводилось видеть это явление раньше любого из нас.

Спустя две ночи, когда мы поднялись еще выше по реке и она начала мелеть и

сужаться, принимая в себя многочисленные узенькие ручейки, спадающие с холмов, наблюдатели были замечены вновь. На этот раз их видели сержант Мэйн, один из солдат и один из прибрежников. И вновь всадники ничего не предпринимали, просто сидели на лошадях, а затем исчезали. Кассини настаивал на том, чтобы задать призракам магический вопрос: что означает их присутствие — добрые или злые намерения?

— Задать вопрос, — пробормотал Янош. — Умно, ничего не скажешь. Как бы они нам его не задали, да так, что и отвечать будет некому.

Заклинание Кассини ничего бы не дало. Да и вообще он считал, что наблюдатели не что иное, как природная иллюзия — необычная разновидность миража. А Янош все время сомневался — то ли это иллюзия, то ли нет; если не считать того мертвеца на дне ущелья, ни у одного из наблюдателей не было замечено лиц или открытых частей тела. Казалось, что доспехи надеты на невидимок.

Кассини же повел себя, на мой взгляд, с опасным высокомерием. На следующий день он отыскал самый высокий в округе холм и с его вершины, размахивая факелом, произнес молитвы и юридические формулы, утверждающие права Ориссы на эти земли. Не думаю, чтобы кто-нибудь из местных жителей или духов воспринял бы это всерьез. В те времена никто из ориссиан, даже воскресители, нигде не допускали столь нахальных выходок. Настоящая же церемония, состоящая из молитв, а затем высевания семян, привезенных из нашей страны, имела своей целью сообщить местным существам, как физическим, так и невидимым, о заявлении прав Ориссы и ее жителей на эти земли. И сводилась церемония к просьбе, больше, правда, выглядевшей требованием, чтобы все существа данной земли пользовались уважением и защитой юридических и воскресительских законов Ориссы. Только в этом случае все считалось законным.

Я всегда считал эту церемонию неумной и от души рад, что ныне, когда путешественники из Ориссы много разъезжают по миру, она совсем забыта. А уж в этой необычной стране, с ее магией, неизвестным населением и призрачными наблюдателями, такая церемония, на мой взгляд, выглядела уж совсем неуместной. Но ни я, ни Янош ничего не сказали. Если бы я запретил Кассини совершение подобных церемоний здесь или в другом месте, он по возвращении в Ориссу наверняка сообщил бы о моем поведении Совету воскресителей. А уж те нашли бы, как растолковать такой приказ Антеро. Так на меня свалилась еще одна проблема.

Важничание Кассини, несмотря на его удачное представление с контрзаклятием, раздражало всех. Похоже, он вообразил, что является фактическим руководителем экспедиции, а стало быть, обязанность каждого — следить за тем, чтобы их воскресителю было удобно, чтобы он был вкусно накормлен и защищен от всех невзгод. А поскольку тяготы нашего путешествия все возрастали, я поймал себя на мысли, насколько я был бы счастливее, обходясь в моем открытии без милостивого покровительства воскресителя, и насколько бы стало веселее, если бы по воле случая с Кассини произошла какая-нибудь мелкая неприятность, выводящая его из строя.

Река все мелела, начали попадаться бочажки и топи. Вскоре мы наткнулись на живописное озерцо, из которого с журчанием выбегал ручеек.

— Мы прошли вдоль всей реки от устья до истока, — заметил Янош. — Не удостоимся ли мы по этому случаю, о воскреситель, какого-нибудь особого благословения?

Кассини криво улыбнулся, но ничего не сказал. Если остальные члены нашего отряда попросту старались избегать Кассини, то у них с Яношем дело дошло уже почти до открытой вражды. К счастью, оба они понимали, что не дело затевать вражду на чужой земле, в пути, но я опасался, что серьезной стычки не миновать после нашего возвращения.

Этой ночью мы расположились лагерем у истоков ручья. Мы с Яношем обсуждали, как двигаться дальше. На карте наблюдателя эти утомительные лиги по глухим холмам и долинам ничем особым отмечены не были. Пользуясь двумя пройденными ориентирами, указанными на карте, мы с помощью компаса наметили направление, которое, по нашему убеждению, должно было привести нас к следующему ориентиру. Я неожиданно открыл в

себе скрытый талант: мне понравилось разбираться в картах и рисовать их. Я очень внимательно отнесся к прокладыванию дороги в этих далеких землях, так что, если бы нам пришлось вынужденно возвращаться, я думаю, мы без труда вернулись бы в ту же самую точку, не блуждая, как мы это делали ранее, попадая то в топь, то в тупиковый каньон.

После ужина меня отыскал старший проводник и сказал, что прибрежникам дальше заходить не полагается и что завтра они и вьючные животные отправляются назад, к берегу. Я чуть не вышел из себя, но сдержался, чему был рад. Я сказал ему, что вообще-то мы договаривались, что они будут с нами все путешествие, которое к тому же только началось. Это неправда, сказал он. Они соглашались идти с нами до края света. А это место, где река прекращала свое течение, как раз и было краем. Ну хорошо, сказал я, а что же там, дальше? Вон те заросли деревьев, они где? Он пожал плечами. Ответ был очевиден. Для него это был другой свет, другой мир, поскольку, по твердому убеждению, этот мир заканчивается у этого ручья, а непознаваемый тот мир принадлежит другим племенам и народам. Он улыбнулся и сказал, что не сомневается в благосклонности этих племен к таким людям, как мы. И добавил, что там мы найдем новых носильщиков и вьючных животных.

Завязался спор, в котором я быстро отставил в сторону соображения морали, упирая на материальную выгоду. Очевидно, сказал я, до сей поры по недоразумению присутствовало взаимное непонимание по этому вопросу. Я откровенно предложил проводнику не только возможность прославиться среди собственного народа и даже дальше, вплоть до моей отчизны, но и богатство. Я удвоил его ставку и еще сказал, что по завершении экспедиции, вернувшись на Перечное побережье, они будут иметь возможность по собственному выбору взять любое наше оружие или одежду. Это предложение вызвало интерес, но проводник печально сказал, что все равно решиться трудно. Очень, очень трудно. Я предложил, чтобы Л'юр и его моряки, перед тем как мы отправимся домой, построили бы прибрежникам новые и более удобные жилища. А если мне удастся благополучно добраться до Ориссы, то в первом же торговом рейсе я заеду к ним и привезу из дому богатые подарки. Но он продолжал покачивать головой: очень, очень трудно. Я предложил редкие ориссианские специи, от которых вкус рыбы будет просто потрясающим. В глазах промелькнула заинтересованность, а затем опять: извините, но по-прежнему очень, очень трудно решиться. В доказательство моих намерений я достал из сундука и раздал каждому проводнику по две золотые монеты. Они были очень благодарны. Но… «Надо подумать… Возможно, если мы согласимся пойти дальше… но нет, это очень, очень трудно». А если новые сети и новые лодки для рыбаков? Прекрасно, но все равно очень трудно. А вы только представьте, как ваши жены, наложницы и дочери будут выглядеть в наших ярчайших и тончайших шелках. А?

Закончил я с этим делом только после полуночи. Прибрежные люди уединились обдумать предложения. Наконец их предводитель сказал:

— Вы оказали мне… нам великую честь. Черная Акула с присущей ему мудростью разглядел в вас ценного друга.

— Так вы идете с нами?

— Путешествие… это очень, очень трудно. — Он улыбался и уважительно поклонился мне. — Но что за жизнь, когда не очень, очень трудно…

Измотанный, я отправился спать. Уже лагерный костер превратился в золу. Тем не менее я был доволен тем, что сын искусного в переговорах, дипломатичного Пафоса Карима Антеро добился своего.

Я заснул, гордясь собой. А проснулся одураченным. Каким-то образом, когда стражи уснули, перед самым рассветом прибрежники исчезли. Следы вели на запад, обратно к побережью, к их дому. Сначала я разозлился. Ведь они же согласились, разве нет? Янош едва удерживался от смеха, объясняя мне, что это племена хитрецов, которые не могут напрямую сказать «нет» и пользуются любыми уловками, лишь бы избежать откровенного ответа.

— Такими, как «очень, очень трудно», — с горечью сказал я.

— Такими уловками, как «очень, очень трудно» они избегают риска нажить себе

врагов.

А я-то лил медовые речи, а я-то давал им золото!

— На самом деле, — сказал Янош, — ты все делал как надо. Обрати внимание — они ведь оставили ослов и упряжь. Может быть, такова цена твоему золоту, а может быть — медоточивому языку.

Впрочем, у нас не было времени, чтобы обсуждать случившееся. Мы с усердием принялись нагружать осликов. Задача, которая для прибрежников выглядела столь простой, у нас заняла полдня. А далее довелось нам изведать и каково оно — быть погонщиком. После этого только и оставалось, что в сердцах сказать: «Это очень, очень трудно». Век бы мне не слышать этого.

Земля становилась все суше, лишь вдоль редких ручейков и речушек сохранялись лужайки травы вперемешку с рощицами деревьев. Некоторое время по этим зарослям мы находили воду, а затем все чаще стали попадаться отдельно стоящие деревья без малейших признаков влаги вокруг; должно быть, глубоко под землю в поисках воды уходили корни этих растений. Тем не менее благодаря опыту Яноша нам удавалось избегать опасности остаться без воды. Стараясь не уходить далеко от маршрута, мы преследовали антилоп, которые непременно приводили нас к источникам. Также мы на них охотились, съедали мясо, а из их желудков делали мехи для воды. Правда, вода в них становилась зеленой и приобретала запах, но это было не страшно. Ослики упрямились, но тащили дополнительную кладь.

Обувь наша поистрепалась, и Янош объявил, что пришла пора узнать, как предпочитают гулять боги — босиком, а обувь сохранить для более грубой почвы. Кассини поднял по этому поводу такой вой, что мы пришли к выводу: проще каждые два-три дня изготавливать ему сандалии из желудков антилоп, чем заставлять его двигаться босиком.

Наш опыт в путешествии накапливался: мы даже увлеклись соревнованием — кто добычливее. Острые наконечники стрел сменили на деревянные, тупые. Они предназначались для пухлых непуганых птиц, которых вокруг было множество. Такой наконечник надежно оглушал птицу до той поры, пока ее не найдет охотник и не свернет ей шею. К тому же такую стрелу можно было использовать многократно, если она не терялась. Мы быстро выяснили, что не рекомендуется есть плоды или ягоды, если у них сок белый, как молоко, а также поняли, что зачастую опасными бывают красные фрукты и ягоды. Также проверить плод на ядовитость можно было следующим образом: растереть его о руку; если рука воспалилась — есть нельзя. Помимо источников в земле мы отыскивали естественную воду в дуплах некоторых толстых деревьев, где копилась влага после дождей.

Боюсь, в этом месте можно подумать, что мое открытие обернулось всего лишь изнурительной битвой за выживание. Прошу прощения, я добивался вовсе не этого эффекта. Несмотря на все эти трудности, питались мы хорошо, воды было вдоволь, и никто не болел, хоть условия были далеко не стерильные.

Итак, мы шли дальше и дальше. Днем, когда солнце достигало зенита, жара была такая, что воздух, казалось, плавился и дрожал в тишине. Вокруг все было окрашено в коричневые тона, а случайные островки зелени приносили взгляду облегчение. Во все стороны простиралась степь, которая постепенно переходила в пустыню. Кроме антилоп попадались и другие животные: стаи шакалов, охотящиеся семейства грозных волков. Они долго тащились за нами, пока не поняли, что здесь не будет отставших, с которыми можно легко управиться. Встречалось и несколько разновидностей крупных кошек вроде пантер — те нянчились со своими выводками, и детеныши шаловливо наскакивали на своих мамаш. Пантеры не представляли для нас угрозы в это время года.

Однажды на рассвете мы увидали на вершине одного из утесов рыкающего черногривого льва. Вдруг рядом с ним появились два верховых наблюдателя. Один из них протянул руку в рыцарской перчатке, на которой блеснуло отраженное солнце, и погладил зверя по голове. Лев зажмурился, как ручной… и наблюдатели исчезли.

Очередной иссушающий тело и душу летний день подходил к концу. Мы оказались

уже в настоящей пустыне.

Вокруг лежали только обожженные камни да пески, лишь кое-где встречался колючий кустарник. У нас было несколько компасов, и все, казалось, работали исправно, карта, которую я продолжал заполнять, хотя все меньше становилось заметных ориентиров, но мы потихоньку начали сомневаться в верности выбранного курса. Янош сказал, что, несмотря ни на что, надо двигаться строго на восток. Когда доберемся до указанной на карте горной гряды, до которой было еще достаточно далеко, тогда и определимся точно. Пока же не следовало сомневаться ни в компасах, ни в нашем здравом смысле, иначе начнем кружить по пустыне, утыкаясь в собственные следы. Мы знали, что не первые пересекаем эту пустыню, встречались следы караванов, и это успокаивало. Иногда мы шли по их следам, если они вели на восток. Но вообще редкие караваны, как можно понять, двигались здесь во всех направлениях.

Под вечер мы увидели и тех, кто оставлял следы. Далеко на горизонте показалась череда наездников. Кочевники, предположил Янош. Они сделали вид, что совсем нас не замечают, в чем мы все сильно сомневались. Пару часов спустя мы вышли на их следы, среди которых оказались отпечатки копыт не только лошадей, но и коз. Янош сказал, что вряд ли это наблюдатели. Им ни к чему перегонять с собою скот.

— Жаль, — сказал я, — если эти люди не окажутся родственниками айфора и мы не сможем воспользоваться старыми связями. Я продолжаю считать, что та женщина — Тепон — была весьма очаровательной. Несмотря на то, что подпиливала себе зубы.

Янош усмехнулся.

— Когда придет время мемуаров и ты, друг мой Амальрик, примешься описывать наше путешествие как исполненное на каждом шагу тягот и опасностей, не упоминай, пожалуйста, последнее твое заявление. Будет трудно поверить, что ты умирал от жажды и в то же время предавался похотливым мыслям. Что же касается айфора, то, когда я впервые познакомился с ними, за моей спиной было пятьдесят кавалеристов-ликантиан против их двадцати. И такой вот пропорции я всегда старался придерживаться, имея с ними дело. Все кочевники, с которыми мне приходилось сталкиваться, люди отважные. А уж если они чувствуют, что у тебя есть что-то ценное, то способны на удивительную жестокость.

— Тогда будем надеяться, что они нас не заметили, — сказал я.

Янош кивнул и направился к сержанту Мэйну сказать, чтобы его люди постоянно находились в полной боевой готовности.

На следующий день выяснилось, что с каждой стороны от нашего отряда едут по два всадника. Сначала я подумал, что это те самые призрачные наблюдатели, но эти всадники, не исчезая, продолжали час за часом держаться параллельно нашему курсу на расстоянии примерно в лигу. Кассини объявил, что чувствует присутствие давних заклинаний, причем заклинаний, оставленных колдунами. Янош тоже сказал, что ощущает нечто.

— Традиционное покалывание в большом пальце? — спросил я.

Он покачал головой:

— Нет, совсем другое. Словно кто-то заглядывает мне через плечо.

На рассвете мы увидели позади отряд всадников, а к тем, кто ехал по бокам, добавились и пешие. И те, и другие сохраняли дистанцию. Мы старались двигаться с прежней скоростью, как из соображений экономии энергии, так и для того, чтобы не выказывать страха. Около полудня отряд наших преследователей увеличился человек до двадцати. Янош сказал, чтобы все удвоили бдительность.

Атака последовала внезапно. Если бы я случайно не оглянулся, то мог бы вообще не заметить нападения. Один из осликов взбрыкнул и завопил — из его боков торчали две стрелы. Раздался еще один крик боли, и наш воин рухнул со стрелой, глубоко вонзившейся в бедро. На нас напали. При этом ближайший лучник находился на расстоянии полулиги! Тут же послышались военные команды. Всем приказали лечь, заставили опуститься наземь ослов. Янош и Мэйн приказали солдатам немедленно поднять щиты вокруг нас.

Я схватил за руку Кассини. Он разглядывал одну из этих стрел, долетевших с такого

расстояния.

— Проклятье! — заорал я. — Кассини, произноси контрзаклинание… и быстрей!

Рот у Кассини открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег. В глазах стояла пустота. Янош поддержал меня.

— Неуверенность, — сказал он. — Внуши тому колдуну неуверенность в своих силах.

Кассини, находившийся в смятении, наконец понял, что от него хотят. Он, запинаясь, забормотал какую-то фразу, но постепенно его память прояснялась, слова потекли ровнее. Вновь словно из ниоткуда обрушился залп стрел, воткнувшись в песок, не долетев до нас. На этот раз стрел было шесть.

— Хорошо, — сказал Янош. — Еще разок. Следующий залп должен закончиться перелетом. — Он задумался на секунду. Вытянув одну стрелу из песка, он протянул ее воскресителю: — Более сильное заклинание: «Брат обращается к брату».

Я увидел, что загорелое лицо Кассини покраснело.

— Как ты можешь…

— Делай это, приятель, или мы все сдохнем здесь!

Кассини взял стрелу в обе руки и поднес к губам. Он прошептал неразборчивые слова, затем переломил стрелу ровно посередине. Я взглянул и обомлел: летящие в нас стрелы ломались в воздухе.

— Отлично, — одобрил Янош. — Теперь распространяй это заклинание. Распространяй пошире.

Кассини подчинился. Я, не знаю, каков был результат воздействия, только стрелы больше не взлетали. Янош принялся было еще что-то советовать, но сам себя оборвал, пробормотав, что ничего не понимает в магии.

— Ну а теперь, Кассини, не можешь ли ты между ними и нами поставить какое-нибудь препятствие? Невидимое?

Кассини уже настолько пришел в себя, что даже губы скривил:

— Это потребует слишком много энергии и истощит мои силы, поэтому я сделаю кое-что полегче… и получше.

Он набрал горсть песку, который стал пропускать через пальцы, затем лег навзничь, не переставая все это время что-то бормотать. Я посмотрел на кочевников и увидел, как точно посередине между нами и ими стал подниматься песчаный смерч, вращаясь все стремительней. Кассини, приободренный успехом, бросился к ослику, который вез его снаряжение, и начал копаться в своих мешочках, торопливо ища средства закрепить заклинание. Наши солдаты, заняв круговую оборону, томились под пылающим солнцем, но чувствовали себя в большей безопасности. Я вспомнил о том, что у нас есть раненый, и направился к нему. Но тот уже умер. Я подозвал Яноша, который, подойдя, лишь мрачно кивнул. Он обратил внимание и на то, что ослик тоже умер, хотя получил лишь легкое ранение.

— Заколдованные стрелы, — догадался я.

— Вряд ли, — сказал Янош. — Скорее всего, яд на наконечниках. В пустыне есть где найти отраву — от гадюк до скорпионов. Зачем тратить магическую силу, когда пустыня сама производит вещество огромной убойной силы.

Кассини уже извлек порошки и жидкости и нарисовал на песке магические символы. Пыльный смерч стал больше, поднявшись в воздух уже на высоту в пятнадцать футов.

— Хорошо, — сказал Янош. — Песчаная буря, по крайней мере, спасет нас от дальнейших атак. Хотя оторваться будет трудновато. Те, на флангах, продолжают наблюдение. Мне даже кажется, что эти люди знают, куда мы направляемся.

Он обратился к солдатам, стоявшим на коленях или лежавшим, заняв оборонительные позиции.

— Очень хорошо, — сказал он. — Вы действовали слаженно. Вижу, что выбрал достойных людей.

Я, в свою очередь, вглядевшись в их лица, с удивлением обнаружил, что на них нет и

следа испуга или паники. Лишь боевая злость и собранность. Ясно было, что смерть, даже посланная рукой мага, не сильно их страшила. Может быть, их ощущения как раз и передавались известной фразой о «солдатском жребии».

— Подняться! — приказал Янош. — Теперь нам предстоит двигаться, и двигаться быстро. Сержант Мэйн, пусть возле каждого осла идут по два человека, чтобы животные не сбежали, если на нас вновь нападут. Поклажу мертвого осла распределить среди других животных. С нашим товарищем простимся, когда воскреситель закончит защитное заклинание.

Когда Кассини закончил свою работу, Янош подошел к нему.

— Примите мои извинения, воскреситель, — начал он. — Я сгоряча прикрикнул на вас, просто не понял, что у вас уже были свои соображения, как действовать.

Кассини холодно уставился на него.

— Вы как-то уже говорили, что интересуетесь магией, — сказал он. — Должно быть, всерьез интересуетесь, если знакомы с заклинанием «брат обращается к брату». Такое знакомство может в Ориссе закончиться объяснением с Советом.

— Тогда уж лучше объясниться здесь, — сказал Янош примирительным и веселым тоном. — Я запомнил это заклинание, еще когда служил в Ликантии. Его произносил наш полковой кудесник, когда однажды при захвате вражеского города враги поливали нас стрелами с крыш домов.

Я ждал реакции Кассини. Интересно, позволит он себя одурачить или нет? Воскреситель не спускал глаз с Яноша.

— Ваша память, — сказал он холодно, — проворно действует в моменты опасности.

— Это мне уже говорили. Позвольте, я помогу погрузить ваши вещи. Нам надобно быстрее двигаться.

После завершения погребальной церемонии над телом погибшего солдата я спросил у Яноша, что же мы будем делать дальше.

— Полагаю, — сказал он, — что эта часть маршрута ничем не отличается от пройденных. Мы должны рассчитать наше движение так, чтобы возможный источник или оазис был впереди не более чем в двух днях пути. Также я предлагаю поторопиться, чтобы кочевники не успели отравить там воду.

— Ты думаешь, что магия Кассини их не обескуражила и они от нас не отстанут?

— Можно только надеяться, — ответил он. — Они поняли, что мы сильны и, стало быть, везем нечто ценное. Так что, скорее всего, не отстанут. Стычки только начались.

Оставалось молить богов, чтобы Янош ошибался.

Мы шли всю ночь, следуя компасу и определяясь по звездам. К рассвету я уже решил, что молитвы мои услышаны, поскольку наших преследователей не было видно. Янош выглядел еще более встревоженным, однако отказывался объяснить почему. Два часа спустя на горизонте замерцала какая-то зелень. Это был не мираж, а реальный оазис. За час до сумерек мы добрались туда. Сквозь низкие кусты и склонившиеся деревья видна была голубая гладь озерца. Глаза привыкли к бурым, выгоревшим пейзажам, и новые краски казались необычными.

До заветного места оставалось пройти расстояние в два броска копьем, когда послышалось знакомое завывание кочевников, которые нас опередили. Из кустарника по дуге, не долетая до нас, посыпались стрелы, пущенные из луков руками, а не магией.

Янош выкрикивал приказы:

— Парни, ослов — в ту лощину! Сержант Мэйн, командуйте. Кассини, Амальрик, держитесь поближе ко мне. Они почти наверняка вышлют парламентера.

Я подивился, что Янош по поведению кочевников, этим стрелам, не долетавшим до нас, пришел к такому выводу.

— Уберите оружие, пока я не дам другую команду, — продолжал Серый Плащ, прежде чем я успел спросить. — Когда они приблизятся, глядеть на них вызывающе, ни в коем случае не показывать, что мы опасаемся их. Они хотят захватить нас живьем.

Кассини спросил, откуда Яношу это известно.

— Стрелы были выпущены для запугивания, а не на поражение. Отсюда я делаю вывод, что этим кочевникам мы нужны или в качестве рабов, или в качестве священной жертвы Скорее всего, последнее, поскольку ни один обитатель пустыни не будет тратить стрелы ради невидимых богов без особой необходимости.

Из кустов, окаймляющих оазис, вышли три человека. Одеты они были одинаково: обтрепанные штаны до колен, туники и развевающиеся накидки с капюшонами. На поясах в ножнах висели кривые сабли. Двое из них несли копья острием вниз, повязанные белыми тряпками, третий держал руки вверх, открытыми ладонями вперед. Они приближались. Я хотел было сделать такой же жест миролюбия. Янош покачал головой:

— Нет.

Он громко сказал кочевникам:

— Стоять!

Эти трое остановились.

— Как вы можете показывать, что желаете мира, — сердито заговорил он на языке торговцев, — коли стреляете в нас и уже убили одного из наших людей, хотя — мы и не выказывали к вам никакой враждебности? Вы что же, считаете нас дураками?

Тот из троих, что был безоружным, рассмеялся и заговорил на том же языке, хотя и не очень правильно. Очевидно, не часто ему приходилось им пользоваться.

— Я вовсе не считаю вас дураками. Скорее, я вижу в вас… ну, скажем, баранов. Баранов, которые отбились от отары и бродят в этой глухомани, рискуя стать жертвою волков или стервятников. А я… я считаю себя пастухом, предлагающим вам кров и безопасность.

— И несомненно, от чистого сердца, — саркастически усмехнулся Янош.

Кочевник слегка приподнял плечи.

— Ну, никто ничего не делает из чистой благотворительности, — сказал он. — Разве что боги. Пастух предлагает баранам безопасность, чтобы те, в свою очередь, обеспечивали его шерстью, а в конце концов и мясом, дабы пастух мог в дальнейшем позаботиться и о следующих поколениях баранов. Так уж заведено.

— Как любезно с вашей стороны, — сказал Янош. — Но может быть, меня подводит зрение? Ты утверждаешь, что ты пастух. Я же вижу перед собою лишь трех мерзких, питающихся падалью воронов, от которых несет гнилью, в то время как они растекаются в медоточивых речах. — Он сделал вид, что не слышит злобного шипения в ответ, и продолжил: — Да к тому же мы и не бараны. — Сабля вылетела из его ножен. Туземец отскочил назад, выхватывая свою саблю. — У баранов нет таких острых клыков, — сказал Янош, потрясая саблей. — Должно быть, солнце пустыни повредило твои мозги и ты не понимаешь, что ты и твои спутники всего лишь шакалы. — Янош обернулся ко мне: — Амальрик, не хочешь ли ты принять предложение этих шакалов и нацепить на себя кандалы? — спросил он, все еще говоря на том же языке. Я мог и не отвечать.

— Вот и я не хочу, — продолжал Янош. — Хватит с меня.

Кассини, похоже, колебался.

— А ты, воскреситель, — сказал Янош, — не подпадаешь под их предложение. Скорее всего, ты будешь умерщвлен на жертвенном алтаре их шаманом для укрепления его мощи.

Кассини тут же одолел собственную нерешительность:

— Ну, разумеется, я с вами.

— А за солдат я отвечаю, — сказал Янош. — Ты можешь взять нас только с боем, поедатель падали, — сказал он работорговцу. — Но уж после этого у матерей твоих людей печали будет в избытке.

Кочевник поднял руку:

— Ты храбро говорил. Но завтра или чуть позже захрипишь по-другому, когда у вас кончится вода. А может быть, львы пустыни избавят меня от необходимости быть милосердным, и мне не придется ждать, пока вы образумитесь.

Троица, не спуская с нас глаз, подалась к оазису и скрылась среди кустов.

— Кассини! — рявкнул Янош. — Какое-нибудь защитное заклинание! Немедленно!

Кассини едва успел что-то начать бормотать, когда из кустов в нашу сторону вылетел рой стрел. Но заклинание воскресителя успело их перехватить, и они застыли в воздухе, вонзившись в невидимую преграду. Янош схватил одну стрелу, переломил ее и отбросил. Затем повернулся и пошел в лощину. Мы последовали за ним.

Янош собрал всех и объяснил, что произошло. Двое солдат хотели было выразить сомнение относительно принятого нами решения, но быстро заткнулись под грозным взглядом командира. Затем мы, как обычно, втроем сели обсуждать, что же делать дальше.

Янош сказал:

— Они, конечно, могут подождать, пока мы выдохнемся. Но вряд ли у них окажется столько терпения. Скорее всего, они подождут дня два или три, пока мы хорошенько прожаримся на солнышке, а потом нападут. Сейчас они наверняка не ударят, поскольку мы в полной боевой готовности. Боевые действия тем успешнее, чем больше солдат противника ослабло. Вот почему кочевники любят засады или берут измором.

Кассини нахмурился:

— Но если это так, капитан… то, может быть, лучше, если они нападут как можно скорее. Мы отобьемся, нанесем им урон, и они отстанут от нас.

— Именно, — сказал Янош. — Вот почему нам до сумерек придется притворяться, что у нас кончается вода и мы слабеем час от часу. Пить будем только после наступления темноты. Для этого придется собрать все мужество. При необходимости, если они не будут торопиться напасть на нас, убьем ослов и будем пить их кровь и соки.

Тут меня осенило.

— Эти разбойники думают, — начал я медленно, а потом все быстрее, едва успевая за хлынувшими мыслями, — что мы неопытные купцы, новички, правильно? И если они нас недооценивают, то мы ведь можем обратить это их высокомерие против них же? Ну типа того… что, кто же серьезно воспримет торговца, у которого прогорклое масло или одежда у него заляпанная и поношенная? — Об этом образном сравнении я впоследствии не раз жалел.

Янош усмехнулся:

— Держу пари, ты читаешь их мысли. И тут я с тобой согласен. Продолжай.

Я был рад тому, что в этот опасный момент Янош сдержал язык. Ведь я излагал идеи, которые и так были очевидны всем.

— И этой ночью, — сказал я, — понадобятся ты, я, сержант Мэйн и еще один человек. Держась попарно, мы будем прикрывать друг друга. Как ты обучал солдат в Ориссе.

Янош кивнул.

— А остальные…

— Пусть остальные играют роль баранов, чтобы все было без подвоха. Ты, воскреситель, можешь остаться с ними. Нам понадобятся заклинания, которыми ты пользовался до этого, внушая им неуверенность. Может понадобиться и что-нибудь другое.

Я вспомнил, что Янош говорил в оружейной лавке о заклинаниях на поле битвы, но решил, что это другой случай. Мой план заключался не в том, чтобы избежать сражения, а, наоборот, чтобы его спровоцировать.

— Да. Вместо неуверенности хорошо бы в нужный момент наслать на них ужас, — предложил Янош. — Такой, какой, к примеру, испытывает крестьянин, видя, как с ясного неба сверкает молния и обрушивается ливень.

— Как только я точно пойму, в чем заключается план господина Антеро, — резко сказал Кассини, — я тут же придумаю самые сложные и хитрые магические приспособления поэффективнее тех, которыми обычно пользуются на поле боя.

Янош удержался от дискуссии, лишь подвел итог:

— Очень хорошо. Итак, нас четверо? Лучшее время, сразу с наступлением темноты, чтобы до рассвета было еще много времени. Нам понадобятся трутницы… Соскребем смолу

с ящиков, размягчим на огне и обмажем наши стрелы для птиц. Когда окажемся внутри оазиса, подожжем их от костров кочевников, чтобы они умирали при свете…

Садилась луна, когда мы вчетвером отправились на вылазку, экипированные так, как задумал Янош, да плюс к тому у каждого был короткий дротик. Сержант Мэйн выбрал себе в напарники вспыльчивого Лиона, сказав, что умение того быстро ориентироваться в опасной ситуации как раз то, что нам пригодится.

Внутри оазиса, освещая лагерь кочевников, горели три костра; по крайней мере, заблудиться мы не могли. От нашего лагеря мы отошли сначала в сторону и только затем проникли в оазис. Он был похож на парк — с густым кустарником и раскидистыми пальмами, правда, трава была не высока, так что продвигаться было несложно. Мы выбрали одну из троп, которые путешественники проделали от пруда до поляны, где удобно было бы разбить стоянку, и вдоль тропинки неслышно подобрались к кочевникам. Темнота была очень густой, приходилось двигаться почти на ощупь. Костры привлекали к себе внимание, но мешали разглядеть то, что буквально под носом. Я споткнулся и чуть не угодил в какую-то яму, но меня удержал сержант. Тут же он сделал знак остановиться. Я увидел что-то стоящее впереди, приняв это сперва за куст, но оказалось, что это часовой. К нему неслышно подобралась другая темная фигура, и тут же послышался такой звук, словно из надутого бурдюка выпускают воздух; из человеческих легких он выходит с тем же звуком. Янош опустил обмякшее тело на землю, и я увидел, как сверкнуло лезвие, когда он вытащил из тела кинжал.

Мы приблизились к лагерю и остановились. Скрываясь за кустами, осмотрели лагерь. Он состоял из двух палаток, каждая из которых была рассчитана человек на десять. Кроме того, мужчины и женщины спали, раскинувшись на земле между палатками и догорающими кострами. Некоторые были скованы цепями. Очевидно, работорговцы уже собрали часть «отары». Один полудремлющий часовой охранял рабов, а другой стоял на страже у небольшой конической палатки. Я решил, что там расположился вождь кочевников.

Тут я содрогнулся, словно душу мою обдул холодный ветер. Я ощутил себя одиноким, бредущим в мрачной пустыне, населенной жуткими чудовищами… Это действовало заклинание Кассини.

Мэйн и Янош натянули лук с боевыми стрелами, пока Лион и я, открыв трутницы, не подсыпали искр в угли крайнего костра и не сунули смоляные стрелы в огонь. Полыхнуло пламя… Запела тетива… и тут же с глухим ударом вонзились в цель стрелы. Часовые упали без крика. Лион и я выпустили свои стрелы с огнем по палаткам, а Мэйн и Янош добавили туда же своих. Мы встали и перезарядили луки.

По скверному изложению событий на этих белых листах меня можно посчитать не то самоубийцей, не то лжецом. Но здесь одна только правда. Представьте себе уверенного в себе разбойника-кочевника, мирно спящего и, возможно, видящего сны о том, как вскоре ему достанутся сокровища какого-то богатого дурачка, забредшего в пустыню. И вдруг вопли, пламя, ужас… ты хватаешь саблю, кое-как выбираешься из палатки и натыкаешься на четырех вопящих демонов. Из тьмы вылетает дротик, взлетает окровавленное лезвие сабли, подобно смерчу, с ревом горят палатки, подожженные пламенем разведенного тобою же костра. И вот когда перед тобой такая картина, что бы ты сделал на месте этих работорговцев? Вынес бы все эти вопли, к которым примешиваются твои же крики ужаса, и не удрал бы в ночь куда глаза глядят? И разве ужасное зрелище шестерых твоих товарищей со вспоротыми животами, падающих тебе под ноги, не добавило бы тебе скорости?

Я находился рядом с конической палаткой, приготовив саблю в смертельном замахе, когда откинулся полог. Я полагал, что именно мне доведется убить их вожака, но, когда я уже изготовился к удару, на свет, спотыкаясь, выскочила какая-то женщина. Я благодарю теперь богов, что на моем месте не оказался воин с реакцией более быстрой, чем у меня, скажем, Янош или Мэйн. Я успел удержать свой атакующий выпад. Это была красивая наложница вожака, рабыня — в свете пламени сверкнули кандалы на ее руках и ногах. Несчастная жертва разбойников.

Женщина была молода, на ней была надета мужская свободная рубашка и потрепанные шаровары. По плечам черными волнами спадали волосы. Словно мы стояли среди света дня, словно счет времени битвы не шел на секунды я успел разглядеть у нее на шее сверкающий золотой обруч с драгоценными каменьями и то, что эта женщина — настоящая красавица.

— Кто вы? — спросили мы с ней одновременно, или по крайней мере, мне так показалось, поскольку говорила она на незнакомом мне языке. Я что-то пробормотал насчет спасителей, и, казалось, она поняла.

Она посмотрела через мое плечо — в свет костров врывались остальные, наши солдаты. Среди них был и Кассини. Рабы уже все вскочили на ноги. Мэйн отыскал ключ и теперь открывал замки кандалов. Янош в горячке просто разрубал цепи ударом сабли.

Женщина вдруг заметила что-то и вздрогнула. Она подошла к телу одного из кочевников, лежащего лицом кверху, и склонилась над ним. Я узнал его — это был главарь банды. Женщина плюнула в его лицо, хрипло рассмеялась и что-то сказала на своем языке.

Янош освободил последнего из пленных и подошел ко мне. Подняв охапку сучьев из заготовленной кучи, он бросил их в огонь, пламя ярко разгорелось.

Янош попробовал обратиться к освобожденным нами рабам на языке торговцев. Казалось, его понял только один человек, да и то с большим трудом, так что Яношу пришлось дополнять каждое слово обильной жестикуляцией.

— Вы свободны, — сказал он, отбрасывая ногой в сторону цепь. — А нам надо двигаться дальше… на восток, — он ткнул себя пальцем в грудь и показал направление, — можете идти с нами, потому что разбойники могут вернуться завтра, — он взял в руку обрывок цепи и указал на запад, куда удалось убежать немногим кочевникам, — с подкреплением и оружием. Идите с нами. Вы свободны, — Янош сделал приглашающий жест.

Мужчины и женщины в нерешительности стали переглядываться. Никто не двигался. Наконец вперед вышла эта самая красавица; она подошла ко мне и сказала одно слово, которое я не понял. Она повторила его на другом языке, и я догадался, что это слово означало «свобода». Женщина искренне и широко улыбалась. Затем она повернулась к остальным и произнесла небольшую речь. Только тут бывшие рабы обрели дар речи и принялись что-то шумно обсуждать. И вот сначала один, потом двое и еще пятеро подошли к Яношу. Остальные внезапно замолчали. Опустив глаза, они сели на землю, выражая покорность рабской судьбе. Янош еще раз к ним обратился, но больше никто не встал. Он даже попытался поднять одного мужчину за руку. Но тот вырвал руку, явно не собираясь подниматься. Янош рассердился, начал выходить из себя, готовый даже убить кого-нибудь из не желавших принимать свободу.

Видя растущий гнев Яноша, вмешался Мэйн:

— Капитан Серый Плащ. Рассвет близится. Нам пора в путь.

Янош заставил себя успокоиться.

— Я совсем забыл, — печально сказал он, — совсем забыл, что, когда попал в такое же положение… я встречал людей, которые предпочитали жить в плену, чем умереть свободными.

И тут же они перестали для него существовать. Он крикнул, чтобы мы собирались. Надо было быстро вернуться в лагерь, погрузиться и скорее отправляться. Кочевники должны вернуться с подкреплением. И к этому времени мы должны уйти подальше в глубь пустыни. Мы забрали из их лагеря все ценное, оставив только запас дров для тех, кто решил жить в рабстве. Все остальное сожгли. Мы разогнали их лошадей в разных направлениях, надеясь сбить преследователей со следа. Мы не решились взять их с собой. Нам не хотелось отмечать маршрут нашего побега останками животных.

Мы двинулись дальше. Когда мы вышли из оазиса в первые багряные краски рассвета, меня догнала та красивая женщина, указала пальцем мне в грудь и что-то спросила. Я сразу сообразил, что она хочет узнать.

— Амальрик, — сообщил я.

Тогда она похлопала себя по груди:

— Диосе.

По мере того как мы углублялись в пустыню, дым от костра в оазисе терялся в мареве дрожащего воздуха, быстро нагревшегося солнцем.

Глава десятая
ДИОСЕ

Через несколько дней у Диосе и ее товарищей появились основания сожалеть о том, что их спасли. Пустынные ночи были так холодны, что стужа пробирала до костей, а днем же, наоборот, мы молили о том, чтобы скорее пришла спасительная вечерняя прохлада. Невозможно было сохранять тот темп, который предлагал Янош, и за это мы были благодарны бывшим рабам. И когда вовсю палило солнце и ослики ревом оплакивали свою несчастную судьбу, а у нас даже не было слез, чтобы пролить их над своей судьбой, мы уверенно полагали, что только дурак решится преследовать нас. Мы и так были обречены. Но имелся ли шанс выжить у того, кто здесь вздумает позариться на наше богатство? Тем не менее и в этом аду обитали какие-то животные, хотя я бы не взялся утверждать, что они принадлежат к реальному миру. По ночам мы слышали, как они выли, предвкушая влагу нашей крови, а в раскаленные дни кругом стояла зловещая тишина.

На третий вечер наших мучений волшебная водоискательная лоза Кассини слабо клюнула, и все дружно бросились разгребать песок, как собаки. Я зарычал от наслаждения, когда мои пальцы наткнулись на влажный песок. Я набирал его полные горсти, высасывал, выплевывал и вновь запихивал в рот. Чуть утолив жажду, чавкая словно поглощая сладкий шербет, я поднял глаза и увидел Диосе. Лицо у нее было в грязи, и, когда она усмехнулась мне, на ее зубах тоже заблестел песок. Она не удержалась от смеха, видя мою физиономию, я захохотал над ней, и наш обоюдный смех становился все громче.

Диосе очень приятно смеялась. Я слышу эти звуки даже сейчас, когда пишу, пытаясь изобразить прошлое с доступным мне мастерством. Поэт бы его описал как мелодичный, похожий на звук колокольчика или на «ветерок в священной роще». Ее смех поднимался откуда-то из глубины, из сердца, отчего у каждого, кто слышал ее, сразу улучшалось настроение. Вскоре смеялись уже все, и лишь Янош сохранил чувство реальности, приказав всем мужчинам рыть глубокий колодец, чтобы напоить животных и набрать воды впрок.

Я не стану утверждать, что этой ночью мы себя чувствовали так, словно только что выступили в этот поход, или здорово освеженными, но настроение у нас явно поднялось. Когда один из осликов закричал, Лион передразнил его, и вскоре все закричали, подражая ослам, и ничего не было слышно в пустыне, кроме наших собственных воплей.

Во время ужина Диосе сидела рядом со мной, а когда мы поели, то попыталась поговорить. Она указала на меня, произнесла мое имя и жестом обвела окружающее пространство. Повторила мое имя, но на этот раз с вопросительной интонацией.

— А, — понял я. — Ты хочешь узнать, откуда я.

Я указал на запад. Она нахмурилась и покачала головой, словно не веря, что такое может быть. Но я еще раз кивнул, вновь указывая на запад. Пока она размышляла над этим, теперь уже я произнес ее имя и обвел окружающее пространство. А откуда она? Она указала на юг и несколько раз энергично махнула рукой, показывая, что ее родина далеко. Я соединил руки, изображая их связанными, и указал в ту сторону, где мы встретились с кочевниками.

— Что произошло? — спросил я. — Как ты оказалась у них в руках?

Диосе покачала головой, не понимая, что я имею в виду. Я повторил свой жест и вопрос, и ее прекрасные глаза осветились пониманием. Диосе что-то затараторила на своем языке, тут же расстроенно смолкла и пальцами на песке показала движение идущего человека. Она изобразила лицо ничего не ведающего человека, который беззаботно напевает. Таким было начало ее путешествия, при этом я понял, что с нею было много товарищей и

сильная охрана. Затем она начала изображать кочевников с жестокими и злыми лицами, высматривающих что-то вдали. Я понял, что кочевники лежали в засаде, поджидая проходящий караван. Затем было нападение, сражение; охрана мужественно сражалась, но была перебита. Потом женщина свела запястья вместе, демонстрируя, что ее заковали в кандалы. На лице ее было написано отчаяние и безнадежность. Воспоминания повергли ее в уныние. Диосе указала на восток — туда гнали захваченных работорговцы. Я понял, что там находится рынок, где продают рабов. Даже в таком виде, в широкой мужской рубашке и обтрепанных шароварах, с грязным, усталым лицом, Диосе оставалась удивительно красивой женщиной. Вождь кочевников мог бы запросить за нее приличную цену.

Какое-то время мы помолчали, обдумывая, как бы продолжить наш разговор.

— Может быть, я помогу, друг мой, — сказал Янош. Я и не слышал, как он подошел, поэтому удивленно обернулся. Он протянул мне небольшую деревянную, покрытую письменами коробочку и присел на корточки рядом со мной. — Если помнишь, у меня есть кое-какой опыт в таких делах.

— Не уверен, что ты сможешь помочь, — сказал я. — Наши языки настолько непохожи, что не за что зацепиться.

Янош засмеялся:

— Я как-то уже говорил тебе, что лучший словарик находится в постели, дружище Амальрик.

Такое предложение меня шокировало.

— Ну что ты, Янош. Я не могу сделать такое предложение этой девушке. Ясно видно, что она из хорошей семьи. Может быть, даже из более благородной, чем моя собственная. И наверняка она еще девственница. С моей стороны было бы нетактично…

— С твоей стороны это было бы нетактично, если бы ты поступил так в мирной, скучной Ориссе. Здесь же Амальрик, другая жизнь. Настоящая жизнь. — Он обвел рукой пустыню. — Так что займись этим, приятель. Иначе будешь жалеть до старости.

Я собирался продолжить спор, но Янош уже обратился к Диосе.

— Мой друг считает вас исключительно красивой женщиной, госпожа, — сказал он по-ориссиански. — И он думает, что вы принцесса. Может быть, так оно и есть. Амальрик же почти принц, так что вы составили бы подходящую пару.

Диосе задумалась над смыслом этих слов, затем улыбнулась, кивнула и в ответ что-то затараторила на своем языке. Она указала на расписную коробочку. Янош открыл крышку — там оказались принадлежности для письма. Диосе рассмеялась и вытащила содержимое. Дернув себя за рукав, она произнесла какое-то слово, медленно повторила его… и написала на куске чистой бумаги. Показала это мне и предложила сделать то же самое.

— Рукав, — сказал я. — Ру…

— Не будь таким тупым, друг мой торговец, — предостерег Янош. — Наверняка она имеет в виду одежду целиком. А иначе вы всю ночь будете обсуждать портняжные дела — от стежка до воротника.

— Ты хочешь сказать, она написала и произнесла «рубашка»? — глупо спросил я.

— Ну ты догадлив, — сказал Янош.

Диосе во время нашего диалога переводила взгляд с одного на другого. Потом ей это надоело. Она потянула за переднюю часть рубашки и произнесла то же самое слово, что и перед этим, и показала на написанное.

— Рубашка! — обрадовался я. — Рубашка.

Я записал это слово. Диосе восхищенно хлопнула в ладоши. Она потянула за свою брючину.

— Брюки, — сказал я.

И Диосе повторила за мной:

— Брю-ки.

Янош поднялся.

— Будет куда интереснее, — сказал он, — когда от одежды вы перейдете к анатомии.

Я покраснел до корней волос. Мне казалось, что Диосе по тону голоса понимает, что сказал Янош. Я взглянул на нее, обдумывая, как бы извиниться за такую грубую реплику моего друга, забыв, что она не понимает, и увидел заинтересованное выражение на лице Диосе. Ее пальцы тронулись до моих волос. Она произнесла какое-то слово. Тут мне словарь не понадобился. Единственным значением этого слова могло быть только «рыжий».

Янош оглянулся и захохотал:

— Я так и не понял, Амальрик, зачем тебе понадобилось подливать Мелине любовный напиток. Ведь твои волосы на большинство женщин действуют почище любовного напитка.

Диосе, привлекая к себе внимание, похлопала меня по руке.

— Ме-ли-на? — спросила она. — Мелина?

Она жестом попросила меня написать это слово. Я покачал головой.

— Оставим Мелину для другого урока, — сказал я. — Попозже.

На следующий день пути пейзаж изменился, вдали показались горы, а пустыня закончилась. На дне лощины, поросшей по обоим склонам кустарником и деревьями, мы обнаружили ручей, который дальше переходил уже в настоящую реку с густой растительностью по берегам. Радости нашей не было границ.

Источник брал свое начало с одинокой плоской и широкой горы, стоящей особняком посреди равнины. Карта говорила, что на этой горе должно находиться неплохое место для лагеря, поскольку оно было отмечено жирным крестом. Мы все слишком устали, чтобы задуматься над тем, а почему, собственно, это место такое уж удобное. Несмотря на наличие воды, журчащей среди камней, холм казался таким отчужденным среди этой равнины. Янош приказал Мэйну и другим солдатам не терять бдительности на случай возможной опасности, и под вечер мы начали карабкаться на вершину.

Нас ожидало удивительное зрелище. Холм оказался огромным кратером. Все его дно от стены до стены заполняли деревья и цветущие растения, среди которых в разные стороны разбегались ручейки и были рассыпаны озера. Нам удалось разглядеть животных на водопое, а закатное небо оживляли тысячи птиц, щебечущих и порхающих в погоне за насекомыми, роящимися густыми тучами.

Диосе издала крик изумления и указала на один из водоемов, разбросанных в этом миниатюрном рае. Мы все обратили туда взоры и увидели полдюжины антилоп, резвящихся в воде. А среди них — двух тигров. Тигры эти, как котята, перекатывались на спинах, поднимая в брызгах когтистые лапы, и не обращали никакого внимания на предназначенных им природой жертв. Вокруг распространялось дивное ощущение мира и радости, и меня вдруг охватило страстное желание подбежать к животным и включиться в общее веселье. Диосе, не переставая улыбаться, что-то сказала на своем языке. Глядя в ее искрящиеся глаза, я тоже улыбнулся.

— Счастье, — сказал я. — Настоящее счастье.

— Счастье, — повторила она. И тут же добавила: — Счастье… Да. Диосе очень счастье.

И это была первая фраза, произнесенная ею на языке ориссиан.

Осторожность удержала нас от того, чтобы этой же ночью продолжать наш путь дальше. Продвигаться по склонам кратера в темноте было очень опасно. Утром Мэйн отправил Лиона и еще несколько человек осмотреть кратер и убедиться, нет ли там врагов. В ожидании их возвращения мы почти не разговаривали; всех нас одолела лень, и мы праздно разглядывали местность. Диосе и я провели несколько часов, дополняя наш словарь, указывая на различные деревья, растения и зверей.

Незадолго до сумерек вернулись разведчики. Лион и остальные солдаты смеялись, шутили и вообще вели себя не как воины, а как резвящиеся ягнята.

— Единственная проблема в этом месте, капитан, — сообщил Лион Яношу, — где взять столько глупости, чтобы уйти отсюда.

Он описал удивительную картину увиденного. Животный мир здесь был на диво разнообразен: животные с копытами и когтями, с мехом и чешуей, травоядные и клыкастые

плотоядные; самые разнообразные деревья, в том числе и фруктовые, какие не пожелаешь цветы, и над ними — крылатые любители нектара.

— Насколько мы поняли, — сказал Лион, — здесь не хватает только человека. Никаких признаков людей. Да. И еще одна штука. На самом деле странная штука. Помните, вчера мы видели, как играли тигры с антилопами? — Янош кивнул. — Так вот такое творится по всей долине. Те, кто должен был бы прятаться и скрываться, разгуливают себе смело, не боясь никого. И никому даже на ум не приходит охотиться и убивать друг друга.

— Чем же питаются хищники? — задал я вопрос, который тут же заинтересовал всех.

Глаза Лиона удивленно расширились, словно он не мог найти нужных слов, чтобы ответить.

— Вот в этом-то вся и загадка. Весь день, как я уже говорил, вокруг царило полное миролюбие. Но перед тем как мы двинулись обратно, все изменилось. Олени в ужасе бросились врассыпную. Тигры за ними. То же самое и с другими созданиями. Те из них, кто представляли из себя вкусное блюдо для хищников, стали прятаться и убегать, а те кто убивают ради пропитания, стали охотиться за первыми. Хищники убивали, торопливо ели… И вдруг весь этот переполох прекратился. И все стало мирно, как и до того — Он почесал в затылке, глупо улыбаясь. — Ну, слышали вы что-либо подобное?

Я поглядел на Кассини, чувствуя легкую неловкость перед лицом всеобщего миролюбия.

— Какое-нибудь заклинание?

Кассини подумал, затем покачал головой.

— У меня нет ощущения присутствия чего-то магического, — сказал он. — Но я реально ощущаю… благополучие, что ли? Да. Именно так. Благополучие. Но отчего оно здесь царит, не могу сказать. И еще я чувствую, что все те заклинания, которые я произносил, защищая нас, теперь как бы собрались вместе, надежно нас охраняя. — Он жестом обвел толстые стены кратера. — Возможно, устройство этого места помогает концентрации заклинаний.

Янош фыркнул:

— Что же получается? Стало быть, все эти животные стали ручными только потому и тогда, когда мы вступили на этот склон? Благословляя присутствие господина воскресителя? Ну, ну, Кассини. Если таково твое объяснение, то я думаю, что твоему начальству в Ориссе лучше заняться переписыванием священных текстов заново.

Кассини помрачнел.

— Ну довольно, — вмешался я. — Вместо того чтобы задавать вопросы да спорить, я думаю, что всем лучше насладиться этим удивительным явлением. Ведь мы можем остановиться и пробыть здесь до полного восстановления сил столько, сколько нужно. Вот и все, что лично меня интересует.

— Точно! — заорал Лион. Тут же на него цыкнул Мэйн. — Прошу прощенья, — сразу же Лион стал вежливей. — Может быть, это и не моего ума дело. Но я считаю, что господин Антеро говорит верно. Ведь здесь так здорово, завтра пойдем все вместе, сами посмотрите.

На следующий день, пока стояла роса, мы все, вместе с осликами и грузом, спустились вниз. Никогда я еще не вдыхал такого сладостного воздуха, и никогда еще пение птиц не звучало так радостно и чисто. И все, о чем говорил Лион, оказалось правдой. За день мы едва управились с разбивкой лагеря. Когда осликов освободили от клади, те, вопя от радости, помчались к ближайшему озеру, где принялись шумно плескаться. Два здоровенных водных ящера всплыли на поверхность и стали наблюдать за этой игрой, улыбаясь зубастыми пастями, в каждой из которых запросто уместился бы ослик целиком. Ослики не обращали на них ни малейшего внимания, откуда-то зная, что сейчас находятся в полнейшей безопасности, а вскоре ним присоединились и мы, скинув одежду, забыв все условности цивилизации, веселясь до безумия, в то время как прохладная вода смывала с нас следы долгого пути.

Я нырнул глубоко и поплыл как ондатра, ощущая, как прохлада ласкает мое тело. Вода

была настолько чистой что ясно различались вдалеке руки и ноги моих резвившихся товарищей и толстые тела ящеров, опирающихся на могучие столбообразные ноги. Сбоку я заметил в тени узкую бухточку, ответвляющуюся от пруда. Я всплыл, набрал воздуха, вновь погрузился под воду и поплыл по этому водному переулку среди покрытых мхом берегов. Каждый ориссианин с детства учится плавать. Ребенок, едва научившийся ходить, плавает среди таких волн, которых в других краях убоится и взрослый человек. Я не был исключением и частенько получал особенное удовольствие от плавания под водой, насколько хватало дыхания, любуясь удивительными обитателями глубин; поэтому я достаточно далеко проплыл по этому ответвлению, пока снова не ощутил необходимости всплыть и глотнуть воздуха.

Я лениво греб, неторопливо поднимаясь на поверхность. Но еще находясь под водой, заметил на берегу чью-то: изящную ногу. Не всплывая, я подплыл поближе и понял, что нога принадлежит женщине. Показалась и вторая, такого же светло-орехового цвета, с темным пушком между бедер. Выше гладкий круглый живот, узкая талия. Увлеченный этим зрелищем, я не подумал о последствиях моего появления над водой. Я вынырнул, разинув рот, пытаясь надышаться, но послышался смех, мне в лицо полетели брызги, и вместо воздуха я глотнул воды. Задыхаясь и кашляя, я, спотыкаясь, двинулся к берегу, протирая глаза. Я услышал чьи-то шаги, кто-то рядом тоже выбирался на берег. К тому времени, когда я протер глаза, владелица ног скрылась из виду. Но я-то знал, кому они принадлежали.

Среди нависающих ивовых веток показалось лицо Диосе.

— Я видеть Амальрик! — воскликнула она. В листве промелькнула ее обнаженная грудь. Она заметила мой взгляд и плотнее притянула к себе ветки. Оставалось только лицо. — Амальрик видеть Диосе тоже. — Она засмеялась. — Делать Амальрик счастливым, да?

— Очень счастливым, — ответил я, впервые одобрительно относясь к методу Яноша изучать языки. Она показала рукой, я опустил взгляд и увидел, что стою голым в воде, доходящей мне лишь до бедер.

— Диосе очень счастлив. Амальрик прекрасно.

Вдруг ее лицо исчезло. Минуту спустя из ветвей вылетела залатанная рубашка с длинными полами. Я натянул ее, она доходила мне до колен.

— Амальрик теперь идет говорить Диосе, — позвала она.

Я выбрался наверх и увидел, что она раскинулась на берегу. Она так здорово отстирала и отремонтировала свой костюм, что трудно было поверить, как совсем недавно он был годен лишь на тряпки. Она похлопала по земле рядом с собой.

— Поговорить с Диосе, — сказала она.

Так приказала моя госпожа. Я вынужден был подчиниться.

Однако мои мечты быстро улетучились, поскольку, как только я уселся, она тут же извлекла на свет коробочку с принадлежностями для письма.

— Диосе знать еще больше… — она нахмурилась, подыскивая слова. Что-то пробормотав в нетерпении, она извлекла из коробочки наш словарь. Облизнув пальчик изумительным розовым язычком, она стала переворачивать страницы. — А! — воскликнула она, указывая пальчиком в какие-то каракули. — Диосе знать еще больше слов. — Она улыбнулась, глянув на меня сияющими глазами. — Да?

— Ну конечно, — сказал я. Вспомнив совет Яноша об анатомических уроках языка, я взял ее маленькую ступню в ладони. — Ступня, — сказал я. — Ступня.

— Ступня, — послушно повторила Диосе, — ступня. — Она записала слово в словарь и отдала его мне, чтобы я рядом написал по-ориссиански. Я провел ладонью дальше.

— Голень, — сказал я. — Голень.

Она пошире раскрыла глаза, поняв мои намерения. По краям глаз появились крошечные морщинки. Она негромко рассмеялась.

— Голень, — повторила она. Моя рука двинулась дальше.

— Колено, — сказал я.

— Колено, — повторила она, но я почувствовал, как напряглись ее мышцы, готовясь отразить атаку на предмет моих вожделений. Но вместо этого я взял ее за руку.

— Рука, — сказал я.

— Рука, — повторила она, бросая на меня взгляд, заинтересованный сменой моей тактики. Я склонился к ней пониже, а она не отодвинулась.

— Поцелуй? — спросил я, приближая лицо. Она ответила шепотом:

— Поцелуй?

Наши губы стремительно сблизились, и я затрепетал от ощущения нежности. Я обнял ее, стараясь подольше удержать ее в этом пьянящем поцелуе. И тут же ее маленький кулачок мягко застучал по моей груди, прося отпустить. Я, задыхаясь, оторвался от нее.

— Нет больше поцелуй, — сказал она, хотя по охрипшему голосу я понял, что и она почти тает от страсти.

— Амальрик учить Диосе слова. Не поцелуй, — сказала она.

Я кивнул и взялся за словарь, толком не понимая, что я делаю. Диосе заметила мое замешательство и похлопала меня по руке.

— Поцелуй прекрасно, — сказала она. — Делать Диосе счастье.

Она села, поправила одежду и приняла строгий вид.

— Учить поцелуй потом, — сказала она. И когда на моем лице вновь вспыхнула надежда, она засмеялась. — Потом, — сказала она. И добавила: — Может быть…

Этим вечером Янош собрал совещание нашей тройки.

— Думаю, — сказал он, — нам надо решить кое-какие вещи. Например, как долго мы собираемся оставаться здесь. И что мы собираемся делать во время этой стоянки.

— Я понимаю, Янош, с каким нетерпением ты стремишься вперед, — сказал я, — но мы нуждаемся в отдыхе. Я сомневаюсь, что дальнейшее путешествие будет легким, и потому чем лучше мы отдохнем и приведем в порядок снаряжение, тем спокойнее встретим то, что ждет нас впереди.

— С этим я бы не стал спорить, — сказал Кассини. — Но что в этом кратере вам, капитан, не нравится?

— Я имел в виду то соглашение, которое соблюдают проживающие здесь существа, — сказал Янош. — Я полагаю, что мы обязаны следовать здешним правилам, если это слово применимо, и ограничиваться самой минимальной охотой.

Кассини свирепо зыркнул на него.

— С чего ты решил, что у этих тупых животных существует какое-то соглашение? — фыркнул он. — Окружающая нас безмятежность только на руку нам, нам и больше никому.

— Ты по-прежнему считаешь, что это твоих рук дело? — спросил Янош, не скрывая презрения в голосе.

— А какое же еще объяснение можно предложить? — сказал Кассини. — С того дня, как мы покинули Ориссу, я прекрасно справлялся с моими обязанностями защищать нас заклинаниями. К тому же с нами могущественное благословение Совета воскресителей. В результате мы избежали стрел и отыскали воду посреди пустыни. А теперь вот нам дана и эта передышка.

Вместо того чтобы дать Кассини резкий отпор, Янош со вниманием отнесся к словам Кассини.

— Ну так помогите мне, мой мудрый воскреситель, — сказал он, и мы с Кассини оба удивились, не услыхав в его голосе иронической насмешки, — понять вашу мудрость. Не открывая секретов вашего искусства, скажите мне, каким образом вы выбираете то или иное заклинание? И как вам удается узнавать о том или ином эффекте заклинаний?

— Это просто, — сказал Кассини, — просто для тех, то осенен могуществом знаний воскресителей. Мы изучаем все известные записанные заклинания под мудрым руководством старшего воскресителя, запоминаем их и применяем на практике.

— Но ведь заклинаний должно быть бесчисленное множество, — сказал Янош. — И разве мыслимо все их запомнить, даже если очень стараться?

— Ну разумеется, это очень трудно, — отвечал Кассини — Воскресители различаются по степени глубины памяти. У меня, например, память блестящая. И это не похвальба, это признано моим первым учителем тогда, когда я только еще был принят в братство воскресителей. Однако даже я сталкиваюсь с трудностями. Запомнить все невозможно, и потому приходится прибегать к помощи архивов, где записаны все заклинания.

— Но когда вы путешествуете, — не сдавался Янош, — вы же не можете тащить с собой библиотеку.

Кассини постучал себя пальцем по лбу.

— А я храню ее вот здесь, — сказал он. — Именно поэтому вам, капитан, и повезло, что меня включили в состав экспедиции.

— Тут я согласен, — ответил Янош. — Однако одну вещь я хотел бы все-таки понять. То есть заклинания, которыми вы пользуетесь, вы цитируете по памяти. И следовательно, сама мудрость проистекает из тех древних текстов?

— Ну да, — сказал Кассини. — Мы знаем, что заклинания действуют, потому что они всегда действовали. И неважно почему. Да и не может человек постичь это. Только боги могут сказать почему.

Янош надолго уставился на него. Кассини вспыхнул, сообразив, что Серый Плащ готовит ему какую-то логическую ловушку.

— Следовательно, если знания принадлежат богам, мы не можем сказать, почему мы наткнулись на этот маленький рай, — сказал Янош. — Или я чего-то не понял?

Кассини что-то пробормотал, но так и не нашелся ответом.

— И следовательно, нам не дано знать, — не отставал Янош, — создана ли существующая здесь безмятежность людьми или кем-то посильнее. Правильно?

— Правильно, — сквозь зубы согласился Кассини.

— И значит, мы не имеем права менять то, что установлено богами, — сказал Янош. — И обязаны придерживаться установленных здесь правил, поскольку, возможно их установили сами боги.

— И я тоже думаю, что безопаснее поступать именно так, — быстро принял я сторону Яноша. — Тем более что если Янош и заблуждается, то ущерба от этого никакого А в том, что он заблуждается, у нас нет возможности убедиться.

— Хорошо же, — сказал Кассини, стиснув зубы. — Пусть будет по-вашему.

— И мы все соблюдаем местные порядки? — дожимал Янош.

— Да, — сказал Кассини. Он поднялся, не дожидаясь, пока Янош продолжит свои логические упражнения, и удалился от костра.

— Неплохо знать, мой друг, — сказал Янош, — что у магии вообще нет никаких законов — за исключением одного: маги не делятся своими секретами.

— Я и сам считал, что это в порядке вещей, — сказал я.

— Ты в самом деле так думал? — спросил Янош. Я кивнул:

— Мальчишкой я изводил такими вопросами моих учителей.

— Ну а теперь, когда ты вырос?

— Я не Кассини. Со мной не надо играть. Просто скажи, что ты задумал. По твоему оживлению я вижу, ты куда-то клонишь.

Янош рассмеялся над моей проницательностью.

— Ох, как же мы любим слушать самого себя, произносящего речи, — сказал он. — Должно быть, существует маленький демон самовосхищения, который с ума сходит от звуков наших собственных голосов. — Он отхлебнул воды из тыквенной бутылки и передал сосуд мне. — У меня действительно есть собственные соображения, как ты догадываешься, и они немного отличаются от болтовни Кассини типа: вещи таковы, поскольку всегда были таковыми.

Я кивнул, приглашая его продолжать.

— Я полагаю, что в основе всего есть несколько незыблемых принципов, — сказал Янош. — Во-первых, причина и следствие весьма схожи и, значит, обратимы. Во-вторых,

если какие-то предметы были одно время в соприкосновении, то они и впоследствии продолжают воздействовать друг на друга независимо от расстояния. Один пример: если воскреситель собирается кому-то навредить, то для этого он берет что-нибудь принадлежащее лично этому человеку, может быть, прядь волос. Что пытались проделать с тобой в Ликантии. Затем он лепит, допустим из воска, фигурку врага, прикрепляет к ней эти волосы и уничтожает фигурку, например, в огне. Если все проделано верно, то враг может здорово пострадать, а иногда и погибнуть.

— Черная магия, — пробормотал я.

— А вот это пример применения законов воскресителей, — сказал Янош. — Это они разделили магию на черную и белую. Добрую и злую.

— А по-твоему, они ничем не отличаются?

— Ничем. Для того, кто собирается уничтожить своего врага, эта магия положительная. Белая, другими словами. Но для жертвы она, несомненно, черная. Так что разница только в том, на какой стороне ты стоишь.

— А тебе-то что за дело до всех этих проблем? — спросил я. — По мне, так лучше оставить их в покое.

— У меня свое отношение, — сказал Янош. — Я заинтересовался этим, когда был рабом, полагая, что чем больше я буду знать, тем меньше буду зависеть от прихотей другого человека.

Я покачал головой:

— Разумно ли это? Или лучше сказать… мудро ли это?

— Я думаю, ни то, ни другое, — сказал Янош. — Поскольку, согласно другой моей теории, любое произнесенное заклинание отражается и на том, кто его сделал. И постепенно, по мере того как маг оставляет все больше заклинаний, особенно вредоносных, он начинает понимать, что и его существо в чем-то пострадало. Проблема в том, что магия — весьма соблазнительная наука, вернее, наукой она станет еще очень не скоро. Просто когда оказываешься устремленным к цели, от которой не можешь отказаться, приходится чем-нибудь рисковать.

Я вспомнил Мелину и любовный напиток и не стал спорить.

— Но чего ты надеешься достичь с помощью этой науки? — спросил я.

— Только моей заветной цели, — тихо сказал Янош. — ничего более. — Он уставился в огонь. — В будущем, Амальрик, люди будут мудрее, — сказал он. — И для них не будет секретов у природы. Почему река течет с гор не в гору? Почему с помощью рычага можно поднять камень, который не поддается голым рукам? Как прутик отыскивает воду? Почему можно поймать духов ветра в кожаный мешок, а затем, выпустив их, можно наполнить паруса? Может быть, я и глупец, но мне кажется, есть законы, которые управляют такими явлениями. И разве это было бы не правдиво, если бы закон для всего оказался единым? И чтобы не оказалось разницы между духовным и материальным?

— Ты всерьез веришь в это? — изумленно спросил я. Янош засмеялся:

— Нет, конечно. Это было бы слишком легко. Но если тебе удастся прожить достаточно долго и встретить в будущем настоящих мудрецов, то, может быть, ты и не удивишься, что в чем-то я был все-таки прав.

На том наш разговор и окончился, но за все короткое время нашего пребывания в этом маленьком раю я не раз задумывался над его словами. И одно я запомнил точно: после того как он высказал свои воззрения, у меня появилась твердая надежда не только на удачный исход экспедиции, но и вообще на счастливое будущее. Ведь если есть правила, думал я, есть законы магии, которые может познать любой человек, то каким же благом это может оказаться для всех. И неужели придет день, размышлял я, когда не только воскресители, но и обычные люди, вроде меня самого, смогут воспользоваться их могуществом? И еще начала подкрадываться такая мысль: да ведь Янош сам по себе стоит целого открытия. Но тут я услыхал у соседнего костра смех Диосе, и все мысли сразу улетучились.

Последующие дни были одними из самых счастливых в моей жизни. Мы так

безмятежно ощущали себя в приветливой атмосфере кратера. Мы купались, играли со зверями, питались фруктами и орехами и охотились только тогда, когда охотники и дичь обретали их привычные роли. Тела избавились от тяжких ощущений изнурительного пути, мускулы налились новой силой.

Мы с Диосе становились все ближе друг другу — она и до этого была хорошенькой, но в таком райском уголке стала потрясающей красавицей. Ее члены округлились, кожа и волосы лучились здоровьем, а сиянье глаз заменяло мне пропуски в нашем словаре. Все оставляли нас в покое, когда мы, взявшись за руки, бродили среди буйной растительности кратера. Тут было много укромных уголков и тихих лужаек, каждую из которых, наверное, мы посетили за время своего отдыха здесь. Мы продолжали наши занятия и дело шло все легче, так что вскоре мы запросто перескакивали с одного языка на другой, словно два слились в один.

Я узнал, что Диосе, как я и предполагал, была принцессой. Ее мать правила небольшим, но богатым княжеством Салси. Их народом, как рассказывала Диосе, вообще управляли женщины, а мужчины были хранителями домашнего очага. Впрочем, и они выходили на поле боя, когда сражались все. Но военачальниками были только женщины. Из политических соображений Диосе была обручена с благородным молодым человеком из другого клана. Именно на свадьбу она и ехала, когда ее отряд попал в засаду разбойников.

Поначалу я здорово огорчился, услыхав о ее предполагаемом замужестве. Но Диосе быстро успокоила меня, сообщив, что молодому человеку благородного происхождения было менее шести лет от роду, а факт ее короткого пребывания в рабстве среди чужих мужчин делал ее неподходящей для официального замужества подобного рода. Однако, услыхав это, я теперь стал переживать из-за нее.

Диосе рассмеялась, узнав причину моей печали.

— Это означает всего лишь то, что я больше не имею права выходить замуж за маленьких мальчиков, — сказала она. — В моем же собственном клане это не так важно, девственница ли я. Это важно только, — она пожала плечами, — для работорговцев. Они собирались продать меня для священного жертвоприношения. — Она мрачно улыбнулась. — Если я не девственница, то, по крайней мере, у меня больше шансов остаться в живых.

Она задумчиво посмотрела на меня. Мне было ужасно интересно узнать, что у нее на уме. И тут она вздохнула.

— Знаешь, — сказала она, — было легче, когда мы знали меньше слов.

— Почему? — спросил я.

Но она лишь покачала головой и сказала:

— Да так, не обращай внимания.

Впрочем, я и так понимал, что она имеет в виду. Как бы там ни было, по сравнению с тем днем, когда я поцеловал ее, я стал чересчур вежливым ее поклонником. Быстро обретенная легкость в языковом общении приблизила меня к ней больше, чем это сделала бы простая похоть. И когда мы сидели рядышком, болтая, я понял, что мы слишком быстро стали просто друзьями. А когда она стала расспрашивать меня о нашем путешествии, то я даже решил поведать ей всю правду о нашей миссии.

— Далекие Королевства? — воскликнула она. — И ты в самом деле хочешь отыскать их?

В ее глазах было столько восторга и благоговения, что я даже обрадовался, что так повел себя с ней.

— Если боги позволят, — сказал я.

— Я уверена, позволят, — сказала она, — иначе ты бы не дошел так далеко. У народа Салси есть поверье, что когда-нибудь все народы мира присоединятся к Далеким Королевствам, и тогда из мира исчезнет насилие. Не будет ни разбоев, ни войн.

— Войн не будет? — Я рассмеялся. — Замечательная мысль. Но боюсь, моя дорогая Диосе, война неизбежное зло, и ничего нельзя поделать с темными силами, которые стремятся одолеть светлые силы Далеких Королевств. Наверное, все дело в магии. В злой

магии. Но ведь убийство находится в основе всех естественных явлений. Даже без вмешательства сил тьмы.

Вместо ответа она махнула рукой в сторону ручья, с журчаньем бегущего среди корней большого дерева. Под деревом лежала гиена, притворно завывая от страха перед нападением молодой мохнатой обезьянки.

— Все это, может, и так, но только не здесь, — сказала она.

И мне нечего было возразить. Затем она вдруг решительно сказала:

— Я должна увидеть своими глазами Далекие Королевства. Я пойду с тобой.

— Но это невозможно, — встревоженно сказал я, — очень опасно.

— Так что же ты мне предлагаешь? — спросила Диосе. Вопрос был по существу, хоть я и старался избегать его до самого последнего времени. — Ведь ты же не можешь отправить меня назад в Салси. Не повернешь же ты назад, когда до цели уже так близко; не могу я и присоединиться к какому-нибудь торговому каравану, их просто не бывает в этой глухомани. Остается двигаться только вперед. И потому с твоей стороны разумно было бы вручить мне оружие. Ведь я владею им искусно, как и любая женщина Салси. И я не буду вам обузой.

Мне нечего было возразить. Я засмеялся, тем самым чуть не обидев ее, но тут же объяснил, что она напоминает мне мою сестру Рали, которая так же, по-солдатски, любит добиваться справедливости.

— Тебе бы понравилась моя сестра, — сказал я.

— Я уверена, что понравится, — сказала она. Вернее, мне показалось, что я услыхал именно эту фразу, хотя она и была произнесена очень тихо.

— Я не расслышал, — сказал я.

Она собралась было повторить, но вместо этого покачала головой.

— Ох, Амальрик, — сказала она, — неужели все мужчины в Ориссе похожи на тебя?

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

— Что же тут непонятного? — вскричала она. — Что должна сделать женщина, чтобы ты вспомнил об обещанном поцелуе?

И с этими словами она обняла меня. Хоть она и была некрупной женщиной, но под ее тяжестью я упал на спину, и ее губы впились в мои. Я на мгновение испугался того неистовства, с которым прижалась ко мне эта жаждущая любви женщина, и тут же во мне ожила та страсть, которую так долго приходилось прятать. Мы срывали друг с друга одежду, пока уже ничто не мешало нам. Я перевернул ее на спину, ноги ее раздвинулись, бедра затрепетали, и я как сумасшедший ворвался в нее. Я почувствовал небольшое сопротивление, услыхал ее стон, решил, что ей больно, и попытался выйти из нее. Но она сжала руками мои ягодицы и силой заставила войти еще глубже. Больше уже ничто мне не мешало, и мною вновь овладело безумие, и я пришпорил моего коня. Бедра наши бились друг о друга, жадно ласкались наши губы и руки.

Всю ночь мы занимались любовью. Утром мы искупались, на скорую руку позавтракали в лагере, затем покинули остальных и забрались от них подальше, где и занимались любовью до тех пор, пока силы окончательно нас не оставили.

Дни шли за днями, а страсть наша усиливалась, как и наша любовь. И уже не возникало сомнений относительно ее дальнейшего участия в нашей экспедиции. И должен признаться сейчас, что если бы я был воскресителем, я произнес бы единственное могучее заклинание, чтобы вновь вернуться раз и навсегда в те дни, когда мы с Диосе жили в безмятежной глуши того таинственного кратера. И я бы жил с ней там до конца назначенного нам срока пребывания в этом мире.

Я не знаю, сколько дней так прошло, ибо в увлечении Диосе совершенно не замечал времени. И когда все подошло к концу, было утеряно что-то такое драгоценное, чего мне больше в жизни так и не удалось обрести.

Наступил и закончился очередной охотничий период, все существа вернулись к их естественному в этом месте состоянию. За все время нашего пребывания в кратере мы тщательно придерживались здешних правил жизни. В те охотничьи часы мы добыли двух

антилоп и свежей рыбы.

Пожарив мяса для еды, остальное мы развесили вялить. После сытной трапезы мы с Яношем легли на берегу, греясь в уходящих солнечных лучах. Кассини перетягивал тетиву своего лука. К его огромному удовлетворению, одна из антилоп пала как раз от его стрелы. Странно было, что воскреситель испытывает удовольствие от того же, что и обычный человек. Кассини же после этого убийства ходил с самодовольным видом величайшего из охотников.

Я услыхал, как Диосе издала крик восхищения, и приподнялся на локте. Она стояла перед раскидистым фруктовым деревом и указывала на ветки.

— Посмотрите на эту обезьянку! — воскликнула она. — Это просто чудо.

Я встал и увидел, что зверюшка сидит на ветке и скалит зубы на Диосе. Шубка у зверька действительно была удивительной раскраски — зеленой, красной, голубой и даже золотой.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал Янош. Мы подошли поближе.

Краем глаза я увидел, что и Кассини тоже встал, держа в руке лук, но я не придал этому значения. Мы подошли к Диосе. Обезьянка скакала с ветки на ветку. Мы смеялись, наблюдая за ее кульбитами.

— А из ее шкуры получилась бы красивая шляпа, — сказал Кассини.

Я обернулся:

— Что ты…

К моему ужасу, я увидел, что он поднял лук и натянул тетиву.

Янош закричал:

— Кассини, нет!

И в этот момент Кассини выпустил стрелу. Я уже решил, что он промахнулся, потому что обезьянка как раз прыгала с ветки на ветку. Но, как известно, в такие мгновения судьба преподносит неприятные сюрпризы. Нам оставалось лишь беспомощно наблюдать, как стрела угодила в цель, сбив зверька в полете. Обезьянка издала крик боли, как кричат дети. Кассини совершил убийство.

Обезьянка упала к его ногам. Он поднял ее с победным выражением лица.

— Мне даже не пришлось снабжать стрелу заклинанием, — похвастался он.

Диосе застыла на месте с широко раскрытыми глазами.

— Будь ты проклят, Кассини! — воскликнул Янош. — Ты нарушил договор.

Кассини пожал плечами.

— Ну и что? Глупый был договор. Зато теперь у меня будет красивая шляпа.

Янош поднял кулак, словно собираясь нанести удар. Я увидел, как Диосе вцепилась в рукоять кинжала. У меня у самого в груди так полыхнула ярость, что если бы было в руках оружие, то я бы бросился в атаку. И тут мой желудок скрутило от великого отвращения, я отвернулся, и меня чуть не вывернуло наизнанку.

Вдруг послышалось жуткое рычание — это какой-то тигр учуял запах крови. Кто-то заорал от ужаса, я обернулся и увидел, как люди улепетывают, спасая свои жизни, а за ними по пятам мчится преследующий их тигр.

Янош рванул вслед за ними, на ходу выхватив из костра горящую ветвь. Он ткнул тигру головню в морду, тот взвыл, отпрянул назад и скрылся в лесу. Но не успела миновать эта опасность, как послышались другие крики и вопли ярости и ужаса.

— Что происходит? — закричала Диосе. И тут же вскрикнула от боли, когда с дерева вылетел камень, словно выпущенный из пращи, и ударил ее в руку. А за ним последовали другие камни и палки, из чащи на нас посыпался дождь различных предметов. Нападавших не было видно, но ясно было по рассерженным крикам, что охоту на нас устроили обезьяны. Уже сотни их сбежались к лагерю, так что ветви деревьев прогибались под их тяжестью. Слышно было, как и другие животные кратера взывали ревом к мести. Я увидел, как к нашему берегу плывут два здоровенных речных ящера. На берегу к ним присоединилась стая гиен. В мгновение ока весь берег кишел плотоядными, готовившимися напасть.

— Спасайте ваши жизни! — завопил Кассини и бросился к лагерю.

В этот момент разверзлись небеса, и на землю обрушился ливень. Вода лилась такой плотной стеной, что даже дышать было тяжело. К нашему облегчению, ливень явился преградой и для зверей. Наши новые враги разбежались, ища укрытия. Однако мы понимали, что эта передышка носит временный характер. И как только ливень прекратится, атаки нам не избежать. И ясно было, что нашему отряду не устоять против объединенных сил животных кратера.

То, что нам предстояло сделать, обсуждению не подлежало. Не обращая внимания на гром и молнии, на стены дождя, мы похватали наши пожитки, кое-как погрузили все на осликов и дали деру.

Диосе и я остановились на гребне кратера. Мы оба обернулись бросить прощальный взгляд на то место, где расцвела наша любовь. Но за бушевавшим ливнем ничего не было видно. Позади нас поднимался Янош. Он положил нам на плечи руки. Так мы стояли, обнявшись, долго стояли под дождем, яростно хлещущим по нашим скорбным фигурам.

Затем Янош сказал:

— Пора, друзья мои. Пошли.

Мы повернулись и втроем, спотыкаясь, побрели из рая.

Глава одиннадцатая
ЗАБРОШЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Сбежав из той долины и продолжая держать курс на восток, мы вновь оказались в пустыне. На лиги вокруг расстилалась выжженная равнина, усеянная камнями и валунами. Единственные растения — приземистые, искривленные серые деревья напоминали узловатые старческие пальцы. Не было видно и следа животных, а единственный колодец оказался с солоноватой и противной на вкус водой, да и притом она настолько глубоко залегала, что пришлось долго копать, прежде чем проклюнулась первая влага.

Мы были вновь вынуждены надевать на ноги изношенную обувь, но вскоре все подметки полетели. Мы наворачивали на ноги тряпки. Даже ослики с трудом двигались по этим острым камням. Кассини теперь пришлось горько сожалеть о том, что раньше он не сберег свою обувь: последнюю пару он разбил за день, а новую обувь сделать было просто не из чего. Да никто бы и не стал ее делать для него. Более того, после всего случившегося с воскресителем общались только в случае крайней необходимости. Наша злость на него выросла еще больше после того, как обнаружилось, что в этой местности ему все тяжелее пользоваться заклинаниями, и теперь мы все больше и больше зависели от собственных физических сил.

Вообще все разговаривали реже, с трудом разжимая иссушенные солнцем губы. Казалось, скоро все начнут ненавидеть друг друга. Хорошо хоть мы с Диосе не ссорились, хотя сил у нас оставалось так мало, что мы лишь изредка позволяли себе любовные игры. Люди все больше роптали о привилегиях богатых, особенно не стеснялся Лион, пеняя мне, что я делаю меньше остальных. Хотя он совершенно не хотел замечать, что я добровольно взял на себя роль повара для всего отряда, и не потому, что имел склонность к кулинарии, а просто памятуя о словах отца: «Если ты отрезаешь себе самый большой кусок пирога, то ты обязан и делать больше других, и позаботиться о том, чтобы остальные заметили, что ты делаешь больше других». Готовка была мне не в тягость. Всего-то и надо было, что бросить в кипящую воду немного кукурузной муки, сушеных овощей и специй и настругать в этот суп вяленого мяса. Такое вот было основное блюдо. Тем не менее ни один пока не заикнулся о том, чтобы пустить на питание осликов.

Еще мы обнаружили одно странное обстоятельство — наблюдатели больше не появлялись. Я не знал, радоваться этому или просто задуматься — не заблудились ли мы. Даже не зная, добры намерения наблюдателей или злы, мы с растущим ожиданием оглядывали равнину и вершины показавшихся плоских гор.

Однажды ночью мы расположились на отдых, пожевав то, что осталось от обеда, и улеглись, пытаясь уснуть. Я лежал на спине, обнимая прижавшуюся ко мне Диосе. Дневная жара медленно отступала. Небо было очень ясным и темным, звезды казались необыкновенно большими. Затем они стали видны сквозь дымку, словно высоко поднялась песчаная буря. Я не шевелился. Я уснул и видел сны.

Должно быть, сны не отпускали меня всю ночь, потому что, когда я проснулся, у меня болела голова, я чувствовал себя разбитым, словно и не спал вовсе. Диосе выглядела столь же утомленной, под глазами у нее проступили темные круги. Я не нашел ничего лучше, как сообщить ей о том, что она неважно выглядит. Она в ответ огрызнулась, но тут же извинилась. И все выглядели такими же выжатыми, как и мы. Не говоря ни слова, мы начали собираться в дорогу. И тут Янош, прервав всеобщее молчание, приказал всем подойти к нему.

Начал он без всякого вступления:

— Кассини, этой ночью мне снились странные сны.

Я думал, что воскреситель в ответ скажет какую-нибудь колкость, но тот лишь кивнул, словно зная заранее, о чем будет говорить Янош.

— И думаю, — продолжал Серый Плащ, — то же самое происходило и с остальными. Я прав?

Все мы согласились.

— Я мог бы рассказать мой сон в деталях, но на это у нас просто нет времени. Короче, в этом сне открылось мне, что эта земля, по которой мы сейчас идем, эта выжженная заброшенная пустошь, не была создана такой богами, а лишь превращена в это людьми или колдунами. Мне снилось, что некогда здесь был процветающий край с богатыми деревнями и городами, более цветущий, чем Орисса и Ликантия. И земля эта была разрушена и уничтожена в течение одной недели. Люди были убиты или угнаны, этого я в точности не понял. Вода ушла глубоко в почву, и даже холмы и горы были разрушены, словно муравейники ногой. Правильно? Так же и в ваших снах? А теперь я хочу, чтобы воскреситель объяснил, что послужило причиной такого разрушения.

Кассини побледнел. По нему было видно, что подобное приснилось и ему.

— Заклинание, — прошептал он. — Заклинание или целая паутина заклинаний, посланных воскресителями такого могущества, о котором я и мечтать бы не мог, с магией, намного сильнее той, что разрушила стену в Ликантии, или той, которая вызвала бурю архонтов, которую мы едва пережили. Более того, эта земля не просто уничтожена, но могущества заклинаний хватает и на то, чтобы никогда ей более не стать цветущей заново.

Янош спросил:

— А не можешь ли ты сказать, откуда взялись эти заклинания?

Кассини покачал головой:

— Я могу сказать лишь, что заклинание послано людьми или существами, которые некогда были людьми, но богами еще не стали.

— Это из Далеких Королевств, — пробормотал один солдат по имени Силв. — А мы-то лезем им прямо в горло, как куропатка в силки.

— Нет, — решительно сказал Кассини. — Я чувствовал до этого и продолжаю чувствовать гигантскую волну магии с востока — оттуда, где, судя по карте, и расположены Далекие Королевства. Но эти заклинания не оттуда… они отовсюду… они ниоткуда.

Янош поднялся на ноги:

— Итак, если заклинания еще остались в этой земле… то нам лучше убираться отсюда побыстрее.

Мы быстренько собрались и двинулись в путь. Но наши страхи и тревожные сны не рассеялись. Все чаще и чаще мы замечали друг у друга на лицах выражение уныния, злобы, страха и вины. Каждый смотрел на всех с подозрением. Янош даже начал с опаской приглядываться к тем двум осликам, которые несли наш запас воды, а Мэйн — за теми животными, которые тащили нашу казну, как бы они не взбрыкнули. Я спросил Яноша, не

думает ли он, что возможен мятеж, но он ответил отрицательно.

— Пока нет, — сказал он. — Они слишком устали. Опять же никто еще не погиб. И что самое важное, непонятно, куда бежать в случае чего. Вероятнее всего, бунта можно было бы ожидать от тех пятерых, которых мы спасли от рабства, поскольку их-то дома поближе. Но они еще не оправились от шока, и с нами им, конечно, лучше. Так что не переживай, никто из нас не умрет во сне, будучи зарезанным. Пока.

А на следующий день Кассини лишился дара мага. Его крики разбудили меня на рассвете, и я подбежал к нему, думая, что к нему подползла в поисках тепла какая-нибудь пустынная змея. Кассини сидел на своем плаще, который использовал в качестве ложа, с лицом таким растерянным и испуганным, как у ребенка, увидевшего первый ночной кошмар и теперь ощущающего только ужас и ничего более.

— У… у меня больше не осталось моих заклинаний, — сказал он. — Я… моя память совершенно пуста!

Он едва был в состоянии говорить, и я не сразу понял, что он имеет в виду. Выяснилось, что ночью он проснулся и с помощью простенького заклинания решил избавиться от блох, набившихся в ткань плаща.

— Но я не смог… не мог… вспомнить ни имен богов, которых надо призвать для этого заклинания, ни самих заклинаний, ни даже символов, которые надо для этого нарисовать… И я в самом деле не помню ни одного символа, кроме круга, но ведь и последний дурак знает, что этот знак магический.

— Итак, мы беззащитны, — не удержавшись, сказал Янош. Я не думал, чтобы остальные слышали его, но им того и не требовалось. Если Кассини действительно потерял свое могущество и не сможет произнести даже малюсенького заклинания, которое препятствует утечке воды из наших мехов, то уж против внешнего магического воздействия нас уже никто не защитит. Мы были беззащитны. Хуже того, на карте наблюдателей вдруг исчезли все изображения, кроме моих пометок. Счастье еще, что мы хоть как-то уже были готовы к этому и Янош начал полагаться на другие формы навигации. И если повезет, мы все же доберемся до пока еще невидимых пяти гор и перевала между ними, которые я уже назвал Кулак Богов. И мы далеко не в лучшем настроении двинулись дальше.

Я подождал, пока Янош окажется один, и только тогда подошел к нему. Я осторожно выбирал слова.

— Ты как-то говорил, что имеешь небольшой опыт колдовства, — начал я. — Предположим, мы займем чем-нибудь Кассини, например, пошлем его вперед с разведчиками…

Я замолчал, когда он посмотрел на меня. Выражение лица у него было примерно такое же, как и у Кассини.

— Друг мой, и я тоже, — сказал он. — Я тоже забыл отчего-то все, что знал. Но я ничего никому еще не сказал. И не потому, что боюсь, но…

Он замолчал. Да и не было нужды объяснять. Если люди узнают, что и Янош, подобно Кассини, потерял свои магические способности, они поймут, что какой-то очень могущественный воскреситель, колдун, который может оказаться нашим врагом, теперь насылает заклинания в эту пустынную, заброшенную страну с одной целью — уничтожить нас. Я увидел, как подозрительно глянул на нас Лион, и потому выдавил из себя смех. То же сделал и Янош.

И случилось то, чего так боялся Кассини: без его защиты нам стали досаждать мириады мелочей. Диосе и я то и дело огрызались друг на друга из-за пустяков. Я поймал себя на том, что цепляюсь ко всем подряд, обвиняя в некомпетентности, злонамеренности и наплевательском отношении к моему открытию. Потом мое раздражение обратилось внутрь: да как я вообще смел пуститься на поиски Далеких Королевств? Неужели я не знал, что и более достойные люди уже пытались это сделать и погибли на этом пути? И почему я не подумал, что у таких могущественных Далеких Королевств должны быть не менее могущественные враги, которые просто не дадут пройти нам? Да и смешно вообще полагать,

нашептывал мне мой демон, что Далекие Королевства вообще существуют. Мы должны повернуть назад, повернуть немедля. И тогда нам, может быть, удастся добраться до реки и до наших друзей из прибрежного народа. Или… Да пусть нас даже работорговцы захватят в пустыне. По крайней мере, останемся живы, разве не так? Пусть даже они изберут нас для священного жертвоприношения, ну и что? Наши отвратительные грязные тела только и годятся, что для заклания. Самоубийственные мысли кружились и кружились, и не было им конца, как вращающемуся гончарному кругу.

Но мы продолжали идти… Вернее, это Янош окриками, угрозами, уговорами заставлял нас делать следующий шаг, преодолевать очередную лигу, выносить муки нового дня. И я, как мог, помогал ему в этом. И Диосе, проявив себя настоящей дочерью мужественной княгини, собственным примером увлекала мужчин вперед.

Напасти стали расти, как снежный ком. Все почувствовали вялость, лихорадку, боль в конечностях, слабость. Двое — Силв и Йелсом — так занедужили, что пришлось из копий и одеял соорудить носилки, которые волоком тащили за собой ослики. Йелсом умер через день. К тому времени мы все в той или иной степени были больны. По крайней мере, кисло успокаивал я себя, теперь-то уж ни у кого не хватит сил затевать бунт. На нас по-прежнему висело чье-то заклинание. Ни Кассини, ни Янош так и не могли вспомнить даже основ магии, а их приспособления для чародейства — травы и инструменты — превратились в занятные безделушки.

Через два дня после похорон Йелсома ландшафт вокруг нас стал изменяться. Вместо плоской каменистой поверхности появился песок. Изредка стали попадаться пятна зелени, низкорослые кустарники. Вдали проскакало стадо каких-то животных, видимо, антилоп. Я теперь надеялся, что местность постепенно станет зеленее, больше будет источников воды, а равнина наконец начнет переходить в возвышенности и горы.

Стали встречаться необычно глубокие овраги, расселины, и потому двигаться приходилось далеко не по прямой. Теперь у меня уже был какой-никакой опыт ориентирования на суше. Когда мы доходили до особенно длинной расселины, лежащей поперек нашего маршрута, то делали пирамидку из камней, обходили препятствие и, увидев с другого края пирамидку, брали азимут по компасу и возобновляли движение в прежнем направлении.

Эти овраги были сущим наказанием.

Одни из этих расселин были обычными руслами высохших рек, происхождение других — глубиною до пятидесяти копий — было загадочным. Я не переставал размышлять, кто же изрыл так местность? И может быть, одна легенда, которую я слышал, говорит правду? То есть падающие по ночам звезды — это не сигналы от богов, а камни с небес, с обители богов, летящие на землю. Но почему именно в этой глуши их падает так много?

Пока я размышлял над этим, мы наткнулись на нечто неожиданное. Шедший первым сержант Мэйн поднял руку в знак того, что надо остановиться. Мы с Яношем подошли поближе. Вначале мне показалось, что это труп антилопы. Но тут же выяснилось, что это лишь выбеленная солнцем шкура какого-то зверя, не встречавшегося еще нам. Она валялась футах в десяти от очередной расселины. А чуть дальше Мэйн разглядел и другую шкуру. Но костей заметно не было. Как это объяснить? Хищник, даже самый голодный, скорее сожрал бы кожу, чем кости.

Мы двинулись дальше. По крайней мере, эти находки означали, что здесь есть дичь, а значит, и вода. Если нам удастся соорудить капкан или хорошенько поискать в округе с луком, то мы разживемся свежим мясом. Мы продолжали натыкаться на глубокие овраги и на брошенные шкуры. И тут я понял, что мне напоминают эти шкуры — кожуру от высосанной виноградины. А следующее тело оказалось человеческим. И он тоже был убит тем же ужасным способом: никаких костей, лишь высохшая кожа, от груди до ног. Голова отсутствовала. Человек ростом был примерно с меня, нормального телосложения. Вообще-то мне приходилось слышать сказки о безголовых людях, у которых мозги находятся в животах. Неужели это правда? Ни одежды, ни оружия при останках не было, так что невозможно было

сказать, кто это, откуда здесь взялся. Янош приказал всем держаться поближе друг к другу, а проходя мимо кустарников, проявлять особенную осторожность. Вдруг действительно какой-то хищник нападает на людей, на животных, отрывает им головы и пожирает изнутри? Иного объяснения никто найти не мог.

Мы обходили очередную расселину, когда земля у нас под ногами внезапно пришла в движение. На глазах от оврага возникло ответвление, мы заскользили, отчаянно пытаясь хоть за что-нибудь ухватиться, но все ниже сползали в зыбучем песке. Я увидел одного из осликов, который тащил нашу казну; он споткнулся, заорал в страхе, забил копытами в песке. Дождем посыпались золотые монеты… Ниже его барахтался солдат, пытаясь выбраться назад, на твердую почву. Кассини визжал в панике…

И вдруг что-то показалось на дне расселины. Такое могло привидеться лишь в ночном кошмаре. Я просто не мог поверить, что такое чудовище существует. Огромный пульсирующий живот, клинообразная голова на шее-башне, пасть размером с сундук со сверкающими кривыми острыми зубами-саблями, когти, царапающие песок, скребущие, скребущие, разгребающие… Песок ссыпался и ссыпался вниз, все вниз, неся нас к смерти. Кассини попытался встать, но тут же упал и покатился. Крик ослика превратился в хриплый вопль и тут же смолк. Кассини притормозил, упираясь ногами, и вновь медленно поехал вниз. Он молил о помощи, он орал.

Янош, тоже угодивший в ловушку чудовища, распластался несколькими футами выше воскресителя и теперь пытался выползти. Кассини вытянул к нему руку. Янош дернулся, оглядываясь на крик… и застыл. Мне показалось, что на мгновение все застыло в картине смертельной опасности, точно чьи-то чары лишили этот мир движения. И тут я прыгнул вперед, погружаясь ногами в песок, через миг уже оказался ниже Кассини, стоя по колено в песке, а Кассини все сползал ко мне, и мы оба уже еле удерживались от стремительного падения вниз… Все же я каким-то образом удержался, устоял, нащупав твердую опору, и, страшась оглянуться, не зная, как близко ко мне чудовище, я закричал на Кассини, не выбирая выражений, чтобы он полз. И он стал карабкаться наверх, я полз сзади. За спиной слышалось шипение обманутого в своих ожиданиях хищника, а сверху, с края оврага, вниз полетели дротики, перелетая через меня. Шипение переросло в визг, а я все карабкался вверх и снова сползал вниз… Но тут Янош оказался рядом, он почему-то проворно двигался в этой сухой трясине. Через минуту мы выбрались из ловушки чудовища и отскочили от края обрыва. Подбежали Диосе и Мэйн, натягивая луки, приладив стрелы. Но стрелять было уже не в кого.

Края трещины еще продолжали оползать, но на дне уже никого не было. Ни чудовища, ни ослика, ни сумки с деньгами. Мне показалось, я видел только отдельные блестящие пятнышки, может быть, монеты. Было ли это существо, способное становиться невидимым, или это был демон, выходец из преисподней, ушедший обратно под землю? И тут я вспомнил обо всех расселинах, мимо которых мы проходили, и о чудовищах, которые могли там обитать, и мне стало не по себе. Мы обнаружили, что пропал один из солдат, Арон. Мы так и не нашли его тела, и я приказал отряду двигаться дальше, не дожидаясь, пока чудовище высосет сок из тела жертвы и выплюнет на поверхность кожу. Кассини сердито поглядывал на Яноша, тот избегал его взгляда. Но мы продолжали шагать.

Ночью я проснулся и увидел сидящую в отдалении от отряда чью-то нахохлившуюся фигуру. Это мог быть только Янош. Я тихо поднялся и подошел к нему.

— Было бы правильно, — сказал он тихо, — если бы ты отстранил меня от командования, а на мое место назначил сержанта Мэйна. Сегодня я подвел вас.

Я примерно представлял, как переживает обо всем Янош.

— Могучий Серый Плащ испугался, — сказал я как можно саркастичнее. — Звезды сбили его с курса, земля под ним провалилась, на луне проступили кровавые пятна. Да ведь это чудовище привело бы в трепет любого сказочного богатыря.

— Это был не страх, — сказал Янош, и я поверил, что он говорит правду. — Ни один солдат не позволит овладеть собой страху смерти, которому мы все подвержены, до

состояния паралича.

— Так, значит, ты хотел, чтобы Кассини погиб. Проклятье, до сих пор не могу понять, что меня-то толкнуло вслед за ним, ведь я сам столько раз желал, чтобы его прибрала какая-нибудь чума.

— У меня такое ощущение, что Кассини сам по себе здесь ни при чем. И должен добавить теперь, что как бы он нам ни был неприятен, мы не сможем обойтись без него. Потребуется все его искусство воскресителя, чтобы мы добрались до Далеких Королевств, а я чувствую, что мы уже очень, очень близко.

— Так в чем же дело? — спросил я, теряя терпение.

— В Далеких Королевствах, — задумчиво ответил Янош. — Понимаешь, в тот самый момент, когда я увидел, что Кассини бьется, как выброшенная на берег рыба, я подумал, что мне самому было бы очень обидно погибнуть здесь… сейчас… когда я уже почти осуществил мечту всей моей жизни. И чтобы осуществить эту мечту, я был готов отдать Кассини этому чудовищу.

Не надо было бы мне спрашивать, но я не удержался:

— Хорошо, Янош, а предположим, на его месте был бы я? Ты и в этом случае не протянул бы руки?

Последовало затяжное молчание, я даже начал сердиться.

— Не думаю, дружище. Хочется верить, что я поступил бы по-другому. Да. Я пришел бы тебе на помощь.

И все равно в его ответе послышалась нота нерешительности.

Я вернулся к своему одеялу, где спала Диосе, и стал думать над тем, что же произошло. И вот сейчас, когда я вспоминаю ту ночь и собираюсь вывести на странице лестные для меня слова, описывающие мои юношеские размышления, я вдруг понимаю, что чувствовал тогда только одно — боль, боль от возможного предательства друга. Но из этой же дали лет я вижу то, что не мог понять тогда. Ведь теперь-то я знаю то, чего не мог предвидеть юный Амальрик. В последующие после той ночи дни отношение Яноша ко мне слегка переменилось. Казалось, ему стало проще в моем обществе. Словно поднялся некий шлагбаум и скрепился надежный договор. И договор вот какой: до этого дня я был другом Яноша, без всяких сомнений, но он-то моим по-настоящему еще не был. А вот уж после той расселины Янош Серый Плащ стал настоящим моим другом, во всяком случае, другого такого друга у меня не было ни среди мужчин, ни среди женщин.

На следующее утро Янош показал мне фигурку танцующей девушки. Я ахнул, глянув на нее: она сверкала, словно ювелир только что закончил полировать ее, и более того, фигурка изменилась. До этого она была сломанной у бедер, теперь же каким-то образом восстановилась до лодыжек. Женщина теперь держала в руке серебряное перо, а шарф, который, как я думал, был из того же материала, что и вся фигурка, оказался прозрачным, как паутинка, сделанным из тончайшей ткани. И в этот момент я поверил, что мы действительно приближаемся к Далеким Королевствам!

На следующий день Диосе первой заметила, что на горизонте что-то синеет. Мы взмолились об одном, чтобы эта синева означала горы. Но если это были горы, то до них все равно еще оставалось много лиг пути. Единственный вопрос — хватит ли у нас сил добраться до них? Лично мне не верилось. Меня грела слабая надежда — отыскать какой-нибудь оазис, хотя бы слабое подобие тому, что в кратере, с водой, рыбой и фруктами. Нам надо было отдохнуть и прийти в себя — усталость и болезни прогрессировали. Может быть, если мы остановимся, проклятье, тяготеющее над нами, исчезнет и к Кассини вернется его могущество?

Впереди отряда шел Лион; я находился сзади, на расстоянии броска копья. Ландшафт переходил в невысокие округлые холмы. Я поднялся на один из них — прямо перед нами, в нескольких минутах ходьбы, открывалась узкая длинная ложбина: словно какой-то гигант опустил ладони в почву и раздвинул ее. Я увидел, что внизу, под почти вертикальным обрывом, проступает сочная зелень. А это могло означать только одно — растения, хорошо

питающиеся водой. Я окликнул Лиона, который прямиком торопливо направлялся к ложбине, словно собираясь броситься вниз. Он озадаченно посмотрел на меня и вернулся назад.

Я спросил его:

— Почему ты промолчал, когда увидел это?

— Увидел что?

Я решил, что солдат проявляет непокорность, а затем понял, что так на него повлияла болезнь. Я показал рукой. Он повернулся, и словно с глаз у него упала пелена.

— Этого… этого там не было. Я видел только холмы, — только и смог он выговорить. — Я как раз собирался вернуться и сказать, что, может быть, нам стоит выбрать другое направление.

Я задумался. Может быть, какие-то силы заставили его видеть иное? Держа луки и копья наготове, наш отряд осторожно приблизился к ложбине. Вдруг откуда ни возьмись, точно из-под земли, там появились двое мужчин и одна женщина. Судя по тому, что женщина стояла впереди, можно было решить, что она является начальником. Они подняли пустые руки ладонями вверх. Все трое были разодеты как на карнавал, в разноцветных свободных нарядах из материи, похожей на шелковую. Ни у кого из них вроде бы не было оружия. Женщина что-то сказала на незнакомом языке. Я вздрогнул, мне показалось — такую встречу я видел во сне. Диосе издала удивленное восклицание:

— Они говорят на моем языке! — И тут же спросила на салсийском: — Вы посланники моего народа?

Женщина улыбнулась и быстро заговорила, так что я едва успевал понять то одно слово, то другое. Диосе сосредоточилась, вслушиваясь, затем подняла руку, и женщина замолчала.

— Нет, этот язык… не совсем мой, — сказала она, подбирая слова. — Она говорит так, как говорили в старину. Нет, так говорили в старину мудрецы, когда молились богам.

Диосе представила нам этих людей. Мужчин звали Утренний Туман, он был шаманом, и Жнец, женщину звали Надежда, и она была их вождем. Она-то и обратилась ко мне, четко выговаривая слова, так что я смог понять смысл, поскольку язык походил на салсийский, которому обучала меня Диосе.

— Мы наблюдаем за вами уже два дня. И мы надеялись, что вы тоже видели нас.

Слова я понял, но вот почему мы их прежде не замечали, не понял и попросил объяснить подробнее. Надежда сделала это с помощью Диосе, и стало ясно, почему Лион не увидел этого места, просто называемого Долина. Мне сказали, что над Долиной и ее окрестностями висит мощное заклинание. И ни один, направляющийся сюда с дурным умыслом или злом в сердце, не может ее увидеть, а будет видеть лишь округлые холмы, внушающие к себе необъяснимое отвращение.

Кассини подошел поближе.

— Да, в этих краях воскресители действительно могущественны, — сказал он испуганно и скорбно, так что я даже слегка посочувствовал ему. Кассини сейчас напоминал человека, вся жизнь которого и работа зависели от остроты зрения, а он вдруг взял да и ослеп. Но сочувствие к нему я испытывал весьма поверхностное. Я не мог простить ему потерянного рая. Кроме того, сейчас я был занят дипломатией — приветствиями и обменом маленькими презентами, обычными при встрече путешественников с новыми племенами, дружески к ним настроенными. Нам было предложено воспользоваться гостеприимством их земли и очага насколько мы пожелаем, если согласны считаться с местными обычаями и законами, которые, как сообщил нам Жнец, призывают лишь к здравому смыслу и необременительны.

Я не стал торопиться с выводом, что нам повезло, — прибрежный народ, например, считал каннибализм нормой полным здравого смысла. Но пока от этих дружески встроенных людей я не ощущал никакой угрозы или коварства. Они провели нас к краю обрыва, откуда начинала спускаться вниз, теряясь среди деревьев, вырубленная в камне лестница. Видно

было, что глубоко внизу поблескивает гладь озера да поднимается кверху дым костров, рядом с нами сбегал по камням в долину небольшой водный каскад. Нам пришлось завязать осликам глаза, потому что они, еще не почувствовав запаха воды, громкими криками выражали испуг перед крутым спуском.

Мы не прошли и дюжины ступеней, когда послышался крик Кассини. Я резко обернулся, схватившись за рукоять сабли. Тот стоял дрожа, уставившись в одну точку, словно его охватил приступ лихорадки. Кто-то поддержал его, но Кассини, казалось, ничего не замечал.

— Мое могущество… моя магия… она вернулась!

Я быстро глянул на Яноша и по его улыбке, прячущейся в бороде, понял, что Кассини не заблуждается. У племени Долины действительно были могучие воскресители, если их заклятие не только отводило глаза появляющемуся чужаку, лишало его магических сил, но и исцеляло тех, кто имел добрые намерения.

Все племя ожидало нас в деревне, состоящей из нескольких центральных строений, площадки для празднеств и разбросанных вокруг в кажущемся беспорядке хижин. Для нас украсили праздничное место, но, боюсь, мы, правда, этого не заслуживали и смущались от такого гостеприимства. Нас развели по хижинам, где туземцы предложили нам чистую одежду. Другие жители деревни раздели наших больных и уложили их в гамаки. Нам сообщили, что для их исцеления уже готовы лекарства. По всему стало ясно, что мы не первые путешественники, попадающие в Долину, и не первые, кто преодолел эту ужасную заброшенную землю.

Я и Диосе искупались в озере, переоделись и, чувствуя смертельную усталость, все же заставили себя направиться к месту празднества. Лишь немногие из нас — Диосе, Янош, сержант Мэйн и Лион — уселись за громадный круглый стол. Я ел немного, страшась, что если переусердствую, то заболею. Лион и Мэйн были больны, но наши хозяева не обращали на это внимания. Наконец, выдержав эту мучительную торжественную встречу, мы поблагодарили хозяев и побрели к хижинам. И из последующих дней пребывания здесь я запомнил совсем немного: сон, еда, купание и проверка, как заботятся о моих людях.

Но постепенно я пришел в свое нормальное состояние причем гораздо быстрее, чем предполагал поначалу и сколько раз потом в течение всей своей жизни мне приходилось вновь и вновь убеждаться в том, насколько выносливо наше тело, и каждый раз удивляться, когда кто-нибудь слишком легко расставался с жизнью. Но впервые я отметил это здесь, в Долине. Один из людей, спасенных нами от рабства, умер, а затем и другой. И несмотря на лучшие заклинания и травы, применяемые Кассини и Утренним Туманом, болезни, казалось, вцепились в наших людей и продолжали отнимать силы. Только Янош, Кассини, Диосе, сержант Мэйн и я выстояли, да еще Лион отказывался признавать, что болен.

Восстановив силы, я принялся изучать племя Долины. Его численность была порядка двух сотен. Жизнь человека здесь была долгой и размеренной. Новая кровь примешивалась к племени редко, от какого-нибудь отбившегося путника или торговца, решившего расстаться с прежним миром. Доброжелательные от природы туземцы вместе с тем с большим интересом слушали наши рассказы о других землях и народах. Питались они в основном зерном, которое высевали дальше по долине, где лес был реже. При помощи длинных каналов они отводили воды от ручейков и речушек для орошения этих полей. Охотились они в очень ограниченных пределах, относясь к зверям как заботливый пастух, отбирающий баранов так, чтобы не пострадала вся отара. Некогда они разводили коз, но примерно поколение назад те вымерли. О коровах и лошадях у них сохранились лишь смутные воспоминания из далекого прошлого, и похоже, они немного побаивались наших осликов, которые, кстати, мгновенно восстановили силы после перенесенных тягот путешествия.

Племя пришло в эту долину много лет назад. В своей родной земле они были обречены на гибель, оказавшись между двумя воинственными народами. Но у них был великий кудесник, как рассказал мне Утренний Туман.

— Великого могущества, невероятного. Более могущественный, чем ваш шаман… Он

явился из Далеких Королевств. Вы слыхали о них?

Я едва сдержал волнение. Я подозвал Диосе и Яноша, чтобы с их помощью как можно лучше расспросить шамана Утренний Туман.

Он повторил, что кудесник действительно пришел из Далеких Королевств и являлся по-настоящему великим и благородным человеком, который оставил свой мир из золота и шелка, чтобы помочь более слабым людям, Случилось так, что в их племени он появился в самый нужный момент, сразу после начала войны соседей. И вызвался отвести их на запад, подальше от грядущих разрушений и смертей. Янош спросил, не знает ли Утренний Туман, как далеко отсюда до Далеких Королевств. Тот не знал. Также не знал он и как долго шло их племя под предводительством того воскресителя, пока не достигло Долины.

— Предание гласит, что это было долгое и опасное путешествие. — Он пожал плечами. — Но разве ночью у костра кто-нибудь рассказывает о коротком и неопасном путешествии?

Я задал вопрос, который, может быть, был не совсем уместен: не было ли среди тех искателей приключений и торговцев, которые оставались в племени, выходцев из Далеких Королевств? Нет, сказал Утренний Туман. Да и вообще, сколько он себя помнит, с востока еще никто не приходил.

— А что, — поинтересовалась Диосе, — гласят ваши легенды о Далеких Королевствах? Кто там обитает? Люди или боги? Добрые они или злые?

И остаток дня мы провели, слушая легенды племени из уст Утреннего Тумана, а вечером и от старейшин племени. Собственно, ничего нового мы не услыхали о землях немыслимого волшебства и сказочных богатств. Но в одном сходились все легенды — безусловно, в Далеких Королевствах царила доброта. Иначе чем объяснить благие деяния великого воскресителя, явившегося племени? Еще мы выяснили кое-что о тех краях, которые миновали и где Кассини лишился магической силы. Эти земли вокруг Долины, Спорные, как их тут называли, были частью той территории, из-за которой вели многолетнюю опустошительную войну те народы, которые и вынудили это племя в свое время бежать.

Что же касается наблюдателей, то здесь о них ничего не слыхали и ни разу не видели. Туземцы даже испугались, когда мы описали этих призрачных часовых.

— Итак, после того как мы выйдем отсюда, идти, вновь придется среди полной неясности, — пробормотал Янош.

— А вам и нет необходимости уходить, — сказал нам Утренний Туман. — В нашем племени полно юных девушек, которым так не хватает дружков. К тому же они так хороши и умелы, и этот дар оставил им наш великий воскреситель, что ни один пожелавший по своей воле остаться с нами мужчина никогда не пожалел о своем решении.

И это было похоже на правду, поскольку все наши люди быстро обзавелись подружками, быстро восстановили силы, хотя поначалу были способны лишь на то, чтобы сделать глоток воды да утереть пот со лба. Что же касается секса, то в этом племени нравы были довольно простые — местные женщины частенько меняли партнеров, иногда даже вдвоем навещая какого-либо красивого или очень сильного мужчину. Даже Диосе пару раз предложили, если пользоваться их выражением, «прогуляться при луне». Диосе изобразила возмущение, но я понял, что на самом деле она была польщена. Даже Кассини раз или два был замечен в том, как ускользал в укромный уголок с какой-нибудь девушкой, и это, несмотря на мое предубеждение, доказывало, что все-таки и среди воскресителей Ориссы были нормальные люди.

Особенно впечатляло поведение Яноша. Он походил на самца-оленя в пору гона. К лачуге, где он спал, а вернее, спать ему удавалось мало, непрерывным потоком шли по одной, а то и по две молодые женщины.

Что же касается меня, то мне была нужна только Диосе. Она же, неизменно страстная, была неистощима изобретательна в любви, порой становилась стыдливой и скромной, порой развязной. Скоро я даже почувствовал настоящий избыток сил и стал совершать дальние прогулки, а потом и забеги длиной в лигу по берегу реки каждый день. Затем я принялся

бегом осваивать их каменную лестницу во внешний мир. Даже теперь я чувствую, какое это было странное время. Когда я поднимался наверх, то чувствовал себя как под гигантским куполом, если можно себе представить столь грандиозный стеклянный купол. Выше и вне его, где заканчивалось всегда ясное, голубое, прозрачное небо, казалось, бушевала бесконечная буря, яростная буря, в которую нам предстояло все же вернуться.

Однажды я уговорил Кассини подняться со мной, прихватив карту наблюдателей, и попытаться оживить ее заклинанием. И карта чудесно отозвалась. Вновь мы видели Кулак Богов, и теперь между этими горами и Долиной, где мы сейчас находились, появилось несколько новых загадочных отметин.

Во мне росло нетерпеливое желание двигаться дальше. К тому же у моей озабоченности были и реальные причины — приближалась осень. Если карта говорила правду, если мое видение в Ориссе не лгало, то на пути в Далекие Королевства должны были вскоре подняться горные цепи. А нам в нашем затянувшемся путешествии уже по горло хватало приключений, чтобы еще добавлять к ним снег и лед в горах, камнепады и бураны.

Но люди восстанавливали силы медленно. А мне совершенно не хотелось здесь зимовать, пусть жители Долины и оказывали нам огромное гостеприимство. И наконец я принял решение. Отряд разделяется. Здесь я оставил больных и ослабленных во главе с сержантом Мэйном. Трое самых выносливых идут дальше.

Я рвался вперед, стремясь по возможности быстрее добраться до Кулака Богов. Мы разведаем путь через перевал, узнаем, далеко ли оттуда до Далеких Королевств, и вернемся в Долину. И если к тому времени все будут готовы, а мы не встретим на своем пути препятствий, то все вместе отправимся уже изведанной тропой через перевал. Если это не удастся, то мы перезимуем здесь, среди друзей. Из бесед с опытными солдатами я знал, что маленькому отряду легче, быстрее и безопаснее продвигаться. Правда из этих же бесед я выяснил, что если на стороне врага элемент неожиданности, то маленький отряд становится уязвимее.

Кроме того, я был решительно настроен оставить здесь и Диосе. Теперь, много лет спустя, я вижу, каким дураком тогда был — ведь она уже доказала свою стойкость и выносливость за время пребывания в плену и за время похода по заброшенным землям. Но… но ведь если бы она погибла из-за моей безрассудной решимости отправиться в дальнейший путь с небольшим отрядом, я бы никогда себе этого не простил. Когда я сообщил ей о своем решении, она разгневалась. Интересно, сказала она, как бы ты чувствовал себя на моем месте, если бы тебя насильно похитили или хуже того? Что ей тогда сказать моему отцу по возвращении в Ориссу? Как отнесется к ней отец, когда узнает, что она, дочь правительницы Салси, позволила погибнуть своему любимому, отпустив его одного в неведомые земли? Из чего я понял, что мы, оказывается, оба настроены вместе вернуться в Ориссу, не расставаясь. И я решил, что поступлю правильно, если прерву ее обличительную речь и предложу выйти за меня замуж. Она чуть не ударила меня. И закричала, чтобы я убирался вон из хижины. И чтобы ночевал где-нибудь еще и с кем пожелаю. Что же касается брака… то с таким похотливым и рыжим Амальриком Антеро — только в загробной жизни. Основная часть жителей деревни с удовольствием слушала наш спор, и на улице меня встретило насмешливое сочувствие и еле сдерживаемые улыбки. Я нашел небольшую пустующую хижину и, размышляя одновременно о женской загадочности, продолжал планировать поход.

Впрочем, ничего из сказанного ею не изменило моих намерений: идти должны были Янош, Кассини и я. Хотя, с другой стороны, я не мог понять, насколько нам нужен воскреситель. Может быть, он и стремится в Далекие Королевства не меньше моего, или только однажды у него был такой припадок? Но вряд ли отряд из трех человек не вызовет у него мысли о самоубийственности затеи. Кроме того, еще в той части пути, где он мог помыкать солдатами, он уже проявил себя как скверный товарищ, а теперь ведь ему все придется нести на себе самому, и наконец, этот человек был явно не боец, должен я был признаться себе, и толку от него в схватке было бы меньше, чем от последнего из солдат Мэйна.

Итак, остаемся, значит, только мы с Яношем. Но за эти последние несколько дней, что я обдумывал свой план, мне почти не удавалось встретиться с моим другом. Он был очень занят своими туземками, а может быть, как я догадывался, и чем-то еще. Ведь не случайны же были его таинственные приготовления в Ликантии. И тогда я отправился в его жилище. Изнутри слышалось какое-то бормотанье и стоны. Я подождал, пока воцарится тишина, и только тогда постучал в дверной косяк.

— Кто?

— Амальрик. В некотором смысле твой начальник.

— Входи, дружище.

Не зная, что и ожидать, я вошел. Я и представить не мог, что делается внутри. Большая комната была заполнена дымом от благовоний. Мебель всю выставили наружу. Со стен свисали три пергаментных свитка с символами, значения которых я не знал. Пол был посыпан белым песком. Красным песком на белом была изображена пентаграмма, находящаяся внутри треугольника, который, в свою очередь, был обведен окружностью. В комнате находилось семь человек. Шестеро женщин и Янош. Янош был одет в тонкий красный халат. На пятерых женщинах были лишь красные набедренные повязки, больше ничего. Каждая из них стояла на коленях по углам пентаграммы. И они удерживали, судя по всему не насильно, шестую женщину, лежащую внутри изображения, ухватив ее за руки, ноги и волосы. Та была полностью обнажена. Ни одна из них не обратила на меня ни малейшего внимания. Ясно было, почему меня не замечает и шестая, — она возвращалась из того далекого места, куда мы уходим в оргазме, и песок вокруг ее бедер был изрыт и влажен. А остальные застыли как в трансе.

— Закончили, друзья мои, — мягко сказал Янош, и женщины обрели нормальные выражения лиц. Они помогли шестой сесть, и кто-то поднес ей вина. Они все узнали и поприветствовали меня. Никто из них, казалось, не считал всю эту обстановку необычной.

Янош провел меня в соседнюю комнату.

— Боюсь, что последствия этих развлечений будут нас только отвлекать, — лукаво сказал он. — Так что тебя привело сюда? — поинтересовался он. — Я-то полагал, что в этот час вы с Диосе должны быть уже в стране блаженства.

Я не стал ему рассказывать, что Диосе и я временно забыли о существовании друг друга. А рассказал я ему о своем решении. Он поднял руку и коснулся фигурки танцовщицы, висевшей на его обнаженной груди.

— Занятно, — задумчиво произнес он. — Небольшой отряд, проводящий разведку местности. А знаешь, Амальрик, иногда я думаю, что из тебя получился бы скорее одаренный разведчик, нежели удачливый купец.

Я поблагодарил его и сообщил, что хотел бы выступать через день или два, как только заготовим провизию и подготовим оружие.

— А, — сказал он так, словно совсем потерял интерес к нашему походу и занимали его теперь только те упражнения, которые он проводил в соседней комнате. — Да. Надо бы двигаться. Но час и день нашего выступления надо тщательно обдумать. Возможно, — сказал он как-то неопределенно, — есть смысл заставить нашего воскресителя вычислить самый подходящий для этого день. А может быть, было бы благоразумнее подождать, пока все наши люди поправятся. Подумай об этом, Амальрик. Конечно, мы-то не больны, но где гарантия, что не заболеем? Не хотел бы я выбраться отсюда и тут же пасть жертвою какого-нибудь преследующего нас там недуга. И полагаю, что из моих подружек в соседней комнате сиделки получше, чем из тебя.

Я уже собрался сказать что-то резкое, но сдержался.

— Понятно. — Я поднялся. — Похоже, я застал тебя не вовремя. Значит, поговорим попозже. Завтра.

Стараясь не раздражаться, я удалился.

Если бы я и дальше оставался один на один со своими мыслями, то, вероятно, дал бы волю злости, но меня в моей хижине отшельника поджидала Диосе. И уже не важны были

слова, и можно было не скрывать слез. Ссоры любимых и примирения важны только для них самих, и им совершенно наплевать, насколько они сентиментально или смешно выглядят.

Янош поджидал меня на рассвете, когда я вышел совершать утренний туалет. Он без конца извинялся. Он сказал, что понятия не имел, что такое на него нашло, и может быть, я, вспомнив о его подружках, смогу простить его. Ну разумеется, мы проведем разведывательную вылазку. План просто блестящий. Ведь, совершив путешествие хотя бы на несколько дней до Кулака Богов, мы наконец-то сможем приблизиться к осуществлению мечты всей жизни. По крайней мере, он так надеялся. И мы можем выступить прямо сегодня, если я желаю. Если, разумеется, я не буду возражать против компании такого дурака и лентяя, как Янош. Я рассмеялся. Ведь и сам я не раз отталкивал какую-нибудь великолепную идею, если она появлялась в неподходящий момент.

Я уже ощущал Далекие Королевства, я вдыхал их аромат и чувствовал, как их богатства текут ко мне в руки.

Два дня спустя, прихватив с собой немного продовольствия, Янош Серый Плащ и я двинулись к Кулаку Богов.

Глава двенадцатая
КУЛАК БОГОВ

Как ни хотелось верить моему другу, но наш поход занял времени больше, чем мы рассчитывали. Янош смеялся и говорил, что это ценный урок мне, если я собираюсь быть хорошим командиром солдат. Ни в коем случае не сообщай, что предстоит пройти более пяти лиг, иначе неизбежно падает боевой дух. Пять лиг, потом еще пять и еще, и ты завоюешь весь мир.

Шли мы быстро, гораздо быстрее, чем в самом начале, когда покидали Перечное побережье. Но двигались мы совсем не по прямой, обходя высокие холмы и глубокие ложбины, внимательно осматривая местность на предмет опасности. Ночные стоянки мы устраивали на всякий случай без костров — лишь днем мы позволяли себе разогревать пищу на сухих и быстро горящих ветках, ужин же и завтрак съедали холодным. Кроме того, наше путешествие замедлялось моим настойчивым желанием весь маршрут заносить на карту с описанием достопримечательностей. Яношу достаточно было самого по себе открытия Далеких Королевств. Я же должен был помнить о том, как в будущем стану показывать моим торговцам, как проходить этот маршрут.

Округлые холмы сменились более крутыми, но настоящие горы были еще настолько далеки, что казалось, до них никогда не дойти. Кассини нехотя обучил Яноша заклинанию, с помощью которого оживлялась карта наблюдателей. Карта ясно указывала, что мы идем совершенно правильно и что впереди действительно расположен Кулак Богов.

На третий день пути я почувствовал, что кто-то наблюдает за мной. И тут я понял, что это ощущение не покидало меня с тех самых пор, как нас покинули прибрежники — и даже заклинание Кассини на реке не позволяло мне избавиться от него. Только в Долине я чувствовал себя свободным от наблюдения. Но мне казалось, эти мысли недостойны внимания. И вдруг Янош заговорил о том же самом. У него были такие же ощущения. Он даже сравнил себя с кроликом, над которым вверху завис голодный ястреб, и тут нам вспомнился образ, придуманный Кассини, — большая хищная рыба в пруду. Впрочем, Янош сказал — он вовсе не чувствует, что невидимый зритель так уж обязательно настроен недоброжелательно по отношению к нам. Впрочем, не ощущал он и благожелательности. Разве что просто интерес.

И именно в этот день мы снова увидели конных наблюдателей. Их было двое — сидящих на лошадях на вершине холма невдалеке. Мы как раз выходили из рощицы, когда увидели их. Я собирался продолжать путь, не обращая на них внимания, как мы это делали и ранее, но Янош остановил меня. Не говоря ни слова, он пригнул меня к земле, заставляя спрятаться за кустарником.

— Ты — олень, — прошептал он. — Представь себя в его шкуре.

Я решил, что он перегрелся на солнце, но постарался прислушаться к его совету, особенно не вникая в причины такого поведения.

Правда, у меня было смутное понятие о жизни оленя, я вспомнил лишь об одном, увиденном мною в лесу на тропинке, и подумал — что же его может заботить? Но мысли мои продолжали притягиваться к тем всадникам на вершине холма, и мне почему-то казалось, что они настроены против нас. Несколько минут спустя Янош похлопал меня по спине, призывая подняться. Он указал на гребень холма — наблюдатели исчезли.

— Не нравится мне это, — сказал он. — Ведь мы так и не знаем, что же на уме у этих наблюдателей. Я даже не уверен, действительно ли они появились здесь затем, чтобы выследить нас. Но вот чего я боюсь: мы ведь давно их уже не видели, а как только ожила карта, они и появились. Я почти забыл, что она принадлежит им, а ведь подобное всегда притягивает подобное, будь то в магии или в жизни. И если я правильно мыслю, то картой мы должны пользоваться по возможности реже. Нам теперь совершенно ни к чему привлекать к себе внимание.

Лично я полагал, что эта мысль запоздала и вряд ли наблюдатели случайно появились на нашем пути; но все же предостережение Яноша не помешает. И с этого момента мы стали двигаться еще осмотрительнее, по возможности избегая открытых мест. Любой водный поток старались проходить по длинной диагонали, чтобы сильнее запутать след. Старательно избегали тропинок, кажущихся самыми удобными.

На пути у нас возникли развалины. Сначала округлый каменный форт. Он был заброшен, потому что его словно разнесло в свое время ураганом — огромные деревянные ворота, сорванные с петель, лежали на расстоянии многих футов от входа. Однако все деревянные элементы строения — потолочные балки или подпирающие сваи — были обуглены. Очевидно, форт все же был предан огню завоевателями. Теперь я понял, почему Янош отстаивал важность присутствия Кассини — сейчас мне очень хотелось бы узнать, одолели ли солдат, удерживавших форт, в обычном бою или магией? Однако, судя по тому, что на этом месте сражения, которое, очевидно, имело место много лет назад, не проросло ни травинки, ни кустика, не обошлось здесь без колдуна. По размерам дверей и ступеней можно было заключить, что строение принадлежало людям нормального роста, отнюдь не гигантам. Мы не воспользовались развалинами как приютом, а поскорее пошли дальше.

Должно быть, форт был пограничным сооружением, поскольку дальше развалины стали попадаться все чаще. Я спросил у Яноша, как давно, по его мнению, прошла война по этим холмам. Он сказал, что, во всяком случае, кажется, это было еще до его рождения. За околицей одной из сожженных деревень мы услыхали лай и увидели, как стая собак преследует полосатую антилопу. Собаки были разных пород, и, значит, одичавшими, а не дикими по-настоящему. Сельские жители, подобные некогда жившим здесь, просто так собак не бросают. А оказавшись внутри одной из лачуг, я нашел маленького, вырезанного из дерева коня. Ребенок тоже не бросит игрушку, если только она не сломана. Или если ребенка не увели насильно. И я представил, как в деревушку пришли солдаты, забрали все ценное и угнали людей в плен. И никто не успел сбежать, подобно нашим друзьям из Долины. Спорные земли, если мы еще находились в них, оправдывали свое название.

На ночлег мы расположились недалеко от этой деревни, а разбудил нас стук лошадиных подков. Мы еще плотнее прижались к земле, надеясь, что нас не заметят. Судя по звукам, всадников было много — Янош три раза сжал и разжал пальцы на одной ладони. Мне казалось, что я вижу высокие плюмажи на шлемах в предрассветном сумраке не далее как в броске копья от нас, но возможно, заблуждался. Наутро, когда мы с предосторожностями провели разведку, никаких следов от копыт там, где проезжали всадники, не оказалось.

— Итак, наблюдатели разъезжают уже группами, — сказал Янош. — Мы недалеко от цели.

Спустя — час или чуть более мы вошли в густой лес с ветвями, далеко вверх

уносящими свои кроны. Солнце скрылось за их стеной, и направление приходилось определять по компасу. Ночь застала нас посреди этой чащобы. Спали мы беспокойно. И не только из-за странных звуков, которые издавали неведомые звери, охотившиеся или на которых охотились, но и потому, что я впервые попал в настоящие душные джунгли. Однажды я услыхал, как над головой пролетела, хлопая громадными крыльями, какая-то птица. Утром мы торопливо поели и поспешили дальше, пробираясь сквозь переплетения лиан и густой кустарник.

И тут лес совершенно внезапно и резко закончился. Мы стояли на краю громадной равнины, изрезанной оврагами и выгоревшей до коричневого цвета. Весною же здесь, должно быть, все было пестро и благоухало.

Вдали виднелась зелень других лесов и серебро рек. А еще дальше вставали горы. В гряде самыми высокими были четыре пика, а пятый был несколько в стороне, как большой палец. Вот он, столь долго ожидаемый нами Кулак Богов, еще не покрытый снегом. Мы оказались ближе к горам, чем в моем видении, поэтому я мог различать все особенности рельефа черных вулканических скал. Итак, мы достигли священного места. Кулак Богов, а за ним лежали Далекие Королевства.

Я повернулся к Яношу, а он посмотрел на меня. И в следующие несколько минут мы вели себя как ненормальные: потрясенные, вытирающие глаза, мы бормотали что-то бессвязное, не слыша друг друга. А потом вдруг замолчали.

— Мы дошли, — сказал я спустя минуту. — Да.

— Ты верил, что мы дойдем?

Теперь мы уже старались не смотреть в глаза друг другу — слишком много магии, опасностей и разочарований таило в себе это открытие для нас обоих, и потому мы погрузились каждый в себя.

А затем нервы не выдержали, и мы заскакали как сумасшедшие. Но постепенно пришли в себя.

— Проклятье! — выругался я. — Ну почему в моем мешке не нашлось места для фляги вина, чтобы мы могли отметить такое событие!

— А мы и не нуждаемся в этом, Амальрик, — сказал Янош. — Я думаю, вода вон в той речке на вкус благороднее любого вина. Там мы и передохнем. По-моему, до перевала осталось не более трех или четырех дней пути.

— Ну хорошо, три дня вверх по горам, возможно — пробормотал я, — затем через перевал и…

— … и перед нами откроются Далекие Королевства — закончил Янош.

Мы взвалили на плечи поклажу и двинулись к реке. Это расстояние я пролетел как на крыльях. Я уже не обращал внимания на колючие кусты, цеплявшиеся за ноги, на разбитые башмаки и дырявые подметки. Мы сделали это. Мы дошли туда, куда не доходил ни один ориссианин или ликантианин. И в этот момент я понял, что мы входим в историю и даже ее изменяем. Как только мы на той стороне перевала увидим Далекие Королевства и вернемся назад целыми и невредимыми, в чем я был совершенно уверен, — все будет совсем по-другому.

Я заметил в отдалении пару наблюдателей, в стороне от нашего маршрута, но не стал придавать им большого значения.

Мы находились еще недалеко от опушки, возле реки, когда зазвучала труба. Из зарослей, что находились от нас на расстоянии в несколько бросков копья, появились три всадника. Затем к ним присоединились еще двадцать. Это были не наблюдатели — мы слышали, как они перекликались — так перекликаются ориссианские охотники, когда кабан выскакивает из своего логова, а они, подняв копья, устремляются вслед за ним. Да и одеты они были не в безукоризненно блестящие доспехи наблюдателей, а в простые, кожаные, укрепленные стальными полосами куртки. Эти люди, немедленно привстав в стременах, натянули тетивы луков. Три стрелы ударились в землю в каком-то ярде от нас, мы повернулись и бросились бежать. Был единственный путь назад, в бурелом, и еще никогда в

жизни я не был так рад видеть этот бамбук, переплетения лиан и густые заросли кустов.

Теперь я уже не нуждался в подсказках Яноша, кем представлять себя, поскольку чувствовал себя одновременно и зайцем, и белкой, и ежом, и барсуком, за которыми гонятся собаки и охотники. Терновые шипастые ветки цеплялись за нашу одежду, пытались задержать, как в ночном кошмаре, а позади уже слышно было, как, ломая кусты, в лес с криком ворвались всадники. Но теперь они должны были отстать. Верхом в этих зарослях проехать невозможно. Можно было или преследовать нас пешими, или объехать вокруг леса и залечь там в засаду. Нас пока устраивали оба варианта — в этом буреломе мы могли скрываться годами, если только сюда не придет целая армия прочесывания. И теперь все эти заросли были так же моему сердцу, как моя спальня в дни завывания зимней вьюги.

Дух мой воспарил. Мы все-таки видели Кулак Богов, знаем путь к нему. Все, что теперь от нас требовалось, это оторваться от наших преследователей, вернуться в Долину, а затем, соблюдая величайшие предосторожности, повторить этот маршрут. Наши люди наверняка уже восстановили силы, а сержант Мэйн с его солдатами в состоянии противостоять такому отряду, от которого мы только что улизнули.

Ничто уже нас не остановит. И еще до зимы мы сможем добраться до Далеких Королевств.

Так мне хотелось думать. Когда же мы вернулись в Долину, то обнаружили, что нас ждут только Диосе и сержант Мэйн. Остальные нас покинули.

Мы с Яношем пересекли лес и холмистый край без особых происшествий. Правда, попадались конные разъезды, разыскивающие, по-видимому, нас, патрули, состоящие из настоящих солдат, не призраков. И весьма искусных в своем деле, как заметил Янош. Но, ловко пользуясь умением скрываться в лесу и среди камней, мы легко ускользали, от них. Видимо, предположил Янош, разыскивался более многочисленный отряд, нас же приняли или за отставших, или за разведчиков. Мы удерживались от пользования картой наблюдателей, удовлетворясь тщательно нарисованной мной копией, по поводу которой Янош в свое время брюзжал, что это, дескать, пустая трата времени.

Но, оказавшись в безопасности в Долине, я ощутил, как мир шатается под моими ногами, увидев, что натворил этот ублюдок воскреситель. И пока я предавался гневу, никто ничего не говорил. Янош с помрачневшим лицом ушел к озеру.

Когда я наконец совладал с собой, я попросил подробно рассказать, что же случилось. Через два дня после того как мы с Яношем ушли, сержант Мэйн свалился в приступе болезни. И в этом Кассини, должно быть, усмотрел свой шанс. Той же ночью из его хижины поднимались странные дымы, а внутри мелькали причудливые тени.

На следующий день он с прискорбием объявил, что беда настигла меня и Яноша. Мы попали в руки врагов. Он даже не был уверен, живы ли мы еще.

Я проклял Кассини всеми самыми грозными проклятиями, которые только мог придумать. Затем я сказал:

— Каково же тебе было, Диосе? Как ужасно, что он заставил тебя горевать.

Диосе покачала головой:

— А я и не горевала, Амальрик. Я знала, что ты жив и здоров.

— Откуда?

— Поверь мне, когда… я бы знала, даже если бы ты прошел тот перевал… я бы знала.

Больше я не стал ее расспрашивать на эту тему.

— И что же было после того, как Кассини объявил эту ложь?

Диосе, по ее словам, стала горячо возражать Кассини и даже попросила Утренний Туман погадать в подтверждение своих ощущений. И Утренний Туман не обнаружил ничего, что указывало бы на угрозу нашим жизням. Правда, ничего не подтверждало и то, что у нас все в порядке. Тогда Кассини сказал, что отряд должен немедленно возвращаться назад к Перечному побережью и затем в Ориссу.

В этот момент рассказа я подумал, что сержант Мэйн, уже вставший с постели, разразится слезами.

— Ведь я их обучал, — сказал он мрачно. — Я-то думал, что знаю этих мерзавцев. Я думал… я думал, они останутся непреклонными.

Они таковыми не остались, особенно после того, как Кассини объявил, что его заклинание показало — за нами остался след, по которому наши неведомые враги выследят всех до Долины. И не важно, что вожди племени Долины заверили, что ничего страшного в ней случиться не может. Началась паника. В течение дня они собрались, погрузили пожитки на осликов, поднялись по каменной лестнице и вышли из Долины, направляясь на запад.

— Я прокляла их, — сказала Диосе. — Но ведь я не воскреситель. Я просила и Надежду проклясть их, но та сказала, что среди них такое не принято. Иначе это погубит великое заклинание и все племя останется незащищенным.

— Чтоб эти ублюдки сдохли в пустыне, — проворчал Мэйн. — Или пусть их сожрут те чудовища из ям.

— Нет, — сказал подошедший Янош. Он уже полностью владел собой. — Нет, этого не случится. У меня предчувствие. Тот, кто сбежал от Далеких Королевств, может ничего особенного не страшиться, разве что обычного коварства этих земель. И что-то подсказывает мне, что Кассини нормально доберется до Ориссы.

— Ну так мы там с ним разберемся, — мрачно сказал я.

— Если сможем. Но все это мелочи, — сказал Янош, и увидел, как светятся его глаза — ну в точности как в первый раз, когда он поведал мне о своей грандиозной мечте Я понял, что он имеет в виду. Мы потерпели неудачу и надо было в этом признаться. Но ведь это была первая попытка. Будут и другие, и не одна, если потребуется. Я протянул руку, и Янош крепко пожал ее.

— Мы все равно вернемся, да помогут нам боги, — и Далекие Королевства станут нашими, — сказал я.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВТОРОЕ

Глава тринадцатая
ГЕРОИ И ЛЖЕЦЫ

Два месяца спустя под крепким бризом, дующим нам в корму, мы утром стремительно вошли в главную гавань Ориссы. Как ни странно, вокруг не было ни души, чтобы полюбоваться, как искусно Л'юр швартует «Киттивэйк-2» к причалу. Оглядев пристань в поисках знакомых лиц, я никого не увидел. На нас таращилась лишь парочка бездомных, да старый рыбак на секунду оторвался от починки старой сети.

— Ну, вижу, ты лишь слегка преувеличивал великолепие Ориссы, любовь моя Амальрик, — лукаво сказала Диосе. Гавань, забитая судами, широкие улицы, столпотворение рынка. Оглядев пустую пристань, она обратилась к Яношу: — Скажи мне, Янош, здесь всегда так людно или нам просто посчастливилось прибыть в такой день?

Янош покачал головой, столь же озадаченный, как и я.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Обычно здесь из-за гомона невозможно услыхать стоящего рядом.

Диосе рассмеялась.

— Так-то ты вскружил голову бедной хорошенькой девушке из варварского племени. — Она передразнила меня: — Да, моя дорогая, в моей стране я великий человек. Богатый человек. С прекрасной виллой и множеством слуг. И если ты задержишься в моей палатке на минутку-другую…

Она ущипнула меня, увидев, как я нахмурился.

— Ну, ну. Даже если бы ты был бедняком, я любила бы тебя точно так же.

— Поверь мне, Диосе, — воскликнул Янош, — наш друг в самом деле не бедняк. Поверь мне на слово.

— Да я верю, Янош, верю, — сказала Диосе. — Но только в будущем избавьте меня от описаний, — она взмахнула рукой, обводя пустые причалы, — процветающего и многолюдного порта.

Я соскочил на причал и подошел к старому рыбаку.

— Дедушка, где же все? — спросил я.

Продолжая вязать кривыми пальцами узлы на сети, он слезящимися глазами осмотрел меня, мой костюм, моих товарищей.

— Если ты рассчитывал сегодня разгрузиться, то тебе не повезло, — сказал он, кивая на «Киттивэйк-2». — Впрочем, тебе с этим не повезло бы и вчера, и позавчера, да и еще раньше. — Он покачал головой. Он явно наслаждался нашим недоумением. — И поверь мне, завтра будет то же самое. Хотя, может быть, потом все наладится. Правда, перед тобой куча народу стоит в очередь. Куча народу.

— У нас все будет хорошо, дедушка, — сказал я. — Хоть я тебе и благодарен за предупреждение. Но я только хотел узнать, что же все-таки произошло? И куда все подевались?

— Ты похож на ориссианина, — сказал старик, — и значит, долго отсутствовал, коли ничего не знаешь. — Он задержал свой взгляд на Диосе. — А вот она не ориссианка, — сказал он. Но тут же быстро отвел подозрительный взгляд, видя, что ей это неприятно, да и к тому же перед ним маячила монета, которую я ему протягивал. Быстро спрятав деньги, он проверил прочность узла.

— Спасибо, — сказал он. — Как раз меня одолела великая жажда. Ну а теперь отвечу на твой вопрос, юный господин. И вот мой ответ. Большие дела творятся. Уже четыре или даже пять дней творятся большие торжества. И у большинства людей голова болит от праздников. У меня не болит только потому, что я поиздержался. С моим кошельком не разгуляешься.

— И что же тут такое грандиозное отмечают, дружище? — спросил Янош.

— Да вы, парни, видать, заколдованными были все это время, — сказал старик, — коли не знаете, что ориссиане открыли Далекие Королевства?

Я обменялся взглядами с Яношем и Диосе.

— Это действительно потрясающая новость, — сказал я. Старик визгливо рассмеялся.

— Ты и наполовину не представляешь, насколько потрясающая, — сказал он. — Ведь теперь, выходит, мы, ориссиане, выше всех во всех делах. А ликантиане барахтаются у нас в кильватерной струе. Нет, конечно, мы на те земли еще не вступили ногой, но чертовски близки. Чертовски.

— И кто же этот герой, который почти дошел до них? — спросил я, едва сдерживаясь.

— Один молодой воскреситель, — сказал старик. — Я слышал, этот малый не больно-то многого стоил раньше. Но теперь в глазах людей здорово поднялся. А зовут его Кассини. Может, слыхали о таком?

— Да, приходилось, — только и смог я ответить.

— Так вот Кассини сейчас такой герой Ориссы, равного которому еще не было, — продолжал старик. — Вернулся он несколько месяцев назад. Власти не сразу сообщили об этом, пока он не рассказал всю историю. Да только слухи просочились раньше. Весь город так и гудел, обсуждая их. Я что хочу сказать. Мы-то думали, что Далекие Королевства — это сказка для несмышленышей, верно? А теперь выясняется, что это правда. И не за горами день, когда мы туда доберемся и пожмем руки людям из Далеких Королевств. И тогда уж нас ничем не остановишь. Да, господа, впереди Ориссу ждут дни славы. И я так рад, что дожил до этого. Так что все теперь будем купаться в золоте и наслаждениях.

Старик засмеялся, обнажая беззубые десны:

— Вот власти и решили устроить грандиозное празднество. И устроили. Воскресители с магистратом объявили пиршественную неделю. Правда, она уже заканчивается. Сегодня днем все жители города, кто сможет и кто не будет очень пьян, приглашаются в Большой амфитеатр. Кассини будет удостоен великих почестей. Ну и к тому же ему, вероятно,

поручат возглавить новую экспедицию. Да не такую маленькую, с парой солдатиков, что у него была. А с большими силами. И вот тогда уж, как я вам сказал, на нашем пути не становись. Да, господа, ориссианином быть нынче — большая честь.

В голове у меня застучала кровь.

— Давайте-ка поспешим в дом моего отца, — сказал я Яношу и Диосе. Они ни о чем не стали больше спрашивать. Когда же мы торопливо двинулись мимо старика, он окликнул нас:

— А кто же вы, молодой господин? За кого мне выпить в таверне на ваши деньги?

Я повернулся:

— Амальрик Эмили Антеро.

Старик уставился на меня, вытаращив глаза. Затем усмехнулся:

— Что ж, хорошая шутка. Только с другими не советую так шутить, молодой господин. Потому что Далекие Королевства были его открытием. Да вот только старина Амальрик уже не вернется. Он и многие его спутники попали на корм рыбам. Кассини видел, как они погибли.

Я не удивился, что Кассини объявил нас погибшими. Эту ложь он уже отрабатывал на сержанте Мэйне и на Л'юре. Да и перед возвращением в Ориссу у него было много времени для репетиций. Мучило меня только то, как же отец перенес эту черную новость. Тревога приделала крылья к нашим ногам. И всю дорогу, спеша домой, в Ориссу, я переживал из-за этого. Л'юр так же мало поверил истории Кассини, как и сержант Мэйн. Когда Кассини объявился в деревне прибрежников, капитан согласился отвезти воскресителя до Редонда, но не дальше. А сам стал ждать нас, выполняя договор, который мы заключили на Перечном побережье.

— Что-то сомнительной мне показалась история, рассказанная Кассини, — сказал Л'юр. — И я сообщил ему, что я заключил договор с молодым Антеро и капитаном Серый Плащ. Кассини это не понравилось, но поделать-то он ничего не мог. Без меня бы ему никак было не добраться до Редонда и там пересесть на быстрое судно, идущее в Ориссу.

Теперь, когда я мчался к вилле отца, вся ненависть к Кассини кипела во мне, как в котле. Ненависть усилилась: оказалось, услыхав такое, отец был на грани смерти, и моя сестра Рали, увидев меня, теперь мучительно думала, как бы отец уже от доброй вести вновь не оказался на той же грани. Она пошла подготовить его, вскоре вернулась и повела в его комнату. Я был потрясен, увидев, что он лежит в постели такой слабый, почти прозрачный. Он высох, как мумия, и на хрупких костях складками висела кожа. Но его глубоко запавшие глаза осветились жизнью и радостью, когда он увидел меня.

— Слава Тедейту, ты жив, — выдохнул он. Я, не в силах видеть столь дорогого мне человека умирающим, рухнул на колени и чуть не разрыдался. — Не плачь, Амальрик, — успокаивал меня мой старик. — Ведь еще час назад я ощущал присутствие здесь Черного искателя. И даже настроился позволить ему забрать меня; ну а теперь я ему не дамся. — Он положил на мою голову трясущуюся руку. — Ведь теперь мне привалило такое счастье.

Он велел мне подняться и сесть рядом с ним на постель. Я увидел, как краска возвращается на эти бледные щеки.

— Ну, расскажи мне о своих приключениях, сынок, — сказал он. — Нашел ли ты Далекие Королевства?

— Нет, — сказал я. — Но я видел горный хребет Кулак Богов. И видел перевал, ведущий к ним.

— Я знал, что ты дойдешь, — сказал отец. — Все годы я мечтал об этом. И, теперь знаю, что это не просто моя и твоя блажь.

Я недолго посидел с ним, вкратце пересказав историю наших приключений. Однако из всех новостей ему больше всего понравилось то, что я вернулся с будущей женой. Он стиснул мою руку.

— Не важно, что ждет впереди, Амальрик, — сказал он. — Жена дороже всех богатств. И ты умрешь счастливым человеком.

Рука его ослабла, он закрыл глаза, и на мгновение я испугался, уж не умер ли он. Но увидел улыбку на его губах и заметил слабое подрагивание бороды. Он заснул. Я вышел из комнаты к остальным.

Мою сестру охватывали сложные чувства, вмещавшие как гнев по отношению к Кассини, так и радость от нашего благополучного возвращения.

— Этот подонок все присвоил себе, — говорила она, когда я появился. — Ведь это же ты настоящий герой, Янош Серый Плащ. Ты и мой брат.

— Это как сказать, — заметил Янош. — Но по правде говоря, меня мало волнуют лавры героя. В них неудобно и колко, так что легче обойтись без них.

— Но ведь затевается следующая экспедиция, как нам сказали, — вмешался я. — И возглавлять ее должен герой. А сейчас на месте героя Кассини.

— Он лжец, — сказала Диосе. — Послать ему вызов за тот ущерб, что нанесла его ложь. И убить. У нас в Салси именно так обходятся с подобными мужчинами.

Рали рассмеялась, и так приятно было услыхать смех после всего того, что произошло.

— Она мне нравится, Амальрик. И по-моему, она слишком хороша для тебя. — Затем она обратилась к Диосе: — И у нас в Ориссе поступают примерно так же, моя дорогая Диосе. Однако Кассини воскреситель. А воскресителя на дуэль не вызовешь. Человека, сделавшего это, ждет жестокая казнь.

Диосе скривилась.

— Вот теперь я убедилась, что здесь правят мужчины, — сказала она. — Женский характер не потерпел бы существования такого закона.

Янош обрушил на стол тяжелый кулак:

— Далекие Королевства будут моими, проклятье! И больше ничьими. И даже ради убийства этого ублюдка я не собираюсь расставаться с моей мечтой.

— Ну так надо открыться, — сказал я. — А то ведь уже скоро соберутся люди чествовать его. Давай пойдем туда и покажем всем, что мы не просто живы, но живы вопреки надеждам этого лживого труса, который не только бросил нас, но и других увел за собой.

Так и сделали. Я уговорил Рали и Диосе остаться на вилле. Ведь все могло обернуться и не в нашу пользу. Я приказал седлать лошадей, и прямо в том дорожном платье, в котором мы сошли с корабля, мы верхом отправились в Большой амфитеатр. На улицах было людно. И тут я понял, что хотя старый рыбак и не поверил мне, но, должно быть, порассказал другим, что объявился некий малый, утверждающий, что именно он Амальрик Антеро. Встречные поднимали взгляды на проезжающих верховых, и кое-кто узнавал нас.

— Разве это не Серый Плащ? — слышал я, как спрашивали люди. — А рядом с ним разве не сам господин Антеро? Значит, правда. Они живы!

Кто-то окликнул:

— Куда вы направляетесь, капитан Серый Плащ?

— Изобличать великого лжеца, — отозвался Янош. Эти слова и новость о том, что наше возвращение — это не ложь, распространились мгновенно, и вскоре позади нас собралась громадная толпа, поздравляющая нас и проклинающая Кассини. Когда мы добрались до Большого амфитеатра, у нас на пути встала многочисленная охрана, встревоженная криками толпы. Командир стражников, подняв копье, крикнул, чтобы мы остановились.

— Объявлено, что сегодня вход свободный! Я гражданин Ориссы! — заорал я в ответ. Но я мог бы и не протестовать.

Узнав Яноша, командир изумленно опустил копье.

— Клянусь Тедейтом, это же капитан Серый Плащ! — воскликнул он. — Жив, как в тот день, когда мамаша родила его! — Он широким шагом подошел к Яношу. — Я же говорил, что никакому воскресителю такие подвиги не по плечу. — Он повернулся к солдатам. — Разве же я так не говорил, парни? Разве я не утверждал, что такое может проделать только воин?

Солдаты весело загомонили. Командир стражников похлопал Яноша по ноге.

— Добро пожаловать, приятель. Далекие Королевства принадлежат нам. Воинам и гражданам, а не каким-то там воскресителям.

Мы спешились, отдали поводья стражнику и вошли в ворота. За нами ввалилась толпа наших сторонников.

Это был не самый удачный день в жизни Кассини. Я представлял это, входя. Все места в Большом амфитеатре были заняты. Стояла духота и гомон многих тысяч, собравшихся приветствовать самозванца. Но вряд ли Кассини почувствует эту духоту. Ведь он должен быть поглощен церемонией чествования, да и не одну ночь, наверное, провел, составляя приветственную речь. Ведь это была кульминация, самая триумфальная точка его жизни — жизни, которая, как он недавно боялся, не будет никем оценена. И он уже наверняка нетерпеливо ждал того торжества, которое ему устроят. И он возглавит новую экспедицию к вратам Далеких Королевств и вернется с еще большей славой. Да, вскоре Кассини узнает, каково быть калифом на час. Тут появляемся мы, и час истекает.

Когда мы вошли, воскреситель Дженидер, этот старый мошенник, раздувался от гордости, представляя своего протеже. Он стоял на широкой сцене амфитеатра, и его голос многократно усиливался, а облик возвеличивался особым заклинанием, которое было сотворено ста двенадцатью воскресителями в тот день, когда закладывали первый камень здания. Вокруг него толпились руководители всех высших сословий Ориссы. Два почетных кресла занимали старейшина Совета воскресителей Гэмелен и глава магистрата Сишон. В центре, на троне героя, с гирляндой цветов на шее восседал Кассини.

Дженидер застыл на полуслове, когда ворвалась, выкрикивая наши имена, проследовавшая за нами толпа. Все головы в амфитеатре повернулись в нашу сторону. И тут началось полное безумие. Слышались вопли, визги и даже шум потасовок. Я услыхал, как принялись скандировать мое имя. Но громче звучало: «Янош! Янош! Янош!»

На своем троне оцепенел Кассини, лицо которого побледнело от страха. Он замер, не зная, что делать в своем унижении, зато стоящие вокруг него люди быстро сообразили. Одни попросту торопились исчезнуть со сцены, другие принялись поносить Кассини, хотя из-за шума толпы я не мог расслышать, как именно. Гэмелен первым из воскресителей пришел в себя. Он торопливо подбежал к Дженидеру и Кассини и простер над ними руки, затем поднял ладони к небесам и сотворил заклинание. Полыхнуло пламя, потянуло дымком, и те исчезли.

Затем тысячи рук подняли нас с Яношем и, передавая друг другу, донесли до сцены. Я первым оказался на ногах. И тут же рядом появился Янош. Он огляделся, слегка ошеломленный, как всякий человек, внезапно оказавшийся в центре всеобщего внимания. Я подтолкнул его вперед, указывая магическую точку, где образ его фигуры увеличивался до гигантского. По внезапно наступившей в толпе тишине я понял, что поступил правильно.

— Жители Ориссы! — сказал я, встав рядом с другом. Слова вырывались из меня так громко, что меня даже покачивало. — Вы все знаете меня, ведь я один из вас.

Толпа стала скандировать:

— Амальрик! Амальрик! Амальрик!

Я поднял руку, и стало тихо.

— Хотя вы, может быть, и не все знаете Яноша, но, думаю, все слышали о моем друге.

Последовал новый взрыв восторженных криков. Я шепнул:

— Говори. Они хотят слышать тебя.

У Яноша засверкали глаза:

— Что я должен сказать?

— Расскажи им просто правду.

Чем-чем, а отсутствием актерского дарования Янош не страдал. Он вдруг подтянулся, и с него слетел весь страх и смущение. И уверенно шагнул вперед, словно родился на сцене.

— Жители Ориссы, я принес вам весть о Далеких Королевствах…

Речь, которую он произнес в этот день, расхваливали еще много недель. Не важно, что

иногда он сбивался и повторялся. Ведь у Ориссы еще никогда не было такого героя, как Янош Серый Плащ. Перед ними стоял человек хоть и благородного, но экзотического происхождения. К тому же это был воин, солдат, испытавший все тяготы солдатской службы. К тому же, по слухам, был он и в рабах, так что не понаслышке был знаком и с тяжким трудом, которым приходилось заниматься простому народу, большинству из здесь присутствующих. К тому же он выставил дураком и лжецом одного из воскресителей, а разве не правда, что хоть магов и уважают, но не любят? Ну и самое главное, он принес ориссианам чувство гордости за весь человеческий род. Обычный человек сделал то, что еще несколько месяцев назад считалось просто невозможным. И теперь собирается пройти еще дальше и ступить ногой на те волшебные земли, которые так много обещают каждому сердцу.

Что касается меня, то и мне было оказано немало почестей, устроено много банкетов в мою честь и моей дружбы добивалось множество людей. Что из ложной скромности кривить душой: я тоже был героем. В конце концов, это же было моим открытием, по моей инициативе все и началось, и я прошел там, где прошел Янош, и я страдал так же, как и Янош. Но как ни был я настроен мгновенно собрать новую экспедицию и двинуться обратно по пройденному пути, все же, оказавшись дома, я немного успокоился по поводу Далеких Королевств. Принимая во внимание болезнь отца и нераспорядительность моих братьев, приходилось считаться с тем, что будущность семейства Антеро во многом зависит от меня. Братья мои и не думали спорить, когда отец объявил, что своим наследником в делах, основном имуществе и главою рода он назначает меня. Этот его выбор я заслужил и тем, что после моего путешествия открытая враждебность воскресителей к фамилии Антеро прекратилась, и уж, во всяком случае, только глупец мог бы сейчас что-то иметь против нас.

И еще в доме появилась Диосе… Отец ею восхищался и всегда находил предлог, чтобы пообщаться с ней. Хотя ему по-прежнему нездоровилось, когда она входила в его комнату, он словно молодел. И неудивительно — ведь она была так мила с ним и даже отчаянно кокетничала. И по сей день я не сомневаюсь, что внимание, которое она ему уделяла, продлило недолгий срок, оставшийся ему в этой жизни. Пленила она и Рали — они вихрем носились по тренировочному полю, Диосе училась ориссианским трюкам с оружием и демонстрировала салсийские.

— Среди моих маранонок нет ни одной, которая не была бы готова сразиться с тобой из-за нее, — говорила мне Рали. — И единственное, что их от этого удерживает, — ее бешеная любовь к тебе.

В силу необходимости из нашей свадьбы мы не делали шумихи. Моя нынешняя известность заставляла ограничиваться приглашением только близких родственников. Иначе неприглашенные сочли бы себя оскорбленными. Поэтому мы обошлись простой церемонией на нашей вилле, пред ликом нашего бога — покровителя очага. Правда, я опасался, как бы не обиделась Диосе.

— Почему я должна обижаться? — Она пожала плечами, когда я спросил. — У нас в Салси гораздо важнее свадьбы ее последствия. Как только пара проживет один год до урожая, так устраивается настоящий большой праздник. А уж когда рождается ребенок, то праздник еще богаче. Я думаю, в Ориссе потому так, что женщины слишком мало значат в этом городе. И здесь свадьба — как подачка девушке, стоящей перед грядущим домашним рабством. Ведь это единственный момент в ее жизни, когда она окружена всеобщим вниманием и чувствует себя самой значимой среди прочих.

Я не спорил, ведь мне доводилось слышать и от Рали жалобы на подобную несправедливость.

Диосе взяла мою руку и мягко приложила к своему животу, уже слегка округлившемуся. Полковая колдунья маранонок Рали уже предсказала, что у нас будет девочка. Я рассмеялся, услышав, как ребеночек толкнул изнутри ножкой.

— Как же мы ее назовем? — спросил я.

— Назовем в честь наших матерей, — ответила Диосе. — Мы назовем ее Эмили в честь

твоей матери. И Ирэной в честь моей матери.

— Что же получается… Эмили Ирэна Антеро… Мне нравится.

— Я хочу, чтобы ты кое-что пообещал мне, Амальрик, — попросила моя будущая жена.

— Все что захочешь.

— Я бы не хотела, чтобы наша дочь росла с мыслью, будто везде женщины обречены на такую жизнь, как в Ориссе. По тому, как она пихается, ты уже можешь понять, что у этой девочки будет сильная воля. А ночью, когда тихо, я даже слышу, как бьется ее сердечко. И это сердечко весьма нежное, Амальрик, поверь мне, я знаю, что говорю, хотя мне и ей еще только предстоит познакомиться.

— Я найму лучших наставников, — сказал я. — И у нас перед глазами пример Рали, которая образована и умственно, и физически. К тому же Рали совершенно свободна.

— Этого недостаточно, — ответила Диосе. — Ведь Эмили увидит других женщин, которые замолкают в мужской компании, чувствуя свою ничтожность лишь потому, что им приходится только стряпать да сидеть дома, страдая, что их рассматривают лишь как источник продолжения жизни.

— Что я должен обещать, чтобы такого не случилось? — спросил я.

— Я хочу, чтобы в ее воспитании приняла участие моя мать, — таков был ответ.

Я встревожился, поскольку какому же отцу хочется, чтобы ребенок воспитывался вне поля его зрения. Она поняла мои чувства и, взяв меня за руку, крепко сжала.

— Пожалуйста, ты должен это сделать ради меня. Если ты скажешь нет, я смирюсь, но не потому, что я стала ориссианкой, я все равно никогда ею не буду, а просто потому, что я люблю тебя, Амальрик. Даже ребенок не может быть важнее любви. И потом, я вовсе не имела в виду, что ее надо будет отправить отсюда, поскольку я тоже не пережила бы такой разлуки, как и ты. Я имею в виду, что раз в три года, чтобы дурное влияние не могло глубоко проникнуть в нее, она отправлялась бы надолго погостить к моей матери. И так до шестнадцатилетия, когда ее с молитвами благословят быть женщиной. А там уж пусть полагается на собственную голову. Но я обещаю тебе, Амальрик, что у этого ребенка голова будет не самым слабым местом.

И чем дальше я обдумывал, тем больше соглашался с тем, что говорила Диосе. Более того, я даже с энтузиазмом начал относиться к ее замыслу, как к удивительному педагогическому эксперименту: две культуры объединяются, чтобы создать совершенного ребенка, золотое дитя. Я клятвенно заверил ее, что согласен, и мы обнялись так тесно, как только могут любовники. Я почувствовал, как ее ладонь скользнула между моими обнаженными бедрами. Обнаружив там вдруг на глазах выросший мощный отросток, она обхватила его ладошкой и, склонившись, стала целовать. Затем подняла глаза, и сквозь упавшие на ее лицо черные волосы я увидел горящие от наслаждения глаза.

— После такого разговора мужчины и женщины, — прошептала она, — всегда хочется убедиться, не пострадали ли чувства.

И ее горячий влажный рот вновь принялся за дело.

Поженились мы спустя неделю. Отец, по-прежнему слишком слабый, мог лишь сидеть в кресле да вытирать слезы радости. Его функции взяла на себя Рали, держа в руках ягненка с разрезанным горлом и сливая кровь в чашу для богов. Янош исполнял роль брата Диосе, обмазывая нам брови этой кровью. Закончив с этой процедурой, мы уселись пировать и веселились три дня кряду.

А перед тем как мы собрались с Диосе в свадебное путешествие, отец умер. И мне хочется думать, умер он счастливым человеком: его заблуждавшийся в прошлом сын теперь был оценен по достоинству, слава овеяла имя семьи и сбылась мечта его юности. Однако, размышляя над его ощущениями и перебирая те слова, что уже занес я в эту книгу, я не могу не вспомнить сказанное Яношем на Перечном побережье, о том, что мой отец лучше Яноша потому, что удовлетворился тем, что сын добился того, в чем отказано отцу. Да, мой отец был хорошим человеком, лучше, чем Янош или я. Но, увы, и он не был совершенством, а

только идеальный человек может умереть счастливым. Ведь и до знакомства с Далекими Королевствами было ясно, что мир, в котором жил мой отец, тоже не был идеальным.

Глава четырнадцатая
ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Не хочу хвастать, но похороны Пафоса Карима Антеро стали одними из самых пышных в истории города. Они вызвали такое внимание, что магистрат приказал устроить погребальный костер в Большом амфитеатре. А затем вся Орисса потянулась длинной процессией вдоль реки к Роще странников, где мы принесли жертву Тедейту, а я развеял прах отца по ветру.

Все, и я в том числе, были удивлены, какой же популярной фигурой оказался мой отец. Спокойный по характеру человек, он избегал всяческих почестей и шумных застолий. Но, как я уже упоминал ранее, он обладал сверхъестественной проницательностью и, если достойный человек попадал в беду, делал все, чтобы облегчить его страдания. Делом своим он занимался так, что если и перехватывал более выгодную сделку, то его конкуренты ни в коем случае не проклинали его. Однако после случая с Халабом эта популярность отца не проявлялась публично. Теперь же, после моего торжества, уже никто не боялся воскресителей и, не стесняясь, выказывал свою любовь к усопшему. Страх же переместился на другую сторону. Последствия похорон эхом отдавались в жизни города еще долго после того, как ветер унес последние крупицы пепла. Могущественные люди начали заключать новые сделки, искать новых союзников; раскол проник и в ряды самих воскресителей.

Похороны моего отца, со всеми оплакиваниями, отчаянным вырыванием волос и пышными речами, явились важным фоном для усиления тех споров, которые охватили Ориссу. В центре этих споров находились вторая экспедиция и Янош Серый Плащ. Никто так до конца и не понимал, как глубоко внедрились в нашу жизнь мысли о Далеких Королевствах. Внезапно весь старый образ жизни оказался под сомнением. Все люди, от самых высокопоставленных до последнего из рабов, считали, что заслуживают лучшего. Они жаждали изменений, и жаждали их немедленно. И для всех, мужчин и женщин, молодых и старых, дураков и прозорливцев, солдат, богачей и рабов, символом этого нового стал Янош.

Серый Плащ купался в лучах внезапно свалившейся славы. Он посещал бесконечные банкеты в его честь, а затем, забирая там богатую выпивку и еду, раздавал ее беднякам на улицах. Он вновь и вновь пересказывал историю наших приключений, не гнушаясь любой аудиторией — от аристократов на богатых виллах до бродяг на пристани. И каждый раз эта история выглядела как рассказанная впервые, и ему не приходилось разыгрывать фальшивые эмоции, когда он доходил до того момента, когда мы увидели черный кулак горного кряжа. На улицах к нему подбегали женщины и просили оказать им честь забеременеть от него; матери называли сыновей его именем; отцы часами простаивали в ожидании, когда он пройдет, чтобы только пожать ему руку. И каждый из них о чем-нибудь его спрашивал, ждал совета по самым разным вопросам. Серый Плащ сделался всеобщим авторитетом.

— Меня уже расспросили обо всем, — как-то в полдень, когда у него выдалась свободная минутка, рассказывал мне Янош. — От величины налогов до цен на вино в тавернах. Рыбак спрашивает, стоит ли забрасывать сеть в безлунную ночь. А какая-то женщина, клянусь Буталой, даже спросила, верю ли я, что ее дочь честная девушка, и если да, то почему бы мне не убедиться, что из нее выйдет отличная любовница. — Борода раздвинулась в ухмылке, и он пригладил усы. — Как ты понимаешь, я не мог не ответить «да» на оба вопроса.

Несмотря на это идолопоклонство, Янош не позволял себе измениться. Во все это безумие он окунулся только с одной целью — чтобы вынырнуть обратно с готовностью возглавить очередную и, как он клялся, решающую экспедицию к Далеким Королевствам.

— Я не политик, — говорил он. — И у меня нет желания войти в магистрат или стать королем, если бы в этом городе вдруг была учреждена монархия. Пусть богатство достается

богатым — оставим им эту слабость. На самом же деле в этой жизни ценна лишь идея, да и в следующей, как я подозреваю.

Могло показаться очевидным, что Янош просто создан для того, чтобы возглавлять вторую экспедицию. И действительно, так считалось какое-то время, но тут, к нашему наивному удивлению, активно зазвучал голос Кассини.

Героизм или просто любой выдающийся поступок по-разному воспринимается людьми. Вовсе не обязательно человек выходит из великих испытаний с клеймом героя на лбу. Героем ведь можно и провозгласить. А если провозгласили, то избавиться от такого звания не так просто, как скинуть мантию. Поклонники Кассини, а их было немало, считали, что он пал жертвой несправедливости. В последовавшей суматохе городской жизни рассказанная им ложь была здорово искажена. Некоторые сознательно забыли о лжи; некоторые утверждали, что его просто неправильно поняли; кое-кто поговаривал, что мы с Яношем специально подстроили сцену нашей гибели, с какими-то своими темными намерениями. Среди поклонников Кассини было много просто честных дураков: ведь если ты уже пожал руку герою и провозгласил в таверне тост в его честь, трудно начать думать о нем плохо, поскольку его слава уже отразилась на тебе. У более могущественных сторонников Кассини, однако, существовали и более серьезные причины. На Кассини ставили, от удачи его карты зависели влияние и власть воскресителей. Признать его подлость — значит испытать и собственное унижение; а в коридорах власти, где победа или поражение порой зависели от одного неудачно выбранного слова, унижение никак не поощрялось.

На пути Яноша стояла и еще одна преграда: в Ориссе существовало незаметное, но могучее меньшинство, которое совершенно не приветствовало продолжение исследований в направлении Далеких Королевств. Их устраивало существующее положение вещей. Подвалы их были полны добра, рабы покорны, а во всех возможных изменениях они видели лишь угрозу собственному благополучию.

Однажды все вышесказанное точно суммировал мой приятель Маларэн. Этот веселый торговец, мой ровесник, хоть немного и пижон, скрывал за маской легкомысленного болтуна недюжинный ум.

— Ты только меня не убеждай, дорогой Амальрик, — сказал он. — Лично я считаю все это твое открытие чрезвычайно важным. Но Орисса уже давно превратилась в унылое застойное болото. А ты собираешься раскачать то, в чем сидит мой отец и ему подобные. Он, например, считает, что Орисса и так прекрасна. И его можно понять. Он ведь и пальцем не шевелит, а его корабли наполняют и наполняют его казну золотом. Его ничего не волнует. Я сказал ему, что его сыновьям и дочерям уже не будет так легко житься, не говоря уж о внуках, но ему наплевать.

— Но ведь должен же он понимать, что мы одной экспедицией можем в громадной степени увеличить влияние нашего города, — заспорил я. — Да и не только прибыль и положение поставлены на карту. А почему бы не подумать и о тех знаниях, которые мы получим, а? Да сверх того, представь, что могут предложить нам люди Далеких Королевств? Их существование и деятельность, в чем мы убедились, ясно доказывают, что во многих вещах они нас сильно превосходят.

— Вот это-то больше всего и пугает, — ответил Маларэн. — В настоящее время мой папаша чувствует себя как громадный змей в мелкой воде. Ему ни в чем не надо напрягаться. А каково ему придется, когда он столкнется с конкурентом из Далеких Королевств? А вдруг тот змей крупнее раза в два, а то и больше?

— Да ведь дело не только в нас, — сказал я. — От того, что мы откажемся от Далеких Королевств, они не перестанут существовать и превратятся снова в легенду. Ликантия, уверяю тебя, мгновенно влезет в это пространство, не заполненное нами. И уж тогда, ручаюсь с гарантией, их захудалое государство расцветет. Сейчас же их доходы мизерны, да и само существование под угрозой. Так, думаешь, они будут терпеливо вымирать, покорные своей судьбе? Нет уж, своих-то детей они направят куда надо.

Маларэн немного поразмыслил, затем кивнул головой.

— Твой последний аргумент, — сказал он, — похоже, еще нигде толком не звучал. Дай-ка я доведу его до сведения отца. А там посмотрим.

Вскоре после этого друзья Кассини устроили в его честь тщательно продуманный банкет в интимной обстановке. Никто толком не знал, что там происходило, все было под покровом тайны, однако в течение последующей недели на Яноша обрушились слухи. Так, его обвиняли в том, что он шпион Ликантии. А уж если верить слухам до конца, то он вообще был сыном одного из архонтов, к тому же занимался черной магией, чтобы смущать добрых людей Ориссы.

Яноша, казалось, эти сплетни не беспокоили. Когда я стал уговаривать его выступить против этой клеветы, он лишь отмахнулся.

— Всем известно, что за этим стоит Кассини, — сказал он. — Все, что я могу сказать, это лишь повторить наши прежние обвинения: он трусливый, спасающий собственную шкуру лжец. К сожалению, я полагаю, чем чаще мы это будем повторять, тем больше шансов, что эти же обвинения привяжутся и ко мне.

— Что же ты намерен делать?

— То же, что и делал, — ответил Янош. — Ведь с каждым днем у нас все больше сторонников. Более того, меня просто завалили просьбами добровольцы, желающие отправиться в экспедицию. Я даже хочу просить тебя нанять мне секретарей, чтобы с ними разбирались. Я ведь солдат, а не чиновник. Хотя клянусь вялым богом, покровительствующим чиновникам, что больше не буду проклинать их породу. Моя казарма забита всевозможными прошениями со всякими там «несмотря на» и «исходя из».

— Посмотрим, что можно сделать, — сказал я. — Я выделю тебе кого-нибудь плюс помещение в какой-нибудь из наших контор. Однако не опережаешь ли ты немного события? Вторая экспедиция еще официально не одобрена, не выбран и человек, который ее возглавит.

— Это я знаю, — сказал Янош. — Но я продолжаю заниматься делом так, словно таких вопросов и не существует. Слишком многие верят, что все и так ясно. Я не могу бросить это дело. Иначе — это шанс для наших противников.

— Все это прекрасно, — сказал я. — Однако, когда ты говоришь о людях, противящихся твоему намерению, не забывай о самых главных недругах. О воскресителях. Ясно, что они поддерживают Кассини. Я подозреваю, что у них вообще нет другого выбора. Ведь судить его — это все равно что осудить самих себя. И не важно, как много людей в Ориссе поддерживают нас. В решительный момент нас могут полностью заблокировать воскресители.

— Ты в самом деле так думаешь? — спросил Янош, и я понял, что он немного засомневался. — Лично мне кажется, что если бы на пути наших простых ориссиан к Далеким Королевствам встал бы сам великий Тедейт, то, боюсь, они бы и его разорвали.

— Возможно, ты и прав, — сказал я. — Хотя, думаю, ты смотришь на происходящее через розовые очки. Тем не менее воскресители остаются грозной и могущественной силой. И игнорировать их никак нельзя, иначе мы рискуем потерять нечто большее, чем просто вторую экспедицию.

А убедила меня в том, что мои страхи хоть и имеют под собой основания, но все же преувеличены, моя сестра Рали. И эти новости я получил, расслабляясь в общественных банях. Это был один из тех редких дней, когда мне удавалось вырваться из-под пресса дел и политики, хорошенько размяться в гимнастическом зале, а потом распарить мышцы в бане.

— Я все утро искала тебя, Амальрик, — сказала Рали. Она оглядела зал; мужчины быстро отводили взгляды. Никто не знал, что делать. То ли остаться, то ли исчезнуть побыстрей.

— В общем, я здорово намучилась с этими поисками, — наконец сказала она. — Пожалуй, присоединюсь-ка я к тебе.

С этими словами она скинула обувь, тунику и, оставшись обнаженной, подмигнула мне

и опустила свои изящные ягодицы на скамейку.

— Поддай-ка пару, — прикрикнула она на раба. Тот быстро выполнил приказ. С той же быстротой двое или трое мужчин ретировались из зала.

Рали разлеглась, широко раскинув ноги. Один из оставшихся мужчин рискнул окинуть ее жадным взглядом. Но вместо того, чтобы сдвинуть ноги и прикрыть грудь, Рали строго посмотрела на него и сказала:

— Крошка, эта штука, на которую ты так смотришь, может слопать тебя живьем.

Тот сбежал. И еще до того, как с моего лба упала следующая капля пота, в зале не осталось никого. Я хохотал до колик в боку.

— Вот и хорошо, — фыркнула Рали. — Для моего рассказа мне как раз и нужна интимная обстановка. Но для начала… немного вина, дорогой братец, смочить горло.

Я налил ей, и она залпом осушила бокал. Затем подняла большой кувшин с холодной водой и облила себя. Вода пролилась на пол, попадая в яму с раскаленными камнями, отчего туман стал еще гуще.

— Ну и что же это за новости такие, из-за которых тебе доставляет удовольствие запугивать бедных мужчин таким вот своим видом?

— А, ерунда, Амальрик. Им хоть будет о чем поговорить. Я просто подсыпала перцу в их унылую жизнь. Их женам повезет. Если я чуть-чуть взбодрила этих мужиков, то они сейчас помчатся домой, чтобы убедиться, что они действительно еще мужчины.

— Ну, полно дурачиться, — сказал я. — Если не возражаешь, то перейдем к новостям. Итак, новости.

Я вновь наполнил ее бокал. И без дальнейшего понукания она приступила к изложению.

— В моем отряде есть одна девушка, — сказала она. — Ее мать уже не первый год моет полы у воскресителей. Она так давно драит их залы, что они уже перестали замечать ее. Поскольку у этой женщины хватило ума заметить, что ее дочь дружит с нашей компанией, то услышанным там она делится не с соседками, просиживающими задницы возле дома, а со мной.

Я сел прямо — вот так удача. Гвардия маранонок поклялась быть нейтральной по отношению к любым внутригородским событиям, следовательно, им требовались свои «уши», чтобы быть в курсе происходящего.

— Рассказывай, рассказывай, о мудрая и прекрасная сестра, — сказал я.

Рали рассмеялась и по-дружески крепко хлопнула меня по руке.

— Так вот, вчера днем Совет воскресителей собрался на заседание. Присутствовал и Кассини, и его наставник Дженидер. Наша поломойка отыскала неподалеку великолепное грязное пятно и принялась за работу. Она сказала, что, судя по голосам — очень сердитым, — получился грандиозный спор. А в центре этого спора были Далекие Королевства.

— Итак, дело идет к развязке, — сказал я мрачно. — Они сконцентрировали свои силы против нас.

— А вот и не угадал, — последовал удивительный ответ. — В это трудно поверить, но воскресители разделились, как и остальные жители Ориссы. На публике они сообща поддерживают Кассини. Но только потому, что он один из них и они как бы обязаны поддерживать его. Сами же воскресители разделились на несколько враждебных лагерей. Одно время верх держала группировка, по-настоящему поддерживающая Кассини. А из этого заседания, как сказала поломойка, стало ясно, что их хватка ослабла. Потому что защитником идеи экспедиции и Яноша, как ее руководителя, стал сам Гэмелен.

Я чуть не свалился на пол.

— Но… он же старейший среди них. И наверняка самый ярый защитник интересов воскресителей.

— И я так думала, — сказала Рали. — Однако, судя по его словам, все обстоит несколько иначе. Да и не такой уж он старец. Во всяком случае, он произнес страстную речь,

из которой следует, что Орисса находится под угрозой загнивания, поскольку у нее нет серьезных врагов ни внутри, ни снаружи. И что вторая экспедиция должна быть отправлена по возможности скорее и возглавить ее должен Янош, потому что необходим успех.

— А как же Кассини? — изумленно спросил я.

— Гэмелен его просто растоптал, заявив открыто, что тот не только унизил воскресителей, но и подорвал в людях доверие к ним.

Я не мог удержаться от смеха:

— Доверие? Скорее уж страх, чем доверие.

— Ну… в общем, да. В общем, Гэмелен за нас. Вот уж не думала, что доживу до того дня, когда какой-нибудь воскреситель поддержит Антеро.

— Я тоже, — сказал я. — И чем же закончились дебаты?

— Разумеется, поражением Гэмелена. Кассини по-прежнему их человек. Однако, как утверждает наша трудолюбивая шпионка, эта победа была одержана со столь незначительным перевесом, что одна чаша весов может перевесить другую в мгновение ока. И потому, мне кажется, все, что от нас требуется, — чуть-чуть подтолкнуть эти весы.

Трудно было спорить с ее доводами. Только как это сделать? Я задумался.

— И вот еще что, — сказала сестра. — Похоже, у воскресителей существует некая небольшая группа, которая всем и заправляет. Наша шпионка говорит, что во время совещания из подвала слышались какие-то таинственные передвижения. Чувствовалось творение заклинаний, а звуков и запахов было слишком много даже для берлоги колдунов. Эта группа весьма секретная; большинство Совета воскресителей, похоже, не знает, чем она занимается.

— А что думает наша подружка-поломойка?

Рали пожала плечами:

— Она тоже не знает. И даже не догадывается. Она говорит, что если бы она догадалась, то не стоило и делать из этого такую тайну.

Несмотря на тот факт, что дело требовало незамедлительного решения, было ясно, что эта канитель растянется на несколько недель. Янош, получив информацию Рали, продолжал потихоньку обрабатывать своих оппонентов.

У меня же, помимо всего прочего, на руках было дело и семья. Вскоре после нашего возвращения в Ориссу появилась одна идея. Она проклюнулась еще после смерти моего верного слуги Инза. Поначалу она показалась мне глупой, но впоследствии, видя, как люди на улицах реагируют на Далекие Королевства, рассматривая их с точки зрения увеличения благосостояния Ориссы, я всерьез задумался над этой идеей. И для начала я переговорил с Диосе.

— Мы не так давно живем вместе, любовь моя, — начал я. — Но за это время я нашел в тебе не только любящую жену и надежного товарища, но и мудрейшего из окружающих меня советников.

— Спасибо за такие слова, муж мой, — ответила она. — Но ты мог бы приступить к делу и без вступления. Ведь в тот день, когда ты перестанешь со мной советоваться, я просто сяду на корабль до Салси, где на женщину предварительно не выливают бальзам, чтобы спросить ее мнение.

Я покраснел, а Диосе рассмеялась и обняла меня:

— Ну не бойся, любимый мой Амальрик. Ведь если бы ты мог обращаться с женой так, как делают это ориссианские мужчины со своими женами, я бы почувствовала это в самом начале. И не стала бы спать с тобой в первом попавшемся месте.

Она откинулась на подушки, устраиваясь поудобнее, и погладила себя по еще больше округлившемуся животу. Акушерка сказала, что нам не долго осталось ждать встречи с нашей дочерью Эмили.

— Слушай внимательно, малышка, — сказала Диосе, обращаясь к животу. — Твой папка собирается говорить.

Я улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, я нашел причину всей этой сумятицы, происходящей в Ориссе. И это же — причина того, что Далекие Королевства так завладели всеми умами. Да и ты сама не раз упоминала об этом как о существующей болезни.

— Ты имеешь в виду общественное положение, а вернее, отсутствие такового у женщин? — спросила она.

— И это тоже. Женщины в этом смысле показательный фактор. В Ориссе каждый пребывает в той роли, которая досталась ему при рождении. Женщина, конечно, может несколько улучшить свое положение. И это все неизменно для всех классов населения Ориссы. За редким исключением, кораблестроитель остается кораблестроителем, конюх — конюхом; раб так и будет трудиться бесплатно, И так далее. Халаб столкнулся с непреодолимым барьером, когда попытался стать воскресителем.

— Да, в этом городе мечтателю трудновато, — согласилась Диосе.

— Ты угодила в самую точку, — сказал я. — Мечты в Ориссе не запрещены, но определенно не поощряются. Ох, как же мы любим дурачить сами себя! Нас забавляют дерзкие разговоры о том, что из простого мужика может получиться хороший господин. Но дайте этим самым мужикам такую возможность, и они ею не воспользуются.

— А тебе-то что до этого? — спросила она.

— Я хотел бы обратиться к низшим из низших, — сказал я. — Я бы освободил рабов. Убрал бы этот барьер и открыл дорогу течению. И тогда оно снесло бы все плотины, и каждый класс получил бы доступ к счастью, и тогда… Кто знает. Может быть, однажды и раб стал бы господином.

Диосе подбодрила меня сияющей улыбкой, отчего я испытал неведомое доселе наслаждение проповедника. Она сказала:

— Говоря от имени ориссианской женщины, которая не многим отличается от раба, хотя сама я в этом доме кто угодно, только не раб, я от души согласна. И наш отважный друг Янош — пример того, что может достичь бывший раб.

— И для начала я бы хотел начать с собственного примера, — сказал я. — Нам придется сохранять полное хладнокровие, потому что, боюсь, если мы громко объявим об освобождении своих рабов, поднявшийся шум подвергнет риску весь наш план.

— Разумно, — сказала она. — Если об этом сначала узнают немногие и новость будет передаваться слухами, становясь все громче, эффект будет гораздо значительнее.

— Загвоздка только в моих братьях, — сказал я. — Чтобы от нашей затеи был толк, надо, чтобы все Антеро освободили всех своих рабов. Так что предстоит серьезная семейная схватка.

— Хорошо. Это подразгонит им кровь. Твои братья нуждаются во встряске. Слишком долго они жили за спиной отца, а теперь живут за твоей.

Мои братья без энтузиазма приняли такую идею. Семейство Антеро владело примерно ста пятьюдесятью рабами высокой квалификации, стоящими немалые деньги. Среди них были искусные корабелы и агрономы, образованные клерки и управляющие. Отпуская их, мы расставались примерно с одной пятой нашего семейного состояния. Главные возражения последовали от самого старшего брата, Порсемуса. Он был в два раза старше меня и больше всех был похож на отца внешне, но отнюдь не характером.

— Твой план безумен, — сказал он. — Ты нас по миру пустишь. Кто займет места рабов? Ведь тогда придется платить людям жалованье, приятель! Мы просто не можем допустить этого.

Я сказал:

— Сейчас мы обсуждаем не вопрос денег. Если мы делаем правильное дело, то не надо задумываться над затратами. Однако, если вы настаиваете…

Я взял из стопки книг перед собой один гроссбух.

— Давайте посмотрим на это дело с цифрами в руках, и вы убедитесь, что дешевле предоставить человеку работу за вознаграждение, чем поработить его. Свободный человек сам оплачивает свое содержание. Работает он усерднее, поскольку не теряет надежды

улучшить свое положение, в то время как рабу нет смысла стараться — он так и останется рабом, чего же зря надрываться? — Я открыл книгу и постучал по колонкам цифр. — Смотри, Порсемус, Вот уже пятнадцать лет, как урожайность в твоих парниках остается на одном уровне. Только однажды цифры показали увеличение. — Он, нахмурясь, посмотрел на цифры. — И случилось это в тот год, когда эпидемия уменьшила численность твоих рабов, — продолжал я. — И нам пришлось на их место нанять свободных мужчин и женщин. И урожай увеличился, так ведь? А просто было меньше потерь, потому что, работая за деньги, те трудились усерднее и быстрее.

Братья удивленно начали переговариваться. И только Порсемус продолжал упрямиться, как всякий недалекий человек.

— Нельзя судить только по одному году, — сказал он.

— А я и не сужу. — Я подтолкнул к нему всю кипу книг, чтобы он занялся их изучением, если пожелает. — Я обнаружил и множество других примеров. Из года в год можно увидеть, что наши доходы увеличивались именно тогда, когда мы нанимали людей за деньги, а не заставляли трудиться рабов. А чтобы быть совершенно честным, я не рассматриваю здесь наши торговые перевозки на судах, хотя именно в этом пункте и находятся наши главные доходы. Как вам известно, в этой торговле мы редко пользуемся услугами рабов… Именно по причинам, которые я вам только что изложил. Потому что даже самый бестолковый купец понимает, что главный движущий мотив торговли — прибыль.

— А я продолжаю утверждать, что в тебя бес вселился, — сказал Порсемус. — Сам посуди, если каждый освободит рабов, то число граждан увеличится вдвое. И так уже большинство из них грубияны и бездельники. А тут к ним добавятся еще тридцать тысяч. Да у нас воцарится анархия. И тут уж конец Ориссе. — Он сердито оттолкнул книги обратно ко мне. — Разве не достаточно уже пострадала наша семья? Во-первых — Халаб, а теперь вот ты что затеял…

Я ожидал подобного нападения и потому готовился воспринять его спокойно и расчетливо. Стоило ли удивляться, что братья ревниво отнесутся к решению передать бразды правления семейством в руки такого, по их мнению, молокососа, каким являлся я. Но вот ссылка на Халаба застала меня врасплох, и потому я повел себя как дурак, вскочив из-за стола и опрокинув стул.

— Если бы ты не был одной со мной крови, — сказал я, — я бы убил тебя на месте.

Порсемус побелел как привидение. Остальные братья стали успокаивать меня. Но успокоили меня не их слова, а вид испуганного лица Порсемуса. Я оказался страшен во гневе, играя мускулами, которые здорово окрепли во время путешествия. Вот же судьба, подумал я в отчаянии. Но тут злость моя улетучилась. Ну и хорошо, подумал я. Ну ладно, висят они камнем на моей шее, ну и что? Они и на отце так же висели, и он доверил отвечать за них мне.

Я вздохнул, поднял стул и сел на свое место.

— Братья, простите меня за эту выходку, — сказал я. — Ну а теперь я хотел бы, чтобы вы все-таки приняли мой план. А чтобы облегчить вашу жизнь, я готов возместить стоимость ваших рабов из моего собственного кармана. Это вас удовлетворит?

Раздался шум одобрения. Порсемус вдруг стал удивительно дружелюбным, обнял меня и даже попросил прощения. И они ушли.

Вот так я, Амальрик Эмили Антеро, стал первым в Ориссе освободителем рабов. Гордиться пока было нечем, поскольку я воспользовался алчностью братьев, но все же дело было сделано. Итак, решение было принято, теперь оставалось ждать реакции. Первая оказалась неожиданной. Она исходила от Тегри.

— Что вы наделали? — бушевал он.

Вот я и дождался — рабы не смели разговаривать так с их господами. Но ведь он уже не был рабом. Правда, привыкнуть к такой ситуации было очень непросто, особенно общаясь с такой неприятной мне личностью, как Тегри, которого я и оставил-то лишь в память об отце.

— Успокойся, Тегри, — сказал я. — Объясни мне, в чем я не прав, и я постараюсь исправить ошибку.

— Вы… вы… освободили меня!

Видимо, я был похож на рыбу, выброшенную на берег, когда разинул рот.

— Что же в этом плохого? — выдохнул я. — Я освободил всех рабов.

Глаза Тегри излучали ненависть.

— Я всю жизнь потратил на то, чтобы занять нынешнее положение, — проскрежетал он. — А вы украли мое достижение.

— Как же я мог это сделать? У тебя осталась та же самая работа, да еще и жалованье за нее. Ты по-прежнему занимаешься теми же самыми делами.

— Да… да… плевать мне на это жалованье! Я раньше за день наворовывал столько, сколько вы мне сейчас платите за восемь дней. Но у меня была власть над остальными слугами. А теперь у меня нет настоящей власти. Вы глупец, коли их освободили. Когда я приказал им работать, они расхохотались мне в лицо. Тогда я схватил кнут, чтобы навести порядок, так один ублюдок имел наглость просто вырвать его из моих рук. А потом он… он просто ушел. И я уже никак не мог заставить его вернуться, ведь он уже не должен был подчиняться.

— Ты просто еще не привык к тому, что можно и в более спокойной манере управлять, — ответил я. — А если тебе не хватает жалованья, что ж, я увеличу его. Правда, не в восемь раз, это уж чересчур. Но я удвою жалованье, и будем считать, что прошлое быльем поросло…

— Не надо ничего! — закричал Тегри. — Если я свободен, то хочу сказать, что не собираюсь работать на такого человека, как вы. Я предупреждал вашего отца. Но он не прислушался. Что ж… Господин Антеро, я оставляю мою должность. Я покину вас через час, и вы еще пожалеете, что так оскорбили меня.

Он повернулся и вышел.

Хоть мы публично и не объявляли об этом событии, слухи разнеслись достаточно быстро. Много и горячо заговорили о «сумасшедшем Антеро», освободившем своих рабов. Но вскоре кое-кто стал одобрять меня, особенно молодые купцы и ремесленники, которых убедили доводы о прибыльности свободного труда. Некоторые из них тоже освободили своих рабов, и постепенно забота о прибыли возобладала над доводами морали и косными традициями.

— Повсюду говорят о том, что уж если такие варвары, как ликантиане, позволяют рабам выкупаться на свободу, — со смехом сообщал мне Яношь, — то уж Орисса в состоянии поступать еще лучше.

— Лишь бы это не помешало нашему делу, — сказал я.

— Наоборот, дела пошли еще лучше, — сказал Яношь. — Ведь среди тех, кто поддерживал меня, как раз большинство и составляют те люди, кто охотно освобождает рабов. Так что у нас по-прежнему полное единодушие.

Но не все и не везде проходило гладко. Тут и там ссоры по поводу освобождения перерастали в потасовки. Многие господа вынуждены были спасаться бегством от бывших рабов, пристававших к ним на улицах с бранью.

И вот в Большом амфитеатре созвали общественный митинг. Было объявлено, что вторая экспедиция к Далеким Королевствам одобрена и осталось только публично обсудить, кто возглавит ее. И вновь всплыло имя Кассини. Мы с Яношем поехали на митинг. Он оделся как воин, по-прежнему предпочитая простые легкие доспехи и обычную саблю на боку. Но когда он сел на коня, то даже в этом наряде, с отливающей блеском черной бородой и белозубой улыбкой, напоминал короля. При подъезде к амфитеатру мы попали в группу рассерженных молодых людей, среди которых был и Маларэн. Увидев нас, они радостно завопили.

— Спасибо за приветствие, — сказал Яношь. — Но что происходит?

— Я расскажу, — взволнованно заговорил Маларэн. — Они планируют тайком

протащить своего руководителя экспедиции.

— Кто это они? — вмешался я, потому что глаза Яноша стали наливаться кровью.

Рослый мужчина с крепкими мозолистыми руками ответил:

— Да эти бездельники из магистрата, вот кто! — Я разглядел клеймо у него на руке — это был недавний раб. — Да и воскресители туда же.

— Ну, не все из них, — сказал Маларэн. — Но там достаточно стариков и трусов, чтобы вручить бразды правления экспедицией Кассини.

Я посмотрел на Яноша. Глаза у того застыли, и он рукой нащупывал рукоять сабли, готовясь с ходу атаковать амфитеатр. Кто-то заорал:

— Мы с тобой, Серый Плащ!

Кто-то подхватил:

— Мы не позволим обмануть тебя!

Раздались другие крики, и я увидел, что тут многие за нас. Среди них были и господа вроде Маларэна, и простые люди, кузнецы и моряки, и что приятно — бывшие рабы. Я почувствовал, что запахло большой дракой.

Внезапно Янош успокоился. Он поднял руку, и наступила тишина.

— Не надо уподобляться толпе безумцев, — сказал он. — Если вы со мной, то давайте успокоимся. Я хочу, чтобы вы прошли туда и сели одной группой, и я надеюсь, что буду говорить от вашего имени как от своего.

Возбуждение снизилось — умение Яноша командовать дало свои результаты. Мы приготовились пройти внутрь. Кто-то потянул меня за одежду. Я оглянулся и увидел юную служанку из нашего дома. Глаза ее были широко раскрыты и испуганны.

— Что такое? — спросил я, спешившись.

— Госпожа Антеро, — заплакала она. — Пойдемте быстрей. Она рожает.

Эти слова прошибли меня насквозь. Меня разрывало между происходящим здесь и страхом за Диосе. Янош подъехал ко мне.

— Поезжай, — сказал он, узнав, в чем дело.

— Но… митинг…

Он бесцеремонно подтолкнул меня:

— Я справлюсь. Ты мне понадобишься позже. А теперь поезжай!

Я махнул ему на прощанье, подхватил девчонку в седло и помчался к вилле. Позади, из амфитеатра, доносился громкий рев голосов.

Кровать представляла из себя ужасную картину крови и боли. Две акушерки хлопотали вокруг бедняжки Диосе, но ни их искусство, ни заклинания не могли облегчить ее страданий. Ребенок выходил, но выходил с большим трудом. Диосе так вцепилась в мою руку, что чуть не сломала мне пальцы.

— Я знала, что ты придешь, — всхлипнула она. — Говорят, там… митинг… экспедиция… Но… я все равно знала, что ты придешь.

Я пытался найти для нее какие-то слова, но по сравнению с ее болью и верой в меня все было таким пустым Все, что я мог сказать, что люблю ее и буду любить до тех пор, пока весь песок не смоется морями. Она издала ужасный вопль, и я подумал, что навсегда теряю мою Диосе. Она затихла… А затем послышался такой протяжный и надрывный крик, что даже сейчас, когда я пишу эти строки, я чувствую, как мне не хватает воздуха. И тут я увидел, как между окровавленными бедрами Диосе показалась головка нашей дочери. Жена захлебнулась еще одним криком, но уже все тельце оказалось на руках акушерок. Мгновение спустя закричала уже Эмили. Так родилась моя дочь.

— Она красивая? — слабо спросила Диосе.

Я посмотрел на крохотное окровавленное существо с крепко закрытыми глазками. Ребенок вопил, сердясь, что его извлекли из теплого и безопасного убежища.

— Да, любовь моя, — ответил я. — Она просто красавица.

И глядя, как акушерки обмывают дитя и заворачивают в мягкую ткань, чтобы впервые поднести к матери, я в самом деле поверил, что так оно и есть, она красавица.

Вторая экспедиция к Далеким Королевствам собрала самые крупные воинские силы в мирное время в истории Ориссы. Ведь готовились не к какому-то там открытию, которое совершал какой-нибудь молодой человек с компанией собутыльников, которых мог выдержать кошелек его отца. На карту была поставлена судьба города, и каждый горожанин стремился занять свое местечко за общим столом. В поход собирались две тысячи человек: воины, конюхи, офицеры и их денщики, купцы с помощниками, маркитантки с их товарами для услаждения мужчин, повара, пекари, оружейники, лекари, просто любопытные, имеющие достаточно влияния, чтобы их имена были занесены в списки экспедиции. Возглавлял экспедицию единодушно избранный Янош Серый Плащ.

— Схватка оказалась не такой уж и серьезной, — вечером рассказывал мне Янош. — Кассини даже не показался на сцене, хотя я и видел, как в кулуарах он расхаживает, раздувшийся от собственной важности. Так он и расхаживал взад и вперед, репетируя речь, выражающую его согласие принять место руководителя экспедиции. Если его вида такому туповатому солдафону, как я, еще было недостаточно, то уж тот факт, что на сцене находились только наши враги, ясно показал, что кое-кто подлил свинца в игральные кости, чтобы легче победить в этой партии. — Янош покачал головой, все еще не оправясь от потрясения. — Едва я занял свое место, как толпа начала орать, как и прежде: «Янош, Янош!» Ну и прочую чушь. — Он усмехнулся, и я понял, что сам он не считал это чушью. — Но на этот раз крики были гораздо громче и требовательней, и надо было быть полным идиотом, чтобы не увидеть в глазах толпы желания крови в случае иного решения. Некоторые ребята до того осмелели, что даже выскочили на сцену, но я попросил их не мешать достойным господам произносить свои речи.

Янош залпом осушил стакан вина и принялся хохотать.

— Ох, жаль, дружище, что тебя там не было, — сказал он. — Такого ты еще не видел.

Янош рассказал, что Дженидер и его друзья лихорадочно совещались, стараясь не обращать внимания на буйные выкрики толпы. Как справедливо указывал Янош, такого в Ориссе еще не было, и наши враги пребывали в панике, вздрагивая от воплей, словно не слова летели в них, а камни. Кто-то увидел Кассини, поднялся свист, тот успел сбежать. На сцене приняли решение, но потом у них между собой завязался спор, кто возьмет на себя смелость выйти и сообщить это рассерженным гражданам. Толпа, веселясь над их нерешительностью, еще ближе придвинулась к сцене. И тут магистр решительно указал на Дженидера. Тот, спотыкаясь, вышел вперед, рост его увеличился заклинаниями, и стало видно, как он, стоя рядом с Яношем, просто трепещет.

— Я утихомирил наших друзей и как можно радушнее улыбнулся Дженидеру, — сказал Янош. — Я обнял его рукой за плечи и громко, чтобы все могли слышать, сказал: «Не важно, мой друг, кого вы там выбрали, ведь все знают, что эти достойные господа долго работали над принятием решения». — Янош засмеялся и еще раз смочил горло вином. — И тут бедняга Дженидер заговорил, — продолжал он. — Первые слова он пропищал как мышка, колени его дрожали, словно он стоял на высоком берегу и боялся прыгнуть в воду. И вот этим визгливым голосом он сказал: «Мы заявляем, что вторую экспедицию возглавит… капитан Серый Плащ». Ну а после этого заявления из-за поднявшегося шума ничего больше услыхать было нельзя. Сразу же после того, как добрый воскреситель сыграл свою роль, он и все остальные сбежали со сцены, как кролики при виде рычащего волка.

Я смеялся над его рассказом так, что слезы текли. Затем мы наполнили бокалы и выпили за Тедейта, разрушившего замыслы наших врагов.

Наконец Янош посерьезнел.

— Я хочу, чтобы ты знал, — сказал он, — независимо от того, что нас ждет в этой жизни, мне никогда не расплатиться с тобой за то, что я тебе должен.

Я что-то забормотал невнятное, но сердце мое преисполнилось радостью. Слышно было, как где-то в доме плачет Эмили, как запела ласково нянька, чтобы успокоить ее. И вообще, это был замечательный день.

Янош тоже услыхал этот плач и улыбнулся.

— Я понимаю, что на этот раз ты не можешь отправиться со мной, — сказал он. — Слишком много дел на твоих плечах. Но знай, я буду очень скучать без тебя.

— Рад слышать это, — сказал я. — Но ведь в нашем последнем путешествии я был настолько неопытен, что настоящей помощи от меня не было. А теперь у тебя огромный отряд, в котором много опытных людей, которые всегда смогут дать дельный совет.

Янош резко покачал головой.

— Основная твоя ошибка в том, — сказал Янош, — что ты просто недооцениваешь себя. Со временем из тебя получится отчаянный малый, ведь у тебя талант попадать в переделки. Но самое главное то, что у тебя отважное сердце и разумный взгляд на вещи. Не отрицай, я тебя все-таки знаю хорошо, может быть, в чем-то даже лучше, чем ты сам себя. И потом, Амальрик Антеро, мы ведь здорово похожи. Как двойняшки. Но, слава богам, ты не имеешь моих отрицательных черт.

Он уставился на меня, и по красноте в его глазах я понял, что он пьян.

— Клянусь тебе, Амальрик, — сказал он, — когда я окажусь в Далеких Королевствах, я принесу священную жертву в твою честь. И я расскажу правителям той страны, что привез им привет от моего доброго друга, брата…

Он смолк на полуслове, и я увидел, как поникла его голова. Я забрал у него из руки бокал с вином, пока он не расплескал его, и, тихонько выбираясь из комнаты, услыхал первый усталый и раскатистый храп.

Месяц спустя экспедиция выступила в поход. Каждый судовладелец считал за честь, чтобы его корабль участвовал в этом походе. Провожал их весь город. Я стоял на холме недалеко от берега, и, когда они проходили мимо, я, не стыдясь, сознавал, что сожалею о том, что не иду с ними. Но когда скрылся за горизонтом последний корабль и я, повернувшись, направился домой, то, вспомнив о Диосе и Эмили, вдруг ощутил необычайную легкость.

Глава пятнадцатая
ЧЕРНЫЙ ИСКАТЕЛЬ

Эта глава дается мне с большим трудом. Чего бы я только не отдал, чтобы вычеркнуть это время из моей жизни.

Многие годы боги благословляли Ориссу. Наши священные жертвы ими милостиво принимались: урожай становился все обильнее, река все полноводнее, солдаты наши побеждали, здоровье у всех было прекрасным, а дети — послушны родителям.

И вот боги призвали нас к выплате долгов.

Какое-то время после отъезда Яноша моя жизнь была сплошным праздником. Каждую свободную минутку, выкрадывая ее у своих многочисленных торговых и прочих дел, я проводил с Диосе и Эмили. Моя жена была для меня всем: любовницей, компаньоном, советником и другом. У нее был талант купца, и она стала ходить со мной на причалы и заниматься организацией торговли с землями, которые открыли мы с Яношем. Дома ее обожали слуги — значительно повеселевшие после освобождения — за то, что она не гнушалась самой грязной работы по дому, забираясь во все углы, где только могла оказаться паутина. А иногда она преподносила мне очаровательные сюрпризы, увлекая из кабинета в укромный павильончик в саду, где мы занимались любовью, как некогда в той райской долине.

Как и предсказывала Диосе, Эмили вырастала восхитительным ребенком. Это была жизнерадостная малышка, с пухлыми щечками, нежной кожицей и глазками, все время горевшими живым любопытством. Сердце мое сжималось от любви, когда я слышал ее смех, а едва увидев меня, она тут же бросалась ко мне, заливаясь радостным визгом и обнимая меня пухлыми ручонками. И от ее радости, и от запаха молока, исходившего от нее, меня переполняло счастье.

— Она вертит тобой как хочет, — поддразнивала меня Диосе. — Если у кого-то из

детей и был в качестве игрушки родной папка, так это у Эмили. Тебе бы надо быть чуть построже, а то она просто на голову сядет.

Конечно, не все было гладко в нашей жизни. Возникали и проблемы, и нелепые случайности: то Диосе растягивала связки, то у Эмили прихватывало животик, да еще пропал небольшой грузовой корабль, шедший из Северных земель. К тому же Янош, уходя, оставил после себя немало наших с ним общих врагов. Однако какое-то время они ничего не предпринимали, ограничиваясь лишь злобным перешептыванием.

Конечно, уже тогда можно было разглядеть признаки грозного будущего, но все были убаюканы сладостными мечтами о богатствах, которые вот-вот должны были политься на нас из Далеких Королевств.

В том году скверно прошла церемония Каменного поцелуя. В наказуемые уголовники воскресители выбрали изголодавшегося бедолагу, пойманного на воровстве, и потому, будучи сплющенным между двумя древними камнями, он испустил лишь малую струйку крови, которой, согласно ритуалу, и благословлялся грядущий урожай.

Затем один за другим пролетели несколько ураганов с ливнем, молниями и громом, заставлявшими собак и ящеров тревожно завывать. После этого закаты солнца стали зловеще красными, а тучи на небе принимали жуткие формы.

Поползли слухи. Рассказывали, что вторая экспедиция умудрилась уже несколько раз заблудиться, что Янош перессорился со своими офицерами, что в городе кто-то усиленно занимается черной магией с сексуальными целями. И если россказням о Яноше можно было не верить, то наши купцы привозили достоверную информацию о том, что зашевелились ликантиане, увеличили свое войско и все громче стали говорить о восстановлении той огромной стены, которую разрушили ориссиане, нанеся им поражение. Но в моем окружении по-прежнему не придавали этим слухам большого значения, лишь лениво обсуждая их в тавернах. Стало также известно, что над храмом Воскрешения поднимаются странные дымы. Я расспрашивал об этом Рали, но ее шпионка могла лишь сообщить, что воскресители по-прежнему в состоянии вражды, но только их разбирательства проходят в укромных уголках, за толстыми дверями, где присутствие какой-нибудь поломойки считалось бы подозрительным.

И тут начали возвращаться первые члены экспедиции Яноша, принося с собой неприятные новости. Выяснилось, если верить им, что Янош оказался весьма своенравным руководителем, который считается только с собственным мнением, а тех, кто высказывается против, публично высмеивает. Сообщалось, что экспедиция не только несколько раз сбивалась с пути, но и до сих пор не может найти правильной дороги, теряя обоз, лошадей и людей под набегами коварных кочевников. Все это можно было бы счесть и чепухой, поскольку возвратившиеся были людьми, известными своей бестолковостью и трусостью, пустившимися в поход в предвкушении легкой славы.

Кассини, однако, решил воспользоваться предоставившимся шансом и вновь замелькал то тут, то там, понося Яноша и всячески его пороча. Из своих щелей полезли его сторонники, и вскоре он осмелел настолько, что даже стал выступать с публичными речами.

В этом году он даже помогал Дженидеру в церемонии вызывания дождя, позванивая в колокольчики, изображающие падение капель, пока Дженидер перерезал горло упитанному тельцу. И дождь пошел по расписанию. Да вот только не прекращался. Он шел и шел сутками, не теряя силы. Скоро невозможно было отличить день от ночи, и, как все жители Ориссы, мы тоже забились в дом, прислушиваясь к ливню, барабанящему по крыше. Резко похолодало, и нам приходилось постоянно поддерживать огонь в очагах, и потому вскоре сказалась нехватка топлива. В постоянной сырости бурно разрасталась зеленая плесень, пожирая вещи и продукты. Воскресители заклинаниями прекратили осадки, но не успели избавиться от этой напасти, как изо всех щелей поперли на нас миллионы кусачих муравьев. Чесотка от их укусов доводила всех до сумасшествия. Люди только и были заняты тем, что постоянно стряхивали их со стен, с себя, с детей.

Но все эти неприятности отступили на второй план, когда внезапно наступила угроза

резкого подъема воды в реке. Из ныне живущих никто не помнил сильных наводнений, но у подножий гор, далеко отстоящих от берега, сохранялись древние отметины на камнях, которых достигала вода, свидетельствующие, что некогда уже случалось подобное ужасное бедствие, несшее разрушения и гибель людям. Когда река, превратившаяся в бурный мутный поток, несущий деревья и обломки построек, стала проявлять характер, в городе началась паника.

Посовещавшись с воскресителями, магистрат назначил уголовника для жертвоприношения — малого, который, явно свихнувшись, умертвил жену и детей и поджарил их, чтобы съесть. Всем жителям было приказано собраться у места священного жертвоприношения. Сгорбившись под вновь пошедшим дождем, мы, промокшие и несчастные, вынуждены были выслушивать растянувшиеся, казалось, на вечность молитвы, которые творили Дженидер с Кассини в окружении большой группы воскресителей. Гэмелен отсутствовал, что говорило о многом. Зато присутствовал старый мошенник Превотант, что тоже говорило о многом. Вся церемония проходила из рук вон плохо: благовония никак не хотели куриться, а когда преступника связали, узлы развязались сами собой. Бедняга закричал, заметался, и тут все поняли, что обездвиживающий напиток, который ему дали, не действует. Все происходящее не обещало для Ориссы ничего хорошего и только напугало людей. Никто даже не рассмеялся, когда Дженидер, пытаясь утихомирить жертву, упал в грязь. Кое-кто просто жалел парня. Перешептывались, что, мол, он сошел с ума от этого дождя и разве не воскресители виноваты в том, что вызвали слишком много воды?

И тут к бедолаге подошел Кассини и ударил его по голове поленом. Он и Дженидер схватили жертву за руки и за ноги и без дальнейших церемоний швырнули его в реку. И все отправились домой в злобе на городские власти и воскресителей.

Никто не удивился, что жертвоприношение не помогло — уровень воды в реке продолжал подниматься. Пришлось взяться за дело. Я вместе с остальными, чья жизнь и торговля зависели от воды, принялся освобождать склады, грузить товар на лодки и перевозить подальше, на большие суда. Когда я вечером вернулся домой, вода уже врывалась в склады.

Диосе растолкала меня на рассвете.

— Что случилось? — спросил я, мгновенно проснувшись и вскочив. Такая привычка появилась у меня во время путешествий с Яношем и сохранилась по сей день. Диосе стояла у нашей кровати в белом халате, держа на руках вцепившуюся в нее Эмили. Диосе дрожала и была бледна как мел. У Эмили широко раскрылись глаза, как всегда, когда она собиралась плакать.

— Послушай, — вот все, что сказала Диосе.

Я услыхал отдаленный гром, нет, скорее, рев. И среди этого рева раздавался треск и скрежет, словно рушилось что-то большое. Я подбежал к окну, широко распахнул его. Звук стал громче, несмотря на то что и шум дождя усилился. Но было еще темно, да и дождь падал такой густой стеной, что я не мог разобрать, что же происходит. Сообразив, в чем дело, я повернулся к Диосе:

— Это река.

— Нас смоет? — испуганно спросила Диосе. До этого я еще ни разу не видел ее в таком страхе. Но вспомнил, что ей никогда не приходилось жить у столь большой реки.

— Ну что ты. Здесь мы в полной безопасности, — заверил я ее. — Мы живем достаточно высоко, досюда река разлиться не может.

Я переживал за причалы и склады, беспокоился за людей, которые жили у реки, но поделать все равно ничего не мог. Не бог же я, чтобы остановить наводнение! И потому я уложил жену и ребенка в постель, укутал их и обнял. Мы уснули. Когда настало утро, дождь прекратился, а первая мысль, посетившая меня после пробуждения, удивила: Эмили так и не заплакала.

Река у причалов вернулась почти в нормальное состояние. Ущерб был нанесен

серьезный, но не настолько страшный, как я боялся. Было разрушено несколько причалов и складов, разбило несколько лодок и судов, но погибших было очень мало. Когда мы начали разбирать завалы, я подумал, что могло быть и хуже. Оглядев отметины, которых достигла вода, я выяснил, что она и наполовину не добралась до тех древних насечек.

Но я оказался одним из немногих, которых ситуация почти удовлетворяла. По пути домой я слышал ворчанье людей о том, что плохи дела в Ориссе. На мне была простая одежда, и шапка на голове скрывала рыжие волосы, так что меня не узнавали.

— Я слышал, что это воскресители из Далеких Королевств прислали заклинание, чтобы остановить реку, — говорил один.

— Да нам-то что от этого! — отзывался другой. — Вот увидишь, когда капитан Серый Плащ вернется, наша вшивая жизнь ничуть не изменится. Говорят, те, что ушли туда, поклялись Тедейту, чтобы ничего из Далеких Королевств не перепало нам, простым людям. Независимо от того, что они там найдут.

— Повесить этого Серого Плаща! — заорал какой-то старик. — Из-за него все наши беды. А он просто хвастун.

— Вали отсюда, старый крикун! — замахнулся кулаком первый мужчина. — Серый Плащ наша единственная надежда. Он и господин Антеро со своими счастливыми рыжими волосами. Если бы не они, нам бы вообще ничего не светило.

Они заспорили, а я пошел дальше, пока меня не узнали. Впервые за эти месяцы я встревожился. Я знал все опасности, что ожидают эту экспедицию, знал, что судьба ее может повиснуть на волоске. Но я всегда полагал, что сама по себе цель должна вдохнуть во всех ее участников столько сил и мужества, что можно преодолеть все тяготы длительного пути в те далекие земли. Правда, поневоле мне вспомнились самые разнообразные повороты в судьбе нашей первой экспедиции: потеря магических способностей Кассини и Яноша, таинственные наблюдатели, заброшенные земли, ловушки подземных чудовищ. Увы, и неудача была вполне возможна.

Но, вернувшись домой и увидев теплую улыбку Диосе и смеющееся детское личико, я тут же отбросил в сторону все сомнения. Не может быть, чтобы у них не было светлого будущего; еще даже более светлого, чем то, о котором мечтал для меня мой отец. Как могут боги сделать неудачниками этих двоих, да и вообще всех матерей и детей Ориссы? Все будет хорошо, говорил я себе, только хорошо.

Но мрачные настроения усиливались по мере того, как приближался месяц Изобилия. Затяжные дожди и наводнение вымыли из почвы большую часть семян и всходов. Грозил голод и повышение цен на продукты. В добавление к этим бедам совсем перестали поступать вести о Яноше и экспедиции. Словно все они просто пропали. Но я уверял всех — и себя в том числе, — что они, очевидно, забрались уже так далеко, откуда новости идут очень долго.

Во время страды, всего лишь за несколько дней до того момента, как крестьяне обычно начинают жатву, на Ориссу обрушилось новое несчастье. На этот раз оно явилось в обличье совершенно неуместного для этого времени года ветра, обрушившегося с гор. Сухой и горячий, он дул не прекращаясь. Он выдул всю жизнь из полей, убив почти все, что оставили для нашего стола дожди. Магистрат срочно повысил налог на жилища и торговлю, чтобы на полученные деньги купить зерно за границей. Воскресители бродили по полям, бормоча бесконечные заклинания. А ветры продолжали дуть и стихли, кажется, сами по себе, но отнюдь не благодаря магии.

Город был потрясен непрекращающимися неудачами воскресителей. Ведь они всю жизнь защищали нас от зла как материального, так и духовного мира. Что же случилось? Почему же ориссианам так не везет? Если дело и дальше так пойдет, то ликантиане просто начнут плевать на нас.

Некоторое время спустя о причинах такого положения вещей поведал мне Маларэн. Он пришел ко мне и сказал, что один из членов магистрата хотел бы переговорить со мной частным образом. Чиновника звали Эко. Он решительно, хотя и без показной активности поддерживал нашу партию, поэтому я согласился на беседу без колебаний. Мы встретились

на следующий вечер. Эко был постарше меня, но даже для его возраста многовато было морщинок на лице, а в волосах — седых прядей. Но глаза и походка оставались молодыми, как и умение соображать. Процветающий торговец, он, и попав в магистрат, быстро понял, что к чему в общегосударственных делах.

— Если у вас есть какие-нибудь вести от капитана Серый Плащ, — сказал он, — то они могли бы оказаться весьма полезными для всех нас, независимо от того, добрые они или худые.

— Откровенно говоря, господин Эко, — ответил я, — я в последнее время слышал не больше, чем любой в Ориссе, то есть — ничего. Но я не думаю, что мы должны тревожиться. В конце концов, на Узком море наступил сезон штормов, и гонцу сейчас никак сюда не добраться.

Он с минуту внимательно вглядывался в меня, видимо решая, стоит ли мне верить. Поверив, он опустил глаза и вздохнул:

— Стало быть, оттуда нам помощи ждать нечего.

— А в чем проблемы? Кроме природных бедствий, что одно за другим обрушиваются на нас?

— Вы можете поклясться, что не скажете никому то, что сейчас услышите от меня?

Я поклялся. Он удовлетворенно кивнул и сказал:

— Я боюсь всеобщего бунта. Люди быстро теряют доверие к нам. На улицах уже случаются мелкие стычки черни со стражниками, о которых вы, очевидно, наслышаны. Боюсь, что назревают серьезные события. И людей можно понять. Если мы не смогли остановить дождь и сохранить урожай, как они могут доверять нам? Тем не менее я люблю свой город со всеми его болячками, и мне проще умереть на дыбе, чем видеть, как он разваливается.

— Но почему же воскресители ничего не предпринимают? — спросил я. — Ведь магистрат регулярно устраивает встречи с ними. Что они говорят?

— Если вы имеете в виду Джениндера и Кассини, — сказал он с отвращением, — то им и сказать-то нечего. Они приходят на наши заседания, отделываются пустыми обещаниями, забирают свою десятину и удаляются.

— А что же Гэмелен? — спросил я. — И другие воскресители?

— Они прекратили свои посещения магистрата или их не пускают — я не знаю. Но могу вам сообщить, что в храме Воскрешения была настоящая битва и среди победителей не оказалось тех, кто мог бы стать нашим другом.

— Но ведь есть же вещи гораздо более серьезные, чем просто борьба за власть, — сказал я. — Пусть Дженидер дурак, а Кассини лжец. Но они же действительно искусные воскресители. Почему же они не помогут родине? На мой взгляд, дело не в их заговоре, поскольку тем самым они вредят себе так же, как и нам.

— Фактов у меня нет, — сказал Эко, — а выглядеть сплетником мне бы не хотелось.

— Ничего страшного, господин Эко, — ответил я. — Если слухи хоть что-то могут объяснить, я ни в коем случае не сочту вас сплетником.

— Вы слышали о странных событиях в храме Воскрешения? Или, может, даже видели? — спросил он. Я сказал, что слышал. — Ну так вот, что касается этих странных огней и дымов. Похоже, что Кассини и его приятели занялись злым колдовством. С какой целью, слухи умалчивают. Однако утверждают, что эти занятия черной магией отнимают у города естественную энергию и магическую защиту. Вот почему все заклинания, которые должны были помочь нам, не сработали или оказались настолько слабы, что их можно отнести к неудачам.

— А вы верите в эти истории? — спросил я. Эко еще раз устало и протяжно вздохнул:

— Очень не хотелось бы. Но поверить заманчиво, поскольку такие факты многое объясняют.

— Заодно они освобождают Ориссу от предполагаемой вины в оскорблении богов, — сказал я.

— Так-то оно так. Да только какой смысл в спекуляциях на слухах?

Эко допил предложенный ему бренди и поднялся:

— Если что-нибудь услышите от Серого Плаща…

— Немедленно дам знать, — сказал я.

И он удалился, оставив после себя длинный шлейф вопросов без ответов.

Что оставалось делать? Только надеяться. Но в этом году у матери-надежды груди были пусты, и наши беды не думали заканчиваться. Перед самыми морозами произошло самое худшее.

Это был один из тех идиллических первых зимних вечеров, когда так приятно сидеть у очага, чувствовать, как окна защищают тебя от пурги за окном, и вскоре можно пойти в ванную и затем лечь в теплую постель пораньше. Мы с Диосе занялись любовью на широкой перине. Затем, вспомнив о существовании всего остального мира, я поднялся, чтобы подбросить дров в очаг и налить по глотку бренди перед сном. Протягивая Диосе бокал, я заметил, как раскраснелось ее лицо, но решил, что это от наших упражнений. Когда я отвернулся за своим бокалом, послышался стон и затем звон бьющегося бокала.

Я резко обернулся, испугавшись за нее:

— Что случилось, любимая?

Не отвечая, она лежала, схватившись за голову, с лицом, искривившимся от боли.

— Ты больна, — встревоженно сказал я. — Сейчас я приведу лекаря.

Она слабо проговорила:

— Нет, Амальрик. Пожалуйста, не уходи, на дворе пурга, ты промокнешь и простудишься.

— Ерунда какая.

Я стал торопливо натягивать одежду. Диосе попыталась еще раз воспротивиться, но на нее накатила очередная волна боли, заставив ее издать вопль, такой ужасный, что я крикнул юную гувернантку Спото, чтобы она пришла и приглядела за хозяйкой, пока я съезжу за помощью.

Пурга усиливалась; пронзительный ветер и снежная крошка ударили мне в лицо, когда я помчался верхом по, дороге. Я добрался до дома лекаря уже затемно, но магическая медицинская эмблема, полученная по выданной воскресителями лицензии на занятие исцелениями, ярко светилась на дверях больницы. Лекарь сидел за поздним ужином, но не стал отказываться ехать со мной, ссылаясь на поздний час и плохую погоду. Теперь пурга просто наотмашь била нас по лицам, и нам приходилось понукать и бить лошадей, заставляя их двигаться против завывающего ветра. Но мы добрались-таки до виллы, и я стремительно потащил лекаря в спальню к жене.

Диосе так и лежала, постанывая, на пышной большой перине. Я понимал, что боль мучает ее; просто Диосе была не из тех, кто жалуется. Она полагала, что если на недомогание не обращать внимание, то оно само пройдет. Когда мы вошли, она открыла глаза — неестественно большие и блестящие. Лекарь извлек из сумки инструменты, а я подошел к жене и поцеловал ее. Она просто горела в лихорадке.

— Обычная зимняя простуда, — сказала Диосе, пытаясь успокоить меня. Она слабо улыбнулась и потянулась к моей руке, но тут же вскрикнула от боли, и рука ее беспомощно упала. — Клянусь богами Салси, чувствую я себя ужасно, — сказала она. — Каждая косточка болит, а в голове стучит молот.

Я попытался улыбнуться:

— Ну тогда точно зимняя простуда. Мгновенно излечишься и снова будешь нянчить на коленках Эмили.

Диосе встревожилась, когда я упомянул о дочери:

— Эмили? А как она? Ты не проверил?

— С ней все прекрасно, госпожа Антеро, — сказала Спото. — Я только что заходила в детскую, и Элин сказала, что та спокойно спит.

Диосе облегченно вздохнула и предалась в руки лекаря, который разложил свои

снадобья и принялся смешивать лекарство от боли. Но для начала он осмотрел ее: осторожно пощупал там и здесь, прислушался к ее дыханию, в свете свечи вгляделся в зрачки. И тут сердце мое сжалось, когда я увидел, как он задумался, словно в нерешительности, и едва заметно покачал головой. Затем он улыбнулся, и я решил, что он улыбнулся искусственно, поскольку и сам я, стараясь выглядеть бодро, не мог стереть с лица глупую улыбку.

— Итак, зимняя простуда, как мы и говорили? Не правда ли? — спросил я.

Он замялся, но ответил:

— Гм… Да… Да! Именно так. Зимняя простуда. Ну а теперь, госпожа Антеро, расслабьтесь и выпейте это лекарство. Я добавил туда меду, чтобы уменьшить горечь, но все равно вкус может вам не понравиться. Но если не хотите огорчать меня, выпейте, пожалуйста, одним глотком…

Она послушалась и опустошила бокал быстро, как только могла.

— Ну а теперь, моя дорогая госпожа, закройте глазки, потому что вы скоро заснете. Я сотворю заклинание, и мы с вами выгоним этих злых духов из вас. И затем, к радости вашего доброго мужа и дочери, утром вы проснетесь как ни в чем не бывало.

Когда она закрыла глаза, я сел рядом с ней и взял ее за руку, чтобы ей было спокойнее. Рука казалась раскаленной, а пальцы сильно опухшими. Внезапно она открыла глаза.

— Ты внимательно осматривал ночью Эмили? — спросила она.

— Ну конечно, — сказал я. — И на всю ночь посадил рядом с ней Спото. К тому же у нас тут лекарь, так что можешь не беспокоиться, если у Эмили тоже простуда.

Я поцеловал ее, и она снова закрыла глаза.

— Я люблю тебя, Амальрик, — пробормотала она. Я сказал, что тоже люблю ее. — Ты был для меня хорошим мужем. И отцом для Эмили. — Я поглаживал ее руку, и она наконец зевнула — лекарство стало действовать. — Ты знаешь… мне кажется, Эмили… похожа на тебя.

И с этими словами она уснула.

Лекарь поманил меня к себе. Я устроился в кресле в углу, а он приготовил чашу с благовониями, чтобы выкурить злых духов болезни. Он пробормотал заклинание, чтобы засветились четки, разорвал нитки и разбросал бусинки вокруг постели. Затем посыпал их особым порошком, и они засветились ярче. Подняв руки, он принялся произносить целительное заклинание. Но бусинки вдруг потускнели, а Диосе вскрикнула во сне. Было видно, что лекарь испугался. Он покачал головой, открыл коробочку и подбросил в чашу для курений еще порошку. Бусинки вновь засияли, и лекарь вздохнул с облегчением. Но именно это его облегчение и напугало меня, ведь мне-то казалось, что все нормально, обычная простуда. Когда он вновь забормотал заклинание, я напрягся, готовясь услыхать очередной крик боли. Ничего не последовало. Напротив, черты лица Диосе разгладились, мне даже показалось, что губы ее раздвигаются в улыбке, как от приятного сновидения. Я помолился. Лекарь все подбрасывал порошок в чашу, и вскоре комната наполнилась густым ароматом. Он разложил свой походный стульчик и подсел к постели. Опустив низко голову, он забормотал следующее заклинание. Я видел не раз, как такое проделывается, даже надо мной. Что ж, дело было обычное, успокаивающее. И я уснул.

Но это был не облегчающий сон и уж вовсе не тот, которого я ждал. Голова моя словно растворилась в воздухе, и я куда-то поплыл. И вновь вернулся тот кошмар, и вновь я видел лодочника — призрачного человека с пустой глазницей. И вновь я взбирался по тем ступеням и слышал завывания и никак не мог избежать чувства обреченности.

Пока я спал, пришел и ушел Черный искатель.

Диосе умерла.

Я не оскорблю ее памяти невнятным описанием тех чувств, что охватили меня. Скажу лишь, что такого одиночества и такой боли я никогда в жизни не испытывал. И боль эта осталась навсегда, незримая, как боль в ампутированной руке.

Я слабо помню, что было потом. Лекарь оплакивал свою неудачу, но слезы его падали на лед моей ненависти к нему. Появилась Рали, чтобы успокоить меня и взять на себя

хлопоты по соответствующим заклинаниям, чтобы тело усопшей сохранилось до похорон. Помню, как сестра говорила, что заболели и некоторые слуги и что они тоже умерли. Но слова ее не имели для меня никакого значения, они просто не проникали в мое замороженное сознание. Казалось, что прошли многие годы, а на самом деле миновало лишь два дня. Все это время я проводил с Эмили. Мы играли в саду, она к тому времени уже ходила, делала первые шага и умела произносить «папа» и «мама». Я сказал, что мама уехала в далекое путешествие и долго к нам не вернется. Но вместо того чтобы расплакаться, дочь лишь крепче прижалась ко мне, я думаю, для того, чтобы успокоить меня, а не себя. В конце концов я собрался с силами. Предстояло многое сделать, устроить похороны.

Я словно восстал из второго сна. В первом умерла Диосе, а после второго я проснулся и обнаружил, что по всей Ориссе бесчинствует Черный искатель со своими подручными.

Такой чумы еще не было в благословенной Ориссе. Она вихрем пронеслась по городу и селам, не обращая внимания на заклинания воскресителей. Болезнь свирепствовала как среди богатых, так и среди бедных. Ее распространение невозможно было предугадать. Целые районы подвергались ее налету, в то время как по соседству вообще никто не пострадал. В других местах заболевали и вымирали целые семьи, в то время как их соседи по улице отсиживались по домам в страхе и добром здравии.

А зачастую заболевал только кто-нибудь один из домочадцев, остальных же затрагивала лишь печаль. Болезнь не сопровождалась язвами или сыпью, но сокрушала болью и лихорадкой. Кто-то мучился долго, кто-то умирал сразу.

Город был охвачен страхом. Все лавки и конторы закрылись, по реке не двигались суда. Воскресители собрались на срочное заседание и рылись в старинных свитках, пытаясь отыскать средство против заболевания. Но оно не собиралось отступать. Не могло быть и речи о людных похоронах, люди боялись собираться в толпу. Я похоронил Диосе в нашем саду при скромной церемонии и в присутствии лишь Рали и домашних слуг.

Дни проходили, а я со страхом все ждал возвращения Черного искателя и все всматривался в глаза Эмили и слуг. В городе свирепствовала болезнь, мы же избегли дальнейших горестей. Я не знаю, сколько умерло людей, может быть, две тысячи, может быть, и больше.

В ту ночь, когда выпал первый снег, Эмили проснулась с плачем от боли. Я бросился к ней, отталкивая Спото и Элин. Увидев меня, Эмили заплакала еще громче. Я схватил ее на руки и сжал в объятиях, стараясь усилием воли изгнать из нее боль. Она тоже вцепилась в меня изо всех силенок, причитая:

— Па… па… па…

Я дал ей лекарства, чтобы она заснула, и обмыл ее, спящую, в ледяной воде, чтобы ослабить жар лихорадки. Не помогло. Я всю ночь продержал ее на руках, расхаживая взад и вперед и напевая ее любимые детские песенки. Я знал, что нет смысла звать лекаря, но ничего не делать я не мог.

И тут мне вспомнилось средство Халаба, которым он воскресил хорька и поднял меня с постели. Я устремился на заснеженную улицу и отыскал дом продавца зверюшек. Я колотился в его двери как одержимый. Я вывалил ему пригоршню монет за какую-то зверюшку в клетке и побежал домой. Там, обыскав мою комнату, нашел зуб хорька, который повесил мне на шею Янош во время нашего путешествия. Я отнес Эмили, зуб и клетку к алтарю Халаба, где устроил дочку на полу, постелив ей там постель. Нацепив ей на шею амулет, я распростерся ниц перед алтарем.

— Любимый брат, — сказал я, — ты уже помогал мне, молю тебя, помоги и теперь. Эмили умирает. Она твоя племянница, и ты был бы горд, видя, как достойно она представляет фамилию Антеро. О, явись мне, Халаб. Исцели ее от боли. Выгони из моих дверей Черного искателя.

В меня с картины внимательно вглядывался лик Халаба. Мне показалось, что во взгляде его я вижу глубокую печаль, словно его тронули мои мольбы. Собравшись с духом, я достал из клетки хорька. Он вилял хвостом, а бусинки его глаз светились любопытством. Я

поместил его в ручки спящей Эмили.

Я посмотрел на лик Халаба:

— Явись нам, брат. Явись нам, я взываю к тебе. Внезапно в комнате потемнело. Я ощутил движение каких-то теней. Эмили застонала, но хорек оставался сидеть у нее в руках, и лишь по его дергающимся усикам можно было понять, что это не просто пушистая игрушка. И тут я услыхал голос:

— Амальрик.

Это был голос Халаба, и мое сердце преисполнилось надеждой. Луч света появился ниоткуда и остановился на Эмили. Я ощутил густой аромат благовоний.

Голос Халаба зашептал:

— Эмили, Эмили…

Эмили заворочалась. Она открыла глаза и улыбнулась, увидев меня. Зашевелился хорек. Эмили опустила глаза и увидела его. Она засмеялась.

— Па, — сказала она, — па. Я заплакал от облегчения.

— Да, родная, — сказал я. — Это тебе. Хорек. У меня был такой же, когда я был маленьким. Хорек. Скажи — «хорек».

— Хорек, — повторила она очень отчетливо, занося новое слово в свою память. Затем она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Руки ее разжались, и хорек выскользнул. Еще один протяжный вздох… и она умерла.

Я закричал от горя. Я упал на маленькое тельце с воплями, что нет, такого быть не может. Я уже сам не хотел жить. Ну зачем мне теперь жить? Для чего? Все, ради чего я жил, у меня отобрано.

И тут я почувствовал, что рядом кто-то находится, и голос Халаба окликнул меня:

— Амальрик.

Я поднял залитые слезами глаза и увидел, как он наклоняется надо мной: колышущийся, как поднимающийся дым, но отчетливо видимый. Призрачные губы зашевелились. Он заговорил, хотя и с усилием:

— Жаль… Как жаль…

Рука его поплыла вперед и коснулась моего лица. Я не ощутил ни плоти, ни холода, ни тепла. Скорее прикосновение походило на ощущение чьего-то успокаивающего дыхания на моей щеке.

Вновь послышался шепот:

— Ты должен жить. Не сдавайся.

Я хотел закричать: зачем мне теперь вообще жить? Какой смысл? Вновь дуновение коснулось моей щеки.

— Успокойся, брат, — прошептал он. — Усни, Амальрик. Спи.

Я уснул. Уснул мертвым сном, и никто не мог меня добудиться. Слуги отнесли меня в мою спальню и положили на кровать. Они позаботились о бедняжке Эмили, похоронив ее в саду, рядом с матерью. Я проснулся только через шесть дней. Горе сковало холодом и болью мое сердце. Я бы хотел ее вырезать оттуда ножом, но, размышляя над этой мрачной мыслью, вспомнил просьбу Халаба. И я подчинился, пусть и с громадным трудом. Я ел. Я пил. И изо дня в день перетаскивал свою печаль.

А в городе радость жила вперемешку с горестями. Чума прошла. Черный искатель наелся, и наелся до отвала. Он ушел удовлетворенным, и Орисса была спасена. Но мне все это было безразлично. Жить или умереть, заболеть или быть здоровым — мне было все равно.

А затем как-то поздно ночью в ворота нашего дома постучали. Все спали, утомившись от забот обо мне и моем семействе, поэтому мне самому пришлось пойти открывать. Я отворил ворота и вздрогнул. Израненный, измученный человек сползал по воротному столбу. Это был сержант Мэйн.

— Сержант, — удивленно вытаращил я глаза. — Откуда ты? Что случилось?

Мэйн ответил скрежещущим, хриплым голосом:

— Все пропало, мой господин. Все пропало.

Глава шестнадцатая
РАССКАЗ СЕРЖАНТА

— Что произошло? — расспрашивал я. — Где Янош?

— В… в Ликантии, — с трудом сказал сержант Мэйн. — В их подземельях. А может быть, и хуже того, уже мертв…

Он замолчал. Я обернулся и увидел, что вокруг столпились удивленные слуги. Мы быстренько отнесли Мэйна в дом. Я приказал принести еды и питья, при этом не напоминая домашним, что надо держать язык за зубами. Это и так было у них в крови. Мэйн попытался продолжить рассказ, но я уговорил его отдохнуть хотя бы часик.

Мэйн помрачнел:

— Какой там часик, господин Антеро… Хорошо бы за день выспаться. А может, и вечности не хватит.

Я помог Мэйну добраться до гостиной, где ему уже приготовили еду и питье. Трем наиболее доверенным слугам я поручил опекать его, пока он, изголодавшийся, ел и пил. Затем он уснул. Сжав зубы и набравшись терпения, я прождал четыре часа, понимая, как немилосердно будить его. Его превратившуюся в лохмотья одежду я приказал сжечь. Я видел, он явился без оружия, и, значит, должно было случиться нечто действительно ужасное, чтобы этот солдат лишился своего оружия. Когда Мэйн проснулся, его искупали, помассировали и привели ко мне в кабинет. Я налил ему подкрепляющей травяной настойки, сел за письменный стол и попросил его рассказывать так, как он сочтет нужным. Я ожидал какого-нибудь бессвязного бормотанья, однако плохо же я думал об этом доблестном сержанте, которому впрок пошли все уроки Яноша, включая красноречие.

Измученный, потрясенный, сержант Мэйн докладывал четко и ясно:

— Господин Антеро, вторая экспедиция к Далеким Королевствам уничтожена. Нас настигла магия извне и невежество изнутри. Единственным оставшимся в живых офицером, насколько я знаю, оказался капитан Янош Серый Плащ. Он содержится в качестве заключенного в Ликантии, Я не знаю, в чем его обвиняют, — при аресте он помог мне бежать, и, следовательно, подробности того, что с ним там было дальше, мне неизвестны.

— Но Янош жив? Как ты все-таки думаешь?

— Ликантиане, конечно, могли казнить его или замучить до смерти. Но скорее всего, я полагаю, он жив. При аресте солдаты изо всех сил стремились не нанести ранений капитану.

Я попросил его начать сначала и рассказать мне все, ничего не скрывая. Так он и сделал. Мэйн не был бардом и потому обошелся без вступления о целях экспедиции и о том, как боги отвернулись от них, едва был поднят первый парус. Он обошелся без этих очевидных вещей, сообщив лишь, что с первого же дня все пошло из рук вон плохо. Суда оказались перегруженными, а как только они вышли из речного устья в Узкое море, стало ясно, что они еще и не приспособлены для плавания по морским водам. Слишком много оказалось среди судов речных барж или торопливо переделанных каботажных судов.

Налетела непогода, и хоть не столь свирепая, как буря архонтов, обрушившаяся в свое время на «Киттивэйк», однако же флот разметало. Корабль, на котором находились офицеры, включая Яноша и сержанта Мэйна, первым выкинуло на берег, не так уж и далеко от знакомой нам деревни прибрежного народа на Перечном побережье.

— И это была единственная удача, которую даровали нам боги, — добавил Мэйн.

В течение нескольких недель остальной флот подтягивался к поселку прибрежников, но несколько кораблей так никто никогда и не увидел. Экспедиция торопливо выгружалась: лошадей просто сталкивали за борт, полагая, что они сами доплывут; грузили маленькие лодки туземцев до отказа; выстраивали солдат по мелководью цепочкой, чтобы они передавали груз из рук в руки на берег. Наконец вся экспедиция оказалась на суше.

К тому времени между солдатами и прибрежниками уже успели произойти стычки:

несколько местных женщин подверглись насилию, произошло несколько драк, кое-что из имущества экспедиции оказалось похищенным. Потребовалось все дипломатическое искусство Яноша и весь здравый смысл Черной Акулы, чтобы ситуация вконец не ухудшилась. Мэйн, возглавлявший взвод охраны командования экспедиции, присутствовал на большинстве из таких встреч. И он рассказал, что, например, генерал Версред заявлял, что все это ерунда и не стоит на этих прибрежников вообще обращать никакого внимания.

Наконец экспедиция пошла вперед, примерно повторяя маршрут, проделанный нами в моем открытии. Примерно, потому что толпе почти в две тысячи человек невозможно идти, точно соблюдая порядок. Взятые с собой такие не совсем необходимые вещи, как фургоны маркитанток, роскошные палатки богачей, замедляли продвижение. Мэйн поведал мне, что пять или шесть офицеров прихватили с собой подружек, которые вовсе не собирались путешествовать пешком. Да и лошади требовали более разнообразного питания и лучшего ухода, чем ослики. Люди начали погибать уже во время перехода по тем землям, по которым первая экспедиция проходила без проблем. Погибали от собственной глупости, от болезней, от невежества. Дважды экспедиция сбивалась с пути и была вынуждена возвращаться обратно, чтобы выйти на правильный маршрут.

Я спросил — чем же занимались их воскресители? Сержант сказал, что, видимо, их заклинания блокировались или ослаблялись магией еще более сильной, чем та, от которой пострадал Кассини. Я спросил, пользовались ли они картой наблюдателей. Да, карта действовала, но нерегулярно. Наиболее достоверным путеводителем оказалась карта, нарисованная мной. А что же Янош? А Янош увлекся одной из подружек офицера. И офицер этот, похоже, не возражал против внимания, которое уделялось его возлюбленной. Сержант Мэйн сказал, что Янош казался лишь наполовину занятым путешествием, хотя, возможно, он приберегал силы для больших трудностей, ожидавшихся впереди. Я вспомнил о том безразличии, которое овладело Яношем у племени Долины, но ничего не сказал.

Мэйн рассказал, что экспедиция продвигалась вперед толпою шириной чуть не в лигу. Как саранча, сравнил он, только вот саранча-то движется все-таки быстрее. Они добрались до верховьев реки и пошли пустыней.

Я спросил, не досаждали ли им разбойники, сами или посредством магии. Мэйн ответил отрицательно. Я спросил, не вернулось ли могущество к воскресителям, и он ответил, что, насколько он понял, нет.

Затем он нервно оглядел комнату.

— Возможно, господин, вы знали об… интересах капитана Серый Плащ?

— Ты имеешь в виду занятия магией?

— Да, господин. Он ставил рядом со своей палаткой еще одну и проводил там много времени. Мне он приказывал выставлять вокруг охрану и предупреждать его в случае приближения кого-нибудь из офицеров или воскресителей. И, по моему мнению, именно благодаря этим занятиям капитана нас в этом месте не настигла злая магия, как это случилось прежде.

По-прежнему не появлялись наблюдатели.

Экспедиция обошла райский кратер, продолжал сержант Мэйн, хотя он рассчитывал, что они там отдохнут. Я застонал, представив, что могли бы устроить из обнаруженного мною с Диосе рая солдаты. И тут я чуть не расплакался, вспомнив в очередной раз, словно впервые, что любимая моя покинула меня навсегда. Но я постарался ничем этого не выказать, продолжая сохранять интерес к повествованию сержанта.

Янош изменил намерения заходить в кратер не из романтических соображений, а полагая, что заклинание, возложенное на этот рай, слишком сильно, и если агрессия вновь охватит его обитателей, то не придется ли участникам экспедиции расплачиваться за это слишком большой ценой. Кроме того, экспедиции хватало воды и запасов продовольствия. У Яноша и мысли не было искать Долину, она все равно ничем бы не могла помочь экспедиции, хотя число путешественников уже не превышало полутора тысяч человек.

Заброшенные земли так и остались унылым кошмаром, но Мэйн не переживал, зная,

что это конец пустыни. Они пошли по пути, проложенному нами с Яношем, к предгорьям. Однако теперь время года было иное — уже наступила осень. Возможно, именно здесь-то и начались основные трудности. Янош, в предчувствии перевала, похоже, пробудился от своего сна и повел себя как настоящий табунщик, подгоняя и подхлестывая стадо, чтобы шевелилось живее. Тут Мэйн покачал головой:

— Я понимал, что движет капитаном, но только подогнать эту толпу не было никакой возможности. Наверное, если бы нас было поменьше, груз у нас был полегче, люди были поопытней… Я вовсе не хочу критиковать методы капитана, но складывалось впечатление, что он ни к кому не собирается прислушиваться; генерал и офицеры вообще считали, что он ведет себя как скандальная рыночная торговка. Такую только задень…

Тем не менее у Яноша, генерала Версреда и их штаба имелась решимость преодолеть перевал до первого снега и устроить зимние квартиры на той стороне гор.

— Но дело до этого так и не дошло, — сказал Мэйн. — Продвигаясь дальше, мы дошли до города, расположенного у самого начала перевала.

Я припомнил ту местность.

— Должно быть, именно оттуда появились всадники, напавшие на нас.

Мэйн кивнул:

— Именно это подтвердили правители города и извинились. Общались мы на языке торговцев. Они сообщили, что их окружает множество коварных врагов, ну и командир того отряда принял вас с Яношем за вражеских лазутчиков. Извинениям не было конца.

У Мэйна был такой вид, словно ему хочется сплюнуть и только обстановка останавливает его.

— С этого дня и обрушился на нас рок, — сказал он. — Город оказался прекрасным, как и его население. Они заверили генерала и Серого Плаща, что безмерно рады их приходу. Словно занялась заря нового дня, как заявили отцы города, дня, когда они вступят в союз с Ориссой и не будут больше бояться вражеских воинов. Особенно они обрадовались, когда узнали о цели экспедиции. С приходом весны некоторые из местных молодых солдат выразили желание присоединиться к экспедиции и отправиться на восток, к Далеким Королевствам. Сам этот город, носивший название Вахумва, оказывается, в незапамятные времена крепко дружил с обитателями Далеких Королевств.

Сержант замолчал, вытащил из-за пазухи какой-то потрепанный тряпичный сверток и протянул мне.

— Как доказательство, — сказал он, — эти лживые подонки дали капитану вот это.

Я развернул тряпку и не сразу понял, что это. Оказалось, военное знамя, грязное, серое от древности. Но ясно просматривалось изображение: луч солнца и свернувшаяся змея. Я прекрасно помнил эту картинку. Перед моими глазами встало горное ущелье неподалеку от Перечного побережья и воин в янтаре, чьи останки мы предали последнему упокоению. Такой же солнечный луч и змея были вытеснены на кожаном кошельке воина.

Сержант Мэйн сказал:

— Нам сказали, что это знамя развевалось над воинами Далеких Королевств. И осталось у них после того, как их воины последний раз приходили Вахумве на помощь.

— И что же решил Янош? — спросил я.

— Он согласился, что это знамя из Далеких Королевств и что это символ их правителей.

— Он был уверен в этом? — спросил я.

— Уверен и тогда, — ответил Мэйн, — и в тот день, когда отдавал мне знамя, надеясь, что я выживу и увижу вас.

Я свернул знамя и положил его в письменный стол. Оно и по сей день лежит там. Затем я попросил сержанта продолжать.

— Итак, люди того города божились, что дружат с Далекими Королевствами?

— Да, господин Антеро. Так эти — лжецы нам рассказывали, — горько сказал Мэйн. — Они также сообщили, что, выдержав несколько суровых войн с варварами Спорных

земель, они утратили связь с Далекими Королевствами. И именно из-за этих войн так много у них пустующих жилищ, где мы можем спокойно расположиться. И поэтому нет нужды разбивать палатки или спать на земле. Да плюс к тому тепло настроенное общество местных многочисленных вдов и симпатичных женщин… Нас не пришлось долго упрашивать.

Мэйн поднес к губам чашу с настоем целебной травы, но отставил ее в сторону и спросил, нельзя ли бренди. Я налил ему бокал, и он продолжал рассказ:

— Итак, мы поселились там, и мало-помалу к тому времени, когда грянули первые зимние вьюги, от того, что некогда было войском, остались лишь воспоминания. Зачем учения и дисциплина, когда лучше посиживать у очага с подружкой и бокалом вина? Не нравилось мне все это. Я чувствовал себя болваном в какой-то игре, где нас дурачат, а за нашими спинами перемигиваются.

Я был озадачен: ведь наверняка за время, проведенное там, мы с Яношем должны были бы увидеть признаки существования этого города — дым из труб днем, отблески огня ночью. Но может быть, и нет, может быть, город скрывался в складках местности. Мэйн рассказывал, что Янош делал попытки разведать дорогу к перевалу, но каждый раз мешала погода. Наконец ему надоело месить грязь и снег, и он вновь углубился в свои занятия.

— Хотя, боюсь, толку от них ему и нам всем было мало.

В канун праздника середины зимы жители города объявили о проведении общего пиршества. Оно состоялось в огромном зале, уставленном длинными столами с изысканными блюдами. Рядом с каждым мужчиной сидела женщина. По залу туда и сюда сновали слуги с блюдами и подносами, играла музыка, надушенные ковры источали аромат.

— Я и сам не знаю, почему я заявился туда при оружии, — сказал Мэйн. — Но тем не менее в рукав я засунул кинжал, помня, что гостеприимство нередко идет рука об руку с коварством. И я благодарю богов за этот свой не очень-то вежливый поступок.

— Сигнала к действию он не заметил, но вдруг увидел, что сидящая напротив женщина всадила кинжал в спину своего сотрапезника. В зале воцарилось кровавое безумие, когда на ориссиан обрушился шквал сабельных и кинжальных ударов.

— Мой клинок оказался проворнее соседского. Она упала, и тут вскочил капитан Янош и, орудуя здоровенным канделябром как дубинкой, начал крушить налево и направо. Я понимал, что мы уже покойники, но уж коли начал проливать кровь, то не сразу остановишься. — Он содрогнулся. — Я видел, как хорошенькая блондинка, взгромоздившись на колени генерала Версреда, впилась ему зубами в глотку, подобно волчице. А затем она и остальные… принялись жрать.

Мужчины и женщины города с жадностью набросились на убитых, совершенно не обращая внимания на еще оставшихся в живых ориссиан, И пока длилось это безумие, остатки разгромленной экспедиции, успев похватать из оружия и снаряжения кто что мог, кинулись искать спасения в ночи и воющем зимнем ветре. Странно, но их не стали преследовать обитатели этого жуткого города по имени Вахумва.

— Возможно, они удовольствовались тем, что получили, — сказал Мэйн.

Я согласился с ним, хоть и подумал, что нужна им была все-таки не плоть человеческая, но не стал высказываться.

В этой резне уцелели две или три сотни ориссиан. У них остался командир Янош, а из офицеров в живых оказались только два легата. Началось долгое и мучительное отступление. Но теперь за работу взялась смерть: люди падали от истощения, от жажды, их захватывали в плен или умерщвляли кочевники.

— В конце концов нас осталось около тридцати человек, а из офицеров только Янош. Ориентироваться мы могли только по солнцу и звездам и брели, приблизительно придерживаясь маршрута. И вот мы вышли-таки к морю, но западнее земли прибрежного народа, на какой-то пустынный участок берега. Двое из наших знали, как строить плоты. Мы сколотили их на скорую руку, соорудили небольшие паруса из той одежды, без которой можно обойтись, и отдались на волю богов, надеясь, что течение и ветер отнесут нас к Редонду.

Но они так и не добрались до этого торгового города. Вместо этого их захватила какая-то галера.

— Они утверждали, что они пираты, но среди них царила настоящая воинская дисциплина. Определенно, это было военно-морское судно ликантиан. В сражении с ними пали восемь наших людей. Остальных посадили на цепь в форпике корабля, и он направился в Ликантию. Мы с капитаном Серый Плащ задумали план бегства, и, когда нас, перед тем как судно вошло в этот проклятый Ликантийский залив, вывели на палубу, мы привели его в действие. Идея была такая: Янош устроит свалку, к которой, может быть, подключатся все, а я, поскольку всегда был отличным пловцом, прыгну за борт и постараюсь добраться до земли. Капитан, если повезет, должен был броситься вслед за мной. — Мэйн горько покачал головой. — Но последнее, что я видел, это как капитана одолели два охранника. Затем вокруг меня в воду полетели стрелы, и мне пришлось нырнуть под воду и проплыть там какое-то время.

Мэйн выбрался на берег в тот момент, когда судно, миновав громадную охранительную цепь, входило в гавань Ликантии. Он ничем не мог помочь Яношу и остальным; ему оставалось разве что добраться до Ориссы и принести сюда эти печальные вести. Об остатке пути он поведал уже равнодушно, словно дикие звери и ликантианские патрули уже не имели никакого значения. А может быть, после такого путешествия остальное действительно кажется мелочами.

Мэйн закончил рассказ. Я налил ему еще бренди и задумался, что же делать дальше. Но уже через два часа ситуация совершенно изменилась. Кто-то — охранник ли у ворот, случайный прохожий, а может быть, кто-нибудь и из слуг — распустил слух. Орисса была оглушена новостью. И раньше случались катастрофы, но такого сногсшибательного крушения еще не было. Ни одного вернувшегося из двух тысяч, кроме Мэйна. Все или погибли, или пропали в далеких краях, или оказались в рабстве: три магистра, молодые, но весьма уважаемые, генерал Версред и его штаб, другие офицеры, известные своим мужеством, вся личная охрана магистрата, не считая одной когорты, оставшейся дома, и плюс к тому тысячи простых солдат, самых храбрых юношей Ориссы, тысячи гражданских — мужчин и женщин.

Мэйн предстал перед магистратом и изложил свою историю. Я подумал, может быть, стоит что-нибудь опустить в его рассказе, например, критику в адрес покойного генерала Версреда, убийственно медленный темп продвижения экспедиции, поведение самого Яноша. Но, слыша вопли отчаяния и скорби в городе, я понял, что теперь уже разницы нет. Мэйну было приказано повторить рассказ перед жителями Ориссы, собравшимися в Большом амфитеатре, и это добавило общей скорби.

Орисса билась в истерике: заслоняя реальность происшедшего, над городом запорхали слухи и обвинения, подобно огонькам пламени среди сухого кустарника. Огоньки подпитывались воскресителями с Кассини во главе. Янош Серый Плащ, мол, намеренно завлек экспедицию в ловушку, оставив ее без защиты заклинаний, которые воскресители изо всех сил пытались послать вдогонку. Он оказался предателем и агентом, состоящим на жалованье у архонтов. Хуже того, он даже не человек, а враг рода человеческого. Да кто в конце концов знает, существует ли эта его далекая Кострома? Именно Янош не допустил исполнения священной миссии Ориссы — воссоединения с Далекими Королевствами.

Сторонники Яноша, отвергая все эти обвинения, утверждали, что причиной трагедии стали сами воскресители, желавшие лично воспользоваться славой открытия Далеких Королевств и удержать свою пошатнувшуюся власть. Но и их не слушали. Даже Гэмелен счел за лучшее удалиться из города и предаться посту и медитации, чтобы потом сделать собственное заявление относительно этих ужасных событий.

Вновь всплыли клеветнические заявления против семейства Антеро. И мы, как выяснилось, не служим по-настоящему интересам Ориссы, а заботимся лишь о золоте и серебре. Однажды вечером в своем доме я услыхал, как какой-то негодяй разносчик сказал, что благородные воскресители узнали, что Халаб нечестен, морально разложен, потому-то

он и погиб. Я рукоятью кинжала вбил зубы этому малому в глотку и чуть не выпустил из него кишки, как из свиньи, если бы меня не оттащила Рали. Она и Мэйн были теперь единственным для меня утешением в этой жизни. Правда, эта стычка хоть как-то меня развеяла и потому запомнилась. Весь мир словно был погружен в серую дымку, или между миром и мной висела вуаль. И мои мысли были больше заняты Диосе и Эмили, чем переживаниями целого города.

Приблизительно в это время вернулся ко мне мой ночной кошмар, в котором лодочник, теперь с внешностью ликантианина Грифа, вел меня по причудливым пещерам к моему концу, но какая-то часть моего сознания при этом приветствовала предназначенную мне гибель.

Как-то, измученный то кошмарами, то бессонницей, я оказался в предрассветный час у реки и, глядя на ее волны, стремящиеся к морю, подумал, как же они мягки и ласковы, словно постель уставшему человеку. Я силой воли заставил себя уйти оттуда. Если бы жив был отец и понял бы мои намерения, он бы здорово побил меня. Еще ни один Антеро не опустился до того, чтобы утопиться от жалости к себе. Я должен был хоть чем-то занять себя, и по возможности скорее.

И как только эта мысль посетила меня, я тут же понял, что должен делать. Орисса и пальцем не шевельнет ради спасения Яноша, даже когда все придет в норму. Что же, хорошо, подумал я и торопливо направился домой. Я разбудил прислугу и принялся отдавать приказы. Я рассказал о своих намерениях Рали, и она нахмурилась:

— Ты можешь в этом завязнуть глубже, чем полагаешь, а то и вообще утонуть.

Я вздрогнул, услыхав такое сравнение.

— Возможно, Янош действительно представляет для Ликантии какую-то ценность… или мы что-то не понимаем.

— Ну это вряд ли, — сказал я. — Не доводилось мне еще видеть ни одного ликантианина, который отказался бы от золота. Но прежде чем выплатить выкуп, я скажу Яношу, чтобы он рассказал ликантианам все, что ему известно. И пусть они сами организуют экспедицию, если хотят, и пусть столкнутся с пустыней, работорговцами и живущими под землей чудовищами. Как показала эта экспедиция, Янош плохо пользовался картами, как наблюдательской, так и моей. И никто, кроме меня, нарисовавшего ее и запомнившего другие детали, не сможет ею воспользоваться.

Рали покачала головой:

— Ты рассуждаешь логически, дорогой братец. И это может стать причиной твоих неприятностей. Когда люди озабочены только жаждой денег и жаждой славы — именно это и наблюдается и в Ориссе и в Ликантии, — логические доводы исчезают. И это сегодняшнее умопомешательство, которое вызывается просто упоминанием о Далеких Королевствах… — Она помолчала. — Иди, Амальрик, если тебе кажется, что ты должен. Но я боюсь за тебя.

К рассвету подвода, которую я нанял, была уже за воротами города. В ней находилось два сундука чистого золота, взятого мною из хранилища моей виллы. Этого должно было хватить, чтобы подобрать ключи и к сердцам ликантиан, а если понадобится, и самих архонтов. Конечно, короля за эти деньги не выкупишь, но военных капитанов можно выкупить, и не одного. Золото охраняли шестеро самых лучших моих слуг. Хотел я взять с собой и сержанта Мэйна, но если бы из города исчез единственный оставшийся в живых свидетель трагедии, то стало бы ясно, что Антеро задумал что-то против Ликантии без ведома магистрата, а это было чревато дипломатическими неприятностями, и поэтому за нами непременно послали бы погоню.

Путешествие до Ликантии прошло без приключений. Я приказал своим людям остановиться на последнем приличном постоялом дворе, расположенном в дне пути от города, и дальше поскакал один. Я не обращал внимания ни на погоду, ни на то, проезжает ли кто-нибудь еще этой дорогой. Я был поглощен тем, что повторял и повторял про себя те доводы, с помощью которых собирался освободить Яноша. В город я въехал тоже без приключений и направился прямиком в ту гостиницу, где мы останавливались в прошлый

раз. Я собирался немного отдохнуть, привести себя в порядок, а потом начать разузнавать, как со своей просьбой добраться до правителей Ликантии. Но я так и не доехал до гостиницы.

В сумерках улицы города заполнили люди, спешащие с работы домой, и мне приходилось прикладывать усилия, чтобы пробираться с конем сквозь эту толчею. И вдруг совершенно неожиданно я оказался в одиночестве на какой-то пустынной улице, и последний ликантианин исчез за дверью своего дома.

Я услышал вой, вспомнил, что это такое, и, повернув за угол, налетел на эту отвратительную безволосую гиену с лицом человека; это было то самое создание, которое созывало нас во дворец архонтов, а затем обрекло на смерть ту юную женщину. Оно сидело на задних лапах и рассматривало меня. И вновь оно взвыло, и вой этот эхом запрыгал среди каменных стен города. И тут оно заговорило:

— Амальрик Антеро. Тебя призывают. Повинуйся.

Я инстинктивно натянул поводья, повернул коня и пришпорил его, стремясь удрать от этого жуткого вестника. Но позади уже встала двойная шеренга солдат с копьями наперевес. Такая же шеренга возникла за спиной чудовища.

— Амальрик Антеро. Тебя призывают.

Глава семнадцатая
ПОДЗЕМЕЛЬЯ АРХОНТОВ

Меня препроводили к огромному замку над морем и повели по длинным сырым коридорам, разделенным закрывающимися дверями и залами с высокими потолками, где гуляло эхо. Казалось, что во всем этом громадном замке нет никого, кроме часовых, меня и этого отвратительного создания, вприпрыжку семенящего впереди меня. Так мы подошли к дверному проему, прикрытому лишь тяжелой темно-зеленой портьерой. Солдаты, повинуясь безмолвной команде, повернулись и ушли, оставив в качестве охранника при мне лишь ищейку.

— Амальрик Антеро. Тебя призывают. — С этими словами она двинулась за портьеру. Я покорно вошел в еще один пустой зал с голыми стенами. Все в этом зале было из камня: от потолков с крестовым сводом до держателей для горящих факелов и низкого подиума в дальнем конце зала. По обе стороны подиума возвышались два высоких пьедестала. Создание расположилось перед этой сценой. Я слышал, вернее, ощущал какое-то гуденье, словно вибрировали и стены, и воздух. Гуденье стало громче, и тут я увидел над каждым пьедесталом мерцание размером выше человеческого роста. Ищейка присела в униженной позе. Я остался стоять.

Наверное, мне надо было встать на колени. Я вставал и встаю на колени перед многими богами, королями и даже бандитами, присвоившими себе монаршие достоинства. Не вижу в этом ничего зазорного, и зачастую это впоследствии приносит пользу, а то и просто помогает выжить. А иногда это просто общепринятый жест учтивости. Но здесь, в недрах дворца архонтов, я остался стоять. Наверное, во мне взыграла гордость рода Антеро. Мне не хотелось вставать на колени перед этими светящимися призраками. Гудение не смолкало, перейдя вдруг в громкое и страшное жужжание, исходящее как будто из гнезда чудовищных ос, но затем жужжание смолкло.

Как только воцарилась тишина, из темноты за пьедесталами вышел человек. Он был по-настоящему прекрасен, хотя я почти не применяю этот эпитет по отношению к представителям сильного пола; но этот мужчина — с мягкими кудрявыми светлыми волосами, мальчишеской улыбкой на пухлых губах и стройным телом — был красив.

— Господин Амальрик! Я так и надеялся, что наше… обладание вашим другом заставит вас решиться на поездку в Ликантию. Я — Нису Симеон.

Так, стало быть, этот мужчина, а скорее, юноша, если верить отцу и Грифу, и был воплощением зла в Ликантии, главой клана Симеонов, клана, с которым Антеро враждовали

вот уже в течение трех поколений. И даже тогда, несмотря на всю опасность моего положения, я еще раз убедился, что только дурак будет отличать добро от зла, руководствуясь лишь их красивой или безобразной наружностью.

Я задумался в поисках решения — как мне себя вести: испуганно, просительно или нахально.

— Господин Симеон, — сказал я наконец. — Стало быть, это вы убедили ваших правителей задержать благородного ориссианина, не считаясь с возможными последствиями.

— Моих повелителей, архонтов, не надо убеждать, — сказал Симеон. — В то время как вы пребывали в плену воспоминаний о прошлом, вы даже не заметили, что в Ликантии воцарился новый дух. Настало время изменить положение вещей и обрести место под солнцем, достойное нас.

И тут я припомнил резкое высказывание Кассини относительно Ликанта, когда он заявил, что лучше бы мы стерли этот город вместе с жителями с лица земли, чтобы не страшиться, что они восстанут вновь. Даже Кассини смог разглядеть очевидную опасность в дымке грядущего.

— Далее, — продолжал Симеон. — Даже если бы мы и принимали во внимание какие-либо репрессии со стороны Ориссы, то вряд ли бы силы вашего города выступили в защиту Серого Плаща, а теперь и Антеро. В эти дни там вам поют далеко не хвалебные песни.

Я старался сохранять каменное спокойствие и ничего не ответил, тем более что он был совершенно прав.

— Все, что нам надо от вас, — продолжал Симеон, — это полное и детальное описание вашего маршрута к Далеким Королевствам. Не подлежит обсуждению тот факт, что в настоящий момент только у Ликантии есть подлинное могущество, чтобы войти в равноправные отношения с этими Королевствами, особенно если учесть постигшую Ориссу катастрофу при вашей попытке добраться туда с помощью вашего мелкого чиновника.

— Вы здорово ошибаетесь, если считаете капитана Серый Плащ мелким чиновником.

— О? Неужели же вы прибыли в Ликантию, чтобы спасти его из чистого альтруизма? И если он не ваш служащий, кто же он? — Нису скривил губы. — Любовник?

Я на секунду задумался над позицией ликантианина: так ли она крепка, как их каменные дома? То, что он пытался оскорбить меня, не задевало. Я изобразил циничную ухмылку:

— Отлично. И что же вы обещаете мне в обмен на мое сотрудничество?

— Я был бы круглым дураком, — ответил он, — обещая вам золото или высокий пост здесь, в Ликантии. Разумеется, не можем мы разрешить вам и вернуться в Ориссу до тех пор… до тех пор, пока не разрешится спор между двумя нашими городами. И поэтому, не будучи дураком и не считая таковым и вас, я вам не обещаю ни того, ни другого. Для вас может быть только одна цена… и рядом с ней все остальное не имеет никакой цены. Да и не могу я ничего предложить, иначе мои господа, архонты, решат, что я не столь ревностно служу им, как другие. В общем, мы хотим обладать теми же знаниями о пути к Далеким Королевствам, которыми обладаете вы и капитан Серый Плащ. Нас интересует все: приливы и отливы, съедобность плодов вдоль маршрута, существуют ли опасные насекомые, каков характер обитающих там народов, с какими видами заклинаний вы сталкивались. И мы готовы применить все доступное искусство Ликантии, чтобы заставить вас просветить нас, и можете не сомневаться, в этом смысле будет сделано все возможное, чтобы убедить вас. Торопиться мы особо не будем, поскольку как мои повелители, так и я понимаем, что при излишней торопливости… создаются ненужные проблемы.

— Например, смерть?

— Да, — спокойно сказал Симеон, — или сумасшествие, особенно если у следователя вдруг скептическое настроение и ему кажется, что слышит он намеренную или даже неумышленную ложь. Вот, стало быть, таковы наши цели и намерения. Желаете как-то их прокомментировать или сделать заявление, исполненное мужества отказать в нашей просьбе, чтобы мы могли его по достоинству оценить?

— Я покачал головой.

Симеон кивнул.

— Что ж, тогда… подождем нужного момента. Очень скоро мы узнаем, когда вы и Серый Плащ пожелаете заговорить с нами еще раз, пожелаете заговорить искренне, от души. Ну а пока соблаговолите проследовать за посланцем моих повелителей к вашим апартаментам.

И, не дожидаясь ответа, Симеон повернулся и исчез во мраке. В то же мгновение пропало и мерцание, а факелы ярко вспыхнули и остались гореть с прежней ровной силой.

Выбора у меня не было, и я пошел за ищейкой обратно по гулким каменным коридорам. Я ожидал, что меня отведут в подземелье. Вместо этого чудовище повело меня по лестницам все выше и выше и затем опять по коридорам. Я догадался, что мы оказались на верхних этажах огромного замка. Наконец тварь остановилась перед громадным V-образным дверным проемом. Зверь разинул пасть и взвыл так, что я оглох от неожиданности. Только через минуту я понял, что тварь произнесла заклинание на непонятном языке. Слух вернулся ко мне, когда дверь широко распахнулась. Передо мной открылись роскошные апартаменты. На стенах красовались фрески, потолок был затянут шелком. Я в нерешительности остановился.

— Входи, если ты от мира этого, и будь проклят, если нет, — донесся крик изнутри. Это был голос Яноша. Я двинулся на призыв, и дверь за мной захлопнулась. Я тщетно подергал за ручку и понял, что ищейка уже наложила запорное заклинание. Я миновал прихожую и пошел в направлении той комнаты, откуда доносился голос Яноша. По обеим сторонам от меня располагались большие комнаты с высокими потолками, в некоторых стояли кровати, в других кушетки, в третьих обеденные столы и так далее. Если бы все это было сделано не из того темного камня, к которому имели пристрастие ликантиане, да не излишняя перегруженность интерьера отвратительными картинами и скульптурами, я бы сам не постыдился принять в таких апартаментах лучшего друга или глубокочтимого гостя.

Следующий сюрприз поджидал меня, когда я вошел в главный зал: Янош, полулежащий на кушетке с богатой обивкой. Он был окружен книгами, свитками и листами. Перед ним стоял пюпитр для книг с кипой бумаги, испещренной его каракулями и рисунками, очевидно, магического свойства. Несколько широких окон за его спиной были открыты, и в них я разглядел огни Ликантии и раскинувшуюся внизу гавань. Янош был одет как благородный человек дома — в свободный халат и шелковую рубаху. Он никак не походил на заключенного, которого подвергают пыткам, физическим и магическим. Но его лицо было высохшим, осунувшимся, измученным. Таким оно было у него в завершение моего открытия, когда мы вернулись на Перечное побережье.

— Добро пожаловать, друг мой, доказавший приверженность дружбе, — сказал он, встал и обнял меня. — Никто бы не пожелал себе лучшего собеседника в плену, хотя я бы предпочел, чтобы ты оказался более эгоистичен и остался дома.

— Вообще-то я не собирался, — сказал я резковато, — угодить сразу в гости к архонтам.

Янош хмыкнул:

— Мне сообщили несколько часов назад, что ты приближаешься к городу и намерен искать меня. Я-то думал, у тебя хватит благоразумия почувствовать ловушку.

Он покачал головой.

— Как они предугадали приезд?

— Не знаю. Они мне не сказали. Я гадал на тебя, но ответ получился очень невнятный. Может быть, ликантиане использовали какое-нибудь предупреждающее заклинание, или тайно наблюдали за дорогой, или им помог шпион-воскреситель в Ориссе. Но я определенно понял, что первую скрипку в этом заговоре пленить и тебя сыграл какой-то твой враг.

— Нису Симеон. Я впервые в жизни встретился с ним сегодня, там, в подземелье этого замка.

Я рассказал Яношу, что произошло. Он никак не прокомментировал это, да и

необходимости не было. Он предложил мне на выбор вино, сок или воду, расставленные рядом на подносе. Я налил себе бокал вина, но подумал, отставил вино в сторону и налил себе сока.

— Выпей вина, — сказал Яношь. — А впрочем, как хочешь. Хотя, насколько мне известно, для того чтобы получить наши знания, им нет нужды подливать нам что-нибудь наркотическое в напитки или спаивать. К тому же я бы рекомендовал нам обоим есть и пить как можно больше, поскольку условия содержания могут вскоре здорово измениться.

Я напился, вдруг почувствовав охватившую меня жажду, и еще раз наполнил бокал. Затем подошел к одному из окон и выглянул наружу. Наши апартаменты, наша тюрьма располагалась прямо над водой, далеко внизу видна была белая полоса прибоя, бьющегося о камни стены.

— На окна наложены заклинания?

— Естественно. Хотя это перестраховка. Ведь у тебя же с собою нет пары припрятанных крыльев.

Я обернулся и выдавил улыбку. Это тяжкое испытание, и я не сомневался, что будет еще тяжелее, однако его можно будет слегка облегчить, если отыскивать во всем смешную сторону. У меня было множество вопросов, и я решил задать их сразу.

— Следует ли нам соблюдать осторожность в разговоре друг с другом?

— Да, в разумных пределах. Я бы не стал, к примеру, вдаваться в подробности относительно… нашего совместного приключения. Но в общих чертах обсуждать не возбраняется. Я сотворил заклинание, которое позволяет любому подслушивающему нас услыхать лишь невнятное чтение молитв, которое я заучил в детстве. Но это в случае, если архонты не применят против меня даже свои особые малые заклинания, против которых мне не устоять и большую часть которых я не смогу нейтрализовать. Я уже ощущал на себе пару раз и великое заклинание, хотя кто почувствует, что заклинание на самом деле великое? Например, нет ничего невозможного в том, что я окажусь монстром, сделанным архонтами. И ты должен гадать, настоящий я человек или злой гомункулус, вызванный к жизни их могуществом. Но если и дальше продолжать в том же духе, то можно и с ума сойти.

— И они позволяют тебе заниматься твоим… увлечением? — подивился я, воспользовавшись безобидным термином, который я запомнил с детства, когда впервые понял, что брат мой, Халаб, занимается чем-то запрещенным.

— Позволяют? Это немного не то слово. Не могут же они наложить вообще запрет на колдовство, иначе им придется блокировать и собственные заклинания. Но они могут наложить особые запреты, чтобы я не мог вспомнить какое-то определенное заклинание, с помощью которого избавляются от цепей или открывают двери.

— Примерно так же, как вы с Кассини утратили память на магию во время путешествия… в другое место?

— Слава богам, их заклинание не оказалось вечным. Но они пытались. Извини, если я не очень внимателен к тебе или слишком погружен в собственные мысли. Но…

Что-то щелкнуло в стороне, что-то мелькнуло, и в стене внезапно открылась магическая дверь в темную комнату, и я увидел там людей, тела которых были покрыты черными ранами — следствием жестоких пыток. И тут же вновь на этом месте оказалась глухая стена.

— Вот пример того, что я назвал малыми заклинаниями, — сказал Яношь. — Все они направлены на то, чтобы вымотать нас и сокрушить нашу стойкость. Есть и другие заклинания, окружающие это помещение: вызывающие бессонницу, вспыльчивость, чувство тоски, подавленность и различные неприятные, болезненные, хоть и несмертельные недуги — это все загоняет человека в угол.

— Должно быть, ты уже далеко продвинулся в изучении магии с тех пор, как я впервые узнал о твоих тайных занятиях, — сказал я, сам удивляясь, откуда у меня берется хладнокровие обсуждать такие вещи, находясь в ловушке безжалостного врага.

— Спасибо, но только я не ощущаю от этого гордости. Сейчас моих сил хватит разве

что на комариный укус, если сравнивать с силами архонтов. А может быть, организм сам сберегает свои силы для того момента, когда на нас обрушатся всей мощью.

— Ты сказал, что уже дважды испытал на себе то, что ты назвал великими заклинаниями. На что они похожи, чтобы я мог подготовиться?

— Оба раза это было отвратительно. Первое, более терпимое, представляло из себя разгульный танец дьяволиц, юных и прекрасных ведьм, входивших в мои сны и обещавших стать реальностью после того, как мы совершим несколько действий сексуальной магии. Все, что я мог ответить, так это то, что в других землях и не такое колдовство, видывал. Так что мне удалось выдержать их атаку без большой борьбы, убедившись, что такие истории хорошо спасают хотя бы часть души. В общем, видение исчезло. Вторая попытка была более опасной и началась с различных малых заклинаний, но сотворенных мощью настоящего мастера-воскресителя. Меня охватила депрессия, злоба на всех и вся, включая меня самого. Я ощущал себя совершенным неудачником.

— На это же, — осмелился я предположить, — нацелены и те малые заклинания, которые, как ты сказал, окружают нас.

— Не совсем, — сказал Янош. — Есть небольшая разница. В великом заклинании я ощутил еще и огромное разочарование от того, что я не сделал в жизни ничего путного. Не люди и боги вступили в заговор, чтобы лишить меня моей славы, а я сам все испортил, будучи ничтожеством. — Я понимал, что такое заклинание в самом деле могло убить гордого Яноша. — Наконец я дошел до того, что решил покончить с собой. Не от физической боли, а от морального разочарования.

— Что ж, это заклинание сильно, — сказал я. — Но не понимаю, каким образом оно могло способствовать получению информации о… предмете поисков. Хуже того, ты же мог умереть, и тогда знания вообще были бы утеряны.

— О нет. Наверняка у них уже были готовы контрзаклинания, и, может быть, даже под окнами были развешаны настоящие сети, если бы я решил выброситься. То же самое касалось ножей или веревок от портьер. К тому же я чувствовал, что за мной наблюдают. Я не могу точно описать воздействие заклинания. Видимо, предполагалось, что перед тем как показать миру нос, я оставлю полное описание того, что им требовалось.

— Далекие Ко…

— Именно так.

Я понял и содрогнулся. Это на самом деле был хитроумный прием, и я сильно сомневался, что смогу устоять, учитывая мои многочисленные слабости.

Я сменил тему беседы и спросил, почему он полагает, что наши условия содержания вскоре изменятся и поэтому надо хорошенько есть и пить. Наверняка ведь архонты и их воскресители позаботились о том, чтобы над этим местом висели заклинания, не позволяющие предвидеть будущее. Или я вообще не должен задавать такой вопрос? Янош ответил, теперь даже улыбаясь, что он вовсе и не предвидит будущее, а просто знает, что таков порядок обычной допросной процедуры, которая принята повсеместно и в уголовных делах, и в политических, и в магических. Для начала заключенному предоставляется прекрасная пища и вино и любезное обхождение, но с обязательным напоминанием, что другие содержатся совершенно иначе, и потому заключенный инстинктивно начинает сотрудничать, дабы избежать каких-нибудь чудовищных пыток и лишений.

— Разве матушка твоя не предлагала тебе по-хорошему покаяться, чем ты довел до белого каления своего наставника, не дожидаясь, пока вернется отец и не поговорит с тобой по-другому?

Я согласился с ним, не сообщая, что ничего не помню о матери.

— Итак, — сказал я, — чем же мы займемся в ожидании другой стороны гостеприимства Ликантии?

— Тем же, чем и другие заключенные: будем ждать, укреплять наши мускулы и беседовать. Беседовать обо всем… за исключением самого важного.

Этим мы и занимались последующие несколько дней. Я нервничал и боялся, но

чувствовал себя более уравновешенным, чем Янош, хотя мои ночи и превратились в ад с возвращением моего кошмара. Вновь и вновь лодочник без лица приводил меня в пещеру, и вновь и вновь существо с лицом Грифа отводило меня в пыточную камеру. Но и с таким сновидением можно жить — к этому времени я жил с ним уже давно.

Янош, узнав о смерти Диосе и Эмили, разрыдался. Великий воин плакал, как над гибелью самых мужественных соратников.

Но по большей части наши беседы носили ненавязчивый, легкий характер о том, о сем, например, о том, как лучше изучать языки. Янош по-прежнему утверждал, что скорейший метод — через постель, а поскольку он владел двадцатью тремя языками и еще десятком диалектов, я серьезно отнесся к его словам. Или, к примеру, мы обсуждали такую тему: интересно, чувство юмора у ликантиан ампутируют при рождении или просто так их прокляли боги. Мы склонялись к божественному проклятию, надеясь тем самым разозлить тех, кто подслушивал нас через замаскированные слуховые отверстия в стенах или посредством магии. Ну и так далее. Эти развлечения помогали скоротать невыносимо долго тянущиеся часы заключения.

Мы занимались к тому же бесконечными физическими упражнениями, укрепляющими мышцы, или бегали трусцой вдоль помещения, подобно тиграм в клетке или на цирковом манеже. Янош к тому же демонстрировал мне различные приемы обороны без оружия, когда на тебя нападают несколько вооруженных человек.

Не один час провел я, расхаживая вдоль окон и размышляя, нельзя ли как-нибудь совершить побег. Янош же порой впадал в то состояние ступора, в котором он как-то пребывал в Долине. Наверное, мне надо было как-то вытащить его из этого состояния и побранить, но я вспомнил одну историю, которую слышал от одного ориссианского мелкого торговца, захваченного в королевстве Варварских Льдов и проведшего там в плену несколько лет, прежде чем оказался на свободе. Он утверждал, что побег возможен лишь в двух случаях: или сразу же после пленения, когда твои стражи еще не успели узнать, что ты за человек, и принять все необходимые меры охраны, или спустя достаточно продолжительное время, когда стража утратит бдительность, видя отсутствие твоих намерений сбежать. И я понял, видя, как взгляд Яноша блуждает по далеким холмам, означавшим для нас свободу, что он тоже знаком с правилами совершения побега и только выжидает удобного случая.

Кормили нас прекрасно, дважды в день, при этом меню было самое разнообразное. Однако мы ни разу не видели наших тюремщиков, и я вспомнил слова Симеона о том, что он и архонты сразу поймут, что наступил тот момент, когда мы сломались и готовы рассказать все. Но этот момент казался принадлежностью отдаленного будущего. Психологическая усталость, злость, раздражительность от малых заклинаний, тревога за то, что происходит в Ориссе, и это притом, что Янош пытался противостоять невидимым нашим противникам своими противозаклинаниями, — все это напряжение было невыносимо. Я сделал ошибку, решив, что меня не проймешь и что скорее Симеон умрет от скуки, чем я.

За нами пришли вскоре после полуночи. С треском распахнулась входная дверь, и в направлении моей кровати загрохотали башмаки, в то время как я, проснувшись, пытался выбраться из постели. Я услышал крики из комнаты Яноша, затем удары. Ко мне ворвались шестеро в латах и шлемах. Вооружены они были дубинками, окованными железом, и у каждого на поясе висел кинжал в ножнах. На мгновение я растерялся — если это было начало «плохой стороны» заключения, то почему же не прислали ищейку или другое чудовище, которое своим воем внушило бы нам ужас и благоговение? Ответ же был таким — меня швырнули на пол. А когда я поднялся на ноги, один из них ударил мне в лицо рукой в перчатке.

— Это чтобы ты резвее выполнял то, что мы скажем, — проворчал он, и дыхание его отдавало перегаром. И в это же мгновение я понял, что человек может быть куда ужаснее демона ада. Они заорали, чтобы я одевался, затем надели мне на руки и на ноги цепи и вытолкали из комнаты. Янош, с лицом, разбитым в кровь, уже был прижат к стене коридора,

вокруг него толпились шестеро солдат и офицеров. Нас окриками и пинками погнали вниз, вниз, все глубже в подземелье замка. Воздух становился все более влажным, на камнях все больше выступало капель, а ступеньки делались все уже и грязнее. Сколько же век за веком было согнано сюда мужчин и женщин и многие ли из этих жертв, подумал я, увидели опять солнце?

— Вы сейчас находитесь под заливом, — прорычал один из охранников. — Подумайте об этом, глядя вверх и зная, что там нет ни голубого неба, ни зеленой травки. Особенно когда потолок протекает.

Перед закрытыми на засов и замок дверями не было видно охраны, тем не менее при нашем приближении они широко распахнулись. Вот мы и добрались до самого дна. Камни стен заросли плесенью. Выложены они были так плотно друг к другу, что не замечалось и щелочки. Железные двери и держатели факелов поржавели, а деревянная обшивка дверей, грубого стола и двух стульев потемнела от времени. Мы оказались в большой камере. Внутри находились скелеты, одни висели на ржавых цепях, а другие осыпались в кучу на том месте, где умерли эти люди. Казалось, никто не обращал внимания на кости, за исключением меня и Яноша. Но это было еще не тупиковое помещение. В свете факелов я увидел в полу намертво укрепленную круглую металлическую плитку с отверстием посередине шириной около фута. Когда мы пролезли через него вслед за охранником, снизу послышалось какое-то хихиканье, прерываемое крысиным визгом.

Теперь мы оказались в коридоре с округлым сводом. С одной стороны я увидел открытую дверцу размером не более духовки пекаря. Это был вход в помещение, напоминавшее скорее гроб, чем камеру. В одной стене была вырезана каменная скамейка. У заключенного здесь не было пространства, чтобы он мог встать или вытянуться во весь рост. По стене расплывалось какое-то пятно, словно кто-то выплеснул из ведра красную краску и оставил ее засохнуть. Один из охранников увидел, что я рассматриваю это пятно. Он похлопал дубинкой по ладони и улыбнулся какому-то своему очень приятному воспоминанию. Мне дали заглянуть и в соседнюю комнату. Здесь располагалось караульное помещение. Судя по всему, охранникам позволено было обращаться с заключенными по собственному усмотрению. Я отвел взгляд.

Коридор упирался в большое полукруглое помещение. Оно не отделялось от коридора стеной, но имело две огромные железные створки ворот, сейчас широко распахнутых. Причина такой открытости была понятна — заключенные в остальных камерах через зарешеченные двери должны были видеть, что ожидает их в пыточной камере, а это оказалась именно она. Возможно, это была та самая камера, в которую мне удалось заглянуть, когда сработало одно из противозаклинаний Яноша. Тогда там на дыбе белело женское тело, а рядом, на раскаленных углях, разогревались прутья и щипцы. Рот ее был открыт, и, может быть, она кричала, но звуков я не слышал. Либо так действовало заклинание, чтобы вопли заключенных не раздражали палачей, либо женщина уже просто не могла кричать. Еще я заметил, прежде чем заставил себя отвести взгляд, с полдюжины обреченных на пытку заключенных, следователей в черных одеяниях и орудия пыток, которыми были увешаны стены с пола до потолка.

Офицер махнул рукой, и открылась дверь. С нас сняли кандалы и швырнули в большую камеру.

— Поглядывайте в пыточную камеру, — посоветовал офицер. — И не думайте, что о вас забудут.

Его подчиненные сочли шутку удачной. Они вышли из камеры и заперли ее. В ней царил полумрак, свет падал из коридора, да в дальнем конце горел факел. Обессиленный, я опустился на кучу грязной, давным-давно брошенной здесь и промокшей соломы.

— Амальрик, встань! — резко окликнул Янош.

Я выпрямился и увидел наших новых соседей-заключенных. Их в камере было человек пятьдесят. Большинство из них стояли или лежали в полной апатии, не обращая ни малейшего внимания на вновь прибывших. Но не все. На нас стали надвигаться несколько

человек. В общей вони казалось, что от них исходил какой-то особый запах агрессии. Их глаза горели, как у волков, собирающихся наброситься на жертву, хотя лично мне наблюдать такой сцены не доводилось.

Один из них, повыше остальных, выдвинулся вперед.

— Мы заберем вашу одежду, — сказал он голосом совершенно бесцветным, в котором даже не ощущалось угрозы. — А затем хорошие мальчики будут прислуживать тому, кому мы скажем.

Мы с Яношем прижались к стене. Заключенные медленно надвигались на нас. Да и куда им было торопиться? У них впереди целая вечность времени, а от игры можно получить больше удовольствия, если ее растянуть. Янош быстро огляделся. Я решил, что нам уже не спастись. Но тут Янош подхватил с пола белую палку и протянул мне. Оказалось, что я держу в руке человеческую кость, а Янош вновь нагнулся и поднял кандалы, из которых посыпались кости давно умершего узника. Главарь камеры с ревом бросился на нас, и тут же Янош кандалами угодил ему в лицо. Тот взвыл, как раненый медведь, закачался, обливаясь кровью, и упал. А на меня бросился другой. Я ударил моей костяной дубинкой, ее кончик откололся, и заострившимся как кинжал обломком я пырнул в живот следующему нападавшему. Я рывком вырвал свое оружие, но меня сзади уже обхватили за плечи. Я резко наклонился, собираясь бросить противника через голову, а тут еще Янош врезал ему цепью. Человек завопил, отпуская меня и хватаясь за голову. Я выпрямился. Новый противник попытался схватить меня за горло, но я, вспомнив один из приемов Яноша, поднял обе руки, скрестил их, хватая за запястья ликантианина, разорвал его хватку, широко разводя его руки. Не раздумывая, я тут же пнул его в коленную чашечку, отскочил и с разворота ударил кулаком в горло. Тот захрипел и зашатался. Еще один удар, после чего и сокрушительное орудие Яноша вновь достигло цели. Оставшиеся в строю трое хозяев камеры отступили, подняв руки в знак примирения.

— Ничего, ничего, — с трудом проговорил один из них. — У нас еще будет время разобраться.

— Ну уж нет, — решительно сказал Янош. — Уж коли решились, так постарайтесь убить нас обоих… или вам не удастся спокойно заснуть. Посмотри на меня, ты. — Тот, кто только что обращался к нам, обернулся. — Я знаю такие штучки, что вы или те ублюдки, — он ткнул большим пальцем в сторону пыточной камеры, — даже представить себе не можете.

Заключенный ничего не успел ответить, когда Янош, отбросив кандалы, быстро подошел к нему, поднял ладонь рупором ко рту, а второй дотронулся до лба этого человека. Клянусь, он лишь слегка его коснулся, можно сказать, ласково погладил, но тот завопил от боли, затрясся и схватился обеими руками за голову.

— Ты не умрешь, — объявил мой друг. — Но эта боль будет напоминать тебе обо мне с неделю.

Остальные подхватили своего приятеля и убрались в глубь камеры.

— Как ты думаешь, они попытаются еще раз? — спросил я.

— Возможно, — спокойно сказал Янош. — Но тем не менее мы можем спать спокойно. Я знаю кое-какие заклинания, от которых эта солома затрещит, будто валят деревья, если кто-то задумает подкрасться к нам.

Так начался второй этап нашего заключения. Когда мы уснули, тела наших убитых врагов кто-то бесшумно убрал. Нас не беспокоила эта банда, правившая с помощью жестокости в этом подземелье. Я видел, как они измываются над более слабыми, и хотел вмешаться. Но Янош запретил:

— Мы вырубили себе нашу собственную маленькую нишу в этом обществе отверженных. И они оставят нас в покое, если мы не будем вмешиваться в их дела.

Я неохотно прислушался к этой сомнительной мудрости и старался не обращать внимания на звуки каких-нибудь очередных разбирательств между заключенными. Я обнаружил, что легко могу отключаться и не слышать эти звуки, как и не замечать того, что

происходит в пыточной камере, что бы там ни делалось. Дважды узники нашей камеры вызывались туда и подвешивались на дыбе. Большинство из наших соседей по камере находили в созерцании чужих мук даже что-то забавное.

Мы не могли знать, что сейчас — день или ночь. Я пытался вести подсчет по кормежкам, полагая, что раз в день нам выдают эту вонючую овсянку и гнилой хлеб. Янош сказал, чтобы я не напрягался, поскольку один из трюков тюремщиков в том и состоит, чтобы кормить с неправильными интервалами времени. Еду могут дать и три раза в день, и ты будешь думать, что прошло три дня, а прошло вовсе не три дня, а всего лишь один бесконечный день твоей жизни. Позднее я вычислил, что мы провели в этом жутком подземелье почти месяц.

Хотя мы и держались особняком, с несколькими сокамерниками удалось поговорить. Некоторые из них сидели по обвинению в политических преступлениях против архонтов, но большинство представляло собой обычных уголовников, неисправимо порочных. Но тем не менее мы оказались не в безысходном аду. Это подтвердилось, когда мы увидели, как одного из нашего подземелья освобождают. Он бормотал слова благодарности, плакал — и все пытался поцеловать ботинок охраннику, который открыл дверь.

Я понял, что здесь нас содержат для того, чтобы ослабить нашу решимость. И догадался, что следующим этапом станет пыточная камера.

— Возможно, — сказал Янош, когда я поделился с ним этим. — А может быть, нас раскидают по одиночкам и обрушатся на нас всей магической мощью.

Я подумал, что это как раз и подтверждает тот факт, что мы находимся не в худшей части подземелий архонтов, но ничего не сказал Яношу. И без того было тошно.

И тут блеснул луч надежды. К одному заключенному пришел посетитель! Это была женщина, какая-то замарашка, утверждавшая, что она его жена. Ей не только разрешили повидаться с ним — и, разумеется, двери пыточной камеры на это время были закрыты, — но даже разрешили на несколько минут воспользоваться караульным помещением для личных целей. А несколько дней спустя, если я не ошибался во времяисчислении, явился и брат этого человека. Я успел заметить, что они, почти не скрываясь, принялись разглядывать и обсуждать какой-то чертеж. Уж не план ли тюрьмы?

Расспросив о порядке разрешения посещений, мы поняли, что при наличии достаточного количества денег любому заключенному, если только он не обвинен в религиозной ереси, позволяется принимать посетителей. Зависит это от прихоти караульного офицера. Иногда, помимо денег, требуется и еще кое-что. Той замарашке, которая приходила к своему мужу, как сказал нам один из заключенных, наверняка пришлось уделить кое-какое внимание по крайней мере нескольким охранникам.

— И значит, — задумчиво размышлял Янош, — если кто-то может попасть снаружи внутрь, то почему бы кому-то не выбраться изнутри наружу, а? Пока не пришла в действие третья часть замысла архонтов относительно нас.

— Но как?

— Не знаю, — сказал он. — Давай подумаем, как теперь нам самим заполучить посетителя.

Но думать не пришлось. Посетитель пришел к нам сам. Два охранника препроводили к дверям камеры человека. Тот был невысок ростом, но плотно сложен и ходил пружинящей походкой, как хищный зверь. Охранники выкрикнули имя какого-то заключенного, который удивленно хрюкнул и побрел к двери. Я увидел, как блеснул золотой, и охранник удалился. Посетитель сказал заключенному несколько слов, и тот — наемный убийца — подошел к нам:

— Вы. Он пришел к вам.

Тут мы с Яношем оба узнали человека, стоящего за решеткой двери. Это был Гриф, мой ночной кошмар, а в реальной жизни имевший какие-то таинственные сношения с Яношем в Ликантии во время нашей первой экспедиции. Вновь нам довелось услыхать этот густой бас, гудящий из изуродованного рта.

— Господин Антеро, капитан Серый Плащ, похоже, судьба переменилась, а?

— Как ты узнал, что мы здесь? — начал было Янош.

— Ни слова об этом, — нетерпеливо сказал Гриф. — Гриф знает обо всем более-менее важном, происходящем в Ликантии. Я услыхал и явился, поскольку знаю заключенного здесь Рольфи, чтобы потом не было подозрений.

— И что дальше? — спросил я.

— Помолчите! Времени нет! — сказал Гриф. — Мне совершенно не нравится находиться тут, когда один из воскресителей архонтов постоянно слышит и видит, что здесь происходит. И кроме того, я подозреваю, что Симеон с помощью собственного колдуна наслал предупреждающие заклинания вокруг вас, чтобы быть уверенным, что вы находитесь именно там, где вас поместили.

— Ты можешь нас вытащить отсюда? — Янош понял, что Гриф имеет в виду. Гриф улыбнулся своей кривой улыбкой и кивнул:

— Могу. Но это будет дорого стоить. У меня есть свой воскреситель. Работает незаконно, тайно и за услуги просит много. Да и мне понадобится золото… И много золота, чтобы убраться затем подальше из Ликантии, подальше от рук Симеона и архонтов.

— Ты получишь золото, — сказал я. — И у тебя будет новая жизнь. В Ориссе или где захочешь. Сколько?

— Половину, — решительно заявил Гриф. — Половину всего золота Антеро. И не думайте, что это дорого, потому что без вас Антеро уже не будут Антеро, поскольку имеется только сестра, не собирающаяся рожать, и братья, интересы которых не распространяются далее таверны.

— Да, ты немало знаешь о нашей семье, — сказал я.

— Такой шанс выпадает раз в жизни, — сказал Гриф. — И мне нужно столько золота, чтобы ни одна девушка или паренек не отказали мне в том, что я хочу. Столько золота, чтобы я мог подойти к любому офицеру, приказать ему снять шляпу, нагадить в нее, нацепить ему на голову и еще заставить его с улыбкой пройтись парадным шагом! Вот потому-то я все предварительно разузнал, прежде чем явиться к вам.

— У меня есть золото, и немало, причем недалеко от Ликантии, — сказал я. — Но понадобится время и мое личное распоряжение, чтобы передать его туда, куда ты хочешь.

— У нас с тобой времени очень мало, — вмешался Янош. — Известно, что архонты никогда не отличались особым терпением.

— Это точно, — заметил Гриф. — И я слышал, что вас собираются допрашивать через несколько дней. Сначала там, — он кивнул в сторону пыточной камеры и ее закрытых дверей, и я понял, что он действительно хорошо осведомлен о нашем заключении и нашей проблеме, — а затем перед лицом Триады воскресителей. При поддержке всей мощи архонтов. Вы сломаетесь… и после вас ничего не останется, кроме двух обожженных калек, годных лишь просить милостыню на улице, если, конечно, вас вообще выпустят.

— Но как же я тогда сделаю тебя богатым? — продолжал я. — Я не думаю, что ты настолько доверяешь мне, чтобы согласиться на расплату после вызволения нас отсюда. И кстати, уж коли речь зашла об этом, как ты собираешься вытащить нас?

— Вам нет нужды знать это, — сказал Гриф. — Что же касается первого вопроса, то я доверяю вам. Мне еще ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь из Антеро нарушил клятву. Но чтобы окончательно поверить, мне от вас нужно кое-что. Капля крови, локон волос, кусочек кожи, капля слюны. Для страховки.

Я посмотрел на Яноша. Его лицо ничего не выражало. Да и был ли у нас выбор? Даже если попытка бегства провалится, что с нами смогут сделать? Ведь не убьют же, не получив того, что им нужно от нас. Самое большее — изобьют, бросят обратно в подвал, и наша встреча со следователями приблизится. Я стукнул рукой по стенке, и мы с Грифом пожали друг другу руки. После чего он срезал по локону наших волос.

— Пусть выколют мои глаза, пусть зальют мне свинцом рот, пусть оглохну я, пусть окончится жизнь моя, если нарушу я клятву свою, — говорил Гриф, а я повторял за ним

слова клятвы, — если я не отплачу этому человеку за его услугу и не осыплю его теми благами, которые он заслуживает. Ну вот. А теперь ждите. Просто ждите. — И Гриф пошел обратно по коридору, окликая стражников.

И мы стали ждать. Один котел овсянки, другой, третий… Янош расхаживал взад и вперед, отказываясь от пищи, маясь бессонницей. Я пытался сохранять невозмутимость, но чувствовал себя не лучше.

Я проснулся от звука ревущего ветра и резво подскочил, увидев Грифа, входящего в камеру. Он держал в руке, параллельно земле, посох. Когда он подошел поближе, я услыхал, как он что-то бормочет. И тут его бормотанье и рев ветра стихли. Засовы скользнули в сторону, древние заржавелые двери открылись так бесшумно, словно были новыми и хорошо смазанными. Мы с Яношем мгновенно выскочили из камеры. Никто из заключенных, казалось, и не заметил, как открылись двери, мы вышли, и двери вновь закрылись. Гриф положил посох, достал из котомки за спиной два плаща с капюшонами. Жестом приказав надеть их, он протянул нам по клочку бумаги. На моем было коряво нацарапано: «Двигаться за мной. Шептать слова: алотем, берента, алотем». Он подобрал посох, вновь расположил его параллельно земле и пошел обратно к лестнице и караульному помещению, бормоча заклинание. Вновь поднялся рев ветра. Я увидел, как, несмотря на холодную сырость, с лица Грифа капает пот. Мы пошли за ним, шепча три слова заклинания, которое он, должно быть, получил у незаконного воскресителя. Мы миновали караульное помещение. Половина охранников храпели, но пять или шесть бодрствовали. Они нас не видели. Мы начали подниматься по ступеням. Когда мы подходили к очередной закрытой двери, Гриф касался ее сначала одним концом посоха, затем другим, и дверь открывалась.

Так мы добрались до главного вестибюля замка. Там расхаживали стражники, но нас никто не видел. Янош вдруг остановился и обернулся. Протянув руку, он попытался дотянуться до одного из факелов, но Гриф нетерпеливо махнул, чтобы он не останавливался. Мы вышли во внутренний двор замка, где по камням хлестал дождь. Я ловил капли губами и прислушивался к шороху их падения. Я уже не чаял, что когда-нибудь еще почувствую этот вкус и услышу этот звук. Нас ожидал экипаж с четверкой запряженных коней, кучером и четырьмя всадниками сопровождения. Все выглядело так, словно в этот поздний час какой-то богач приезжал к архонтам по важному делу. Гриф махнул, чтобы мы садились в экипаж. Он прекратил бормотать заклинания.

— Вот так. Оставайтесь внутри. И не выглядывайте. Теперь нам предстоит следующий этап. Выбираемся из города. А вам, Антеро, пора призадуматься, как побыстрее осыпать меня золотом.

Он захлопнул дверцу. Занавески были плотно задернуты, и внутри было почти темно. Мы ничего не могли разглядеть снаружи. Кучер щелкнул кнутом, когда Гриф вспрыгнул на подножку, и мы поехали. Я вздохнул с облегчением.

— Рано расслабляться, — сказал Янош. — Надо еще миновать стены этого города и скрыться от патрулей.

Я вновь встревожился:

— А что ты собирался делать с факелом?

— Ни один лучник не несет с собой одну тетиву, — уклончиво сказал Янош. — Мне понадобилось немного смолы.

Он поднял пальцы вверх и зашептал:

Огонь мой друг
Огонь ты слышишь
Огонь мой друг
Огонь ты слышишь
Огонь ты помнишь
Огонь ты слышишь…

Там были и еще какие-то слова на неизвестном мне языке. Я понятия не имел, к чему он готовится и зачем. Поэтому я сосредоточился на звуках, доносящихся снаружи: колеса

стучали по булыжной мостовой, нас окликали патрульные и городская стража, Гриф выкрикивал пароль, свистел кнут, звенели подковы. Экипаж накренялся, когда мы поворачивали за угол. Я пытался считать повороты, чтобы хотя бы примерно сообразить, куда же мы едем, но вскоре отказался от этого занятия, будучи почти незнаком с расположением улиц в Ликантии. Я спросил Яноша, может быть, он знает, но он знаком приказал мне молчать, а сам продолжал шептать.

Я услыхал, как на огромных петлях заскрежетали открываемые ворота, экипаж проехал дальше, и колеса уже покатили не по булыжнику, а по грунту. Позади с гулким ударом захлопнулись ворота. Экипаж остановился. Мы застыли в темноте и тишине. Затем дверца резко распахнулась, метнулся свет факелов.

— Выходите!

Это был приказ. Я вылез, моргая. Мы находились в громадном внутреннем дворе, и экипаж стоял у высокой стены. Перед нами стоял Нису Симеон. За ним выстроились двадцать тяжеловооруженных солдат. Мы из одной ловушки предательским путем были перевезены в другую.

— Добро пожаловать, господин Амальрик Антеро. Мой дом к вашим услугам.

Мир закачался и содрогнулся. Мне захотелось грязно выругаться, броситься на Грифа, стоявшего рядом с Симеоном с гнусной усмешкой на своей роже; броситься на Симеона, хоть я и понимал, что буду тут же пронзен солдатским копьем. Я пытался успокоиться, так борясь с собой, как никогда в жизни, но все же я взял себя в руки, хотя на это ушло немало времени.

— Но зачем? — удалось мне наконец выговорить. — Мы и так были в вашем подземелье. Рано или поздно должны были начаться пытки и вопросы воскресителей. Или у вас тут свой собственный колдун? Ведь не отказались же вы от желания заполучить те тайны, которые мы знаем?

— Все может быть, — сказал Симеон. — Обстоятельства иногда очень стремительно меняются.

— Понятно. Итак, вы задумали сохранить полученную от нас информацию в тайне от своих повелителей?

Янош шагнул к Симеону, в полном недоумении пожимая плечами и протягивая руки:

— Зачем же вам предавать архонтов?

Продолжая свой жест, Янош как бы случайно задел край одежды Симеона.

— А ну-ка назад, ты! — рявкнул Симеон, а один из солдат уперся острием копья в грудь Яношу. Янош подчинился приказу.

— Я не разговариваю с прихлебателями, — продолжал Симеон. — Особенно с такими, которые предают дело, которому служили.

— И ты говоришь о предательстве, Нису Симеон? — спросил я. — Ты, который откровенно предал архонтов?

— Я верен тому повелителю, — сказал он, — которому присягал! И, как я сказал, обстоятельства изменились. Знания, которые требовались от вас, приобрели второстепенное значение. Но хватит об этом. Идите в дом, солдаты проводят вас к месту отдыха. Там не менее безопасно, чем в подземельях архонтов. И хочу вам сообщить, что вы в последний раз видите эти небеса, этот дождь. Так что не тратьте времени, а наслаждайтесь дождем.

И тут я услыхал, как шепчет Янош:

Огонь мой друг
Огонь ты слышишь
Огонь ты лжешь
Помни о брате своем
Огонь мой друг
Огонь ты жжешь!

Смола с факела «вспомнила», вспыхнула, и одежду Симеона внезапно охватило огнем. Огонь, питаемый магией, мгновенно воспламенил легкую ткань, несмотря на дождь. Симеон

завопил от боли. Солдаты пришли в замешательство.

Янош вспрыгнул на подножку экипажа и стал перебираться на крышу. Солдат, до этого уже тыкавший его копьем, заметил это движение, шагнул вперед и изготовился к броску, но тут я сбил его с ног и выхватил копье. Янош присел на крыше экипажа, затем подпрыгнул, пальцы вцепились в край стены, и он втянул себя наверх. Я бросился следом, поставил ногу на колесо, собираясь влезть на крышу экипажа. В меня вцепились чьи-то руки. Я, не глядя, двинул назад концом копья и услыхал вопль, еще более громкий, чем издавал горящий живым факелом Симеон. И я тоже оказался на крыше кареты, будучи более легким, чем мой друг, легче и вспрыгнул на стену. Янош помог мне вскочить на ноги.

Я оглянулся назад и увидел, как Гриф с воем топчется на месте, держась за глаз. Солдаты повалили Нису Симеона, пытаясь сбить пламя. И тут мы прыгнули, полагаясь на удачу, ждущую нас внизу.

Мы приземлились на мостовую, вскочили и помчались что было сил в дождь, в ночь, и я благодарил богов Ориссы, что в свое время мы снесли эту великую ликантианскую стену. Только бы нам не заблудиться на этих улицах и не налететь на патруль. А там уже свобода. Свобода и дом. Я верил, что мы спасемся… Уж если нам удалось вырваться из лап архонтов и Симеона, впереди могла ждать только удача.

Глава восемнадцатая
МЕСТЬ КАССИНИ

Но, едва увидев Ориссу, я понял, что удача — это то, что, видимо, ожидает нас в отдаленном будущем. В разных частях города поднимался дым, на реке было зловеще пусто. На причалах никто не трудился. Еще больше встревожили меня городские ворота, когда мы подошли к ним. Огромные железные ворота были наглухо закрыты, что случалось только в незапамятные дни, когда город осаждался врагом. Над воротами в амбразуре показались головы двух солдат, но не в парадных шлемах, а в боевых.

— Кто идет?

— Амальрик Антеро и капитан Серый Плащ, ориссиане.

Наверху послышались удивленные восклицания, какие-то команды офицера, а затем ворота широко распахнулись, но никто не вышел нам навстречу. Мы вошли. Ворота тут же закрылись, и на минуту мне показалось, что мы угодили в очередную западню. Стоявшие внутри солдаты даже не подумали нам салютовать, как было положено. Но мы ничего не сказали, а торопливо двинулись к вилле Антеро.

Надобно сказать, что как только мы с Яношем выбрались из Ликантии, то сразу же направились к постоялому двору, где я оставил своих людей и золото. Хозяин сообщил нам, что несколько недель назад те уехали домой, решив, что их хозяин погиб.

Возможно, оно и к лучшему, что нас было только двое. Ведь вооружены мы были лишь копьем, которое я прихватил во дворе у Симеона, да зловещего вида садовыми ножницами, которые Янош попросту украл у хозяина гостиницы. Мы шли, избегая дорог, наводненных патрулями. Патрули состояли не только из ликантианских военных, но и из челяди Симеонов, судя по их одежде.

— Так, значит, мне не удалось спалить его до конца, как я рассчитывал, — сказал Янош.

Я тоже был разочарован. Хоть и считается, что честный человек не может просто так вот, хладнокровно, желать смерти другому, но я понимал еще и то, что если не уничтожить Симеонов, до тех пор моя жизнь, моя семья, наш клан, наши дома и каждое поколение Антеро будут находиться под постоянной угрозой. Понимал я и то, что в некоторых ситуациях не удержаться от кровопролития. Но оставим это на будущее. Сейчас-то нам удалось добраться до дома, улизнув от ликантианских отрядов.

На улицах Ориссы было мало горожан, и в основном попадались одни мужчины. Изредка встречались молодые женщины, но совсем не было видно детей. Лица у всех были

сердитые, и я слышал крики и споры. Мы увидели пепелище, над которым еще поднимался дым. Это были руины таможенного поста, сгоревшего, очевидно, только вчера, где воскресители взимали дань с караванов, входивших через эти ворота. Мне вспомнился почтенный Превотант, давным-давно разыгрывавший свое представление в моем складе, и я возблагодарил того бога, который ниспослал несчастный случай на этот Дом взяток.

Мы никак не могли понять, что происходит, но понимали, что для начала не худо бы оказаться под безопасным кровом своей виллы. Но добраться туда нам было не суждено. Из бокового проулка вышел пеший патруль — шесть копейщиков, два лучника, капрал и юный легат. У каждого был нагрудник береговой охраны, подразделения, обычно занимавшегося охраной вне Ориссы.

— Стоять! — послышался окрик.

Копья угрожающе опустились, луки натянулись. Мы не двигались. Легат из сумки на ремне достал свиток.

— Амальрик, глава рода Антеро, ориссианин, почетный гражданин, не так ли?

— Это я.

— Янош Серый Плащ, некогда костромянин, некогда ликантианин, а иногда пользующийся званием капитана?

— Ну, скажем, я… А вот ты однажды ответишь за такое оскорбление, — огрызнулся Янош.

— Молчать! И я вовсе не собирался никого оскорблять, так мне повелевает обращаться к вам приказ магистрата. И еще мне приказано арестовать господина Антеро, и если это с ним действительно Янош Серый Плащ, то и его тоже, нравится это ему или нет.

— И по какому же обвинению? — спросил я.

— Обвинение уже сформулировано, но будет предъявлено в соответствующее время.

— И кто же выдал этот ордер?

— Воскреситель Кассини по согласованию с магистром Сишоном.

— Но почему приказ об аресте осуществляют солдаты береговой охраны? Ведь за порядок в городе отвечает гвардия маранонок.

— Гвардия отказалась выполнять приказы и теперь содержится под арестом в своих казармах.

Я не мог скрыть изумления. Что же происходит? И что с Рали?

— Я требую немедленного повиновения! — громко сказал легат.

Я посмотрел на Яноша. Он пожал плечами — выбора у нас не было, да и к тому же, как законопослушные граждане, мы сами были заинтересованы в том, чтобы заявить о своей невиновности именно в цитадели магистрата.

— Не возражаю, — сказал я.

— Сложите ваше оружие, — потребовал легат. — И далее мне приказано препроводить вас в храм Воскрешения и сдать под их охрану.

— Ну уж нет! — возмутился Янош. — С каких это пор воскресители в Ориссе заправляют гражданскими делами?

— С тех пор, как назрела необходимость. После мятежей объявлено чрезвычайное положение. В силу этого положения и приняты подобные временные меры.

Я покрепче сжал копье. Нет, я не собираюсь принимать нежную заботу Кассини. Не для того мы сбежали от двух волчьих стай, чтобы попасть в пасть шакалу. Один из лучников поднял лук.

— Только отпусти свою тетиву, и я проткну тебя, как осетра, — послышался громкий окрик. На крыше невысокого строения стояла высокая женщина с необъятной грудью. В руке она сжимала длинный острый гарпун. Я знал ее, это была известная в городе рыбачка. Улицу заполнили ориссиане. Все они были одеты в лохмотья — мы находились в беднейшей части города — и все они были вооружены. Из одного окна выглядывал парень со спортивным арбалетом. Позади нас собиралась толпа, размахивающая палками. У некоторых в руках были булыжники. Кое-где даже поблескивали кинжалы, сабли и кухонные ножи.

— Нет, сынок, тебе не удастся доставить Яноша к воскресителям, — продолжила рыбачка. — Как и господина Антеро. Эти проклятые воскресители и так уже наделали дел! — Послышался угрожающий гул, и толпа стала надвигаться на патрульных. — И будет лучше, если именно ты, легат, сложишь оружие, — сказала она. — У нас тоже найдутся ребята, которые ловко управляются с копьями. И уж если они возьмутся за дело, запахнет жареным.

В лицо одного из копейщиков угодил брошенный камень. Обливаясь кровью, солдат заорал от боли и упал на колени. На них обрушился град камней. Толпа орала все громче, и солдаты находились уже на волосок от смерти.

— А ну тихо! — рявкнул командный голос Яноша. Бойня мигом прекратилась. — Ориссиане! — продолжил он. — Эти люди тоже ориссиане. Вы хотите взять на себя грех убийства своих?

— Вот уж чего меня меньше всего заботит, — выкрикнул кто-то из толпы. Послышались одобрительные возгласы.

— Нет! Посмотрите на них! Я знаком с этим легатом, — сказал Янош, а я знал, что он врет. — Я помню, когда он был приведен к присяге, как плакали от счастья его мать и сестра! Так вы хотите, чтобы теперь они плакали по другому поводу? — Крики стали стихать. — А посмотрите на остальных. Это всего лишь солдаты. Все мужчины в свое время носили или будут носить военную форму, не так ли? И вы брали или возьмете оружие в руки, чтобы служить своему городу. Вот чем они занимаются. Тем, что выполняют свой долг, как они его понимают. Разве они виноваты в своем заблуждении?

— Этим дурачкам соображать надо получше, — прокричал тот самый парень, который заявил, что не страшится греха убийства.

Янош с минуту помолчал и неожиданно разразился хохотом, который гулко раскатился над толпой. Толпа ошарашенно замолчала, затем послышались смешки, и вскоре все захохотали, хотя и не понимая, что же тут забавного. Янош прекратил смеяться, и веселье стихло.

— Рад слышать, что есть люди, которые знают, что лучше, — сказал Янош. — Когда вся суматоха уляжется и воцарится прежний порядок, найди меня, приятель. Я тебе хорошо заплачу или хорошо угощу, чтобы ты рассказал мне, что лучше, а что нет. — Теперь уже толпа нашла над чем посмеяться, но Янош не стал дожидаться тишины. Он обратился к командиру патруля: — Легат!

Этот парень хоть и был юн, но быстро соображал, в какой труппе лучше танцевать.

— Да, господин капитан! — И отсалютовал.

— Забирай команду и возвращайся в свою часть. Скажи, что получил приказ от капитана Яноша Серый Плащ из личной охраны магистрата. И в дальнейшем не забывай об этом.

Легат вновь отсалютовал, скомандовал своим «кругом», «шагом марш». И патруль исчез в боковой улице, сохраняя порядок, поддерживая своего раненого копейщика. Янош подождал, пока они скроются, а затем вновь обратился к толпе:

— Как называется этот район?

— Чип! — раздался дружный ответ.

— Жители Чипа, благодарю вас. И господин Антеро благодарит вас. Я думаю, что нашими жизнями мы обязаны вам. Вы можете гордиться, что называетесь ориссианами. Когда все закончится, мы с господином Антеро в долгу не останемся. Для нас это — долг чести.

Послышались возгласы восторга, некоторые кричали, что для них защищать нас — одно удовольствие. Толпа постепенно начала рассеиваться. Но не сразу. Многим хотелось поговорить с Яношем или просто коснуться его. Нам пришлось пробиваться, извиняться, но все же от небольшой свиты избавиться не удалось. Да оно и к лучшему было в это неспокойное время. Так мы добрались до виллы.

Похоже, здесь ожидали осады. Все окна нижних этажей были задраены прочными

дубовыми ставнями, сколоченными еще при моем деде, и закрывались они только в случае крайней опасности.

Командовал в доме сержант Мэйн. Хотя получалось, что он как бы дезертировал из армии, но поскольку личной охраны магистрата больше не существовало, то никто на его поступок не обращал внимания. В помощь к нему составилась добровольно компания из четырех человек: Яна — конюшего, повара Рейе, кладовщика Моуза и Спото — самой юной из гувернанток. Остальные слуги им безоговорочно подчинялись. Я вспомнил о тех двух, что заправляли в доме раньше, — Инзе и Тегри. И помолился о них обоих — о герое и о дураке.

Изредка наведывалась Рали, неведомо как ускользавшая из-под ареста. Ей также удалось переслать весточку братьям, проживавшим в поместьях за городом, чтобы они оставались там. Как выяснилось, вилла действительно была готова к обороне. Рали приказала кладовщикам заготовить непортящихся продуктов на несколько месяцев и привела заслуживающего доверия воскресителя благословить оба наших подвала. Она открыла оружейную комнату, и Мэйн теперь обучал слуг военным приемам. Он уволил тех слуг, которые боялись и не внушали доверия в это опасное время. Я был весьма растроган, когда Спото со слезами на глазах сообщила, что только трое потребовали перед уходом плату. Я понял, что, когда воцарится мир, я должен буду воздать по справедливости как населению Чипа, так и моим собственным слугам.

Я устал, проголодался и хотел бы помыться, но чувствовал, что времени на это тратить нельзя. Собрав руководителей моих слуг, я попросил провести меня по дому и показать, что сделано. Только к вечеру нам с Яношем удалось привести себя в порядок, освежиться, перекусить и выпить по стакану вина.

Я почувствовал себя так тоскливо на этой большой кровати в моей спальне. Усталости я почему-то не ощущал, поэтому спустился вниз и обнаружил, что Янош, как опытный воин, внес кое-какие дополнения к обороне. Это касалось размещения по дому ведер с песком и водой на случай «необъяснимого возгорания». На крыше он установил часового с приказом поднимать тревогу, если тот увидит или услышит хоть что-нибудь необычное. Все двери, за исключением парадных, закрыли на двойной засов, заколотили и забаррикадировали мебелью.

Внезапно в комнату вошла Рали. Похоже, никто не удивился, кроме Яноша. Я понял, что она сказала нашей челяди, что появляется здесь, не пользуясь дверью, при помощи особого заклинания. Но я-то знал, а позднее и рассказал об этом Яношу, как она попадала на виллу. Частью плана, выработанного нашим семейством на случай непредвиденных обстоятельств, были два туннеля. Один начинался за фальшивым книжным шкафом в кабинете моего отца, а ныне в моем и уходил под землей на сотню ярдов за пределы виллы. Другой туннель прикрывался подвижной задней стенкой камина в прихожей, тянулся под улицей и выходил на зады маленького магазинчика, о котором никто, за исключением владельцев, не знал, что он принадлежит Антеро.

Рали и рассказала нам, что случилось после того, как я уехал в Ликантию. Как я и боялся, мое исчезновение легло на чашу весов тех, кто не желал видеть в истории Ориссы поворотного пункта из-за того, что мы добрались до Далеких Королевств и, стало быть, стоим перед новой эпохой. Многие из тех, кто так мужественно выступали на нашей, стороне, сочли после этого, что лучше избежать противостояния. Скажем, Маларэн по примеру Гэмелена попросту уехал из города.

Поползли угрожающие слухи. Например, призыв к расправе с владельцами домов бедноты, которые принадлежали самым богатым и консервативно настроенным семействам города. Однажды ночью подожгли караульное помещение неподалеку от Чипа. Затем мой старый приятель Превотант обратился с жалобой в магистрат, что подвергся вместе со своей охраной ночью нападению негодяев, которые кричали: «Долой воскресителей!» и «Ликантия освободит нас!» В этом месте Рали помолчала, подняв брови и ожидая наших реплик. Но мы с Яношем промолчали. Ну еще бы, Ликантия освободит!.. Превотант оказался еще глупее, чем я думал о нем.

Воскресители убедили большинство магистрата ввести чрезвычайное положение, которое наделяло воскресителей полномочиями — «советом и помощью любым способом положить конец беспорядкам». Это, в свою очередь, привело к появлению на улицах толп. В результате ночных волнений подожгли два дома. А семеро мужчин и две женщины, все из класса ремесленников, «атаковав ночной дозор с намерением убивать, вынудили солдат защищаться всеми имеющимися средствами». Все это стало предметом предвзятого разбирательства в магистрате, который к тому времени был уже целиком проглочен воскресителями.

Последовал приказ гвардии маранонок выйти на улицы и навести порядок. Но под порядком подразумевалось подавление тех, кто хотел перемен, и сохранение власти консерваторов.

— У нас в казармах прошло общее собрание, — сказала Рали, — и все до одного, от офицеров до последних конюхов, единогласно высказались придерживаться нейтралитета. Совещались мы чуть не всю ночь, но главный довод был таков, что Маранония благословила нас хранить дух Ориссы. И если мы примем сторону какой-либо партии, то потеряем не только всеобщее уважение, но и благословение самой богини. Мы отказались подчиниться магистрату, и это впервые в истории гвардии маранонок. — Рали отвела взгляд, и глаза ее в свете пламени очага влажно заблестели. Это было мгновение и гордости, и стыда. — Нам было тогда приказано не выходить из казарм, где мы и остались. И мы даже не знали, что предпринять, чтобы предотвратить катастрофу, разрывающую Ориссу на части. Мы обращались к нашим предсказательницам и мудрецам. Наши казармы тайком даже посетили несколько воскресителей, которым мы доверяли. Мы каждый час гадали по костям. Даже были моменты… — ее голос ослаб, — такие моменты, Янош, когда я проклинала и тебя, и Далекие Королевства.

— Перемены должны были наступить, — сказал Янош, — независимо от того, достигли мы Королевств или нет. И лучшее, что мы можем теперь сделать, — придать этим переменам такую форму, которая бы соответствовала нашим понятиям о счастье для большинства.

— Я понимаю, — вздохнула Рали. — Я понимаю. Но это же ужасно, видеть, как город, который я люблю, раздирается на части. Ведь теперь по ночам на улицах появляются отчаявшиеся бедняки, чтобы грабить, убивать и поджигать; днем воскресители празднуют свой мошеннический триумф, а те, кто должен бы положить этому конец, отсиживаются за каменными стенами.

Она встала.

— Слух о вашем появлении долетел до наших казарм через несколько минут, как вы прошли через ворота, — сказала она. — Теперь, как я понимаю, котел закипит вовсю, и нам хотелось бы знать, кому улыбнутся боги. — Она взъерошила мне волосы. — Ну, добро пожаловать, братец. Держу пари, ты и не подозревал, что ты и один бродяга горец возглавите революцию, а?

И она удалилась, пока я собирался с ответом. Рали, как обычно, оказалась права. Мы действительно довели дело до революции и понимали свою ответственность. Очень хотелось мне знать, чем же все это окончится. Да и сейчас, когда я пишу эти строки, я сожалею, что не знал этого тогда.

Составив расписание караульных смен, мы с Яношем отправились отдыхать. Первым на часы заступил сержант Мэйн. Янош приказал разбудить себя за час до рассвета, когда, как правило, чаще всего возникают опасности. Но опасность не стала долго ждать и материализовалась вскоре после полуночи. Я проснулся от крика и грохота. Шум доносился от главного входа. Обнаженный, с саблей в руке, я сбежал вниз, там же торопливо собирались слуги с зажженными факелами. Двое из моих слуг, имена которых я не упоминаю, дабы не было сегодня стыдно их семьям, трусливо оглядываясь, отодвигали огромный деревянный запор входной двери. Я занес саблю над этими предателями, но они взмолились о пощаде, сказав, что все объяснят. Прежде всего я приказал им задвинуть засов

обратно. Они подчинились. Вниз сбежал Янош с оружием наготове.

— Я видел людей, — сказал он. — Человек двадцать, вооруженных, ждут через дорогу. Они сбежали, когда поднялась суматоха. — Он с первого взгляда понял, что произошло. — Итак, здесь у нас измена, а не просто атака в лоб. Что вам было обещано за предательство? — спросил он.

Эти двое забормотали что-то невнятное, перебивая друг друга. Я приказал им говорить по очереди, что произошло. Если верить словам первого слуги, то он, сменившись с поста, отправился спать. Затем он проснулся, но все равно, находясь как бы еще во сне и не имея сил сопротивляться, пошел к двери. Второй уже был там.

— Это действовало заклинание, — настаивал он. — Я пытался противиться… но бесполезно.

Меня охватили сомнения, но я опустил саблю, помня, что они не один год служили моему отцу. Хотя я не был убежден в их невиновности. Как и Янош.

— Что же разрушило это заклинание? — спросил он скептически. — Такое действие не всякому по плечу, здесь нужны большие способности, чтобы помешать вам привести такой коварный план в исполнение.

— Это был… крик.

— Кто же кричал? — поинтересовался я.

Оба задрожали, а затем один указал дрожащим пальцем куда-то за меня. Он указывал на алтарь, на портрет моего брата Халаба.

— Он кричал. Оттуда…

Остальные слуги загомонили, и мне пришлось еще раз прикрикнуть, чтобы наступила тишина. Оба слуги продолжали бормотать, что, мол, это исходило из картины и только благословенный Халаб и мог спасти фамильный дом от погибели. Меня разрывало между изумлением и скепсисом. Янош приказал запереть этих двоих в кладовку. Он сказал, что должен выяснить истину.

— Я не сторонник пыток, — тихо сказал я ему. — И выяснять тут особенно нечего. Если мы считаем, что они виноваты, их надо выгнать. Или казнить, это мое право, поскольку они не выполнили условий договора.

— Я их и пальцем не трону, — сказал Янош. — Есть методы и получше.

Он отправился на кухню, где мог бы должным образом подготовиться. Я знал, что он собирается делать. Через час он уже получил ответ. Этим двоим пришлось сказать правду. Действительно, откуда-то подействовало заклинание, настолько сильное, что превращало человека на какое-то время в бездумный автомат. И хотя заклинание было рассчитано на спящего человека, а не на бодрствующего, все равно необходимо было признать, что работал мастер-воскреситель, и, скорее всего, не один.

— Черная магия, — сказал я.

Янош нехотя согласился, но заметил: что бы я сказал, если бы такое же заклинание было сотворено, чтобы уберечь доброго человека от негодяя? Но времени философствовать не было. Янош немедленно обезопасил магией все наши припасы и, когда встало солнце, отправил нескольких слуг разузнать, не открылся ли какой-нибудь рынок, чтобы пополнить запасы. В течение дня он произвел еще несколько заклинаний. Первое и самое грандиозное касалось всего дома.

— Я не могу защитить от такого заклинания, которое чуть было не сработало, но я могу сделать так, чтобы и впоследствии они не срабатывали до конца.

Затем он сотворил магическую защиту каждому из нас, при этом причинив сильную боль тем двум, которые стали жертвой предыдущего заклинания.

— Подобно человеку, подверженному простуде и потому избегающему сырых мест, человек, пострадавший от магии, легче другого может пасть жертвой очередного заклинания, насланного тем же магом. Вернее, это я так думаю, поскольку не слыхал об этом ни от одного из воскресителей и не читал ни в одной магической книге.

Я спросил его, как слуги отнеслись к тому, что заклинания над ними совершает

человек, не принадлежащий к сословию воскресителей. Янош усмехнулся и сказал, что с этим-то как раз проблем не было.

— Ты даже не представляешь себе, Амальрик, что существует целый неведомый нам мир колдовства, которым пользуются бедняки. Они не могут позволить себе услуги воскресителя, к тому же большинство совершенно уверено, что магия своего, такого же бедного и малограмотного колдуна, к помощи которого из поколения в поколение прибегают в их семьях, куда эффективнее той, что творят воскресители. Можно считать это предрассудком, но иногда они правы. Тем более что хотят они от магии, как правило, таких вещей, которые считаются незаконными: приворотного зелья, порчи для врагов, а для себя — средств для обнаружения кладов.

— Это с точки зрения воскресителей незаконно, — сказал я задумчиво, — но не с моей. Если мне понадобится, я куплю любое заклинание, ведь у меня уже достаточно денег.

— Денег или просто влияния имени Антеро.

— Да, много несправедливости в нашем городе, — вдруг не совсем логично сказал я.

— Блестящий вывод, — сказал Янош, не скрывая сарказма. — Друг, если ты вдруг узнаешь о таком общественном строе, для которого твой вывод неверен в той или иной степени, не забудь сказать мне, чтобы я знал, куда эмигрировать.

Я налил ему неразбавленного бренди, а сам в одиночестве подошел к алтарю Халаба и возблагодарил его. Я понимал, что своей помощью он вовсе не добивался священного жертвоприношения, но тем не менее я пообещал совершить эту церемонию, когда все успокоится. И еще я поклялся, что, пока будет жив род Антеро, рассказ о том, что сделал сегодня дух моего брата Халаба, будет передаваться из поколения в поколение.

Следующее нападение состоялось после полудня. Я услыхал звук горна, выглянул из окна верхнего этажа и увидел на улице внизу Кассини! На нем была ритуальная мантия воскресителя. Позади него стояли еще два воскресителя, окруженные свитой помощников в белых одеяниях. Двое из них вновь затрубили в трубы. Из переулка вышли два десятка солдат.

— Господин Амальрик Антеро! — прокричал Кассини. — Призываю вас предстать перед правосудием.

Я не стал отвечать, пока в комнату не пришел Янош. За это время Кассини еще дважды выкрикивал мое имя. Я спросил у Яноша, что делать. Он задумался.

— Если нет желания разговаривать с ним, то просто не обращай внимания, — сказал он. — А можешь и поговорить. Я посмотрел, лучников и арбалетчиков там не видно, а я чувствую, что этот бездарь не в состоянии сотворить какое-нибудь заклинание.

Я отодвинул засовы на балконной двери и шагнул вперед:

— Я слушаю тебя, воскреситель.

— Ты арестован, Антеро! — крикнул Кассини.

— А по какому праву? Я не нарушал никаких законов. Да и ты не представитель магистрата. Пока, по крайней мере.

Наверное, не следовало так говорить, но я не мог не отреагировать на сложившуюся в городе ситуацию.

— Ты лжешь! — прокричал он в ответ. — Мы, воскресители, почувствовали, что в этом доме занимаются магией. А поскольку в этом жилище нет ни у кого прав нашего сословия, то ты обвиняешься в преступлении против Ориссы, против воскресителей и против всех законов нашей страны. Я требую, чтобы ты сдался мне, как и все остальные, кто виновен в этом страшном грехе, или подталкивал тебя на это. В твоем распоряжении один час по этим песочным часам — помощник их продемонстрировал, — чтобы ты смог подготовиться к своей защите, а также найти виновных в собственном доме. Амальрик, предайся в руки правосудия. Честному человеку не надо страшиться Совета воскресителей.

— Я слышу, как над твоими словами хохочет дух моего брата, — ответил я ему. — Можешь убрать свои песочные часы. Ни я, ни кто другой в этих стенах добровольно не выйдет, чтобы стать жертвой воскресителей. Если уж тебе так необходим суд, то пусть он

пройдет законным образом, в магистрате, а не перед шарлатанами в мантиях!

Я увидел улыбку Кассини — он получил тот ответ, которого и ждал. Другой помощник подал ему длинный кинжал, засиявший золотом в лучах послеполуденного солнца. Воскреситель взял его двумя руками и поднял лезвием вверх:

— У меня нет выбора.

Подошел следующий помощник и развернул перед моим врагом свиток.

— Я, Кассини, облеченный властью, дарованной богами и духами этого и других миров, направляю свою власть против Амальрика Антеро и всех тех, кто вольно или невольно служит ему, объявляю их вне закона и предаю проклятию с этого момента и до тех пор, пока Антеро не предстанет перед правосудием. Я проклинаю и наказываю в частностях и в целом. Отныне лица Амальрика Антеро и служащих ему будут помечены, дабы ни один честный человек, кто боится и уважает богов, не был введен в заблуждение. Первое проклятие…

Кассини заморгал, когда по свитку пробежался солнечный зайчик, а затем попал ему в лицо. Он поднял взгляд и вскрикнул. Кинжал упал на мостовую. Воскреситель попытался поднять полу мантии и прикрыть лицо, но было поздно.

Рядом со мной оказался Янош. Обеими руками он держал огромное серебряное зеркало, что висело у меня в гардеробной. Он прошептал слова заклинания, а затем громко заговорил:

— Воскреситель Кассини! Я поймал твое изображение и изображения тех, кто рядом с тобой, в это зеркало. И теперь приказываю тебе именем богов Ориссы и богов Костромы отказаться от дальнейших проклятий и магических действий, направленных против семейства Антеро, его слуг и его друзей. Если мой приказ будет нарушен, то отражение твое будет проклято всеми доступными мне средствами. К тому же отныне это зеркало будет переводить на тебя самого все заклинания, посланные тобою на этот дом и живущих в нем. И я заложу свою душу демонам, если ты и все воскресители, участвующие в этом вашем шутовском представлении, не являются просто деревенскими шаманами! Причем самого худшего сорта.

У Кассини отвисла челюсть. Я услыхал, как завыл от боли и страха один из его помощников.

— Это бред! — только смог и выкрикнуть воскреситель. — Как можешь ты, маг-любитель, сотворить такое великое заклятие?

— Мне были даны такие знания, а вот тебе — нет, — ответил Янош. — К тому же мои знания, мое могущество берут силу из дня, из света. А поскольку свет дня всегда побеждал тьму ночи, то и справедливость восторжествует над вашим злом!

Кассини оглянулся и увидел, что его помощники и солдаты уже собираются бежать.

— Но этого не может быть!..

— Что ж, коли ты так полагаешь, попробуй продолжить проклинать и объявлять нас преступниками.

Я увидел, как Кассини облизывает губы. Затем, не отвечая, он развернулся и побрел прочь. Подол мантии захлестнул его за ногу, и он чуть не упал. Но удержал равновесие и удалился. А за ним и его приспешники.

Позади я услыхал изумленные восклицания слуг. Янош осторожно опускал зеркало.

— Я и не знал, — сказал я ему, — что твое могущество столь велико.

Янош мрачно усмехнулся:

— Я тоже. У меня не было уверенности, что те, внизу, позволят мне проделать такое. Если бы Кассини и его воскресители были хоть чуть более умелыми, я не стал бы и пытаться. Пожалуй, меня можно обвинить в самонадеянности. Но уж это обвинение я как-нибудь переживу.

— Так ты просто блефовал?

Янош пожал плечами:

— В том невидимом мире кто, может быть уверенным и знать, где победит, а где

проиграет? Но получилось, а это главное сейчас — что люди, которые нам служат, будут чувствовать себя спокойно.

— А если Кассини предпримет еще одну попытку? Ведь он может собрать таких воскресителей, что им ты противостоять не сможешь.

— Не думаю, что такое возможно в скором времени. Я действительно поймал его изображение в зеркало, и в случае нового появления Кассини несдобровать. Конечно, всякое может случиться, но в настоящий момент воскреситель Кассини уверен, что он в опасности. А этого нам достаточно.

— Он не отступится, — сказал я. — Как и его сторонники в магистрате и среди воскресителей.

— Не отступится, — согласился Янош. — Но я полагаю, что теперь им придется придумать что-нибудь особенное. И постараются они сделать это быстро, поскольку Кассини, встревоженный тем, что я имею над ним какую-то власть, меня очень боится. Все мы должны быть готовы к неприятностям этой ночью.

Вечером все убедились, что Янош прав в своих предсказаниях. От Большого амфитеатра, как мне казалось, стала доноситься медленно приближающаяся дробь барабанов и крики толпы. Когда совсем стемнело, на улицах замелькали огни факелов. Мне становилось страшно. Возможно, нам лучше было скрыться из виллы. Я понимал, что скорее всего Кассини будет сочетать магию и вооруженную силу, посулив щедрое вознаграждение за наши головы, натравив на нас кого только возможно. В такой ситуации нам надо было действовать решительно.

Небеса были чисты, и в высоте холодно сияли звезды. Луны не было, но отовсюду разливалось какое-то свечение. Хоть ночь и была безоблачной, откуда-то неподалеку доносились раскаты грома.

Янош приказал погасить все огни, которые можно увидеть снаружи. Он отобрал десять самых крепких мужчин, отдав их под команду Мэйну. Эти люди должны были составлять наш резерв на случай атаки. Четверых парней, умевших стрелять из лука, разместили на крыше. В наблюдатели отрядили слуг помоложе, у которых слух и зрение были поострее. Факелы были размещены у ворот, на каждом углу здания и во дворе. Заготовили и сменные факелы, привязанные к копьям, на случай внезапной надобности в освещении. Тех, кто хотел есть, накормили, хотя Янош и предупреждал, что раны в живот гораздо опаснее, когда желудок полон. Кроме того, он приказал всем одеться в темное. И мы стали ждать.

Два часа спустя к вилле из центра города потянулся поток факелов. Выкрики толпы стали слышны все отчетливее. Кое-что можно было разобрать, и я обратил на это внимание Яноша.

— Насколько я понял, нас собирается разорвать на части толпа за то, что я святотатствую и незаконно занимаюсь колдовством, — хмуро сказал Янош.

— Я вижу факелы впереди и по бокам, словно их сопровождают солдаты. Да и крики кажутся отрепетированными заранее. Мне кажется, это переодетые солдаты, верные существующей власти.

— Нет, — не согласился Янош. — Вновь нам приходится иметь дело с магией. Это простые люди, мужчины и женщины, вызванные из домов заклинанием. Сейчас они марионетки в руках воскресителей, управляемые и неразмышляющие. А наутро никто из оставшихся в живых не вспомнит, что было этой ночью.

Вскоре толпа подошла и окружила виллу.

— Вот и еще одно доказательство их управляемости, — сказал Янош. — Обычная толпа любопытных собирается там, где ожидаются главные события, то есть у парадного входа. А вместо этого нас окружили, захлопнув капкан.

— Что же дальше?

— Сейчас в нас полетят камни. Они станут орать, изматывая наши нервы. Затем попытаются атаковать, ища слабое место. Нам предстоит серьезная схватка. Придется отбиваться стрелами и копьями. Или мы их, или…

Альтернатива была ясна.

— Надо полагать, на помощь магистрата рассчитывать не приходится?

Янош покачал головой:

— Главное — продержаться до восхода солнца.

Толпа завопила и заулюлюкала, в направлении виллы полетели камни. Но со штурмом почему-то медлили.

— Возможно, — задумался Янош, — первая атака будет совершена магическими средствами. Смотри внимательнее, Амальрик. В толпе могут быть и незаколдованные люди, руководители. Вон! Видишь?

Я заметил, как в задних рядах поблескивают какие-то вспышки.

— Сигнальный фонарь, — предположил Янош. — Главарь направляет, держась подальше от собственных заклинаний.

— Кассини?

— А ты думал, он позволит уничтожить нас и самому не поприсутствовать при этом? Там Кассини, а если бы у нас с тобой было магическое зеркало и мы могли бы заглянуть во дворец воскресителей, то услыхали бы бесконечное бормотание его приятелей.

Время шло, а события все никак дальше не разворачивались. Янош все больше тревожился.

— Они чего-то дожидаются, какого-то события, которое все и сдвинет с места. Даже толпу марионеток трудно удерживать в бездействии.

Закричала какая-то женщина. Причем внутри виллы!

— Быстро туда! — крикнул Янош. — Я наблюдал за Кассини и по его жесту понял: что-то должно произойти.

Я сбежал вниз, слыша крики и лязг металла. Непонятно как, но… вооруженные люди проникли в дом. Мужчина с кривым носом, подняв окровавленный топор, поднимался по лестнице. Я атаковал его сверху, взмахнув саблей. Клинок вонзился ему глубоко в плечо, он зашатался и упал. Но мне не удалось вытащить клинок, намертво застрявший в его теле. Я сбежал вниз, в гостиную, и сорвал со стены украшавшую ее саблю. На меня с дубинкой бросился новый противник. Я пригнулся, и его удар пришелся в воздух. Мне же удалось вонзить клинок ему в живот. Но вслед за ним приближались еще двое. Я уже задыхался, отбивая их атаку. Чувствуя, что требуется подмога, я закричал:

— Кто за Антеро! Ко мне! Ко мне!

Наш резерв во главе с сержантом Мэйном выскочил из комнаты, где им приказано было ждать. Все помещение от основания лестницы до парадных дверей представляло из себя месиво окровавленных, падающих и сражающихся людей. И тут я увидел того, кто предал нас.

В другом конце комнаты появился Тегри! Он один из немногих знал о существовании туннелей и, должно быть, выдал этот секрет Кассини. Тегри был вооружен копьем, облачен в доспехи. Он тоже заметил меня, злобно заорал и бросил копье. Оно с глухим стуком вонзилось в стену. Я подпрыгнул, сорвал с крюка масляную лампу и швырнул ее в человека, предавшего не только меня и мою семью, но и память отца. Горящая лампа угодила ему прямо в лицо, и даже в общем шуме я услыхал вопль боли. Он упал, и я потерял его из виду. Мои сторонники начали теснить нападавших. Наверху, на лестничной площадке, появились наши лучники и принялись расстреливать противников. Те были сломлены, и оставшиеся в живых ринулись, толкаясь, обратно в туннель.

Комната утопала в крови. Из наших были ранены или убиты шестеро. И тут на глаза мне попался Тегри. Он добрался до стены и сидел там. Вид у него был ужасный. Лицо, местами черное, местами красное, покрылось волдырями. Волосы и борода выгорели. Обожженные глаза ничего не видели, но он, должно быть, узнал меня по шагам. Он воздел руки и взмолился о милосердии. И он получил просимое, умерев легко и быстро, хотя со мной он собирался поступить иначе.

Со второго этажа позвал Янош. Я приказал двум слугам забаррикадировать вход в

туннель и вместе с Мэйном и его людьми поднялся наверх. Янош стоял на балконе с луком в руках и методично посылал боевые стрелы в толпу внизу.

— Сейчас они пойдут в атаку! — прокричал он. — Лучники, цельтесь хорошенько. Для начала вон в тех. И помните, ваша жизнь в ваших руках.

Толпа приволокла откуда-то боевой таран, подвешенный на станине, и восемь человек, взявшись за ручки и раскачивая орудие взад и вперед, начали бить бронзовым концом в дверь виллы. Тяжелые, обитые железом дубовые двери отзывались на каждый удар равнодушным «бумм!», но я понимал, что рано или поздно они не выдержат. Звенели тетивы, пели стрелы, но как только падал один из держащих таран, на его место бежали двое других. Не то магия Кассини была так сильна, не то так велика была у заколдованной толпы жажда нашей крови. Таран еще раз ударил в дверь, и я услыхал, как затрещало дерево, а — двери начали поддаваться.

— Все вниз! — закричал я. — Янош, оставайся со мной. Остальные попробуйте прорваться через туннель. Мы же продержимся сколько сможем.

Вновь я оказался внизу, в залитой кровью прихожей. Наставал последний час Антеро. Возле дверей в своем алтаре на меня смотрел с портрета Халаб. Через несколько минут я уйду к нему.

— Люди, — прокричал я, — ваша служба окончена! Убегайте по туннелю, пока еще есть возможность.

— Пошел ты к демонам, господин Антеро, вместе с твоим туннелем! — проревел конюший Ян, беря на изготовку здоровенный топор, которым разрубают туши. — Я умру тогда, когда сам сочту нужным. Этой ночью ни один воскреситель или его прихвостень не увидит моей спины.

Я увидел, что еще с десяток слуг последовали примеру Яна умереть здесь. К горлу моему подкатил комок. Янош прятал в бороде улыбку.

— Что ж, — сказал я, — давайте же прольем столько крови, что подземные боги упьются ею до смерти. Держу пари, об этой ночи будут слагать легенды.

Мы были готовы к последней схватке.

Дверь затрещала, но вдруг снаружи послышались вопли раненых, звон сабель, пение боевых труб, дробь барабанов. Мы были уже готовы к смерти — и вдруг она отступила. Ничего не понимая, мы смотрели друг на друга — на улице разворачивалось какое-то отчаянное сражение. Янош выхватил у Яна топор и тремя ударами добил дверь. Мы выбежали наружу.

Из тьмы ночи появились три колонны гвардии маранонок. Они неотвратимо надвигались на осаждающих, угрожающе выставив копья. Впереди шли лучницы и метательницы дротиков, поражающие цели на ходу. Трубачки и барабанщицы гвардии играли устрашающий марш. Во главе отрядов шла Рали.

Толпа рассыпалась, и люди побежали во все стороны. Я убрал саблю в ножны и вытащил воткнувшееся в землю копье. Кассини, должно быть, сбежал вместе с остальными. Но мне необходимо было его найти. Конечно, поднять руку на воскресителя было делом более чем запретным, но сейчас у меня на руках было столько крови, что еще малая толика меня не тревожила, будь она воскресительская или чья-то иная.

Но Кассини не исчез. Он не бежал. Я увидел его на том же месте, где он был и в начале нападения, — посреди улицы. Он остался в одиночестве — вся свита и все помощники скрылись вместе с остальными. Непонятно было, в шоке он или его что-то принуждает так поступать.

Внезапно он простер руки к небесам и закричал что-то на незнакомом языке. Я поднял руку для броска, но остановился. С небес грянул гром, да такой, что заглушил трубы, барабаны и вопли раненых. Все — маранонки, мои слуги, Янош — словно окаменели. Побледневшие лица поднялись кверху.

Еще один долгий и оглушительный раскат грома. Затем в совершенно безоблачном небе вспыхнуло пламя. Из него вытянулась огромная огненная рука и устремилась вниз.

Я хотел закричать, зарыться в землю, но не мог и пошевельнуться.

Рука опускалась на Кассини. Его выкрики перешли в визг, и тут пальцы сомкнулись на воскресителе. Рука подняла его футов на десять над землей, сдавив так, как садовник давит пойманную полевую мышь. Затем пальцы разжались, и то, что осталось от Кассини, упало на мостовую. И тогда огонь, рука и гром исчезли, словно их и не было.

Я обернулся. Янош стоял рядом по-прежнему в оцепенении. Я прошел мимо него через разбитую дверь, через тела убитых в моей прихожей. Снаружи ликовали победители.

В этот момент я ни с кем не хотел делиться своими раздумьями. Да, мы победили. Но война во мне самом не закончилась. Это была всего лишь одна из битв, одна из заслуженных нами побед.

— Господин Амальрик Антеро и капитан Янош Серый Плащ, пожалуйста, выйдите вперед.

Янош и я находились в цитадели магистрата. Было это менее чем неделю спустя, но казалось, что в Ориссе прошла целая эпоха. Те консерваторы, что уже готовы были праздновать триумф, исчезли из коридоров власти. Теперь во главе магистрата восседал Эко. Сишон объявил, что занедужил от какой-то редкостной болезни через два дня после битвы у моей виллы и вынужден отбыть для курса интенсивного лечения. Сторонники его тоже отыскали важные дела, требующие их немедленного присутствия подальше от города.

Три дня спустя после битвы было отменено чрезвычайное положение, и в Ориссе началась нормализация обстановки. Случилась также важная и торжественная церемония — посвящение в рыцарское достоинство Яноша. После окончания этой церемонии он не без юмора отметил, что его рыцарство почему-то не наследственное.

— Должно быть, боялись, что спустя какое-то время к ним прибегут толпы бездельников, утверждающих, что я причастен к их рождению. Но все же я весьма доволен оказанной мне честью, поскольку, как мы все хорошо знаем, с моей смертью или преображением настанет конец света.

Он расхохотался, поднимая бокал с сержантом Мэйном и Рали, обмывающими его шпоры.

Но самое важное, что удушающая город хватка воскресителей разжалась. Тех, кто поддерживал Кассини, никто на публике больше не видел. Стоит отметить, что отныне никто из воскресителей уже не вышагивал с прежней на дутой важностью по городу. Дженидер, Превотант и иж с ними были теперь заняты тем, что пытались предугадать каким будет новый порядок и как им можно управлять.

Гэмелен вернулся и теперь выступал в магистрате от лица воскресителей. На этом важном событии он восседал на скамье рядом с Эко. Мы застыли как по команде «смирно», пока он говорил. Позади нас стояли наши сторонники. Кроме Рали, Маларэна, наших близких друзей здесь были множество жителей Чипа.

— По решению магистрата и Совета воскресителей, — взял заключительное слово Эко, — после соответствующих молитв и жертвоприношений город Орисса возвещает о великом открытии, о путешествии, целью которого должно стать объединение мужчин и женщин нашего города с обитателями тех земель, что известны как Далекие Королевства. Исходя из этого мы приказываем всем жителям Ориссы и всем правителям земель, находящихся под нашей протекцией, оказать всю необходимую помощь господину Антеро и рыцарю Серый Плащ для того, чтобы поставленная перед ними задача была успешно выполнена. Мы провозглашаем поход, мирный поход, который откроет перед нами новый золотой век. А теперь, господин Антеро, рыцарь Серый Плащ, вперед! На поиски Далеких Королевств.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Глава девятнадцатая

ГОРОД ПРИЗРАКОВ

Нас было всего лишь двадцать человек, но все мы были крепки, выносливы и молоды. И цель у нас была одна: Далекие Королевства. И правило у нас было одно: «один за всех, все за одного». Было хорошо то, что все участники экспедиции относились к ней очень серьезно, потому что, как только мы сразу после окончания зимы вышли из Ориссы, ничто в этом путешествии не проходило гладко и спокойно.

Еще когда мы вышли из устья реки Ориссы на одном из самых лучших моих кораблей, недавно построенном торговом двухпалубном судне, капитаном на котором был Л'юр, всеми нами овладело странное беспокойство. Словно видишь, как вокруг осеннего костра собираются призрачные видения. Мы быстро пересекли Узкое море с намерением высадиться, не доходя несколько лиг до места обитания прибрежного народа. Янош и я собирались посетить Черную Акулу, выяснить, сможет ли он обеспечить нас кое-чем, в чем мы нуждались, и расспросить, не будет ли он и его народ возражать против нашего присутствия на их землях. Мы разгрузили судно и принялись приторачивать поклажу на вьючных животных. На каждого человека приходилось по два осла, заклинаниями обреченных на безголосие. Мы собирались бережно обращаться с этими животными, словно они сами по себе были богатством, поэтому в составе экспедиции были два конюха, известных своими блестящими познаниями в ветеринарии.

Мы с Яношем вдвоем пешком направились в деревню Черной Акулы. К счастью, мы туда добрались засветло, иначе бы так и прошли всю деревню насквозь, не заметив, что и сама деревня, и ее жители исчезли. Все хижины были разрушены до основания, сожжены. Мы вышли к месту впадения реки в море. Из всех лодок туземцев осталась только одна — старое каноэ, полузатопленное у берега. Я спросил Яноша, что, по его мнению, могло случиться. Он покачал головой, не зная, что и сказать. Серый Плащ забрел в реку и попросил меня помочь вытащить старое каноэ. Потом он обнажил кинжал и, отрезав несколько щепок, сунул их в сумку на ремне. Мы вернулись к нашему отряду и все вместе двинулись в поход.

До начала отбора и подготовки добровольцев мы с Яношем провели много времени, обсуждая предстоящую экспедицию. Это было главное дело нашей жизни, и относиться к нему всем участникам следовало соответствующим образом. Несмотря на катастрофу второго путешествия, добровольцами вызвалась половина Ориссы. Мы отбирали только молодых, крепких, выносливых, уживчивых и с чувством юмора. В их число пыталась попасть и Рали, но я убедил ее, что должен же остаться хоть один распорядительный Антеро, поскольку в мое отсутствие дело запросто могло повернуться и так, что вернулись бы старые порядки. Сжав зубы, она согласилась. Двадцатка добровольцев подобралась разношерстная: были двое, служившие прежде в пограничной разведке, был один лесник, были два брата, как я подозревал, занимавшиеся попросту браконьерством, и так далее. Среди нас находился даже довольно изнеженный с виду учитель музыки, но умевший великолепно забираться на гладкие крепостные стены без веревки и клиньев. Последним в наш отряд попал Лион. Просьбу о зачислении принес его тюремщик. Очевидно, парень так и не научился ладить с людьми и оказался теперь в камере для осужденных. Может быть, у него и не было чувства юмора и в общении он был не очень-то приятен, но мужество и выносливость перевешивали остальные недостатки. Я заплатил за него выкуп, и он стал двадцатым.

В первый же день, когда двадцатка собралась в одном из моих отдаленных поместий, Янош предупредил, что мы должны отныне жить так, словно против нас все человечество. Он сказал, что мы должны думать о себе как об отряде нерегулярных войск, попавшем в смертельно опасное окружение, должны научиться выживать так, чтобы каждый стоил десятерых.

Этим и занялся Мэйн, как оказалось, сущий дьявол в образе человеческом, который гонял нас по полям так, что мы просили пощады. И тогда он милостиво разрешал нам индивидуальные упражнения — лазанье по деревьям или по скалам. Играли мы и в игры, нацеленные на умение ориентироваться и прятаться на местности. Есть такая детская игра

«заяц и собаки». Только здесь правила были изменены так, что пойманного «зайца» швыряли в пруд. В конце зимы такое наказание выглядит совсем не смешным. Когда мы совершенно выматывались, Мэйн заставлял нас рисовать карты или решать сложные головоломки. Так мало-помалу мы превращались в единую команду. Возвращались ко мне мои ночные кошмары о неизвестной пещере, но я был настолько утомлен тренировками Мэйна, что они лишь пару раз потревожили меня.

Теперь, продвигаясь по лесам и горам за Перечным побережьем, мы чувствовали себя увереннее, чем когда бы то ни было прежде. Мы прекрасно ориентировались на местности, могли по поведению животных и птиц определить, есть ли впереди опасность. Только вот животные и птицы попадались очень редко, словно здесь прошла грандиозная охота, и это было зловещим признаком. Словно все попрятались в предчувствии какого-то разрушительного урагана. Те немногие деревни, которые попадались нам во время первого путешествия, оказались заброшенными, нам вообще не встречалось ни одного человека.

Мы добрались до верховий реки без особых приключений, хотя все ощущали вокруг присутствие каких-то последствий недоброй магии. Хорошо хоть нас не тревожили те мелкие козни неизвестных колдунов, которые досаждали нам в первом путешествии. Возможно, размышлял я, наши недруги чувствовали, что этим нас не проймешь, и готовили какое-нибудь великое заклинание, чтобы уничтожить нас позже. Несколько раз видели мы наблюдателей и прятались от них. Поскольку мы так и не узнали, что у них на уме, добрые намерения или злые, мы сочли за лучшее просто оставаться незамеченными.

Мы никогда не продвигались так, как естественно было бы от нас ожидать. Так, несмотря на то, что легче было бы идти по дну долины, там, где сохранилась дорога, которой мы пользовались раньше, мы даже и не приближались к этому маршруту. Также мы никогда не показывались на вершинах холмов, особенно потому, что там, как правило, чаще всего замечались наблюдатели. Мы продвигались обычно зигзагом, не удаляясь от мест, известных нам по прошлым путешествиям, но и не повторяя предыдущих маршрутов. К тому же эта экспедиция не была испытанием на выносливость, как предыдущие. Мы находились на марше в течение шести часов, а затем три часа отдыхали. Усталость, постоянно твердил Янош, сравнима с врагом, затаившимся в засаде; усталый человек спотыкается, идет медленно, его внимание ослаблено, он очень уязвим для неожиданной опасности, а паче того — нападения врага. Как и раньше, пищу мы готовили только днем и старались, чтобы костер не очень дымил. Иногда обходились зернами, вымоченными в вине, или свежепойманной сырой рыбой с фруктовым соком местных плодов. Мы добрались до пустынных земель быстрее, чем первая экспедиция, не говоря уж о второй. Дальше мы пошли с еще большими предосторожностями, поскольку маскироваться стало труднее.

По прошествии четырех дней там, где степи переходили в пустыню, мы наткнулись на разбойников-работорговцев. Как и раньше, их всадники обложили наш отряд по бокам. Янош приказал остановиться и отвел меня в сторону.

— У нас есть выбор, — сказал он. — Мы можем подождать, пока они бросятся в атаку сами или с помощью магии, и там уже действовать по обстоятельствам. Или ударить первыми. Я высказываюсь в пользу последнего. Мне надоели эти бездельники кочевники. В будущем, когда здесь пойдут большие караваны на восток, от них житья не будет. И я полагаю, что надо дать им уже сейчас такой урок, чтобы им неповадно было впредь трогать путешественников из Ориссы.

Я колебался, полагая, что у нас мало сил для сражения. Не лучше ли оторваться от них или как-нибудь обмануть? Но затем я припомнил, сколько мы натерпелись от их «благих деяний», и представил, каково бы нам пришлось, если бы мы выбрали тогда плен, а не сражение. Затем я подумал о Диосе, и гнев охватил меня.

— Делай как считаешь нужным, — сказал я, но и по сей день я иногда сомневаюсь в правильности этого решения.

— Отлично. Уничтожим этих гиен, — сказал он. — Не только при помощи оружия, но и более убедительными средствами.

Мы сменили курс, направляясь прямиком на всадников, ничем не выказывая наших намерений. До сумерек они так и держались в отдалении. Но нам понятно было, куда они направляются — к очередному оазису, где нас поджидали главные силы их отряда.

— Нападем, когда они заснут, — сказал Янош.

Он приказал нам отдать ему наши кинжалы. На песке он нарисовал букву V, направленную острием к оазису. Вторая V, поменьше, была вписана в первую, это было изображение наконечника копья или стрелы. В то время уже никто не обвинял Яноша в том, что он творит заклинания и выполняет в нашем отряде функции воскресителя, хотя такие действия были запрещены в Ориссе человеку, не принадлежащему к сословию воскресителей. За фигурой наконечника копья он нарисовал большой круг и по границе его разложил наши кинжалы остриями внутрь. Затем он взял из наших запасов десятка два боевых стрел и также разложил их в круге. Из трех копий он выложил на песке треугольник. Он произнес какие-то слова, и копья задымились, а потом загорелись, при этом не обугливаясь. Он осторожно достал из своей дорожной сумки пузырек и открыл двойную крышку. Хотя мы стояли от него футах в десяти, нас накрыл такой запах из пузырька, что меня чуть не стошнило. Невероятно сильно воняло гниющим мясом. Янош вылил часть этой мерзостной жидкости в центр круга, составленного из кинжалов, затем быстро закрыл пузырек и отошел к нам. Вонь, казалось, его нисколько не беспокоила. Он задумчиво осмотрел свою работу.

— Не помешало бы немного крови, — пробормотал он. — Но не нашей. А то направление будет выбрано неправильно. Может быть… да! Ты, Лион, возьми этот сосуд, — он протянул воину крошечный золотой кубок, свой очередной магический атрибут, — и добудь в него крови одного из ослов. Но не больше, чем сюда влезет.

Я видел, как дрожала рука Лиона, когда он брал кубок. Но подчинился беспрекословно, и вскоре лезвия кинжалов и наконечники стрел были окроплены ослиной кровью. Янош встал возле круга и принялся творить заклинание. Как обычно, оно состояло из непонятных слов, наверное, имен богов, произносимых на колдовском языке, вперемешку с фразами, которые я мог разобрать:

— Этот… дар… за… жизнью… смерть… червь разложения… И смерть сама по себе… дар… Белый мир… после… Пока не придут шакалы.

Тут треугольник из копий вспыхнул и… исчез. Янош обернулся к нам:

— Заклинание завершено. Теперь разберите свои кинжалы, а лучники пусть разделят между собой эти стрелы. Можете пользоваться стрелами и кинжалами по вашему усмотрению, но пока я не сотворю противозаклинание, если вам дорога жизнь, ни в коем случае не обрежьтесь сами. А теперь подождем, пока не погаснут в их лагере костры. Затем подползем поближе. Даже если у них расставлены часовые, будьте уверены, они нас не заметят. Занимаем позицию с этой стороны лагеря. Каждый лучник выбирает себе цель и по моему сигналу поражает ее. Затем бросаемся в атаку. Пользоваться только этими кинжалами, если не возникнет крайней необходимости взяться за что-нибудь другое. Чтобы поразить противника, достаточно просто коснуться его лезвием. Я покажу вам одного человека в лагере. За него отвечаю я. Не трогать его, иначе будете иметь дело со мной. А теперь есть и отдыхать.

Поздно ночью мы двинулись из нашего лагеря к оазису. Я вновь вспомнил о Диосе, накатила волна гнева, и я превратился в длинный нож и бесшумную тень. То ли из-за нашей осторожности, то ли из-за заклинания, но только двое часовых действительно не увидели нас. Янош показал на одного Лиону, а другим занялся сам. Оба часовых были убраны без звука. Мы вошли в их лагерь. Палаток там не оказалось. Около пятидесяти кочевников безмятежно спали, положив головы на седла вместо подушек. Один человек похрапывал в стороне от остальных, и Янош указал на него, как и предупреждал. Лучники изготовились, и Янош махнул рукой. Стрелы поразили свои цели. Мы тут же бросились в атаку. Передо мной возник какой-то полупьяный человек, пытающийся выбраться из одеял, и я погрузил клинок в его тело, забыв наставление Яноша лишь касаться врага. Другой раненый кочевник с

воплем упал к моим ногам. Я приготовился прикончить его… но он был уже мертв. Более того — в мгновение ока произошло то, на что уходит порой неделя: труп скорчился, съежился, почернел, плоть начала исчезать, и вот уже на песке лежал только скелет. Тут и там вскоре валялись одни кости. Вот почему в заклинании Яноша звучали слова «Белый мир».

Я огляделся в поисках врага. Какой-то работорговец, пригнувшись, пытался скрыться в темноте. Просвистела стрела и попала ему в руку. Но и этот человек, завопив, скончался и мгновенно сгнил. Наконец лишь один человек остался в живых среди скелетов. Их вожак, трепеща от ужаса, стоял на коленях перед Яношем.

Янош приказал привязать его к ближайшей пальме.

— Ты говоришь на языке торговцев? — спросил Янош. Человек кивнул. — Тогда хорошенько посмотри вокруг. Такова судьба всех моих врагов. Такова… а то и похуже. Тебе дается шанс выжить. И не потому, что мне не доставит удовольствия лицезрение твоих костей среди остальной твоей банды, а потому, что я хочу, чтобы ты поведал всем своим соплеменникам о том, что происходит с теми, кто выступает против Ориссы. Я иду здесь первым. Но за мной пойдут и другие путешественники тем же самым маршрутом. Запомни, что случилось этой ночью, и держись подальше от моих людей. Ты понял?

Человек пробормотал, что понял. Янош вытащил из своей сумки маленький перочинный нож и воткнул его в песок футах в трех перед привязанным человеком.

— Я оставлю тебе лошадь и бурдюк с водой. Если постараешься, то дотянешься до этого ножика и освободишь себя. А затем садись верхом и расскажи о том, что видел и слышал.

Он махнул рукой, и мы покинули лагерь, предварительно надежно привязав одну из лошадей, остальных разогнав и прихватив отсюда все запасы пищи и воды, за исключением одного бурдюка. Никто из нас не проронил ни слова. Но не из желания произвести впечатление на работорговца, а от ужаса перед тем, что мы только что сделали. Конечно же, у Яноша были убедительные причины поступать так, но все же это была черная магия наихудшего сорта, и у каждого из нас после этой ночи на душе остался неприятный осадок.

К тому времени, когда было сотворено противозаклинание и наши кинжалы и оставшиеся наконечники стрел стали вновь нормальными, наступил рассвет. Мы через силу поели, нагрузили осликов и двинулись дальше. Но, не пройдя и одной шестой части лиги, услыхали вопли. Заржала лошадь, закричал человек. Мы увидели, как в оазис неведомо откуда слетелись громадные стервятники. Но из-за расстояния никто из нас не мог определить точно, какие это птицы. Крики из оазиса становились все громче, но потом резко оборвались. Это не пустыня, подумал я, а сама смерть. Никогда не слышал, чтобы стервятники, питающиеся падалью, нападали на живое животное и здорового человека. Янош выругался — попытка заклинания оказалась не так хороша, как он ожидал. Затем пробормотал вполголоса, что последние слова заклинания могли привести к оазису этих тварей — он мог в сотворении его допустить и ошибку.

Немного погодя мы увидели, как над оазисом, покончив с трапезой, поднимается туча стервятников. Они полетели в нашу сторону. Я прищурился, пытаясь разглядеть, что же это за чудовищные птицы, и тут моему изумлению не было предела. Все остальные закричали в испуге. Хотя стервятники и находились на приличном расстоянии, можно было разобрать, что это вообще не птицы и даже не летучие мыши, появляющиеся в сумерках. У этих тварей было подобие человеческого тела: виден был торс, ноги и, как мне показалось, даже руки и головы. А вот крылья были не столь велики для такого туловища, как бы им полагалось, и, видимо, в воздухе эти создания удерживались с помощью какого-то колдовства. Мэйн натянул свой лук и выпустил по ним стрелу. Выстрел оказался удачным, в самый центр стаи, и стервятники, подобно напуганным голубям, сломали свой строй. Но поначалу показалось, что от выстрела Мэйна никто не пострадал. Только один остроглазый солдат увидел, как что-то упало с неба. А кошмарные летучие твари скрылись вдали. Мы подъехали к тому месту, куда упал предмет. Это оказалась человеческая рука. Я закопал ее в песок, и мы двинулись

прочь. Даже работорговец не заслуживал того, чтобы в этом пустынном месте скитался его призрак.

Несколько дней спустя мы увидели, что приближаемся к тому кратеру, который ненадолго стал для нас раем. Мы не стали подъезжать, придерживаясь первоначального замысла не повторять маршрут, рассматривая возвышенность лишь как ориентир на местности. Янош пытался с помощью магии скрыть наше присутствие. Все теперь ощущали, что за нами наблюдают, но пока никто не чувствовал прямой угрозы. Мы отыскали ручеек, бегущий из волшебного кратера, и пополнили запасы воды.

Янош сотворил еще одно заклинание защиты для отряда. Из двух сучьев ивы, растущей у ручья, он сделал дугу, вкопал ее вертикально, прошептал нужные слова, и в этой арке закрутился маленький смерч. Янош приказал каждому пройти сквозь этот смерч. Он посмеивался, видя, как песок набивается нам в глаза, уши и волосы. Потом он провел через смерч и наших животных. Те упирались, но шли. Закончив операцию, он объяснил: заброшенные земли, куда мы сейчас вступаем, выжжены магией. Здесь нас скорее всего могут заметить. Но теперь любой, кто наблюдает за нами посредством магии, не увидит ничего, кроме череды пыльных смерчей.

У Мэйна появился вопрос:

— А наблюдатели, капитан? Они нас будут видеть?

— Вот этого, сержант, я не знаю, — сказал Янош. — Я уверен в том, что это заклинание ослепит колдовское видение, но я понятия не имею, физические ли существа наблюдатели или нет и как они вообще «видят». Если мы заметим их здесь, то мой совет — заставить осликов опуститься на колени, накинуть на них плащ, а самим зарываться в песок.

Другой вопрос последовал от Хебруса, нашего учителя музыки:

— Господин Серый Плащ, неужели за все эти годы так и не удалось определить природу наблюдателей? Или тех, кто их направляет? Я-то надеялся, что у вас уже есть кое-какие догадки, как я, например, могу по звукам лиры определить, у кого из моих бестолковых учеников отсутствует слух.

Янош покачал головой:

— Я по-прежнему не знаю. Разумеется, архонты Ликантии, как наши враги, посылают нам вслед заклятия. Нису Симеон наверняка может себе позволить нанять лучших воскресителей, магически преследующих нас. Может быть, кто-нибудь и из Ориссы. Ведь не всем воскресителям нашего города по душе происшедшие перемены. — Он пожал плечами. — А может быть, это сами боги. Или чародеи Далеких Королевств.

— Мне кажется, Далекие Королевства место священное, — сказал Лион. — Ну, может быть, не священное, но… хорошее. Там хотят мир сделать лучше. Помогать людям.

— Так легенда и говорит, — сказал Янош. — И у меня нет причин сомневаться в этом. Но если бы у вас было такое же могущество, как у правителей Далеких Королевств, разве вы бы не выставили лучших часовых вокруг своих владений, чтобы попристальнее разглядеть, кто же это приближается?

Судя по выражению лица Лиона, которое напоминало лицо ребенка, слушающего сказку, такой ответ его удовлетворил.

Прикрытые таким образом, мы двинулись через выжженную землю. Природа физическая нам не угрожала. Чудовища из ям, поскольку мы знали о них, были нам не страшны, и я благодарил наш опыт. Но однажды я ощутил укол ревности. Янош вел себя так, словно он был единоличным командиром экспедиции. Но я оборвал себя и побранил, списав такие мысли на усталость. Если он желает себе славы первооткрывателя, что ж, у него на это столько же прав, как и у меня. К тому же мне и богатство, и почет были даны, а ему, в свое время всего лишившемуся, пришлось начинать с нуля. Утомленный мозг всегда становится жертвой темных мыслишек.

Мы намеревались на несколько дней остановиться в Долине, чтобы восстановить свои силы. Но то ли в наш маршрут, то ли в карту вкралась ошибка. Мы достигли района округлых холмов, откуда должны были бы увидеть их утес, но ничего не увидели. Мы

определили наше местонахождение и ночью, по звездам, и днем, по солнцу, и даже пересчитали количество узелков на веревке, которым отмеряли количество дней похода. Получалось, что мы находились на расстоянии дюжины бросков копья от наших друзей. Но их не было. Я изучил карту, нарисованную мною в первом открытии, и она подтвердила, что Долина рядом. Но ее не было. Янош и я пришли к единому мнению, что мы южнее той Долины. И поэтому еще пару дней шли на север, но так ничего и не обнаружили и вынуждены были вернуться на прежнее место. Наши люди были разочарованы — Мэйн и Лион все уши прожужжали остальным об этой Долине и их радушных женщинах. Пришлось нам с этими грустными мыслями о таких потерях двигаться дальше.

Но все эти разочарования рассеялись, когда первый человек увидел громадную горную цепь. Нас охватило волнение. Кулак Богов. Даже я испытал новый приступ восторга, когда заметил перевал между «большим пальцем» и «указательным». Но предосторожность взяла верх над изумлением: мы находились на опасной территории, впереди лежал город Вахумва. Мы продвигались с исключительной осторожностью, так что у нас на одну лигу уходило по четыре часа, хотя местность была ровной. Мы обходили все развалины, поскольку там мог скрываться и человек, и какое-нибудь заклинание.

Я отдал приказ остановиться и собраться на военный совет, поскольку, по оценкам Яноша, до Вахумвы оставался день пути. Но не было видно ни кавалерийских разъездов, ни разведчиков, ни мирных жителей. Однако иного пути не было, этот вероломный город закрывал доступ к перевалу. После недолгих размышлений мы решили, пока светло, подобраться к городу как можно ближе, а там затаиться. Подождем, понаблюдаем, а ночью проскользнем мимо городских стен к горам. Если окажется, что впереди ведется усиленное патрулирование, то мы разбиваемся на четыре группы, и в течение ночи каждая группа, как мы отрабатывали, добирается до цели самостоятельно. Янош предложил мне идти с первой группой в авангардную разведку, а сам он всю ночь будет перемещаться от группы к группе, осуществляя общее руководство. Я вспомнил о моем эгоизме и ревности сейчас, когда этот человек добровольно вызвался служить прикрытием для других, наблюдая за общей безопасностью.

Продолжая продвигаться вперед, мы вскарабкались на последний холм. За ним лежал Вахумва, по словам Яноша. Он отправился вперед с сержантом Мэйном. Мэйн должен был вернуться к нам с сообщением, что делать дальше. Ожидали мы его через несколько минут, прошел же целый оборот песочных часов. Больше я ждать не мог. Вытащив саблю, я отправился в том же направлении, пробираясь от укрытия к укрытию. Может быть, мои друзья попали в плен? Я добрался до густого кустарника и увидел их. Они стояли на самом гребне холма, ясно видные снизу, ведь город располагался сразу за холмом. Я испугался, что они попали под действие какого-нибудь заклинания, и поспешил вперед, не зная толком, что делать. Вдруг заклинание охватит и меня? Я подошел ближе и понял, от чего они застыли.

— Вот это, — спросил я ошарашенно, — и есть Вахумва?

Оба резко повернулись. Видимо, они не услыхали, как я подобрался, и Янош даже схватился за саблю. Но тут же они расслабились, увидев, что это я.

— Да, — кивнул Янош.

— Или, по крайней мере, была она, — уточнил Мэйн.

Да, внизу был когда-то город, но теперь от него остались лишь руины. Большая стена вокруг него в нескольких местах была пробита. На дорогах и улицах проросли деревья. За стенами виднелись каменные дома наподобие ликантианских. Время и погода основательно поработали над ними, и теперь эти каменные остовы без крыш тупыми пальцами тянулись к небу.

Я запутался в вопросах, которые хотел бы задать, но Янош вдруг мрачно покачал головой.

— Здесь поработало заклинание, — прошептал он. — И разумеется, великое заклинание. Позовите людей, пусть поднимутся сюда. Я хочу… Я должен войти в город.

Сержант Мэйн сходил и вернулся с остальными членами отряда. Те тоже были весьма

изумлены открывшейся картиной. Затем Янош скомандовал идти вперед, держа оружие наготове. В сумерках мы подошли к воротам. Вахумва была некогда сильной крепостью. Обитые железом мощные ворота на мраморных столбах теперь свисали на проржавевших петлях. Впечатляла ширина улиц, по которым свободно могли бы разъехаться четыре повозки, Но теперь булыжные мостовые поросли травой, кустарником и даже деревьями. Когда-то здесь возвышались величественные здания. Но теперь это были лишь развалины, а то и вовсе груды камней. Янош шел так уверенно, словно точно знал, куда направляется. Мы оставили позади центр города и пошли по какой-то заросшей улочке по направлению к полуразрушенному громадному зданию на вершине холма. Мэйн был бледен. Я понял, он догадывается, куда ведет нас Янош.

Мы вступили в зал, и послышались испуганные восклицания наших людей. Я уже догадался, что нас ожидает, но картина все равно открылась ужасная. Помещение заполняли человеческие кости, лежащие посреди обломков мебели. Черепа были проломлены, кости были разбросаны так, что не оставалось ни одного целого скелета.

— Должно быть, сюда потом приходили дикие собаки да слетались стервятники, — сказал Янош.

Он подобрал длинную берцовую кость и показал мне. Она была расколота вдоль каким-то гурманом, добиравшимся до костного мозга.

— Нет, ни одна дикая собака так не делает, — сказал он, отбрасывая кость, загремевшую на камнях. — Как я и сказал на холме, здесь действовало великое заклинание. И кстати, еще до того, как наша вторая экспедиция добралась до этого города.

— Так, значит, все те, кого мы здесь встретили, с кем жили, — хрипло проговорил Мэйн, — были… кем?

Янош пожал плечами:

— Привидениями, ты думаешь? Может быть. А может, тот чародей, что сотворил все это, как художник, для развлечения добавлял всякие детали, чтобы убедить тебя, что ты действительно сидишь на человеческом пиру.

— Но ведь у вас же дар, капитан, — сказал Мэйн. — Как же они и вас смогли одурачить?

На это Янош тоже не знал, что ответить. Что же касается меня, то мне еще не доводилось слышать о чародействе такой силы. По сравнению с этим разрушение стен Ликантии воскресителями Ориссы выглядело как выступление фокусника на рынке. Сделать так, чтобы почти две тысячи человек увидели город там, где на самом деле лежали лишь руины, наполнить этот город фантомами людей и животных, которые ели, пили, разговаривали, ходили и даже занимались любовью, чтобы затем, кровавой ночью, убить людей и съесть? Тем более что эти вахумвиане оказались не призраками, а оборотнями-людоедами. Это представлялось немыслимым. Но так было.

Я содрогнулся.

— Мы не будем ночевать в этом городе, Янош, и даже лишней минуты здесь не останемся, — решительно сказал я. — Уходим немедленно. Никому ни до чего не дотрагиваться, ничего не брать, ни косточки, ни камешка с этого проклятого места.

Никто не возражал. Стараясь, чтобы для невидимых соглядатаев это не походило на бегство в панике, мы быстро прошли через город до других ворот, за которыми дорога начинала подниматься к перевалу нависшего над нами Кулака. И никто из нас, ни один человек — ни я, ни сержант Мэйн, ни Янош Серый Плащ — не осмелились бросить взгляд назад.

Глава двадцатая
СПОРНЫЕ ЗЕМЛИ

Перевал через Кулак Богов оказался ровной дорогой, которой он нам с Яношем и казался с расстояния во много лиг. Взбираясь вверх, она огибала «сустав указательного

пальца», уходя в глубь гор. Как и прежде, но не как в моем видении, Кулак стоял без снега на вершинах. Вспомнив, что Янош во время зимовки второй экспедиции в Вахумве предпринимал несколько попыток разведать проход, я спросил, как далеко ему удавалось забираться, пока бураны не заставляли отступать.

— Я даже до этой точки не доходил, — сказал Янош. — Однако не снег препятствовал мне, а ураганный ветер и осколки льда, которые он нес с собой. Зимой эти горы продуваются свирепыми ветрами, так что снег тут долго не задерживается.

Идти было легко: для такой прогулки не надо быть спортсменом, с удовольствием размышлял я, здесь пройдет не спеша и торговец, делая остановки, чтобы поддержать себя поджаренным бифштексом и глотком доброго вина. И тяжело груженным вьючным животным, даже лошадям, будет здесь двигаться легко, везя товары из Ориссы в Далекие Королевства. На пути встречались каменные осыпи, но они не могли перекрыть дорогу шириною в два броска копья. По склону сбегала каскадом небольшая речка, и в одном месте кто-то даже выложил камнями небольшой пруд. Значит, этим путем ходили раньше и будут ходить впредь.

Наша дорога шла вверх, огибая крутые скалы. Проклятый город позади нас уже не был виден. Дорога становилась уже. Я уже начал бояться, не зашли ли мы в тупик, но, к моему облегчению, перевал впереди вновь расширялся.

Янош шел впереди отряда, я сразу за ним, а остальной отряд растянулся позади. Откуда-то послышался звук упавшего камня. Один из наших лучников, натянув тетиву, поглядел вверх. Но ничего на сером фоне гор не было видно. Возможно, камень сам по себе сорвался, но мы стали осторожнее.

Там, где перевал расширялся, подъем стал круче, и я обнаружил, что дышу с трудом. Впереди показался гребень перевала, и я решил, что как доберемся туда, то сделаем привал, вон там, где посреди прохода стоят два больших камня. Я загорелся нетерпением, но, как не уставал поучать нас Мэйн, «спешка приводит только к несчастным случаям, попаданиям в засады и к брачным узам — ко всему тому, чего надобно избегать». Вскоре явилось тому и подтверждение. Сосредоточив все внимание на том, чтобы дышать ровнее, я вдруг услыхал чей-то предупредительный крик и увидел, как один из этих громадных камней с гребня катится на нас. Он был все ближе, подскакивая на препятствиях, набирая скорость. Но предупреждение прозвучало вовремя, и мы успели убрать с его дороги животных и убраться сами. Камень прогромыхал дальше, не причинив нам ущерба, и исчез внизу. Я подошел к Яношу.

— Такие камни, — подчеркнул он и так очевидный факт, — сами по себе не скатываются.

Он приказал всем лучникам быть наготове и идти по краям каравана, внимательно наблюдая по сторонам. А вторым теперь шел Лион. Мы приблизились к гребню, надеясь с него увидеть открывающиеся внизу долины и величественные города Далеких Королевств. Вместо этого дорога продолжала карабкаться дальше в горы.

Мы тщательно осмотрели то место, откуда простоявший вечность камень вдруг устремился вниз. Не было никаких отметин от рычага, с помощью которого можно было бы отправить эту глыбу вниз. Возможно, маленький подземный толчок или, скорее всего, магия. Возможно, наши невидимые враги продолжают строить нам козни. Но никто из нас, даже Янош, не ощутил и малейшего присутствия колдовства. Мы осторожно двинулись вперед и вверх между сблизившимися скалами. Дальше дорога становилась шире и маячил новый гребень. Неужели и он не самый верхний? Мы оказались как раз посреди этого узкого участка, когда загрохотали небеса. Я решил, что грянул гром, но, подняв голову, увидел безоблачное небо. И тут понял причину звука: на нас рушилась лавина. Я закричал, мне ответило эхо, и бросился вперед, стремясь вырваться из этой западни. Надо успеть добежать до того места, где скалы отступают от дороги… Вниз летели камни размером с дом. Последний из нас, Мэйн, хладнокровно подгонявший ослика, едва успел выскочить на безопасное пространство, когда на узкий участок перевала с демоническим грохотом

обрушилась лавина.

Когда грохот стих, смолкло в горах звонкое эхо и улеглась пыль, я быстро произвел подсчет. После этого облегченно вздохнул и вслух пообещал, пройдя горы, устроить священное жертвоприношение Тедейту. Все остались целы, включая животных, и весь груз был цел. Лавина обрушилась с небольшим запозданием. Никто уже не верил в такие случайности, которые происходят в течение одного часа. По крайней мере, там, где мы теперь стояли, скалы были более пологими, и опасность камнепада уменьшилась. Я уже собирался спросить Яноша, что делать дальше, как послышался такой громкий крик, словно подали голос сами горы.

Вот тут-то мы и увидели гиганта. Обычно в каждом народе находятся люди выше обычного роста. Но такого я еще не видел. Даже учитывая разреженный горный воздух, искажающий истинные размеры предметов, надо было признать, что он раза в три превосходил ростом самого высокого из ориссиан, а в ширину и того больше. Можно сказать, что это существо было огромной обезьяной, поскольку было покрыто шерстью. До него было не больше одного броска копья. Мы схватились за оружие, и гигант нырнул за обломок скалы. Он вновь что-то выкрикнул на своем языке, словно взвыл горный ветер. Когда мы все тоже попрятались в укрытия, я с гордостью ощутил, что не потерял самообладания.

— Бьюсь об заклад, это подлинный хозяин этих гор, — сказал я, — который призывает нас убираться назад.

Яношсогласно кивнул.

— Их может быть много, — сказал он Мэйну. — Скорее всего, другие нам готовят новую ловушку, пока этот задержал нас.

Яношпредложил свой план дальнейших действий. Я ничего не говорил, слушая вполуха и думая иначе. По мнению Яноша, три человека — он, Мэйн и наш лучший скалолаз, учитель музыки Хебрус, — должны были пойти вперед налегке на разведку. И если получится, убить чудовище стрелами.

— Остальные же под вашим, господин Антеро, командованием, — сказал он вдруг официально в присутствии подчиненных, — пусть не спеша, осторожно продвигаются за нами по дороге. А мы в случае опасности просигналим вам.

— Яношш… ты сочтешь меня сумасшедшим, но… — сказал я. — Отойдем в сторону.

Я отвел его и изложил ему совершенно другой план. Он задумался.

— Не нравится мне это, — сказал он, с тревогой глядя мне в глаза. — Очень опасно. Очень. Ты можешь погибнуть, и тогда все, чего мы достигли, разлетится в прах.

— Нет, не разлетится, — сказал я. — Если же произойдет худшее, то ты возглавишь экспедицию и примешь все необходимые меры. И никто тебя впоследствии ни в чем не обвинит. Я оставил соответствующие распоряжения Рали, братьям и Эко. Все мы смертны, а ты мой преемник в этой экспедиции.

Яношпосмотрел в сторону. Голосом, глухим от охвативших его чувств, он сказал:

— Это… это безмерная честь для меня. Но, — он кивнул вверх, — неужели ты думаешь, что справишься? Эта обезьяна-переросток может просто размазать тебя по скалам. Это будет так глупо, тем более когда мы так близки к цели.

— У меня два серьезных довода, — решительно сказал я. — Во-первых, это чудовище явно предупреждало нас, а не делало попыток напасть сразу же. Я все размышлял, что представляет из себя та лавина? Попытку уничтожить нас или предупредить? Значит, оно миролюбиво. А во-вторых, я просто думаю, что, как потомственный купец, обязан разбираться в психологии примитивных существ.

Был еще и третий довод, о котором я не упомянул. Меня по-прежнему беспокоил тот случай с уничтожением кочевников. Я не мог смириться с тем, чтобы миссия открытия Далеких Королевств в моей жизни связывалась бы с резней в чужих краях.

— Но я по-прежнему думаю, что ты поступаешь неблагоразумно, — сказал Яношш.

— Очень хорошо, — сказал я. — Я неблагоразумен. Но ведь я хочу лишь, прежде чем

ты приведешь в исполнение свой план нападения, чтобы ты подождал сигнала от меня или от этого существа. Более того, ваша троица сможет продвигаться незаметно вслед за мной.

— Да с этим-то проблем не будет, — сказал Янош. — Но должен предупредить тебя, друг мой, если тебя по этой твоей глупой прихоти убьют, я с тобой по-другому поговорю.

Я усмехнулся и хлопнул его по плечу. Янош, Мэйн и Хебрус вернулись чуть назад и исчезли в узкой расщелине. Остальные оставались на месте. Мы подождали около часу. Гигант ничем себя не проявлял, разве что еще раз крикнул, чтобы мы убирались. И это служило мне лишним доказательством незлых намерений существа. Я покопался в нашем грузе, размышляя, что может помочь в общении с этими гигантами, ведь с такими мне еще не приходилось иметь дело. Смешно сказать, но больше всего я руководствовался характерами сказочных великанов, о которых мне в детстве рассказывала нянька.

Наконец мы заметили, что гигант показался на скале впереди ярдах в двухстах. Я снял плащ и оружие и закатал рукава рубашки, поеживаясь на свежем горном воздухе. И двинулся вперед, неся в руке кожаную сумку с отобранными мною предметами.

Гигант встревоженно подпрыгнул, когда увидел меня, и закричал. Я молча продолжал очень медленно двигаться вперед. Шерсть у него поднялась дыбом, конечности напряглись, точь-в-точь как у испуганного домашнего кота.

Чем ближе я подходил, тем менее привлекательно выглядел мой друг. Похоже, в его длинных волосах на теле скрывалось немало блох, отчего он постоянно почесывался. Был он безобразен, с очень длинными руками и ногами меньшего размера, чем можно было бы ожидать при таком теле. У него была массивная голова со впалыми щеками. Из-под верхней губы выступали огромные желтые клыки. Он поднялся во весь свой рост, размахивая громадной дубиной, скорее даже стволом молодого дерева с оборванными сучьями. Я не стал подходить ближе. Гигант обильно потел, словно находился в жаркой пустыне, а не на этих студеных высотах. Воняло от него так, что меня чуть не стошнило. Но я не стал обращать внимания на мой чересчур цивилизованный нос — купцу, который не может примириться с привычками тех племен, с которыми торгует, лучше оставаться дома.

Я опустил сумку и открыл ее, осторожно извлекая содержимое. Руки мои были обнажены, показывая, что скрывать мне нечего, я старался не делать резких движений. Гигант вроде бы расслабился. Я сел, поджав под себя ноги, как какой-нибудь рыночный торговец, и стал ждать. Гигант не двигался. Он явно стал мне доверять.

Я вытащил шкатулку, положил ее на плоский камень и нажал на рычажок. Механически открылась крышка, обнажив яркую раскраску коробочки изнутри, что хорошо контрастировало с фоном серых гор. Существо хрюкнуло, заинтересовавшись. Следующей я достал золотую цепочку на шею и внутренне содрогнулся, вспомнив, сколько она стоит и то, что предназначалась она в дар какой-нибудь принцессе. Я повесил цепочку на запястье. Затем мягко бросил ее в сторону моего нового партнера по торговле. Тот испуганно подался назад. Но затем осторожно подобрался к ней, поднял, осмотрел, что-то бормоча про себя, и повесил себе на запястье. Он осматривал ее так и эдак и наконец захихикал. Ему понравился новый браслет. Сказки говорили правду — великаны падки на блестящие безделушки, как сороки.

Потом дикий горец решил, что нужно сделать ответный шаг. Осмотрев близлежащие камни и даже потрогав лишайник на одном из них, он наконец догадался и положил на то место, откуда взял цепочку, свою дубину. Теперь-то я уже более уверенно мог сказать, что он не представлял для меня опасности. Я покачал головой, давая понять, что мне не нужна его дубинка, и показал, что дарю ему цепочку. Он подошел поближе. И я увидел, что его нос морщится от отвращения. Я улыбнулся, припомнив, как отец рассказывал о торговле с племенем людей столь примитивных, что они никогда не мылись и не меняли шкуры, которые носили, пока те просто не сгнивали; так вот эти люди утверждали, что запах чистого человека отвратителен.

Последовали другие мои подарки: некоторые ему не понравились, например, такие, как духи; другие понравились, такие, как маленькие серебряные фигурки, которыми я играл в

детстве. Он опять засмеялся и взял одну фигурку. Я подумал, что она станет игрушкой его ребенка. Золотые цепи нашей дружбы потихоньку крепли. Но самый грандиозный успех выпал на долю коробки конфет, которые я прихватил с собой после некоторого раздумья. Он обнюхал всю коробку и украдкой оглядывался, как ребенок, который не желает делиться лакомством со своими приятелями.

Когда все мои подарки были приняты, я убрал отвергнутые, встал и показал на себя, потом за спину на моих товарищей и махнул рукой в направлении дороги, уходящей дальше. Пальцами изобразил шаги… Я просил разрешения пройти. Он хрюкнул и что-то проревел. Сверху донеслись ответные крики. Гигант поднялся, обнажив в дружеской улыбке устрашающие клыки, и показал мне, что путь свободен. Оставалось еще одно небольшое дело. Я окликнул моих друзей. Гигант встревожился, затем испугался, увидев, как на скале над нами показались Янош, Мэйн и Хебрус с луками в руках. И прежде чем гигант успел подумать, что это предательство, по моему сигналу все трое положили луки, разломили пополам стрелы и бросили их вниз. Даже мой не шибко смышленый визави понял — они могли убить его, но не стали. Сломанные стрелы должны были означать, что мы идем с миром и дальше будем проходить так же. Гигант рассмеялся непонятно над чем, подхватил свои дары и припустил к ближайшей лощине. Янош и его соратники спустились с выступа вниз, и мы продолжили наш путь. Больше мы не видели ни этого гиганта, ни его товарищей.

Вечером Янош подошел ко мне.

— Я кое-что понял, — уныло сказал он. — Сабля не всегда лучшее средство для развязывания узлов.

Я пожал плечами, отмахиваясь — успех одного такого дела вовсе не повод быть менее осторожными. Но я действительно заметил, как Янош изменился. Я-то думал, что тот самый Янош, который сопровождал меня в моем открытии, с такой же легкостью может торговать, как и проливать кровь, но, возможно, я ошибался. Тем не менее очередной наш барьер мы преодолели без потерь.

И я по сей день горжусь, что нерушимо существует тот торговый договор, который я заключил между Ориссой и горными гигантами. Отправляющиеся через перевал караваны заботятся о том, чтобы прихватить с собой подарки, дабы не встретить на пути обвал или обломок скалы, блокирующий путь. Никто, правда, никогда не видел более одного гиганта, который мог оказаться тем, с которым я заключил договор. Но вкусы этого и его соплеменников за это время не изменились. По-прежнему они обожают конфеты, и чем слаще, тем лучше. Все остальное не представляет особого интереса для этих странных и до сих пор не изученных существ.

Три дня мы еще поднимались под облака, преодолевая этот огромный горный кряж, а затем дорога начала потихоньку, петляя, уходить вниз. И прошло еще два дня, прежде чем мы увидели, что лежит внизу. К нашему величайшему разочарованию, там нас не ждали золотые города. Вместо этого во все направления тянулись бесконечные горные ущелья и вершины. Нами овладело смятение — неужели мы отправились в поход, который будет продолжаться и продолжаться, пока мы не умрем от старости? Но мы продолжали шагать, следуя ведущей нас дороге. Решить, какой путь избрать дальше, мы могли, только оказавшись на ровной земле. А тут решать было нечего — дорога уходила в узкое ущелье. Там она пошла вдоль стремительной горной речки. Когда река вырвалась на простор, оказалось, что мы на верном пути. Тут начиналась дорога, настоящая дорога, аккуратно вырубленная в склоне горы, ровная, шириной в двадцать футов. Через каждые две лиги в скале были вырублены углубления, чтобы караван мог разбить тут ночной лагерь. Дорога шла по-прежнему вдоль реки, возвышаясь на бросок копья над уровнем воды. Иногда встречались ступени, чтобы проезжающие могли спуститься и пополнить запасы воды. Никто из нас, включая и Яноша, не слыхивал, чтобы даже в землях, считавшихся цивилизованными, проводилось такое грандиозное благоустройство в горах.

Частенько принимался идти дождь, но нависшие скалы не давали нам промокнуть, словно мы шли по крытому мосту. Мы даже пожалели, когда вышли наконец в долину,

поскольку ничто нас теперь сверху не прикрывало. Впрочем, путешествие здесь, среди зеленой травы и деревьев, радовало глаз и компенсировало промокшую одежду. Теперь мы двигались по каменистой дороге, петляющей по долине. Мы обсудили, благоразумно ли с нашей стороны идти по этой дороге не скрываясь. Но выбор у нас был небогатый — по обе стороны появился лес, такой густой, настоящие джунгли. У нас недели уходили бы на то, чтобы продвигаться там невидимыми, да и треск стоял бы такой, что уж слышно бы нас было издалека.

Ночевать пришлось тоже прямо на дороге, после того как и здесь мы столкнулись с первой опасностью. До этого я приказал идущему впереди разведчику присматривать место для лагерной стоянки, и он обнаружил таковое: небольшую заманчивую низинку в стороне от дороги. Виден был пруд, где мы могли помыться и набрать воды, деревья для развешивания тентов и зеленая трава для осликов. Янош уже собирался отдать приказ разгружаться, когда я увидел, что лужайка движется. Словно трава ожила и медленно ползет в нашу сторону. В неподвижном воздухе на деревьях шевелилась листва. Сначала я подумал, что тут дело не обошлось без магии, но потом понял, что это — пиявки. Я еще не видел таких здоровенных — длиной почти в человеческую руку. Почуяв кровь, они двинулись на нас, как полчища встревоженных муравьев. И висящие на деревьях листья тоже оказались пиявками. В таком местечке самый отважный храбрец чувствует себя законченным трусом, и потому мы со всей возможной скоростью пустились наутек. Этой ночью мы улеглись спать посреди дороги, и то только после того, как Янош сотворил отпугивающее заклинание. Тем не менее наутро пришлось развести небольшой костер и горящими прутьями заставить отвалиться несколько подобных кровососов, которые все же выследили нас и каким-то образом прорвались сквозь заклинание. Напившись нашей крови, они потолстели. После того как они отпадали, оставались глубокие раны, которые кровоточили и требовали перевязки.

А несколько часов спустя нас отыскали наблюдатели. Долина стала шире, речка уже медленно петляла у подножия зубчатых гор. Дорога стала прямой, как полет дротика, так что можно было разглядеть, что делается далеко впереди. Было жарко и тихо. В воздухе лениво стрекотали цикады. И тут впереди, там, где дорога уходила вниз, показались всадники. По сверкающим доспехам на людях и лошадях я мгновенно понял, кто это такие. Наблюдателей было, по крайней мере, двадцать, а столько мне еще видеть не доводилось. Они заметили нас до того, как мы сообразили, что хорошо бы сбежать с дороги и спрятаться. Их командир опустил копье в боевую готовность. Но мы не услыхали ожидаемого звона оружия, криков команд или цоканья копыт по дороге. Призрачный патруль бесшумной рысью устремился на нас.

— Если они собираются атаковать нас без предварительных переговоров, — заметил Янош, — то командир прикажет им перейти в галоп, когда они скроются от нас вон в том углублении на дороге.

Такую ситуацию мы отрабатывали в свое время. Мы достали из нашего снаряжения специально сделанные удлинители и насадили на них копья. Шесть человек встали поперек дороги, припав на колено, выставив эти удлиненные копья под углом и подняв щиты. Позади встали лучники и наши животные. Остальные вытащили сабли, готовясь дать отпор с любой стороны. Хоть мы и ощетинились как ежи, но мы вовсе не были настроены к обязательной стычке. Если бы наблюдатели выразили готовность к миру, мы бы пошли на переговоры.

— Стоять твердо, — спокойно приказал Янош. — Не волноваться, не бежать. Не было еще такой лошади ни в жизни, ни в легенде, которая бросалась бы на стену из копий. Держаться, держаться.

Голос его был спокоен, словно на очередной тренировке в моем поместье.

Колонна всадников рысью скрылась из виду в выемке на дороге.

— Ну вот, — сказал Янош, — наконец-то мы узнаем, что у них на уме.

Но мы не узнали. Секунды переходили в минуты, а всадники так и не появлялись на взгорке.

— Любопытно, — отметил Янош, — куда же они делись? Два человека! Вперед, к той выемке! Посмотрите. Правда, боюсь, там уже ничего нет.

Как он и предполагал, два разведчика, добравшись до выемки, прокричали, что там пусто.

— Еще интереснее, — беспечно сказал Янош. — Первое, и сомнительное, предположение: они удивились нашему появлению здесь и нашей готовности к схватке. Второе: они или те, кто их направляет, решили ослабить нашу готовность. Третье, логическое предположение: командир их отряда так же не уверен относительно наших намерений, как и мы относительно их. Четвертое, и самое привлекательное для меня: вряд ли какой-нибудь их великий воскреситель будет останавливать нас. Это все равно что против ветра мочиться — сначала вроде чувствуешь удовлетворение, а потом дела принимают мокрый и неприятный оборот. Приказываю выступать! Мы идем вперед!

Так мы и сделали, не особенно переживая, но пошли медленнее, держа оружие наготове.

А на следующий день мы угодили в засаду. Ловушка была задумана толково, как раз в том месте, где дорога с одной стороны прижималась к скале. А с другой стороны — открытое пространство, на котором негде спрятаться. За последними кустами нас и ждали враги. Но они совершили одну ошибку — не стали дожидаться, пока середина нашего отряда войдет в зону убойного огня, а ударили по нашим разведчикам, идущим впереди. Зазвенели тетивы, двое ориссиан вскрикнули и упали. Из-за кустов полетели копья. Кто-то завопил от боли, а из засады послышались воинственные крики, полные жажды нашей крови. На мгновение мы застыли в нерешительности. Один из осликов, получив две стрелы в бок, заорал и стал пятиться назад. И тут Янош закричал:

— Вперед! В атаку, ублюдки!

Мэйн, выхватив саблю из ножен, перепрыгнул через раненого и смело устремился в бой. Стрела со звоном отскочила от камня рядом с ним, и он метнулся за какой-то валун. Я тоже побежал с саблей в руке туда, проломился сквозь кусты, обогнул валун и увидел там человека, выпускающего из лука стрелы. Я рубанул его по руке. Брызнул фонтан крови, и человек закричал. Рядом оказался другой, который, подняв саблю, парировал мой удар. Я чуть не упал, стараясь избежать, в свою очередь, его выпада, и затем неловко ткнул ему в бок. Удар пришелся в доспехи, а мы столкнулись грудь в грудь. Я боднул головой, разбивая ему нос, и человек отшатнулся. Не давая ему обрести равновесие, я сделал полный выпад, и сабля по эфес ушла в пах противника. Тот упал, и я сам чуть не упал вслед за ним, но с ним было покончено. Рядом в землю ткнулась стрела, я поднял голову и увидел лучника, стоявшего на камне наверху. На нем был стальной колпак, и его рука доставала очередную стрелу, прилаживая ее на лук, и пальцы уже плавно оттягивали тетиву… В его глазах застыла моя смерть, смерть на конце боевой стрелы, нацеленной мне в лицо. И тут брошенный Яношем кинжал угодил лучнику в грудь. Лучник выронил лук, оступился и рухнул назад. Он завопил от боли. Я тут же подскочил к нему и изо всех сил рубанул по лицу, тут же залившемуся кровью. Больше врагов вокруг не осталось. Я сел на камень, меня била крупная дрожь. Наконец я успокоился и огляделся. Среди камней валялись восемь трупов наших врагов.

— Восемь против двадцати, — не без восхищения противником сказал Янош. — Они не испугались, зная, что элемент внезапности удваивает силы. Почему-то, — в задумчивости продолжил он, — в эпосе, когда герой бросает нож, он всегда попадает негодяю прямо в сердце. Что ж, значит, я герой, раз попал в него. А очень боялся угодить в камень.

Я поблагодарил его. Вновь мне спасли жизнь. Янош улыбнулся и попытался шуткой разрядить обстановку:

— На самом деле я бросил кинжал потому, чтобы иметь потом возможность обсудить с тобой тот удивительный выпад, которым ты поразил того воина. Тебе следовало бы присудить победу… если бы это было на тренировке. А если бы мы находились в казармах, я привел бы тебя как пример необыкновенно глупой храбрости и отправил бы на недельку на

кухню.

— Благодарю вас, капитан Серый Плащ, — рассмеялся я. — Вы говорите как один из моих стариков наставников. Хотя, насколько я помню, он был один из немногих, кто хоть иногда говорил что-то толковое.

Я перевел взгляд на убитых мною лучника и бойца с саблей. К тому времени я уже обрел достаточный опыт, чтобы не зеленеть при виде трупов.

— А у них хорошие доспехи и неплохое вооружение, — сказал я. — И обмундирование нарядное. Стало быть, не разбойники. И я не думаю, что это пехота наблюдателей.

Янош вдруг побледнел.

— А я могу тебе сказать, кто это такие, — сказал он. — Ликантиане. Посмотри на того малого в сапогах. На сапоги его. Или на доспехи, или на эфес вон той сабли. Я носил такую саблю, когда только начинал служить у них.

— Но что они делают здесь? Не могли же они нас выследить? — сказал я. — Не могли же они проделать вместе с нами все наше путешествие? Я, например, в это не верю.

Янош встал на колени над телом бойца с саблей и осмотрел его. В кошельке нашлось несколько ликантианских монет.

— А ты не обратил внимания, — сказал он, — что, хоть они все и ликантиане, у них не было знамени или штандарта. И никаких нагрудных знаков. — Он поднялся. — Сержант Мэйн!

— Да!

— Обыщите все трупы. Соберите их в кучу. Осмотрите имущество и все, что найдете, несите мне.

— Слушаюсь!

В ожидании результатов мы занялись подведением грустных итогов. Но, к нашему изумлению, убитых у нас не было. Первые двое, попавшие под стрелы, не только остались живы, но позднее быстро поправились; хотя один потерял много крови от раны в бедро, понадобилось лишь несколько заклинаний Яноша, чтобы рана затянулась, а затем ее помазали и забинтовали. У второго рана оказалась еще менее серьезной — стрела пробила панцирь и застряла в нем. Другие пострадавшие от сабельных ударов, а один и от кинжала хотя и выглядели плохо, но быстро исцелились при помощи искусства Яноша. Раненного в бедро и еще одного пришлось везти, а остальные вполне оказались в состоянии продолжить путь пешком. Неосторожное появление наблюдателей подготовило нас к встрече с засадой. Если только это действительно была неосторожность.

Мои размышления об этих призрачных всадниках и об их намерениях были прерваны. Сержанту Мэйну удалось кое-что найти: небольшую эмблему, которую носили на цепочке на шее. Янош без слов покрутил ее. Да и не нужны были никакие объяснения. Я уже видел такие медальоны на солдатах, которые встречали нас в одном поместье в Ликантии. Видел я эту эмблему и на мраморных столбах большого здания в центре этого злого города.

Это был геральдический знак дома Симеонов.

Дорога вновь повернула к реке и уткнулась в небольшие каменные причалы, предназначенные для малых судов, бегающих по реке. Но сейчас причалы стояли пустыми. Янош обнаружил обрывок веревки, свисавшей с одного кнехта; веревка была грязной и старой. Значит, в этой гавани суда уже давно не швартовались. Отсюда мы могли бы отправиться в путешествие более легким способом, нежели отмерять лиги ногами. Я уже собирался отдать приказ разбить лагерь и отправиться в лес за бревнами для плотов, как вдруг вспомнил о тех щепках, что Янош отколол от затонувшей лодки у берега, где некогда жил прибрежный народ.

А он уже сам извлек эти куски дерева и готовился к заклинанию.

— Это просто, — сказал он, рисуя мелом на каменной площадке таинственный символ и выводя рядом с ним шесть замкнутых эллипсов. — Это не такая уж революционная мысль, что часть может стать целым. Если же боги посмеются над моими попытками, то я добавлю еще заклинание возрождения.

Он положил по кусочку дерева в каждый эллипс и принялся творить заклинание. Это теперь я понимаю, что в искусстве Яноша не было ничего особенного. Но тогда был другой случай. Я быстренько распорядился, чтобы осликов разгружали и всю поклажу делили на равные по весу шесть куч, чтобы лодки были одинаково устойчивы, а затем подошел к Яношу и стал наблюдать. Заклинание заняло несколько минут, затем воздух задрожал, стал сгущаться, и на причале оказались шесть плоскодонок. Шесть новеньких, сияющих, надлежащим образом сколоченных, покрашенных и просмоленных лодок.

Этот небольшой сеанс магии, который для Яноша оказался простым, произвел на участников экспедиции большее впечатление, чем предыдущие заклинания. Янош улыбнулся, видя их благоговение.

— Теперь-то вы поняли, почему воскресители большую часть своих занятий проводят в темноте и тайне. Каждый, кто видел, как я создал эти лодки, поневоле задумается, почему такое событие не может быть общим достоянием. И почему ваша жена должна платить гончару за новый горшок, когда можно за медяк попросить кого-нибудь живущего по соседству двумя-тремя словами возродить его из черепка?

— Отличный вопрос, — сказал я. — В самом деле, почему?

— Если бы ты был гончаром, или рудокопом, или кораблестроителем, ты знал бы ответ. Вообще проблема глубже, чем может показаться на первый взгляд, — магия существует, но она способна служить и злым делам, а не только добрым!

— В самом деле, господин капитан, — сказал бесшумно подошедший к нам сержант Мэйн. — Ах, если бы у каждого из нас был магический особняк и мы жили бы словно в Далеких Королевствах, то мы бы сидели себе развалясь, приказывали феям принести очередной кувшинчик вина и только потом уже устраивали бы дискуссии.

— Ну, там бы нам это было ни к чему, — сказал, улыбаясь, Янош.

— Тем не менее разве не так? Мы подготовили груз, и если господа философы не возражают, то можем отправляться.

Лодки спустили на воду, загрузили и составили экипажи так, чтобы в каждом был хоть один человек, знакомый с речным делом. Самым тяжелым оказалось расставание с нашими преданными животными. Но воды и травы кругом было вдоволь, растущие вокруг лиственные деревья указывали на мягкий климат. Вряд ли зима превращала эту долину в промерзлую тундру. Хищников не было видно, а если и найдутся, то ослы не такие уж тупые, чтобы не суметь за себя постоять. Путешествие с нами ничего не приносило нашим животным, кроме усталости, жажды, боли и даже смерти. Здесь они смогут отъесться, размножиться и даже покричать вволю, поскольку Янош снял с них заклинание безголосия. Тем не менее когда мы отплывали, четверо животных стояли на причале, следя за нами печальными глазами, и кричали. Мы с грустью оглядывались на них.

Река становилась все многоводнее по мере того, как в нее впадали новые потоки. Наши лодки несло вниз по течению, иногда опасно подбрасывало на порогах и водоворотах, поднимая тучи брызг, пока мы не приспособились к управлению ими. Мы двигались то быстро, то медленно. Нас то несло по стремнинам, где мы отчаянно выгребали среди острых камней, то мы еле тащились на спокойных участках. Дважды лодки опрокидывались, и нам приходилось выуживать людей и груз. К счастью, никто не утонул.

Иногда приходилось выбираться на берег и на себе перетаскивать груз и суда, когда было слишком опасно испытывать судьбу на особо крутых порогах. Три или четыре раза на пути вставали рухнувшие скалы, через которые вода пробивалась по естественным туннелям. Там мы тоже решали не рисковать и прибегали к волоку. Несмотря на эти трудности, никто не пострадал, и даже более того, наши раненые окрепли. Затем потихоньку река стала шире, глубже и спокойнее. Как ни странно, но нам по-прежнему не встречалось признаков жизни — даже хотя бы заброшенной деревушки. Тут и там попадались каменные причалы наподобие того, от которого мы начали плаванье, но ведущие к ним дороги выглядели заросшими и заброшенными. Местность изобиловала зеленью, земля, очевидно, была плодородной. Непонятно, почему отсюда ушли люди? А затем мы обнаружили и человека, и

причину такого запустения.

Сначала мы услыхали громкие крики и звон оружия издалека. Грохот сражения усиливался. Мы выплыли из-за поворота и все увидели. От одного берега реки, примерно на три четверти ее ширины, тянулась дамба к небольшому островку, а от островка к другому берегу аркой изгибался широкий мост. Здесь течение сильно ускорялось, и нас тащило туда. Мы приблизились к берегу, заросшему кустами, чтобы осмотреться.

Мы попали к финальному моменту сражения, участники которого в пылу не обращали ни малейшего внимания на шесть наших посудин. Тела заполняли дамбу, лежали на островке, кучей громоздились на мосту. Кровь стекала в реку. На дальнем берегу, скалистом, воины, терпящие поражение, со всей очевидностью готовились к смерти. Я увидел знамя, настолько окровавленное, что невозможно было разобрать рисунок на нем. Вокруг него сплотились воины, готовые погибнуть, но не сдаться. Впереди всех рыцарь огромного роста размахивал друручным мечом. Он потерял свой шлем, а может, и не носил его из презрения к смерти. На солнце серебрились его седые волосы и борода. Король? Вождь? Рядом с ним сражались его последние сторонники, а нападавшие накатывали на них вновь и вновь, как штормовые волны на берег. На наших глазах седовласый упал, знамя закачалось и поникло, и раздались крики победителей.

Люди в моей лодке сидели пораженные и притихшие. Река ниже моста была красной от крови, и на каменных опорах сверкали зловещие пятна.

— Теперь вперед, — приказал я. — Осторожнее, а то врежемся в опору моста. И молитесь, чтобы нас не заметили.

Лодка Яноша оказалась следующей за моей, когда течение увлекло нас под мост… Сверху, с парапета, свисал человек, и он испустил дух как раз в тот момент, когда я поднял голову и взглянул в его вытаращенные глаза.

Но нас уже несло дальше. Я слышал какие-то крики с моста, а кто-то впоследствии утверждал, что вслед нам выпустили стрелу, но река уже делала следующий поворот, на берегу встали стеной, деревья, и мы скрылись целыми и невредимыми.

Так мы плыли почти до темноты, затем подгребли к острову посреди реки, вытащили лодки на берег и затащили их в кусты подальше от посторонних глаз. Все мы были напуганы и ошеломлены — плыть так долго, не видя никого, и вдруг угодить к сцене такой вот резни, непонятной и дикой.

— Правильно, дикой, — вставил слово Лион. — Вы, может быть, не заметили, но сразу за сражающимися солдатами продвигался отдельный отряд, который кинжалами добивал раненых, которых, наверное, можно было бы вылечить. И они так деловито переходили от одного раненого к другому, как на работе.

— Солдатская участь, — сказал Мэйн.

— Какая уж тут участь, — возразил Лион. — Просто убийство.

— Окончание какой-нибудь давней вражды… — предположил я.

— Или, может быть, — мрачно сказал Янош, — эти Спорные земли так устроены и так удачно названы, что здесь бьются до победного конца, то есть до могилы.

— Во всяком случае, — сказал я, пытаясь внести хоть какую-то ясность в тревогу этого дня, — теперь-то мы знаем, почему Далекие Королевства не рассылают по свету своих дипломатов или торговцев, которым пришлось бы путешествовать по землям таких вот мясников.

Тут наши люди оживились.

— И потом, мы наконец добрались хоть до каких-то населенных стран, пусть и таких жестоких, — продолжал я. — Должно быть, устье реки и сами Далекие Королевства уже неподалеку.

Разумеется, я мог только предполагать.

Полтора дня спустя мы вошли в контакт с местным государством. Или, вернее, оно вошло в контакт с нами. От небольшого встречного островка отошли четыре длинные военные галеры. Я насчитал по двадцать весел с каждого борта этих окрашенных в зеленый

цвет судов. На палубах стояли вооруженные люди. На носу каждого судна стояли по две баллисты, нацеленные на нас. Ориссиан надежно и ловко поймали в ловушку. Мужчина с окладистой бородой, в латах и шлеме, поприветствовал нас.

— Добро пожаловать, путешественники! — крикнул он. — Добро пожаловать, гости дорогие!

Но улыбка у него была уж никак не радушной.

Глава двадцать первая
ПОЖИРАТЕЛЬ ДУШ

Этот город не походил ни на один другой: звуков не слышно, цвета неестественно ярки. Жилища из бледного камня с единственными черными отверстиями дверей составляли основной фон. Длинные красные транспаранты, сплетаясь вокруг зеленых отлакированных столбов, тянулись по обе стороны этих жутковатых улиц.

Пока мы плыли к городскому порту, наши хозяева отказывались отвечать на все вопросы. Более того, когда мы обращались к ним, они просто отворачивались в сторону, словно нас и не существовало. В порту нас передали в руки отряду поджидавших нас солдат под командой смуглолицего капитана. Наше оружие и весь груз поместили в повозку, которая последовала за нами, когда нас повели по главной городской улице. Мы, двадцать встревоженных человек, старались подбодрить друг друга. Солдаты, встав по бокам, конвоировали нас навстречу судьбе. Встретившие нас хозяева были так же молчаливы, как и предыдущие. Если бы не грохот их сапог, глухое позвякиванье оружия да редкие тычки в спины, можно было бы подумать, что их просто нет.

Людей на улице попадалось мало, а встречные мужчины и женщины двигались молча или застывали каменными изваяниями, таращась на чужестранцев, когда мы проходили мимо. На некоторых были надеты обычные туники, на других — богатые белые шелка; попадались люди в солдатских доспехах, фермеры в холщовых штанах и рубахах, нищие в тряпье. На меня уставилась юная девчушка. Я улыбнулся ей, она улыбнулась в ответ, и мне пришлось вздрогнуть от ужаса — у этого невинного дитя не было носа! И тут я стал подмечать, что и у многих обитателей города чего-нибудь да не хватает: у кого руки, у кого ноги, замененной деревянным протезом.

Я услыхал шепот Мэйна:

— Похоже, местечко тут не самое веселое.

Янош шагнул поближе к нам и сказал приглушенно:

— Когда доберемся до места назначения, смотрите на меня и делайте как я.

Улица сделала поворот и устремилась к высокому зданию с огромной красной трубой наверху. Из трубы вылетали искры и валил черный дым. В воздухе распространялось зловоние. Когда мы подошли поближе, я понял, что здание даже больше, чем мне вначале показалось. К нему вел длинный крытый проход с круглым входом. Оттуда вышел коренастый человек в красной тунике из тонкой ткани. На его груди висела небольшая черная пластина с вычеканенным гербом. Он поднял руку в приветствии; на руке не было большого пальца, а вместо остальных — лишь обрубки.

Он заговорил зычным голосом:

— Добрый день, благородные странники. Мой повелитель просит вас пожаловать к нему и любезно предлагает свое прославленное гостеприимство.

— Благодарим, — сказал Янош. — И кто же ваш любезный повелитель?

— Ну что вы, — последовал ответ, — его имя знают везде. Это великий Мортациус. Правитель этого города и всех земель Гомалалеи.

— Простите наше невежество, господин, — сказал Янош. — Мы прибыли из стран столь далеких, что даже имя вашего великого повелителя не доходило до наших берегов. И для нас будет огромной честью рассказать первыми нашему народу о нем, когда мы в целости и невредимости вернемся к нашим очагам.

— Ну так вам очень понравится эта первая встреча, — сказал человек. — Пойдемте. Мой повелитель ждет вас за столом.

Мы пошли за ним, девятнадцать безмолвных мужчин, обращающих мольбы к богам осенить мудростью Яноша. Я слышал, как гудит вверху труба, и вдыхал отвратительный запах. Человек в красном подвел нас к пиршественному залу и широко распахнул двери. Длинное и узкое помещение было освещено так ярко, что заболели глаза. Украшено оно было все теми же красными неприятными транспарантами, протянутыми вдоль высоких стен. От одного конца зала к другому тянулся огромный стол из черного дерева. Стол был обильно уставлен различными блюдами: жареным мясом в разных видах, тарелками с запеченной рыбой, горами пышного хлеба, большими хрустальными графинами с красным вином, аромат которого заполнял весь зал. Приборы были, по-видимому, золотыми. За столом сидело человек сорок, и ближе ко входу оставались незанятыми места как раз для нашей экспедиции.

Во главе стола в роскошном кресле восседал мужчина с суровыми чертами лица. Увидев нас, он встал, поднял руки, и полы его красного халата распахнулись, сделав его похожим на огромного пустынного демона-стервятника. Должно быть, именно он и был Мортациус, пригласивший нас сюда. Для начала он обратился к своим сотрапезникам:

— Господа! Сегодня нам выпала честь принимать у себя в гостях выдающихся людей.

За столом послышался смешанный гул восклицаний, и на нас устремились любопытные взгляды.

— Господа, позвольте представить вам рыцаря капитана Яноша Серый Плащ из Ориссы.

Янош вздрогнул. Я почувствовал, как и у меня лицо удивленно вытянулось.

— И надо полагать, что стоящий рядом с ним мужчина с великолепными рыжими волосами — Амальрик Антеро. Также из Ориссы.

Я низко поклонился, стараясь сохранять спокойствие, а в мозгу вихрем крутились вопросы. Откуда он знает нас? Чего он добивается?

— Для нас это также большая честь, господин Мортациус, — сказал Янош.

Я повторил за ним эти слова. Позади кто-то из наших людей нервно засмеялся. Сердито зашипел сержант Мэйн.

У Мортациуса вокруг шеи был обернут шарф из дорогого черного шелка. Он улыбался радушной улыбкой хозяина, но в глазах стояла мертвенная пустота. И я понял, что он чародей.

— Прошу вас разделить с нами ужин, — сказал он, указывая на почетные места, пустующие по обе стороны его кресла. — А ваши люди сядут там, у дверей.

Мы с Яношем прошли вперед. Остальные расселись там, где им указали. И с каждым шагом, отделяющим нас от товарищей, я ощущал, как тоньше становится связующая нас общая нить безопасности. Мортациус был сама любезность. Он захлопотал вокруг нас, наливая нам по стакану вина. Я пробормотал что-то в благодарность и отхлебнул глоток. Вино оказалось настолько сладким, что я чуть не подавился, но из вежливости вынужден был отхлебнуть еще раз. На этот раз вкус оказался терпимее, в желудке стало горячо, голова сразу затуманилась. Но я изо всех сил сохранял бдительность.

— Скажите, господин Мортациус, — поинтересовался Янош, — как вы узнали о таких ничтожных путешественниках, как мы?

Мортациус ухмыльнулся, теребя пальцами черный шарф на своей шее.

— Ничтожных? Вот уж не думаю. Что же касается моей осведомленности, то для мага это нехитрый фокус. А для правителя такого государства, которому завидуют многие, такие познания просто необходимы.

Янош внезапно расслабился; он пил вино и причмокивал губами от удовольствия.

— Чтобы быть уж совершенно откровенным, мой повелитель, должен сказать, мы испугались при первом появлении ваших людей, что наши намерения будут неправильно истолкованы. Попали мы в ваши места случайно. А цели у нас исключительно мирные.

— Так-то оно так, — заметил Мортациус, — но только за вами тянется кровавый след, что свидетельствует об обратном.

— Если бы на нас не нападали, — сказал Янош, — мы бы и пальцем никого не тронули.

Эта реплика вызвала скорее изумление, чем гнев. Мортациус улыбнулся:

— Да, да, дорогой Серый Плащ. Случаются фатальные ошибки… — Он наполнил нам бокалы. — Когда я услыхал о вашем приближении к нашим землям, меня охватил любопытство. Я должен был встретиться с людьми, которые так упорно ищут Далекие Королевства.

В зале стояла тишина, разговаривали только Янош и Мортациус. Его люди ели и пили как сомнамбулы, не разговаривая друг с другом и не глядя по сторонам. Наши же спутники, сидящие дальше, беспрерывно перешептывались и посматривали вокруг. Но я видел, что у них при этом хватало здравого смысла налегать на хлеб и мясо так, словно это была последняя трапеза в их жизни. Я решил, что в чем-то они наверняка правы, и посмотрел на мою по-прежнему пустую тарелку.

Мортациус заметил мой взгляд и захлопотал вокруг:

— О, простите, дорогие гости, что забыл о вас. Позвольте, я помогу вам выбрать пару лакомых кусочков.

Он отрезал нам с Яношем по толстому ломтю мяса и церемонно возложил их на наши тарелки. Я ощутил ароматный запах, под который так и просился глоток вина. Я отрезал тонкий кусочек и поднес ко рту. Но помедлил, озадаченный зловещим хихиканьем Мортациуса.

Внезапно желанный кусок на вилке превратился в шипящую, извивающуюся гадюку, с клыков которой закапал яд, прожигая стол.

— Амальрик Антеро, ты всегда был слишком нетерпелив, — сказал Янош неожиданно спокойным голосом. — И всегда тянулся к самым лучшим кускам. Позволь же хоть тут сначала мне немного откусить, — он небрежно снял у меня с вилки гадюку. — Видимо, немного недожарена, — сказал Янош.

Другой рукой, изогнув пальцы в магическом жесте, он помахал над гадюкой. И та вновь превратилась в кусок безобидного мяса. Он закинул его в рот и запил стаканом вина.

— Вкуснятина, — сказал он и прикрыл рот ладонью, учтиво скрывая отрыжку.

Мортациус помрачнел. Он дернул себя за шарф, раздраженный демонстрацией искусства Яноша. Но мой друг на этом не успокоился.

— Что это за блюдо такое перед вами, господин Мортациус? — насмешливо воскликнул он. И щелкнул пальцами над пустой тяжелой золотой тарелкой, стоящей перед нашим хозяином. Мортациус в испуге откинулся назад, когда блюдо вдруг превратилось в золотого скорпиона, выгнувшего хвост дугой, и жало его поблескивало ядом столь же смертоносным, как и у гадюки.

— Иди ко мне, крошка, — позвал Янош, и скорпион резво промчался по столу и взбежал к нему на руку.

Затем сердито дернул хвостом, когда Янош похлопал по нему, и превратился в маленькую пищащую мышку с мягкой белой шерсткой и нежным розовым носиком. Янош посадил ее на стол.

— Бедняжка, ей придется жить с мозгами скорпиона, — сказал он.

Мортациус зашипел и уставил длинный костлявый палец на мышку. Та пронзительно пискнула и заполыхала; через мгновение на ее месте была лишь кучка золотого пепла. Чародей размазал кучку по столу. Частички золота, кружась и сверкая, вновь собрались вместе и превратились в прежнюю тарелку. Правда, в одном месте краешек, ранее безупречный, оказался со щербинкой. Но Мортациус был так горд своим финалом фокуса, что ничего не заметил. Чародей дотронулся до шарфа, который стал зеленым и широким, и изо рта у него повалил дым и засверкало пламя. Этим он давал понять, что превосходит Яноша.

Янош опустил голову, признавая свое поражение, но при этом быстро сунул руку в

карман и тут же вытащил ее.

— Боюсь, я не смогу ответить соответствующим образом, — сказал он, застенчиво улыбаясь.

Мортациус откинулся назад и расхохотался. До меня донесся запах его дыхания — воняло так же отвратительно, как и снаружи здания.

— Ну, довольно игр, мой друг. А теперь давайте есть и пить. За этот ваш визит, который обещает быть весьма занимательным.

Он хлопнул в ладоши. Состояние его сотрапезников резко изменилось. Они зашевелились, принялись вести между собой обычные застольные праздные беседы. Я заметил, однако, что ели они как-то через силу, словно поужинали до нашего появления. Тут и там замечал я лица и руки, обезображенные ранениями, которые мы уже видели на улицах. Мортациус, глядя на меня, взял с тарелки горбушку хлеба и отломил маленький кусочек. На мантию его посыпались крошки. Обмакнув кусочек в вино, он отправил его в рот. Меня тут же внезапно охватил такой голод, что я волком набросился на еду. Но то, что было аппетитно на глаз, оказалось безвкусным на языке; мясо было сухим и даже после вина оставалось в желудке твердым комом.

Мортациус загадочно мне улыбнулся, словно тая какой-то зловещий секрет.

— Надеюсь, вы не сочли мою шутку грубой, господин Антеро? — спросил он и кивнул в сторону своих гостей. — Они представляют из себя такую тупую компанию, что я не мог удержаться от того, чтобы развлечься с умным человеком. И я был просто в восхищении от вашего изумленного вида.

— Да как же я могу обижаться? — ответил я. — Чем же мне еще и отплатить такому радушному хозяину, как не участием в его невинной забаве?

— И вас не пугает мое искусство? — спросил он, поправляя шарф; я успел заметить под материей нечто похожее на уродливую рану.

— Вовсе нет, — сказал я, размышляя о том, что если это действительно рана, то какова ее причина? — Когда-нибудь я стану это с удовольствием вспоминать и рассказывать о вашем искусстве своим внукам.

Губы Мортациуса растянулись в невеселой улыбке.

— Ну, до этого еще надо дожить, — многозначительно сказал он.

— О, я полностью убежден в этом, — ответил я и увидел, как Янош одобрительно кивнул. — Ведь боги до сих пор были так милостивы к нам. Правда, когда ваши воины задержали нас, у меня появились кое-какие сомнения. — Я поднял стакан за хозяина. — Но теперь вместо мучений боги даровали мне возможность оказаться вот в вашей приятной и почетной компании.

Мортациус рассмеялся.

— О да, да, да! — преувеличенно радушно проговорил он. — Пути богов неисповедимы для всех, а уж их благословение достается лишь избранным. — Он тоже поднял за меня бокал, и мы выпили. Затем он наклонился ко мне поближе с выражением живейшего сочувствия на лице: — Но не боитесь ли вы гнева богов, путешествуя в компании человека, чье магическое искусство получено незаконно?

Если он хотел удивить меня своей осведомленностью, то добился этого, если же хотел сбить с толку, то тут не преуспел.

— Да как же такое может быть, мой повелитель? Разве не благословили нашу экспедицию воскресители Ориссы, включая старого и мудрого Гэмелена?

Мортациус скривился и дернул за шарф. Я понял, что это успокаивающий для него жест, но одновременно и предательский — выдает эмоции, которые хозяин хотел бы скрыть.

Он обратился к Яношу, который пережевывал свой безвкусный кусок.

— Ваш приятель не только приносит вашему предприятию удачу своими рыжими волосами. Он еще и весьма разумен.

— Вот потому-то мы и дружим так долго, — сказал Янош. — А ведь у него еще и покладистый характер, и изысканные манеры.

Мортациус насмешливо покачал головой.

— Такое замечательное содружество в таком замечательном приключении. Молю вас, храните вашу дружбу. Уж если такая дружба прокисает, то становится горьким напитком.

Янош не ответил, а лишь улыбнулся и отхлебнул вина.

— Даже странно, — сказал Мортациус, — что вы еще спрашиваете, откуда мне известно о цели вашего путешествия. Вы ищете разгадки этой тайны, но ничего не расспрашиваете о повелителе земель, ближе всех лежащих к Далеким Королевствам.

Янош изобразил одну из самых очаровательных улыбок.

— Я бы стал расспрашивать, мой повелитель… если бы мог надеяться, что получу ответ.

Мортациус рассмеялся, на этот раз по-настоящему весело.

— Вы совершенно правы, — ответил он. — Не много получишь ответов у тех любезных людей, которые обитают на Спорных землях.

Янош пожал плечами:

— Да уж, все было ясно без слов. Вею дорогу мы видели только стычки или следы стычек. А как раз перед встречей с вашими людьми мы стали свидетелями настоящего сражения. И если бы я жил в стране, сплошь окруженной врагами, я бы тоже подозрительно относился к любому пристающему с расспросами. — Янош дерзнул сам взяться за графин с вином и налить себе и ближайшим соседям. — Но есть, однако, один вопрос, который так и просится, и я надеюсь, что не будет никакого вреда, если я задам его. Вот какой: зачем вы пригласили нас к себе?

Мортациус разгладил шарф:

— Но ведь я уже ответил на него. Чтобы удовлетворить мое любопытство.

— И после того, как оно будет удовлетворено?.. — не отставал Янош.

Чародей глядел на него, поглаживая шарф, словно тот был телом его любовницы. На фоне шарфа его руки с длинными пальцами смотрелись мертвенно-бледными. Наконец он ответил:

— Ну… тогда вы покинете мое королевство в целости и невредимости… и с моим благословением. Но пока этот час не настал, у меня тоже есть к вам вопросы.

— Прошу вас, задавайте, — сказал Янош. — Я простой солдат, у которого нет секретов, а единственные слова, которые я нашептываю на ухо, — это комплименты какой-нибудь девушке.

— Ну, если бы это было так, — сказал Мортациус, — вы бы не находились за моим столом. А ведь в руках моих воинов вас могла ожидать и совсем иная участь.

Янош пожал плечами, соглашаясь, что такой оборот дел допустим.

— Я слышал, мой любезный Серый Плащ, — продолжал Мортациус, — что у вас с детства были способности к чародейству, но официального курса обучения вы не прошли. Так же, как и не было у вас разрешения заниматься практикой ни от одного из существующих магических обществ. Кроме того, мои информаторы сообщают, что вы один из искуснейших в своих краях, да к тому же ваше искусство подкрепляется умением здраво рассуждать.

— Что ж, вы правы, — сказал Янош. — Хотя, боюсь, мои способности преувеличены. Меня хватает лишь на то, чтобы защитить себя да моих товарищей… или позабавить сотрапезника за дружеским обедом.

Мортациус скривился на это замечание и продолжил:

— Меня интересуют ваши методы, капитан. Одни учатся тупо зубря, а вы — проверяя теорию на практике.

— Но ведь у меня и выбора не было, — ответил Янош. — Никто не предлагал мне манускриптов для изучения, и еще меньше у меня было возможностей посещать школу воскресителей.

— Но я не слышал ни об одном смертном, которому бы в магии удавалось подобное тому, что делаете вы, — сказал Мортациус.

— Тут ничего не могу сказать, не знаю, — отвечал Яношь. — Но, как я уже говорил, ни один воскреситель не брал меня в ученики.

— Значит, мне предстоит стать первым, — сказал Мортациус. — У меня есть свои теории. Может быть, они дополнят ваши.

— Для меня это такая честь, господин Мортациус, — сказал Яношь. Он в ожидании откинулся назад и улыбался, но я видел, как настороженно поблескивают глаза моего друга.

— Как вы думаете, преследует ли магия некие священные цели? — спросил Мортациус. — Цели, понятные только богам, которые даруют магу жизнь? Ответьте честно. Я не обижусь.

— Я не думаю, что они священны, — сказал Яношь. — Я полагаю, что магия так же естественна, как, скажем, ветер. Она столь же доступна, как огонь, который вы разжигаете, чтобы согреться, когда этот самый ветер становится холодным. Что же касается богов — увы. Они не существуют… разве что в наших умах.

Мортациус нахмурился. Он сильно дернул шарф, и я вновь заметил рану.

— Но почему же тогда, когда мы обращаем к ним мольбы или приносим священные жертвы, то иногда они отвечают нам?

— Дело в сосредоточении, — ответил Яношь. — Жертвоприношение помогает сосредоточиваться. Как и бормотанье заклинаний. Но я могу производить магические действия молча, просто сосредоточившись в себе. И мне не нужен бог, чтобы превратить это блюдо в скорпиона, да и вам ни к чему было бормотать какую-нибудь чушь, чтобы вернуть его в первоначальную форму.

Мортациус задумчиво разглядывал Яноша.

— Должно быть, это интересно, быть таким магом, как вы. Никто не обучал вас никаким правилам, никого вы ни о чем не расспрашивали, а все сделали по-своему. Вы проникаете сквозь вещи, которые другого бы заставили остановиться в нерешительности, а то и просто повернуть назад. И все потому, что для вас нет богов и страха наказания; вы даже не можете себе представить какой-нибудь невыполнимой задачи, которую нельзя было бы одолеть силой воли. Вот таков Яношь Серый Плащ, и теперь я понимаю, почему вам удалось дойти так далеко.

Яношь рассмеялся:

— Приятно все это слышать, господин Мортациус, но я замечаю в ваших словах недовольство.

Мортациус кивнул:

— Да, да, именно так. Хотел бы я, чтобы мои воззрения совпадали с вашими, тем более что само ваше присутствие здесь служит доказательством ваших больших возможностей. Признаю, что у вас имеется великий талант, но не столь великий, как вы полагаете. Как любой истинный маг могу вас заверить: есть и определенные границы, есть и страхи. Я знаю моего учителя, а он знает меня. У нас заключена сделка, которой я верен, а он обеспечивает меня таким могуществом, о котором даже такой человек, как вы, и мечтать не можете.

— Я так понимаю, что вы говорите о черной магии, — сказал Яношь. — И вы служите одному из тех богов, чье имя запрещено произносить?

— Это вас беспокоит? — спросил Мортациус. И, довольный, погладил свой шарф.

— Вовсе нет. Черная ли, белая… С точки зрения моей философии, между ними нет разницы. Если нет богов, нет священных целей, какая разница?

— Да. Я это понимаю. Очаровательно. Просто очаровательно. Мне нравится, как ваши идеи, пусть они и ошибочны, вели вас по обсаженной розами тропинке… на которой встретились мы оба.

— Но я считаю, говоря о черном искусстве, — сказал Яношь, — что пользоваться им надо с осторожностью. Наши представления о таких вещах, как добро и зло, настолько глубоко укоренились в нас, что представляют большую преграду для вашего дела. И с моей точки зрения, когда совершается акт так называемой черной магии, эта преграда может привести к тому, что пострадает сам практикующийся в этой магии. С течением времени

такой маг слабеет, а на душе его остаются неизгладимые следы, рубцы собственных деяний. Возможно, постепенно маг даже превращается в существо, которое ему самому не очень-то и нравится. Как вам такой довод? Вы-то чувствуете — остались ли вы прежним человеком после того, как вошли в эту таинственную дверь?

— Что касается меня, то со мной все лучше некуда, — усмехнулся Мортациус. Но усмехнулся как-то натужно.

— Но, возможно, вы видели какие-то предзнаменования? — спросил Янош. — Я размышлял над моими собственными. Они предостерегали меня на случай, если я займусь подобной практикой.

Мортациус вцепился в шарф, при этом притворяясь беззаботным.

— Я в них не нуждаюсь, — ответил он.

— Хорошо вам, — пробормотал Янош. Хоть он и вел себя учтиво, видно было по нему, что он считает нашего хозяина придурком, заключившим невыгодную сделку. — Вы сказали, господин Мортациус, что я могу свободно вы сказываться. И что на меня не обидятся. А то я в нерешительности, задавать ли вопрос, который более всего волнует меня?

— Не надо бояться, — сказал чародей. — Спрашивайте все, что сочтете нужным.

— Ваше государство Гомалалея лежит в краю непрекращающихся войн. Мы видели раны, от которых страдают ваши люди. И мне удивительно, если ваш бог так велик, то почему же он не избавит вас от врагов?

Мортациус разразился хохотом. Но это был какой-то необычный звук, словно смех доносился из самой преисподней, где обитает Черный искатель.

— Да ведь он помогает нам, дорогой мой… Очень помогает.

Шарф обвис, и я увидел скрытую от глаз рану. Гнилостное незаживающее отверстие в горле. Мортациус не заметил моего взгляда и поправил шарф. Выражение лица его было насмешливым.

— Каким вы себе представляете наивысшее могущество, мой маленький кудесник? — спросил он. — Отвечайте быстро и честно.

Янош ответил без колебаний:

— Понимать сущность вещей. Быть способным оторвать взгляд от частностей и увидеть все величие мироздания. И я отдал бы все, что у меня есть — а это лишь моя жизнь, — чтобы иметь возможность хотя бы мельком бросить такой взгляд, полный ясного понимания.

— Ну так вы глупы, — сказал Мортациус, — поскольку сумма всех знаний слишком велика для постижения, а количество частностей таково, что их и богам не сосчитать.

Янош широко раскрыл глаза и погладил бороду, как бы соглашаясь с великим мудрецом.

— Так каков же ваш ответ, повелитель? Скажите мне, в чем я ошибаюсь?

— Да он же прост, как вот этот обычный хлеб, — сказал чародей, надуваясь от важности. — Величайшее могущество, которое может приобрести смертный, — властвовать над душами других людей.

— Я не совсем понял, — сказал Янош. — Прошу вас, расскажите подробней, чтобы я мог продолжить мое образование.

Но кудесник вдруг насторожился, боясь, что и так рассказал слишком много. Он покачал головой, словно человек, уставший от болтовни детворы. Разгладил шарф, поднял свой бокал и опустошил его. И со стуком поставил на стол.

— Я думаю, это ни к чему, — сказал он наконец. Смахнув крошки с мантии, он встал:

— Надеюсь, дорогие гости, вы поужинали хорошо. Теперь же, если вы простите мою бесцеремонность, я попрошу вас покинуть меня. А я помолюсь, чтобы отведенные вам жилища оказались удобными, а сон безмятежным.

Прежде чем он удалился, я набрался мужества спросить:

— Благодарю вас, владыка Мортациус, за ваше гостеприимство. Но я не хотел бы злоупотреблять им. Не позволите ли нам отбыть завтра, испытывая глубочайшее сожаление

от кратковременности общения с вами?

Чародей впился в мое лицо пронзительным взглядом пустынного стервятника. Я же лишь вежливо и искательно улыбался.

— Посмотрим, — наконец сказал он и вышел.

Как только он удалился, Янош собрал те крошки, которые чародей смахнул с себя, и спрятал в карман. Янош подмигнул мне. И тут появился тот человек, который привел нас к Мортациусу.

— Прошу вас следовать за мной, господа, — сказал он.

Нас разместили в просторной комнате без окон, со стенами из голого камня. Тут были расставлены койки с мягкими покрывалами, выглядевшими странно среди этой скудости каменного барака. В одном углу висел большой рукомойник, в другом — располагалась дыра для естественных нужд. Как только прислужник Мортациуса с лязгом захлопнул тяжелую дверь, Янош дал всем сигнал молчать. Мы услыхали, как задвигается мощный засов. Следовательно, теперь мы не гости, а пленники. Янош подкрался к двери и ощупал ее поверхность. То, что он выяснил, удовлетворило его, он кивнул. Янош вернулся к нам и знаками дал понять, что помещение прослушивается при помощи заклинания. Затем предложил всем попытаться уснуть, а к себе подозвал меня и сержанта Мэйна.

— Случилось то, чего я и боялся, — прошептал он. — На двери нет запирающего заклинания. Только механический засов.

— Так в чем же проблема? — спросил Мэйн.

Я тоже недоумевал. Ведь для побега, если есть такая возможность, недостаток охраны как раз нам на пользу. И тут я внезапно ощутил необоримую усталость и потребность прилечь на койку. Сержант Мэйн боролся с зевотой и я услыхал, что и все остальные в помещении отчаянно зевают.

Янош ткнул кулаком Мэйна в бок, чтобы привести его в чувство.

— Набери немного воды, — прошептал он, — и побыстрей.

Сержант, пошатываясь, направился к рукомойнику, а Янош встал на колени. Я прилег рядом, борясь со сном. Ясно было, что произошло: Мортациус наслал на нас сонное заклинание. Янош достал из кармана крошки, которые смахнул с себя чародей, и рассыпал их на полу. Он наклонился и подул на них: раз, другой, третий. Когда вернулся Мэйн с черпаком, Янош полил крошки водой и слепил из них кусочек теста. Я видел, что он и сам сражается с зевотой, разделяя полученную лепешку на двадцать равных частей. Он запустил руку в другой карман, и, когда вытащил ее, я увидел, что пальцы его вымазаны в золотой пыли от блюда чародея. Янош прошептал заклинание, посыпая пылью хлебные катышки, и они слегка увеличились в размерах, превратившись в небольшие галеты. Дурманящий страх накатил на меня, когда сержант Мэйн осел на пол, и я почувствовал, как на меня опускается сонная пелена.

— Ешь, — прошипел Янош, пихая мне в руку галету. Я взял ее, сердясь, что меня заставляют что-то делать, когда так хочется спать. Я откусил небольшой кусочек, и он оказался удивительно вкусным после той преснятины, которой нас угощали за столом, даже проснулся аппетит. Мозг прояснился, вкус хлеба доставлял наслаждение и побеждал сон. Янош пошел по комнате, заставляя каждого есть эти галеты. Вскоре все бодрствовали, а Янош вернулся ко мне. Он вновь поднес палец к губам, но на этот раз это был магический жест, касающийся меня и сержанта Мэйна. Тем же самым пальцем Серый Плащ очертил круг над нашими головами. Он повторил этот жест, и я увидел, как воздух замерцал.

— Тишина, — прошептал Янош. Мерцающие частицы воздуха закружились в сверкающем вихре. — Тишина, — проговорил он громче, и кружение обернулось тусклым ровным светом. И тут он рявкнул: — Тишина! — И хотя этот крик молотом ударил по моим ушам, но дальше барьера из тусклого света не прошел. Эхо не отразилось ни от стен, ни от стоящих рядом наших людей, наблюдающих за всем с благоговейным интересом. — Всего-то и требуется против простейших заклинаний Мортациуса, — сказал Янош нормальным голосом. — Вот теперь мы с удобствами можем обсудить план побега.

— А как же наши люди? — спросил Мэйн. — Неужели они ничего не услышат?

— Размеры нашего противозаклинания могут встревожить Мортациуса, — сказал Янош. — Мы не должны недооценивать этого человека. У него мало ума, но слишком много коварства, и как маг он весьма могуществен. Только потому, что я позволил ему выиграть нашу маленькую застольную игру, а себе — раскусить сонное заклинание, мы не можем быть уверенными, что в безопасности проведем эту ночь.

— Что ж, трудности, возможно, и есть, — сказал Мэйн, — но преодолимые. Допустим, у него преимущество, и немалое. Но ведь сейчас на нашей стороне элемент внезапности. А его людишки — они же в основном все какие-то ущербные. — Он фыркнул. — Вот уж никогда не видел такого количества инвалидов сразу.

Но Янош уже не слушал его, сосредоточившись на чем-то своем. Затем он побледнел.

— Какой же я дурак, — простонал он. — Этот негодяй обхитрил меня!

Мы спросили, что случилось. Янош отчаянно замотал головой.

— А вы просто попытайтесь подумать о побеге и поймете, что случилось, — сказал он дрожащим голосом. — Сосредоточьтесь на этом. Сосредоточьтесь, как можете. Представьте шаг за шагом. Сначала дверь… затем по улицам… затем обратно по той дороге, по которой они провели нас.

Я закрыл глаза и последовал его наставлениям. Дверь поддалась легко; вскоре мы все бежали по дороге к гавани. Я представил себе подходящее судно, которое можно было бы угнать; и тут, когда я вместе со всеми уже был на борту и готовился отплыть, ужасный беспричинный страх выпрыгнул из самых темных закоулков моей души и зубами вонзился в мои внутренности. Я не видел это чудовище, но прямо физически ощущал его присутствие и горячую боль от вгрызающихся в меня ядовитых клыков. И у меня была только одна возможность укрыться от него: бежать обратно по улицам, назад в это здание, в эту камеру, ставшую нашей тюрьмой, как можно крепче запереть за собой дверь. Я открыл глаза. В глотке стояла желчь, в душе царила паника, и тот же самый ужас я увидел в глазах Мэйна.

— Поняли, что он сделал? — проскрежетал Янош. — Я говорил о его низком коварстве; но, клянусь всеми богами, над которыми я смеюсь, я и не подозревал о существовании такого коварства.

Мортациус не только наложил сонное заклинание. Мы должны были спать, пока он не подготовится. И другое заклинание не позволяло нам сбежать. Мы были в ловушке в этом призрачном городе, и замком тюрьмы служил наш собственный страх.

— Есть только один путь разрушить это заклинание, — сказал Янош. — Моя собственная магия тут бессильна. Поэтому надо выкрасть часть у него.

Мы не стали обсуждать, отчего да почему, поскольку понимали, что дальнейшее обсуждение бесполезно. Придется действовать просто: один шаг, затем другой, пользуясь любой предоставившейся возможностью. С дверью проблем не было, да и снаружи отсутствовали охранники. Янош сказал остальным, чтобы дожидались нашего возвращения, и мы втроем тайком выбрались наружу.

Не скажу за своих товарищей, но если быть честным, то надо признать, что этой ночью Мортациус полностью лишил меня мужества. Я вовсе не походил на того храброго воина или героя, о которых слагают легенды. Всю дорогу я ощущал на моей спине прикосновение холодных пальцев чародея и слышал его презрительный смех. Отчаяние стало моим неизбывным врагом, каждая тень пугала. Мы представляли из себя лишь трех дрожащих от страха подростков, шарахающихся от любой тени, охваченных трусостью, этой двоюродной сестрой стыда.

Мы двигались вдоль мрачных коридоров, минуя темные пустые помещения, пропитанные болью; двери в них были широко раскрыты, как пасти, стремящиеся проглотить нас. Некоторые двери были закрыты на засовы, и из-за них доносились приглушенные стоны их обитателей. Недалеко от входа в здание я ощутил знакомый запах металла и кожи. Сержант Мэйн с благословенной сноровкой старого солдата быстро отыскал след: пахло из последней комнаты главного коридора, непосредственно у выхода. Дверь

оказалась открытой. Мэйн распахнул ее и исчез внутри. Вернулся минуту спустя и сквозь страх изобразил легкую ухмылку. Там располагается арсенал, шепотом сообщил он. Это известие согрело нас маленькой надеждой, и мы вышли наружу, на улицу, где стояла холодная, звездная ночь.

Вокруг не было ни души, но страх наш от этого не рассеялся. Напротив, через пустынную площадь, стояло здание с дымящейся трубой. Как мы, уже входившие в него, теперь оказались вне, было непонятно. Осторожно перебегая из тени в тень, мы направились туда. Воняло тут невыносимо, а из трубы вверх, в безлунное небо, взлетали искры. Когда мы торопливо приблизились, я решил ничему не изумляться, иначе любая мысль помимо необходимой в данный момент для дела окажется темной ямой, из которой не выбраться. Может быть, единственный бог Яноша — здравый смысл — сжалился над нами; возможно, помог маленький слепой проводник, живущий в груди любого живого существа — чувство самосохранения. Нужно было выяснить, что в этом, здании, и мы это сделали.

Сооружение громадой нависло над нами, точно скала из полированного камня. В конце длинной крытой пристройки чернел глаз арочного входа с двумя колоннами, поддерживающими эту арку. Вход напрочь перекрывался железными воротами. В этот момент показалось, что удача отвернулась от нас. С грохотом солдатских сапог, скрипом и постукиванием колес тяжело груженных повозок сюда приближался целый караван. Мы застыли в еще большем испуге, спрятаться было негде, а свет факелов направлявшейся в нашу сторону длинной процессии был все ближе. Мы нырнули за одну из колонн и взмолились, чтобы удача вернулась и спрятала нас от внимательных взоров наших врагов.

Из нашего потайного местечка приближающаяся процессия была видна хорошо. Она состояла примерно из двадцати больших фургонов, но влекомых не животными, а людьми, закованными в цепи: мужчинами и женщинами, едва прикрывающими свою наготу грязными тряпками. По бокам шли здоровенные люди с кнутами, подстегивая каждого, кто спотыкался. Когда они приблизились к железным воротам, те пришли в движение, распахиваясь в обе стороны по смазанным маслом направляющим дугообразным полозьям. Мы вжались в короткую тень от колонны, когда совсем рядом засвистели кнуты и фургоны потащились мимо. Послышался трупный запах, и я с ужасом увидел, что в фургонах грудой навалены человеческие тела. Но среди них были и живые, они шевелились и стонали, о чем-то моля.

Когда мимо нас проезжал третий фургон, одна из тащивших его женщин, закованных в цепи, споткнулась и упала на колени. Ее лохмотья были бурыми и заскорузлыми от засохшей крови. Тряпки распахнулись, и я разглядел открытую рану на ее животе и лоснящиеся от влаги внутренности. Она подняла голову, и на мгновение наши взгляды встретились, но у нее в глазах было пусто, как у вьючного животного. Щелкнул хлыст, оставив кровоточащий рубец на ее щеке. Она не выказала ни боли, ни другого чувства, просто поднялась, вцепилась в цепь и продолжала тянуть фургон.

Когда прошел последний фургон, Янош сделал знак последовать за этой процессией. Мы прыгнули на подножку повозки и ухватились за пропитанный кровью борт. Ворота с грохотом закрылись, и мы оказались внутри. Я оглянулся назад и с удивлением отметил, что воротами никто не управляет. За несколько мгновений до того как фургон, дернувшись, начал поворачивать за угол, я разглядел странное отверстие возле одной из громадных петель ворот. Кусок металла там был выгнут, и я указал на это Яношу. Щель была достаточно широкой, чтобы выбраться наружу. Мы еще долго ехали по длинному коридору. Внутри фургона непрестанно стонал человек; затем послышался детский плач. Этот плач расшевелил мою злость, а злость прожгла дыру в черной магии Мортациуса. Это была крошечная дыра, в лучшем случае с булавочную головку, но и ее было достаточно, чтобы вернулось мужество. Я по-прежнему боялся Мортациуса, тело мое сжималось в холодных тенетах его заклинания, но если бы он сейчас напал на меня, то имел бы дело с мужчиной, а не с удирающим зайцем. С грохотом отворилась дверь впереди, и в коридор хлынул поток яркого света. Вслед за светом выплеснулась и волна жара. Мы спрыгнули с фургона. Жар

проникал в легкие и покалывал иголочками у корней волос. Янош подал знак, чтобы мы подлезли под медленно ползущий фургон и остаток пути преодолели под ним, ползя на четвереньках.

Мы оказались в огромном зале. Пол и стены были частью зеркально гладкими, отражавшими свет и пламя, а частью изрисованы чудовищами, ужаснее которых и представить нельзя. Причем весь этот изображенный кошмар двигался, оживленный черной магией, и повсюду мелькали разинутые пасти с ядовитыми зубами, хвосты и когти, дробя кости людей и разрывая плоть. Одну треть этого зала занимала чудовищных размеров печь. В ней горел огонь с языками голубого пламени выше человеческого роста, трепещущими и свивающимися в кольца, словно змеи, разбуженные непрошеным вторжением в их логово. Пламя раздувалось огромными кузнечными мехами, приводимыми в движение неведомой силой; при каждом движении мехов вылетала струя громко шипящего воздуха, иногда завывающего, как штормовой ветер. Бесконечная металлическая лента, подобная той, что вращает токарный станок, но широкая, как городской переулок, и снабженная зубцами, тянулась сквозь огонь, приводимая в движение шестернями, которые крутились невидимыми колдовскими силами. Высоко вверх, как жерло вулкана, устремлялась здоровенная труба. И вся печь вообще походила на разинутую пасть с острыми зубами. Это был настоящий, действующий идол темного божества, демона — повелителя преисподней. Все, что мы видели перед собой — зал, печь, огонь, ремень и труба, — все это являло собой воплощение черного могущества Мортациуса. Мы спрятались за фургоном, груженным окровавленными телами, и увидели, чем же питается этот агрегат и что производит.

Люди с кнутами приказали истощенным рабам разгружать все фургоны. Тела свалили в одну окровавленную кучу возле ленты. Если из фургона вдруг выволакивали кого-то живого, охранник доставал из-за пояса нож и исправлял эту ошибку. Когда куча достигла определенного размера — я не берусь вести жуткий подсчет тел, — рабам приказали бросать трупы на движущуюся ленту. Языки пламени подскочили вверх, нетерпеливо набрасываясь на свою пищу. Взвизгнули мехи, пропев свою демоническую песню. Я отвернулся, когда первое тело отправилось в гущу пламени, но Янош попросил меня не отворачиваться и быть свидетелем злодейств Мортациуса.

Когда пламя сомкнуло свои объятия вокруг тела, труп подпрыгнул, словно в агонии, и начал корчиться, выворачивая руки и ноги в разные стороны. Затем он взорвался пламенем, искрами и дымом и устремился вверх, а зал заполнил тот самый отвратительный запах, с которым мы столкнулись, когда только прибыли в этот ужасный город. Дым со сгоревшим телом скрутился в толстую колонну, внутри которой плясали искры. И эту колонну радостно приветствовал зев трубы. У меня желудок сжался, когда я увидел, как по краям этого зева появились гигантские зубы и начали постукивать, смыкаясь, утоляя аппетит механического чудовища. Слышался отвратительный звук, производимый этим гигантом, чавкающим, смакующим свою горящую жертву.

По ленте уносился в печь очередной труп. И вдруг вместо того чтобы загореться и обуглиться, он остался без изменений. На нем сохранились только те раны, которые он получил при жизни. Лента, пройдя через пекло, вывезла труп с другой стороны. Когда тело упало на пол, один из охранников подошел к нему и нанес мощный пинок. Он бил и бил его, словно смерти для погибшего было недостаточно. И тут мой разум завопил, прося какого-нибудь доброго бога унести меня из этого страшного места, потому что тело ожило. К первому охраннику присоединились еще трое, и все вместе принялись избивать человека, вернувшегося к жизни. Его рывком подняли на ноги. Он зашатался, крупный мужчина, явно ощущающий боль от избиений. Теперь я хорошо мог его разглядеть. У жертвы этих истязателей были седые волосы и того же цвета длинная борода. Я вспомнил то сражение, свидетелями которого мы были перед нашим пленением, и узнал в этом человеке предводителя, рыцаря, погибшего под знаменем. И вот он стоял перед охранниками, вновь живой.

В это время над очередным трупом полыхнуло пламя, вновь донеслись звуки

чудовищной трапезы. Янош склонился ко мне поближе и прошептал:

— А этот седой не жив. Он по-прежнему мертв.

Я поднял брови, не понимая. Но не было времени для объяснений. Янош махнул нам с Мэйном рукой, показывая, что пора уходить.

— Мортациус не оживляет, — сказал Янош, когда мы покинули зал. — Он делает из мертвецов беспрекословно послушных кукол, способных двигаться и понимать приказания! Он сам сказал мне об этом, когда заявил, что властвует над душами людей. И мы с вами были свидетелями того, как эта власть осуществляется. Он скармливает души этих несчастных своему черному божеству, а взамен получает от него магическую силу и трупы в качестве рабов.

Позади, из зала, донесся звук, с которым еще одну душу высосали из очередного горящего тела. Янош покачал головой. Поистине это был город ужасов.

— И получается, что с того времени, как нас пленили, мы не встретили здесь ни одного живого человека. Они все покойники! Все, за исключением Мортациуса.

И тут я вспомнил рану на горле чародея и шарф, которым он ее старательно прикрывал. Очевидно, исключений не было. Все были мертвы, включая и Мортациуса. Единственным живым хозяином этого края было то чудовище в трубе, и Мортациус был тут главным рабом. Я сообщил об этом Яношу, и он согласился со мной.

— А что же будет с нами? — сказал Мэйн. — Конечно, мы грешны перед богами, но еще не хочется умирать. Как нам избежать печи?

Замысел колдуна был ясен. Утром нам предстояло пополнить число мертвых рабов-автоматов. И мы станем движущимися и работающими трупами; и хоть я не сказал вслух, но задумался, а что же в таком случае будет с моей душой?

— Решение находится там же, в зале, — сказал Янош через несколько секунд. — Если мы пройдем сквозь этот огонь как живые люди, мы украдем его магию. Ведь Мортациусу нужны души мертвецов.

Это решение задачи было крайне опасным, но Янош, похоже, оставался, как всегда, прав.

— Остается, правда, одна серьезная загвоздка, — сказал Янош. — Когда все двадцать пройдут через огонь и выйдут с той стороны, Мортациус мгновенно узнает об этом. Несколько человек — скажем, мы трое — могут сбежать незамеченными. Но зато всем отрядом мы устроили бы ему такой звон, какого не производил ни один колокол.

Оказывается, Янош даже был готов пожертвовать своими товарищами. Что ж, его цель — Далекие Королевства — была превыше всего и оправдывала, по его мнению, любые средства.

— Единственный способ живыми попасть к ленте, ведущей в печь, — убить тех живых мертвецов, что охраняют ее, — сказал я, стараясь руководствоваться логикой, а не эмоциями. — А справиться с этим мы можем только все вместе.

— Наши силы и силы Мортациуса неравны, — заметил Мэйн. — Но лучше смерть в бою, чем в сонном плену у этого чудовища.

Янош кивнул.

— Ну, значит, так и поступим, — сказал он. — У меня руки чешутся сокрушить этого колдуна. Он нас прогнал по городу, как стадо баранов. Попробуем вырваться все вместе. И сделаем это как и подобает воинам.

Мы вернулись к остальным. Янош сообщил людям, что их ждет. И я был изумлен, что ни один не впал в панику и не стал задавать лишних вопросов. Возможно, пребывание в этом городе мертвых душ придало всем смелости не бояться гибели. Мужества добавила и новость об арсенале, обнаруженном Мэйном, где хранилось конфискованное у нас оружие. Сталь моей сабли была так же крепка, но я сомневался, будет ли она эффективна против уже мертвых врагов.

Страх придал нам силы этой ночью, когда живым людям впервые пришлось схватиться с этими несчастными бездушными созданиями, вооруженными кнутами и короткими

саблями и едва соображающими, что происходит. В зале, куда мы ворвались с воинственными криками, стояла тишина, и наши противники во время всей этой яростной схватки продолжали хранить молчание. Мы их безжалостно рубили, а когда они падали, еще и пронзали копьями. Но когда мы бросались дальше, позади вставали поверженные. Мы убивали уже мертвых людей, и убивали их снова и снова. Мы отрубали им конечности, но у них оставались зубы, чтобы кусаться. Даже отрубленные руки, отыскав на полу сабли, вслепую продолжали искать нас, ползая по полу, как змеи. И потому приходилось перерубать каждый сустав, раскалывать каждую голову, крошить в куски каждое тело, стремящееся сбить нас с ног. Мы превратились в двадцать мясников, полуобезумевших от страха, мечущихся по скотобойне среди мяса, не предназначенного для еды, сражаясь даже не столько с этими молчаливыми несчастными созданиями, сколько с ненавистью сотворившего их колдуна.

В конце концов мы покончили с этой кошмарной работой. Одеяния наши пропитались кровью, вместо лиц были кровавые маски. Каждый понимал, что эту кровь с нас не смыть даже целой рекой чистой воды. Но иначе поступить было невозможно. Ужасный рок поставил нас в эти обстоятельства, но желание жить требовало выхода.

Теперь впереди ждала печь, а в ней — демон, питающийся душами. Янош встал рядом с лентой, со звоном движущейся сквозь адский огонь, поджаривающий души, чтобы угодить вкусу демона. Янош уговаривал нас поторопиться, и мы потащились к печке, словно неуклюжие рабы Мортациуса. Я глянул вдоль ленты и увидел подпрыгивающие в нетерпении языки голубого пламени и услыхал щелканье зубов демона наверху. На той стороне этого страшного конвейера, сказал Янош, ждет спасение; на этой — вечное рабство. Он сказал, что пойдет первым, чтобы доказать верность своей догадки, и предупредил, чтобы мы поскорее последовали его примеру, ибо он чувствовал, что чародей не дремлет. Я должен был по плану Яноша идти последним.

И тут один холодный, рассудочный довод заставил меня поразмыслить и обернуться. План Яноша казался хорош, но его надо было перевернуть с головы на ноги; ведь если Янош ошибается и эта ошибка отберет его у нас, то мы останемся без защиты перед гневом чародея. Первым должен идти я, а Янош последним… если я выживу. И тут я понял, что смотрю в печальные и полные знания глаза незримо стоящего рядом Халаба. Он прошептал теплые слова поддержки, согревая меня от холода доводов рассудка. Халаб оставался рядом со мной, когда я подошел к Яношу и остановил его, уже собиравшегося взобраться на ленту. Когда я представил свои логические соображения, Халаб улыбался мне одобрительно. Янош заспорил, но в конце концов согласился со мной. Эмоции редко одолевали его. Но я успел заметить слезы, когда он отвернулся, чтобы скрыть их. Затем он обнял меня и прошептал, что я — единственный, кто поверил ему с самого начала. Он назвал меня другом и братом и поблагодарил за доверие. Я позволил себе принять эту ложь, понимая, что в сундучке, где он хранит такие сокровища, отнюдь не битком набито. За все то время, что я знал Яноша, я еще не встречал ни мужчины, ни женщины, которых он назвал бы настоящими друзьями. Я понимал, что человек ему может только нравиться, но он никогда никого не полюбит, поскольку выбранная им жизненная цель все остальное в его глазах лишала ценности. Я держался сейчас за руку Халаба, и именно эта рука поддерживала меня, когда я двинулся по громыхающей ленте, и именно Халаб шептал мне на ухо, что моя рыжая удача собьет с толку поедателя душ. Янош остался сзади, а Халаб находился рядом, когда конвейер потащил меня в огонь.

Я был брошен в страшный жар, который украл воздух прежде, чем я успел вдохнуть; высушил мои силы раньше, чем я успел собраться с ними. Жар обрушился молотом, разбив меня, как яйцо, одним ударом; в течение нескольких секунд он сокрушил меня, превратив в трепещущую массу, ощущающую лишь боль и страх. Огонь плевался, ревел, и меня несло в туннель, где со, всех сторон кусались змеи голубого пламени. Я чувствовал, как с меня содрали плоть, и теперь пламя набросилось на обнаженные нервы; а когда и они превратились в золу, колдовская печь вскипятила мою кровь и расколола кости, чтобы

добраться до костного мозга. Все, из чего я был сделан, даже крик, было пожрано огнем. Если у меня что и оставалось, так это глаза, чтобы видеть жующую пасть демона, уши, чтобы слышать клацанье зубов, и душа, охваченная пониманием настоящего, наполненного болью, и будущего, наполненного страхом. Затем надо мной склонился Халаб, заслоняя меня от взора демона. Он запел песню, ту, которую я больше всего любил в детстве, и звуки ее заглушали все громыхавшее вокруг. Он поглаживал мое исстрадавшееся тело, и я чувствовал, как восстанавливаются и нервы, и кости, и кожа. Затем он сказал мне, что осталось совсем немного, чуть-чуть потерпеть… и все закончилось. Я почувствовал громадное облегчение и то, что остался невредим. И тут я понял, что на какой-то момент душа действительно покидала мое тело. Оно с радостью приветствовало ее возвращение. И мгновение спустя я спрыгнул с ленты таким окрепшим и бодрым, как никогда в жизни. Я закричал своим спутникам не бояться ревущего пламени и поторопиться вслед за мной. Ведь нам еще предстояла схватка с чародеем.

Следующим был сержант Мэйн; затем, один за другим, пошли остальные. Но каждый, совершавший свой путь мимо пасти демона, вовсе не испытал тех страданий, которые выпали на мою долю: я видел, как они лежали в пламени без движений, безмятежно. Позже они сказали, что поначалу испытывали и муки и страх, но чей-то добрый дух склонялся над ними, облегчая страдания и исцеляя боль. Они сказали, что дух был очень похож на меня.

И вот настала очередь Яноша. Он вспрыгнул на ленту, собираясь ехать стоя, с руками, скрещенными на груди, широко расставив ноги. И я заметил, какое сосредоточение было написано на его лице, это была вовсе не бравада. Внезапно все его тело осветилось золотым. Голубые языки пламени стали выше и жарче, а демон завопил в голодном раздражении; но против этого золотого света пламя было бессильным. И тут языки пламени стали уменьшаться, захлебываться, моргать и гаснуть. Демон вверху смолк, зубы прекратили щелкать, и зев стал закрываться. Янош, ставший теперь величайшим из похитителей магии, спрыгнул с ленты.

Но не успели мы поздравить друг друга, как громадное помещение зала наполнил яростный вопль.

— Что ты наделал, Серый Плащ?! — Это был Мортациус. Маг бодрствовал. Голос загремел вновь: — Ну подожди у меня, маленький фокусник. Я доберусь до тебя.

Но Янош не стал ждать, как и я. Мы изо всех сил помчались прочь из этого места. Мы бежали по мостовым с оружием наготове. Позади послышался взрыв. Я глянул назад и увидел, как дверь дворца чародея отлетела в сторону, отброшенная могучей силой. Через дымящееся отверстие вылетел шар пламени такого же голубого цвета, как и в печи. Этот огромный шар, испускающий молнии и выжигающий камни мостовой, помчался за нами. Изнутри доносился голос Мортациуса:

— Беги, маленький кудесник, беги!

Слышался хохот.

Мы с удвоенной скоростью помчались вперед вдоль этих улиц, по которым нас вси мимо мертвых обитателей этого города. Но постепенно мы стали уставать от этой бешеной гонки. Расстояние между нами и шаром стало сокращаться, а смех Мортациуса становился все громче. От его огненного шара далеко вперед уносились наши тени с такой скоростью, на которую мы были не способны. Рядом тяжело дышал Янош. Казалось, он споткнулся. Но лишь для того, чтобы подхватить на бегу булыжник. Тут же он отстал, и я обернулся, думая, уж не упал ли он. Но Янош остановился, преграждая путь Мортациусу. Вслед за этим он вытащил саблю и ударил булыжник лезвием. Искры полетели из-под зазвеневшего металла. Он еще раз ударил. На этот раз искры получились длиннее. Они отлетали по дуге к приближающемуся горящему шару.

Мортациус закричал:

— Ну вот ты и мой, маленький фокусник!

Но после третьего удара Яноша искры просто взорвались. Вылетая по дуге наружу, они звали за собою остальных, и вот уже вскоре на дорогу перед нашим преследователем

посыпался целый звездный дождь. Они упали на шар, и тот взорвался с громовым хлопком, выбросив из центра Мортациуса. Тот зашатался и рухнул на дорогу.

Какое-то мгновение чародей не шевелился, лежа в своей красной мантии, раскинувшейся по мостовой. Если бы он еще чуть-чуть подождал, он бы овладел нами, поскольку мы уже собирались броситься на него и прикончить. Но тут мантия дернулась и раздулась в два огромных красных крыла. Мы развернулись и вновь побежали, а крылья подняли в воздух Мортациуса, испустившего такой вопль, что воздух, казалось, разлетелся на кусочки как стекло. Этот вопль означал призыв к охоте, и призыв этот был услышан. Из мрачных жилищ повыскакивали на улицу рабы чародея. Они принюхивались к нашей живой крови и бросались за нами. Мы одолели последний поворот перед гаванью, а за нами уже неслась целая стая этих безмолвных волков. И стало ясно, что до лодок уже не успеть. Было слишком поздно, оставалось только сражаться.

Сержант Мэйн выкрикнул приказ, и мы все построились в боевой порядок и выдержали первый яростный натиск, отбросив врага назад. Наша боевая цепочка медленно отступала по узкому причалу, заставляя противника атаковать нас малыми группами. В ночном небе кружил Мортациус, призывая своих рабов к решающей атаке. Мы уже имели опыт такого сражения с мертвецами в зале с печью, но против такого их количества выстоять, казалось, будет невозможно.

Трое наших выкатили с одной баржи бочки со смолой и подожгли причалы, когда на нас снова двинулась эта толпа. И их атаку встретил огонь мира живых, а не мертвых. Разожженная не заклинаниями, а кресалом смола обрушилась на них, как бурная река. Она сжигала их тела и оружие в серую золу. Но поскольку они не могли чувствовать боли и понимать, что происходит, то следующая шеренга терпеливо дожидалась, пока сгорит предыдущая, и устремлялась навстречу пожирающему их пламени. Мортациус сверху сыпал проклятиями и призывал других рабов занять место сгоревших.

Ими кишел уже весь берег, а еще больше торопилось по улицам к месту сражения. Мортациус заклинаниями возводил мост из пепла. Вот-вот они по мосту доберутся до нас и вновь возьмут в плен. Впрочем, для этого им надо было поторопиться. Ведь этот огонь был никому не подвластен. С одной стороны, он прикрывал нас, а с другой — являлся нашим врагом, пожирая остатки причала и заставляя нас отступать к воде. Мортациус направил людей в реку вдоль горящих причалов, чтобы они зашли к нам в тыл. Сам чародей спустился ниже, издевательски смеясь над нами и над нашими глупыми надеждами.

Сквозь разломанные доски причала протянулась чья-то рука и вцепилась в ногу Яноша. Я рубанул по руке саблей. Мортациус рассмеялся и сверху устремился на нас. Янош подхватил отрубленную руку, вставил в скрюченные пальцы рукоять своей сабли, и пальцы крепко ухватились за нее. Янош изо всех сил метнул саблю вверх. Вместе со вцепившейся в рукоять рукой лезвие представило из себя жуткого вида оружие, направленное при помощи магии в Мортациуса. Смех его прервался на середине, когда удар пришелся в глаз. Он камнем рухнул с неба, завывая от боли, и врезался в воду. Мы увидели, как он тонет среди волн, но облегчения это нам доставило мало, поскольку оставались еще тысячи живых мертвецов. А те по мосту из отвердевшей золы перебирались через сгоревшие причалы. Собираясь с последними силами, мы понимали, что еще вот-вот — и из волн восстанет их хозяин, полный ненависти к незваным ориссианам.

Я молился всем богам и больше всего — Халабу. Из пламени вырвался клуб дыма, и я поднял саблю, приветствуя брата.

И тут с реки, неся нам спасение, подул ветер. Глубокий, чистый звон гигантского магического колокола разнесся над волнами. Звук был настолько силен, что заглушил все вокруг. Мы ощутили, как нас окатила волна покоя. Огонь угас. Звонкая, мелодичная песнь магического колокола победила этих покойников. Они остановились, прислушиваясь. Когда стихло последнее эхо колокола, рабы Мортациуса побросали оружие, развернулись и побрели прочь.

Из темноты появился удивительный корабль с сияющими парусами и фонарями,

развешанными вдоль бортов. Это был самый грациозный из виденных нами кораблей, и он несся к нам на волшебных парусах, поскольку ветер, который мог бы наполнить обычные паруса, стих. Я услыхал, как вскрикнул от восхищения Янош, а может быть, это был и мой крик, когда стал виден герб на парусах: огромная змея, свернувшаяся кольцом на фоне солнечного луча.

И пока приближался корабль, эдакий лебедь на черных волнах, я понял, что все, с чем мы столкнулись, было лишь проверкой. И Мортациус был главной проверкой. Я возблагодарил богов, что мы выдержали эти проверки.

С палубы нас окликнул голос:

— Привет вам, путники.

Голос был столь же мелодичен, как и звон того колокола. На палубе стоял красивый мужчина в сверкающих белых одеждах. Он еще раз обратился к нам:

— Мы привезли вам этот привет из Далеких Королевств.

Янош в восторге схватил меня за руку, остальные радостно закричали. И только когда корабль спустил лодки, чтобы перевезти нас, я понял, что выражаю свой восторг громче всех.

Глава двадцать вторая
ДАЛЕКИЕ КОРОЛЕВСТВА

Надежда — богиня с непостоянным характером, но известно и то, что как только она зажигает свои манящие огни, то от ее призывов не спрятаться. Излюбленное ее орудие — обещание; чем дольше оно танцует впереди, тем нетерпеливее ты стремишься за ним. Я знавал скорбь, когда не видел этого танца, но знавал я и великую радость, когда, сжалившись, Надежда раскрывала мне свои объятия. Надежда довела меня до Далеких Королевств, и Надежда же, многократно усиленная, давала яркие обещания тем, кто ждал меня дома. Их мечты я нес с собой, когда корабль, рассекая сияющие воды моря, в которое впадала река, шел к дальним берегам.

Я часто представлял себе, как выглядят Далекие Королевства, когда они мне откроются впервые. Иногда мне казалось, что я увижу город из ослепительного золота, с изящными зданиями и устремленными вверх шпилями. Иногда же мне казалось, что я увижу тучные поля и пышные луга с мирными деревушками и белостенными виллами, утопающими в цветах. Но какой бы облик ни принимала эта картина, мне всегда казалось, что я увижу ее как бы с высоты — например, с перевала Кулака Богов. Но до цели я добирался так, как привычно гражданину Ориссы — на реке начиналось наше путешествие, на реке и заканчивалось.

Когда мы пересекли море, покинув злые земли Гомалалеи, большой колокол корабля возвестил о нашем прибытии. Раздулся грот-парус, демонстрируя герб Далеких Королевств. И когда мы оказались в устье широкой, красивой реки, издалека нам отозвался другой колокол. Мы толпились у борта, держась за леера, нетерпеливо вглядываясь в тот берег, к которому так стремились. Но его скрывала дразнящая вуаль бледно-голубого тумана. Вдруг, словно смилостившись над нами, перед кораблем пробежал легкий бриз, разгоняя туман и открывая перед нашими глазами долгожданное зрелище. Мы были полностью очарованы.

Первое, что я увидел в Далеких Королевствах, — изумрудную башню, встающую над устьем реки. Башня плавно сужалась на конус, и в верхней ее точке находилось волшебное зеркало, осыпающее судно порхающими лучами света. Я почувствовал приятное покалывание, когда такой лучик осветил мое лицо. Мои намерения проходили магический досмотр. Свет заколебался в нерешительности, обнаружив защитное заклинание, наложенное на нас Яношем, когда мы ступали на борт этого корабля, но никаких препятствий не последовало, и лучики упорхнули восвояси.

Первое, что я услышал, оказавшись в Далеких Королевствах, — мелодичное пение тысяч птиц. Они вылетали из леса, с высоких тенистых деревьев, пахнущих мятой, и порхали

над нами такие же красочные, как и их мелодия. Когда я присмотрелся внимательнее, то увидел, что у этих птиц, размером с охотничьих орлов, на кончиках когтей имеются металлические острые наконечники, а клювы хищно изогнуты.

Берега реки и острова на ней были покрыты самой разнообразной цветущей растительностью. Когда один из таких цветущих и сладко пахнущих островков проплывал мимо, судно окликнули из густых зарослей лиловых цветов. Наш капитан отозвался, и я увидел, как в растительности прячутся острия копий.

Первой мыслью, посетившей меня в этих землях, была та, что протянутая нам рука в бархатной перчатке скрывает стальную хватку. Я даже вздрогнул, когда вторая подозрительная мысль посетила меня: хорошо, что эти люди называют нас друзьями, а не врагами. Но когда мы обогнули холмистый берег, открывшийся перед нами вид разогнал все дурные мысли. Река, делая плавные изгибы, подобно гигантской змее, струилась посреди туманных полей и зеленых лесов. В глубине этой картины, подобно маяку; вздымалась живописная гора, голубая, как эта слепящая нас река. У подножия этой горы, как нам сказали, и находится цель нашего путешествия — город Ирайя, где великий король Домас правит всеми Далекими Королевствами.

Несколько дней плыли мы по этой реке, и с каждым днем усиливалось наше изумление. Мы миновали, не приставая к берегу, многолюдный портовый город размерами с три Ориссы. Лодки и суда так и сновали у причалов, загружая и разгружая самые немыслимые товары и продукты. Но порт был на удивление чист и лишен обычного для таких городов отталкивающего запаха. Здания и жилища не имели какого-то единого принципа постройки, но, наоборот, радовали глаз разнообразием форм, размеров и расцветок. Капитан Юториан, наш хозяин и посланник короля, поведал, что этот порт является главным торговым центром государства, которое тянется от реки в обе стороны и за те горы на много лиг. Он сообщил нам, что владения короля Домаса состоят из одиннадцати княжеств, каждым из которых правит принц, присягнувший на верность королю. По этим княжествам разбросано около семидесяти больших городов и множество мелких. Самый величественный из них — Ирайя, где располагается верховная власть. Вся земля, что мы называем Далекими Королевствами, носит среди его жителей название Вакаан, в память тех мудрых старейшин, которые давным-давно правили этими землями, а потом таинственно удалились. Он сказал, что руины древних городов находят по всему Вакаану. Есть остатки древнего города и рядом с Ирайей, а на вершине горы находится старинный алтарь.

Юториан оказался очень радушным хозяином: он старался отвечать на столько вопросов, на сколько физически был в состоянии ответить; при этом были и такие вопросы, что другой бы усомнился, а стоит ли нас вообще везти в Ирайю. После того как он окликнул нас, стоящих на горящем причале Гомалалеи, он встревожился, что наши раны потребуют длительного лечения, что нам понадобятся горячие ванны и удобные помещения для отдыха. А единственными словами, которыми он владел из нашего языка, были только те, с помощью которых он предложил ориссианам покинуть ужасный город Мортациуса на его судне. Но как только мы оказались на борту, один из его офицеров принес нам волшебные губки и показал жестами, что надо обмыться содержащейся в них жидкостью. И как только мы сделали это, то оказалось, что теперь мы в состоянии легко говорить на их языке и понимать его.

В первые же часы нашего пребывания на борту судна Янош сотворил над каждым из нас защитное заклинание. Хотя капитан и весь экипаж казались добрыми и приятными людьми, Янош напомнил нам, что мы только что уже побывали в «радушных» гостях и лучше сохранять осторожность на случай, если наши новые хозяева окажутся такими же коварными, как и прежние. Пришлось немного поспорить. Янош воспользовался новыми силами, приобретенными в столкновении с Мортациусом, чтобы сотворить охранное заклинание. Он сказал, что это заклинание не сможет отвернуть в сторону клинок наемного убийцы, но сможет предупредить о приближении смертельной опасности. А предупредив, даст время для выбора решения — спрятаться, сражаться или бежать за подмогой. Это

заклинание было мудрой мерой, но через несколько часов пребывания в компании капитана Юториана я сразу забыл, что нахожусь под защитой, и вспомнил лишь тогда, когда встретился с исследующими лучами изумрудной башни.

Когда мы немного пришли в себя после неожиданного спасения, Юториан позвал Яноша и меня в свою каюту, где мы сдвинули бокалы горячего бренди, у которого был отменный вкус, особенно после всей преснятины угощения у Мортациуса. В каюте, обставленной удобными креслами и столом, стоящим несокрушимо при любой качке, царил художественный беспорядок. Переборки каюты были обшиты драгоценным деревом, детали которого соединялись так искусно, что даже этим можно было любоваться целый день. На самой широкой переборке раскинулось знамя с изображением голубой, свернувшейся в кольца змеи, освещенной солнечным лучом. Такой же герб был и на белом камзоле Юториана. Помимо койки в углу, застланной светлым покрывалом под цвет кресел, в каюте находились пустой столик для карт и закрытый шкафчик, где, очевидно, хранились карты и навигационные инструменты капитана. Из дыры в потолке свисала золотая веревка. Юториан сказал, что она тянется к колоколу, звук которого обратил в бегство орды рабов Мортациуса.

Но перед тем как мы забросали его вопросами, Юториан объяснил причину своего появления. Он рассказал нам, с каким интересом король Домас и его младший брат принц Равелин следили за нашим путешествием. Юториан не скрывал, каким образом его правителям удавалось это делать. Информация поступала не только от магических приборов, устройство которых он слабо себе представляет, но и от хорошо замаскированных разведчиков и тех таинственных наездников, которых мы называли наблюдателями. Он сказал, что эти наблюдатели не являются воинами его короля, но представляют из себя племя кочевников-магов, с отвращением относящихся ко всяким смертоносным битвам и скитающихся по землям со своими собственными целями. Королевства заключили с ними договор давным-давно в обмен на магические, необходимые им товары, получая от них информацию о нежелательных для Вакаана визитерах.

Затем Юториан сказал:

— Вы должны знать, что до сего времени, когда я получил приказ забрать вас, все гости к нам считались нежелательными. Насколько я знаю, вы первые люди извне, посетившие нашу страну, не так давно возродившуюся из руин. Не могу сказать, почему король изменил своему обычаю. Но как свободный и законопослушный подданный, я заверяю вас, что цели у него самые благородные, в чем вы и убедитесь, когда поговорите с ним, и что никто не будет препятствовать вашему благополучному возвращению домой. Хотя я не знаю замыслов Домаса, но могу догадываться. Не является большим придворным секретом тот факт, что король Домас полагает — длительная изоляция от окружающего мира привела к тому, что воздух в королевстве застоялся. И я верю что ваше устремление к новым знаниям лишь укрепит его в этой мысли.

Капитан сказал, что сразу же по прибытии в Вакаан ничто нас не привязывает к кораблю. Мы можем расспрашивать любого о чем угодно и идти туда, куда хочется. Единственное исключение распространялось на требование находиться по каютам в то время, когда он будет определяться с местоположением корабля. Он искренне и без конца извинялся, говоря, что никак не может позволить взглянуть на его карты и инструменты в запертом шкафчике, поскольку они являют собой строго охраняемый секрет. Хотя, как он сказал, после того как мы переговорим с королем, большинство их этих секретов и запретов будут наверняка сняты.

Юториан вновь наполнил наши бокалы, и мы выпили за светлое будущее, которое ожидает наши народы. Но, судя по нему, я мог предположить, что большая выгода ожидает все-таки Ориссу. В этом я убедился позже в многочисленных общениях с гражданами Далеких Королевств. Жители их почти не проявляли любопытства по отношению к тому миру, привет от которого мы привезли. Их больше интересовало само наше путешествие, и они постоянно расспрашивали о деталях наших приключений. Но затем и это любопытство

пропало.

Причины были очевидны: Вакаан оказался страной стольких чудес, что все не перечислить на этих страницах. Земля была благословенна обильными урожаями; количество болезней, от которых людей успешно исцеляли воскресители, было ничтожно, там почти не болели. Люди жили в мире, казалось, бесконечного разнообразия наслаждений и занятий. К тому же они считали себя народом, в развитии и могуществе настолько превосходящим остальные, что даже представить себе не могли, что же полезного могут они получить еще от кого-то. Когда я заикнулся об искусных ремесленниках, философах и художниках, составляющих гордость Ориссы, мне дали понять, что в их краях найдется такое, от чего мы быстро сникнем, если начнем сравнивать со своим. Поначалу я мало обращал внимания на такое отношение к чужеземцам, считая его даже забавным. Но позже я понял, что это весьма серьезный недостаток вакаанцев.

Говоря это, я, однако, не могу не признать, что, пока мы поднимались вверх по реке, увиденные мною по берегам чудеса превосходили все виденное мною ранее. И одним из чудес была сама река. Я уже сравнивал ее со змеей, и это сравнение оказалось уместным, ведь именно река была той змеей, что изображена на гербе Далеких королевств, в то время как солнечный луч означал волшебную мудрость, охраняющую эти земли.

Представьте себе эту змею, изогнувшую свое тело сверяющими голубыми изгибами, не касающимися друг друга, с головой и хвостом на одной линии. Теперь представьте ее вновь рекой, где вместо змеиной головы — гора, к которой мы и направлялись, и вы поймете, что хоть расстояние и достаточно велико для корабля, но птица напрямую пролетит его быстрее. Правда, лично я не стремился к тому, чтобы быстрее добраться до Ирайи, поскольку, пока мы плыли то в одном направлении, а потом совсем в другом, следуя излучинам реки, она проносила нас рядом со всеми чудесами Далеких Королевств.

Река текла, послушно омывая весь Вакаан. При этом на ней не было никаких шлюзов и каналов. Лишь ровная гладь блестящих и прозрачных вод, одинаково глубоких почти на всем протяжении. Юториан рассказал, что давным-давно их маги так сотворили эту реку, чтобы она отвечала общим целям всех жителей. Здесь не было снегов в горах, и дожди служили только для равномерного пополнения запасов воды. Реке можно было приказать поднять уровень воды или опустить, в зависимости от требований ирригации, для получения обильного урожая. Кстати, семена будущих злаков обрабатывались заклинаниями против болезней и вредителей. Пока мы проплывали мимо тучных пастбищ и изобильных фруктовых садов, я вспомнил о наших крестьянах, трудящихся в поте лица своего, зависящих от капризов природы, вспомнил о недавно пережитых наводнениях и голоде. И я взмолился: пусть это путешествие облегчит их труды и избавит их сердца от разочарований.

Мы видели леса, полные дичи; холмы в жилах металлических руд и драгоценных камней; пасущиеся и отдыхающие домашние стада в густой и сочной траве. Мы видели самых разнообразных людей: крестьян и рабочих, купцов и жрецов. Это были спокойные, красивые люди, чей безмятежный смех и песни разносились над рекой, когда мы проплывали мимо. Даже старики были красивы, а на их женщинах время откладывало лишь отпечаток мудрости и опыта. Дети казались бесконечно счастливыми, они бегали и играли где хотели, и именно их звонкий смех мы слышали чаще всего.

Юториан сказал, что все дети получают хорошее образование, а те из них, кто проявляет особую сообразительность и талант, попадают под особое внимание и учатся в высших школах. И уж после этого им открыта любая дорога, и они могут подняться до любой ступени общества. Когда он сказал это, я подумал о Халабе и пожалел, что ему не довелось родиться в этих краях.

Мы во все глаза разглядывали крупные города, стоявшие на берегах реки. Каждый из них представлял из себя удивительное зрелище. Некоторые поражали разнообразием строений, как тот порт, мимо которого мы проплывали в первый день. А некоторые изумляли особенностями: то были кварталы со стенами домов из белого мрамора, то сплошь из богато разукрашенной древесины или из крепкого сверкающего металла. Архитектура их

была очень разной — от приземистых зданий, гармонично вписанных в окружающие леса, до устремляющихся ввысь башен, увенчанных тонкими шпилями; в удобных домиках с остроконечными крышами по вечерам за окнами сияли веселые огоньки. Каждый увиденный город завораживал нас по-своему, и когда уже казалось, что нас ничем больше не удивить, мы выплывали из-за очередного поворота и натыкались на новое диво. И наконец мы прибыли в Ирайю, самый знаменитый город из всех.

Он открылся нам внезапно. Русло повернуло на восток, и вдруг вспыхнули огни. Берега реки широко раздвинулись, насколько хватало глаз, превратившись в далекие зеленые полоски. Река превратилась в озеро, в котором отражалась величественная Ирайя. Наши чувства затрепетали в том очаровании, которое город насылал на нас, как мелодию, извлеченную из струн руками великого арфиста. Казалось, Ирайя целиком состоит из огня и воды. Солнце садилось, и Ирайя пылала во всей своей славе. Свет играл разноцветными огнями на хрустальных башнях и прыгал по золотым крышам домов. А со всех сторон расплавленным зеркалом в лучах уходящего солнца раскинулась вода. Благоухающий ароматами вечерних цветов воздух звенел от колоколов и пения птиц. Посреди этой красоты робкими просителями божественного благословения природы тихо проплывали маленькие суда.

Вот такие виды и являются вином для путешественника; вкусив его однажды даже в небольшом количестве, он так и будет страдать далее, пока не отведает еще раз. И мы упивались им допьяна, пока не опустилась ночь. Но у Ирайи против тьмы — грабительницы красоты была заготовлена своя хитрость, и мы вновь задохнулись от изумления, когда вдруг весь город осветился огнями. Хрустальные башни превратились в фонтаны, вздымающие потоки света: золотые дома вспыхнули изнутри. Сквозные каналы-улицы города осветились гирляндами маленьких ярких шариков. Не смолкали звуки оживления в городе, и я понял, что с окончанием дня жизнь города благодаря магии воскресителей Ирайи продолжалась.

Этой ночью мы спали на борту корабля. Волнение было столь велико, что я не мог и подумать об отдыхе, но усталость взяла свое. Меня разбудила какая-то безумная музыка и крики, словно я оказался в таверне. Удивительно все-таки, подумал я, как бы ни был величествен город, но у причалов всегда найдется местечко с крепкими напитками и грубыми развлечениями. И тут же я снова погрузился в спокойный сон.

Наутро Юториан повел нас к королю. Дворцовые владения раскинулись на половине из того десятка островов, на которых раскинулась Ирайя. На дворцовых островах среди ухоженных лужаек благоухали чудесные цветы. Сердце услаждало пение птиц, глаза отдыхали на красивейших статуях. Дворец представлял из себя на диво сложный и дорогой архитектурный комплекс, каждый чудо-дом которого имел золотые детали в таком количестве, что мне и не снилось. Колонны и арки были из золотого сплава, а стены — из хрусталя, который в зависимости от солнечного освещения то темнел, то светлел.

Солдаты в бело-золотых туниках и бриджах охраняли коридоры дворца. Янош отметил, что их ярко разукрашенные декоративные копья и сабли скорее были предназначены для церемоний, чем для сражений. Мы вступили в огромный — тронный зал. Он казался еще больше из-за полупрозрачных хрустальных стен и сводчатого потолка. Еще его увеличивало огромное количество зеркал, отражавших в себе толпы тех, кто явился снискать внимание короля или по делам. Зал имел три яруса и широкие лестницы, ведущие к каждому ярусу. Внизу, где мы сначала оказались, было людно, и, судя по одежде, здесь собирался народ попроще; на втором ярусе располагались небольшие группки людей средних слоев; последний был почти пуст, он предназначался для магов и других высокопоставленных лиц. И над всем этим великолепием возвышалась платформа с величественным золотым троном, на высокой полукруглой спинке которого сиял королевский герб.

На этом троне в свободной позе сидел король Домас, которого благодаря зеркалам можно было разглядеть и с нижнего яруса. Даже издали было видно, что размеры зала и трона не могут уменьшить величия этого человека. Корону свою — простой золотой обруч, как я потом рассмотрел поближе, — он небрежно крутил в руке, прислушиваясь к

выступлениям советников; и если их речь иногда тонула в шумах толпы, то грохот его голоса заглушал все. Я на время потерял его из виду, когда Юториан повел всю нашу двадцатку вперед. Судя по тому, как толпа вежливо расступалась, Юториан, очевидно, был здесь важной фигурой. Умеренно любопытные взгляды устремлялись вслед нам, пока мы добирались до ограждения, отделяющего третий ярус. Юториан велел нам подождать, а сам стал оглядываться во все стороны, выискивая кого-то в толпе. Мы прижались к ограждению, вытаращив глаза, как крестьяне, впервые попавшие в город.

Но наше особенное любопытство, еще до того как мы подняли глаза, чтобы подивиться на трон, привлекло хитроумно устроенное углубление с позолоченными стенками. Оно занимало большую часть третьего яруса; вокруг него проходила дорожка, по которой расхаживали чиновники, по ступенькам можно было спуститься пониже. Здесь были изображены в миниатюре все Далекие Королевства. Приглядевшись, я понял, что все было живое! Каждая подробность — от извивающейся голубой ленты реки до городов, ферм и полей — проецировалась сюда в уменьшенном виде. Можно было заметить суда на реке и даже догадаться, что крошечные движущиеся точки — это люди и животные. Но еще более поразительным было то, что сюда перенесли и копию настоящего неба; я даже различал, как среди облаков, гонимых ветрами, летают птицы. По извилистой тропке вниз спустились несколько магов и занялись, видимо, привычной работой. Они обсудили положение большой черной тучи, готовой разразиться грозой, и приказали ей переместиться в другое место. Там сверкнули молнии и обрушился ливень. Я не сомневался, что где-то в реальном месте, проекция которого в миниатюре была представлена здесь, сейчас действительно идет этот ливень.

Король повысил голос на какого-то чиновника, и я, подняв глаза, впервые увидел Домаса близко. Его советники перед троном развернули жаркий спор. То ли королю надоел их спор, то ли он потерял интерес к этой теме, но я заметил, как он борется с зевотой и вновь играет своей короной. Король был высок — пожалуй, на голову выше Яноша, — и его простая белая туника обтягивала мощное, стройное тело. У него были светлые волосы и открытое лицо. Настолько просто он был одет, что только корона указывала на то, что этот парень правит всем могучим государством.

Рядом с троном находился еще один человек. Такой же высокий, как Домас, со столь же мощным телосложением, но с темными волосами. Костюм его был богато расшит золотом, с гербом принца на груди. В отличие от короля он был увешан драгоценностями, а его длинные черные волосы охватывал изумрудный обруч, указывающий, что человек этот тоже королевской крови.

— Принц Равелин, — прошептал Янош.

Я тоже так подумал. Янош придвинулся ко мне поближе и взволнованно зашептал:

— Он маг. Самый могущественный маг.

И об этом я догадался: темные глаза его сверкали глубинным огнем тайного знания воскресителя, и в его присутствии я чувствовал себя скованно. Но все же, несмотря на весь свой внешний лоск, он уступал Домасу в величественности, и, когда они находились рядом, можно было без ошибки сказать, кто король, а кто лишь его благородный брат.

Наконец к Юториану подошел небольшой человечек с на редкость непривлекательной внешностью, в белых бриджах не первой свежести и поношенной тунике. Поверх туники у него висел потертый золотой крест. Однако, несомненно, человечек обладал властью. Капитан быстро наклонился к нему, напрягая спину и внимательно вслушиваясь в его шепот. Человечек приподнялся на носках и приблизил губы к уху капитана, нисколько не стесняясь своей непрезентабельной внешности. Пока он говорил, Юториан кивал, поглядывая на нас, затем быстро указал на меня и Яноша, как бы выделяя нас среди остальных. Может быть, это и какая-нибудь мышка, думал я, глядя на маленького человечка, но мышка смышленая и не боящаяся котов, поскольку питается за столом короля. Закончив разговор, коротышка поднырнул под ограждение, обошел миниатюру своей страны и поднялся по ступеням к трону. Юториан дал нам понять, чтобы мы были наготове. И пока король, обратив свою

приветливую улыбку к своему фавориту, выслушивал его, мы поправляли одежду и приглаживали волосы.

Домас махнул рукой, отсылая прочь толпу советников, а коротышка еще что-то прошептал королю на ухо, при этом вцепившись для сохранения равновесия в край королевской туники. Пока король слушал, черты его лица прояснились, а выражение скуки исчезло. В ответ он воскликнул:

— Что ты говоришь? И давно они здесь? — Голос был столь мощен, что разносился по залу. Он нахмурился, продолжая прислушиваться к нашептываниям. Вновь раздалось: — Что же ты не сказал мне раньше, Бимус?

Я постарался быстренько, пока возможно, оценить короля, полагая, что этот громкий голос и есть ключ к его характеру. Домас говорил открыто, лаконично и не заботясь, какую реакцию вызывают его слова у окружающих. В ответ на вопросы короля Бимус что-то нашептывал, по всей видимости докладывая, что кто-то проявил нерасторопность, сразу не доложив о нас. Если этот растяпа наблюдал сейчас за королем, то должен был испугаться за свою карьеру, ибо король покраснел от гнева и нахмурил брови. Но Домас совладал с гневом, и, должно быть, растяпа вздохнул с облегчением.

Домас широко улыбнулся и хлопнул Бимуса по плечу, сказав:

— Не обращай внимания. Я позже с этим разберусь. А теперь давай их сюда, Бимус. И побыстрее. Мы и так уже проявили бестактность.

Бимус понесся выполнять повеление. Король обратился к оставшимся советникам:

— Ну хватит! Мы уже и так давно копаемся с этой ерундой. Пришла пора для новых дел. Для действительно новых.

В предвкушении он потер руки. К нему неторопливо поднялся и принц Равелин, изо всех сил, как я подумал, скрывающий нетерпение. Я вновь переключил внимание на Домаса, последний раз прикидывая, как вести себя перед лицом такого величия. Человек он прямой, размышлял я, неуступчивый, и слово у него не расходится с делом. Ему наплевать, что думают о нем. Я король Домас, говорили его манеры, и буду выглядеть так, как захочу. И в этом, на мой взгляд, скрывалась его некоторая недальновидность. Когда до нас добрался Бимус, во мне уже вовсю проснулись инстинкты торговца. Такой уверенный в себе человек, подумал я, по крайней мере выслушает, если предлагаемая сделка не содержит явных нелепостей. Затем мы поспешили к королю и все двадцать выстроились перед троном. Мы принялись было низко кланяться, думая, что так положено, но король взмахом руки остановил нас.

— Дело делается не поклонами, — сказал он, — а ясными позициями сторон и уважением друг к другу. — Он обратился к брату: — Что-то многовато церемоний развелось у нас при дворе. У меня от этих поклонов голова идет кругом.

Равелин рассмеялся от души:

— Но стоит только это прекратить, и ты увидишь, как много потеряешь.

Домас ласково посмотрел на него.

— Ты сегодня остроумен, — сказал он. Затем вздохнул. — А вот я нет. — Он посмотрел на Бимуса. — Придумай что-нибудь умное для меня, Бимус. Чтобы я его перещеголял. Ты у нас специалист по этой части. — Бимус прошептал, что обещает, а Домас вновь обратил внимание на нас. — Итак, это те самые парни, из-за которых и поднялась такая суматоха? Хорошая компания. Как по-твоему? — сказал он брату.

Равелин по-своему изучал нас. Глаза мага высматривали что-то, невидимое прочим, ненадолго замерли на мне, затем на мгновение дольше задержались на Яноше.

— Полностью согласен, — сказал принц. Он говорил почти так же громко, как и король. И улыбался он почти так же открыто, разве что в улыбке таилась хитрость. Мне он сейчас показался похожим на охотничью собаку, напавшую на свежий след добычи.

Король поднялся с трона и в сопровождении семенящего рядом Бимуса спустился вниз, чтобы рассмотреть нас поближе. Мы с Яношем напряглись, полагая, что он сначала подойдет к нам. Но вместо этого король прошелся вдоль строя, никого не выделяя.

— Крепыши как на подбор! — гудел он восхищенно. — Теперь понятно, почему им удалось это предприятие. И одеты исправно.

— Немного поисхудали, наверное, — заметил Равелин. — Да и поистрепались.

— А кто бы не исхудал, — возразил Домас, — совершив такое далекое путешествие в поисках нас? — Он взглянул на Бимуса. — Ты все еще думаешь? — Бимус сказал, что думает. — Хорошо, — сказал король. — Только пусть это будет весело, резко и в цель.

Затем Домас резко повернулся и замахал рукой, крича на весь зал:

— Друзья! Друзья! Прошу вашего внимания!

Его обращение раскатилось по огромному залу без помощи магии. Царедворцы без всякой необходимости подхватили крик:

— Король говорит! Король говорит!

Толпа застыла в ожидании.

— Я хочу, чтобы вы все поприветствовали этих парней, — сказал король. — Вы, вероятно, слышали, что я интересовался ими, и вот они здесь, во плоти. Они храбрые путешественники. И путешествие удалось на славу! Они прошли весь путь от Ориссы. Бросив вызов пустыням, бандитам и прочим опасностям.

Обращаясь к толпе, Домас продолжал расхаживать, и рядом терпеливо семенил Бимус.

— Не хотите ли поговорить с ними? И узнать, откуда такое величие духа?.. — Он помолчал. — Духа, которого многим из вас, к сожалению, не хватает.

Выражение озабоченности на его лице вновь сменилось улыбкой. Но в отличие от брата он улыбался широко и искренне.

Взгляд короля задержался на сержанте Мэйне.

— Скажите-ка нам ваше имя, — король указал на него пальцем.

Мэйн полиловел от смущения. Смущение усиливалось еще и тем, что он не мог сразу решить, как лучше представиться, с военным салютом или поклоном. Наконец Мэйн отсалютовал и молодецки гаркнул:

— Сержант Мэйн, ваше величество!

Король прокричал толпе:

— Слышали? Сержант Мэйн, он сказал. А я догадался о его звании. По боевым шрамам видно, что это храбрый сержант.

— Благодарю вас, ваше величество, — сказал Мэйн.

— Скажи нам, честный сержант, что ты думаешь о нас теперь, когда ты здесь? Как тебе понравился Вакаан?

Мэйн побурел, отыскивая достойный ответ. Наконец он выпалил:

— Изумительно, ваше величество! Просто изумительно!

Домас разразился хохотом.

— Слышали? — заорал он. — Он полагает, что мы… изумительные! — Он вновь расхохотался. — Простые солдатские слова. Побольше бы здесь таких.

Мэйн вспыхнул. Затем король спросил:

— А есть то, что тебе не понравилось? Что-нибудь… не изумительное?

Мэйн честно задумался, пока не отыскал небольшой изъян.

— Пища, ваше величество, — сказал он.

— Пища? — удивился Домас. — Что же тебе не понравилось в нашей пище?

— Да нет, ваше величество, в том-то и дело, что она великолепна. Но, прошу прощения, иногда я думаю, что она чересчур… роскошна.

Домас от этого ответа пришел в совершенное восхищение.

— И я тоже так думаю, сержант, — сказал он. — Они всегда возьмут кусок хорошего свежего мяса, а потом превратят его приправами да подливами неизвестно во что. В следующий раз заставлю приготовить без всей этой дряни. Хотя наши повара не умеют готовить без выкрутасов. А я их несчастный король.

Вмешался принц Равелин.

— Думаю, сержант, в лице моего брата вы обрели друга, — сказал он. — И я понимаю

почему. Вы человек в его вкусе.

— Благодарю вас, ваше величество! — сказал Мэйн. Домас уперся рукой в бедро.

— Ты не должен называть принца «ваше величество», — предупредил он. — Это все равно что перепутать офицера с сержантом. Величествен только король. А мой брат — принц. А принцы… — Он помолчал, подыскивая объяснение, затем лицо его вдруг прояснилось. — Принцы, — прокричал он во всеуслышание, — менее величественны!

И тут он расхохотался до слез. Толпа смеялась вместе с ним. Равелин изобразил кривую ухмылку. Бимус что-то прошептал Домасу. Тот кивнул и сказал:

— Это было остроумно, разве нет? А ты продолжай думать, Бимус. Вскоре мне еще что-нибудь понадобится. — Он стрельнул глазами на брата и фыркнул: — Доброе старое маленькое величество.

Продолжая смеяться, он поблагодарил Мэйна и пошел дальше, останавливаясь то возле одного нашего солдата, то возле другого, расспрашивая их и, в свою очередь, расхваливая. Наконец он встал передо мною и Яношем.

Он впервые обратил внимание на мои рыжие волосы.

— Итак, господин… Не говорите вашего имени. Я знаю… — Он нахмурился, вспоминая. Бимус зашептал ему на ухо, и Домас усмехнулся. — Ну конечно, Антеро… Амальрик Антеро.

— Для меня большая честь приветствовать вас, ваше величество, — сказал я.

Домас задумался, глядя на меня, затем сказал:

— Вы ведь торговец? — Я кивнул. — А торговцы, как правило, не относятся к храбрецам. Их больше заботит выгода. — Я сказал, что меня волнует не только выгода. Король оглядел меня с ног до головы, и я понял, что он этому поверил. Он сказал Бимусу: — Я хочу подробнее поговорить с ним. Выкрои нам немного времени завтра или в ближайшие дни. — На это последовал залп торопливого шепота со стороны Бимуса. — Я знаю, знаю, — сказал король. — Тем не менее сделай это для меня. Парень он больно хороший.

Покончив с этим, он обратился к Яношу:

— Я знаю и ваше имя. Вы Янош Серый Плащ, солдат и маг.

— Да, ваше величество, — сказал Янош.

— А кто же вы больше, Серый Плащ, воин или маг?

— Оба они помогали нам добраться сюда, ваше величество, — ответил Янош.

Король остался недоволен.

— Ну, ну, без увиливаний. У меня при дворе нет тайн. Все-все говорят без утайки. Как я. Как и мой… менее величественный брат, — он усмехнулся этой шутке.

— Я был солдатом всю мою жизнь, — сказал Янош. — Но в течение всего этого времени фактически служил только одному знамени. Это знамя — мечта о Далеких Королевствах, ваше величество. Ну а теперь, когда я здесь, больше всего меня, с вашего разрешения, привлекает магия.

Домас испытующе поглядел на него, медленно кивнул и сказал:

— Ну что ж, почему бы и нет? — Он обратился ко всем присутствующим: — На этом довольно. Теперь я хочу уединиться. Ну а вы возвращайтесь к тому, чем занимаетесь. К трате моих денег, надо полагать. А, да. Эти ребята погостят тут какое-то время, так уж вы окажите им полнейшее уважение. Понятно?

Толпа загомонила, и к нам обратились дружеские улыбки. Домас вернулся на трон, а остальные стали покидать зал.

Король, подумав минуту, сказал:

— Как я уже сказал, мне нравится, как вы выглядите. И понравится еще больше, когда я узнаю вас поближе. Хотя, впрочем, только время может сказать, прав я или ошибаюсь. А теперь вот что я собираюсь сделать. Бимус, ты здесь? Найдешь им место, где расположиться. Антеро и Серый Плащ, как почетные гости, наверное, захотят остановиться в каком-нибудь дворце. И что-нибудь не слишком… роскошное, — он усмехнулся, глядя на Мэйна, — для остальных. Ну а если я о чем-нибудь забыл или возникнут трудности, обращайтесь к Бимусу,

он все устроит.

Мы поклонились, рассыпая слова благодарности. Король кивнул, принимая их.

— Ну и соблюдайте наши правила. Ведите себя прилично, но не настолько прилично, чтобы растерять свое веселье. Кроме того, я хотел бы видеть вас естественными, и могу вам признаться, не нравятся мне чересчур уж скромные ребята.

Он посмотрел на Яноша:

— Вы, Серый Плащ, желаете, наверное, изучать нашу магию. Посмотрим, какой из моих магов захочет вас взять под свое крыло. — Он предостерегающе помахал перед Яношем пальцем: — Но не вздумайте заниматься черной. В моем королевстве эти демоны запрещены. И впредь я собираюсь держаться того же курса.

Янош в знак согласия опустил голову; глаза его разгорелись от предвкушения. И тут вперед выступил Равелин.

— Я был бы счастлив заняться им, брат, — сказал он. — Я слышал, что он удивительно талантлив.

— Я думаю, у тебя получится, — сказал Домас. — Да и мне будет приятно. — Он вновь посмотрел на Яноша. — Принц Равелин мой главный маг. И к тому же действительно хороший. Хотя и не настолько хороший, как он сам думает. На самом деле если бы я немного подучился, то превзошел бы его. Но в Вакаане не принято совмещать правление и волшебство. Так что мы с самого начала разделили с ним эти обязанности, и так будет впредь.

— К тому же я делаю за короля всякую грязную работу, — рассмеялся Равелин.

— И весьма неплохо с этим справляется, — сказал Домас. — Жаль только, что она доставляет тебе слишком большое удовольствие. — Затем он опять обратился к нам: — Я знаю, что в своем дворце он занимается этим черным искусством. И он знает, что я знаю, и так по кругу. К сожалению, это неизбежное зло. Нас окружает множество врагов. Только с помощью его нечестивых трудов нам и удается удерживать их в узде.

— Такая оценка, дорогой брат, просто потрясает меня, — сказал Равелин.

Король не обратил на него внимания.

— Что ж тут такого? Вы должны знать все, что знают мои подданные: мне весьма не нравится мой братец. Так же, как и он ненавидит меня. И мы только потому еще не убили друг друга, что все в Вакаане тоже это знают, так что тут у нас изначальный запрет на открытую вражду. Если только один из представителей королевского рода убьет другого или хотя бы подговорит на убийство своего вассала, тут же нашей династии придет конец, — король смешливо фыркнул. — Мой менее величественный брат более нуждается в том, чтобы убить меня. Видите ли, больше всего он хочет быть королем, а у меня десять детей, прямых наследников трона. — Он вновь рассмеялся. — Тебе придется совершить еще десять убийств, о мой менее величественный.

Равелин улыбнулся в ответ.

— Что же, буду наслаждаться моей грязной работой, — сказал он.

При такой словесной перепалке нам оставалось лишь сохранять спокойствие в этой очень неловкой ситуации, в которой проявлялась длительная и злобная вражда, и ничем не выдавать свое сочувствие той или иной стороне, хотя лично для меня выбор не составлял труда. Пока два высокородных господина вели сражение языками, я внимательно изучал Равелина. Юториан сказал, что принц являлся младшим братом. Мне же казалось наоборот: если Домас выглядел так, словно только что разменял четвертый десяток, то Равелин уже надежно зацепился за пятый. Его лоб над и под обручем-короной, менее широким, чем у Домаса, пересекали глубокие морщины. Под глазами набухли мешки в сеточках тонких морщин; чувственные губы говорили о любовном опыте. Его смех был раскатист, но все время имел какой-то ироничный и даже лукавый оттенок. Король же хохотал всегда искренне, как ребенок.

Моя неприязнь к Равелину не накапливалась медленно в процессе его изучения, она сразу же пустила корни и вымахала в полную высоту с первого взгляда. Если бы я взялся

описывать принца в следующую же минуту после того, как мы познакомились, мое перо и по сей день было бы отравлено ядом. Тогда получился бы портрет человека, носящего маску, под которой скрывается лицо коварного негодяя, добивающегося своей цели с помощью магии. И ему в самом деле приходилось тяжело, чтобы соответствовать своему брату, поддерживать любезное выражение лица и сдерживать эмоции, сохраняя такую мину. Выражался он резковато и был покладист лишь с королем. Но у меня на покупателя был наследственный взгляд купца, и этому покупателю я не доверял. Однако же недоверие может на равных правах с доверием участвовать в сделке, просто надо уметь ими пользоваться. Я глянул на Яноша и встревожился, видя, как он внимательно прислушивается к каждому слову Равелина. Хотя, впрочем, это было лишь вежливое внимание. Кроме того, теперь он собирается учиться магии у Равелина. Что лее тут странного?

Братья между тем закончили свару, и я не стал терять времени. Я привлек внимание короля и спросил:

— Позволено мне будет задать один вопрос, ваше величество?

— Валяйте, — сказал Домас.

— То, что мы имеем и будем иметь от общения с вами, очевидно. Но мне интересно — будет ли какая-то выгода от нас вам?

Домас даже вздрогнул. Откинув голову на спинку, он долго рассматривал меня. Затем рассмеялся и обратился к Бимусу:

— Помнишь, что я просил тебя выкроить время? Чтобы мы с Антеро потолковали?

Бимус прошептал что-то утвердительное. Домас сказал:

— Ну так выкрои побольше. — Он развел руки широко в стороны. — Немного побольше. — И повернул ко мне свое широкое лицо. — Вот тогда и поговорим. На этом наша аудиенция закончилась.

Глава двадцать третья
НЕВИДИМЫЕ ЧАСТИЦЫ

Королевское обещание не чета слову другого человека. Я, например, должен держать мое слово, иначе только дурак тогда будет продолжать со мной торговать. А король может себе позволить отступиться от слова и ни капельки от этого не пострадает. У него уникальное положение: даже если он выполнит одно обещание из десяти, все равно к нему будут пробиваться локтями сквозь толпу, чтобы добиться хоть такой малости. Король сам источник права, и выбирать — быть верным или нет собственному слову — в его власти.

И две недели спустя после того, как король Домас дал свое обещание, я все еще продолжал пробовать на зуб эту сомнительную монету, чтобы убедиться в ее истинной стоимости. Я так и не услыхал от Бимуса сообщения об обещанной аудиенции, несмотря на мои многочисленные запросы во дворец. Янош тоже слегка тревожился. Хотя ему обещание дал «менее величественный» принц, но и его послания к Равелину остались без ответа. Король Домас, по крайней мере, оказался верен слову в бытовой части обещания. Наши люди были с удобствами размещены на вилле недалеко от причалов, где помимо прочих развлечений попадались не слишком целомудренные девицы им на утеху. Яношу и мне отвели по целому дворцу, чтобы скрасить нам время, проводимое здесь. Но безмятежное и роскошное настоящее отгрызало потихоньку куски у будущего, и каждая секунда, проведенная в ожидании, становилась мучительной для нас.

— Я почти дошел до того, что согласился бы на отказ Равелина от своей затеи, — однажды сказал Янош. — Поскольку принц объявил, что я его ученик, никто из тех, кто обладает настоящим знанием, не отважится сказать мне ничего, кроме «доброе утро».

Я был рад, что Янош соглашается с моей неприязнью к Равелину, но дружба вынудила меня сочувственно вздохнуть.

— Оба наших августейших брата оказались недостижимы, как та гора, — сказал я, указывая на священную вершину, на которую открывался вид с моего балкона. Вообще-то в

моем дворце было много балконов, но этот стал любимым, поскольку именно с него было видно, как в голубой реке отражается Священная гора. — А я все призываю себя к терпению, — продолжил я. — Но если кроме терпения нет других шансов, такие призывы мало помогают.

Янош потянул себя за бороду и рассмеялся.

— Хороший ты друг, Амальрик. Но ведь и я твой хороший друг. И потому я чувствую, как в настоящий момент ты что-то от меня скрываешь.

Я пожал плечами и рассмеялся вместе с ним. Я высказал Яношу откровенное мнение о принце, но он отмахнулся от него.

— Если мне удастся поговорить с королем, — сказал я, — я попытаюсь убедить его, чтобы он предоставил… более надежного наставника для тебя.

— Если ты поговоришь с королем, — сказал Янош уже без смеха.

Я еще раз вздохнул.

— Н-да… если! Я уже ненавижу это слово. Как только задумаюсь, тут же выскакивает это «если» и ловит меня в капкан. Если мне удастся увидеться с королем. И если я все-таки увижусь с ним, если он выслушает меня… И если он выслушает, и если мне удастся убедить его… И если удастся…

— Я понял, — сказал Янош. — Но хватит. А то это слово начнет мне сниться. Если я смогу уснуть.

Смех немного рассеял наши переживания. Я устроился удобнее среди мягких подушек и вновь посмотрел на Священную гору. Я размышлял об алтаре старейшин, о котором упоминал Юториан, и о тех церемониях, которые совершали там воскресители, когда кого-то из них забирал к себе Черный искатель. Я представил себе огромный костер и дым от него, уносимый ветром на восток, как говорил Юториан.

— Почему на восток? — пробормотал я в задумчивости.

— Что на восток? — спросил Янош.

— Ничего, — сказал я, смущенный таким бесцеремонным возвращением к реальности. — Так, небольшие глупости, проистекающие от праздности ума.

Янош задумался о чем-то своем. Он махнул в сторону реки, которая по приказу магов текла безмятежно и величественно.

— Вакаанцы думают, что они прямо такие всех превосходящие люди, — сказал он, — и демонстрируют нам эти чудеса, как эта речка, чтобы доказать свое превосходство.

— Но она действительно потрясает меня, — сказал я. Янош фыркнул:

— Только масштаб и потрясает. А принцип столь же прост, как обыкновенное мыло. Наши воскресители тоже могут успокаивать небольшие участки водной поверхности вокруг кораблей, когда есть соответствующие условия. Точно так же мы пользуемся мешками с ветром, купленными на рынке, чтобы надувать паруса. Пусть это небольшой ветер, но ведь нет принципиальной разницы между нашим магическим укрощением ветра и их изменением погоды по желанию.

— И ты так смог бы? — спросил я. Янош пожал плечами:

— Да при соответствующей практике я вообще бы превзошел их. Но одно я пока не могу понять, откуда они берут необходимую для этого энергию. Даже если бы тысяча воскресителей собрались и сконцентрировались на одной цели, то и тогда они получили бы только одну десятую необходимой энергии.

— Но наши воскресители послабее их, — сказал я.

— Ерунда, — ответил Янош. — О, я согласен, у них больше знаний, а Равелин обладает еще и собственной естественной мощной энергией. Но у меня ее не меньше, а я способен на гораздо большее. — Я понимал, что сейчас он не хвастает. — Но даже если бы все воскресители были бы столь же могущественны, как Равелин, все равно полученной энергии недостаточно. Следовательно, они должны ее откуда-то брать. Ну а когда я узнаю откуда, то и сам смогу брать оттуда же.

— Но мы видели нечто большее, чем только река и погода, — сказал я. — Куда ни

глянь, повсюду примеры удивительного волшебства.

— Игрушки и забавы для таверны, — фыркнул Янош. — Повторяю, все дело только в масштабах. Для всех заклинаний, результаты которых мы видели, уже давно известны правила. Если бы — опять это проклятое слово — мне позволили взглянуть в манускрипты их древних магов, я бы тоже выделывал такие фокусы.

— И тебя здесь вообще ничто не впечатляет? — спросил я.

— Наоборот, я чуть ли не в отчаянии. Я видел так много, что чуть ли не болен, стремясь к их познаниям. Например, знаешь ли ты, что они могут производить золото из чего угодно?

Я рассмеялся:

— А тебе что за забота? Насколько я знаю, золото тебя интересовало лишь как средство для достижения одной цели.

Но Янош ответил серьезно:

— Дело не в ценности. Ведь они делают его из песка, из такого обычного вещества, которого кругом полно. И делают это с такой легкостью и в таких количествах, что могут себе позволить применять золото в обычных вещах. Они даже предпочитают ювелирные украшения из сплавов, которые не столь мягки. Вот что меня интересует.

— Но я однажды видел, как ты превращал скорпиона в мышку, — сказал я. — А Мортациус из этой мышки сделал золотое блюдо. Что же удивительного, что его делают из песка?

Янош задумался, как объяснить сложную вещь непросвещенному, человеку.

— Я не изменял скорпиона, чтобы он стал мышкой, — сказал он наконец. — Я отставил скорпиона в сторону. В другое… место, если можно так выразиться. Я не видел это место, оно находилось у меня в мозгу. И, умом отыскав это место, я открыл его, а затем положил туда скорпиона, как в коробочку. Так же я взял мышку. Хотя и из другого места. Возможно, это несчастное создание было взято из кухни Мортациуса. А может быть, и… из другого мира.

Он посмотрел на меня, стараясь понять, ясно ли мне. Я был настолько невежествен, что решил, что мне все ясно, и кивнул.

— Хорошо, — сказал Янош. — Итак, ты видишь, это было некое подобие обмена. А золото Ирайи — совсем другое дело. Они на самом деле как-то манипулируют с песком. То есть они действительно получают золото из песка. Превращают его частицы в частицы золота.

— Но самая маленькая частица песка, — сказал я, — это песчинка.

— Не совсем, — сказал Янош. — Я не хотел бы, чтобы у тебя сложилось мнение, будто я это знаю наверняка. Просто одна из моих новых теорий. Она пришла ко мне, когда я стал размышлять над тем, что им удалось сделать и каким образом это сделано. И я думаю теперь: все, что мы видим вокруг нас, — этот стол, этот балкон для отдыха, эта гора, даже наши собственные тела — сделано из одинаковых частичек, настолько маленьких, что по сравнению с ними песчинка выглядит горой. И формы тел зависят от разного порядка расположения в них частиц. Я думаю, что вакаанским магам каким-то образом удается менять этот порядок в песке и тем самым получать золото. И это действительно золото, без остатков того материала, из которого оно получено. Я протяжно выдохнул.

— Я следил за твоей мыслью, сколько мог, друг мой, — сказал я. — Но боюсь, что потерял ее в том месте, где ты сказал, что песчинка — это не одно тело, а куча еще более мелких частичек, которые я уже не могу рассмотреть.

— Если ты понял только это, — с улыбкой сказал Янош, — ты понял все. Сейчас ты столь же мудр, как и я, — он вновь помрачнел. — Ты только не подумай, что я недооцениваю достижений этого народа. Я нисколько не преуменьшаю их достижений. Просто рассматриваю их развитие в перспективе. Здесь много действительно стоящих тайн. И я не сомневаюсь, что здесь немало умных людей. Вот мне бы только встретиться с ними. Если бы мне разрешили.

Я расхохотался, чувствуя, что эти «если» захватили и его. Янош понял и тоже засмеялся. Затем он глянул мимо меня, я услыхал на балконе чьи-то шаги, обернулся и увидел своего нового здешнего слугу с письмом.

— Что это? — спросил я, протягивая руку. Слуга покачал головой, говоря:

— Извините, мой господин, но это не вам. Это для господина Серого Плаща.

Янош торопливо схватил послание, едва пробормотав слова благодарности. Когда он прочитал бумагу, озабоченность на его лице сменилась ликованием.

— От кого это? — спросил я. Янош победно взмахнул листком.

— От принца Равелина! — вскричал он. — Он хочет видеть меня немедленно! — Янош вскочил и обнял меня. — Ну наконец-то. Он один из тех умных людей, с которыми я мечтал пообщаться. Теперь-то мы увидим то, что мы должны увидеть.

Он торопливо попрощался и помчался, бросив через плечо обещание обязательно рассказать все, что узнает. Я сидел, мрачно наблюдая, как Янош выскочил из дворца и помчался к своей гондоле, привязанной у моего причала. К моему мрачному настроению примешивались ревность и подозрения относительно намерений Равелина. И я уже не видел ничего смешного в этом горьком нескончаемом припеве: если бы только король принял меня. Если бы только он принял меня, если бы…

Но припев оборвался, когда я вдруг увидел, что навстречу лодке Яноша идет другая и как раз к тому причалу, от которого он только что отошел. На бортах у нее были королевские гербы. Когда она подошла к берегу, из нее, не дожидаясь, пока лодку должным образом привяжут, выпрыгнул какой-то человек. Я пригляделся, навалившись на перила, и увидел маленького человечка с непривлекательной внешностью, который карабкался по ступеням к дверям моего дворца. Я узнал его — это был Бимус. Он приехал, чтобы пригласить меня к королю.

Меня прямиком провели в личные апартаменты короля. Я почти не обращал внимания на великолепие покоев, пока шел по коридорам; мысли были заняты фразами, которые я сочинял соответственно случаю и тут же отбрасывал. Долгий путь и переживания от слишком долгого ожидания начисто запутали все мои предварительные планы.

Я почти не заметил огромных дверей, перед которыми мы в очередной раз остановились, не заметил я и того, что возле них нет стражи. Я просто воспринял эту дверь как очередное препятствие и протянул руку, чтобы толкнуть и открыть. Шепот Бимуса остановил мою руку. Приложив палец к губам, он приставил ладонь к уху, предлагая и мне прислушаться.

И тут я услыхал доносящиеся из-за двери звуки дивной музыки. Негромкая мелодия флейты зачаровывала сразу так, что, услышав лишь малость, хотелось еще и еще. Бимус жестом предложил следовать дальше, прочь от этих дверей, по длинному узкому коридору, кольцом опоясывающему королевские покои. Мы подошли к небольшой двери, вошли в нее и оказались в вестибюле, отгороженном от остального помещения портьерами. Та же музыка зазвучала громче, став от этого еще более чарующей. Бимус раздвинул портьеры и пригласил пройти. В покоях стоял полумрак, но я сразу увидел грузную фигуру, в которой без труда узнал короля. Он сидел спиной к нам, подперев голову рукой. Бимус подтолкнул меня вперед, и я, споткнувшись, подошел к свободному креслу рядом с королевским. Домас, похоже, не расслышал, как я запнулся, не обратил он внимания и на то, как вздохнули подушки, когда я уселся. Бимус неслышно устроился на своем месте слева от короля. Мне стало неловко от королевского молчания, но тут я разглядел, что глаза его закрыты, а на губах плавает легкая улыбка. Затем мое внимание вновь привлекла музыка, и теперь я смог рассмотреть, кто же извлекает столь сладостные звуки.

Сначала я увидел только ее увеличенную тень на темно-красном занавесе позади. Она сидела боком ко мне, прижав флейту к губам. Руки ее были длинными и тонкими, особенно в запястьях, а пальцы изгибались, порхая над инструментом, как птички. Волосы, зачесанные назад, открывали прекрасный профиль, ее ресницы трепетали, а верхняя губа подрагивала, когда девушка делала вдох. Сцена была слабо освещена, что делало искусницу загадочней и

прелестней. На ней было простое белое платье, перетянутое золотым пояском. Руки обнажены до плеч, а вокруг шеи сделан неглубокий скромный вырез. На первый взгляд, черты ее лица были резки, словно высеченные скульптором из твердого камня, но потом становилось заметно, что они смягчены и утончены, словно остаток жизни скульптор провел за их полировкой. В этом освещении волосы ее казались темными, но, когда она чуть изменила позу, я разглядел, что волосы рыжие, прямо как у меня.

Король прошептал:

— Разве это не чудесно?

Он словно слышал мои мысли. Глаза у него оставались закрытыми. Риторический вопрос касался конечно же музыки, а не исполнительницы. Хотя кто знает?

Я всегда предпочитал музыку всем остальным искусствам, но эта музыка, кажется, была уже божественным, а не человеческим творением. Звуки флейты были тем воздухом, которым я дышал, наполнили паруса небесного корабля, на котором я плыл в страну еще более прекрасную, чем Далекие Королевства. Я еще никогда не чувствовал себя таким счастливым, и я хотел навсегда остаться на этом корабле.

Музыка слегка изменилась, и я вновь вернулся в королевские покои, прислушиваясь к новой мелодии. Странное чувство охватило меня. Мне казалось, что я знаю, что произойдет дальше. Каким-то образом я понял, что сейчас флейтистка поднимет голову, и, когда она действительно так сделала — не выпуская инструмент из губ, — я понял, что сейчас ее взгляд ищет меня. Озноб, который охватил меня, когда наши взгляды встретились, был сильнее, чем от осознания того, что я до этого предугадал ее действия. Я был уверен, что и она потрясена, увидев меня, и даже подался вперед, когда мне показалось, что музыка задала мне вопрос. Ноты звучали настойчиво, но одновременно робко: тревога, пробивающаяся сквозь тайную боль. Музыка пыталась отыскать ответ во мне, и, если бы это удалось, артистка была бы счастлива. Меня вдруг окатила волна счастья, и я увидел, как заблестели глаза девушки, а я ощутил нежность к этим любимым и таким знакомым пальцам, которые могли быть только пальцами моей Диосе. Но вдруг образ Диосе исчез, а пальцы флейтистки словно обожгло жалом вины. Я попытался отшвырнуть от себя эту музыку, словно внезапно появился ядозубый демон, грозящий заточить меня в неподвижном одиночестве в той пещере, где я пребывал так долго. Глаза женщины отразили такой же болезненный шок, и все тело ее обмякло, словно ей невыносимо тяжело было играть эту преисполненную чувств мелодию. Затем она собралась с силой и подхватила ноты, словно камни, чтобы швырнуть их в предателя своей любви. Но как я ни заставлял себя не смотреть, все же я увидел, как она внезапно кивнула мне и сменила злость на манящую улыбку глазами.

В покоях надолго воцарилась тишина, та тишина, которой почитают великую артистку. Я слышал, как король что-то одобрительно шепчет. Исполнительница встала, благодарно поклонилась и исчезла за портьерой. Но как раз в тот момент, когда резко вспыхнул свет, она успела послать мне прощальный взгляд; он поразил меня выражением сожаления от расставания, и тут она исчезла. Я повернулся к королю, потрясенный, но исполненный решимости набраться сил и добиться-таки своего. Он посмотрел на меня, сначала как бы даже не узнавая, но тут же взгляд его смягчился, и король улыбнулся.

— Это была Омери, — сказал Домас.

Я вновь испытал озноб от пережитых чувств.

— Благодарю вас, ваше величество, — сказал я. — Теперь я знаю, чье имя превозносить, когда буду рассказывать товарищам о том, какую удивительную музыку довелось мне послушать.

Домас рассмеялся и коснулся моего колена.

— Ну, ну, боюсь, ты чересчур увлекся. И не только музыкой, как я подозреваю. — Я начал отнекиваться, но он еще больше развеселился. — Да что ты, напротив. Своей игрой и красотой она могла бы не привлечь только полного болвана. Но скажу тебе, как добрый человек: Омери не куртизанка, если вдруг ты так подумал. Она одна из самых прекрасных артисток моего королевства и сама выбирает, кто ей нравится.

Еще сильнее заикаясь, я поблагодарил его за информацию, в которой действительно нуждался. Но король оставил эту тему и обратился к делу.

— Ты хотел бы открыть торговлю, — сказал Домас напрямую, как обычно. — И я скажу тебе прямо — без намеков и экивоков: я смотрю на это с одобрением.

— Это такая честь для меня, и мне, как и всей Ориссе, очень приятно согласие вашего величества, — сказал я. — Но что я должен пообещать вам, чтобы ваше одобрение превратилось в письменный договор?

Домас подтолкнул Бимуса.

— Цена этого парня растет на глазах. — И король дружески ткнул меня в ребра большим пальцем. — Если бы он не был торговцем, я сделал бы его советником. Ты заметил, как он сразу берет быка за рога, особенно не задумываясь о церемониях? — Бимус прошептал, что он заметил. Король обратился ко мне: — А теперь я хочу, чтобы ты сам ответил на тот вопрос, который задал мне при нашей первой встрече. Я попрошу Бимуса напомнить твои слова.

Бимус зашептал на ухо королю. Домас, как рупор, передал мне мои же собственные слова:

— То, что мы имеем и будем иметь от общения с вами, очевидно. Но мне интересно — будет ли какая-то выгода от нас вам? — Король оттолкнул Бимуса. — Вот и ответь на это. И ответь как следует.

Я рассмеялся, не смущаясь присутствия короля, поскольку король так же бесцеремонно поступил с рогами быка, как и я. И он обрадовался, что я реагирую так открыто.

— Хорошо, ваше величество, попытаюсь, — начал я. — Не буду прикрывать наши нужды восхвалениями нашего города и его торговцев, доказывая, что с нами торговать выгоднее, чем с кем-либо еще. Не буду я расхваливать и достижений моего семейства и его честную репутацию. Вы обо всем этом знаете, иначе я не находился бы здесь; а если бы и не знали, все равно эта информация не того рода, которая вас бы привлекла. — Король кивнул, а я, воодушевленный, продолжил: — Мною руководит не прибыль, ваше величество. И не прибыль руководила моим народом, пославшим меня снискать вашего благоволения. А хочу я вот чего. И постараюсь изложить это так ясно, как смогу.

Я рассказал ему об Ориссе и тех честных людях, которые построили ее. Я поведал ему о наших мечтах и надеждах, как и о наших пороках. Я описал ему наши бедствия, особенно последних лет, честно не забыв и свои собственные потери и горести. Признался в том, что когда плыл вверх по их реке и оглядывал все эти чудеса, как я страстно хотел, чтобы и мой народ был освещен и согрет существованием таких чудес и был бы так же защищен от врагов. Я все рассказывал, не колеблясь и не желая думать о том, что король может за эту откровенность просто принять меня за дурачка. Когда я покончил с этим вступлением, я откинулся на спинку кресла, чтобы перевести дыхание, а заодно и посмотреть, какой эффект произвели мои слова.

Домас молчал долго, так что я подумал, что, может быть, мне удалось его растрогать. Наконец он сказал:

— Вот теперь я по-настоящему понял, зачем ты прибыл сюда, Амальрик Антеро. Почему вы все были готовы рисковать жизнью, а может, и большим. Твои доводы и желания вовсе не оскорбительны для королевства, как и цели вашего путешествия. Мы с тобой похожи, ибо такие же чувства, как ты, я испытываю к моему народу. Хотя иногда мне кажется, что мои подданные не помнят, что я делаю для них, но я делаю. — Он усмехнулся. — Разумеется, я не такой уж альтруист, каким хочу казаться. Я король. А короли эгоистичны по натуре. Приходится заниматься и грязной работой, вот почему мой брат находится рядом, а не заточен в какой-нибудь башне. Он мой цербер. Он служит моей эгоистичной натуре, которая хочет, чтобы имя мое восхваляли, и он натягивает вожжи, когда среди нас объявляются смутьяны.

Он замолчал, когда Бимус зашептал ему что-то на ухо. Он кивнул, бормоча:

— Да. Да. Я дошел до этого. — Он продолжил: — Бимус напоминает мне, что твоя

речь, в целом весьма приятная, оказалась слабовата в отношении главного пункта. Должен признать, я испытываю жалость к твоему народу и его проблемам. Но, Амальрик Антеро, мне-то и всему Вакаану что с того?

— Да все, ваше величество, — ответил я. — Поскольку без нашего содействия вы не найдете ничего для себя ценного в той торговле, которую предлагаю я.

— Ну так покажи тогда свои товары, купец.

И вот я открыл лавку моего воображения и заполнил ее различными вещами. Я рассказал ему о ноздреватом камне с севера, из которого тамошние жители высекают идолов, которые перед дождем испускают благоухание. Я рассказал ему о нежных раскрашенных тканях, которые ткут женщины юга, и как каждый рулон отличается от другого, и о том, как по-новому чувствует себя тело в одежде из этой материи. Я рассказал ему о громадном разнообразии вин, фруктов и овощей, которые прибывают в Ориссу из заморских стран. И хотя в Далеких Королевствах я вижу изобилие, но их кухне не помешает большее разнообразие. Вот почему, поделился я, ваши повара так изощряются в приготовлении различных соусов и приправ, у них ограниченный выбор продуктов. Говорил я долго, но Домас не проявлял признаков усталости, пока я разворачивал перед ним коммерческую карту всех известных в Ориссе стран и народов, всех чудес столь же далеких для Вакаана земель, как и его Далекие Королевства были для меня.

Закругляясь, я закончил следующим:

— Не буду провидцем, ваше величество, если скажу, что вы скучаете в ваших изолированных и защищенных краях. Да я и сам слышал, как вы страшитесь, что ваши люди теряют боевой дух, что у вас тут пахнет затхлостью. А у товаров, которые я предлагаю для торговли, есть три качества за одну цену: волнующие кровь путешествия, жажда познания неизведанного и голод по недостающим приключениям. — Я был взволнован собственной речью. — Вот почему, ваше величество, я уверен, что в этой сделке вы приобретете не меньше нашего. Вот почему я уверен, что этот договор будет иметь для нас обоюдную ценность.

Глаза короля Домаса показали, что он тоже взволновался. Он кивнул сам себе, затем еще раз и еще. Я решил, что победа за мной. Но тут осторожность взяла верх над королем, взволнованный блеск исчез.

— Но в Вакаане не может быть места торговле, — сказал он. — Появление иноземцев, как неустанно предупреждает мой брат, может вызвать недовольство нашего народа.

— Мы легко сможем открыть нейтральную торговую точку, — сказал я. — Место, удобное для обеих сторон.

— Да, можем, — сказал Домас, но голосом тоже достаточно нейтральным.

И тут я широко и беспомощно развел руки, говоря:

— Что же еще я могу сказать, чтобы убедить вас, ваше величество? Я уже воспользовался всей той малой премудростью, которую вбил в мою тупую голову мой отец.

К королю вернулось веселье. Он захохотал, хлопнув себя по колену. В его глазах вновь загорелось возбуждение.

— Ничего больше, мой добрый приятель, — сказал он. — Ты хорошо потрудился для своего города, и тебе не за что стыдиться. Мне нравится твое предложение. Настолько нравится, что я готов одобрить его сразу. Однако… — он оборвал себя, поскольку Бимус стал ему что-то нашептывать. — Однако, как говорит Бимус, прежде чем мы поставим печать на соглашение, надобно рассмотреть все детально.

— Я думаю, это наиболее мудрое решение, ваше величество, — сказал я вставая, поскольку и без намеков понимал, что пора удалиться, — Как говорил мой отец: «Все сделки при первом ударе по рукам ярко светятся, но большинство из них превращаются в куски холодного тусклого льда, когда кладешь их в карман».

— Мудрый человек, — сказал король.

— Благодарю вас, ваше величество. Он действительно был мудрым человеком. Ну а теперь, с вашего позволения….

Я начал отступать к двери. Домас поспешно махнул рукой, а Бимус спрыгнул с кресла, чтобы проводить меня.

— Ну и как, получилось у меня? — спросил я, когда мы оказались в коридоре. Бимус прошептал, что да, мол, разумеется, получилось, и даже очень хорошо. По этому ответу я понял еще и то, что этот маленький человечек на моей стороне. Для одного дня удач было чересчур много.

Я рассказал Яношу о нашей встрече со всеми подробностями, умолчав лишь о музыке и Омери. Закончив рассказ, я понял, что он заметил упущения в нем. В обычной ситуации Серый Плащ выжал бы из меня недосказанное, и мне пришлось бы признаться. Но сегодня и у него были новости, которыми ему предстояло поделиться. Но для начала он оценил проделанную мною работу, не нашел в ней ошибок и похвалил меня, а я заверил его, что надеюсь довести ее до счастливого конца.

Когда же я начал его расспрашивать, как прошла его встреча, он с таким энтузиазмом принялся излагать, что даже стал заикаться. Он пытался рассказать мне сразу о всех чудесах, которые продемонстрировал ему принц Равелин. Наконец он выбрал один момент для более подробного рассказа: заклинание из манускриптов старейшин, которое превращает воду в лед.

— И это вновь была манипуляция! — вскричал он. — Как с превращением песка в золото, но не так сложно, поскольку вода… — И тут он стукнул себя по голове. — Клянусь богами, теперь я понял! — заорал он, оживившись еще сильнее, словно поймал за хвост постоянно ускользавшую мысль. Но тут же Янош покачал головой, когда мысль опять пропала. — Ну вот, опять потерял! — Он поддал взгляд, увидел растерянное выражение на моем лице и расхохотался. — Не обращай внимания. Бывает. — Он подлил вина. — Равелин приглашает меня завтра и послезавтра. Так что впереди меня ждет многое.

— Так он рассказал тебе о своем источнике энергии?

Янош помрачнел:

— Нет… Не рассказал.

Он был разочарован, и это меня обрадовало. Зря я тревожусь, что Равелин втянет его в какие-то темные дела. А Янош поднял свой бокал:

— За Далекие Королевства!

Я отозвался эхом, как в прежние дни:

— За Далекие Королевства!

С этих пор я погрузился в светскую жизнь Ирайи. Аудиенция у Домаса открыла мне поток различных приглашений: я ел и пил за столами у благородных господ, разучивал новые танцы в бальных залах и смущался от тех почестей и подарков, что обрушились на меня. По ночам я плавал по серебристым каналам-улицам этого грандиозного освещенного города и, обнимаясь с новыми друзьями, во всю глотку распевал песни. Днем я бродил по изумительной красоты паркам и совершенно поразительным музеям, где было представлено искусство Вакаана. Однажды я увидел Омери — она рассматривала статую великого арфиста. Мистическая связь между нами вспыхнула моментально, Омери ощутила мое присутствие и уже начала поворачивать голову в мою сторону… Но внезапно я вспомнил о ране, нанесенной смертью Диосе, и быстро пошел прочь, пока Омери не увидела меня.

Эта встреча словно пробудила меня от забытья, и я вновь начал тревожиться, Подписание договора с Домасом все откладывалось, и меня не звали на следующую встречу с королем. Я заваливал дворец посланиями. На некоторые из них вообще не реагировали, на большую же часть приходил краткий ответ: «Вы должны понимать, что дело это непростое». И просили меня набраться терпения.

В этой борьбе с бюрократией и в светских развлечениях я как-то не сразу обратил внимание на то, что давно не вижу Яноша. На отправленные в его дом приглашения я получал примерно такие же ответы, что и на послания к королю. Слуга Яноша, Гатра, постоянно отвечал, что сожалеет, но господин занят с принцем и приказал не беспокоить. Может быть, в другой день? Но наступал к другой день, и оказывалось, что опять я выбрал

неподходящее время.

Наконец я отправился в таверну, где любили бывать наши ориссиане. Она располагалась в шумном районе у озерных пассажирских причалов. После долгого пребывания среди роскоши Ирайи вид обыкновенных домиков и гомон простого люда как-то освежали. А может быть, я просто соскучился по торговому порту Ориссы с его смесью запахов и звуков и ощущением того, что все здесь равны, будь то рыбак, торговец или грузчик.

Сержант Мэйн и остальные пришли в восторг, увидев меня. Лион взмолился, чтобы я убрал свои денежки подальше, и сам купил всем посетителям выпивки в мою честь. Пока мы выпивали и обменивались новостями, я убедился, что нашим ребятам живется тут недурно. В их компании было много симпатичных женщин и юных девушек. Мне даже показалось, что кое у кого из ориссиан вроде бы затеваются и браки, и шутливо поинтересовался, кто из них останется здесь, а кто вернется домой, когда придет время отправляться восвояси. Посетителями таверны в основном были местные рабочие и матросы. Но даже здесь, в этом благословенном городе, за столиками можно было заметить несколько криво ухмыляющихся рож мелких воришек. Сержант поинтересовался, как дела у Серого Плаща.

— Я надеялся, что ты расскажешь мне, — сказал я. — Я его уже давно не видел.

Мэйн нахмурился, но потом усмехнулся:

— Вы же знаете, мой господин, каким временами бывает господин капитан. Он же иногда забивается как барсук в нору, если какая-то мысль его поглотила. Не беспокойтесь. Так или иначе, он выберется повеселиться со старыми друзьями.

— Но, может быть, кто-нибудь слышал, чем он занят? — спросил я.

Лион игриво сверкнул глазами.

— Ох, не думаю я, чтобы все это время он был занят только наукой да делами. Серый Плащ парень не промах. — Он подмигнул мне. — Если не сказать больше.

Мэйн кивнул:

— В самом деле, господин Антеро. Может быть, Серый Плащ закрутился на вечеринках. Просто чтобы развеяться. Почему бы не позабавиться?

— А не связаны ли эти… гм… вечеринки каким-то образом с принцем Равелином? — спросил я, зная уже ответ, но надеясь на ошибку.

Воцарилось неловкое молчание. Наконец Мэйн сказал:

— Что ж… мне кажется, да, мой господин. — Он нахмурился и вздохнул. — И я слышал, что уж больно нечестивые у них занятия. — Но тут же он нервно рассмеялся. — Но тревожиться, мне кажется, не стоит. Это всего лишь преходящий каприз. Я не думаю, чтобы капитан Серый Плащ поддался влиянию принца Равелина.

Послышался чей-то пьяный окрик:

— Что это за собачье имя я тут слышу? Принца Равелина, не так ли? — К нашей группе, покачиваясь, подошел здоровенный краснорожий малый. — Это моя таверна, господа. И я не хочу, чтобы стены моего дома поганило это имя.

Я поглядел на этого хозяина, заинтересованный, чем вызвана такая ненависть. Да и все остальные посетители повернулись к нам. Мэйн счел за лучшее сделать хозяину предупреждение:

— Послушай, приятель, мы пришли сюда по-дружески выпить и поболтать. А если ты собираешься обсуждать тут политику, то мы найдем себе другое место.

Хозяин таверны выглядел здорово пьяным и агрессивным.

— Если мне хочется назвать принца собакой, так я назову, и будьте вы прокляты! Хотя даже собаке должно быть стыдно за то, что натворил этот человек!

Ему не дали продолжить. Несколько его приятелей-клиентов вцепились в него, пытаясь увести. Он вырывался и отбивался, но его все же оттащили. Две женщины — как я подумал, жена и дочь хозяина — вывели его из зала, закрыв за собой дверь. Но все равно из коридора в глубине дома еще какое-то время доносился поток ругани в адрес принца и его деяний.

Мы чувствовали себя неловко и тревожно после такой вспышки ненависти, причем

больше, всех встревожился Мэйн. Он нервно огляделся. Я тоже это сделал и заметил, что те парни, которые до этого криво ухмылялись и которых я принял за мелких воришек, теперь лишь пьяно таращились друг на друга, плохо изображая полное отсутствие интереса к происходящему.

— Пожалуй, нам надо отыскать другую таверну, да поскорее, — пробормотал сержант, обращаясь к Лиону. — Этот хозяин устроит нам неприятности.

Лион согласно кивнул.

— Послушайте, — сказал я, — ну я согласен, что этот парень грубиян. Но какие же от него могут быть неприятности? Может быть, его слова кому-то и неприятны, но король сам приветствует, когда его подданные говорят что думают. Даже требует. Да ведь ты же сам это слышал от него.

Мэйн неловко заерзал. Затем наклонился ко мне поближе и тихо заговорил:

— Король-то может сказать такое, мой господин, но здесь, — он похлопал по столу, — эти слова ничего не значат. И, судя по тому, что я слышал, внизу все выглядит не так, как говорится наверху.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи, — заинтересовался я. Мэйн покачал головой:

— Распространяться об этом долго неразумно, мой господин. Тут кругом уши. — Он указал на одного из этих якобы пьяных, который уже подсел к нам поближе. — Но я все же скажу. Может быть, добрые намерения короля наталкиваются на иные намерения другого человека. И этот другой, а вы понимаете, кого я имею в виду, весьма обидчив. И темные дела случаются, как известно, когда порочат его имя.

Я хотел расспросить подробнее, но слухач уже сидел совсем близко, по-прежнему выказывая спиной полное равнодушие. Поэтому я громко сказал:

— Ну что ж. Позвольте теперь мне угостить вас. И давайте выпьем за наших радушных хозяев.

Мой тост поддержали, а потом Мэйн подмигнул мне, показывая жестом, чтобы я уходил, а они последуют за мной через некоторое время.

Я вернулся домой в большой тревоге. Что же это за «вечеринки», как их назвал Мэйн, которые устраивает Равелин? Оргии, наверное, сексуальные забавы и шокирующие магические фокусы. Я знал, насколько привлекательны такие штуки для Яноша. Да к тому же я своими собственными глазами только что убедился, что не все так уж светло и чудесно в Ирайе.

Но тут я вспомнил о важности торгового договора с королем. Я знал, что Домас не лгал относительно своих интересов и не замышлял ничего темного. Надежда вновь выросла во весь рост. Ведь я ничего тревожного не видел, а только слышал. И не то что я не доверял словам Мэйна, но ведь он и сам их получил из третьих или четвертых рук. Да к тому же, может, и антипатия к Равелину так действует на меня? В конце концов, на чем она основана, эта антипатия? Принц ничем ее не заслужил в моих глазах.

И пока я боролся со своими сомнениями, вновь появился Янош. Он просто ворвался в мой дворец, излучая энергию, ум и хорошее настроение.

— Как же я скучал по тебе, друг мой! — воскликнул он, хлопая меня по спине. — Я так зарылся в пыль манускриптов и наслушался столько заклинаний, что, боюсь, мои уши уже просто невосприимчивы к нормальной беседе.

— Так твои занятия были успешными? — спросил я.

— Чертовски успешными, — сказал Янош. Манеры у него всегда были грубоватые, но сейчас я ощутил, что он немного обезьянничает, копируя наигранно-бесхитростное поведение, модное в королевской семье. Но подозрение пропало, когда он снова хлопнул меня по спине и сказал, что мы должны посмотреть, что делают наши люди, и выпить с ними по рюмочке.

Мы нашли их в другой таверне, такой же большой и столь же излюбленной матросами и рабочими. Теперь, с Яношем, нас опять стало двадцать, и встреча была шумной и радостной. Воспоминания об испытанных вместе приключениях были более чем

достаточным поводом, чтобы напиться. Но пока мы совсем не окосели, Мэйн успел переговорить со мной с глазу на глаз.

— Помните того болтливого хозяина таверны? — спросил он.

— А, той? — Он кивнул. Новая таверна мне нравилась больше. — И хорошо, что вы там теперь не бываете. Эта ничуть не хуже.

— Так вот, он исчез тем же вечером. И с тех пор о нем ни слуху ни духу. А таверну приказали закрыть.

— А кем подписан приказ? — спросил я.

— На документе этот начальник не проставил своего имени, — сказал Мэйн. — Но всякий знает, что это не кто иной, как принц Равелин.

Глава двадцать четвертая
ОМЕРИ

Встречи Яноша и Равелина, кажется, прекратились, но с моим другом я по-прежнему виделся редко. А в моем дворце вскоре объявился Бимус. Он сказал в обычной своей таинственно-шепчущей манере, что король занят важными делами, но не более важными, по мнению Бимуса, чем наше с ним дело. И обсуждение договора стоит уже следующим в очереди.

— А вы не могли бы хоть намекнуть мне, к какому решению склоняется король? — спросил я.

Вместо ответа Бимус пожал плечами, но при этом уголок его рта дернулся в ухмылке, которую я расценил как ободряющую.

— А когда он объявит о своем решении? Хотя бы приблизительно?

Еще одно пожатие плечами, и при этом без ухмылки. Это должно было означать, что он точно не знает.

— Но хотя бы не очень долго ждать?

Бимус на секунду задумался, затем помотал головой — не долго.

После его ухода я чувствовал себя более обнадеженным. Я отправил послание Яношу, полагая, что нам надо обсудить наши дела и перспективы. Но, увидев знакомое выражение на лице его слуги Гатра, я не стал дожидаться ответа, сообразив, что Янош вновь занят. Я окликнул своего лодочника и отправился в праздное путешествие по Ирайе.

Вид воды всегда успокаивал меня, и я несколько часов провел в одиночестве, лишь с лодочником, плавая по каналам. Ближе к вечеру я оказался в одном из тех районов, где мне еще не доводилось бывать. Это был почти самый центр города. Каналы здесь сужались, проходя под густо нависшим сводом ветвей деревьев, в воде колыхались изломанные отражения растений. Дома, хоть и явно принадлежащие далеко не беднякам, были небольшими, но каждый имел свои индивидуальные архитектурные особенности. Я вдыхал запах свежей краски, только что обтесанного камня, недавно обработанной древесины.

Так мы плыли среди лабиринта каналов, а в домах начали зажигаться огни. В освещенных комнатах виднелись красивые ковры и картины. Тут же попадались мастерские, где за работой сидели художники. Лодочник указал мне на открытый двор скульптора, где в творческом беспорядке стояли его произведения в разной стадии завершения.

Мы свернули в тихий, уединенный канал, и я откинулся назад, прислушиваясь к пению птицы над головой. И тут я с внезапным уколом сердечной боли понял, что мелодию выводит не птица. Исполнение не оставляло никаких сомнений: это была Омери. Я неожиданно севшим голосом велел лодочнику, чтобы он поворачивал назад, но тот, слишком увлеченный музыкой, казалось, не слышал меня. Вдруг я понял, что флейта почувствовала мое присутствие, потому что зазвучала та самая мелодия, которую я уже слышал во дворце Домаса. Более того, в музыке послышались веселые ноты приветствия.

Низко нависшие ветки раздались, и показался небольшой причал, сидя на котором болтала обнаженными ногами в воде Омери. Лодка подошла ближе, и последовала

финальная нота, нота радости. Затем она опустила флейту и посмотрела на меня. Рыжие волосы, как золотой оклад, обрамляли бледное лицо. А когда солнце освещало ее сзади, они колыхались пышным золотым ореолом. На ней была белая короткая туника, тесно облегающая тело. Она робко улыбнулась мне, так что я вспыхнул, но тут же меня охватила печаль: я ведь запрещал себе ее видеть.

— А я знала, что ты придешь. — Голос ее звучал так ясе легко и мелодично, как и ее музыка. И она не хитрила, она действительно знала, и я неизвестно почему, но тоже знал, что приду. Она указала флейтой на небольшой белый коттедж с покатой светло-голубой крышей. — Зайдешь?

Я должен был дать только один ответ, но, когда я с трудом начал было его выговаривать, он вдруг сам по себе изменился, и я услышал, как говорю:

— Да. И с огромной радостью.

Я выбрался на причал и затрепетал, когда ее рука, помогая мне, коснулась моей ладони. Так мы и застыли, чуть ли не прижимаясь друг к другу. Она была высока, так что ей не надо было задирать голову, чтобы посмотреть мне в глаза. У нее они были голубыми. Но потом слегка дрогнул ее подбородок, и глаза стали зелеными. Еще раз дрогнул, и глаза стали серыми. У нее были слегка припухлые губы от долгих упражнений на флейте. Как, должно быть, приятно их поцеловать.

Она взяла меня за руку и повела к коттеджу. Позади я услыхал добродушный смех лодочника, скрип уключин, когда он оттолкнулся от причала, и я чуть не обернулся и не окликнул его, чтобы он подождал, ведь я всего на минутку. Но я уже входил в дом, а позади слышался удаляющийся плеск весел. В коттедже царил полумрак. На стенах висели старые, тонкие, искусно вытканные ковры. В самой большой комнате повсюду были разбросаны подушки неярких расцветок. Кружочком они были разложены и возле невысокой скамеечки. Омери села на скамейку и предложила мне возлечь рядом. Я опустился, не зная, что сказать. Это было выше моих сил. Я чувствовал себя околдованным.

Зазвучал ее мелодичный голос:

— Ты понимаешь, что происходит? — Я покачал головой. Она подняла флейту. — Я играю для тебя одного, — сказала она. Я по-прежнему ничего не понимал. Она приблизила флейту к губам. — С первого же дня, когда я начала играть, передо мной постоянно стоял образ одного человека. И для него я только и играла. — Она замолчала, смешавшись. — Нет, не так. — Она крепко прижала флейту к груди. — Я играла для себя. Но играла и для… тебя. Ты — тот самый образ, который я видела перед собой. — Она вновь приблизила флейту к губам. — А ты был со мной с тех пор… с тех пор… всегда.

Она начала играть. Музыка создала образ маленькой, бледной девочки, молчаливой, серьезной и мечтательной. Когда я пишу, что видел этот образ, представьте себе, что моими глазами были уши, а мелодия создавала форму и цвет ярче любых красок. Девочка находила красоту в звуках, любых, будь то крик птицы или скрип дерева на причале. Я видел, как она извлекала из обычных вещей необычные звуки. Я видел, как из этих звуков получалась первая ее песня. Она всегда играла перед зеркалом, и я видел в этом зеркале образ, который никак не мог отчетливо разглядеть.

Видение помутнело, и я увидел, как девочка выросла в девушку, с наметившейся грудью и бедрами. Она сидела перед зеркалом, склонившись над новой флейтой, и рыжие волосы волнами ниспадали вниз. Она сочиняла прелестную мелодию, но, судя по нерешительности звуков, при этом брала какие-то новые высоты искусства. Омери посмотрела в зеркало, словно ища у него одобрения. Сначала я подумал, что вижу в зеркале ее собственное отражение, но рыжие волосы были не того оттенка, а улыбающееся доброе лицо определенно носило мои черты.

Музыка увлекла меня еще дальше: я увидел, как девушка превратилась в женщину, увидел, как искусство ее превзошло все известное до сих пор, увидел, как женщина играет перед важной и положительно настроенной публикой. Но всегда оставался только один человек, одобрение которого так ценилось этой женщиной, и этим человеком был я.

Музыка смолкла, я открыл глаза и увидел ее слезы. Но то были слезы счастья.

— А эту пьесу про тебя я услыхала впервые в шуме ветра, — серьезно сказала она. — Но никак не могла сыграть ее… до сих пор. Слушай.

Она вновь подняла флейту, и меня закружила мелодия. Ни один из этих аккордов я не слышал раньше, но мелодия казалась странно знакомой. Мелодия отыскивала потайные места в душе, и каждое такое место радовалось тому, что его отыскали. Флейта Омери подхватила меня, и мы вместе вознеслись над землей, над неведомыми горами, реками и морями. Флейта смолкла, и пока в воздухе еще звучала последняя нота, я понял, эта пьеса действительно обо мне.

— Ну теперь ты понял? — спросила она встревоженно.

Едва я раскрыл рот, чтобы ответить, как увидел, что между нами разверзлась глубокая черная яма и Омери превратилась в маленькую фигурку, стоящую на дальнем краю. Горькие воспоминания о Диосе и Эмили накатили на меня. Печаль обрушилась как удар, и грудь мою сотрясли беззвучные рыдания. Погрузившись в скорбь, я тут же понял, что эта скорбь принесет мне печаль новых больших утрат. Ибо как я мог просить Омери терпеть эту мою боль?

Халаб услыхал меня и сжалился. Я ощутил его присутствие и услыхал шепот:

— Ты обретешь их здесь, — сказал он. — Посмотри получше.

Я поднял голову. Яма исчезла. Лицо Омери приблизилось, и я увидел в ее глазах возрожденных Диосе и Эмили. Любовь Омери воскресила их, и они втроем стали единым целым.

— Ты понял? — вновь спросила она.

— Да, — сказал я. — Я понял.

Я подхватил ее со скамеечки, и она с восторженным стоном оказалась в моих объятиях. Мы упали на подушки, до боли желая друг друга, с горячими руками и трепещущими бедрами. Мои пальцы, словно делая это не первый раз, с легкостью распахнули ее тунику. Они ласкали нежное тело, одновременно неизведанное и знакомое. Я услыхал, — как говорю:

— Я люблю тебя, Омери.

И услышал, как она шепчет в ответ:

— Я любила тебя всегда, Амальрик.

После этого несколько часов мы провели молча, лишь изредка повторяя эти слова. Мы до утра погрузились в страстное обладание друг другом. А наступившим прохладным утром Омери еще раз сыграла ту мелодию. Она играла, я слушал, и больше нам ничего не надо было от жизни.

Говорят, влюбленные часов не замечают, живя словно во сне. И это верно: последующие недели мы провели как загипнотизированные, упиваясь друг другом, и каждая неделя казалась многими годами, составляющими целую жизнь. Нам надо было так много узнать друг о друге, но ведь многое уже было и известно, и оставался главный вопрос: как жить дальше, в том будущем, которое отмеряли нам боги?

— А может быть, мне поговорить с королем? — однажды спросил я. — И попросить его сделать меня его подданным, чтобы я мог остаться с тобой?

— Только если ты хочешь этого, — сказала Омери. — Но не соверши ошибку, сделав это в угоду мне.

— А разве ты не хочешь остаться с твоим народом? — спросил я, думая о Диосе и о том, как бы сложилась ее судьба, если бы мы перебрались к ее сородичам. — Ведь тобой здесь так восхищаются. А в Ориссе, боюсь, твое искусство не оценят.

— Я не ставила себе цели добиться восхищения, — сказала Омери. — Только свободы творить ту музыку, которая мне нравится.

— У тебя будет это в Ориссе, — сказал я. — Как и восхищение. Просто там музыка не в той цене, как в Вакаане.

Омери помрачнела.

— Неудивительно, что ты поверил в это, — сказала она. — Король может говорить, что он всячески поощряет искусство, но на практике все немного не так. В Вакаане существуют негласные границы, сдерживающие искусства. И если ты их нарушаешь… может произойти кое-что. И еще хорошо, если ты внезапно останешься без покровителей и без аудитории.

— Как же такое может быть? — спросил я. — Здесь, в Вакаане, где люди искусства пользуются таким уважением? Когда их работы так совершенны, так чарующе неповторимы. Когда каждое творение остается навсегда уникальным…

— Это прирученное искусство… и, следовательно, уникальность мнимая, — тихо ответила Омери. — Поживи здесь подольше, и ты поймешь — запрещено все, что выходит за определенные рамки, что вызывало бы у публики вопросы или затевало дискуссию. Художнику позволено экспериментировать только формой или красками. Но никак не темой. Налажена целая система, ищущая таланты у юных. Затем они проходят хорошую государственную школу. И во время обучения им ненавязчиво вбивают в голову: делай так, а не иначе.

— А что происходит с тем, кто не слушается? — спросил я.

Она содрогнулась.

— В один прекрасный день, — негромко сказала она, — такой человек просто исчезает.

Озноб, не отпускавший ее, охватил и меня. Я вспомнил о пропавшем хозяине таверны… и Равелине.

— И мы все прекрасно знаем, что лучше не расспрашивать о том, что с пропавшим случилось, — продолжала Омери. — Старательно избегаем упоминать его имя. — Она вздохнула и поудобнее устроилась в моих объятиях. — Но теперь у меня есть ты. И если нас не разлучит что-то ужасное, я буду жить и творить совершенно свободно.

Так было решено, что она едет со мной в Ориссу. Это решение вытолкнуло меня из любовного забытья, и я вновь вернулся к своим делам. Омери переехала в мой дворец, а я возобновил сражение с королевскими чиновниками. И вновь нахлынули тревоги, связанные с Яношем и Равелином. По ночам, во сне, стал возвращаться старый кошмар, но теперь мои мучения смягчались любовью Омери и ее музыкой. Ее присутствие освежило мои мысли. Возникали какие-то новые идеи, которые нуждались в обсуждении. Наконец я отправил Яношу решительное письмо с требованием увидеться. Где-то через день я получил ответ: «Серый Плащ согласен встретиться с Амальриком Антеро немедленно».

Я застал его в напряженных трудах в подземелье старого здания, где пахло пылью веков и заклинаниями. Он удивленно вытаращился на меня, и я понял, что он уже забыл о назначенной встрече.

— Амальрик, друг мой! — вскричал он, вскакивая из-за стола и роняя на пол свитки. — Какое удачное совпадение. Я только что думал о тебе.

Одежда его была в полнейшем беспорядке и так запылена, что, рванувшись ко мне, он даже расчихался.

— Ты выглядишь как мой любимый наставник в детстве, — рассмеялся я. — И голос у тебя такой же, как у него. — Он тоже всегда чихал и был весьма рассеян. Я очень жалел, когда отец уволил его. Старик никогда не знал, где я нахожусь.

Янош вытер лоб.

— Какой же я тупица, — сказал он. — Ну точно, ведь я же пригласил тебя, да?

— Совсем ты тут обалдел, — сказал я.

— Ты прав, — сказал Янош и теперь стукнул себя по лбу.

Я осмотрел большое помещение. С пола до затянутого паутиной потолка оно было битком набито свитками различных размеров и форм. Одна рукопись лежала развернутой на столе Яноша. Она была на незнакомом мне языке и с какими-то геометрическими фигурами на полях.

— Это «архивы старейшин» еще тех времен, когда эта страна не называлась Вакааном, — пояснил Янош. — Насколько я понял, здесь полный перечень их заклинаний, с самых первых.

— Должно быть, ты произвел на принца более сильное впечатление, чем я полагал, — сказал я сухо, — если он доверил тебе столь древние секреты.

— Да. Я постарался, — сказал Янош, столь погруженный в свои мысли, что даже не заметил насмешки. — Хотя, мне кажется, сам он в этих архивах не видит ничего ценного. — Он опустился в свое кресло и взял свиток в руки. — С точки зрения магов Вакаана, они тут уже со всем разобрались. Но когда первые короли только еще обосновались здесь, на костях старейшин, все это представляло для них неоценимое богатство.

Я обвел взглядом это хранилище знаний.

— Жаль, что Ориссе такое не досталось, — сказал я. Янош взволнованно отбросил свиток.

— Вот именно, — сказал он. — Народ Домаса невежествен, как варвары. Сам Равелин признает это. Они загнали в тупик и выхолостили то, что некогда было великим искусством.

— Похоже, ты так и не встретился с теми умными людьми, о которых мечтал.

Янош вспыхнул:

— Представляешь, ни с одним. Я уже готов поверить, что их вообще не существует. Нигде.

— И даже твой наставник, принц Равелин, не таков?

— О, он-то считает себя умником, — сказал Янош. — Но я узнаю больше, заглядывая ему через плечо, чем слушая. То, что я вижу сам в каком-нибудь предмете, и то, что говорит он, частенько не совпадает.

Я показал на свитки:

— А как насчет старейшин? Среди них попадались смышленые ребята?

Янош вздохнул.

— Я понимаю, ты посчитаешь меня хвастуном, — сказал он, — но я должен ответить тебе откровенно: нет. И среди них нет.

— Неужели они споткнулись на том пути, по которому ты сейчас следуешь?

— Некоторые могли бы пройти и дальше. Но по каким-то причинам не стали продолжать. — Янош фыркнул. — Я подозреваю, что именно этим самым великим мудрецам древности старейшины построили Священную гору. Хотя за что им такая честь, я понять не могу.

— Итак, ты остался в одиночестве, — сказал я. Янош бросил на меня странный взгляд, значение которого я не смог понять. Наконец он решительно ответил:

— Да… Я остался один.

— Только потому, что одни были слепы, а другие отреклись.

— Я не знаю, в чем тут дело… Но еще никто не заходил так далеко, как я. Все они ходили по кругу, который очень медленно расширялся с каждым поколением. Но никто из них не выпрыгнул за его пределы, поскольку не хотел задать один-единственный вопрос: «Почему?»

— А ты задал?

— Да.

— А знаешь ответ?

Янош отчаянно помотал головой:

— Нет. Но я близок к нему! Близок. Я уже понимаю такие вещи, приблизиться к которым никто и не мечтал, — Янош все сильнее волновался. — Помнишь, мы говорили о фокусе со скорпионом и мышкой? Как я положил скорпиона в одном месте, а мышку взял из другого? — Я кивнул. — И вот теперь я знаю, как это получается и почему. Друг мой, параллельно нашему миру существует еще множество других. И каждый из этих миров живет по своим законам. У духа свои законы существования. У нас свои. Когда мы вызываем духа, мы пользуемся законами, если знаем их, и манипулируем духом в своих интересах. Точно так же и он может управлять нами, если он активная сторона.

— Как Мортациус? — спросил я.

Янош помрачнел:

— Да. Как Мортациус.

— Но разве не может быть так, что ты вызываешь существо из параллельного мира, чтобы управлять им, а оно вдруг начинает управлять тобой?

— А на это, друг мой, существует один закон, который управляет вообще всем. Он прост, но в познании его сбивает с толку то обстоятельство, что у этого единого закона множество проявлений.

— И ты уже знаешь этот закон? — спросил я. Глаза Яноша разгорелись охотничьим азартом:

— Нет. Но, как я уже сказал, я близок, мой друг. Очень близок к его познанию.

Я с облегчением вздохнул:

— Ну хорошо. А теперь послушай меня, Серый Плащ. Все в этом Вакаане не так, как выглядит. И если мы здесь задержимся еще, Вакаан может превратиться в опасное местечко. И я полагаю, что нам надобно покинуть, его, как только я закончу мои дела с королем.

— Покинуть? — в изумлении сказал Янош. — Но я сейчас не готов его покинуть. Я же сказал тебе… Я очень близок.

— Условия моей сделки могут здорово отодвинуть тебя от обретения этого знания, — сказал я. — Но у меня есть план, который обещает гораздо больше.

— И что же это за план? — спросил Янош тоном, которым разговаривают с малыми детьми.

Но я не стал обращать внимания на тон.

— Когда мы вернемся в Ориссу, я открою школу для изучения магии. Возглавлять ее будешь ты. Только представь, сколько у тебя будет истовых помощников в твоих занятиях и поисках. И если вы все вместе начнете бить в одну точку, то стена невежества падет и ты обретешь искомое.

Янош нахмурился:

— Но тогда… и другие узнают!

— Вот именно! — сказал я. — В этом-то и прелесть моего плана. Если все узнают, то мы все будем равны. И все вместе обустроим Ориссу, как Вакаан, а то и лучше. А поскольку у нас не будет тех слепцов, о которых ты все скорбишь, мы сможем осуществить все быстро.

— На это может уйти целая жизнь, — сказал Янош. — Моя жизнь.

— А разве ты не получишь удовлетворения, зная, что когда-нибудь этот день все равно наступит?

Янош закашлялся и стал собирать рукописи.

— Я боюсь, ты очень уж упрощаешь слишком сложную вещь, — сказал он.

— Ну, Янош, — засмеялся я. — Ведь ты же сам настаивал всегда на обратном. Простое всегда делают слишком сложным, чтобы сохранить невежество и чтобы при этом маги казались еще мудрее, чем они есть на самом деле. Опять же, исходя из того, что ты мне уже рассказал, я понял, мы можем взять для начала в союзники какого-нибудь добросовестного воскресителя в Ориссе и наставить его на путь, по которому ты идешь. Если, к примеру, я или ты поведаем все Гэмелену, всю эту историю о множественности миров, находящихся рядом с нашим, и добавим сюда твою теорию, что один закон правит всеми силами, видимыми и невидимыми, то даже в его старом мозгу может что-нибудь замерцать. И кто знает, куда это мерцание заведет Гэмелена?

Янош вновь бросил на меня тот же странный взгляд.

— Действительно, кто знает? — пробормотал он.

— Теперь ты понимаешь мои намерения? — спросил я.

— Да, похоже, понимаю, — сказал Янош.

— Так ты согласен с моим планом? — настаивал я.

Янош накручивал на палец бороду. Он взялся за какой-то свиток, рассеянно уставился на письмена, но тут же что-то его опять отвлекло. Я понял, что мысли его вновь далеко.

— Янош, — снова подтолкнул я разговор, — ты согласен?

Он посмотрел на меня и обаятельно улыбнулся.

— А, ну, конечно, согласен, друг мой. Приходи ко мне, когда закончишь дела с королем. И мы вновь поговорим.

— Да о чем же говорить… если ты согласен?

Янош пожал плечами:

— Ну, видишь ли, я ведь продолжаю свою охоту. И даже если я с ней не покончу к тому времени, когда ты закончишь… что ж, тогда нас тут ничто не задержит. Почти ничто…

Пришлось мне удовольствоваться этим, поскольку он опять увлекся чтением старой рукописи, вслух произнося непонятные слова. Я попрощался с ним, получил в ответ невнятный жест и ушел.

Час или два я находился в некотором раздражении под впечатлением нашего разговора, но, оказавшись в успокаивающих руках Омери, перестал переживать. И чем больше я размышлял, тем более убедительным казался мне мой план, и вскоре я поверил, что он настолько безупречен, что мой друг, который боготворил здравый смысл, не может этого не понять. Теперь всего-то и оставалось — закончить с королем Домасом, и мы все вернемся в Ориссу, унося с собой даже больше, чем мы мечтали, отправляясь в это путешествие к Далеким Королевствам.

На следующий день мне пришло официальное приглашение. Но звал не король, а его брат, принц Равелин.

Глава двадцать пятая
РАВЕЛИН И ЯНОШ

В назначенный час к причалу моего дома подошла гондола. Она была большой и запросто могла бы перевезти двадцать таких, как я. Но на борту я был единственным пассажиром. Находились здесь, кроме гребцов, еще четыре человека: рулевой, прислужник в роскошной застекленной каюте, да еще двое на носу с фанфарами, дающие предупредительный сигнал остальным судам убираться с дороги. С каждого борта торчали по восемь весел; гребцы скрывались в трюме. Если это были люди, то настолько вымуштрованные, что весла работали с точностью часового механизма. Но фанфары нам не требовались. Любое судно, завидев красные, золотые и черные цвета герба принца Равелина, улепетывало со скоростью водяного паука, к которому с намерением поживиться подплывает старая жаба.

Лодка свернула с главной магистрали и устремилась по каналу, который вел за город, к Священной горе. Странно было плыть между совершенно незаселенными берегами, ухоженными так же, как королевский парк. Здесь не было ни ферм, ни фермеров, не видел я ни домов, ни дорог, ни даже какой-нибудь тропинки. Канал красиво изгибался и заканчивался круглым озерцом.

Меня поджидал приземистый изящный экипаж. В него были впряжены шесть подобранных в масть черных лошадей со свирепыми мордами, четверо лакеев проводили меня до экипажа и раскланялись, когда я влез внутрь. Они устроились по местам, и лошади, не дожидаясь сигнала кучера, тронули с места. Несмотря на дурные предчувствия, я нетерпеливо всматривался в окна, желая побыстрее увидеть, как же выглядит поместье принца Равелина.

Дорога, по которой мы ехали, была выложена каменными плитами шириною в пять человеческих ростов. Все они были тщательно подогнаны. Я ждал, что дорога приведет к высоченным стенам с резными воротами, но их все не было. Вокруг меня расстилался аккуратно выстроенный пейзаж с деревьями и прудами, расположенными так искусно, словно мастера-садовники трудились тут не один век. Но удовольствия от этого я не ощущал. Более того, чем дальше мы ехали среди этого мирного ландшафта, тем сильнее становились мои тревоги. И я не мог понять, в чем причина моих страхов — то ли от какого-то заклинания, то ли от того, что мне никак не удавалось догадаться — что же нужно от меня принцу.

И тут я увидел первый пост охраны, по всей видимости, магической. По обеим сторонам дороги стояли две фигуры стражниц. В каждой из них было чуть ли не по сто футов росту, и сделаны они были из темного полированного камня. Статуи изображали обнаженных женщин, державших вертикально перед собой мечи. Я понял, что моделью для создания этих скульптур служило неземное существо — женщины были невероятно красивы, но холодной, бездушной красотой, с выражениями лиц такими безжалостными, как у какого-нибудь варвара из королевства Варварских Льдов. После того как мы миновали эти грозные фигуры, я оглянулся на них, и у меня перехватило дыхание. У каждой из статуй было и второе лицо, глядящее назад, и это было лицо жуткого, злобного демона с оскаленными зубами. Можно было подумать, что это только плод воображения скульптора, хотя, судя по тому, что я слышал о принце Равелине, такие демоны могли встречаться в его владениях.

Я успокоился, увидев в придорожных кустах, впереди, движение. Ну наконец-то, наверное, кавалерийский разъезд, подумал я. И ошибся. На дорогу выбралась стая чудовищных волков. Было их около дюжины. Они трусили прямо на нас, и я обругал себя за то, что не прихватил с собой оружия. Эти огромные убийцы мгновенно разорвут лошадей, и я сомневался, сможем ли мы вшестером устоять против них хоть несколько секунд. У каждого из них в холке было росту около восьми футов, а смертоносные клыки мерцали зловещим блеском. Я вцепился в стенки кареты, ожидая, что лошади сейчас понесут, увидев волков. Но ничего подобного не произошло. Волки, подобно кавалерийскому эскорту, окружили нас и последовали рядом. Их когти звонко клацали по камням. Одна из зверюг, бежавшая рядом с окном экипажа, заглянула внутрь. Глаза ее были почти человеческие и преисполнены злобы.

Наверху послышался шорох рассекающих воздух крыльев, и я увидел, как патрулем нас облетают те чудовищные орлы, которых мы видели, поднимаясь вверх по реке к Ирайе. Неплохо охраняется замок Равелина, подумал я, когда показалась крепость.

Огромное сооружение, скорее всего восьмиугольной формы, с круглыми башнями на каждом углу стояло посреди абсолютно плоского поля. Каждая стена, по моей оценке, тянулась примерно на треть лиги. Любой из замков, которые мне приходилось видеть, включая и замок архонтов, запросто уместился бы внутри этого сооружения. Ни на стенах, ни вокруг я не заметил и следов стражи.

У разинутой пасти ворот нас поджидал лишь один человек — сам принц Равелин. Никаких других гостей, никаких слуг. Вот теперь я действительно испугался, ощутив во рту металлический привкус. Кучер остановил экипаж, лакеи соскочили на землю и низко склонились перед своим хозяином. Тот кивнул, подошел к дверце и сам ее распахнул.

— Господин Антеро, — сказал он, — ваш приезд — большая честь для меня.

Я выбрался наружу, низко поклонился и дотронулся губами до протянутой мне руки.

— Это вы мне оказали честь, — сказал я. — Меня еще не приглашал в свой дом ни один принц, не говоря уж о таком знаменитом, как вы. И мог ли я помыслить, что сам принц откроет передо мной дверцу экипажа!

— Ну хорошо, — сказал Равелин. — На этом покончим с комплиментами. Я решил, что мы обойдемся без пышных церемоний.

Он улыбнулся, но глаза оставались холодными. Он взял меня за руку и повел в замок.

— Я долго размышлял, стоит ли приглашать еще кого-то. Мне не хотелось бы думать, что вы сочтете себя обиженным, не видя пышного окружения, но нам предстоит обсудить слишком важные дела, свидетелями которых не должен быть ни один человек из окружения моего брата. — Он зловеще ухмыльнулся. — Не могу же я, — сказал он, словно беседуя сам с собой, — приказать отрезать язык каждому придворному болтуну. А стоило бы.

Я постарался, чтобы на моем лице ничего не отразилось. Мы вошли в замок. Принц извинился, что не предлагает мне полного осмотра его дома, поскольку на это уйдет несколько дней, и пообещал, что этим зрелищем мы насладимся в следующий раз.

— Кроме того, — сказал он, — я не уверен, знаю ли сам толком расположение всех

помещений.

Вот почему я не могу сделать пространного описания чудес логова этого черного принца. Упомяну лишь о нескольких. Одно из них состояло в том, что все стены и полы казались высеченными из единой скалы и отполированы до зеркального блеска. Другим чудом было тепло. Я просто не понимаю, как вообще такой огромный замок можно защитить от холода и сырости, но здесь в каждой комнате было уютно и тепло. При этом не ощущалось ни чада, ни чрезмерной жары, которую, например, я ощущаю сейчас, когда пишу эти строки в моем кабинете, где вовсю пылает камин.

Я с изумлением разглядывал по пути дивные богатства: ковры, светящиеся внутренним светом; мебель, так отполированную, что на ощупь она казалась сделанной из шелка; картины — от реалистических до абстрактных пятен краски, но все равно впечатляющих. Конечно, видел я и многое другое, но в спешке не рассмотрел всего внимательно, и лишь позднее, в сновидениях, эти удивительные вещи вновь являлись мне.

Равелин провел меня через громадный зал, увешанный военными трофеями и знаменами предков. После него мы оказались в маленьком помещении. В центре стоял стол, сервированный на двоих. Вся посуда была сделана из жадеита различных оттенков, от красного и зеленого до белого. Рядом стоял столик поменьше, уставленный бутылками и графинами со спиртными напитками разных стран.

Принц Равелин спросил, что я буду пить. Я сказал, что полностью полагаюсь на его вкус, но хочу предупредить, чтобы он не обижался, если я не буду усердно налегать на выпивку.

— Просто так уж у нас заведено. А человек я к алкоголю не особенно стойкий и поэтому стараюсь не злоупотреблять вином, пока дело не закончено. Поскольку вы предупредили, что нам предстоит обсудить важные дела, мне было бы стыдно проснуться утром и обнаружить, что вся обращенная на меня ваша мудрость осталась в осадках похмелья. Ну, а после того, как я выслушаю предложения, а вы — мои и мы найдем взаимоприемлемое решение, мы можем распить хоть целую бочку, если ваше высочество пожелает.

Равелин улыбнулся, но ничего не сказал, наливая два бокала вина.

Мы уселись, и он без вступления сразу приступил к делу:

— Вам, разумеется, известно, что за всеми вашими путешествиями к нашим землям велось наблюдение, начиная с того дня, как вы потерпели крушение у Перечного побережья, и до того, как мы оказали вам помощь в Гомалалее.

Сохраняя спокойное выражение лица, я отвечал, что нам уже рассказали о том, как интересовались нами Далекие Королевства, но я не знал, что даже кораблекрушение судна Л'юра было зафиксировано.

— Но, ваше высочество, из бесед с его величеством я понял, что народ Вакаана мало интересуется тем, что лежит далеко за его границами.

— В основном верно, — сказал Равелин. — Но встречаются и исключения. Я — одно из этих исключений, и именно об этом мы в основном и будем говорить. Но для начала вернемся к первой теме: за вами не только наблюдали, но временами и испытывали. Например, в Гомалалее.

— Разумеется, если бы мы не оправдали ваших ожиданий… — сказал я, не заканчивая предложение.

— Да, тогда вряд ли бы вы были достойны того, чтобы стать одними из тех, кто действительно добрался до Вакаана.

Я разозлился, вспомнив убитых, покалеченных, заболевших и отчаявшихся людей, которых ждала смерть от жажды или магии, но я совладал со своими чувствами. Однако же не без сарказма я выразил удовольствие по поводу того, что нас все-таки оценили.

— Но продолжим, — сказал Равелин. — Значит, вы прекрасно осознаете, что интересы королевства Вакаан к западным землям невелики, распространяясь разве что на то, чтобы обменивать наши знания или товары в какой-нибудь точке за пределами наших границ на

ваши товары и произведения искусств, которые покажутся нам интересными.

Я ощутил легкое волнение. Несмотря на пренебрежительный тон, сам брат короля взялся за мое дело, а значит, я могу рассчитывать на успех. Я скромно улыбнулся. Надо ли говорить, что мне ни в коем случае не стоило болезненно реагировать на то, что я малоинтересен Далеким Королевствам.

— Вы выглядите довольным, — заметил Равелин. — Хотя сам я, например, полагаю, что такая сделка слишком ничтожная награда за то, что все вы, и в особенности капитан Серый Плащ, вытерпели за эти годы. И поэтому после трапезы давайте обсудим, как могут сложиться отношения между западными землями и этим королевством в случае, если обстоятельства… изменятся.

С этими словами он поднял крышку над одним из блюд и принялся раскладывать еду. Я не запомнил, что за яства мы вкушали, могу отметить лишь их совершенство и то, что каждый кусочек взрывался букетом вкуса на языке. Больше всего меня поразила манера обслуживания. Слуги отсутствовали, но каждый раз, когда Равелин снимал крышку с какого-нибудь блюда, там оказывалось новое кушанье. Не слыхал я и звуков какого-нибудь механизма, подающего смену блюд снизу, и потому решил, что все совершается магическим путем. К тому же и наши тарелки всегда оставались чистыми. Я отведывал от каждого блюда, отвлекаясь лишь на то, чтобы рассмеяться над очередной остроумной шуткой Равелина, и, словно чувствуя, что этого деликатеса я вкусил достаточно, тарелка тут же становилась вновь чистой. Я подумал — интересно, Равелин всегда трапезничает таким образом, что не появляется ни улыбающийся слуга, ни хорошенькая служанка, не виден сияющий от похвал повар? Может быть, так было заведено из-за особенностей характера хозяина, но скорее всего, решил я, для того, чтобы пресечь распространение слухов по городу о том, что обсуждается за этим столом.

Не помню я, о чем мы болтали во время трапезы, но только мы ни словом не коснулись ни торговли, ни Ориссы, ни даже нашего пребывания в королевстве. Большая часть разговора вилась вокруг придворных интриг, впрочем не опускаясь до неприличных деталей. Также обсуждали мы живопись и музыку Вакаана. Выяснилось, что принц знает о нашей с Омери любви. Он тактично поведал мне, что она по праву может считаться для меня подарком судьбы, впрочем, как и Янош и остальные бойцы нашего отряда. Я благодарно кивнул и не расценил его слова как угрозу, хотя понял, что Равелин просто старался убедиться, понимаю ли я, что есть много возможностей повлиять на меня.

Когда мы покончили с едой, мы перешли в другое помещение. Здесь стояли кушетки, и когда я опустился на одну из них, она меня приняла так мягко, как руки любовницы. Рядом появился столик с напитками, и мы с Равелином взяли по рюмке фруктового ликера. Напротив кушеток висело большое, слегка выпуклое, изумительно чистое зеркало. Я понял, что это волшебное зеркало, и приходилось лишь гадать, что же собирается продемонстрировать мне Равелин. Прежде чем сесть, он коснулся зеркала рукой, и оно ожило. Я увидел небольшой отряд людей, идущих вдоль реки. Я наблюдал за моим собственным открытием, как мы продвигались по пустынным землям долины за Перечным побережьем. Так видеть нас мог один из наблюдателей.

— Да вы не шутя наблюдали за всеми моими странствиями, — только и смог я выговорить.

— Каждый раз, как вы пересекали Узкое море, тут же появлялись наши наблюдатели. Признаю, однако, что последняя ваша экспедиция была организована очень мудро. Наши соглядатаи вас не заметили до самой Вахумвы.

Он махнул рукой, и на поверхности зеркала появилось новое изображение. Теперь я смотрел на Ориссу, словно находясь на невидимой башне высотою в тысячу футов в самом центре города. Меня захлестнула тоска по дому, тем более что я понял — я вижу сегодняшнюю Ориссу. Там как раз только-только наступал рассвет, но кое-где еще виднелись огоньки. Я узнал улицу Богов, цитадель магистрата, храм Воскрешения. Постарался отыскать мой собственный дом.

— Повторю: я больше интересуюсь западными землями, чем мой народ, — сказал Равелин. — Вот почему после некоторого периода моего скептического отношения к вам и вашим намерениям я стал вашим самым ревностным сторонником. Я понял, что в будущем Вакаан должен развиваться в новом направлении… вместе с Ориссой и Ликантией.

— Какую же форму приобретут интересы Вакаана? — спросил я осторожно.

Равелин сделал глоток:

— Не думаю, что способен ответить вам на ваш вопрос подробно. Но достаточно сказать, что вскоре после того, как некий дисбаланс при нашем дворе будет выправлен, отношения с Ориссой станут намного теснее. — Лицо его стало серьезным и жестким. — Я не допущу, чтобы Вакаан упустил такую возможность. Мы используем этот момент. Вот для чего мне потребовалась ваша компания этим вечером. Я предполагаю употребить все мое влияние, чтобы открыть двери на запад. — Он снова стал благодушным. — Когда все свершится так, как я задумал, мне понадобится представитель, мой личный представитель в ваших землях. И этот пост я предлагаю вам, дорогой Антеро.

— Но ведь я торговец, — сказал я. — А вы, насколько я понял, с пренебрежением относитесь к торговому делу.

— Нет, я весьма уважаю людей, которые занимаются честным товарообменом, хотя сам предпочитаю другие способы добычи денег. Но дело тут не в торговле. Мне нужен здравый смысл, ваше ясное понимание вещей, уважение, которым вы пользуетесь в Ориссе. Мне нужен человек, которому бы я доверял, человек, занимающий верховное положение в вашем магистрате. Вы будете моим рупором в Ориссе, а может быть, и в Ликантии.

Я не мог позволить, чтобы Равелин видел чувства, отразившиеся на моем лице, поэтому встал и прошелся. Мне было ясно, что интересы Вакаана, по замыслу принца, могут быть только завоевательские. А я никак не собирался участвовать в покорении собственного отечества, тем более из низкопоклонства перед каким-то кудесником. Но я быстро отбросил все эти мысли, полагая, что в этом месте не обошлось без заклинаний, читающих чужие мысли. Не зная в точности намерений Равелина, я должен был тщательно выбирать мысли, слова и жесты. И не только потому, что я чувствовал ответственность перед родиной, как человек, впервые вошедший столь неожиданно в опасный контакт с Далекими Королевствами, но и потому, что, открыто выказав Равелину враждебность, я мог запросто оказаться там же, где и остальные исчезнувшие.

Наконец я нашелся и сказал принцу:

— Я весьма польщен. Но, откровенно говоря, мои устремления никогда не простирались так высоко, если я правильно понял ваше предложение… А я думаю, что правильно.

— Кто богат, у того и власть, — сказал он. — Все равно в Ориссе найдется кто-нибудь, кто подойдет мне, так почему же это не вы?

Итак, Равелин уже все предусмотрел, и от того, соглашусь я или нет, в общем-то ничего не зависело.

— Кто-нибудь? — спросил я. — Но почему же не мой друг, Янош Серый Плащ?

— Причин тому несколько. Первая, и не самая важная, в том, что вряд ли ваш народ признает своим правителем полукровку. Хотя быть такими уж непримиримыми просто глупо. Во время ваших путешествий вы несколько раз проходили через заброшенные земли. Уверен, что Янош чувствовал, что некогда эти земли были зелеными и плодородными. Но их народы выступили против Вакаана. С тех пор прошли века. Но до сей поры ничего не растет на этих землях, и да будут они служить примером другим до скончания времени! — Равелин понизил голос. — Вторая причина в том, что у Серого Плаща есть собственные устремления и амбиции, которые полностью меня устраивают. Серый Плащ произвел на меня огромное впечатление. Он желает познать… все, что придумано в мире в области магии. Где же ему еще набраться этой премудрости, как не в Ирайе? Я собираюсь взять его к себе на службу, предварительно, разумеется, получив ваше согласие освободить его от принятых обязательств перед вами. Ну а если он достигнет необходимых высот в познаниях, то он

будет удостоен такой чести, которую Орисса ему просто не в состоянии предоставить. Я же собираюсь наделить его такой властью… ну чуть меньше моей. Мой брат король называет меня своим цербером. Такую же роль я отведу Яношу, он будет моим цербером!

Я осушил бокал, затем начал осматривать бутылки в поисках бренди, делая вид, что волнуюсь, чувствуя, что вот-вот Равелин меня убедит. Я налил себе бренди и повернулся к принцу.

— Все это настолько неожиданно, ваше высочество. Надеюсь, ответ вам не нужен немедленно.

— Я надеялся получить его сразу, — сказал Равелин, мрачнея.

— Простите, ваше высочество, но я не могу его дать. Я не один год добирался до вашего королевства, и все это время рядом со мной был товарищ. Я должен с ним посовещаться. И должен добавить, что Янош не должен мне ничего и нас не связывают никакие обязательства, помимо дружбы и общей цели.

Равелин хотел что-то сказать, но передумал и улыбнулся, соглашаясь.

— В самом деле. Я и забыл, что на западе иерархия власти выстроена не так строго, как у нас здесь. Ну хорошо. Подумайте над нашим разговором и моими предложениями. Подробно обсудите его с Серым Плащом. И разумеется, я предпочел бы, чтобы об этой встрече никто не знал, кроме Яноша.

— Разумеется, ваше высочество, — сказал я.

Равелин наполнил два бокала бренди и поднял свой, произнося тост:

— У крестьян, которые живут у нас на Змеиной реке, есть такая пословица: «Мудрый человек, попавший в реку, позволит увлечь себя течению вниз и найдет там богатства, а глупый начнет барахтаться и потонет». За мудрость!

После этого разговор сам по себе завершился, и я попросил прощения, откланиваясь и говоря, что настолько взволнован предложениями принца Равелина, что всю ночь буду обсуждать их с моим другом… если он еще бодрствует.

Это позабавило принца:

— Он не спит, господин Антеро. Я прикажу моим слугам отвезти вас прямиком в его дворец.

Кучер уже ждал. Когда мы отъехали, я оглянулся. Принц Равелин еще стоял у входа. Несмотря на расстояние, несмотря на опустившуюся ночную тьму, я ощущал, как его взгляд впивался в меня. Я откинулся на спинку, пытаясь разобраться в ситуации. Но несколько ценных минут я потратил на то, чтобы обругать себя, Яноша и всех ориссиан, от Эко до бедняков Чипа, и в особенности тех базарных рассказчиков и моих нянек, которые наболтали мне в детстве всяких сказок. Ни один из них не усомнился, что такая могущественная и замечательная страна, как Далекие Королевства, может оказаться не такой уж доброй и что вовсе не ожидает она, пока доберется до нее какой-нибудь ориссианин, чтобы благословить его знаниями, которые позволят моей стране вернуться к золотому веку, где каждый был сам себе король и подчинялся лишь богам. Я даже попробовал себе представить, что в своей жизни вообще не встретил Яноша и превратил мое открытие в обычную дорожную оргию со шлюхами и попойками. Но тогда я бы не встретил Диосе. И Омери. Ладно, что было, то было. И не будем тратить время. Лапы мои крепко увязли в кувшине с медом, и надо было думать, как их оттуда вытащить.

Когда мы проехали мимо двух гигантских скульптур, я снова оглянулся. И тут же судорожно отвернулся. Разумеется, было темно, я чувствовал себя уставшим. Но я мог бы поклясться, что видел, как головы этих двух чудовищных фурий повернулись и посмотрели на меня своими демоническими лицами.

Уверенность Равелина в том, что Янош не спит, оказалась справедливой, и, когда гондола подходила к причалу у его дома, я увидел, как горят огни в его покоях. Двое слуг Равелина пришвартовали судно и помогли мне выйти. Тут я заметил некоторую странность — рядом с моей гондолой оказалась привязана и небольшая лодка, полускрытая тьмой. Я бы и не заметил ее, если бы все мои чувства не были обострены ощущением опасности. Из

суденышка доносились звуки негромкого плача. Я приказал одному из слуг повыше поднять факел, чтобы лучше видеть. В лодке виднелся какой-то ком тряпья. Но эти тряпки зашевелились, и я разглядел прикрытую ими женщину. Я впервые увидел в Ирайе человека, одетого столь бедно. Слуга уже собирался прогнать ее, но я запретил ему это делать. У нас не было времени, а она даже и не замечала нашего присутствия.

Мы поднялись по ступеням ко входу в дом. Второй слуга дотронулся до небольшой бронзовой пластины, и я услышал, как зазвенел мощный сигнал. Слуге пришлось позвонить еще дважды, прежде чем открылись главные ворота и показались четверо стражников во главе с управляющим. Это был Гатра, неизменно извиняющийся за отсутствие Яноша.

— Господин Антеро, — сказал он, — простите, что сразу не открыли, произошла ошибка. Но мы просто не ожидали удовольствия видеть вас.

— Я и сам не ожидал, — сказал я. — Мне нужно немедленно переговорить с вашим хозяином о делах чрезвычайной важности.

Гатра неловко замялся:

— Господин Серый Плащ давно уединился в своем кабинете с пожеланием, чтобы его не беспокоили. Но поскольку это вы, мой господин… извините, я на минутку.

Двери затворились, и управляющий надолго пропал. Затем двери открылись, и он кивком пригласил меня войти.

— Еще раз простите, что заставил вас терять время, — сказал он. — Но вас, как всегда, ждут с нетерпением. Господин Серый Плащ в башне.

Я отпустил слуг Равелина и последовал за Гатрой. Но тут же кое-что вспомнил.

— Гатра, внизу привязана маленькая лодочка, а в ней женщина рыдает так, словно только что все потеряла. Это как-то связано с вами или вашим домом?

На лице управляющего отразилась злость:

— Я не знаю, почему она рыдает. С ней обошлись честно.

Мне стало любопытно, и я пожелал узнать подробности.

— Несколько дней назад мы решили расширить штат слуг, при этом рассматривали и кандидатуры из числа крестьян. Поскольку подготовка хорошей служанки требует много времени, нам нужна была девочка не старше десяти лет, неиспорченная. Одной из них и оказалась дочь этой женщины. Мы ее приняли, но позавчера она совершила у нас кражу и умудрилась сбежать из дома в город. И я понятия не имею, почему эта женщина решила плакать именно здесь. После того как я провожу вас к господину Серому Плащу, я ее прогоню.

Я подивился, как Гатра не блуждает в этом огромном здании и знает о доме все, включая и поведение ученицы судомойки, но ничего не сказал. Когда он повернулся, чтобы пригласить меня пройти вперед, я разглядел ленточку, пришитую к отвороту его туники. Ленточка из трех цветов: красного, золотого и черного. Гатра вел меня по извилистым коридорам к внутреннему двору. Я сморщил нос, уловив какую-то вонь.

Гатра посмотрел на меня.

— Эта ночь вообще какая-то необычная, — сказал он столь извиняющимся тоном, что я понял — он врет. — Не далее как час назад у нас на кухне вспыхнул пожар, когда жарился жирный ягненок. Потребовалось не одно ведро воды, да еще и заклинание господина Серого Плаща, чтобы потушить огонь. И я боюсь, что дымом пропитался весь дом.

Когда мы оказались во внутреннем дворе, вонь стала не столь ощутимой. Здесь, в центре двора, и стояла башня, где Янош выбрал себе рабочий кабинет.

— Поднимайтесь наверх, — сказал Гатра. — Господин Серый Плащ сказал, чтобы вас никто туда не провожал, поскольку он очень занят и посторонний человек, помимо вас, будет его только отвлекать. Он в самой верхней комнате.

Я поблагодарил его и стал подниматься по винтовой лестнице, опоясывающей башню изнутри. Открыв дверь кабинета, я услыхал громовой бас, который не столько говорил, сколько резонировал с моим телом и окружающими меня камнями.

— Заходи, но молчи, — сказал Янош. — Мой гость капризен.

Раньше я этого не замечал, но крыша здесь, оказывается, раздвигалась, и теперь она была раскрыта навстречу небу и звездам. В комнате горела лишь одна тоненькая свечка на большом письменном столе. Янош сидел за столом нахохлившись, как коршун в клетке. В комнате находилось что-то еще. Это «что-то», твердое на вид и абсолютно черное, висело в воздухе и вращалось, испуская мириады искорок. Янош даже не посмотрел на меня; для него сейчас существовала только эта вращающаяся темнота. Я испугался, сам не зная почему. Я вдруг почувствовал, что отступаю спиной вперед.

— Ты вне опасности, — сказал Янош, по-прежнему не глядя на меня. — Мой друг заключен в пентаграмму и к тому же только что получил то, что искал.

Только тут я заметил рисунок Яноша, вырезанный на каменном полу. Вокруг и внутри геометрической фигуры располагались какие-то завитушки в виде сложного орнамента. Внутри пентаграммы оплывали под огнем три небольшие свечи, а между ними стоял большой бронзовый кувшин с темно-розовой жидкостью. Пока я это все разглядывал, жидкость закружилась и стала подниматься вверх, к черному предмету, как водяной смерч, который я однажды наблюдал у причалов Ориссы. Чернота всосала ее в себя, словно выпила. Пробирающий до костей гул стал громче. Кувшин стал пустым. Черное увеличилось, заискрило ярче и стало вращаться еще быстрее. Янош встал и протянул к нему руки — сначала ладонями вниз, затем развернул их навстречу черноте и повернул ладони вверх. Чернота стала подниматься вверх, закрывая звезды, и исчезла. Затих и гул.

Янош взмахнул руками, и в помещении без всякой посторонней помощи вспыхнули другие свечи. Еще одно движение рук, и крыша сомкнулась у нас над головой. Теперь комната, если не обращать внимания на пентаграмму; выглядела как кабинет какого-нибудь безобидного ученого.

— Дружище Амальрик, — сказал Янош. — Этой ночью я проник глубоко в неизведанное. И оттуда пришло это создание. Теперь, когда оно получило самое желанное, оно вновь явится ко мне по моему повелению.

— Что же это за создание?

— Я пока не знаю, — сказал Янош. — Но о его существовании, о привлекающем его внимание заклинании и даже о намеке на то, что оно требует взамен при заключении сделки, я прочитал в архивах Вакаана. Все эти знания я отыскал в свитке, запечатанном печатью, рисунок на которой внушил мне ужас сам не знаю почему. И вид у этого свитка был такой, словно до него не дотрагивались со времен старейшин. Никто — даже принц Равелин, похоже, не знает об этом создании и о том, что оно может. Как я говорил тебе недавно, тут находятся такие знания, о существовании которых никто в королевстве и не подозревает. Знания только для того, кто отважится постичь их. И сегодня ночью я пошел по этому пути.

Янош вышел из своей экзальтации и несколько смутился:

— Я расхвастался, друг мой. А Гатра сказал, что, судя по тону твоего голоса, надвигается какая-то катастрофа.

— Боюсь, что именно так.

— А вино тебя немножко не успокоит? Или будет хуже?

Я попытался улыбнуться. Янош открыл шкафчик, достал графин и бокалы и небрежно смахнул какие-то бумаги с кресла, чтобы я мог сесть.

— Так что же случилось? Когда мы разговаривали последний раз, ты и словом не упомянул, что приближается конец света.

И я рассказал все по порядку. Когда я дошел до приглашения от принца Равелина, Янош помрачнел, но промолчал, и я продолжил. Несколько раз в процессе моего рассказа он порывался сделать какое-то замечание, но сдержался, пока я не дошел до конца.

— Это все? — спросил Янош.

Я прикинул — может, что пропустил, — и кивнул. Я описал все подробно, насколько смог.

— Проклятье… — начал он. Я прервал его:

— Янош! Ты понял, что я только что сказал? Он знает, что ты не спал и что ты не у

любовницы. Так что будь аккуратнее в высказываниях.

— Мы еще разберемся с принцем Равелином и его шпионами, — пробормотал Янош, подошел к письменному столу и достал какую-то фляжку. Рассыпая из нее по комнате порошок, он быстро приговаривал заклинания.

— Ну а теперь, если наш черный принц подслушивает, он услышит лишь нашу с тобой пьяную болтовню о том, стоит ли в Ориссе открыть таверну, где бы подавали блюда Вакаана.

— Не насторожит ли это принца Равелина?

— Этот человек заразился подозрительностью с первым вдохом при своем рождении, — сказал Янош. — Поэтому он всегда настороже, о чем бы мы ни говорили. Ну а теперь позволь я вернусь к тому моменту, где ты прервал меня. Проклятье на голову этого человека! Ведь когда он только впервые заикнулся о своем проекте будущего Ориссы и способе его осуществить, я сразу ему сказал, что тебя нельзя подкупить, как какого-нибудь воскресителя на таможне! Пусть даже в качестве взятки предлагается целое королевство!

Я почувствовал, как во мне поднимается злость, но сдержался.

— Ты хочешь сказать, что знал о плане Равелина уже давно, но ничего мне не сообщил?

Янош вспыхнул:

— Да, знал, друг мой. Но не хотел тебя сразу тревожить, когда впервые услыхал об этом. И на это была своя причина.

— Какая?

Янош оглядел свой бокал, затем осушил его.

— Мне придется выбирать слова, Амальрик. И пообещай мне, что дослушаешь меня до конца не перебивая.

— Я… хорошо. Обещаю.

— Давай предположим худшее — пусть мне и не хотелось бы делать этого, — и примем как факт твое несколько истеричное утверждение, что Равелин намеревается взять железной рукой власть как в Ориссе, так и в Ликантии. Даже если это и правда, то мне доводилось встречать и более серьезных правителей в обоих этих краях, и я даже могу назвать их имена. А здесь мне довелось достаточно почитать об истории Вакаана. Я знаю Равелина чуть получше, чем ты, Амальрик. Равелину никогда не стать королем в Вакаане, и это здорово уязвляет его. Когда он понял это, то повел себя как недокованный раскаленный металл, опущенный в воду для закалки. В том смысле, что это разрушило его, а не закалило. Равелин по натуре энтузиаст, бросающийся от одного грандиозного проекта к другому, по мере того как очередной замысел кончается крахом.

— Но нас-то он ждал много лет, — сказал я.

— Я же просил тебя дослушать. Ну пожалуйста! Итак, его манят наши земли, и, как ты считаешь, довольно давно. Но я думаю, только потому они его манят, что он не может до них дотянуться. Как ребенок, который желает другую сладость, а не ту, которая у него во рту. Как только зонтик Далеких Королевств накроет Ориссу и Ликантию, его энтузиазм переключится на что-нибудь другое. Возможно, это будет исследование еще более дальних земель, а может быть, исследование собственного гарема. Но он увлечется другим, поверь мне. Мы же, ориссиане, станем к тому времени богаче, чем кто бы то ни было.

Я подождал, но Янош не продолжал. Тогда решил высказаться я.

— Он хочет, чтобы мы служили ему. А каково наказание, если мы не уважим его? Я не знаю, хватит ли у него могущества устроить еще одни такие заброшенные земли, которые, как он утверждает, результат деятельности вакаанцев, но я ясно понял, что он был бы счастлив это сделать с тем, кто выступает против Вакаана. То есть, точнее, против принца Равелина. Далее он сказал, что проверял нас, подвергая испытаниям… но не слишком усердствовал. Хотел бы я знать более точно, что это за испытания? И какой воскреситель сотворил заклинание, воскресившее Вахумву? Не его ли магия уничтожила лучших солдат Ориссы?

— Нет! — громко сказал Янош и смолк. — Хотя… если быть честным, — продолжил он уже спокойнее, — я не уверен. Я не думаю. Но если он и сделал это, что тогда? Какие меры мы, ориссиане, сможем принять, если к нашим границам двинется огромная армия?

— Для начала надо хотя бы выяснить их намерения.

— Ладно, — сказал Янош. — Ладно. Уж коли мы заговорили об Ориссе, давай-ка подумаем, на что мы с тобой способны. Ведь мы — ты и я — не так давно одержали победу над воскресителями и их сторонниками в Ориссе. Они представляли давно умершее прошлое и использовали это прошлое, чтобы удержать настоящее и лишить народ будущего. И ты думаешь, все эти бесплодные дураки исчезли вместе с Кассини? Я уверен, что они постараются установить свои дряхлые традиции снова, сразу же, как только мы вернемся в Ориссу, а скорее, даже до нашего возвращения. А что в Ликантии? Я знаю этот народ. Я знаю их архонтов. Они же до сих пор толкуют о реконструкции их чудовищной стены. А увеличение численности армии? А новые жадные взгляды в сторону Ориссы?

— Что с того? — спросил я. — Мы их побили однажды, побьем и еще раз.

— Не уверен, — сказал Янош. — Что-то в последнее время не встречал я в Ориссе людей той храбрости, которую выказывали твой отец и его поколение. Нет, Амальрик, Равелин нам нужен. Прошу прощения, но позволь выразиться точнее. Нам необходимо то, что он с собой несет. Нам нужны знания этого города и этих земель. Я чихаю от пыли их архивов и библиотек, но там на одной полке больше знаний, чем во всем нашем храме Воскрешения. С этими знаниями, с этим могуществом мы можем принести золотой век, тот самый золотой век, в котором человек уже жил, но недооценил его. За несколько лет мы овладеем всеми этими знаниями и пойдем дальше. Мы молодой народ, а вакаанцы стары и привыкли к своей наезженной колее. И вообще я рассматриваю Вакаан, Ирайю и Равелина как мираж, предвещающий новое, живое время, век лучше, чем золотой, но так и оставшийся миражем.

— Хорошо звучит, — отозвался я. — Но только сейчас не время для восторженных речей. Давай вернемся к реальности. Ты действительно думаешь, что Орисса когда-нибудь потом сможет восстать против правления Далеких Королевств, если принц Равелин или кто-то другой отсюда нас покорит? Я вот гляжу на вакаанцев и вижу только удовлетворенные лица, как у тех сытых коров, которые не понимают, что их содержат только ради потомства и украшения стола хозяина. А может быть, ты надеешься на восстание народа Вакаана против своих королей? Да если и так, какой у них выбор? Или ты хочешь видеть в ориссианах, в народе, который стал почти родным тебе, таких же жвачных животных?

— А почему ты о них такого высокого мнения? — спросил Янош. — Не торопись с ответом. Вспомни о том дерьме, с которым мы столкнулись по возвращении в Ориссу. Чип. Видел ли ты в этих землях хоть подобие той нищеты? А Чип далеко не худший район Ориссы. Я уж не говорю об этих каменных муравейниках Ликантии. И я нисколько не сомневаюсь, что, если ты предложишь большинству ориссиан золотые цепи этого королевства или продолжать жить так, как они жили, — они громко потребуют кузнеца, цепи и кандалы.

Я сдержал злость, налил себе вина и заставил себя отпить. Но почему-то еще больше разозлился:

— Я помню, как несколько лет назад в пустыне мы освободили Диосе, мою будущую жену, и пытались освободить других от рабства… и как мы разъярились на тех, кто выбрал цепи. И теперь ты полагаешь за благо отыскать себе рабовладельца? Постой! У меня есть еще одно заявление. Ты сказал, что большинство ориссиан выберет правление Далеких Королевств, если их хорошенько одарить. А что же остальные, меньшинство? Как быть с Эко, Гэмеленом и даже с Мэйном и остальными нашими солдатами здесь, в Ирайе? И что будет с нашими женщинами? С моей юной гувернанткой Спото? С моей сестрой Рали? И с Отарой, ее любовницей? Или с другими маранонками? Ты думаешь, они будут приветствовать приход тирании? Что с ними сделает Равелин?

— У всех королей для поддержки их правления существуют соответствующие

законы, — немного неуверенно сказал Янош. — И чем закон Вакаана, где мятежник просто исчезает, хуже Каменного поцелуя? Или призыва архонтов?

— Что касается первого пункта, — сказал я, — то есть Ориссы, то казнь совершается открыто. Не знаю, как в Ликантии. И уж совсем ничего не могу сказать о том, каким мукам, может быть, подвергались исчезнувшие здесь.

— Может быть, — медленно сказал Янош, — нам стоит вызвать дух такого исчезнувшего и расспросить его? Хотя должен предупредить, говорят они ужасным языком. — Но тут же он сменил тему разговора. — Допустим, ты прав, оплакивая нашу судьбу. Что ты предлагаешь?

Я несколько раз глубоко вздохнул, вновь пытаясь успокоиться.

— Нет у меня никаких планов, разве что одна задумка… Но прошу присоединиться к разработке хотя бы ее. Принимаются и другие предложения, — сказал я. — Пока же мы оба должны тянуть время, общаясь с Равелином. Давать туманные обещания, как делают торговцы, когда товар запаздывает. По-моему, король Домас близок к тому, чтобы начать торговлю. Теперь, поскольку Равелин, как ты говоришь, человек увлекающийся, может быть, нам дать ему обещания быть послушными и использовать это как повод для возвращения в Ориссу? Как только окажемся дома, настоятельно необходимо сразу же начинать готовиться к войне… Ты, Янош, берешь в свои руки всю гильдию воскресителей… Нет, не к немедленной войне, ведь Равелин может вообще передумать покорять нас. А если не передумает… Я что-то не могу понять, каким образом Равелин может организовать нападение на нас, будь то магически или физически, если местных жителей вообще ничего не интересует. Я согласен, эти вакаанцы ужасно ограниченные люди. И полагаю, что, просто торгуя с ними, мы и так узнаем все, что нам надо. И ты будешь возглавлять систематизацию этих знаний. — Внезапно я выдохся и откинулся на спинку кресла. — Вот все, что у меня есть… Больше никаких планов, особенно если Равелин вообще не собирается нападать на нас.

— Но, боюсь, он собирается, — твердо сказал Янош. — Так или иначе. Однако, в конце концов, это ни к чему не приведет. — Он потянул меня за руку, чтобы я встал, и подвел к обыкновенному круглому зеркалу. — Посмотри в зеркало, друг мой. Посмотри на нас. Когда мы познакомились, ты был мальчиком, а я был юношей, отвечавшим лишь за роту копейщиков. А теперь мы добрались до Далеких Королевств, и в наших руках все могущество и вся мудрость богов, которых не существует. Все, что нам мешает, это просто один человек, с которым, я знаю, мне удастся разобраться в соответствующее время — не могу высказаться точнее. Если же мы сейчас покажем длинный нос Равелину и рванем к границе… Я сомневаюсь, что нам дадут добраться даже до Перечного побережья. И если мы погибнем в заброшенных землях, Орисса вернется в первоначальное состояние. Амальрик Антеро, мы избраны, чтобы привести Ориссу в новый век, и ты должен понять это. Если надобно тянуть время с Равелином — быть посему. Мы еще не старики, у нас вся жизнь впереди, да и времена меняются.

Я хотел ответить что-то такое важное, но затем пригляделся к изображению в зеркале. В данную минуту я выглядел как угодно, только не молодо: на лице отразились все пройденные лиги, все страдания и все смерти; волосы уже не пылали как прежде; глаза глядели в пустоту, словно насмотревшись на слишком многое, а душа просилась отдохнуть. Но по сравнению с Яношем я выглядел младенцем. Он всего на несколько лет был меня старше, но сейчас, в этом освещении, он по возрасту годился мне в отцы. Поредевшие волосы и бороду тронула седина, причем какая-то желтоватая седина, словно Янош недавно поднялся с больничной койки. Время избороздило морщинами его бледное лицо, щеки начали обвисать. Но больше всего мое внимание привлекали его глаза — покрасневшие и глубоко запавшие. Этот охотничий блеск сочетался с опытом и… внушал ужас. Я совсем недавно видел такие глаза и вспомнил где — на пиру у Мортациуса, когда впервые встретился со взглядом чародея. Я подавил в себе содрогание, отвел взгляд, вновь ощущая злость.

— Ты веришь, что мы действительно сможем устоять против человека, сотворившего кошмар Вахумвы? — сказал я. — И не только устоять, но и уничтожить его со временем или хотя бы лишить могущества? Янош, очнись. Если я всерьез соглашусь на его план, то он позволит мне жить, только если я буду слепо повиноваться каждому его желанию, словно они исходят из моего сердца. Пешки с хозяином не спорят. Но есть кое-что поважнее той роли, которая отведена мне в новом мире Равелина. Янош, мне очень бы не хотелось верить, что ты в конце концов станешь таким же. Откровенно говоря, я не уверен, действительно ли он человек. Принц Равелин провел всю свою жизнь в королевской игре в смерть и власть. Он слопает тебя, как легкую закуску! — Голос мой громко звучал в полуночной тишине.

Янош тоже разозлился:

— Ты думаешь, я так уж слаб?

— Я думаю, что тебя одурачили! — огрызнулся я. — Ты кривляешься, привлекая внимание Равелина, как я когда-то добивался этой шлюхи Мелины. Но только я не вижу капитана Серый Плащ, который бы спешил на помощь тебе, так что, в конце концов, ты окажешься болваном почище меня.

— Да как ты смеешь? — прошипел Янош. — Ты… сын торговца, даже и не мужчина, который и в настоящей-то схватке ни разу не побывал. Для которого самая большая проблема — повыгоднее продать рулон материи. Ты советуешь быть умнее мне, Яношу Кетеру Серый Плащ, чья родословная восходит к началу истории. Как ты смеешь?

Помимо моей воли мой кулак сжался, и я размахнулся. С губ моих уже собирались слететь слова о том, что вот, дескать, наконец-то я узнал, что ты обо мне думаешь… Но тут я посмотрел в зеркало и увидел лицо, красное, как волосы, и, вместо того чтобы ударить, я вдавил ногти в ладонь. Я задыхался, словно только что прибежал к финишу соревнований по бегу. И ко мне вернулось какое-то подобие спокойствия.

— Мы оба оказались в дураках, — выговорил я. — И мы ни до чего не договорились. Продолжим завтра. Когда решим, как вести себя.

Яношу удалось коротко кивнуть в знак согласия. Он даже пытался что-то сказать, но замолчал. Не прощаясь, я повернулся и поспешил вниз. Еще находясь во внутреннем дворе, я начал окликать Гатру и гондолу.

В мой дворец я вернулся поздно ночью. Я не знал, что делать. Я сбросил одежду на берегу пруда и бросился в холодную воду. Три раза я переплыл пруд, пытаясь разогреть мышцы и остудить голову. Я выбрался на берег. Предрассветный ветерок холодил кожу. Я почувствовал себя немного лучше, но не умнее.

Что-то подсказывало мне, что теперь важен каждый час. Мне надо было обсудить ситуацию с единственным человеком в этом королевстве, пребывавшем в здравом рассудке. Я прошел на кухню и разогрел котелок чая, не поднимая дремлющего слугу. Я понес чай в наши покои, собираясь разбудить Омери и рассказать ей, что произошло. Но она и не спала, встревоженно стоя у окна. Я опустил поднос и обнял ее, не желая ничего более, как только поменять вечность на это мгновение. Но она вскоре отодвинулась от меня.

— Случилось плохое?

Я все ей рассказал: и о посещении дворца Равелина, и о встрече с Яношем. Когда я закончил, то увидел, что на рассказ ушло два часа. Омери налила холодного уже чая и выпила.

— В Вакаане нашлись бы такие, — сказала она, — кто счел бы смешной такую ситуацию, когда полусумасшедший чужестранец обращается за мудрым советом к артистке.

— Но ведь ты же знаешь меня лучше всех, — сказал я. — И только тебе я могу довериться до конца.

Омери поцеловала меня и сказала:

— Ну тогда ладно. Начнем с твоего друга? Давай рассмотрим такую ситуацию: если бы кто-нибудь пришел ко мне, как, вероятно, пришел принц Равелин к Яношу, и сказал, пообещал, что я буду знать все аккорды, все возможные постановки пальцев, смогу играть на всех музыкальных инструментах, которые только существуют в мире, и смогу использовать

эти знания для создания величайшей музыки всех времен и народов… возможно, и я бы оказалась настолько слепой, что не смогла бы отвергнуть такой дар и дарителя. Кроме того, в его словах есть доля истины. Не то что злобу Равелина можно трансформировать в добро, как это делается с веществами, превращенными в золото. Но Равелина можно сбить с курса.

Во мне проснулась надежда:

— Каким образом? Может быть, мне пойти к королю?

Омери задохнулась в ужасе:

— Даже не думай об этом, любимый! Если только ты отправишься к королю Домасу и расскажешь ему обо всем, что произошло, он наверняка призовет Равелина и сурово его накажет. Он может даже потребовать, чтобы принц сам сослал себя в отдаленное поместье, сказав, что вид его оскорбляет зрение приличных людей. И тебя даже наградят. Но Равелин вернется в Ирайю через несколько месяцев, а ты можешь исчезнуть. И пусть один брат ненавидит другого, но никому не позволено ставить в неловкое положение королевскую фамилию. Никому. Кроме того, в Вакаане привыкли более деликатно относиться к таким вещам. По моему мнению, нам надо бы переговорить с некоторыми нашими друзьями, которых король считает людьми мудрыми. И чтобы эти друзья перемолвились со своими друзьями. И беседы эти должны проходить в интимной обстановке и без шума. Через какое-то время — через неделю или через месяц — мы переговорим и с Бимусом. Так слушок доберется и до королевских ушей. Он проведет свое тайное, негласное расследование. А как только он узнает правду, причем сам узнает, тогда-то принца Равелина и прихватят под уздцы. И возможно, он получит неожиданный приказ отправиться на борьбу с разбойниками куда-нибудь на север.

Я не поверил.

— И таким образом ситуация нормализуется, а мои проблемы и проблема Ориссы разрешатся?

Это было невероятно.

— Как я уже сказала, Равелина приведут в чувство, а это для нас, по крайней мере, важнее, нежели судьба двух варварских городов на западе. Прости, Амальрик, любимый, но именно так думают в Вакаане.

Я ничего не понимал, особенно там, где дело касалось гарантий. Но Омери предлагала единственный план, в котором было какое-то разумное зерно. А завтра я схожу к Яношу, и мы пересмотрим наши аргументы. Хоть я и был еще зол, помня о его несправедливых оскорблениях, но я сказал себе, что все мы не идеальные, да и, потом, Далекие Королевства стали его навязчивой идеей гораздо раньше, чем моей. И, уже лежа в постели, я подумал, что теперь нашей дружбе придется перенести самое серьезное испытание.

Проснулся я час спустя с воплем, рвущимся из груди. Крик просился наружу, но так и не вырвался. Омери беспокойно заворочалась рядом. А я как бы одновременно и уже не спал, и в то же время пребывал в каком-то лихорадочном состоянии из-за этого вещего сна.

Две мысли жгли мой мозг. Одну я уже понял, по крайней мере в принципе: вскормлен какой-то черный колдун, созданный из боли, страха и смерти. Если Равелину удастся осуществить его план, то и Орисса, и Ликантия обратятся в хаос. По нашим землям будут бродить армии бандитов и мародеров. И со временем от нас не останется ничего, кроме заброшенных земель, таких, как Спорные земли и другие, что мы видели. И я даже представлял себе лицо Равелина, нависшее над этой кровавой разрухой, ухмыляющееся этому разрушению, жажду которого он впитал в себя с молоком матери.

Если позволить Равелину осуществить его план… И тут я вспомнил о том, что Равелин хотел бы превратить Яноша в своего цербера. И я задумался: в цербера или в наемного убийцу? Ничто не помешает Яношу принять участие в заговоре против короля Домаса. Пусть так, но ни в каком кошмаре я не мог себе представить Яноша, крадущегося по королевскому дворцу с отравленным клинком в поднятой руке. Однако разве не может Янош сам организовать, возглавить и осуществить переворот? Чтобы в момент победы его умертвил свежекоронованный король, безмерно скорбящий об убийстве брата? Нет. Это

было слишком фантастичным.

Я попытался взять себя в руки и посмотрел в окно. Хотя было еще темно, пока неуверенно, но уже начали перекликаться птицы в саду. И не надо было бы засыпать, но я не удержался. Не помню, как упала голова на подушку. Запомнил лишь последнюю мысль: предстоит день, ни на что не похожий.

Глава двадцать шестая
ПЕЩЕРА

Это больше напоминало кошмар, но все-таки было явью. Где-то сбоку горели факелы. Я лежал на холодном влажном камне. В ноздри набивался запах плесени, во рту ощущался солоноватый привкус крови. Я знал, где я: опять в подземелье архонтов, глубоко под их дворцом в Ликантии.

Я только что очнулся от сновидения, в котором прошла чуть ли не половина жизни и каждую деталь которого я помнил наизусть. Нам с Яношем так и не удалось сбежать из этого подземелья, мы не сражались с воскресителями за души людей Ориссы и никогда не путешествовали далеко от Перечного побережья к Далеким Королевствам. Я вспомнил о женщине по имени Омери, которая мне снилась, понял, что ее никогда не было, и глаза мои увлажнились. По крайней мере, боги сжалились, подарив мне кусочек воображаемого счастья в этом затянувшемся сновидении.

Я почти совсем проснулся в этом кошмаре. Но из сна той степени погружения я запомнил не только то, что мы уже бежали из подземелья, но и как мы бежали. Я окончательно проснулся и оглядел этот проклятый подвал в поисках Яноша. Я должен поведать ему мой сон, особенно ту часть его, которая связана с этим ликантианским подземельем, и, возможно, из этой моей иллюзии удастся составить план настоящего побега.

Чей-то голос проскрежетал:

— Очнись же, Антеро! Это заклинание не может действовать вечно.

Нет, я не был в подземелье архонтов. Я был в другом сыром каменном подвале, маленьком и тесном. Вокруг не было никого — ни охраны, ни собратьев по заключению, ни Яноша. Не было и орудий пыток напротив камеры. Я пребывал в одиночестве… если не считать Грифа. Он сидел сгорбившись на массивной скамье у стены. Он улыбался. Я заставил себя встать.

— Господин Антеро, — насмешливо сказал он, — очнулись? Позвать девок, чтобы они вас помыли? Слуг, чтобы одели в шелка? А может, ту актерку сисястую, с которой вы славно исполнили вместе не одну мелодию? Стоило бы, чтобы вы поглядели, как она мне доставит удовольствие. Жаль, нельзя.

Я молчал, ничего не понимая. Я даже не мог сдвинуться с места. Гриф поднялся и подошел ко мне. И я увидел его пустую глазницу, в которой что-то шевелилось. Значит, удар тупым концом копья лишил-таки его глаза. Гриф понял, на что я вытаращился, и своей мускулистой рукой нанес мне удар в живот. Я задохнулся и опустился на колени, прижав руки к животу.

Толчком ноги он опрокинул меня на спину и уставился на меня сверху вниз.

— Да, — сказал он. — Ты действительно вышиб мне одну моргалку. Но я нашел получше способ глядеть. Мой хозяин одарил меня… неким даром. Поделился со мной могуществом, чтобы я, глядя на людей, мог понимать их намерения.

Гриф хлопнул себя по пустой глазнице и расхохотался, так что эхо запрыгало по каменному мешку.

И в этот момент я увидел в его глазнице красный огонек, крошечный дергающийся огонек. И понял, что попал в реальность того кошмара, что проклятием висел надо мною уже много лет. На счастье или несчастье, но мне было позволено заглянуть в мое будущее, где моим мучителем, лодочником и сопровождающим стал Гриф. Как же я не понял этого тогда, когда впервые встретился с Грифом на постоялом дворе?

— Я так понимаю, что ты еще никак не сообразишь, где находишься. Где-то неподалеку от Ирайи. Где-то глубоко, глубоко под землей, откуда никто не услышит твои вопли, а тебе придется немного покричать. Ты знаешь, когда я попал в компанию воров, я там впервые понял, что кое-кого можно сломать просто словами. Итак… Тебя одурачили, простофиля. И обыграл тебя тот человек, которого ты считал своим другом. Человек, который сотворил заклинание, защищающее тебя, как ты поверил, но он же его и снял, а мне и моим помощникам удалось подобраться к тебе и мгновенно выкрасть.

Как ни старался я сдерживаться, на лице отразилась моя сердечная мука. Гриф опять рассмеялся и плюнул мне в лицо.

— Поднимайся и оглядись. Какие хорошенькие игрушки я приготовил, чтобы поиграть с тобой! На забаву с тобой принц отпустил мне целый день. Правда, он сказал, чтобы я не убивал тебя и не доводил до сумасшествия. Ах да, еще не калечить и не ломать кости. Надо полагать, принц еще сам с тобой хочет попозже поиграть. Держу пари, его игры могут оказаться позанимательнее моих, хотя у меня и было время приготовиться к этой встрече и придумать, что я хочу с тобой сделать, и время, чтобы вспомнить, как со мной обошлись другие. Кроме того, что значат его запреты для человека, который давно служит у Нису Симеона.

Утешало меня только то, что Гриф мог ведь и не знать о моем кошмаре, иначе он еще больше ликовал бы, представляя, сколько раз созерцал я грядущий ужас. Но даже сейчас, перед лицом боли, мне было куда мучительнее узнать о предательстве Яноша.

— Для начала, — сказал Гриф, — подними-ка руки. К тем кандалам, что свисают. Защелкни их на запястьях. — Он довольно хмыкнул, когда я обнаружил, что мое тело слушается меня. — Ну разве не прелесть это заклинание, что дал мне принц? Ты сам мне будешь помогать.

Заклинание подавило мою волю, и я не мог ослушаться приказа; я сам защелкнул наручники на запястьях. Гриф опять усмехнулся и подошел к стене, где через блок была перекинута веревка, тянущаяся к другому блоку на потолке и оттуда — к моим наручникам. Он отвязал веревку и стал ее натягивать до тех пор, пока я чуть ли не повис над землей, касаясь ее лишь носками.

— Ты вывихнешь себе все, что можно, поскольку времени у нас довольно, чтобы вправить тебе косточки обратно… до того, как мы закончим наше путешествие, — сказал он. — Ну а пока просто так повиси, поскольку я уверен, у тебя накопились кое-какие вопросы. И я тебе отвечу на все, ибо в последующие несколько часов ты их уже задать не сможешь.

Он вернулся на скамью и сел в ожидании. Мне не хотелось доставлять ему удовольствие, но был один факт, в котором я хотел убедиться.

— Ты по-прежнему на службе у Нису Симеона?

Гриф рассмеялся своим отвратительным смехом и энергично кивнул:

— Он так думает, что я служу. А я беру его серебро только до тех пор, пока его цели совпадают с моими. Я работал на него, ставя тебе ловушки. И это я выпустил кишки твоему слуге, пытаясь отобрать у него твои волосы, чтобы ими для заклинаний воспользовался Симеон.

Ну разумеется, это он был убийцей Инза, и я, как мог, старался убедить себя, что мне удастся отомстить за смерть старика до того, как сам стану духом. Но надежда эта была невелика.

— Ты теперь понимаешь, — продолжал Гриф, — кто мой настоящий хозяин, ежели господин Симеон почтительно присягнул принцу.

Вновь интуиция не подвела меня. То, о чем я размышлял несколько часов назад, оказалось правдой: Равелин действительно собирался устраивать резню в наших землях, натравливая одних на других.

— Как же Нису и ты оказались в Ирайе?

— Нису Симеона здесь нет, — сказал Гриф. — Он в Ликантии, готовит поход против

Ориссы. Да он и не был в Ирайе. Когда у тебя такой хозяин, как принц, человеку нет нужды появляться здесь во плоти, чтобы поцеловать его кольцо. Симеон служит у него… Ну, точно не знаю, не спим мы с ним, чтобы он делился со мною секретами… Служит достаточно давно, как мне кажется. Я сам обнаружил, что они действуют заодно, три месяца назад. А как я сюда попал? — Гриф, казалось, на мгновение встревожился. — Не будем об этом говорить. Симеон приказал мне служить тому человеку, которого увижу, как только очнусь. Наложил заклинание, и в следующее мгновение я оказался тут, в этом восьмистенном замке принца, за городом. Никто мне ничем не угрожал и не принуждал повиноваться. Я понял, что принц Равелин обладает реальной властью. И то, что он просит меня сделать, я делаю с удовольствием, а вовсе не из корысти.

Он встал и прошелся по подвалу. В помещении располагались различные орудия пыток: веревки, блоки, плети, огонь, вода и тому подобное. Он стал выбирать в раздумье.

— Даже не знаю, с чего начать… Но хватит болтать. Ведь передо мной Антеро, мой друг, моя награда, — голос его проникся предвкушением ожидаемого удовольствия, — и я должен позаботиться о нем. Дурак ты, дурак. Всего-то — преклонить колени перед принцем, и ты мог бы заменить Симеона в грядущей заварушке, и вся бы Орисса валялась у твоих ног. Ты же устроил демонстрацию гордости. Пожалеешь. И сейчас, и когда вечность настанет. Есть у меня ощущение, что принц не позволит тебе умереть по-настоящему.

Он поднял плеть и поиграл ее ремнями.

— Ну что ж, коли просишь, — прошипел он, и на меня обрушился удар.

Нет смысла обагрять эти страницы кровью детального описания моих мучений. Тем, кто хочет знать больше, я посоветую отыскать ближайшую к какой-нибудь тюрьме таверну, поставить выпивку надзирателю, и он удовлетворит ваше любопытство. Достаточно сказать, что Гриф, будучи в свое время предметом пыток, хорошо изучил их и достиг настоящего искусства в этом деле.

Но стоит отметить четыре факта. Первый: между мучителем и его жертвой устанавливается странная связь. Я даже не знаю, как описать ее. Но многие, те, кто провел долгое время в застенках, рассказывали мне, что постепенно жертва становится как бы добровольным рабом своего мучителя, по мере того как душа от бесконечной боли все дальше поднимается над землей. В этих узах есть даже что-то сексуальное.

Второе: обретаешь какое-то безумное наслаждение от боли. Это ощущение тоже сложное и, как я полагаю, имеет в своей основе нервное извращение, близкое к сексуальному, но более истекает из попытки сохранить часть своей души, часть своей личности от боли и палача.

Третье, что я понял: страсть Грифа превосходила его мастерство, он не был профессионалом. Искусный мучитель, как я узнал потом, ни за что не доставит жертве такого удовольствия, как потеря сознания. В этом была величайшая ошибка Грифа и, возможно, мое спасение. Три раза меня охватывало блаженное состояние, позволяющее внутренним силам собраться в противостоянии очередной пытке Грифа.

Наиболее ценно последнее наблюдение: всему постепенно приходит конец. Как и этому дню.

Но тут-то и начался настоящий кошмар.

Я пришел в себя, когда два человека стаскивали меня вниз по каменным ступеням. Впереди, освещая лампой дорогу, шел Гриф. Я узнал его по рубцам от кнута на спине. На нем были только черные штаны. Лестница была древней, я разглядел, как между камнями выступает белая плесень. Лестница внезапно обрывалась у озерца, где к берегу была причалена лодка-лодка моего кошмара.

Меня забросили на борт, и два помощника Грифа, не говоря ни слова, удалились. Гриф отвязал лодку, встал у руля, и течение, подхватив суденышко, потащило его в туннель, свод которого лишь на фут поднимался над головой моего лодочника.

Вскоре мы оказались на открытой воде. Стояла ночь, но без луны и звезд. Мы плыли по каналу, который казался мне знакомым. Мы находились в самом центре Ирайи, но нам не

попалось ни одной гондолы, ни одного судна. Я не был ни скован, ни связан, мог бы выпрыгнуть из лодки; если бы не получилось, хоть бы закричал о помощи. Но я ничего не предпринял. Может быть, я находился под воздействием заклинания, а может, и в шоке после пыток. Скорее последнее, поскольку мне продолжало казаться, что наяву ничего не происходит, а я просто галлюцинирую.

Я запомнил из этого путешествия только куски. Мы плыли с такой же скоростью, с какой в свое время спускались по реке с гор, вступая в Гомалалею. В канал впадала Змеиная река, и тут я понял, что мы во власти колдовства, поскольку поднимались вверх, по реке без парусов и весел. Когда мы миновали городские окраины, справа я увидел Священную гору. Затем мне вспоминается какое-то глубокое ущелье. Шипящая за бортом река казалась наполненной не водой, а какой-то темной, густой, маслянистой жидкостью.

Гриф даже не тронул руля, но внезапно судно резко свернуло в сторону, едва не врезавшись в поднимающийся утес. Но там разверзлась пасть пещеры, которую вода, видимо, вымывала не одно столетие. Внутри оказался каменный причал. Гриф привязал лодку, выбрался из нее, обернулся и поманил меня. Каждая оставшаяся в живых частичка души призывала меня сражаться, но я последовал за ним, неловко перешагивая через сиденья в лодке, а затем поднялся вверх, на сырой причал, высеченный в камне. Ноги дрожали, разум вопил: «Беги! Ты не должен подниматься по этим ступеням! Ты не должен!» А я поднимался.

Гриф взял один из факелов, торчащих по обе стороны сводчатого прохода, и еще раз поманил меня. Я услыхал вой и понял, что там, наверху, — огромный разрушенный проклятый город на каменистом плато. И там, наверху, в этом городе, в руинах амфитеатра, сидели терпеливым кольцом те чудовища. И эти твари выли на луну. Я вдруг подумал, что, наверное, они некогда были людьми. Людьми, заключившими черную сделку.

Я шел за Грифом. Мысли мои, замедленные, словно я был под действием наркотиков, говорили мне, что, должно быть, ни одна жертва не вернулась назад по этим ступеням, и я отчаянно начал обдумывать мое положение. Но выхода из него не придумал. Раскатился гул, как от гигантского барабана. Мы вошли в громадный зал, потолок которого уходил высоко во тьму. Я вновь услыхал звук барабана, Гриф повернулся, и я увидел, как горит, трепещет огонек в его пустой глазнице.

Я услышал, как кто-то говорил о моих желаниях, о моих стремлениях, о моей судьбе и потом рассмеялся. Смех гремел все громче, громче, ему вторил вой чудовищ, радующихся боли и смерти, разрастаясь в какофонию.

И появился Равелин. Тишина обрушилась на зал, на этих чудовищ, как удар топора. Гриф превратился в статую. На принце были кроваво-красные штаны и черная длинная туника с золотой шнуровкой вокруг шеи и запястий. На поясе — разукрашенный кинжал. Словно он собрался на придворный прием.

— Итак, мы дошли до конца, Антеро, — сказал Равелин очень спокойно. — Хочешь знать свою судьбу? — Я промолчал. — Через считанные мгновения я лишу тебя физического тела. Большая часть твоей души развеется ветром, когда я подчиню тебя себе. Но ты будешь больше чем просто несчастный скитающийся дух, подобный твоему брату или твоему рабу, убитому этим вот негодяем. Часть тебя я сохраню в моей собственной душе, чтобы ты оказался свидетелем, глядя моими глазами, какие великие изменения придут в этот мир. Свидетелем, беспомощным что-либо сделать, разве что вскрикнуть в безмолвном ужасе.

— Большая честь, — сказал я с сарказмом, собираясь хоть умереть с чувством собственного достоинства.

— Не совсем. Просто я хочу сохранить в себе частичку тебя, как напоминание о прошлых моих неудачах и как предостережение от тщеславия.

— Ты не похож на неудачника, — сказал я.

— Сильно ошибаешься. Я несколько раз в течение прошедших десятилетий терпел неудачу с тобой и твоей семьей. Много лет назад я ощутил присутствие вас в мире, способное мне помешать. Но это было далекое присутствие, и ощущение было слабым. Я не

обратил внимания, полагая, как и большинство здесь, в Вакаане, что бессмысленно тратить время на дела с какими-то варварами. Но затем я ощутил ваше присутствие более мощно. Я позволил моим ощущениям выйти на след и так открыл твоего брата.

От этих слов я полностью пришел в себя и насторожился. Не знаю, как объяснить, но по каким-то причинам одна из фраз, сказанных в моем давнем вещем сне Грифом, почему-то никогда не производила на меня особого впечатления: «Вот с чем не смог смириться твой брат…» Позднее мне говорили и ученые, что существует необычный феномен: иногда человеку вдруг кажется, как вокруг него начинают говорить на непонятном ему языке, хотя на самом деле это и не так. То есть знакомое вдруг становится чужим.

— Я магически осмотрел Ориссу, — продолжал Равелин, — и получил предупреждение, подобное тому, которое чувствуют дикие звери, когда охотник еще только вступает в джунгли. Твой брат, необученный и не имеющий семейной традиции волшебства, потенциально был самым великим магом всех времен.

Несмотря на все мои мучения, в смертный час я ощутил прилив гордости. Но меня охватил гнев:

— И тогда ты убил его!

— И тогда я убил его, — согласился Равелин. — Я хорошо устроил ловушку. Халаб был существом не более идеальным, чем я или ты, и потому достаточно было послать небольшое заклинание, внушающее немного высокомерия. Чуть более сильное заклинание наслал я на этих дураков, ваших уважаемых воскресителей, таланта у которых не хватит и на то, чтобы остановить дождь. Они ощутили угрозу их власти, исходящую со стороны Халаба, и, когда он попросился быть принятым в ряды воскресителей, они задумали смертоносный план. Твоего брата испытывали. Он легко расправлялся с духами, ничтожными творениями, которые насылались на него воскресителями, и мог вот-вот одержать победу. Вот тут меня подстерегала первая неудача — я не смог по достоинству оценить его величие. И тогда я произнес два мощных заклинания. Одним остановил время, чтобы успеть вызвать существ, о природе которых и названиях лучше и не думать. Цена за этих созданий была высока: целый город невинных людей был впоследствии принесен в священную жертву. Я убил Халаба, вернее, эти создания убили его. Но и тут успех мой был не окончателен. Прежде чем эти существа вычеркнули его имя из этого мира, Халаб умудрился успеть оставить после себя призрак, подобный призраку неоплаканного и неотомщенного умершего. И тогда мне пришлось обречь всех вас, Антеро. Глупо было думать, что Халаб явился прихотью судьбы. У всего вашего семейства было хоть чуточку магической потенции. У твоей сестры, например, талант весьма велик, и он усиливается еще и тем, что она не выходит замуж, не рожает и не совокупляется с мужчинами. И у тебя имеется крупица таланта, о чем ты, конечно же, подозревал.

Я даже испугался, услышав такое, и Равелин это заметил.

— Так ты не знал? — воскликнул Равелин. — Талант у тебя хоть и не грандиозен, как у Халаба, но достаточно внушителен, и ты овладел бы этим искусством с годами, если бы не пошел в другую сторону, враждебно относясь к магам. Люди в таких случаях говорят о знаке удачи.

Мне же придется убедиться, что ваша удача исчезла, и для этого я через несколько недель вырву с корнем весь ваш род Антеро. — Он с минуту наслаждался произведенным впечатлением и затем сказал: — Но вернемся к моей исповеди. Должен признаться, она доставляет мне удовольствие. Ведь, не будучи дураком, я в своей жизни не доверял никому, да и впредь не собираюсь. Тем не менее, возможно, я время от времени буду вызывать твой дух и развлекаться с тобой беседами. Это будет забавно. Но продолжим. После смерти Халаба я несколько утратил бдительность, как напившийся в честь своей победы солдат под полуденным солнцем. В следующий раз я ощутил опасность Антеро, когда ты приобрел в соратники Яноша Серый Плащ. Еще одного замечательного мага, которому не хватало лишь образования. Стало ясно, что ваша семья привлекает магов, как мед мух. Я вновь решился действовать, но выбрал негодное оружие — архонтов с их хваленой бурей, которая оказалась

лишь ветерком, который мог вызвать и такой дурак, как Кассини. Для вас все обошлось кораблекрушением. Потом я сделал ставку на Нису Симеона, но переоценил его способности. Теперь уже все — я понял, что нельзя больше тянуть время, надо решить проблему раз и навсегда. И теперь у меня есть Янош Серый Плащ. Ты, наверное, догадываешься, что Янош мог бы превзойти Халаба, поскольку, несмотря на весь свой талант, Халаб был лишь начинающим. Янош же, с его способностью анализировать, систематизировать знания, мог бы перевернуть этот мир. На мое счастье, у него столько же добродетелей, сколько и пороков. А это все равно что крепость с одной разрушенной стеною. Очень удобно для меня.

Равелин поднял перед собой руки, расставил пальцы и прижал их кончики друг к другу.

— Хотя еще два дня назад он мог запросто ускользнуть от меня. Но после того как ты расстался с ним, рассказав все — о да, я подслушивал, несмотря на попытки Яноша сотворить блокирующее заклинание, — он уведомил меня о том, что произошло. Я сказал ему, что надо делать, и он послушался! Он подчинился! И теперь он мой.

— И тем не менее ты боишься его, — сказал я.

— Я никого не боюсь, — надменно сказал Равелин. Но при этом взгляд его метнулся по сторонам. Тут же он взял себя в руки и рявкнул: — Ну, довольно об этом! Разговор перестал быть забавным. Пора обнять тебя. Иди же, Амальрик Антеро. Иди навстречу судьбе.

Равелин распахнул объятия и улыбнулся. Я ощутил, как его мощь волнами обрушивается на меня. Я тоже поднял руки. И сделал шаг вперед. И тут меня вдруг охватил такой гнев, что его заклинание рассыпалось. Я опустил руки. Равелин выглядел ошеломленным.

— Да ты сильнее, чем я полагал. Гриф! Подведи его ко мне!

Гриф вышел из состояния паралича и подскочил ко мне. Обхватив меня своими огромными мускулистыми руками, он оторвал меня от земли, сжимая в могучем захвате вокруг груди. И тут мышцы сами вспомнили схватки на борцовских коврах, крики судей, коварные приемы, которые показывали старые борцы, предупреждая не применять их в спортивной схватке. Я ногой нанес удар назад в коленку Грифа, он завопил и ослабил хватку, так что я кулаком смог угодить ему в пах. Он отпустил меня совсем и взвыл от боли, схватившись за причинное место. Я мигом повернулся к нему, сцепил кулаки, поднял их и с размаху опустил на основание его шеи. Гриф, наверное, уже был мертв, но я все же схватил одной рукой его за грязные волосы, наступил ногой, на шею и резко рванул его голову вверх. Шея хрустнула, как сухая ветка.

Мне показалось, я слышу шепот, который я не слышал с тех пор, как держал на своих руках умирающего Инза на улице в Ликантии:

— Вот теперь я по-настоящему свободен…

Я развернулся в боевую стойку, готовясь к нападению Равелина. Но тот не двигался, лишь улыбка его стала чуть шире.

— По этому дерьму, — заметил он, — никто горевать не будет. Но положение становится интересным. Ну-ка, как покажет себя твоя скрытая мощь против моего отточенного и опробованного мастерства? Еще раз приказываю тебе! Иди ко мне, Амальрик Антеро!

На этот раз с его пальцев стекала магическая волна, он прошептал слова-заклинания, смысла которых я хоть и не разобрал, но ощутил в себе как ползающих червей.

В зале стало еще темнее. И вот уже никого не осталось, только Равелин, а затем ничего, кроме его глаз, влекущих туннелей, приказывающих идти вперед… Меня, как в водоворот, засасывало в эти болота зла.

Душа моя содрогнулась и, наверное, сама произнесла имя Халаба, даже не надеясь на чудо в этой пещере смерти. И перед глазами василиска Равелина словно повисла прозрачная дымка. В зале посветлело, а я ощутил в это же мгновение свободу. Без всякого принуждения я прыгнул вперед, видя перед собой не всемогущего мага, а обыкновенного мужчину средних лет. Я со всего маху врезался в Равелина, и тот упал навзничь. Я снова бросился на

него, пытаясь добраться до его кинжала прежде, чем он нашлет на меня очередное заклинание. Но Равелин оказался искусен не только в колдовстве. Он резко откатился в сторону, как опытный турнирный борец, и вскочил на ноги, уже держа в руке кинжал, извилистый, как змеинообразное продолжение его пальцев. Лезвие необычно ярко блестело, и я понял, что оно заколдовано. Но на этот раз я не стал вести себя подобно кролику под взглядом змеи, поскольку в легком небесно-голубом сиянии, появившемся по велению Халаба, я разглядел за спиной Равелина коридор и припустил по нему изо всех сил. Но на бегу я услыхал злорадный смех Равелина и его слова, звучавшие так отчетливо, словно он находился рядом со мной:

— Так ты не хочешь еще поиграть? Пусть будет по-твоему. Говорят, мясо добычи становится нежнее после того, как она испытывает ужас и боль. Давай, Антеро. Мои собаки уже готовы идти по следу. Мы вскоре встретимся, когда ты будешь загнан в угол.

Я не обращал внимания на эти слова. Я избежал одной ловушки и теперь не собирался отступать перед лицом следующих… Лишенный оков, я легко бежал по ступенькам, ведущим наверх. Вверху ждал разрушенный город и его чудовища, но вверху было небо, ночь и воздух. Мои легкие жадно глотали воздух, измученное тело просило пощады, но я и на это не обращал внимания. Я с нетерпением ждал, когда же покажутся ворота, ведущие наружу. Они показались, но были заперты на уровне моих плеч перекладиной толщиной с человеческое тело. Я огляделся в поисках лебедки или рычага, но ничего не обнаружил. Тогда я изо всех сил толкнул этот засов, снять который мог лишь взвод солдат. И силы откуда-то взялись, перекладина потихоньку поднималась, и вскоре ворота открылись. Оставалось только нажать плечом на створки, которые висели на хорошо смазанных петлях и распахнулись без скрипа. Тучи разогнало, выглянула луна. За воротами начинались груды камня, обрушившиеся колонны и разбитые мостовые проклятого города.

Я выскочил на этот холодный лунный свет. Оставалась надежда отыскать подходящий склон, по которому можно было бы спуститься к равнине или лучше к реке. Я хотел попробовать пуститься вплавь по этой зловещей воде и отыскать спасение ниже по течению. Интуитивно выбрав направление, я побежал вперед. А за спиной раздалось завывание чудовищ Равелина. Я не знал, страшны ли они сами по себе или их направляет исключительно воля принца. Вой звучал все громче, и я не мог от него оторваться.

Я выбежал на широкую улицу, посреди которой валялись обломки статуй. Лик каждой статуи был срезан, словно после того, как их повалили, кто-то еще поработал над ними стамеской. Они изображали людей с необычными пропорциями тела. Но у меня не было времени их разглядывать, поскольку из переулка впереди на меня бросилось первое чудовище. Луна хорошо освещала его. Представьте себе гигантского человека, бегущего на четвереньках, с локтями, вывернутыми вперед. Удлините в два раза человеческое лицо, добавьте ядовитые клыки, сдвиньте глаза на виски, как у волка, хотя этот благородный зверь не идет ни в какое сравнение с этим чудовищем, и обтяните полученное тело бледной, изъязвленной, как у больных проказой, кожей — получится точная картина. Клацая когтями по камням, оно приближалось ко мне. Вой его зазвучал торжествующе, а затем и удивленно, когда я, подобрав булыжник размером с кулак, швырнул ему в морду. Чудовище отскочило назад и присело, визжа от боли. Наверное, до этого добыча еще не давала ему отпора.

Я побежал дальше. Позади вновь послышалось завывание. В конце улицы я оглянулся. Стая чудовищ приостановила преследование и набросилась на раненного мною собрата. Я выскочил на другую улицу и побежал в том направлении, где, по-моему, должны были закончиться и руины и плато.

Что-то ударило меня в спину, сбивая с ног. Я машинально сделал сальто и тут же увидел одно из этих созданий, которое, не давая мне времени встать, снова прыгнуло на меня. Я мгновенно вспомнил один из приемов Яноша, и, когда чудовище разинуло пасть, выдыхая гнилостный запах, я смело воткнул ему в глотку левую руку. Не давая зубам сомкнуться на ней, я другой рукой обхватил его за шею и резко повернул ему голову, начисто ломая шею твари. Еще одно чудовище было уничтожено.

Я помчался дальше, надеясь, что стая задержится полакомиться еще одним своим. Как раз в этот момент ко мне пришло второе дыхание и боль в легких пропала. Теперь, если бы потребовалось, я бы бежал всю ночь. Мне показалось, что я уже слышу шум реки неподалеку. Земля впереди уходила вниз, образовывая естественный амфитеатр, чем и воспользовались местные строители, создав сооружение намного больше, чем Большой амфитеатр Ориссы. Каменные ступени вели по склону холма к сцене, прежде прикрытой сверху каменным навесом. Сохранилось несколько колонн с остатками свода на капителях. А дальше отвесно уходила вниз скала. Придется искать какую-нибудь тропу или расселину, по которой можно будет спуститься.

И в этот момент стая настигла меня. Чудовища появились ниоткуда, казалось, что их изрыгнула сама земля. Я помчался к сцене, прыгая со ступеньки на ступеньку. Запрыгнув на сцену, я рванул к колоннам и там вооружился двумя острыми обломками камня. Чудовища окружили меня, рыча и повизгивая, стали сжимать кольцо. Я понимал, что им не велено убивать меня, и решил, что Равелин позволяет мне до последних сил сражаться, прежде чем он наложит на меня свои лапы. Одна тварь наконец решилась прыгнуть и получила сокрушительный удар камнем по черепу. Кольцо сжалось еще теснее. Я отчаянно огляделся — мне не справиться со всей стаей. Ясно, что тут мне и конец.

И тогда я решил, что достойнее погибнуть не от клыков этих чудовищ и не от магии Равелина. Если уж это все, я лучше прыгну со скалы вниз.

И тут появился мой хорек. Сначала я не понял, что это. Новое чудовище футов тридцати длиною, покрытое светло-коричневой шерстью, с длинным хвостом и горящими желтыми глазами, с шипением и посвистыванием бежало вниз по амфитеатру. И я с удивлением узнал в нем того хорька, которого воскресил Халаб, того любимого мною в детстве хорька, только выросшего в гиганта. Он подкрался сзади к одному из чудовищ Равелина, аккуратно прихватил его за спину и раскусил пополам. Стая встревоженно взвыла от такого неожиданного нападения и развернулась, чтобы разделаться с новым врагом. Но хорек был тут и там, везде и нигде, и каждый раз, когда смыкались его клыки, одна из тварей испускала свой последний вопль. Вожак своры отскочил в сторону и пролаял сигнал к отступлению. Остальные бросились врассыпную с места сражения, карабкаясь по ступеням наверх в попытке скрыться, но и там их настигала расправа. Когда стая врагов исчезла, это громадное животное присело на задние лапы и закрутило головой, принюхиваясь. В моей памяти отчетливо всплыла картина, в которой мой давно умерший зверек так же вот вынюхивал запах крыс. Потом он побежал ко мне, помахивая длинным хвостом и приветственно посвистывая, как он делал много-много лет назад, и сейчас, в этот момент величайшей опасности, я чуть не разрыдался.

Вокруг моего зверька замерцал воздух, приобретая форму человеческого тела. Я давно понял, что это Халаб… но тут видение исчезло. Остались луна, звезды и этот амфитеатр. Небо как будто стало ниже, вспыхнул пронзительный белый свет… Передо мной стоял Равелин. Исчезли звезды. Я и черный принц стояли на той же полуразрушенной сцене, накрытые темным непроницаемым куполом. Равелин держал наготове кинжал.

— Неплохо, — проворчал он. И куда делась его показная небрежность и насмешливость. — А я опять допустил с тобой ошибку, решив, что талант твой невелик. Я даже не чувствовал, что за тобой наблюдают и тебя поддерживают другие духи. Нет, в самом деле неплохо. Но почему же ты не позвал на помощь брата или этого зверя, когда Гриф похитил тебя в Ирайе? Или ты готовил ловушку для меня? — Равелин замолчал и изумленно покачал головой. — Коварная штука эта магия. Но не важно, кто на кого охотится, ты на меня или я на тебя. Этот купол, накрывший нас, одно из любимых моих волшебств. Он полностью нас изолировал. Теперь до нас не добраться никаким известным мне могущественным силам, земным или сверхъестественным. Я приготовил его много лет назад, когда впервые столкнулся с моим братом по поводу выбора нашего отца, будь проклята его душа, кому править в Вакаане. Купол получается почти от такого же заклинания, с помощью которого Яношш защищал тебя, пока не перестал этого делать. Моя гордость — мой купол —

защищает от всего и исчезнуть может только по моему желанию или… если я умру. Правда, существует и один минус. Под этим куполом не работает ни одно заклинание, даже сотворенное мною. Итак, Антеро. Ты владеешь приемами, и я владею. И у меня нож. Теперь, даже без помощи магии, мне достаточно будет и этого лезвия, чтобы выпустить тебе кишки. Искренне жаль, что все так просто получается, но что делать. По крайней мере, и в этом случае дух твой никогда не будет отомщен и никогда не успокоится в скитаниях. На этот раз, Антеро, тебе никуда от меня не деться.

И, подтверждая свои слова, он двинулся на меня.

Я никогда не оценивал себя как высокоискусного бойца и мало что понимал в поединках с ножами, зная разве, что надо как можно быстрее перемещаться вокруг того, кто размахивает ножом. Однако же Янош обучал меня, что делать, когда на безоружного нападает несколько вооруженных врагов. Есть несколько способов лишить соперника ножа и уничтожить, в зависимости от того, как он держит нож — лезвием вниз или вверх, грозно размахивая им перед собой. Что же касается человека, который подобно Равелину двигается к тебе не торопясь, левым боком, держа кинжал сзади, прижатым к бедру, а свободная рука при этом вытянута вперед, готовая отбить удар… Янош в таких случаях мрачно улыбался и говорил нам, что существует выбор: сбежать или умереть.

Я тоже двигался к нему боком, выставив руки, согнутые в локтях, надеясь при его резком выпаде ухватить за запястье, а потом поставить быструю подножку. Как меня учили, я следил только за глазами противника, зная, что сразу уловлю момент начала опасного движения. Он пару раз попытался достать меня кулаком, но я каждый раз уворачивался. Наконец лезвие прочертило воздух, я отбил удар, получив рану в ладонь, но, к счастью, неглубокую. Я не стал обращать внимание на эту рану, и мы вновь пошли по кругу.

Он немного изменил тактику, атакуя решительнее и заставляя меня отступать. Постепенно он прижмет меня к границе купола и пригвоздит, как бабочку, к стене. Я сделал еще шаг назад, и опорная нога, задев о колонну, лишила меня равновесия. Равелин тут же прыгнул вперед, целя в сердце, но я сумел отскочить в сторону. Лезвие чиркнуло по груди, но мой кулак угодил ему в лицо на встречном движении. Он засопел, застонал и отшатнулся назад. У него был сломан нос, из ноздрей текла кровь. Но боевую хватку ножа он не ослабил.

— Давно ли вы последний раз испытывали боль, меньшее величество? — сказал я, решив, что на человека, так любящего слушать себя, должны сильно действовать оскорбления. — Давно ли, принц-который-никогда-не-будет-королем? Может быть, ощущаете слабость? А может быть, и поплакать хочется?

Губы его дрогнули, ноздри раздулись, он пригнулся и сделал короткий шаг вперед. Через мгновение он должен сделать выпад. Я был уже полностью готов к такой атаке. Противник был раздражен, а я спокоен и сконцентрирован.

Но выпада так и не последовало. Наверху что-то щелкнуло и заскрипело. Равелин посмотрел туда, разинул рот… Огромный обломок навеса над сценой обрушился на принца, как башмак на скорпиона. Он умер, даже не успев вскрикнуть, и тут же исчез его купол…

Под лунным светом меня вновь окружали только руины города. Я поглядел на вершину колонны, откуда Равелина настигла смерть. Там замерцал воздух и соткался в призрачную фигуру.

— Халаб, — выдохнул я.

Я услыхал, скорее всего в мозгу, чем извне, тихий голос:

— Принц не знал законов всех миров. Даже дух может перемещать материальные вещи. Если призыв к нему велик.

Последовала тишина, прерываемая лишь шумом реки внизу, а затем вновь послышался голос Халаба:

— Я отомщен, и дух мой больше не будет скитаться. И я ухожу теперь той тропою, которую ты недавно открыл для Инза.

Я склонил голову:

— Прощай, брат мой.

И я в последний раз услыхал голос Халаба:

— Прощай, Амальрик. Осталась только одна задача. Я не смогу больше быть рядом, не смогу помочь. Но задачу эту надо решить. Ради тебя, ради семьи, ради Ориссы и ради всего этого мира. Последний раз я поддержу тебя. Пусть это поможет тебе.

И я ощутил безмерную пустоту. Что-то исчезло… То, что находилось рядом со мной все эти годы, с того дня, как отец вернулся из дворца воскресителей с сообщением о смерти Халаба.

Я глубоко вздохнул. Да. Оставалось последнее дело.

Глава двадцать седьмая
ПОСЛЕДНИЕ ЧАРЫ

Теперь почти нечего было бояться среди руин этого проклятого города и катакомб внизу. Я прихватил с собой клинок Равелина и направился обратно по улицам, туда, где чернел вход в логово Равелина. Я шел так уверенно, словно двигался по улицам Ориссы. Я спускался по ступеням вниз, вниз, вниз, понимая, что я первая жертва принца, которой удалось сделать это. Я миновал распростертое тело Грифа, подумав, может, сыпануть на него горсть земли, но не стал. Слишком много зла совершил этот человек, чтобы его дух упокоился с миром; он заслужил, чтобы скитаться по этим подземельям вечно.

К причалу по-прежнему была привязана черная лодка. Я отвязал ее и ступил на палубу. Несомый течением, я вырулил лодку к черной пасти пещеры. Пройдя ее, я оказался в темной реке, несущей воды вниз, к Ирайе. Судно слушалось малейшего моего движения.

К городу я приблизился уже перед самым рассветом. Мне хотелось поскорее оказаться в своем дворце, где, наверное, мучилась неизвестностью Омери. Но я понимал, что сейчас должен встретиться с Яношем, и не только ради моего народа, но ради всех тех, кто порабощен магами. До сего дня я не мог себе представить, чем может кончиться наше с ним противостояние. Но ради спасения моей души я молился, чтобы намерения мои были чисты и не запятнаны желанием мести.

Когда над спокойной водой показался дом Яноша, я швырнул в реку кинжал Равелина. В рассветных сумерках сверкнуло магическое лезвие и исчезло. Я пришвартовался к тому же месту на причале, где раньше стояла лодочка той плачущей женщины. Никаких слуг или охраны нигде не было видно. Я прокрался по ступенькам вверх и с удивлением обнаружил, что одна из дверей дома открыта настежь. Может быть, подумал я, это тот самый последний дар, обещанный мне Халабом? Я проскользнул внутрь, не зная, насколько близко я могу подобраться к Яношу, пока его заклинания не протрубят тревогу, и продолжал осторожно двигаться вперед, подобно хорьку, вышедшему на охоту. Факелы и лампы, освещающие это громадное здание, догорали, но за окнами уже занимался рассвет, становилось все светлее. Удивление мое все возрастало, поскольку по-прежнему не встречались ни охрана, ни слуги. Наконец я добрался до внутреннего двора и расположенной там башни, где должен находиться Янош. Я поднялся по ступеням к спальне Яноша, находящейся под кабинетом, где творил он свои заклинания.

Янош, раскинувшись, лежал на огромной кровати. Он был один. На нем была лишь шелковая набедренная повязка. Он крепко спал, так крепко, что я подумал, уж не заколдован ли он. И моя решимость куда-то пропала. Я застыл, словно угодив в трясину, в ногах у его постели. И тогда я тихо произнес его имя. Янош резко открыл глаза, мгновенно перекатился на бок и вскочил на ноги, готовый к броску, как смертельно опасный леопард.

Он мгновенно понял, что произошло.

— Ты убил его? Ты убил Равелина? — В голосе слышалось недоверие. — И я ничего не почувствовал? Как это могло быть?

Я не отвечал, лишь потрясенно смотрел на Яноша. Всего два дня назад я удивлялся, как он постарел. Но теперь он выглядел так, словно несколько десятилетий прошло с того момента, как мы смотрелись в зеркало в кабинете наверху. Там, где волосы были лишь

тронуты сединой, свисали седые космы, а лицо избороздили морщины семидесятилетнего старика. Но еще хуже того — в облике Яноша проступило и зло, то самое зло, которое я видел в лицах Равелина и Мортациуса. Так же изменился и взгляд Яноша. Если раньше в глазах горела ярость орла, то теперь — мрачная свирепость пожирателя падали.

Но больше всего о его изменениях говорила та самая фигурка, которую он носил на шее: танцующая девушка из Далеких Королевств, которую подарил ему отец. В течение нашего путешествия она восстановила свою форму, и в последний раз, когда я ее видел, она представляла собой блестящее и прекрасное создание гениального художника. Теперь же она вновь истерлась и обломилась у бедер и выглядела так же, как в первый раз, когда я увидел ее в кабачке в Ориссе. И я понял, что хотя мучили, травили и терзали меня, но… за свое предательство именно Янош заплатил самую высокую цену.

Я ничего больше не говорил, лишь молча смотрел на него. Он отвел взгляд в сторону… Впервые Янош не мог глядеть мне в глаза.

— Что тебе было обещано? — спросил я и заметил, что в моем голосе нет злости, хотя, казалось бы, все годы нашей дружбы давали мне повод воспылать гневом. — Сколько серебра и золота предложили тебе в награду?

Зато на его лице отразилась злость.

— Дело не в цене, — прошипел он. — То, что я делал… было необходимостью. Тебя надо было уничтожить… А ты уничтожил все.

Я собрал все свое спокойствие:

— Что все, Янош? Мне повезло, — я вспомнил, что Равелин говорил о нашем везении, — и я остался в живых. И теперь тьма Равелина не обрушится на наши земли. И теперь мы знаем цену Далеким Королевствам. Даже если король Домас вышлет нас за убийство своего брата, что из этого? Мы в состоянии достичь того же, что и они… и даже больше. Ты это все имеешь в виду? Или все — это обломок твоего тщеславия и потеря твоего черного покровителя?

— Равелин был нам нужен, — сказал Янош. — Он был нужен мне. Он бы стал моим пьедесталом. Он бы стал моим орудием.

— С какой целью? Чтобы ты принес миру еще больше зла, чем он? Чтобы ты стал демоном еще более сильным, чем он? Чтобы ты, в конце концов, правя огнем и плеткой, заставил людей поминать принца как благодетеля по сравнению с тобой?

— Слова, слова, Антеро, — простонал Янош. — Ты все пользуешься словами, смысла которых не понимаешь или у которых вообще нет смысла. Зло… добро… Мы стоим на пороге другой эры, где забудутся жалкие понятия и детский лепет наших родителей и наставников. Говорят, что был некогда золотой век, когда люди чувствовали себя богами. Не было никогда такого века. С тех пор как мир сформировался из грязи, не было ничего, кроме барахтанья в трясине, иногда — недолгий прорыв к свету, а затем опять погружение в бездонное болото. Равелин должен был помочь мне разогнать тучи бессилия и невежества навеки. И люди стали бы если не богами, то почти богами. Если бы не твое вмешательство. Если бы не один мелкий торгаш, ничего не видящий, кроме прибыли, и у которого в голове нет ничего, кроме смутных понятий о каком-то добре. И это в мире, где нет ничего, кроме хищника и жертвы. У всех у нас был лишь один шанс. Неужели ты не понимаешь? Шанс, за который надо поклониться реальному богу, создавшему этот шанс на краткий миг, чтобы человек мог наконец подняться над собой.

Я понял, что наши с ним пути разошлись навсегда.

— Боги, — сказал я тоже со злостью в голосе. — Ты утверждаешь, что я пользуюсь словами, смысла которых не понимаю. Хорошо, но вот только этот мелкий торгаш никак не разберется с твоими словами, среди которых и слово «боги». А другое слово — «новый век», о котором ты упомянул. Если суждено нам быть богами, то всем нам, малодушным созданиям, надобно бы смотреть на лик Яноша Серый Плащ и видеть в нем благообразное свечение того будущего, которое он обещает. А ты посмотри на себя. Твое лицо отражает то, кем ты стал, приятель! Ты же просто похож на маразматика, который пьяно бормочет о

благословенном завтра, при этом радостно ковыряясь в кормушке для свиней. Янош, неужели ты не понимаешь? Я вспоминаю время, когда ты говорил о тех чудесах, которые мы принесем из Далеких Королевств… чудесах для всех. А вместо этого к чему ты стремишься теперь? Ты рассказывал мне о том, что в песчинке есть мириады составляющих. Я не понимал этого. Но зато видел бедную женщину в лодке, рыдающую перед твоим домом. Что ты дал ей, Серый Плащ? Ты сделал ее или ее детей подобными богам? А теперь посмотри на себя, мой бывший друг. И ответь на вопрос простого торговца: почему, если ты рвешься к небесам, у тебя лик демона?

Янош не отвел взгляда. Он явно все больше презирал меня, не скрывая злости.

— Знания, могущество имеют свою цену, — сказал он. — И ты, если не ребенок, должен бы знать это.

Мы долго смотрели в упор друг на друга, и в этот момент проявился последний дар Халаба. Я понял, что должен делать, и сердце мое трепетало от того, что Яноша уже не спасти и, стало быть, решимость моя должна быть высечена из камня. Я старался найти другое решение, но его не было.

И проявилась вторая часть дара. Внезапно я увидел комнату двумя парами глаз, словно один мозг контролировал двух существ, стоящих друг против друга. Изображения дублировались и наслаивались. Не касалось это только Яноша. Его глаза сияли ярко, как лампы, и блеск их не был похож на тот свет, который излучала пустая глазница Грифа.

— Что ж, — пробормотал он, — так тому и быть.

Не отводя от меня взгляда, не меняя выражения лица, он припал на колено, схватил длинный кинжал, лежащий на полу, и ударил меня в живот. Но меня на этом месте уже не было. Третья и последняя часть дара Халаба уже вошла в меня. Я увидел этот кинжал еще до того, как рука Яноша отыскала его. Мне было дано знать его замыслы заранее.

— Нет, Янош, — сказал я. — Не делай этого. Никому из нас не надо умирать.

Я произносил слова, но они были пустыми. Я не лгал ему, просто какая-то последняя часть души противилась приближающейся развязке трагедии. Он не ответил, а вновь атаковал меня. Сверкнул кинжал, словно отлитый из одного куска золота, и каждая грань металла, отразив свет зари, миллионами искр осветила комнату. Выпад… и оружие проходит мимо меня, легко ускользающего в сторону.

Он вновь принял стойку, а я уже ухватил за рукоять саблю, о которой я и не глядя знал, что она должна быть там, куда я протяну руку. Я выхватил ее из ножен, висевших на прикроватном стуле. Клинок, который я держал, был тем самым простым солдатским оружием, которым Янош разогнал сводников Мелины, спасая меня. Когда вылетело лезвие, Янош нанес еще один удар, на этот раз целя в лицо. Навстречу поднялось мое оружие, парировало удар со звоном, и этот драгоценный кинжал разлетелся, как упавшая сосулька.

Кусочки его еще были в воздухе, когда моя сабля обрушилась на плечо противника. Он схватился за обессилевшую руку, а я сделал выпад. Все мышцы, все нервы, каждая часть тела и души вложились в сабельный укол. Он пришелся в легкие Яноша. Пройдя сквозь тело, окровавленная сталь на шесть дюймов вышла из его спины. И последний дар Халаба, дар, легший проклятием на мое сердце, пропал.

За прошедшие затем секунды, показавшиеся вечностью, никто из нас не двинулся. Глаза Яноша стали громадными от удивления, как у тех провидцев, предсказания которых не сбылись. Он раскрыл рот, но вместо слов или воплей оттуда хлынула кровь. Он закачался. Я выпустил рукоять сабли. Янош сделал шаг вперед, затем опустился на колени, обеими руками пытаясь ухватиться за саблю, погруженную ему в грудь. И упал на спину. Над ним торчала, возвышаясь, сабля. Он закрыл глаза, затем открыл, устремляя взгляд на мое лицо.

— Если… вытащить саблю, — хрипло прошептал он, — то с нею вылетит и моя душа.

Я кивнул. Взор мой затуманился, но не от магии. По лицу текли слезы.

— Я… помню, — сказал он, — как однажды рассказывал тебе у той таверны, где мы впервые встретились… что встретить рыжего человека — к удаче. — Он попытался улыбнуться и тут же хрипло закашлялся в последних усилиях. — По крайней мере… по

крайней мере, мы… нашли Далекие Королевства, — сказал он.

— Мы сделали это, — сказал я. — Мы сделали это.

Боль судорогой свела его тело.

— А теперь… теперь вытащи саблю, — сказал он, и голос был решительным. — Мне пора. Прощай.

Я вытащил лезвие. И тут же душа его полетела в объятия Черного искателя.

Яношш Кетер Серый Плащ, принц Костромы, капитан и рыцарь Ориссы, несостоявшийся цербер Равелина, открыватель Далеких Королевств и человек, прежде бывший моим другом, умер.

Глава двадцать восьмая
СВЯЩЕННАЯ ГОРА

И вот я подхожу к концу этого путешествия. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, то ощущаю на своих руках тяжесть тела Яноша, которого я поднимаю из повозки. Моим слезящимся глазам возвращается молодое зрение, и я отчетливо вижу ту тропу, по которой мы втащили повозку на вершину Священной горы. Сержант Мэйн и остальные наши люди подходят, предлагая помощь, но я приказываю им отойти. Я все должен сделать сам.

Я поднимаю мой груз и поворачиваюсь к грандиозным руинам алтаря старейшин. Спотыкаясь, я бреду к ним, слабый, как сейчас; я так устал, так устал, что молю вернуть мне силу юности, иначе я упаду. Перо мое дрожит от усилий, с которыми я поднимаю Яноша на камень. Я опускаю его и, задыхаясь, делаю шаг назад, чтобы видеть того человека, который привел нас сюда.

Вот, Яношш. Теперь я узнаю тебя, Серый Плащ. Я вижу на камне твое обнаженное тело, вижу рубцы неудач на этом теле. Но я еще не закончил. Мысли могут подождать пока я завершу мой труд. Мэйн передает мне фляжку, и я выливаю масло на труп Яноша. Теперь я должен помолиться, но я не знаю языка старейшин, поэтому я просто говорю: «Прощай, Яношш Серый Плащ».

Я разжигаю огонь и отступаю от его сердитых языков. Я вижу, как пламя яростно охватывает все тело. Языки пламени бьются там, над рубцами мага, и вот рубцы исчезают. Яношш меняется, становясь молодым и красивым, как в первый день нашей встречи.

Вот теперь черед тех мыслей, которые я на время отставил в сторону. Ты был моим другом, Яношш Серый Плащ, и ты предал меня. Впрочем, это было сказано тогда. А начал я свое повествование не для того, чтобы бередить старые раны, а чтобы исцелить рубцы от них, как алтарный огонь исцелил рубцы Яноша. В этой книге я намеревался совершить два путешествия: одно для тех, кто читает эти торопливые каракули, другое — для себя. Мы совершили грандиозное открытие, Серый Плащ и я. Мы отыскали Далекие Королевства. Но Серый Плащ пошел дальше в одиночестве. И с его открытиями мир уже не был бы таким, как прежде. Однако именно я вернул его обратно; и поверили мне. Но я никому не лгал, Яношш Серый Плащ. И не предавал, как Кассини. Мое перо стремится вычеркнуть эти ранящие строки. И я думаю, что же все-таки ты сделал для меня? Все, что я видел в жизни, и все, чем занимался позже, — все благодаря тебе. Ты освободил нас, Яношш. Ты похитил магию из скрытных сердец колдунов и сделал ее достоянием обычных людей. И теперь моя любимая Орисса наслаждается покоем и процветанием. Разве этого одного не достаточно для прощения?

Ну хорошо: я простил тебя, Яношш, и я простил себя за то, что не обладал такими знаниями, которые помогли бы спасти тебя. Ты был недобрый человек, Серый Плащ, но ты был великий человек, и именно это величие, а не я умертвило тебя.

С этим пониманием и прощением я приближаюсь к окончанию повествования. Но теперь я все увидел как бы заново. Я слышу, как Мэйн и остальные отдают Яношу последние почести. И я ощущаю ласковое присутствие Омери рядом. Она поднимает флейту, и звучит мелодия светлой печали. Подскакивают языки пламени, и тело изменяется еще раз — на этот

раз превращаясь в черный дым. Я чувствую, как налетает восточный ветер и поднимает дым к небу. Дым зависает, кружась, над нами, словно упросив ветер подождать.

Я вытираю увлажнившиеся глаза… и смотрю опять. И внезапно передо мной возникает кристально ясная картина. Дальше, на востоке, за ослепительно сияющими морями где, как говорят, уже не встретить живой души, над линией горизонта оптическим обманом поднимается горная гряда. Гряда эта выглядит как громадный сжатый кулак и между «большим пальцем» и «указательным» я вижу блеск свежего чистого снега. Этот каменный кулак в точности похож на тот, который я увидел, когда воскресители бросали кости перед началом нашего путешествия. И пока я пишу, изображение становится все четче. Но мне уже не отправиться туда, не отправиться.

Я гляжу на дым, бывший некогда Яношем, и вижу, как срывается с места ветер, устремляясь навстречу видению.

И я шепчу вслед: «Прощай, Янош Серый Плащ. Прощай, мой друг. Может быть, боги отправили тебя в последнее путешествие — к Далеким Королевствам нашей юности».